

П.В.КОПНИН

ДИАЛЕКТИКА
ЛОГИКА
НАУКА

Академия наук СССР

Институт философии

П. В. Копнин

ДИАЛЕКТИКА,
ЛОГИКА,
НАУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1973

Редакционная коллегия:
академик Б. М. КЕДРОВ (общая редакция),
доктора философских наук
В. М. БОГУСЛАВСКИЙ (отв. редактор),
Д. П. ГОРСКИЙ, П. В. ТАВАНЕЦ,
кандидат философских наук
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ

К $\frac{0152-0587}{042(02)-73}$ Б.3.26-6-73 г.

© Издательство «Наука», 1973 г.

Кроме монографий — таких, как «Введение в марксистскую гносеологию», «Логические основы науки», «Философские идеи В. И. Ленина и логика», — П. В. Копнина было опубликовано более двухсот научных работ. Из их числа в данный, второй том избранных философских трудов П. В. Копнина включено 29 работ, наиболее значимых как для позитивного решения вопросов, стоящих в наши дни перед марксистско-ленинской философией, так и для успешной борьбы против современных реакционных философских направлений. Часть этих работ публикуется с некоторыми сокращениями.

Вместе с тем отбор работ, включенных в данный том, производился с таким расчетом, чтобы по возможности полно представить важнейшие этапы и стороны научного творчества П. В. Копнина. В том вошли результаты его исследований, опубликованные в различные годы в СССР и за рубежом в Ученых записках, периодических изданиях, в философских сборниках и в отдельных изданиях. Но в данном томе работы расположены не по хронологическому, а по тематическому принципу, что позволило сгруппировать их в шесть разделов: раздел, где помещены работы о ленинском этапе в развитии философии марксизма; раздел проблем гносеологии и логики научного исследования; раздел, где рассматриваются различные аспекты проблемы мышление и язык; раздел, где исследуются некоторые этапы исторического развития философии, методологические вопросы историко-философского исследования и вопрос о предмете философии; раздел, посвященный философским вопросам естествознания, а также проблеме техника и общество; наконец, раздел, освещающий один интересный момент в развитии логики в России.

Примечания к этому тому написаны академиком Б. М. Кедровым.

В первый том избранных философских трудов П. В. Копнина (издательство «Наука», 1973) вошла его книга «Диалектика как теория познания и логика», представляющая собой переработанную самим автором его монографию, вышедшую в 1969 г. под названием «Философские идеи В. И. Ленина и логика». В этом томе опубликованы также: предисловие «От Института философии АН СССР», написанное Б. М. Кедровым, научно-библиографический очерк «Павел Васильевич Копнин», написанный Д. П. Горским и В. А. Лекторским, и «Библиография научных трудов

П. В. Копнина», составленная сотрудником библиотеки Института философии АН УССР Корчинской Т. А. и работниками библиотеки Института философии АН СССР.

В третий том «Проблемы логики и методологии науки» (подготавливаемый к выходу в свет в издательстве «Мысль») войдут две монографии П. В. Копнина, изданные в свое время в Киеве и представляющие теперь библиографическую редкость.

Общую редакцию всех трех томов провела редколлегия в составе академика Б. М. Кедрова (председатель), докторов философских наук В. М. Богуславского, Д. П. Горского, П. В. Тавапца и кандидата философских наук В. А. Лекторского. Редактирование первого тома осуществил В. А. Лекторский, составление и редактирование второго тома — В. М. Богуславский при участии Б. М. Кедрова и Е. П. Никитина, третий том редактирует и готовит к печати И. Г. Герасимов.

Научно-вспомогательную работу по подготовке первого тома к печати вела З. В. Бахтина, второго тома — Н. И. Сорокоумская и Т. Ф. Латыпская.

ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

1. ЛЕНИНСКИЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

а) Роль В. И. Ленина в развитии философии

Роль мыслителя в развитии философских идей в основном определяется тем, насколько он мог выразить свою эпоху, ее особенности и устремления. Величие Аристотеля, Декарта, Гегеля и Маркса состоит в том, что они лучше, точнее и полнее своих современников философски осмыслили свое время, ведущие тенденции движения общества, ход развития научного знания. При этом философия призвана не просто описывать эпоху, а отражать ее сущность в своих законах и категориях, определяющих общий метод дальнейшего познания и преобразования мира.

Античный мир нашел свое наиболее полное отражение у Аристотеля. Декарт выразил в своей философии эпоху становления капиталистических отношений, ее разум со всеми его сильными и слабыми сторонами. В системе Гегеля проглядывает общество накануне и в период буржуазной революции со всеми его противоречиями и довольно развитой духовной жизнью, устремленной в неясное будущее. К. Маркс наиболее полно и глубоко постиг законы функционирования буржуазного общества, его экономику, культуру и науку, присущие ему коллизии, делающие неизбежной его гибель и замену социалистическим способом производства. На этой основе он произвел коренную перестройку всей предшествующей философии, создал новое научное мировоззрение.

Что характерно для эпохи, в которой жил и творил В. И. Ленин, какие задачи она поставила перед философией?

Капитализм вступил в новую стадию своего развития — империализм, являющийся кануном социалистической революции; в мире развернулось мощное революционное движение рабочего класса, началась национально-освободительная борьба в колониальных и зависимых странах за свободу и независимость от иностранного гнета. Социалистическая революция из реальной перспективы стала практикой социального движения, а Ве-

ликая Октябрьская социалистическая революция положила начало переходу общества от капитализма к социализму. На рубеже двух столетий началась революция в физике, которая потом захватила другие области естественной науки.

Таким образом, В. И. Ленин жил в эпоху грандиозных революционных сдвигов, коренным образом меняющих общественную жизнь людей и естественнонаучную картину мира.

Эта новая всемирно-историческая эпоха поставила перед философией множество проблем, относящихся к бытию человека в мире, к перспективам развития человечества, потребовала изменений в мировоззрении людей.

Философ подходит к анализу своей эпохи с определенным методом, который он берет у своих предшественников и изменяет в ходе исследования. Такие изменения совершенно необходимы при соприкосновении метода, выработанного в ходе изучения одной действительности, с другой, изменившейся. В. И. Ленин взял метод К. Маркса — материалистическую диалектику, ибо она, в сущности своей революционная и критичная, наиболее соответствовала анализируемой эпохе революционной ломки старого общества и прежних естественнонаучных представлений. Но строгое следование этому методу само предполагает развитие последнего в новых исторических условиях. Соответственно ленинская методология осмысления социальных процессов в целом опирается на доктрину и метод, выработанные К. Марксом, и вместе с тем является их дальнейшим развитием и обогащением применительно к решению новых вопросов, вставших в эпоху империализма, когда социалистическая революция и проблема строительства нового общества встала во весь рост в качестве задачи, выдвигаемой непосредственно практикой.

Сущностью метода В. И. Ленина является обнаружение объективной истины путем конкретного анализа конкретно-сложившейся исторической ситуации на основе выработанных историей познания категорий мышления. В результате такого анализа исследуемого объекта создается новая теоретическая система, выходящая за пределы прежних понятий науки и обогащающая сами философские категории новым содержанием, т. е. совершенствующая сам философский метод.

Общая характеристика научной методологии В. И. Ленина показывает, что она диаметрально противоположна двум концепциям, которые уже сложились в ходе истории познания социальных процессов: 1) волюнтаристски-субъективистской и 2) пассивно-объективистской. Первая рассматривает активную деятельность личности в качестве альтернативы объективной закономерности, а вторая, наоборот, пытается рассмотреть процесс социального движения совершенно независимо от практической деятельности людей.

Философскому методу В. И. Ленина чужд, с одной стороны, субъективизм, рассмотрение объективных процессов под углом

зрения предвзятых оценок и установок, субъективных мнений людей, а с другой стороны,— созерцательный объективизм, ставящий человека в безысходную зависимость от естественной необходимости движения вещей, процессов природы и общественной жизни. «...*Объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»¹—этот принцип лежит в фундаменте материалистической диалектики, составляет ее важнейший элемент. Но объективность, научная истина и художественная правда важны потому, что в них выражен сам предмет, его свойства, отношения и закономерности, которые постигаются для целей активной деятельности человека, не для подчинения объекту — природе и общественным силам, а для господства над ними, осуществляемого через практику.

Одни обвиняют В. И. Ленина в следовании механическому детерминизму, другие, наоборот, в волюнтаризме. В действительности же, В. И. Ленин продолжал идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, разрабатывал новый тип социального детерминизма, исходящего, с одной стороны, из объективных закономерностей развития общества, а с другой — из роли активно преобразующей мир деятельности человека, класса и партии. Объективная необходимость движения в обществе не означает автоматизма смены одной общественно-экономической формации другой. Социальная закономерность и деятельность масс не два рядоположенных и взаимоисключающих фактора. Новая социальная действительность создается революционной человеческой практикой, основывающейся на объективных законах движения общества.

Социальная закономерность таит в себе ряд возможностей, тенденций и ставит человека (класс, партию) перед выбором — пойдет ли он стихийно в русле одной какой-либо из них и будет вовлечен в соответствующий общественный процесс или же сознательно выберет возможность, ведущую к дальнейшему прогрессу, и сосредоточит всю свою деятельность, творчество и инициативу на ее практической реализации и таким образом направит социальное развитие по иному пути. Поэтому марксистско-ленинское понимание социального детерминизма исходит из диалектики объективного и субъективного, включает активную деятельность человека в процесс движения к новой социальной действительности.

Отсюда видна совершенная беспочвенность всех утверждений, будто марксизм ставит за спиной человека только экономические силы и законы, игнорируя его собственный потенциал в истории. Именно В. И. Ленин, развивая идеи Маркса, обосновал теоретически, а Октябрьская революция доказала практически, что социализм и коммунизм как новая общественная реальность наступает в результате активной деятельности широких масс,

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 202.

рабочего класса и его партии, опирающихся на знание объективных законов истории.

Не отсутствие или недостаточная разработка марксовой концепции человека как практического, творческого существа, преобразующего мир, характеризует общую структуру ленинского мышления, как часто заявляют «критики» ленинизма, а, напротив, именно В. И. Ленин чрезвычайно много сделал для дальнейшей разработки этой концепции применительно к новым историческим условиям. Именно он глубже, чем кто-либо из последователей Маркса и Энгельса, разрабатывал диалектику субъективного и объективного, проблемы субъективного фактора, вопросы роли специфически человеческого момента в общественном развитии. Если Маркс отмечал в знаменитых «Тезисах о Фейербахе», что философы лишь различным образом объясняли мир, но задача заключается в том, чтобы его переделать, то именно в этом пункте, в теории и практике революционной переделки мира на началах социализма и коммунизма ленинизм сделал существенный шаг по сравнению с Марксом и Энгельсом.

Активность и творчество широких масс В. И. Ленин отнюдь не рассматривал как внешнее дополнение к некой механически действующей закономерности. Активность народа, базирующуюся на строгом научном расчете и учете объективных условий и возможностей, В. И. Ленин рассматривал как нечто неотъемлемое, определяющее специфику социализма.

В истории классовой борьбы рабочего класса против капитализма были периоды, когда вопросы философии приобретали особую актуальность, и В. И. Ленин много сделал для развития теории диалектики. Здесь важное значение имеет ленинский тезис *о единстве, тождестве диалектики, логики и теории познания*. В этом тезисе выражается существо марксистско-ленинского понимания диалектики как научного метода познания. Искусство мышления состоит в овладении объективными законами и формами развития знания, в определении таящихся в сложившейся исторической ситуации возможностей движения социальных процессов, в превращении закономерностей в сознательно используемые приемы и принципы, метод научного исследования. В этом тезисе выражается, что именно диалектика есть логика развития человеческого знания, адекватная самой действительности.

В. И. Ленин четко сформулировал задачу разработки диалектической логики как логики противоречий — как метода вскрытия и разрешения объективных, диалектических противоречий процесса развития. В противоречиях действительности заключается живой источник поступательного процесса и новообразования. И точно так же в противоречиях и их разрешении заключается внутренняя сила творческого развития теоретической мысли, познающей действительность. Быть марксистом-ленинцем — значит уметь вскрывать противоречия действительности, какую бы форму они ни имели.

В. И. Ленин, вслед за Ф. Энгельсом, настойчиво проводил положение, что диалектический метод научно-теоретического мышления не дан человеку от рождения, он выработан в процессе исторического развития философии, являясь высшим достижением и синтезом интеллектуальной культуры человечества. Логика мышления органически связана с его историей. В ленинское понимание задач систематической разработки теории материалистической диалектики входят: 1) теоретическое осмысление истории философских идей, логики их движения; особенно он выделял материалистическую переработку диалектики Гегеля; 2) освоение и развитие метода мышления К. Маркса, получившего наиболее полное выражение в «Капитале»; 3) философское осмысление данных современного научного познания.

«Продолжение дела Гегеля и Маркса,— писал В. И. Ленин,— должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»². И все это должно быть направлено на постижение в формах мысли реальной исторической действительности, противоречий ее движения на основе сочетания трезвого научного анализа с партийностью, с обоснованием и развитием материалистического мировоззрения.

При этом ленинизм не изолирует себя не только от предшествовавшей культуры, но и от достижений мысли, которые имеются в современных философских и социологических течениях, отличных от марксизма и даже прямо противоположных ему. Он не боится того, что какой-то край истины может быть раньше замечен и схвачен ими, а готов, переработав, овладеть всеми действительными результатами человеческого духа и поставить их на службу цивилизации, движущейся к новым формам жизни. И если есть что-то заслуживающее внимания в современном экзистенциализме, гуссерлианстве, неопозитивизме и т. п., то это что-то надо не предавать анафеме, а стараться понять, осознать и в критически переработанном виде включить в свой собственный синтез. Иными словами, не боязнь теоретической мысли, идущей вне ленинизма, не игнорирование ее и не создание нищенской похлебки из кусочков чужих концепций, а критическое овладение всем богатством человеческого интеллекта на основе своего собственного метода — вот существо действительно-го ленинского подхода к результатам духовной культуры, ко всей предшествовавшей практике человека.

Философией марксизма является материализм. Это положение сейчас оспаривается некоторыми зарубежными авторами, которые говорят, что К. Маркс не был материалистом в философии вообще, хотя для характеристики своей ранней позиции употреблял термин материализм, но совершенно в ином смысле, чем потом Ф. Энгельс и В. И. Ленин.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 131.

В этом отношении заслуживает внимания ставящаяся модной в буржуазных кругах характеристика философской позиции К. Маркса как «субъективного материализма». Под последним разумеется теория практики, рассматривающая человеческую структуру практики на материалистической основе. Этот так называемый субъективный материализм, противопоставляемый объективному или онтологическому материализму, является конвергированием марксизма с экзистенциализмом. На самом деле В. И. Ленин был сторонником философского материализма К. Маркса и придал ему форму, соответствующую новому опыту осознания и преобразования мира.

В. И. Ленин ставил своей задачей дальнейшее развитие материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, углубляя его совпадение с гуманизмом посредством связи с социалистическим движением, с практикой пролетарской революции, считавшей своей задачей практическое освобождение человека, а также посредством связи с развитием науки, в частности с естествознанием, поскольку сама наука составляет важный и глубоко гуманистический по существу элемент человеческой деятельности. Вот почему В. И. Ленин — один из первых философов-марксистов — обратил внимание на новейшую революцию в естествознании.

К революции в естествознании, которая явилась предпосылкой современной научно-технической революции, возможен различный подход. Во-первых, можно по существу не заметить и не увидеть ее значения для развития философии. Вот так приблизительно сделал Г. В. Плеханов, который в своих философских работах, и в частности в критике махизма, прошел мимо такого явления, как связь эмпириокритицизма с определенными тенденциями в области естественных наук.

Существовал еще один подход философов к революции в естествознании. Заметить эту революцию, поставить ее в центр своих рассуждений, попытаться ее результаты использовать для философских обобщений, но при этом обнаружить полное непонимание ее сущности и использовать по возможности ее результаты для обоснования идеалистических философских концепций — такой подход характерен для махизма, или эмпириокритицизма, а также для других направлений современной буржуазной философии.

Некоторые направления в современной буржуазной философии по-своему, отлично от махизма, обрабатывают результаты достижений науки и техники, например, видят в революции в науке и технике угрозу человеческой личности, но основной вывод в конечном счете делается тот же: результатами научных достижений обосновать какую-либо форму идеалистического мировоззрения. В. И. Ленин обратил самое пристальное внимание на ситуацию, сложившуюся в естествознании, в особенности в физике, еще в тот момент, когда революция здесь только что началась. И не только в «Материализме и эмпириокритицизме», но и во

многих последующих работах он призывал марксистов следить за развитием естественнонаучного знания.

В чем же сущность ленинского подхода к революции в естествознании, в особенности в физике, поскольку он имел дело в основном с коренными изменениями в этой области знания?

Прежде всего чрезвычайно важно отметить, что В. И. Ленин не ставил своей задачей решить при этом какие-то специальные вопросы физики или другой области естествознания. «Нас интересуют,— писал он,— исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий»³. Именно с этой философской стороны В. И. Ленин и подходил к анализу революции в физике.

Мы не скажем ничего нового, когда содержание революции в физике увидим в ломке старых понятий и теорий и создании новых. В самом деле, какая это была бы революция, если бы она не отвергла старые построения и не выдвинула новых. И в этом смысле революция, которая началась в естествознании на грани двух столетий, ничем не отличалась от всех других переворотов, которые ранее совершались в науке. В таком случае философу можно было бы пройти мимо нее, как довольно обычного явления в науке. Но дело обстояло не так. С философской точки зрения она оказалась примечательной во многих отношениях.

Прежде всего открытия в новейшей физике поставили вопрос о типе материализма, о том, что естествознание вообще и физика в частности должны подняться на новый уровень философского мышления, а не просто перейти от одних специальных теорий к другим. «...Если *все* развивается,— писал В. И. Ленин,— то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»⁴. В этом В. И. Ленин увидел сущность революционных изменений в естествознании, если к ним подойти с точки зрения теории познания. Уже на первых страницах V главы «Материализма и эмпириокритицизма», посвященной новейшей революции в естествознании, он приводит следующие слова Ф. Энгельса из «Людвига Фейербаха»: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму»⁵.

Революция в естествознании подтверждает диалектический материализм, но мы не должны просто упиваться этим и остановить свою творческую мысль. Если сам диалектический материализм не сделает определенных выводов из этой революции,

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 266.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 229.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 286.

то в своем дальнейшем развитии эта революция может прийти к таким результатам, которые уже будут противоречить конкретной форме, в которой выражена материалистическая диалектика. Поэтому В. И. Ленин призывал к творческому развитию материалистической диалектики, к «пересмотру» содержания ее категорий, внесению в них необходимых изменений, которые требуются ходом движения научного знания, созданию новых философских понятий.

Сам В. И. Ленин внес изменения в понимание категорий диалектического материализма, начиная с основной из них — материи. Ленинское определение материи, с одной стороны, подводит итог длительного развития философской мысли, которая шла по пути материализма, а с другой — учитывает результаты революции в физике и вообще возможные изменения в научных представлениях о строении и свойстве вещества, в какой бы форме оно ни находилось: полей, частиц, атомов, молекул, организмов и т. п. И это касается не только понятия «материи», но и всех других категорий марксистской философии, развитие которой предполагает не только обогащение прежних, но и выдвигание, обоснование новых понятий, выполняющих функции категорий научного мышления.

В результате теоретических усилий В. И. Ленина диалектический материализм принял ту форму, которая соответствует уровню современной практики и познания.

Разумеется, В. И. Ленин, как и другие философы, не дал и не мог дать готовых ответов на те вопросы, которые возникают сейчас в ходе нашего движения, в частности развития науки. Но он оставил метод, творческое применение которого является непременным условием плодотворного развития философской мысли.

б) Ленинская трактовка вопросов диалектического материализма

В мировой литературе выдвигаются самые различные концепции оценки философских идей В. И. Ленина.

Одна из них очень проста. Она исходит из утверждения, что В. И. Ленин был великим политическим деятелем и революционером. Может быть, он имеет заслуги в области социологической мысли, но он не был философом, его философские опыты либо не закончены, как «Философские тетради», либо не стоят на уровне мировой мысли, как «Материализм и эмпириокритицизм». При этом проводится мысль, что для великого политического деятеля не только не обязательно быть крупным философским теоретиком, но, возможно, и вредно.

Эта точка зрения, которую можно встретить даже на страницах современной коммунистической печати, на первый взгляд, кажется, не умаляет роли В. И. Ленина в развитии общественной

мысли, она только ограничивает ее социологией и политикой. На самом же деле это не так. Социологические и политические идеи В. И. Ленина базируются на его философском методе изучения явлений. В. И. Ленин как политик и социолог неотделим от Ленина-философа, по-новому подходящего к анализу живой действительности. В основе его политической деятельности лежит разработанный им дальше философский метод К. Маркса.

В этой связи философии с политикой некоторые критики видят инструментализм В. И. Ленина в подходе к философии. В устах Джордана (Z. A. Jordan) в статье «Диалектический материализм В. И. Ленина» как упрек звучат слова: «Все мировоззрение и жизнь Ленина были приспособлены к потребностям революции; он приобретал знания, будь то по экономике сельского хозяйства или философии, для борьбы и деятельности; он не терпел размышлений ради размышлений и не видел пользы в знаниях, приобретаемых ради них самих»⁶.

Размышлениями В. И. Ленин занимался и глубоко размышлял об эпохе своего времени, о задачах борьбы пролетариата, национально-освободительном движении, новейших достижениях науки, в частности физики, систематически разрабатывал марксистский метод познания и практического действия, руководствуясь «образцами применения диалектики у Маркса»⁷.

И в самом деле, все эти глубокие размышления В. И. Ленина теснейшим образом связаны с практикой революционной борьбы, ибо он отчетливо понимал, что философская мысль не может сделать действительного шага вперед, не решая проблем, выдвигаемых социальной практикой времени.

Сейчас распространяется и другая точка зрения, согласно которой признается, что В. И. Ленин внес определенный вклад в движение философской мысли, но он не был «настоящим марксистом». Вслед за Ф. Энгельсом он отошел от Маркса в самых коренных философских проблемах: 1) К. Маркс был гуманистом, а В. И. Ленин — сциентистом; 2) в центре идей К. Маркса стояла теория человека, а у В. И. Ленина — диалектический материализм как учение о наиболее общих законах природы, общества и человека; 3) К. Маркс преодолел созерцательный материализм, а В. И. Ленин был адептом этого материализма, всячески защищая теорию отражения. В этой связи говорят о том, что В. И. Ленин был одним из крупных мыслителей, который произвел «ревизию» философии К. Маркса, а также в некоторых вопросах и Ф. Энгельса.

Конечно, философские идеи В. И. Ленина не были простым повторением положений К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин был оригинальным мыслителем, ставящим и решающим новые проблемы. Жизнь заставляла его идти дальше К. Маркса и

⁶ «Slavic Review», 1966, vol. 25, N 2, p. 285.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 30.

Ф. Энгельса и в этом отношении «ревизовать» некоторые положения основоположников. В отношении некоторых идей Энгельса Ленин писал следующим образом: «...ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не включает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом. Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чисто ревизионистский* прием — изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его, перенимать основные положения реакционной буржуазной философии...»⁸

В дальнейшем развитии идей К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин шел путем, который определяется духом марксизма. Характерной особенностью В. И. Ленина как философа является сочетание строгого следования методу марксизма с новаторством в постановке и решении новых проблем, вытекающих из практики развития общества и науки.

В. И. Ленин следовал К. Марксу и Ф. Энгельсу в понимании предмета и задач философии. Сейчас поставлена дилемма: природа или человек и его общество, где подлинная диалектика, в первом или во втором? Но для В. И. Ленина, как и для К. Маркса и Ф. Энгельса, не стояло проблемы выбора между природой и обществом, ибо в изоляции друг от друга их нельзя понять. Отстаивая в борьбе против субъективного идеализма махистов тезис философского материализма: природа существовала и существует до и независимо от человека, В. И. Ленин, как и К. Маркс, исходит из того, что она постигается человеком как объект не созерцания, а чувственно-материальной деятельности, став предметом его практики.

В марксизме нет отдельно взятых философии природы или философии общества, он является единым мировоззрением, в центре которого стоит человечество, историческое движение которого невозможно уяснить без познания законов природы, выступающих принципами практического и теоретического действия человека.

Перед философией в качестве главной задачи стоит изучение объективных закономерностей движения вещей, процессов и отношений. Познание этих закономерностей и выступает основой инициативы и творчества людей. В. И. Ленин, следуя доктрине К. Маркса о человеке как творце, рассматривал проблему человека в связи с его бытием в объективном мире, в процессе общественного освоения им природной действительности и создания культуры. Природа органически входит в диалектику объективной реальности, составляющей основу предметной деятельности человека.

На примере понимания социального детерминизма видно, что сердцевиной марксистской философии для Ленина выступает ма-

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 265—266.

териалистическая диалектика, ибо на основе ее метода решаются другие сложные философские проблемы.

В. И. Ленин не создавал нового типа диалектики, а развивал в новых исторических условиях метод, начало которому положил К. Маркс. В современной зарубежной философской литературе имеются тенденции: 1) оторвать ленинизм и его философское учение от марксизма; 2) в самом ленинизме наметить разные слои, ближе или дальше стоящие от его сути. В этих тенденциях выражено не только непонимание сути ленинизма, хотя и оно имеет место, но и классовое стремление к принижению содержания и значения ленинского этапа в развитии марксистской философии.

Развивая марксистскую философию, В. И. Ленин придал материалистической диалектике форму, соответствующую новому опыту осознания и преобразования мира, в соответствии с которым он произвел пересмотр философских категорий, обогатил их содержанием, выражающим особенности и потребности человеческого познания на ином этапе.

Ленинский этап в развитии марксистской философии связан прежде всего с дальнейшим обоснованием и развитием идеи о совпадении диалектики, логики и теории познания.

Изучая «Капитал» К. Маркса, В. И. Ленин увидел, что в нем практически к анализу экономической структуры капитализма применен принцип совпадения диалектики, логики и теории познания, по ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс его отчетливо не сформулировали и не поставили в центр своего понимания предмета и особенностей философии.

Мысль о совпадении диалектики, логики и теории познания является не случайно брошенной фразой, а центральной и принципиально важной идеей ленинских «Философских тетрадей», к которой он возвращается неоднократно⁹ и последовательно проводит в трактовке всех вопросов диалектики. И каждый раз при этом он вспоминает Гегеля, который ставил эту идею в центр своей философии. Причем В. И. Ленин показывает, что положение о совпадении диалектики, логики и теории познания является закономерным результатом развития всей истории философии.

Сейчас оживленно обсуждается вопрос о содержании идеи совпадения диалектики, логики и теории познания. Односторонне мыслящий рассудок видит в этом положении одну мысль, которая действительно неприемлема для марксизма, — ограничение диалектики учением о мышлении, его законах и формах. Само собой

⁹ «В таком понимании, — пишет Ленин в «Философских тетрадях», — логика совпадает с теорией познания. Это вообще очень важный вопрос». Говоря о той части логики Гегеля, в которой излагается учение о понятии, В. И. Ленин отмечал, что в ней содержится «сдва ли не самое лучшее изложение диалектики. Здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 156 и 174).

разумеется, что В. И. Ленин, развивая идею тождества диалектики и логики и теории познания, был абсолютно чужд этому ограничению, которое могло только импонировать в одном смысле кантианству, а в другом — неопозитивизму. Для марксизма, и в особенности для В. И. Ленина, диалектика была и остается методом живого анализа исторически развивающейся действительности, и поэтому она с необходимостью должна выйти в объективный мир, в движение вещей и процессов, сделать их своим предметом. Диалектика является методом движения человеческой мысли и действия, приводящим к объективной истине в познании и реальным результатам в практике по овладению силами природы и общества, но для этого само мышление должно стать предметным по своему содержанию, идти по законам объекта, говорить его языком.

Утверждение, что диалектика совпадает с теорией познания и логикой, не отрицает предметного содержания ее законов и категорий, а направлено против попыток представить ее в виде современной модернизированной онтологии, науки о всеобщих связях, свойствах вещей, о мире в целом, т. е. отжившей свой век натурфилософии. Развитие научного знания показало, что оно не нуждается в такой науке наук, и в этом смысле прежней философии, которая претендовала на это, пришел конец. Но она сохранила свое значение как научное мировоззрение, выступающее всеобщим методом научного познания, материалистической диалектикой, вырабатывающей категории мышления и действия на основе познания объективных закономерностей.

В. И. Ленин всегда рассматривал категории философии как содержательные формы постижения объективных закономерностей и никак иначе. Поэтому материалистическая диалектика является учением о категориях мышления, в которых отражены свойства и закономерности вещей и процессов. Только поэтому они выступают методом движения мышления к новым результатам, способствуют улавливанию их объективной природы.

в) Ленинское понимание связи философии с другими отраслями научного знания

Ленинский подход к разработке диалектического материализма включает в себя союз философии марксизма с различными областями научного знания. Подлинная философия, соответствующая своему назначению в обществе, должна быть системой научного знания. В процессе своего длительного развития она выработала общий с другими науками метод постижения явлений, вещей и процессов путем создания понятий и теорий, претендующих на объективную истинность, проверяемость и конкретность. Она не может не опираться на опыт научного знания. Попытки изолировать философию от знания, достигаемого различными науками о природе и обществе, обрекают ее на оторванное

от реальной действительности сознание, смыкающееся с религиозным.

Связь диалектического материализма с наукой иногда квалифицируется как сциентизм. Но бояться обвинения в сциентизме не следует. Надо понять, что под ним разумеется. Если сциентизмом называется стремление философии быть ближе к результатам современного научного знания, строить теоретические системы путем доказательного разумно постигаемого знания, избегать беспочвенных спекуляций, смыкающихся с мифологией, тогда в этом термине не содержится ничего страшного для философа. Если же в сциентизме видеть средство подмены самой философии результатами естественных и гуманитарных наук, то подобного рода сциентизм неприемлем для диалектического материализма.

Союз философии со специальными областями знания не следует понимать весьма упрощенно, как простое заимствование готовых понятий и теорий, а также методов, возникающих на их основе.

Опыт доказывает невозможность сведения философии к методу какой-то частной области знания, к такой, например, как современная формальная логика в ее символической форме.

Попытки решения философских проблем точными методами и языком этой логики приводят к тому, что исчезает собственно философия с ее предметом. И это верно не только по отношению к формальной логике, но и ко всем попыткам сведения философии к частной области знания или даже какой-либо их совокупности. К сожалению, находятся среди философов и такие, которые, желая как бы продемонстрировать свою связь с другими науками, особенно естественными, пытаются изобрести свой «философский» эксперимент или матричное исчисление.

Такое стремление заимствовать из других областей знания их понятия и методы иногда связывается с идеей превращения самой философии в строгую, точную науку, подобную некоторым областям естествознания. Уже в конце XIX — начале XX столетия среди буржуазных философов возникло движение за превращение философии в строгую науку. Этой идеей были одержимы в свое время и Гуссерль, и неопозитивисты. Но это ни к чему положительному не привело, кроме усвоения некоторыми философами модной научной терминологии. В последнее время заманчивой в этом отношении кажется кибернетика. Но в итоге получилось, что философия сводилась к «чистой» логике, какой выступала в том или другом виде формальная логика, а иной философии в виде строгой и формальной науки и быть не может. Но дело заключается в том, что формальная логика — это уже давно, как и психология, физика, биохимия, лингвистика, не философия. Более того, нельзя фетишизировать строгости и точности любого научного метода. Ведь науки, включая математику, не свободны от интуиции в ее различных видах. А где есть интуиция, там

пет полной и абсолютной строгости. Поэтому философии не следует особенно огорчаться, что она недостаточно строга, поскольку путь к новым результатам лежит через эту интуицию. Но как в философии, так и в конкретных науках интуиция допустима в границах разумного познания, что еще раз говорит об опасности смешения метода философии с другими видами научного знания.

Марксизм убедительно доказал, что путь развития философии связан с усвоением ею результатов научного знания, без которого она не может сделать ни одного шага. Но знание, достигнутое различными науками, не непосредственно входит в философию, а составляет своеобразную основу, которая осмысливается философией в своих категориях и формах, своим методом.

Путем научного экстраполирования, исходя из совокупного опыта духовного развития человечества, философия приходит к выдвиганию своих категорий и законов. Результаты этой экстраполяции, несомненно, не обладают строгостью и точностью, доказательностью математического анализа, однако это несколько не умаляет их значения. По своей особенности и функции в научном познании философия не связана с подобной строгостью. Да и способы доказательства у нее иные.

Таким образом, материалистическая диалектика как наука, обладая своим предметом исследования, своим собственным способом анализа и языком, тем не менее не замыкается в себе, а имеет общее значение в движении знаний к объективной истине, решает в общем теоретическом плане проблемы, так или иначе имеющие отношение к любой конкретной области знания, и поэтому она активно воздействует на развитие научного знания, на логику науки.

Материализм К. Маркса, по мнению американского марксолога Д. Клайна, только разговорное, идеоматическое выражение, действительной же его позицией является не философский или онтологический материализм, а «экономический объективизм» или «объективистский экономизм», не имеющий никакого отношения к материалистическому решению основного вопроса философии, распространяемого на всю объективную реальность (и природу, и общество).

Фальшь этого утверждения очевидна, она доказана прежде всего В. И. Лениным, показавшим, что гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти столетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии.

Другие не отрицают материализм К. Маркса, но пытаются найти его принципиальное отличие от материализма Ф. Энгельса и В. И. Ленина. На самом же деле путем конструирования субъективного материализма хотят урезать материализм К. Маркса, изъять природу из решения основного вопроса философии, гипертрофировать роль субъекта и его сознания.

Конечно, К. Маркс исходил из принципа активной роли субъекта, однако никакая активность сознания не снимает главного в материализме — признания первичности материи и вторичности сознания.

Было бы нелепым отрицать значение марксистского гуманизма для философии. Несомненным фактом является и то, что К. Маркс создал принципиально отличное от буржуазной философии, оригинальное понимание человека как творца посредством практики самого себя и своей материи. Однако лишено всякого основания противопоставление марксистского гуманизма диалектическому материализму. В основе марксистской концепции человека лежит диалектико-материалистическое мировоззрение, выступающее методологией научного познания и практического действия.

Эта органическая связь материализма и гуманизма была обоснована в 40-х годах XIX столетия К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Святое семейство, или Критика критической критики». При этом не всякий материализм является обоснованием гуманизма. Односторонний, механический материализм это сделать не способен. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя материализм Т. Гоббса, писали: «*Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению; геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка*»¹⁰.

Этот механистический и антигуманистический материализм, хотя и имел некоторые сильные стороны в учении о природе, способствовал развитию естественных наук, но оказался, в силу своей крайности и односторонности, неспособным победить спекулятивную философию, имевшую некоторый гуманистический оттенок.

Но наряду с этой традицией в предшествующем К. Марксу материализме была другая, выступавшая против спекулятивной метафизики и стремившаяся рассматривать человека не как бесплотное, механическое существо. Эта метафизика будет, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «навсегда побеждена материализмом, достигшим теперь благодаря работе самой спекуляции своего завершения и совпадающим с гуманизмом. А подобно тому как Фейербах явился выразителем материализма, совпадающего с гуманизмом, в теоретической области, французский и английский социализм и коммунизм явились выразителями этого материализма в практической области»¹¹.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 143.

¹¹ Там же, стр. 139.

**г) Против попыток
извратить философские идеи В. И. Ленина**

Некоторые критики диалектического материализма, в частности ранее упоминаемый нами Джордан, видят в ленинском определении материи отход от абсолютного материализма Ф. Энгельса в сторону так называемого гносеологического материализма, который якобы ничем не отличается от реализма. «В выдвинутом Лениным определении материи нет ничего определенно материалистического. Лучшим показателем этого является тот факт, что его определение могло бы быть принято гегельянцем, последователем Платона или гносеологическим реалистом, которые, относятся к материализму враждебно»¹².

Конечно, В. И. Ленин в понимании материи пошел дальше предшественников материалистов, связывающих понятие материи с определенными физическими свойствами. Это составляло слабость материализма. Ф. Энгельс понимал ее, но не сделал решительного шага в окончательном преодолении этого недостатка. Ленинское определение материи как философской категории «для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹³, действительно исключает конкретные свойства вещества, хотя существование их предполагает во всем их многообразии. Оно связывает материализм с признанием только одного свойства — быть объективной реальностью и отображаться в органах чувств человека. Это не означает, как иногда пишут, что «материя больше не является материальной», что «она превратилась в призрак». Она осталась, как и была, во всем бесконечном многообразии своих свойств. Но философская категория «материя» связана только с одним из этих свойств — быть объективной реальностью, которое, по существу, охватывает все это бесконечное многообразие, не сводясь ни к одному конкретному физическому, химическому или еще какому-либо.

Между материализмом В. И. Ленина и объективным идеализмом Гегеля или другого подобного мыслителя прошлого и настоящего дистанция огромного размера. Материализм В. И. Ленина связан с теорией отражения, и эта связь лежит в самом понятии материи — объективной реальности, отображаемой органами чувств. Этой связи нет ни у Гегеля, ни у одного другого объективного идеалиста. Не случаен тот факт, что критики материализма В. И. Ленина направляют свой огонь на теорию отражения, против которой выдвигается множество аргументов.

Причем аргументы против теории отражения идут с самых различных сторон — от явно буржуазных философов и марксо-

¹² «Slavic Review», 1966, vol. 25, N 2, p. 271.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 131.

гов типа неотомиста Г. Веттера до «творческих гуманистических марксистов», югославского журнала «Праксис», а во Франции — Р. Гароди. Последний в своей книге «Ленин», например, пишет, что «концепция изжила себя, так как она вызывает в памяти совершенно устаревший эмпиризм»¹⁴. По мнению Гароди, Ленин хотел подчеркнуть объективный характер познания, напомнить, что оно соответствует внешнему, от него не зависящему объекту, что составляет правильное определение материализма, но сформулировал этот тезис в терминах, которые связывают материализм с обветшавшей концепцией эмпиризма.

Неверно, что теория отражения связана с признанием пассивности познания. Настоящая же практика, лежащая в основе созидательной деятельности человека, нуждается в знании, являющемся по содержанию объективным, т. е. целенаправленно, творчески активно отражающем вещи, процессы объективной реальности.

Наконец, несостоятельно сведение теории отражения к эмпиризму. Как известно, эмпиризм — это метафизическая концепция знания, ограничивающая его содержание данными чувственного опыта. Причем эмпиризм может быть как материалистическим, так и идеалистическим. Теория отражения не является эмпиризмом, но у нее есть генетическая связь с материалистическим эмпиризмом, поскольку она также исходит из признания, что источником знания является чувственный опыт. Точнее, теория отражения связана не с эмпиризмом, а с сенсуализмом в решении проблемы источника знания. Да, через чувства человек связан с объективной реальностью, которую они отражают. Здесь нет ни грана эмпиризма, сводящего содержание знания к данным чувственного опыта, но именно здесь находится материализм, с которым никогда не может быть согласен реалист объективно-идеалистического толка.

Таким образом, материализм В. И. Ленина является не каким-то узкогносеологическим, а широкофилософским, той формой диалектического материализма, которая соответствует уровню современной практики и познания. Он абсолютен, но не потому, что связывает материю с каким-то неизменным физическим субстратом, а последовательно решает основной вопрос философии, не оставляя никакой лазейки для идеализма. Он способен включить все истинные результаты конкретно-научного знания. Именно диалектический материализм является философской основой гуманизма, связанного с революционной практикой, ведущей к коммунистическому освобождению человеческой личности, к созданию всех необходимых условий для ее всестороннего развития. Дальнейшая разработка этого материализма на базе новых достижений науки и опыта социальных движений — первейшая задача философов-марксистов.

2. ЛЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Сложны и многообразны процессы современной общественной жизни, развитие которой ставит множество мировоззренческих проблем. Обостряется идейная борьба вокруг животрепещущих вопросов социального движения человечества.

Философия стоит в центре борьбы, происходящей в современном мире между двумя идеологиями: социалистической и буржуазной.

Представление о марксистской философии как наборе некоторых теоретических положений, имеющих абсолютный характер и составляющих вечные истины, действительные для всех процессов, времен и народов, очень далеко от ее сущности и содержания; оно наносит вред ее развитию и ее восприятию различными слоями современного общества. Подвергшись такому искажению, наша философия становится легкой добычей буржуазных мыслителей, на ее пороках спекулируют различные ревизионистские концепции, питающиеся идеями буржуазной философии.

Более чем столетний опыт марксизма убедительно доказывает, что успешную борьбу против различных течений современной буржуазной философии и ревизионизма можно вести только на основе систематической разработки новых проблем, выдвигаемых ходом развития общественной практики, в частности научного знания, на основе непрерывного пополнения марксистской философии теоретическими выводами и построениями, соответствующими духу и стремлениям нашей эпохи.

Именно этим путем шел Ленин, развивая марксистскую философию в новых исторических условиях, на новом, более высоком уровне человеческой цивилизации с более зрелым научным познанием. «Учение Маркса,— говорил Ленин,— всеильно, потому что оно верно». Но истина — не застывшее состояние, а процесс непрерывного постижения мыслью действительности.

Отставание в области разработки актуальных философских проблем незамедлительно скажется на характере и методе мышления во всех областях научного знания как гуманитарного, так и естественнонаучного, ибо материалистическая диалектика призвана не только философски обобщать опыт развития наук, но в какой-то мере предвидеть их методологические потребности.

**а) Ленинский подход
к разработке материалистической диалектики**

Предмет любой области науки относится к числу тех проблем, которые постоянно дискутируются. Это и понятно, ибо науки, развиваясь, непрерывно ищут и обновляют объект своего исследования. На каждом этапе развития они приближительно очерчивают круг своего познавательного интереса, определяют те закономерности, которые составляют содержание и метод данной науки. Все это тем более относится к философии, в развитии которой все яснее определяется ее предмет. И если ведутся в настоящее время дискуссии вокруг предмета марксистско-ленинской философии, то не следует думать, что когда-нибудь они закончатся окончательным решением спорных вопросов и нахождением жесткого, пригодного на все времена, определения объекта философских исследований. Происходящие обсуждения имеют смысл главным образом постольку, поскольку они приводят к обнаружению новых проблем, стоящих сейчас перед философией, помогают определить то, на что философия или вовсе не обращала своего внимания, или чего она касалась вскользь. Наконец, они заставляют посмотреть на традиционные проблемы с точки зрения нынешних потребностей, с позиций современных методов научно-теоретического мышления.

Но, решая вопрос о предмете марксистской философии, ни в коем случае нельзя забывать того обстоятельства, что она немыслима без своей души, сердцевины, т. е. материалистической диалектики.

Не случайно противники марксистской философии в качестве объекта своей критики избрали именно диалектику. Диалектический метод познания подвергается искажениям современным философским ревизионизмом, представляющим его в урезанном, опошленном виде. Особенно неприемлемым оказалось для современных представителей ревизионизма ленинское понимание сущности и путей развития материалистической диалектики.

С середины 90-х годов XIX в. начинается новый этап в развитии марксистской философии — ленинский.

Выяснение сущности ленинского подхода к развитию диалектического и исторического материализма привлекает внимание исследователей давно, особенно начиная с 30-х годов XX в. Среди буржуазных мыслителей очень распространена точка зрения, что Ленин в области философии либо не создал ничего оригинального, либо отошел от подлинного марксизма. Эти мысли повторяют в различных вариантах ревизионисты, умаляющие роль Ленина в развитии марксистской философии. Они утверждают, что Ленин был политиком, вождем великой революции в России, и совершенно не обязательно от него требовать, чтобы он был еще и столь же гениальным философом. В этой связи довольно снисходительно говорят о его произведении «Материализм и эм-

пириокритицизм», которое якобы не стоит на уровне выдающихся марксистских философских произведений своего времени, написано в целях политической борьбы, которая уже утратила свое значение.

Но, во-первых, науку интересует не то, что можно требовать от мыслителя, а то, кем он в действительности был, какой вклад сделал в движение научной мысли, в данном случае марксистской философии. Во-вторых, связь между революционной практикой и развитием философской мысли в марксизме никогда не была случайной, а, наоборот, органической. Ленин — политик и революционер неотделим от Ленина — гениального философа, в трудах которого нашла выражение новая ступень в развитии диалектики и материализма. Он мог подняться на эти высоты философской мысли именно потому, что теоретически осмыслил современную ему эпоху, ее революционную суть: борьбу пролетариата в капиталистических странах, национально-освободительное движение, социалистические преобразования общества, новейшие достижения науки о человеке и природе.

Советским философам в статье «О значении воинствующего материализма», написанной для журнала «Под Знаменем Марксизма», Ленин завещал систематически разрабатывать марксистский метод познания и практического действия, руководствуясь «образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много»¹.

Развитие современного общества — обострение противоречий капитализма, ликвидация колониальной системы, развитие мировой социалистической системы, происходящая научно-техническая революция — ставит перед нами еще большие задачи. Философская мысль не может сделать шага вперед, не решая проблем, выдвигаемых социальной практикой нашего времени. При этом в качестве исходных методологических принципов анализа должны выступать идеи Ленина, который положил начало изучению капитализма на новой ступени его развития, обратил самое серьезное внимание на исследование процесса освобождения стран от колониальной зависимости и включения в орбиту революционного движения стран Азии, а в последних своих работах изложил результаты пристального наблюдения и вдумчивого размышления о начальных этапах и перспективах нашего социалистического развития. Наконец, Ленин заложил основы философского анализа революции в естествознании, когда она делала лишь первые шаги.

Следовательно, марксизм в начале нашего века уже был обогащен идеями, которые отражают основные черты современного

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 30.

социального развития. Представить в настоящее время марксизм вне ленинизма или ленинизм как только одну ветвь марксизма, связанную с узкой практикой одной страны, означает отнять у марксизма то главное, что его делает действительно философией XX в., лишить себя исходных методологических принципов, которые составляют фундамент философского анализа современной эпохи.

Внутренне необходимая связь между революционной практикой и философскими идеями развенчивает созданный ревизионистами миф, согласно которому Ленин вслед за Энгельсом в понимании материалистической диалектики отошел от Маркса.

б) Диалектический материализм — методология современного научного познания

В основе марксистской концепции человека лежит диалектико-материалистическое мировоззрение, выступающее методологией научного познания и практического действия и не оставляющее места какому-либо противопоставлению марксистского гуманизма диалектическому материализму. Эта методология и подвергается атакам со стороны буржуазной философии, которая все чаще в своей аргументации старается использовать происходящую ныне научно-техническую революцию.

Роль научно-технической революции в познании состоит не только в том, что открываются новые фундаментальные законы природы, создаются новые понятия и теории, целые области знания, происходит дифференциация и интеграция науки. Для философии большое значение приобретает изменение структуры научного знания, метода его движения к новым результатам и т. п.

Научно-техническая революция затрагивает почти все основные проблемы теории знания, и прежде всего она побуждает к более глубокой постановке вопроса об его отношении к объективной реальности. В связи с этим по-новому встает проблема борьбы материализма и идеализма.

Несомненным является факт, что новые научные открытия стали возможными благодаря усилению активности субъекта познания, включения им в сферу своей деятельности все новых предметов, конструирования новых материальных средств проникновения в объект, создания понятийных построений, носящих инструментальный характер, и т. п. Все это делает вопрос об отношении знания к объекту не менее актуальным, чем раньше. Противники марксизма в связи с этим усиливают свои нападки на теорию отражения, которая якобы низводит роль субъекта до пассивного регистратора свойств вещей. Разработка теории отражения применительно к результатам и потребностям современного научного познания со всеми его характерными особенностями дает возможность и ответить на некоторые вопросы, возникающие сейчас перед диалектическим материализмом, и по-

дорвать гносеологические основы тех спекуляций на процессе познания, которыми занимаются представители современного идеализма в философии.

Марксизм с самого начала своего существования выдвинул положение о познании как активном творческом процессе, соединяющем субъект с объектом. Познание — целенаправленное, практическое отражение действительности. Этим самым уже подчеркнута активная роль субъекта, его общественных целей в выборе объекта познания, в создании познавательного образа, необходимого для практического освоения объективной реальности.

Тезис «познание — результат деятельности субъекта», взятый в своей односторонности, порождает неверное представление, изолирующее содержание знания от объекта, его свойств, отношений и закономерностей. Этот тезис необходимо должен быть дополнен утверждением, что познание — такая субъективная деятельность, которая приводит к отражению объекта во всей его конкретности.

Но не противоречит ли понятие отражения творческому подходу познания к объективной реальности? Ни в какой мере, ибо отражение как целенаправленная деятельность включает в себя постижение объекта не только таким, каким он существует в данное время, но и во всех его потенциях, возможных формах изменения посредством практической деятельности человека.

Давно, десятки лет назад, активная форма процесса отражения вошла в поле зрения советских исследователей, однако потом в работах по теории познания главное внимание обращалось на естественнонаучную сторону понятия отражения, на связь человеческого познания с теми формами отражения, которые биологически «родственны» ему и являются свойствами материи. Для изучения материального субстрата и борьбы против идеалистических концепций, отрывающих познание от мыслящей материи, естественнонаучный аспект проблемы необходим, он важен и сейчас. Но понимание специфики человеческого познания, диалектики субъекта и объекта приводит нас к анализу его связи с предметной, практической деятельностью человека. Поэтому, когда дело касается отношения знания к отражаемому предмету, то оно не может быть описано только в терминах «изоморфизм» и «гомоморфизм». Эти термины подчеркивают только одну сторону — сходство знания с предметом, а сторона отношения к нему, определяемая практическими целями человека, при этом остается в тени. Рассмотрение материальной практической деятельности открывает как раз эту сторону процесса отражения человеком объективной реальности.

Развитие философии показало, что без понятия отражения невозможна теория познания, которая бы научно ставила и решала возникающие в гносеологии проблемы. Столь же очевидным является вред, приносимый схематизмом и примитивизмом в понимание познания как отражения.

В настоящее время большое значение приобретает разработка проблемы социальности в процессе отражения действительности.

Познает действительность человек, находящийся на определенной ступени общественного развития, и в этом смысле познание любого объекта (природного или общественного) несет в себе социальный момент.

Социальность отражения действительности в человеческом знании выполняет двойную функцию. С одной стороны, она служит причиной того, что люди встают на путь заблуждения даже тогда, когда существуют все гносеологические условия для достижения истинного, достоверного знания объекта. Причина иллюзий и мифологий, которыми опутываются в современных условиях даже некоторые элементы естественнонаучного знания, состоит в том, что на характер отражения действительности оказывает влияние бытие человека в общественном мире. С другой стороны, именно социальность отражения служит источником активности познания, средством достижения подлинной объективной истинности его результатов. Проблема выявления сущности и особенности познания разрешается на пути исследования социальности процесса отражения действительности человеком.

Это подводит к идее необходимости философского анализа результатов познания как природы, так и социальных процессов. К сожалению, не только теория отражения, но и законы и категории диалектического материализма вообще разрабатывались у нас преимущественно применительно к естествознанию. Нет никакого сомнения, что данные современной науки о природе дают большой материал для философских обобщений таких категорий, как движение, причинность и т. д. Но материалистическая диалектика, направляя процесс познания, не может не учитывать того, что само знание является духовным, человеческим освоением действительности и по своей природе носит общественно-исторический характер. Опыт познания социальной жизни людей необходим для раскрытия содержания природы познания, в частности его отношения к отражаемому предмету. Отсюда понятно, почему так важно изучение методологии общественных наук не только для их развития, но и для понимания познания вообще. Больше того. По существу ни одна категория диалектического материализма, включая такие, как пространство и время, конечное и бесконечное и т. п., не может развиваться и обогащаться новым содержанием, а тем самым быть формой мышления без учета опыта познания истории и теории современного общества.

Особое значение в этой связи приобретает категория практики. Сейчас нет необходимости доказывать важность включения понятия практики в философию, в теорию познания в частности. Но истолкование понятия практики превратилось в арену ожесточенной философской борьбы.

Казалось бы, что плохого в том, что журнал «Праксис» Хорватского философского общества взял понятие практики в качестве своего философского кредо. Ведь, действительно, истолкование не только познания, но и всей общественной жизни предполагает понятие практики. Здесь для марксиста нет проблемы. Однако понимание самой практики может быть различным, что со всей очевидностью показал уже прагматизм, приспособивший это понятие к субъективно-идеалистической философии. К сожалению, некоторые авторы «Праксиса» идут именно по этому пути, когда они понятие практики изолируют и противопоставляют природе с ее объективной закономерностью, представляют практику вне действительного исторического развития человечества. В таком случае это понятие приобретает абстрактный характер, становится деятельностью человека как родового существа, лишенной своего объективного источника и содержания. Отсюда гуманизм, основанный на этом субъективистском понимании практики, превращается в прекраснодушную фразу, в простое морализирование. Не случайно, что он не затрагивает в своей критике античеловеческих основ капиталистического общества. Говоря о «демонизме» современной техники, о разрушении личности, об уродливом характере научно-технического прогресса, словом, о различных явлениях отчуждения, этот гуманизм вовсе не подвергает научно-критическому анализу объективные социальные отношения, порождающие эти явления. Отсюда его критицизм по отношению к современному обществу работает на холостом ходу, а чаще приводит к противоположным результатам, поскольку объектом критики выступают не собственно буржуазные отношения, а новейшие технико-экономические тенденции развития общества. Объектом такой критики оказывается тот, кто протестует против буржуазных отношений, кто направляет борьбу на реальный путь, — рабочий класс и его авангард.

Марксистская философия берет практику не в изоляции от объективных законов природы и общества, а в тесной связи с ними. Анализ практики, ее сущности и целей неминуемо приводит к изучению общества на данном этапе его развития, иначе она станет абстрактной, вне мира витающей деятельностью субъекта. Понятие практики должно обогащаться анализом общественно-исторического движения, совершающегося в нашу эпоху, и его отражения в понятиях и теориях социальных наук. Современный мир человека расширился, обогатилась практика не только за счет включения в сферу человеческой деятельности новых объектов природы, таких, как микромир и космос. В активную всемирно-историческую деятельность вошли новые народы, страны, социальные слои.

Разработка диалектики как метода научного мышления ставит перед исследователями ряд вопросов. Во-первых, исчерпывается ли методология науки диалектикой, ее законами и категориями или последняя составляет только общеполитическую основу мето-

Дологии науки, которая включает наряду с ней методы других специальных наук, особенно таких, как математическая логика, кибернетика, семиотика? Во-вторых, какое отношение существует между содержательными и формальными методами познания, между формальными и содержательными компонентами в теории?

Решение этих проблем привело к необходимости исследования логики современного научного познания, основываясь как на методе материалистической диалектики, так и на других специальных методах, раскрывающих ту или иную сторону движения к истине. Здесь мы сталкиваемся с вопросами, которые либо ранее совсем не возникали, либо решение которых не было столь настоятельным требованием времени. К ним следует отнести философский анализ языка науки и методологические проблемы системно-структурного анализа.

Проблема философского анализа языка науки особенно остро встала после того, как в результате революции в науке произошли коренные изменения в самой форме выражения результатов знания. Научная теория внешне все чаще стала выражаться системой знаков, допускающей различную интерпретацию. Встал вопрос: как выявить познавательное содержание такой теории, ее предметную область? Выяснилось, что формально-логические средства и способы интерпретации научной теории хотя и необходимы, но далеко не достаточны для решения данной задачи. Поэтому возникла еще более острая необходимость в категориальном аппарате философии как логическом средстве выявления познавательного значения научной теории, определения ее предметной области.

Философия, начиная с древности, пыталась создать такой категориальный аппарат, который был нацелен на решение этой задачи. Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель — вот далеко не полный перечень мыслителей, которые бились над проблемой создания категориального строения мышления, выступающего орудием проникновения в объективную природу вещей, орудием нашего знания о них. К сожалению, эта традиция в философии многими просто игнорировалась как не имеющая непосредственного отношения к логике. В действительности же, начиная с Гераклита, провозгласившего существование в мире логоса, всеобщего в вещах и процессах, философия требовала от мышления, чтобы оно шло путем Гераклита и обнаруживало собственные свойства и определения вещей и процессов.

Реализуя эту идею, она создала предельно общие понятия, которые и выступают методом научно-теоретического мышления. Процесс познания не может начаться с ничего. Человеку для теоретического овладения объектом мало иметь его просто перед собой, практически взаимодействовать с ним; ему нужны средства, помогающие в определенных формах постигнуть объект. Этими средствами является категориальный аппарат диалектики.

Философия, определив значение категорий в мышлении, решила несколько связанных между собой задач: 1) обобщая опыт познания, выработала эти наиболее общие понятия; совершенствование категориального аппарата — постоянная забота философов; 2) анализировала природу этих понятий, выясняя их отношение к объективной реальности и практической деятельности человека, и 3) наконец, выявила способы функционирования категорий в процессе движения мышления.

Говоря о последнем, надо отметить, что уже Кант анализировал роль категорий в синтезе знания, в процессе суждения. В настоящее время стоят новые, более широкие задачи, а именно выявление роли философских категорий в интерпретации научной теории, в движении научного мышления, в выдвижении фундаментальных идей и понятий, дающих начало новым теоретическим построениям в науке, т. е. истолкование функции категорий в научном постижении действительности. Как бы ни были совершенны математический аппарат и эксперимент современной науки, к своим новым результатам, прорывающим старые горизонты, она всегда будет двигаться путем умозрения, научной экстраполяции, орудием которой выступают категории мышления. Несвершенство категориального аппарата сдерживает творческие порывы мысли, ищущей новые ходы и пути, которые, быть может, с точки зрения строгой формально-логической детерминации кажутся совершенно недопустимыми; но в действительности они-то и открывают новую страницу в науке.

Марксистско-ленинская философия как научная методология решает широкий круг вопросов. В частности, ей принадлежит определенная роль в интерпретации научной теории. Здесь философия марксизма ставит одну задачу: с помощью категориального аппарата включить язык научной теории в общий ход движения знания, в интеллектуальное развитие человечества. Поэтому ни одна теория не может быть понята как система человеческого знания, если для ее интерпретации использовать только ее собственный понятийный аппарат. Категории философии наряду с языком данной теории и аппаратом формально-логического анализа составляют необходимый арсенал средств интерпретации языка научной теории.

За последние годы советские исследователи в области материалистической диалектики обратили внимание на системно-структурный метод исследований явлений действительности и результатов научного познания. Основы его заложены Марксом при анализе системы капиталистических производственных отношений как органической целостности. Однако дальнейшее развитие этого метода связано с распространением его на другие явления как природного, так и общественно-духовного характера, в частности языка. Но при этом философские положения Маркса о способах анализа органических систем служат фундаментом анализа сложных систем в других науках.

Вопрос о структурно-системном методе для философов важен в нескольких отношениях. Но при этом необходимо знать его возможности и границы применения в различных областях науки. В противном случае есть опасность подменить диалектический метод структурализмом и, таким образом, превратить системно-структурный анализ во всеобщую методологию современного научного познания. С последним связано противопоставление структурализма историзму, замена познания развития объекта познанием его структуры, отношений между ее элементами. Системно-структурный анализ — это специальный метод познания, ставящий конкретные цели, его разработка для диалектики так же важна, как и любые другие частные способы познания, имеющие место в современной науке.

Далее, в качестве методологической основы системно-структурного подхода к изучению предмета выступает материалистическая диалектика, в частности, ее категории логического и исторического, понятие единства этих методов исследования, которое обеспечивает органическую связь в познании истории (развития) и структуры объектов реальности.

Поэтому изучение системно-структурного анализа может быть плодотворным, когда оно, с одной стороны, основывается на категориальном аппарате диалектики, с другой — способствует его развитию.

**в) Обогащение законов и категорий —
магистральный путь
развития материалистической диалектики**

Начиная приблизительно с середины 50-х годов в нашей литературе по материалистической диалектике стала оживленно обсуждаться проблема категорий материалистической диалектики. Решение этой задачи связано с реализацией идей Ленина о воплощении содержания материалистической диалектики в логике движения категорий.

Само собою понятно, что исследователи столкнулись здесь с множеством трудностей. Исторически системе категорий марксистской философии предшествовала логика Гегеля, которая воплотила в себе итоги предшествующего движения научно-теоретического мышления, интеллектуального развития человечества и выразила некоторые устремления его в будущее. В этом отношении она предвосхитила некоторые пути развития научного познания XIX в. Поэтому, конечно, трудно решать задачу построения системы категорий диалектики, минуя переосмысление логики Гегеля. Однако было бы по крайней мере большим упрощением свести проблему построения категорий диалектики в настоящее время к материалистической переработке «Науки логики» Гегеля, с простым внесением некоторых корректив в нее, требуемых современной наукой. Тем более, что, основываясь на опыте гегелев-

ской диалектики, схематизме перехода в ней от одной категории к другой, вообще можно прийти к сомнению в возможности и необходимости создания системы категорий материалистической диалектики. В этой связи советские исследователи сосредоточили свое внимание на двух аспектах данной проблемы: 1) выявлении принципов построения системы категорий, 2) установлении возможности построения систем категорий для разных целей. Отмечая позитивное значение предпринятых попыток решения проблемы системы категорий, следует сказать, что наши исследователи еще довольно далеки от создания относительно законченной системы категорий, которая выражала бы сущность современного научно-теоретического мышления и его дальнейшие устремления.

Опыт построения такой системы приводит к двум важным выводам. Во-первых, он подсказывает мысль, что без глубокого, тщательного изучения истории человеческой мысли, логического анализа ее эту задачу нельзя разрешить. Во-вторых, чтобы эта система эффективно работала в современном научном познании, недостаточно предложить наиболее рациональную систему уже известных в истории философии категорий. В мышлении XX в., в его структуре и методах произошли известные изменения по сравнению не только с XVII—XVIII вв., но и с серединой XIX в., поэтому современная система категорий должна включать в себя не только новые принципы ее построения, но и новые по содержанию категории. Поэтому без выявления этих категорий трудно решить проблемы построения их системы.

В настоящее время в марксистской литературе накоплен значительный теоретический опыт, связанный с применением диалектики к анализу явлений действительности вообще и к обществу в частности. На обществе акцентируется внимание потому, что его изучение, с одной стороны, представляет особое значение для практики коммунистического строительства, с другой — на этом пути диалектика обогащается новыми идеями.

Опыт применения диалектики к анализу явлений действительности, имевший место у нас, содержит как позитивные, так и негативные стороны. Отдельные философы избрали здесь, можно сказать, облегченный путь. Не затрудняя себя самостоятельным анализом на основе диалектического метода острых и актуальных проблем современности, хода развития общественной жизни и науки, они брали готовые диалектические формулы и подводили под них отдельные факты из практики общественной жизни, из опыта развития науки. Такой подход сводил диалектику к сумме примеров, и на практике часто в качестве образцов диалектики выступали либо еще не проверенные факты науки, либо не оправдавшие себя мероприятия непродуманной реорганизации. Поэтому нередко авторы, шедшие по этому пути, от огульного отрицания какой-либо научной гипотезы переходили к столь же огульному ее оправданию со всеми незрелыми эле-

ментами, которые допустимы в ходе рождения нового знания, или, наоборот, от восторженного восхищения переходили к полнейшему отрицанию выдвинутых теоретических построений.

Метод Маркса и Ленина служит необходимой теоретической основой изучения современного общества — и капиталистического, и социалистического, обобщения результатов научного познания. Материалистическая диалектика направляет теоретическую мысль на постижение логики ее функционирования и развития. Применение диалектики к анализу практики современного общества приведет к изменению и обогащению ее категориального аппарата.

Этим путем философия устанавливает реальную связь с ходом современного научного познания и общественной практики в целом, оказывает глубокое воздействие на них, нацеливает на эффективное разрешение грандиозной задачи строительства коммунизма.

г) О противоречиях общественного развития

Материалистическая диалектика — эта, по выражению В. И. Ленина, живая душа марксизма — служит незаменимым средством познания закономерностей и путей развития социалистического общества. Сутью, ядром диалектики Ленин считал закон единства и борьбы противоположностей. «В собственном смысле диалектика, — писал он, — есть изучение противоречия *в самой сущности предметов...*». «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»

Раздвоение единого, борьба противоположностей являются источником развития, самодвижения явлений действительности. При этом «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (Ленин).

Это всеобщий закон развития природы, общества и человеческого мышления. Он действует во всех формах движения материи, во всех общественных, экономических формациях. Он определяет переход каждой из них в более высокую форму. Различия, противоречия, противоположности и их борьба — не какое-то «зло», с которым надо «покончить», а естественное, вечное и неустранимое состояние развития природы и общества. Они объективны, т. е. независимы от воли и сознания людей. С исчезновением одних противоречий возникают другие. Устранение всех противоречий означало бы конец всякого движения, всякой жизни.

В понимании этой коренной методологической проблемы у марксизма-ленинизма имеются два главных противника: с одной стороны, буржуазно-реформистская точка зрения и, с другой — мелкобуржуазная, левооппортунистическая. Приверженцы первой

из них фактически отрицают борьбу противоположностей, заменяя ее их примирением, бесконфликтной эволюцией, соглашательством. Левые оппортунисты, признавая борьбу противоположностей, делают вывод о необходимости в политике идти на обострение любого противоречия до крайних пределов и тем самым сводят всякое противоречие к антагонизму.

Ленин и коммунисты-ленинцы вели и ведут решительную борьбу против обеих этих концепций.

Марксизм-ленинизм считает, что в общественной жизни универсальный закон единства и борьбы противоположностей проявляется в двух формах: антагонистической и неантагонистической. *Антагонизм* — это такое противоречие, при котором противоположности враждебны друг другу, борьба их неуклонно углубляется и завершается революционной перестройкой всей системы, внутри которой это противоречие существует. *Неантагонистические противоречия* — это противоречия, присущие социалистическому обществу, которые возникают при наличии единства основных интересов всех социальных групп общества. Они не носят разрушительного характера, разрешаются относительно своевременно путем согласованных действий дружественных классов всего народа, руководимого коммунистической партией. Разрешение неантагонистических противоречий не требует изменения основ существующего строя, а, наоборот, способствует его поступательно-прогрессивному развитию.

Современная эпоха наглядно демонстрирует правильность марксистско-ленинского учения о двух типах противоречий. К числу антагонистических противоречий прежде всего относится противоречие между двумя системами: социализмом и капитализмом.

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем не устраняет борьбы противоположных социальных систем, оно является одной из форм проявления мирового социального антагонизма.

Капитализм никогда не отказывался от борьбы против стран социализма, не гнушаясь никакими методами, начиная от идеологических диверсий и кончая прямой военной агрессией, свидетельством чему может служить агрессия американского империализма против Демократической Республики Вьетнам. Но силам империализма, реакции и войны ныне противостоит несокрушимая мощь мировой социалистической системы, революционная борьба всех прогрессивных сил современности.

Осуществляя принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, выступая за обеспечение мира и международной безопасности, наша партия ни в коей мере не ослабляет политической, экономической и идеологической борьбы против капитализма, решительно выступает против агрессивной политики империализма.

К числу антагонистических противоречий относится противоречие между рабочим классом, всеми трудящимися и монополи-

стической буржуазией в капиталистических странах, а также противоречие между народами угнетенных и зависимых стран, с одной стороны, и силами колониализма и неоколониализма — с другой.

Буржуазные и правореформистские идеологи, замазывая эти непримиримые противоречия, стремятся тем самым увековечить капиталистическое рабство.

Наряду с реформистским большой вред международному коммунистическому движению наносит и левосектантское толкование противоречий. Эта концепция создает методологическую основу для политики, направленной на обострение международной напряженности, на абсолютизацию вооруженных форм революционной борьбы и игнорирование всех других ее форм. Выдвигая формулу «единство — раскол — новое единство», «левые» сектанты теоретически обосновывают линию, ведущую к расколу международного коммунистического движения, к подрыву единства антиимпериалистических сил.

Примитивные псевдодialeктические формулы — «без мира нет войны, без войны нет мира», «без счастья нет беды, без беды нет счастья», «без победы нет поражения, без поражения нет победы» — на деле означают проповедь анархистской идеи «чем хуже, тем лучше».

Считая, что противоречия социалистического общества являются антагонистическими, сторонники сектантско-догматической концепции извращают характер общественного развития при социализме. Они возводят в ранг социального антагонизма борьбу против отдельных антиобщественных элементов: воров, тунеядцев, хулиганов. Орган ЦК Компартии Китая журнал «Хунци», отождествляя еще имеющееся при социализме неравенство в оплате труда различных групп трудящихся с классовым расслоением, разглагольствует об антагонистических классовых противоречиях и классовой борьбе в советском обществе.

Если вдуматься, к чему реально, к проведению какой политики внутри социалистических стран толкают подобные «теоретические изыскания», то станет очевидным весь их вред, вся их опасность для социализма. В самом деле, если бы взаимоотношения между классами социалистического общества носили характер антагонистической борьбы, то в центре политики правящего класса и его партии при социализме должна была бы стоять задача подавления других классов общества, оцениваемых как «враждебные». Всякое противоречие, всякое расхождение тенденций в развитии тех или иных сторон жизни общества должно было бы рассматриваться как проявление или зародыш антагонизма, и, следовательно, при его разрешении главными были бы не созидательные организаторские действия, а негативные функции подавления одной из противоборствующих тенденций. Это означало бы господство административно-принудительных методов в экономике и политике. Понятно, что осуществление по-

добных рецептов, противоречащих природе социалистического общества, уровню и задачам его дальнейшего развития, нанесло бы вред нашему делу, дискредитировало бы идеалы социализма и коммунизма.

Между рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией в социалистическом обществе существует и все более крепнет единство коренных интересов, целей и действий. Нерушима дружба социалистических наций. Успешно развивается социалистическая демократия. Политика коммунистических партий, основанная на этих реальных достижениях народов социалистических стран, практически доказала свое соответствие объективным условиям нового общества. Поэтому лишены всяких оснований попытки приписать социализму антагонистические противоречия.

Отсутствие антагонистических противоречий в социалистическом обществе вовсе не означает, что в нем нет никаких противоречий вообще. Надо помнить положение В. И. Ленина, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме».

Закон единства и борьбы противоположностей, будучи универсальным законом развития природы и общества, в разных условиях действует по-разному. Если развитие капиталистического общества сталкивается со своими *неразрешимыми* в рамках буржуазного строя противоречиями, то возникающие при социализме противоречия *разрешаются* в ходе его развития.

В антагонистических формациях противоречия между производительными силами и производственными отношениями носят антагонистический характер и разрешаются путем революционных взрывов. В социалистическом обществе возникающие на отдельных этапах развития противоречия между ростом производительных сил и некоторыми сдерживающими их сторонами производственных отношений разрешаются сознательными усилиями Коммунистической партии и социалистического государства. Ярким примером такого разрешения противоречий могут, например, служить решения мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС. Известно, что существовавшая система управления экономикой стала сдерживать хозяйственную творческую инициативу производственных коллективов и тормозить технический прогресс в социалистическом производстве. Партия приняла такие решения, которые дают простор развитию производительных сил нашей страны.

При социализме уничтожена эксплуатация человека человеком, средства производства принадлежат всему обществу, всем трудящимся. Но в силу сохраняющегося разделения труда люди занимают неодинаковое положение в системе общественного производства и распределения. Социализм еще не устраняет полностью социального неравенства. В. И. Ленин писал: «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия

несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность».

Противоречия социализма выражаются в классовых различиях между рабочими и крестьянами, в существенных различиях между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, между работниками разной квалификации. Не преодолены еще неравномерности в территориальном размещении промышленности. Полностью не снято еще противоречие между личными и общественными интересами.

Социализм означает не устранение противоречий, а ликвидацию их застойного и разрушительного характера. При социализме нет социальных сил, препятствующих разрешению возникающих противоречий. Наоборот, единство коренных интересов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции побуждает весь народ к поискам путей и средств их скорейшего разрешения и тем самым ускоряет общественный прогресс. По мере созревания объективных условий общество под руководством Коммунистической партии предпринимает сознательные действия для своевременного разрешения противоречий, проявляющихся в различных сферах его жизни. Например, партия строит свою экономическую политику таким образом, чтобы дать полный простор действию социалистического принципа материальной заинтересованности, способствуя разрешению противоречий между личными и общественными интересами.

Деятельность нашей партии направлена на то, чтобы глубоко анализировать противоречивые явления в развитии советского общества и намечать научно обоснованную систему экономических, политических и идеологических мер, обеспечивающих ускорение движения страны к коммунизму.

Советские философы немало занимались проблемой противоречий при социализме. Журнал «Вопросы философии» уже на протяжении многих лет ведет дискуссию о противоречиях, статьи по этому вопросу печатались и в других журналах, вышло несколько монографий. В результате всех этих обсуждений были выяснены многие стороны проблемы. Однако при этом были высказаны некоторые ошибочные взгляды, дающие повод думать, что закон единства и борьбы противоположностей не действует в социалистическом обществе. Порой утверждается, что этот закон представляет собой прежде всего теоретический аналог, обобщение и сколок с противоречий капиталистического общества. Тем самым ставятся под сомнение универсальность этого закона и его действие при социализме. Заявляется далее, что всякая противоположность есть противоречие, но не всякое противоречие есть противоположность. Из этого может быть сделан вывод, что при социализме и коммунизме есть противоречия, борьба противоречивых тенденций, но нет противоположностей. Что это за противоречие, в котором нет противоположностей, из чего же оно

состоит? Можно и нужно говорить, что не всякое противоречие есть борьба антагонистических противоположностей, но ведь имеются и неантагонистические противоположности, и их борьба проявляется в неантагонистических противоречиях. Иногда проводится мысль, что при социализме развитие происходит без борьбы нового со старым. Но ведь без борьбы нового против старого и без смены одного другим немислимо никакое развитие. Можно встретить утверждение, что диалектика коммунистической формации есть диалектика гармонии. Понятно, что действительным противоречиям при такой трактовке не остается места.

По-видимому, некоторые философы забыли, что марксистско-ленинская диалектика требует, чтобы явления рассматривались такими, каковы они в действительности, во всей их противоречивой конкретно-исторической связи.

Проблема противоречий социалистического общества сложна и многогранна. Естественно, что в ходе ее анализа появляются различные точки зрения, возникают споры. Творческие поиски можно только приветствовать. Однако нельзя оставлять без критики произвольные импровизации, вносящие путаницу в трактовку основополагающих принципов марксистской философии.

Социальное единство советского общества является нашим завоеванием, и необходимо решительно выступать против отождествления противоречий социализма с антагонистическими противоречиями капиталистического общества. Вместе с тем нельзя забывать, что внутри социалистической системы в целом и в каждом социалистическом государстве существуют свои противоречия, которые разрешаются на базе социалистических и коммунистических отношений.

Мы далеки от того, чтобы призывать к нагромождению противоречий по принципу «чем больше, тем лучше». Противоречия противоречиям рознь. Есть противоречия, не выражающие внутренней сущности развивающегося целого и не вытекающие из нее. Они могут быть следствием сложного переплетения разнородных обстоятельств, ошибочных действий и т. д. Не о таких противоречиях идет речь в диалектике. Диалектика изучает противоречие как объективно необходимое отношение между сторонами самой сущности целостного предмета, явления, как внутренний источник его самодвижения и развития. Без такого изучения, как подчеркивал Ленин, наше представление о явлении было бы неполным и искаженным, и практическая деятельность, основанная на таком представлении, была бы не свободной от ошибок и произвола. Любые попытки замазывать действительные противоречия социалистического общества являются тормозом в развитии общественных наук, мешают объективному исследованию выдвигаемых жизнью проблем, способствуют проявлениям волюнтаризма и субъективизма в политике.

Отсутствие ясного понимания этого вопроса приводит к тому, что иногда люди не могут найти правильного подхода к социа-

листической действительности и сбиваются или на огульное восхваление всего окружающего, или на нигилистический критицизм. Считая, что социализм развивается без борьбы противоположностей, что противоречия его легко и спокойно разрешаются без конфликтов, что, в сущности, у нас и нет борьбы нового и старого, а есть столкновения очень хорошего с просто хорошим, человек потом сталкивается в жизни с более сложной картиной. И тогда у иных наступает момент разочарования, исчезновения прежних иллюзий о безмятежной гармонии при социализме. От этого легко перейти к нигилизму.

Отрицание объективных противоречий в социалистическом обществе, отказ от их научного анализа могли бы привести к тому, что каждая достигнутая форма социально-экономических отношений социализма рассматривалась бы как окончательная и неизменная, не требующая дальнейшего развития и совершенствования.

Материалистической диалектике чужда апологетика действительности, в ее основе лежит революционно-критическое отношение к ней. Это относится к любой конкретной форме, которой достигло общество на той или иной ступени своего развития. Девиз диалектики — постоянные поиски нового, творческое преобразование действительности. Задача теории — вскрывать реальные противоречия в ней, вести к новой, более высокой форме общественной жизни.

Не нарочитое разжигание противоречий, не превращение их искусственным путем в антагонизмы и в то же время не отрицание и замазывание их, а диалектико-материалистический подход к социализму и его противоречиям способен направить нашу деятельность на создание высших форм жизни.

3. В. И. ЛЕНИН, ЛОГИКА, НАУКА

Развитие идей диалектической логики, разработка вопросов о ее предмете, содержании, месте в марксистской философии и отношении к формальной логике являлись предметом постоянных забот и творческих исканий В. И. Ленина. В разрешении этих проблем он исходил из положений К. Маркса и Ф. Энгельса, творчески следовал их методу, учитывал новый опыт развития общества и достижения науки XX века.

На основе ленинского понимания диалектической логики можно сделать два главных вывода: 1) диалектическая логика не существует и не может существовать вне материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах движения внешнего мира и его отражения в мышлении людей; 2) материалистическая диалектика выступает логикой в качественно ином по сравнению с формальной логикой смысле.

а) Почему диалектика является и логикой?

Указывая, что, не оставив «Логики» с большой буквы, Маркс оставил логику «Капитала», В. И. Ленин писал: «В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»¹. Эта мысль повторяется В. И. Лениным неоднократно и не только в «Философских тетрадах»². Она имеет значение как для понимания проблем диалектической логики, так и марксистской философии в целом.

Это, конечно, отнюдь не означает, что марксистская философия превращается только в логику и имеет своим предметом исследование лишь мышления и его форм. Предмет нашей фило-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 301.

² «...Диалектика,— пишет В. И. Ленин в работе «Карл Маркс»,— в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 54—55).

софии несводим ни к природе, ни к обществу, ни к человеческому мышлению. Если предмет марксистской философии ограничить постижением общих законов природы, она была бы просто натурфилософией, если только законами мысли — логикой, изучающей субъективные формы движения познания, если законами общества — какой-то нефилософской социологией, не могущей быть методологией социального познания.

Поэтому сведение философии к логике (с какой бы буквы это слово ни писалось), а ее предмета к человеческому мышлению не является марксистской постановкой вопроса, и оно было абсолютно неприемлемо для В. И. Ленина. Буржуазной философии XIX—XX вв. — неокантианству и неопозитивизму — свойственно отождествление философии с логикой. Но даже некоторые современные неопозитивисты почувствовали, что, сводя философию к логическому анализу науки, в частности ее языка, они, по существу, ликвидируют специфику философского исследования. Поэтому некоторые позитивисты теперь обращаются к тем проблемам, которых они раньше избегали. Так, рассматривая вопросы, возникающие в философии в связи с развитием естествознания, Айер признает, что, будучи методологическими, они не могут быть отнесены лишь к логике или языку науки.

В связи с тем, что позитивизм потерпел крах в своей попытке снять собственно философскую проблематику и заменить ее чрезвычайно узко понимаемой логикой, в позитивистских и «околопозитивистских» кругах оживляются идеи возвращения к метафизической проблематике, обращенной к бытию и познанию.

Из «поисков» неопозитивистов можно извлечь в некотором отношении поучительные уроки, а именно: пороки сведения философии к проблемам формальной логики, к логическому анализу языка науки нельзя преодолеть простым утверждением, что философия — это не только логика и теория познания, но и онтология, учение о бытии. Такая постановка вопроса не является новой, она была в философии и до Гегеля и даже до Канта.

Марксизм, учитывая весь опыт развития философской мысли, поставил вопрос совершенно в ином плане. Философы прошлого либо изолировали субъект и объект друг от друга, либо соединяли их путем простой конъюнкции: существует и субъективное и объективное, и человеческое мышление и внешняя по отношению к нему реальность, философия изучает и то и другое, разделяясь на онтологию и гносеологию, включающую в себя логику, а теперь еще, говорят, и философскую антропологию. Ф. Энгельс, а вслед за ним В. И. Ленин, показал, что между субъектом и объектом имеется более сложная, диалектическая связь, выходящая за пределы признания существования того и другого.

Материалистическая диалектика не ограничивается разделением человека и объективной реальности, субъекта и объекта. Конечно, без их разделения невозможна никакая философия, ибо

сама постановка основного вопроса философии об отношении человеческого сознания к окружающему бытию предполагает расчленение человека и находящейся вне его объективной реальности. Но если философия останавливается на разделении всего существующего на субъект и объект и постулирует их существование со своими особыми, специфическими законами движения, то она, как это видно на примере Канта, дальше агностицизма пойти не может. В. И. Ленин отмечал эти пороки кантианства, когда писал: «...у Канта познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их»³.

Гегель сделал реальный шаг в преодолении разрыва между субъектом и объектом, в частности, он со всей силой подчеркивал объективность самой мысли, ее форм и законов: «Гегель действительно *доказал*, что логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира. Вернее, не доказал, а *гениально угадал*»⁴⁻⁵.

Гегель мог только угадать, ибо он не знал той действительной основы, на которой происходит соединение, совпадение субъекта и объекта. Больше того, идеализм помешал ему понять саму природу субъекта, которую он сводил к человеческому мышлению, и объекта, в качестве которого выступало у него то же самое мышление, но в объективной форме своего бытия. С этой точки зрения взаимодействие субъекта с объектом сводится к отношению одной формы мысли к другой и не имеет реального выхода из сферы мысли в объективную реальность: «...По мнению Гегеля,— говорил К. Маркс,— все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении»⁶.

Марксизм связывает субъект с объектом на той реальной основе, на которой они соединены в истории; субъективная диалектика — это то же самое объективное движение, только в иной форме своего бытия, чем в природе.

В исторической практике людей происходит наиболее полное совпадение субъекта с объектом, деятельность людей осуществляется по объективным законам. Моментом общей диалектики субъекта и объекта выступает отношение законов и форм мышления к находящейся вне его объективной реальности. «Вернувшись к материалистической точке зрения,— писал Ф. Энгельс,— мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к пауке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 83.

⁴⁻⁵ Там же, стр. 162.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 132.

законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны...»⁷

Мысль движется по законам предмета, иначе на основе человеческих идей нельзя было бы создать в практике вещей, объектов. После того, как законы и формы развития познаны, они превращаются в сознательно используемые принципы и приемы теоретического мышления, а потому диалектика как теория развития явлений объективного мира становится логикой, наукой о постигающем этот мир мышлении, его законах и формах.

Материалистическая диалектика является логикой, но отнюдь не потому, что она своим предметом имеет мышление. Напротив, именно потому, что материалистическая диалектика вскрывает законы движения вещей и процессов, она становится и методом, логикой движения мышления к обнаружению объективной природы предмета. Вот почему В. И. Ленин, читая Гегеля, выделяет мысль: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»⁸.

В. И. Ленин, материалистически перерабатывая Гегеля, считал в определенном смысле логикой не только философию, но и любую другую науку: «Всякая наука есть прикладная логика»⁹. Это, конечно, не значит, что всякая наука в качестве объекта своего исследования имеет мышление, его законы и формы. Нет, наука есть логика потому, что постигает законы движения вещей и процессов в формах мысли, создает определенный метод постижения своего объекта. На базе научных теорий создаются специальные методы познания, применяемые к определенным объектам, и в этом смысле любая наука является прикладной, применимой к специфическому предмету логикой.

Материалистическая диалектика как логика отличается от любой другой науки тем, что на основе познания законов развития всякого предмета, предмета вообще, создает всеобщий метод движения мышления к истине, разрабатывает логические проблемы, встающие перед каждой наукой (наукой вообще) в ходе познания ею истины. Поэтому для В. И. Ленина вопрос об объективной истине относится к компетенции не психологии, не феноменологии, а логики, и каждая наука решает его постольку, поскольку она является прикладной логикой.

Таким образом, В. И. Ленин не сводил материалистическую диалектику к логике как учению о законах и формах мышления. Наоборот, идя по пути Гегеля и Маркса, он расширил само понятие логики до такого предела, когда все содержание марк-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 301—302.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 84.

⁹ Там же, стр. 183.

систской философии, будучи методом научно-теоретического мышления, выступает по отношению ко всем другим наукам методом, логикой движения познания к объективной истине. И таковой она является только потому, что вскрывает законы и формы развития всякого объекта, предмета вообще.

Диалектика как метод научно-теоретического мышления и есть диалектическая логика, у них одни и те же требования в подходе к изучению объекта. В. И. Ленин сформулировал их так: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...»¹⁰

В. И. Ленин противопоставлял диалектику как метод научно-теоретического мышления формальной логике, которая также служит методом движения мысли к новым результатам, перехода от неизвестного к известному.

Ф. Энгельс и В. И. Ленин имели дело с исторически сложившейся, старой, традиционной, или классической, формальной логикой, законы которой являлись логической основой метафизического метода мышления. Поэтому они и противопоставляли ей диалектику, которая, «прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения»¹¹.

Формальная логика как философский метод познания изжила себя, ей на смену пришла материалистическая диалектика, но она сохранила себя в качестве специальной науки, строго определив и сузив свой предмет исследования. Этому движению способствовало сближение формальной логики с математикой, усвоение метода последней.

Современная формальная логика в качестве своего объекта имеет не мышление как форму постижения действительности, совпадения в мысли субъективного с объективным, а язык со своей определенной структурой, правилами употребления знаков и образования формул. Ее метод — образование идеальных языковых моделей строгого, непротиворечивого доказательного мышления.

На этом основании некоторые авторы вообще считают, что формальная логика не изучает мышления. Так, например, Я. Лукасевич пишет, что она имеет дело с мышлением не более, чем

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 290.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 138.

математика: «Современная формальная логика стремится к возможно большей точности. Эта цель может быть достигнута только с помощью точного языка, построенного из устойчивых, наглядно воспринимаемых знаков. Такой язык необходим для любой науки... Каждая научная истина, для того чтобы быть принятой и удостоверенной, должна быть воплощена в понятную для каждого внешнюю форму. Все эти утверждения представляются неоспоримой истиной. Современная формальная логика, следовательно, уделяет огромное внимание точности языка. То, что называется формализмом, есть следствие этой тенденции»¹². Со всем этим можно согласиться. Язык — это форма бытия мышления, формальная логика изучает последнее только с той стороны, в какой результаты мышления выражены в языке. Для нее язык не средство, а сам предмет исследования. И в этом смысле формальная логика, сделав за последние годы громадные успехи, по существу отошла от собственно философского постижения мышления.

Конечно, практически мышление существует в языке, однако материалистическая диалектика не останавливается на языке и не сводит мысль к нему, а стремится проникнуть в само мышление, в способ отражения в нем объективной реальности. Мысль нужна человеку не для того, чтобы по определенным правилам выводить из одних языковых знаков другие, а для того, чтобы на основе идей и посредством практики из одних вещей производить другие. А для способа делания вещей необходимо отражение их природы в мышлении. Именно как формами постижения объективной природы вещей и отношений диалектическая логика интересуется понятиями, суждениями, умозаключениями, теориями, гипотезами и т. п. Поэтому диалектика как логика изучает не средства выражения и существования мысли в языке (знаки и формы их связей в высказываниях и теоретических построениях), не язык как логический способ движения знания, перехода от одного конкретного знания к другому, а сами формы постижения мыслью объективной реальности, формы совпадения субъективного с объективным.

В этой связи возникают два вопроса. Во-первых, следует ли формальную логику называть «логикой», если она изучает не собственно мышление, а язык как средство его выражения (естественный или искусственный)? Во-вторых, применим ли термин «логика» к диалектике, поскольку она изучает не мышление как субъективную деятельность, а всеобщие законы и формы всякого развития, которые выступают одновременно законами и формами постижения мыслью объекта.

Формальная логика пошла по одной, определившейся со времен стоиков традиции — по сути сужения сферы логического до

¹² Я. Лукасевич. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, стр. 52.

средств выражения мысли в языке. А диалектика, наоборот, шла по пути, ведущему начало у самого Аристотеля,— расширения сферы логического до законов и форм объективной реальности, отрицаемых мышлением, познание которых служит ступенью в движении познания к новым результатам. Нам представляется, что имеется достаточное основание, чтобы та и другая наука носила имя «логика», ибо древнегреческое слово «логос» содержит множество значений, среди которых имеется и «слово», и «мысль». Одна изучает «логос» потому, что это слово, язык, а другая — потому, что это закон движения мышления, направленного на постижение объективной реальности.

Таким образом, диалектика и современная формальная логика — суть две логики, имеющие значение для всякого научного познания. Это их отличает от других наук, выступающих прикладными логиками, создающих метод изучения своих специфических объектов. Эти две логики имеют различные предметы, при этом одна из них является философией, методом научно-теоретического мышления, а другая в современных условиях, по существу, стала специальной областью научного знания, потерявшей значение философского метода, хотя некоторые философские системы до сих пор продолжают ее считать своей частью. Поэтому не только не нужны, но и вредны для развития их обеих как диалектизация формальной логики, так и формализация диалектики. Для движения научного знания они необходимы в своем единстве, именно постольку, поскольку они дают разное знание. Например, когда мы имеем дело с любой мыслью, какой бы сложной и диалектически противоречивой она ни была, ее нужно выражать на таком точном языке, какой требуется современной наукой, и в частности формальной логикой. Парадокс, основывающийся на наличии только формально-логического противоречия, надо снимать, разрешать имеющимися логическими средствами, а не выдавать за высшее диалектическое противоречие. Чтобы облачить собственно противоречие в мышлении, которое выражает сложность и уровень постижения самого объекта, противоречия движения к новому теоретическому построению, надо освободить научное знание от несвойственной ему логической формы, не удовлетворяющей нормам современной формальной логики.

б) Как разрабатывать дальше материалистическую диалектику как логику и теорию познания марксизма?

В. И. Ленин не только определил предмет и содержание диалектики как логики, но и сформулировал принципы ее развития. Содержание диалектики составляют ее категории в их систематической связи. Каким путем следует идти в обогащении этих категорий новым содержанием, на основе каких принципов создавать их систему?

Категории материалистической диалектики выработаны в процессе исторического развития философского знания, поэтому опыт истории философии имеет первостепенное значение для их понимания и дальнейшего обогащения. В особенности большое значение В. И. Ленин придавал гегелевской «Науке логики». Он считал необходимым «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах...»¹³ Это В. И. Ленин писал в 1922 г. в своем философском завещании, которым является, по существу, статья «О значении воинствующего материализма».

Но какой бы ни была важной материалистическая переработка гегелевской диалектики, ею никак нельзя ограничить разработку материалистической диалектики как логики и теории познания марксизма. Во-первых, даже история диалектики до К. Маркса не исчерпывается одним Гегелем, а во-вторых, для нас сейчас представляет интерес не только сама диалектика Гегеля, а ее переработка и приложение К. Марксом и В. И. Лениным к анализу живой действительности, развитию общества и науки¹⁴. В-третьих, В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, делает следующее важное для нас замечание: «...Логика и теория познания должна быть выведена из „развития всей жизни природы и духа“»¹⁵. А это развитие жизни природы и духа во всем своем многообразии не исчерпывается историей философии; оно может быть охвачено лишь всей совокупной культурой человечества: искусством, наукой и т. п. История развития научного знания составляет важнейший элемент того опыта, из которого должна исходить диалектическая логика, нацеленная прежде всего на то, чтобы охватить пути, законы и формы движения знания к истине. Нельзя не вспомнить в связи с этим ленинское требование обработать на основе диалектики историю развития теоретической мысли, науки и техники.

Если В. И. Ленин остро ставил вопрос о необходимости логико-гносеологического анализа данных революции в естествознании, когда она еще только начиналась, то это тем более важно сейчас, когда развернулась научно-техническая революция, из которой следуют важные социальные и теоретико-познавательные выводы. Революция в науке вызвала изменения в структуре научного знания, в способах его движения к новым результатам, в соотношении эмпирического и теоретического, интуитивного и

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 30.

¹⁴ «Современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды», — пишет Ленин (Там же, стр. 31).

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 80.

формального в нем, во взаимоотношении между различными методами познания и т. п.

Формальная логика сделала выводы из уроков революции в науке, существенно изменив арсенал своих средств, пополнив его новыми логическими исчислениями. На этом основании некоторые поспешили объявить, что формальная логика в ее новом виде и является методологией современного научного познания. Неопозитивизм, многие представители которого успешно занимались специальными формально-логическими исследованиями, сумел на этом нажить себе известный капитал.

Конечно, современная формальная логика уловила и выразила по-своему одну из тенденций развития современного научного знания — изменение взгляда на ценность и роль наглядного образа в науке, вызвавшее расщепление языка науки на два элемента: искусственный формализованный язык, в роли которого стала выступать математическая символика, и язык, выражающий результаты эмпирического наблюдения. Языковые символические структуры превратились в формы, которые в своеобразной форме накладываются на результаты познания, в частности эмпирического наблюдения. Мысль долгое время может двигаться, не выходя за пределы этих форм, при этом не только придавать знанию строгость, непротиворечивость и доказательность, но и приводить к новым результатам, которые иным путем получить бывает и невозможно.

На этой основе и создалось впечатление, что современная наука развивается посредством применения аппарата и методов формальной логики, а последнее якобы находит адекватное описание в неопозитивистской философии, представляющей знание в виде комбинации двух элементов: чувственных перцепций и аналитических правил оперирования знаками языка, которые дает формальная логика. Научная теория будто бы связывает наблюдаемые данные посредством дедуктивных операций, что и дает нам возможность предсказывать новые наблюдаемые данные.

В действительности же это совсем не так. Научное знание развивается путем смены понятий и принципов, выдвижения новых идей и построения на их основе теорий. Наука имеет дело не только с чувственными перцепциями и формально-логической дедукцией, а и с развитием мышления, включающим в себя синтетическую деятельность разума, интеллектуальную интуицию и т. п. Поэтому для нас необходима логика, которая давала бы объяснение движению знания во всей его полноте, вырабатывала аппарат для деятельности мышления. Такой логикой и является материалистическая диалектика, законы и категории которой служат основой синтеза знания, направляют мышление на поиск решения новых проблем в науке.

Развитие диалектической логики означает дальнейшую разработку категорий материалистической диалектики, обогащение их содержания, выдвижение новых понятий, выступающих в роли

категорий диалектики, установление связи между ними, построение системы, позволяющей в наиболее полном виде выражать их содержание и двигать научное знание вперед.

Опыт свидетельствует, что развивающаяся наука требует совершенствования системы диалектических категорий. В. И. Ленин практически показал, каким путем может идти плодотворное обогащение всех сторон, граней диалектики как метода научно-теоретического мышления: категории диалектической логики должны находиться в состоянии непрерывного действия, своеобразного напряжения. Они возникли на определенном опыте, анализе результатов развития общества и научного знания. Необходимо их сопоставлять с новым, еще не исследованным опытом и не только научного знания, но и общественного развития в целом. В. И. Ленин завещал систематически разрабатывать марксистский метод познания и практического действия, руководствуясь образцами применения диалектики у Маркса и многочисленными образцами диалектики экономических и политических отношений современной общественной жизни. Так поступал он сам, применяя метод К. Маркса к анализу развития капитализма и опыта движения рабочего класса в новую историческую эпоху, к революции в естествознании и т. п.

Что дает такой анализ?

Во-первых, он ведет к новым результатам в той области науки (истории, политической экономии, истории науки и т. п.), которая избирается в качестве предмета анализа. Здесь видно, каким образом сознательное применение диалектики действительно ведет от известного к неизвестному, к созданию теоретических построений о новых, ранее мало или совсем неисследованных объектах.

Во-вторых, успешное применение диалектических категорий к анализу конкретной ситуации, сложившейся в развитии общества, науки, культуры в целом, укрепляет саму диалектику как метод мышления.

В-третьих, свидетельствует о творческом, так сказать, открытом характере диалектической логики; последняя не может быть представлена в виде закрытой системы, состоящей из определенного числа законов и категорий, не допускающих изменения своего содержания и введения новых категорий. В. И. Ленин не замыкал ее в три закона и несколько категорий, а рассматривал в качестве саморазвивающейся системы, непрерывно пополняющейся новыми элементами.

Диалектика — «учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии»¹⁶ — способна включить в себя новое содержание, не боится никаких фактов науки, не укладывающихся в прежние теоретические построения. Анализируя и постигая новую действительность, она изменяет и самое себя, уточняет, конкретизирует свои категории. Примером опять-таки может служить ле-

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 84.

нинский анализ революции в естествознании, на основе которого В. И. Ленин произвел «пересмотр» содержания ряда категорий философского материализма (материя, сознание, движение, пространство, время и др.) и показал, что философский материализм К. Маркса способен не только пережить крутые революционные изменения в науке, но и овладеть всеми новейшими достижениями наук, внутренне изменяясь и обогащая свои категории новым содержанием.

В. И. Ленин писал: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не „рассказывая“, не „уверяя“, а *доказывая*)...»¹⁷

Но что значит «вывести» категории диалектики, откуда их выводить и какими средствами?

Прежде всего может возникнуть представление, что выведение категорий материалистической диалектики означает их дедукцию из каких-либо других понятий и высказываний, носящих более общий характер, или выведение одной категории диалектики из другой. Однако ни то, ни другое просто невозможно. Категории материалистической диалектики не дедуцируются друг из друга, ни из каких-то других более общих понятий и предложений научного знания. Поэтому и невозможно, а главное совершенно бессмысленно, пытаться построить материалистическую диалектику в виде дедуктивной, аксиоматической теории. Диалектика в принципе невозможна как подобная система. Если же кому-либо удастся построить нечто в виде формальной аксиоматической системы, внешне похожей на диалектику, то в действительности она не будет материалистической диалектикой, не будет логикой и теорией познания марксизма-ленинизма.

Может быть, «вывести» категории материалистической диалектики — это значит взять какое-либо понятие современной науки (физики, кибернетики и т. д.) с чрезвычайно широким объемом и представить его в виде новой философской категории. Но фактически такое обогащение материалистической диалектики новой категорией является мнимым, и авторитет философии от подобной «научности» не подымается, а падает. Фактически это приводит к позитивизму, согласно которому, например, теория Эйнштейна или Бора в большей степени является гносеологией, чем любая другая философская система, включая диалектический материализм.

Категории материалистической диалектики тесно связаны с понятиями других наук, являются их обобщением. Однако философские категории и общие понятия специальных наук не подменяют друг друга. Философские категории необходимы той или другой области знания именно потому, что каждая конкретная наука сама, на основе своего собственного опыта их выработать не может.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 86.

Еще более опасно под видом обогащения диалектики выдавать за ее категории понятия какого-либо иного, буржуазного мировоззрения, возникшие на совершенно ином опыте и имеющие содержание, не укладывающееся в принципы диалектического материализма. Конечно, эти понятия могут отражать некоторые стороны действительности, еще не вошедшие в содержание категорий материалистической диалектики. Буржуазные философы иногда быстро схватывают и выражают по-своему происшедшие изменения в обществе и науке. Например, неопозитивисты раньше марксистов обратили внимание на философский анализ языка и науки и выработали, исходя из своей гносеологии, ряд понятий, выражающих эту сторону процесса познания. Но из этого следует только то, что, во-первых, нам не надо опаздывать с диалектическим анализом особенностей нашей эпохи, и в частности происходящей научно-технической революции; во-вторых, если где-то и нужно исправить это опоздание, то не путем заимствования понятий из других философских систем, а только решением встающих логико-гносеологических проблем на основе марксистско-ленинских теоретико-познавательных концепций. Простое заимствование категорий неопозитивизма, касающихся особенностей современного научного знания, привело бы к тому, что марксистская гносеология была бы заменена какой-то неопозитивистской модификацией.

И это относится не только к философским проблемам языка науки, но и к любой другой теоретико-познавательной или социологической проблеме.

Материалистическая диалектика сама должна сделать определенные выводы из конкретного анализа сложившейся в истории или науке ситуации.

В. И. Ленин призывал к творческому развитию материалистической диалектики.

«Выведение» категорий диалектики, как об этом свидетельствует весь многовековой опыт развития философии, означает обобщение, синтез знания, необходимый для решения мировоззренческих проблем. На каждом этапе своего исторического развития материалистическая диалектика должна подвергать себя анализу, выяснять, каким категориальным аппаратом она обладает, находить ту связь между своими категориями, которая бы представляла метод научно-теоретического мышления во всей полноте, целостности, пополнять содержание законов и категорий диалектического материализма на основе анализа новых данных развития общества и научного знания.

К. Маркс не ограничивал свою задачу в разработке диалектического метода только тем, что применял его к анализу экономической структуры капиталистического общества, классовой борьбы, происходящей в нем. В письме к И. Диггену от 9 мая 1868 г. он писал: «...Когда я сброшу с себя экономическое бремя, я напишу «Диалектику». Истинные законы диалектики име-

ются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы...»¹⁸

То же самое приблизительно Маркс сообщил Ф. Энгельсу 14 января 1858 г., еще до написания «Капитала»: «Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»¹⁹.

Наиболее полное представление о том большом значении, которое В. И. Ленин придавал диалектической логике, изложению ее в виде системы законов и категорий, обобщающих весь многообразный исторический опыт человеческого познания, дают его «Философские тетради», в которых собраны результаты огромной подготовительной работы, проделанной В. И. Лениным для написания задуманного им систематического труда, излагающего теорию диалектики. Как известно, В. И. Ленину не удалось в силу определенных причин реализовать свой замысел. Одна из важнейших задач философов-марксистов в наше время состоит в том, чтобы с учетом как нового опыта развития самой философской науки, так и опыта развития всей науки и социальной практики представить материалистическую диалектику в качестве наиболее содержательного и развитого метода научно-теоретического мышления. Эта задача имеет большое значение и для борьбы против сегодняшнего позитивизма и других форм буржуазного мировоззрения, спекулирующих на проблемах логики. Одни выдают современную формальную логику за единственную методологию научного знания, другие, видя пороки логического позитивизма и недостаточность формальной логики как метода мышления, обращают взоры в логике к кантианству, гегельянству, одобренному известной дозой экзистенциализма или неотомизма, конструируют философскую логику, оторванную от потребностей современной науки и стоящую на позициях идеалистической гносеологии. Ставя проблему систематического изложения материалистической диалектики как логики, мы одновременно должны видеть все трудности, стоящие на этом пути. Логическое изложение диалектики не означает абстрагирования от исторических условий бытия диалектической логики в современном мире, от анализа конкретного материала из области общественного развития и движения научного знания. Излагать диалектику как логику — это не значит парить над миром в эфире чистой мысли, абсолютно не соприкасаясь с реальной действительностью. Как писал Ф. Энгельс, «логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с дейст-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 456.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 212.

вительностью»²⁰. В этом соприкосновении с действительностью — источник движения философских категорий, обогащения их новым содержанием. В противном случае мы будем иметь дело с простым, уже много раз встречавшимся в истории философии системотворчеством, с новой группировкой, классификацией категорий без их действительного понимания как ступеней, узловых пунктов движения научного знания и метода практического действия.

В. И. Ленин определил реальные пути дальнейшей разработки материалистической диалектики как логики и теории познания марксизма. Творческое осмысление нашей эпохи, выражение ее сущности и тенденций движения в философских категориях, выступающих методом, логикой движения мысли, направленность на овладение действительностью и ее переустройство на основе коммунистического мировоззрения — залог успеха философов марксистов-ленинцев.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 499.

4. ОСОБЕННОСТИ ЛЕНИНСКОГО МЕТОДА КРИТИКИ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

а) Четыре положения ленинской критики враждебных философских концепций

В Программе КПСС говорится: «В современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной. Эта борьба — отражение в духовной жизни человечества исторического процесса перехода от капитализма к социализму»¹.

Партия поставила перед учеными задачу создания научных работ, разоблачающих теории буржуазных, правосоциалистических и ревизионистских защитников капитализма.

Научная разработка проблем, связанных с борьбой против современной буржуазной философской и социологической мысли, включает в себя, с одной стороны, непосредственную критику отдельных философских и социологических концепций, имеющих широкое распространение в той или иной стране, работ отдельных философов-идеалистов, реакционных социологов, оказывающих известное влияние на умы интеллигенции и других слоев общества, с другой стороны, разработку метода критики враждебных марксизму философских и социологических концепций.

Метод критики имеет большое значение для практики борьбы против буржуазных концепций. Нам нужна не вообще критика, а такая, которая ведет к торжеству и развитию философии марксизма, которая опровергает буржуазное мировоззрение и преодолевает его влияние среди трудящихся.

Советские философы еще недостаточно критикуют буржуазные направления в философии, но они еще меньше занимаются научной разработкой метода этой критики. Это приводит к тому, что критика порой не достигает цели. Фундаментальных работ, посвященных методу критики буржуазного мировоззрения, у нас пока нет. Имеются лишь отдельные статьи, в которых авторы касаются некоторых вопросов этой проблемы применительно к критике отдельных философских школ.

Недостатки, которые у нас были и еще существуют в критике различных направлений буржуазной философии, имеют много причин. Некоторые считают, что все они проистекают из недостаточного и неполного знакомства с произведениями критикуемых философов.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 51.

Конечно, чтобы критиковать, надо по первоисточникам знать философскую систему или направление, глубоко их изучить. Однако одного этого недостаточно. Не меньшее значение приобретает метод критики, который определяет ее цели, содержание и направление. Очень часто недостатки в критике буржуазных идеалистических концепций своей главной причиной имеют недооценку значения метода.

Способ критики враждебных марксизму-ленинизму концепций определяется особенностями материалистической диалектики как философского метода познания и преобразования действительности. В сущности нет двух методов — один для критики, а другой — для позитивной разработки проблем философии. Метод один, но его надо творчески применять в решении конкретных задач. Поэтому метод критики является применением материалистической диалектики к анализу философских систем, противоположных марксистско-ленинскому мировоззрению.

Как известно, материалистическая диалектика соединяет в себе трезвый объективный анализ явлений с партийностью, с защитой интересов пролетариата. Это же самое составляет существо подхода марксизма-ленинизма к философским концепциям, которые выдвигаются буржуазными идеологами. Причем эти две стороны марксистского метода неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга.

Критикуя какую-либо философскую школу, направление или работы отдельного философа, следует дать научный анализ содержания учений этой школы или философа. Необходимо, несомненно, ее представить такой, какова она есть. Самым лучшим способом разоблачения и борьбы с ними является обнажение их действительной сущности, которую они тщательно замаскировывают.

На примере философских учений современной буржуазии можно хорошо показать различие между такими категориями, как сущность и видимость. На поверхности буржуазные философы выступают совсем не теми, кем они являются в действительности. Может показаться, что они ратуют за науку, прогресс, гуманизм, свободу. Но в действительности они являются ярыми противниками всего этого.

Поэтому изложение существа, объективного содержания философской системы представляет большую трудность. Чтобы не попасть на удочку к буржуазному философу, необходимо пробраться сквозь философский туман, маскировку и обнажить объективное содержание его учения. В этом обнаружении действительной сущности философских течений современной буржуазии огромная роль принадлежит партийности, которая нацеливает на глубокий и всесторонний объективный анализ. Поэтому пролетарская партийность в исследовании не только не противоречит объективности, поискам объективной истины, но является орудием ее достижения.

Настоящая работа ставит перед собой задачу выявить основные особенности ленинского подхода к решению данной проблемы, подробней остановившись только на некоторых сторонах его. При этом, конечно, нельзя обойтись без обращения к нашей практике по критике буржуазной философии, поскольку разработка метода имеет своей целью поднятие уровня исследований, направленных на разоблачение современной буржуазной философии.

В. И. Ленин оставил нам не только образцы глубокой критики буржуазного мировоззрения, но и важные теоретические положения, характеризующие в наиболее существенных чертах сам метод критики, которым он руководствовался. В этом отношении особенно важное значение имеет заключение к книге «Материализм и эмпириокритицизм»², где сформулированы четыре точки зрения, с которых марксист должен подходить к оценке эмпириокритицизма. Положения, высказанные здесь В. И. Лениным, относятся не только к критике махизма. Они составляют основу метода критики марксизмом буржуазных идеалистических концепций, ибо вытекают из существа и содержания материалистической диалектики.

Согласно требованиям этого метода, критика марксизмом идеалистических концепций в качестве обязательного момента включает в себя: 1) сравнение теоретических основ рассматриваемой философской системы с диалектическим материализмом с целью определения гносеологической сущности данного направления в философии, решения им кардинальных вопросов философии; 2) определение места данной философской школы или направления среди других течений буржуазной мысли, т. е. выяснение теоретических источников данной философской системы, ее предшественников в прошлом и соратников в настоящем; 3) установление связи и отношения критикуемого направления к науке вообще и естествознанию в частности; что берет из науки данное направление, как к нему относятся деятели науки; 4) наконец, определение места данной школы, направления в борьбе партий в философии, в борьбе материализма и идеализма и, следовательно, определение общественной функции этого направления, его отношения к происходящей в обществе борьбе классов, т. е. выявление его социальной роли.

Данные положения являются фундаментом в научной критике буржуазного мировоззрения, они требуют рассмотрения философской концепции с четырех главных, определяющих ее сторон: 1) гносеологической, 2) исторической, 3) естественнонаучной, 4) социальной.

Эти положения являются необходимым условием научного подхода к рассмотрению любой философской концепции, они широко известны и применяются в нашей философской литерату-

² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 379—380.

ре, посвященной критике буржуазных философов. Если хотя бы одно из этих положений не будет реализовано, то критика окажется однобокой, а значит, и неверной.

Разберем подробнее значение каждого из этих элементов метода критики буржуазной философии.

Выявление гносеологической сущности, содержания рассматриваемой системы составляет первый и необходимый элемент всякой критики, без которого она будет беспредметной. Надо определить, что же подвергается критике, а для этого необходимо выяснить, как данное направление решает философские проблемы. Существует целая группа проблем, которые не может обойти ни одна система или школа в философии. Сюда входит решение основного вопроса философии, его первой и второй сторон, истолкование причинности, пространства и времени, движения, развития и т. д.

Задача состоит не только в установлении материалистического или идеалистического, диалектического или метафизического подхода к решению кардинальных проблем философии тем или иным направлением. Очень важно выявить особенности, отличающие данное направление от других школ, не только то общее, что одну идеалистическую школу роднит с другой, но и что ее отличает. Недопустима абстрактная критика, не базирующаяся на вскрытии особенностей данной школы, направления, она всегда должна быть обращенной, нацеленной на определенного философского противника.

При выяснении содержания философского направления чрезвычайно важным является его сравнение с диалектическим материализмом. Это сравнение, во-первых, дает возможность полнее и глубже выявить гносеологическую сущность критикуемой системы, во-вторых, оно разоблачает жалкие потуги оруженосцев капитализма — ревизионистов выдать какое-либо направление в буржуазной философии за дальнейшее развитие и обновление марксизма.

С самого начала своего возникновения ревизионизм выступил как рабское следование модным идеалистическим направлениям. «В области философии,— писал В. И. Ленин,— ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,— и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,— и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали что материализм давно «опровергнут»³.

Сопоставление гносеологических основ буржуазной философии с диалектическим материализмом, как установил В. И. Ленин на примере махизма, показывает ее сплошную реакционность по всем кардинальным вопросам философской науки. Диа-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 19.

лектический материализм составляет коренную противоположность буржуазной философии, установление этого имеет огромное методологическое значение в анализе любой ее школы и направления.

Второй важнейший элемент ленинского метода критики буржуазного мировоззрения составляет определение места критикуемой системы среди других школ и направлений. Сюда входит установление ее предшественников в прошлом и соратников в настоящем. Так, В. И. Ленин, критикуя махизм, показал, что эта философия идет назад от Канта к Юму и Беркли, т. е. к откровенному субъективному идеализму и агностицизму. Соратниками эмпириокритиков были имманенты (Шуппе и другие), для философии которых также характерен субъективный идеализм. «Дело в том,— пишет В. И. Ленин,— что имманенты — самые отъявленные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди. Нет ни одного из них, который бы не подводил *открыто* своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии, к оправданию того или иного средневековья» ⁴.

В. И. Ленин не ограничивается тем, что устанавливает предшественников и соратников махизма, он идет дальше — показывает, куда растет эмпириокритицизм. «Мы должны,— пишет он,— посмотреть теперь, как и куда, т. е. в каком направлении растет эта философия,— это поможет нам решить некоторые «спорные» вопросы путем ссылки на бесспорные исторические факты» ⁵.

Определение тенденции развития того или иного направления в философии, как показывает В. И. Ленин, «лучше, чем длинные рассуждения, поможет решить *основной* вопрос о настоящей сути этой философии» ⁶. Так, эмпириокритицизм рос в сторону все более откровенного идеализма и мистики, он все более и более по своему содержанию сливался с религией. Последователи Маха и Авенариуса, начиная с учения об элементах мира и принципиальной координации, идут, например Карус, к проповеди «новой теологии», «научной теологии», или теопомии, согласно которой вся божественная истина и сам бог открываются в естествознании и истории.

Эта тенденция в развитии эмпириокритицизма говорит сама за себя, обнаружение ее является прекрасным заключением к общей характеристике философии эмпириокритицизма, оно не оставляет ни капельки сомнения в том, что махизм, как всякий субъективный идеализм, смыкается с религией. Каким жалким после этого выглядит утверждение А. Богданова, что в философии Маха нет места для идей бога, свободы воли, бессмертия души!

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 222.

⁵ Там же, стр. 227.

⁶ Там же, стр. 228.

Таким образом, определение места критикуемой философской системы (ее предшественников, соратников и последователей) не имеет своей самостоятельной цели, не зависимой от обнаружения объективного содержания философской концепции. Исторический взгляд на какую-либо систему в философии является продолжением и дополнением ее гносеологического анализа.

Большое значение всегда имело рассмотрение отношения философской концепции к науке. Это особенно значительно в наши дни.

Отношение идеалистической философии к науке противоречно. Она не может открыто выступить против достижений науки, ибо в наше время наука получила всеобщее признание. Если будешь открыто противоречить науке, то скомпрометируешь себя в глазах общественности. Это хорошо понимают даже церковники. Поэтому сейчас трудно найти такое течение в философии, которое хотя бы формально не признавало науки, почти все они утверждают, что положения их философии не только не противоречат данным науки, но являются прямым следствием ее последних достижений. В настоящее время «поборниками» науки выступают даже философы-неотомисты. Например, иезуит Веттер недостаток марксистской философии видит в том, что ее принцип партийности якобы противоречит научности, интересам истины, а неотомистская философия будто бы соответствует последним достижениям науки и идет даже дальше их, преодолевает ограниченность научного познания.

Но нам ясно, что идеализм и метафизика не могут не противоречить действительным результатам науки, поэтому для своего якобы научного обоснования идеализм прибегает к фальсификации достижений науки, к превратному их толкованию.

Как показывает В. И. Ленин, без рассмотрения отношения идеалистических течений современности к науке характеристика будет неполной, окажется упущенной существенная сторона критики идеализма. «Разбирать махизм, игнорируя эту связь,— пишет В. И. Ленин о связи махизма с течением в новой физике,— как делает Плеханов,— значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса»⁷.

Идеализм связан не с наукой, а с идеалистическим течением в ней. Он, конечно, берет факты, последние достижения науки, но не для того, чтобы сделать из них гносеологические выводы, соответствующие этим фактам. Идеализм дает им превратное толкование; некоторые ученые заимствуют это объяснение, скатываются на позиции субъективизма и агностицизма, в результате чего возникает кризис в науке, который проявляется в возникновении «физического», «физиологического» и других форм идеа-

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 265.

лизм. Философы-идеалисты в действительности связаны не с наукой, а с идеалистическими школками, спекулирующими на новейших достижениях науки. Махизм основывается не на науке «физике», а на махистском философском течении в ней, на «физическом» идеализме, действительная же наука «физика» не только не подтверждает гносеологические построения махистов, а прямо, самым решительным образом опровергает их.

Анализируя отношение современной буржуазной философии к научным достижениям, не следует забывать такую сторону, как ее связь с религией. Известно, что наука и религия несовместимы. Для идеалистических концепций современности характерным является стремление доказать совместимость религии и науки. В настоящее время религия и идеализм на свое вооружение взяли концепцию двойственной истины (научной и религиозной), согласно которой эти две истины не могут противоречить друг другу, поскольку касаются совершенно различных сфер, миров.

В свое время, в XVII и XVIII столетиях, концепция двойственной истины была прогрессивной в развитии философии, она являлась путем освобождения возникающей и развивающейся науки из-под ига религии. Утверждения о правомерности и возможности научного решения вопросов, независимо от религии, были большим завоеванием философской мысли. Когда религия считала, что она дает единственно верное решение всех проблем, положение философии о возможности параллельно существующих истин разума, науки было первым шагом освобождения науки от религии. Сейчас утверждение религии и идеалистической философии о двойственности истины играет совсем иную социальную роль, оно служит обоснованием необходимости религии. Это — последняя попытка спасти религию, когда наука наносит по ней сокрушительные удары и анахронизм веры становится все более очевидным. Идеализм, разделяя концепцию двойственной истины, ясно обнаруживает свои симпатии к религии, устанавливает границы науки.

Отношение какой-либо философской концепции к религии выступает как бы лакмусовой бумажкой для определения ее научности. Современные идеалисты избегают прямой постановки вопроса в форме: либо наука, либо религия; все они прямо или косвенно, открыто или стыдливо, замаскированно ищут пути примирения науки с религией. В этом отношении очень характерна позиция неопозитивистов, которые наиболее тонко занимаются обработкой данных науки на потребу религии, хотя внешне иногда выступают ее противниками. Так, Филипп Франк свой доклад «Современная роль науки» на XII Международном философском конгрессе начинал такой постановкой проблемы: «Основной темой настоящего доклада является вопрос: какова в действительности роль науки XX в.? Действительно ли она вернула человеку статус «одухотворенного существа», не лишив его роли

как части природы? Действительно ли она продемонстрировала, что естественные науки совместимы с законами духа?»⁸.

От прямого ответа на этот вопрос Франк уклоняется, однако эта его уклончивость лучше всего служит обоснованию религии. Во-первых, он решителен в своих утверждениях, что материалистическое понимание мира опровергнуто современной наукой. Спиритуализм и религия не доказаны окончательно наукой, но и не опровергнуты, больше того, ход развития науки все более приближает ее к религии. Франк явно не утверждает, что физика XX в. поддерживает концепцию спиритуализма, но его положение, что материалистическое описание мира, провозгласившее «вечность материи»⁹, отброшено современной наукой, которая в настоящее время стала более совместимой с идеей божественного творения, красноречивее всего говорит само за себя, оно не оставляет никаких сомнений относительно симпатии Франка к религии и его антипатии к безбожному материализму.

В итоге Франк приходит к несостоятельному выводу, что наука XX в. сама по себе не внесла никаких изменений в понимание взаимоотношений человека и природы: «... всякие попытки подкрепить материалистические или спиритуалистические убеждения посредством науки XX в. потерпели неудачу»¹⁰. Действительно, спиритуализм в научном отношении потерпел провал, но материализм не только выстоял, но и окреп в результате достижений науки, особенно физики XX века. Потерпела также крах позитивистская концепция (ни материализм, ни идеализм), которую развивал Франк в своем докладе, ибо эта концепция ничего не дает, кроме лавирования между наукой и религией. Читая рассуждения Ф. Франка, служители церкви могут сказать: смотрите, наука совершенно бессильна что-либо доказать относительно религиозной сферы, это же самое утверждаем и мы, защищая принцип двойственности истины.

В. И. Ленин, критикуя идеализм, постоянно показывал его связь с религией, он убедительно доказал, что идеализм есть дорога к фидеизму, поповщине. Неразрывная связь идеализма и религии — непреложный факт, свидетельствующий о мнимой научности идеализма. «Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении,— пишет В. И. Ленин,— вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность,— всякой другой «реальности» или квазиреальности ... закрыта дверь»¹¹.

⁸ Atti del XII Congresso Internazionale di Filosofia, vol. 1. Firenze, 1958, p. 5.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 365.

Следующий момент в ленинском методе критики — рассмотрение философских концепций с точки зрения борьбы партий в философии — завершает все предыдущее, доводит анализ критической системы до логического конца.

Социальная сущность философской системы определяется не на основе того, что философ говорит сам о себе, как он представляет себе роль своей концепции, а объективными критериями — какому классу в обществе в данных условиях она служит в силу своего содержания. Поэтому, чтобы охарактеризовать классовое содержание философской системы, надо показать решение ею кардинальных проблем и прежде всего основного вопроса философии, ибо, как отмечает Ленин, борющимися партиями в философии «являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли»¹².

Извращенное, превратное толкование отношения мышления к бытию, с которым связан идеализм, служит теоретической основой для оправдания противоречий, порождаемых движением эксплуататорского общества. Если философ является идеалистом, то уже тем самым, независимо от желаний, личной социальной принадлежности, содержание его философской концепции объективно служит реакционным, отжившим слоям в обществе, заинтересованным в том, чтобы набросить мистическое покрывало на существующие общественные отношения. Если есть идеализм, то эксплуататорские классы найдут способы его использования для своих целей. Любой идеализм можно поставить на службу реакции, и прежде всего потому, что он ведет к фидеизму и поповщине.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал мысль, что идеализм через религию ведет к защите всякого мракобесия, социального гнета и несправедливости. «Враги демократии,— писал В. И. Ленин,— старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии»¹³.

Определение партийной принадлежности философа приобретает большое значение еще и потому, что, как правило, сами буржуазные мыслители тщательно скрывают ее, представляют выдвигаемые концепции нейтральными, бескорыстно служащими истине. Но эта мнимая беспартийность — лучшее свидетельство буржуазной партийности.

Четыре основных положения ленинского метода критики враждебных марксизму идеалистических концепций, взятые вместе,

¹² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 380.

¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 43.

в единстве, создают все необходимые условия для глубокого и всестороннего анализа критикуемой системы. Их последовательность выражает ход развития нашей мысли в процессе выявления ее объективного содержания и социальной роли. Сначала надо вскрыть гносеологическую сущность концепции, что создает необходимые предпосылки для определения ее теоретических источников (предшественников и соратников). Потом на основании знания содержания данной философской системы, выяснения того, откуда она выросла и какую имеет основную тенденцию своего развития (куда растет), необходимо ставить вопрос об ее отношении к науке, с одной стороны, и к религии, с другой. Проблема партийности, социальной сущности философских концепций может быть решена только после того, как будет выяснено ее гносеологическое содержание, тенденция развития, отношение к науке и религии, ибо все это и служит объективным критерием для определения, кому и как служит она в конкретных условиях классовой борьбы в обществе на том или ином этапе его развития.

Если опустить один из этих моментов или нарушить последовательность исследования философской системы, то нельзя создать полной и доказательной картины, отображающей сущность этой системы. Утверждение, что какая-либо философская концепция объективно является апологетикой капитализма, будет бездоказательным до тех пор, пока не выяснено ее гносеологическое содержание, не определено ее отношение к науке и религии.

Сформулированные В. И. Лениным положения составляют основу метода критики марксизмом буржуазных философских концепций, но одними ими нельзя ограничивать этот метод. Изучение произведений В. И. Ленина, в которых применяются эти положения, дает возможность выявить еще ряд особенностей этого метода, которые конкретизируют и дополняют данные положения.

б) Особенности ленинской критики гносеологической сути враждебных концепций

Целесообразно подробнее остановиться на некоторых из этих особенностей, касающихся, в частности, подхода к анализу гносеологической сущности идеалистических философских концепций и их отношения к науке.

При выявлении гносеологической природы философского направления необходимо прежде всего брать его в целом как концепцию, течение, а не определенные примеры из трудов его представителей, подвергать критике ложные в основе гносеологические построения, а не высказывания отдельных философов, т. е. критический анализ философской концепции нельзя подменить подбором характерных высказываний философов.

В. И. Ленин, критикуя махизм, считал необходимым получить «представление об эмпириокритицизме, как о философском течении, а не как о собрании литературских казусов»¹⁴.

Подбор примеров — это не метод диалектики, которая требует конкретного анализа конкретной ситуации, рассмотрения явлений в целом, со всеми главными противоречиями, определяющими предмет на данном этапе его развития. Это в полной мере относится и к методу анализа немарксистских философских концепций, который нельзя сводить к сопоставлению высказываний критикуемых философов, с одной стороны, и классиков марксизма-ленинизма, с другой — простому противопоставлению различных мнений. Работа критика не может ограничиться установлением, что рассматриваемый философ (или направление) отрицает объективное существование внешнего мира, признает первичным сознание, отрицает объективную истинность нашего знания, не признает практику как основу и критерий истины или неправильно толкует ее и т. п.

Такая критика убедительна и доказательна только лишь для того, кто уже является убежденным сторонником диалектического материализма. Рассуждения критика ведутся по следующей схеме: диалектический материализм является научным, истинным мировоззрением; положения данной философской концепции несовместимы с положениями диалектического материализма, следовательно, они ложны, ненаучны.

Конечно, вывод в данном случае является правильным, не вызывающим сомнений, но он убедителен и доказателен только для тех, кто сознательно разделяет позиции диалектического материализма.

В критике идеалистической концепции мы не можем остановиться на том, чтобы только установить противоречия ее основных положений с диалектическим материализмом, необходимо показать ее противоречие с фактами науки и практики. Это имеет особое значение, когда наша критика обращена к зарубежному читателю, находящемуся под влиянием аргументов идеалистической философии, или к нашему советскому слушателю, студенту, еще по-настоящему не изучившему диалектический материализм.

Наши научные работы и лекции, посвященные критике враждебного марксизму мировоззрения, не должны носить только научно-информационный, просветительский характер. Основной задачей их является не ознакомление читателя или слушателя с воззрениями какого-либо философа или содержанием той или иной концепции, а ее разоблачение с тем, чтобы показать жизненность и истинность марксизма. Обычного читателя и студента, слушающего курс диалектического материализма и не мыслящего профессионально философски, главным образом интересует не то,

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 228.

к какому направлению идеализма принадлежит тот или иной мыслитель, а прав он или неправ, соответствует фактам науки его концепция или она ложна.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин не ограничивается показом того, что махизм является идеализмом (хотя установление этого имело большое значение, ибо эмпириокритики, как и многие современные буржуазные философы, маскируют свой идеализм). Задача состоит не в том, чтобы доказать идеализм идеалиста, а показать несостоятельность всякого идеализма вообще, на примере разбора той или иной идеалистической концепции воочию продемонстрировать неизбежность диалектико-материалистического взгляда на мир, его непреодолимую силу. А для этого надо разбирать не отдельные высказывания и положения идеалистов и устанавливать их противоречия с материалистическими положениями, а философскую концепцию в целом, доказывать ее внутреннюю несостоятельность, неспособность совладать с фактами действительности.

Когда В. И. Ленин говорит о необходимости сравнения гносеологии эмпириокритицизма с диалектическим материализмом, то речь идет здесь не о подборе высказываний Маха и Авенариуса, которые противоречили бы положениям марксизма. Сравнение выступало одним из элементов выявления содержания философских построений эмпириокритиков, при этом сравнивается система махизма, махистское течение в целом, с философией марксизма.

В критике идеалистической концепции большое значение имеет обнаружение в ней внутренних противоречий. Идеализм внутри себя, в своей природе содержит подрывающее его противоречие, показывающее его несостоятельность. Эволюция идеализма влечет за собой обострение этого противоречия, которое состоит в несоответствии между содержанием и формой всякой идеалистической концепции, в извращении действительных отношений в мире.

В этом смысле идеализм по своему содержанию сходен с религией. Но всякий идеализм одновременно отличается от религии, ибо от науки он усваивает форму выражения своего содержания. Чтобы отличаться от религии, ему надо хотя бы по форме выйти за ее пределы, поэтому содержание, по существу тождественное религии, он выражает в научно-теоретической форме, в виде абстракций. В этом смысле надо понимать выражение, что идеализм является просвещенной формой религии. Недаром Рассел и другие считают философию «ничейной землей», чем-то промежуточным между теологией и наукой. С наукой, по мнению Рассела, философию сближает метод доказательства, философия призывает к разуму, к научно-теоретической форме постижения своего предмета, но содержание всякой философии якобы стоит вне науки, ибо она пытается решить такие вопросы, которые выходят за пределы науки, Рассел полагает, что филосо-

фия усваивает только научную *форму* мышления. Это замечание Рассела совершенно справедливо только в отношении идеализма, который действительно только по *форме* стоит ближе к науке, а по содержанию к религии.

Современный идеализм взял на свое вооружение самые тончайшие приемы научного размышления о явлениях действительности, оставаясь в пределах противоположного науке воззрения на мир. Примером может служить «логический позитивизм», который трудно по *форме* отличить от современных наук: математики, физики, лингвистики и т. д., из которых он заимствует способ теоретического мышления. Противоречие между содержанием и научной *формой* современной позитивистской философии так сильно и разительно, что аргументы против идеализма позитивистской философии можно найти, не выходя за ее пределы. Стремясь как можно ближе, хотя бы по *форме*, встать к современной науке, она из последней заимствует такие аргументы, факты, закономерности, способы обобщения, которые при последовательном проведении приводят к отрицанию идеалистического содержания ее систем. Отсюда непоследовательность, внутренняя противоречивость, эклектичность рассуждений современных идеалистов, многие из которых иногда под влиянием развивающейся науки изменяют даже своему идеалистическому исходному положению и в трактовке того или иного вопроса смыкаются с материализмом, хотя словесно пытаются всячески отмежеваться от него.

В 1957 г. в русском переводе вышла книга Б. Рассела «Человеческое познание». Читатель не найдет в этой книге отчетливо сформулированных идеалистических принципов, хотя вся книга направлена против диалектического материализма и его учения об объективной истине. Больше того, в своей книге Рассел иронизирует по поводу философов-идеалистов (спиритуалистов и солипсистов), оперирует большим фактическим материалом из различных областей науки: математики, физики, астрономии, физиологии, психологии; многие его рассуждения кажутся правдоподобными, кажется, что автор следует только результатам науки и избегает всяких метафизических предположений. Но лейтмотивом его книги, который в основном выступает в подтексте, является старая юмистская мысль, что никакое научное знание ничего не может доказать относительно самого объективного мира. «Физики и астрономы основывают свои утверждения о том, что происходит во внешнем мире, на свидетельстве чувств, особенно зрения. Но ни одно из явлений, происходящих, как говорят, в физическом мире, не является ощущением; каким же образом, — спрашивает Рассел, — тогда ощущения могут подтверждать или опровергать физическую теорию?»¹⁵

И это характерно не только для Рассела и логического пози-

¹⁵ Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, стр. 83.

тивизма, но и для большинства направлений современной идеалистической философии, которые внутренне противоречивы, эклектичны.

В отличие от таких неопозитивистов, как А. Айер, Б. Рассел является активным борцом за мир, и в данном случае важно раскрыть это противоречие прогрессивных политических позиций Рассела его философским позициям.

Некоторые марксисты критикуют идеализм, недостаточно анализируя внутреннюю структуру самой идеалистической концепции, не оперируя фактами и положениями из нее. Критикуя своих идеалистических противников, они иногда не замечают реальных фактов, которые у них отражены абстрактно, субъективно, извращенно.

Как марксист должен отнестись к тому, что идеалистическая концепция может содержать некоторые верные факты? Можно ли это рассматривать как силу идеализма, как представляют некоторые ученые за рубежом, особенно ревизионисты, когда разбирают мировоззрение какого-нибудь крупного зарубежного мыслителя, у которого идеалистическое мировоззрение переплетается с истинными положениями, взятыми из науки? В действительности же это свидетельствует о силе диалектического материализма и о слабости идеализма, о его эклектичности. Идеализм неизбежно вступает в противоречие с фактами науки, даже с теми, которые он использует.

Мышление идеалиста отличается от мышления материалиста. Но даже самый отъявленный, сознательный идеалист не может управлять своим мышлением и его ходом как угодно, произвольно, его мышление связано с объективными закономерностями и объективным содержанием, и при всем своем желании он не может создать такую идеалистическую концепцию, которая была бы лишена какого бы то ни было объективного содержания. Если бы последнее случилось, то это было бы опровержением ленинской теории отражения. А раз так, то не может быть такого идеалиста (в особенности если он работает в области науки или искусства), который бы в своих философских построениях руководствовался только соображениями, вытекающими из его классового мировоззрения. Поскольку он связан с фактами, обрабатывает их, он вынужден в той или иной степени следовать логике фактов, и, следовательно, выходить за пределы идеалистической концепции.

Лавируя между наукой и идеализмом, буржуазный философ строит систему, сотканную из разнородных и противоречивых элементов. Задача критики состоит в том, чтобы отыскать в критикуемой системе верные положения, реальные факты, если она их содержит, и направить эти положения вместе с другими подобными, которых нет в этой системе, против идеалистических утверждений, т. е. попытаться сначала сразить идеализм философа аргументами, заимствованными прежде всего у него самого.

Означает ли такая критика идеализма примирение с ним? Конечно, нет. Показывая внутреннюю противоречивость идеалистической системы, мы тем самым подводим к мысли, что идеализм под влиянием науки и практики приходит к самоотрицанию, самоопровержению и доказательству своей несостоятельности, что он неминуемо вступает в противоречие с фактами действительности и становится тормозом в развитии науки и практики.

Обратимся к В. И. Ленину, посмотрим, как он критикует махизм. Ленин показывает, что основоположники эмпириокритицизма в своей философии совмещают основные идеалистические посылки с отдельными материалистическими выводами, «что Мах забывает свою собственную теорию и, начиная говорить о различных вопросах физики, рассуждает попросту, без идеалистических выкрутас, т. е. материалистически. Все «комплексы ощущений» и вся эта берклианская премудрость летят прочь. Теория физиков оказывается отражением существующих вне нас и независимо от нас тел, жидкостей, газов, причем отражение это, конечно, приближительное, но «произвольным» назвать это приближение или упрощение неправильно. Ощущение *на деле* рассматривается здесь Махом именно так, как его рассматривает все естествознание, не «очищенное» учениками Беркли и Юма, т. е. как *образ внешнего мира*. Собственная теория Маха есть субъективный идеализм, а когда нужен момент объективности, — Мах без стеснения вставляет в свои рассуждения посылки противоположной, т. е. материалистической теории познания»¹⁶.

Обнаружение противоречия в критикуемой системе не сводится к установлению ее логической непоследовательности, противоречивости. Речь идет не только о выявлении противоречий между суждениями, образующими философскую концепцию, но и о противоречии в первую очередь между самой концепцией в целом и теми фактами, на которых она строится.

Чтобы разбить идеалистическую концепцию, надо показать, что она противоречит даже тем фактам (а она не может им не противоречить), которыми оперирует сам философ внутри своего теоретического построения. Для этого необходимо доказать, что факты истолковываются им тенденциозно, вырываются из их общей связи и выступают как фактики, а если их взять такими, какими они в действительности существуют в науке, в их полном содержании, то они вместе с другими фактами, которые игнорируются критикуемым философом, приводят к диалектико-материалистическому мировоззрению. Используя этот метод, В. И. Ленин критиковал философских противников марксизма, обнажая несостоятельность идеалистических построений.

Высказанные здесь положения нельзя понимать в том смысле, что в критике идеалистической концепции нельзя выходить за

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 60—61,

пределы фактов, положений, которыми оперируют в ней самые буржуазные философы. Такое толкование является ошибочным, нельзя по-настоящему раскритиковать какую-либо систему ложных взглядов, не выходя за ее пределы. Нельзя становиться на позицию только имманентной критики буржуазной философии, всякая научная критика ложной концепции обязательно предполагает переход к другой, истинной системе взглядов с новыми ее обосновывающими фактами. Но это не освобождает критика от анализа самой критикуемой системы, ее внутренних противоречий и фактов, приводимых в качестве доказательства. Необходимо выходить за пределы фактов и положений враждебного материализму философского течения, но нельзя в критике избегать разбора, научного анализа этих фактов и положений. Чтобы обосновать необходимость перехода к другой философской теории, надо показать внутреннюю несостоятельность первой, ее неспособность справиться даже с теми фактами, которые приводятся в качестве ее обоснования.

в) Необходимость строгого следования ленинскому методу критики

К чему может привести забвение положения, что критика буржуазного мировоззрения должна основываться на рассмотрении концепции в целом, можно показать на примере разбора ошибок, допущенных в прошлом некоторыми нашими философами и естествоиспытателями в оценке кибернетики.

Некоторые наши специалисты по философским проблемам естествознания, отвергнувшие в свое время кибернетику и объявившие ее новым идеалистическим вымыслом, подходили к критическому анализу течений в зарубежной мысли с точки зрения выискивания ненаучных положений и высказываний, подбора букета таких положений, от которых явно несет идеализмом. Такой подбор служил аргументом в пользу утверждения, что кибернетика в целом как явление представляет собой механицизм, ведущий к идеализму. Конечно, идеалистических положений у основоположников кибернетики можно было найти в достаточном количестве. Но научный метод критики требует брать течение в целом, со всеми фактами и положениями, которые оно включает. Если бы критик подошел с точки зрения этих требований, то у основоположников кибернетики, в частности у Винера, он нашел бы не только идеалистические философские положения, но и систему фактов и закономерностей, составляющих начало новой научной дисциплины.

Анализ этих фактов и положений привел бы его к утверждению, что в своем истинном значении они не только не подтверждают ложных философских выводов, но опровергают их. Идеализм можно опровергать фактами и положениями, взятыми из кибернетики.

Подобный подход к критической оценке работ основоположников кибернетики своим следствием имел бы отделение философских спекуляций от действительно новых фактов и научных теоретических построений. Но поскольку анализ в целом был подменен выхватыванием отдельных положений из нее и вся система оценивалась по этим положениям, отдельные авторы, критиковавшие в прошлом кибернетику, допустили ошибку, отвергнув вместе с философскими спекуляциями всю систему фактов и научных положений.

Случай с кибернетикой не единственный в нашей практике, можно вспомнить отрицательное отношение отдельных философов в прошлом к математической логике, а также к семантике, которая как философская концепция является ложной, идеалистической, но некоторые представители ее плодотворно занимаются решением специальных логических и лингвистических проблем. Эти и подобные ошибки были бы исключены при строгом соблюдении требований ленинского метода критики различных течений мысли. Ведь В. И. Ленин, подвергая анализу «физический» или «физиологический» идеализм, тщательно анализировал факты, научные открытия, которыми оперировали представители этих форм идеализма. Он отнюдь не смешивал философские спекуляции с фактами, открытиями и научными положениями. Он вскрывал противоречия между философскими построениями и фактами, положениями науки, он использовал их для опровержения идеалистических концепций. Ленин требовал отделить положения и факты науки от реакционных гносеологических построений, уметь в оценке этих фактов «вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»¹⁷. При этом В. И. Ленин как философ никогда не брал на себя решение специальных вопросов той или иной отрасли естествознания. Так, разбирая вопрос о революции в естествознании и кризисе в физике, В. И. Ленин писал: «...мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий»¹⁸.

Сейчас у нас нет философов, которые бы отрицали положительное значение кибернетики, но это не значит, что в подходе к оценке зарубежных представителей этой науки преодолены все недостатки. Среди некоторой группы естественников, а также и философов наметилась другая столь же опасная тенденция — не замечать и не подвергать критике путаные, идеалистические рассуждения основоположников кибернетики и их последователей за рубежом. Кибернетика, конечно, является новой научной дисциплиной, оправдавшей себя теоретически и практически, но это отнюдь не означает, что все рассуждения Винера и других

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 364.

¹⁸ Там же, стр. 266.

буржуазных специалистов носят строго научный характер. Буржуазия и ее идеологи используют любые новые данные науки для оживления давно отжившего идеализма. Они не могут не воспользоваться в данном случае некоторыми нерешенными и трудными вопросами кибернетики. Принимая положительное содержание кибернетики как новой научной дисциплины, философ и естествовед — марксист должен быть непримиримым ко всем идеалистическим спекуляциям, возникающим на живом теле этой науки. Однако обсуждение вопросов кибернетики на совещании по философским проблемам естествознания в 1958 г. показало, что некоторые наши естествоведы под влиянием выдающихся результатов этой науки потеряли критическое чутье к порочным философским спекуляциям зарубежных мыслителей.

Марксистско-ленинский метод критики буржуазных течений философской мысли современности коренным образом отличается от ревизионистского подхода к их анализу. Ревизионист метафизически, односторонне подходит к разбору буржуазных философских концепций, он выискивает и вырывает из общей системы отдельные верные факты, положения, содержащиеся в них, устанавливает общность между отдельными, частными положениями марксизма и какого-либо течения буржуазной философии. Из этого он делает вывод, что буржуазная философская мысль идет вперед, становясь на почву марксизма, или что она впитала в себя все положительное содержание марксистского метода.

Если марксист обнаруживает верные положения и факты в идеалистической философской системе для того, чтобы показать ее противоречивость и эклектичность, несостоятельность ее основных положений, то ревизионист выискивает и абсолютизирует эти верные положения с целью ее оправдания, доказательства того, что она развивается в научном направлении, а само противопоставление марксистской философии буржуазному мировоззрению теряет якобы смысл. Метод анализа буржуазных течений ревизионистами ведет к затупевыванию их идеалистической, реакционной сущности, смешению и растворению марксистской философии в буржуазной.

Ревизионисты спекулируют на некоторых недостатках нашей критики буржуазной философии. Конечно, когда критик выделяет только идеалистические положения и не анализирует систему в целом, со всеми ее противоречиями, его критика неглубока и не исключена возможность ошибок в оценке того или другого направления. Когда ревизионист, затупевывая идеализм буржуазной философии, старательно выискивает в ней что-либо общее с наукой, верные положения, тенденциозно выставляет эти положения на первый план, то здесь мы сталкиваемся не с глубокой оценкой этой философии, а с апологетикой, прямой капитуляцией перед буржуазным мировоззрением, попыткой подменить им марксизм. Так поступали русские махисты, по этой линии идут и современные ревизионисты.

Логическим продолжением обнаружения противоречий в философской концепции является анализ ее гносеологических корней. Пытаясь создать видимость научности и объективности, идеализм иногда за основу берет какое-либо явление, момент познания жизни, который действительно имеет место. Однако этот момент односторонне раздувается, абсолютизируется, превращается в свою противоположность — из истинного он становится ложным. Ловкость и хитрость некоторых форм идеализма состоит в том, что это превращение они делают незаметным для читателя. Так, махизм абсолютизировал верное положение сенсуализма, что ощущения и восприятия являются единственным в конечном счете источником всех наших знаний о внешнем мире, превратив его в утверждение, что опыт составляет последнюю и единственную реальность, с которой имеет дело человеческое познание. Идеализм спекулирует на самых различных особенностях познания и общественной жизни, причем чаще всего он берет малоочевидные моменты, истинность которых еще не доказана наукой.

Вскрытие гносеологических корней имеет значение для определения формы идеализма, его специфических особенностей, для более полной характеристики гносеологического содержания критикуемой системы. Ленинский анализ эмпириокритицизма является целостным и полным именно потому, что он включает определение гносеологических источников философии махизма.

В заключение остановимся еще на одной особенности ленинского метода критики буржуазного мировоззрения, а именно на связи критики с творческим развитием философии, с разработкой ее актуальных проблем. Для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, критика буржуазной философии была прелюдией к положительному решению ряда философских проблем, поставленных наукой и практикой. Трудно себе представить «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, содержание которого ограничилось бы только критикой буржуазной философии. Последняя органически связана у Ленина с дальнейшей разработкой марксистской философии.

Если мы обратимся к нашей практике по критике зарубежной идеалистической философии, то в ряде работ и лекций порой мы не обнаруживаем такого органического единства критики враждебных марксизму течений с глубокой разработкой проблем, входящих в предмет марксистской философии. Подчас труды и лекции по критике буржуазной философии ограничиваются только критикой. Больше того, между нашими философами стихийно сложилось определенное разделение труда: одни занимаются критикой, а другие — положительной разработкой проблем диалектического и исторического материализма.

Выявление гносеологических корней идеалистического направления необходимо, в частности, для выяснения тех проблем, на которых вырастает эта форма идеализма. Если критик только бу-

дет констатировать факт, что одно направление спекулирует на такой особенности человеческого познания, а другое — на таком малоизученном явлении, то его критика будет недостаточно глубокой. Кто критикует прагматизм, тот не может не заниматься глубокой разработкой проблемы роли практики в познании, сложности взаимоотношения теории и практики, проблемы истинности. Критикующий современный позитивизм должен плодотворно, положительно работать в области теории познания и логики, в частности исследовать проблему соотношения эмпирического и теоретического в познании и т. д.

Некоторые критики уходят от глубокого анализа фактов и положений разбираемой ими концепции, не пытаясь положительно разрабатывать проблемы, по которым они полемизируют со своими противниками. Обычно ограничиваются утверждением, что рассматриваемая проблема была давно решена в марксизме, при этом приводятся цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма.

Материалистическая диалектика дает метод решения всех вопросов философии. Но жизнь идет вперед, развиваются общество и наука, возникают новые трудности, новые проблемы, в том числе и философские. Задача научного работника и преподавателя философии — показать, как их необходимо решать на основе метода материалистической диалектики. Конечно, проблема роли практики или соотношения эмпирического и теоретического в познании решены марксизмом, но это не значит, что развитие общества и науки не ставит и в данном случае новых задач перед философией, что творческая мысль не должна развиваться дальше. Наоборот, если ее не развить, то очень трудно преодолеть неопозитивистские взгляды; нельзя защищать марксистскую философию, не развивая ее в новых условиях, на основе обобщения нового опыта развития общества и науки.

Догматизм часто проявляется в том, что мы не видим новых вопросов, новых явлений в жизни, в то время как идеалисты и ревизионисты спекулируют на их неправильном истолковании. Формула «этот вопрос в принципе уже решен 100 лет тому назад в марксизме» иногда играет плохую роль, она снимает с обсуждения такие вопросы, которые поставлены научной практикой сегодняшнего дня.

Огромный вред догматизма состоит в том, что он создает видимость благополучия, движения вперед там, где дело обстоит не совсем благополучно, где надо направить усилия теоретической мысли на решение проблем, выдвигаемых жизнью. Догматик уводит философию от обсуждения и разрешения насущных, злободневных вопросов современности, трусливо скрываясь за правильные, в общем, формулы, которые требуют в новых условиях конкретизации и дополнения. Действительная борьба против ревизионизма и его преодоление подменяются страхом перед ним, боязнью отойти от привычных формул и впасть в ревизио-

низм. Подобный страх испытывал Плеханов, когда он уклонялся от гносеологических выводов из революции в естествознании.

Боязнь мнимого, а не действительного ревизионизма закрывает догматику глаза на жизнь, на новые достижения науки, которые подвергаются идеалистической обработке и фальсификации буржуазными идеологами и их подручными — ревизионистами. Смелая и принципиальная постановка вопроса, основывающаяся на фактах и трезвом научном анализе, не может идти во вред делу революции, марксистскому учению.

Критика концепций наших философских противников должна нам, в частности, помочь вскрыть новые вопросы, которые ставятся перед философией и неправильно решаются в них.

Когда критика наших философских противников будет базироваться на разработке определенных философских проблем, по которым критик противопоставляет марксистское мировоззрение буржуазному, она перестанет быть научной информацией о каком-либо течении буржуазной философской мысли и станет средством действительного опровержения ложных философских построений, доказательством несокрушимости, жизнеспособности и научности диалектического материализма. Именно такой она была у В. И. Ленина.

Мы остановились на некоторых особенностях ленинского метода критики буржуазной философии для того, чтобы напомнить о них в период, когда партия с особой силой поставила перед философами задачу непримиримой борьбы с буржуазным мировоззрением, в какой бы форме и где бы оно ни выступало. Изучение ленинских принципов должно помочь преодолеть недостатки, которые имеются у нас, и поставить дело критики, борьбы с враждебными нам философскими концепциями на значительно более высокий научный уровень.

ВОПРОСЫ ГНОСЕОЛОГИИ И ЛОГИКИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

а) Философия и наука

Проблема взаимоотношения философии и науки занимала внимание мыслителей на всем протяжении истории развития философии и специальных областей знания. Она принимала разные формы в зависимости от уровня зрелости как специально научного, так и философского мышления. Эволюция их связи и взаимовлияния — очень интересная и поучительная страница в истории становления и развития человеческой культуры. В настоящее время эта проблема приобрела особое значение и звучание, появились новые ее аспекты в связи, с одной стороны, с бурным развитием наук, в частности естествознания, а с другой — превращением в марксизме-ленинизме самой философии в систему научного знания.

Видимо, никогда еще философия так много не обсуждала проблему науки, как она это делает в настоящее время. Буквально нет ни одного направления в философии, которое бы не высказывало с большим интересом и, можно сказать, пристрастием своего отношения к феномену науки, не строило концепции развития науки и ее влияния на судьбы человечества.

Оставим в стороне вопросы, связанные с философским осмыслением влияния прогресса в науке и технике на человеческую цивилизацию в целом. Это большая и главным образом социологическая проблема. Нас же в данном случае интересует эпистемологическая сторона отношения философии и науки.

Все более широкое распространение в кругах буржуазных мыслителей находит концепция строгого отделения философии от науки. Причем в данном случае она порывает связь с буржуазной философией XVII—XVIII и первой половины XIX в., которая стремилась в рамках, доступных для своего времени, соединить, и в действительности в отдельных случаях соединяла, философию

с возникающими и развивающимися областями научного знания. А сейчас буржуазные философы в обособлении философии от науки видят спасение философии, ее специфики и особого места в развитии духовной культуры человечества. Даже Жан Пиаже, один из крупных психологов современности, полагает, что философия должна остаться мудростью, рефлексией о тотальности мира, но ни в коем случае не быть системой научного знания, опирающейся на факты и их верификацию. Философия без науки — вот настоящая философия, выступающая координатором человеческих ценностей.

Построить философию на знании, не только идущем вне науки, но даже противоположном ему, — это одна из идей современного экзистенциализма, некоторые представители которого в качестве первичного выдвигают какой-то донаучный опыт переживания мира. При этом возникают идеи возвращения философского знания, как говорил Мерло-Понти, к миру до познания, по отношению к которому всякая научная детерминация абстрактна. Наука не способна обеспечить схватывание подлинной сути вещей, ибо сама сконструирована на основе переживания мира, по отношению к которому является вторичной.

Отделение философии от науки — это не только теоретическая рефлексия, но одновременно и практика движения буржуазной философской мысли. Действительно, построения различных направлений буржуазной философии не выдерживают строгих требований научного мышления, а как оправдание своей несостоятельности перед лицом все развивающейся науки и возникает теория неизбежного обособления философии от нее. Позитивизм философию сводит к логике науки, к логическому анализу ее языка, а собственно философские проблемы выводит за пределы научного знания в область веры, и тем самым философия, за исключением логической проблематики, отделяется от науки и противопоставляется ей.

В качестве теоретического обоснования обособления философии от науки нередко выступает концепция опасности *сциентизма*, опирающаяся на узкое, извращенное понимание самой науки. В представлении зарубежных теоретиков наука понимается очень узко, как так называемая позитивная наука, имеющая дело с интерпретацией фактов, допускающей эмпирическую верификацию. В таком случае наука — это система процедур, манипуляций с фактами на основе логического, мыслительного аппарата, укладываемого в рамки современной формальной логики. При этом из науки изгоняется человечески-ценностный подход к изучаемому объекту.

Тогда наука перестает быть формой общественного сознания, связанной с мыслящим человеческим рассмотрением явлений и закономерностей объективного мира. Не только философия, но и современные отрасли науки, такие, как теоретическая физика, биология и т. п., взятые во всем объеме их содержания, по су-

ществу выпадают из понятия науки. Узкое понятие науки как упорядоченной по определенным логическим правилам системы фактов является созданной теоретиками абстракцией, которая не обнимает всего богатства научной мысли и по существу не способствует пониманию даже с теоретико-познавательной и логической стороны феномена науки, не говоря уже о ее других аспектах.

Нетрудно заметить, что изоляция философии от науки в качестве своей обратной стороны имеет изгнание философии из науки. И это понятно, если философия и наука чужды друг другу, выступают по отношению друг к другу инородным телом, то очищение науки от мировоззренческих идей выдается за средство ее развития. При этом философию пугают наукой, которая якобы все подчинит себе и стремится полностью заполнить общественное сознание, изгнав из него все ценностно-человеческие идеи, ставя перед ней в качестве конечной цели создание алгоритма, по которому может действовать машина. А науку, наоборот, страшат философией, для которой якобы чуждо стремление к знанию, обладающему объективной истинностью, доказательностью и проверяемостью. Внесение философии в науку рассматривается как подчинение науки субъективным мнениям, исходящим из мудрости, а не из объективно-научного подхода к изучаемому объекту.

Марксизм покончил с противопоставлением философии и науки, ибо саму философию стал понимать как систему научного знания, имеющую свой предмет и метод его теоретического постижения.

Включение философии в систему научного знания вытекало из всего сложного исторического пути ее развития. И это осознавалось многими мыслителями. Но что означает это включение? Сведение философии и ее предмета к какой-то частной научной дисциплине, например к формальной логике в ее самой совершенной форме, что было свойственно, например, неопозитивизму, или же философия сохраняет свое специфическое место и как форма общественного сознания и как система научного знания? Признание этой специфичности нередко приводило к тому, что за философией сохранялось особое метафизическое видение мира, так или иначе противоположное научному методу его постижения.

Истинная философия, как показывает опыт марксистско-ленинской философии, развивается в лоне разумного постижения своего предмета и создает систему знания, которая удовлетворяет всем критериям научности. При этом она не теряет своей специфики и своего особого места в развитии духовной культуры человечества.

Преодоление метафизического противопоставления философии и науки предполагает изменение не только характера самой философии, но и понимания самой науки, ее сущности и места в системе общественного сознания, преодоление позитивистского подхода к ее содержанию. Научный взгляд на мир предполагает философский, мировоззренческий подход к нему, который входит

во внутреннюю ткань науки, а не является чужеродным телом для нее. Галилей, Декарт, Ньютон, Дарвин, Павлов, Бор, Эйнштейн и другие, были для своего времени учеными в собственном смысле этого слова кроме прочего именно потому, что их никогда не покидал философский подход к предмету своего исследования и результатам его познания.

Дальнейший ход развития науки с особой силой продемонстрировал это движение естествознания к решению общетеоретических вопросов, подводящих мысль к философскому знанию. Современная теоретическая физика в своих обобщениях заходит так далеко, что физики, даже неожиданно для самих себя, вопреки своей воле превращаются в философов, пускающихся в довольно рискованные, не обоснованные опытом и строгим математическим аппаратом, рассуждения.

Философия сохранила свой предмет и метод, свое особое отношение к миру и постигающему его знанию. Философия не просто суммирует его результаты, являясь всеобъемлющей наукой наук, а вырабатывает всеобщий метод движения знания к объективной истине.

Как говорил Гегель, философия сообщает содержанию различных наук «существеннейшую форму *свободы* мышления... и *достоверности, основанной на знании необходимости*»¹⁻³.

В. И. Ленин показывал, что диалектика Гегеля имеет не только чисто историческое значение: «Современные естествоиспытатели,— пишет В. И. Ленин,— найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»⁴.

Марксистско-ленинская философия дает научное мировоззрение, которое продуктивно работает в движении знания, выступает, иногда незримо, фактором, который существенно сказывается в самые критические моменты развития науки, когда остро встает вопрос о новых идеях и теоретических построениях.

б) Материалистическая диалектика как метод и теория современного научного знания

В процессе исторического развития человеческого знания менялись не только философия и различные специальные науки, но и само взаимоотношение между философией и этими науками. Каждая философская система, по-своему осознавая мир, особенно историческое движение человечества, стремится оказать влияние на это движение, на различные элементы культуры и в частности на ход научного знания. Воздействие на ход развития научного

¹⁻³ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 31.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 31.

знания философия в современных условиях может оказать как мировоззрение, реализуемое в виде метода и теории познания.

Развитие современной буржуазной философии показывает, что ей не совсем чуждо стремление быть ближе и оказать воздействие на ход современной науки, она предпринимает даже некоторые попытки приспособиться к потребностям науки. Философией, отвечающей уровню и запросам науки и в частности естествознания, на всех стадиях своей эволюции выдавал себя позитивизм. Его представители неустанно твердили, что развитие науки, в особенности о природе, буквально идет по рецептам их гносеологических построений, опирающихся на идеалистически понимаемый опыт и логическую обработку его результатов.

Но позитивизм, и в частности логический, не оправдал своих надежд и сейчас переживает большой кризис. В буржуазной философии в связи с этим возникло движение за реставрацию старых традиционных онтологических и эпистемологических проблем. Таким путем она сейчас пытается сохранить свою автономию и независимость по отношению к специальным областям знания и оказать воздействие на их движение. Поэтому так называемые вечные метафизические проблемы, касающиеся бытия, субстанции, каузальности и т. д., признаются большинством направлений неустрашимыми из философии и оживленно обсуждаются.

Однако простое возвращение к традиционным проблемам философии не спасает буржуазное мировоззрение. Недостаточно просто понять, что целью философского анализа выступает не язык, а объективный мир, постигаемый в понятиях и выраженный определенным языком науки. Философия призвана создать научную понятийную систему, осмысливающую объективную реальность и процесс ее познания, которая могла бы служить методом научного мышления, движения знания к новым результатам.

Неудовлетворенность неопозитивистской и лингвистической философией, которая наблюдается на современном буржуазном Западе, пока не приводит ни к чему иному, как воскрешению некоторых старых метафизических концепций, находящихся на уровне еще догегелевской философии. Что касается формы воздействия на ход научного познания, то в кругах ученых все более широкое распространение получает концепция, что философия помогает науке как свободное воображение, дающее возможность исследователю выйти за жесткие рамки требований научного метода в область свободных, ни к чему не обязывающих рассуждений. «Воображение того, что могло бы быть,— читаем мы в одной из американских книг по философии науки,— было частью того, что некоторые называют философией; и именно в этом смысле я верю, что философия может вновь оказывать влияние на развитие науки»⁵.

⁵ Philosophy. Science, and Method. Essays in Honor of Ernest Nagel. N. Y., 1969, p. 153.

Возникают вопросы: а) как философия в современных условиях может помогать давать ответы на вопросы, которые возникают перед развитыми областями науки? б) является ли она для них и сейчас источником новых научных идей?

Ответ на этот последний вопрос может быть только положительным, хотя бы потому, что иначе следует признать, что в современных условиях философия уже не оказывает благотворного влияния на ход развития научного знания. Но в каком смысле она может быть источником теоретических идей и концепций в науке, в частности в различных областях естествознания?

Конечно, за более чем тысячелетнее свое существование она накопила множество различных идей, которые еще могут продуктивно от случая к случаю питать научное мышление. Например, понятия древних греков о «хаосе» или лейбницевской «монады», не говоря уже об идеях атомистов, еще долго будут служить источником различных идей в науке. Современное научное знание при всей его логической строгости нуждается в смелых, как сейчас принято говорить, «сумасшедших» идеях. А в этом философия, как известно, всегда преуспевала. Нет сомнения, что история философии всегда будет служить кладовой, из которой можно почерпнуть те или иные идеи, созвучные требованию времени.

Но, думается, что это не самый главный путь воздействия философии на ход движения науки. Сейчас ясно одно, что сама философия уже не может служить поставщиком готовых естественнонаучных идей. Последние рождаются в тяжелых муках самими науками.

Новые идеи и построения в науке возникают в результате теоретического синтеза, который в качестве своего момента содержит категории философского мировоззрения, выступающие методом научно-теоретического мышления. В этом смысле философия продолжает оставаться источником новых научных идей, а материалистическая диалектика является «единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»⁶.

Говоря о требованиях, которые наукой предъявляются к современной философии, нельзя пройти мимо тех огромных, поистине революционных изменений в научном понимании, которые поставили вопрос о дальнейшем развитии и совершенствовании философского метода мышления. Мы отметим только некоторые из этих изменений, которые непосредственно касаются логико-гносеологических проблем.

1) Изменился взгляд на ценность и роль наглядного образа в науке, а вместе с этим началось бурное развитие систем искусственного языка, стоящего дальше от наглядности. Язык расплылся на два элемента: наряду с естественным языком, на котором с известными дополнениями выражаются результаты эмпири-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 528.

ческих наблюдений, возник искусственный, формализованный язык. В роли последнего стала выступать математическая символика, являющаяся орудием создания теоретических конструкций.

2) Произошла переоценка роли опыта и теоретического мышления в движении к новым результатам. Конечно, опыт был и остался источником новых научных идей. Но теория является не простой трансформацией опытных данных, а синтезом, в котором все большее значение приобретает теоретическое мышление, выступающее мощным фактором выдвижения фундаментальных идей, дающих начало новым теориям.

3) Математизация и формализация знания, которые полны стремления окончательно покончить с интуитивным моментом в нем, стали фактом. Но одновременно с этим существует другая тенденция — включение этого интуитивного момента в качестве основного средства движения к новым теоретическим построениям. Конечно, знание все больше стремится к логической строгости, одним из элементов которой является формализация. Остановить это движение нельзя, и нет в этом никакой необходимости, но в то же время наука, как и раньше, нуждается в выходах из-под жестокой деспотии формально-логической дедукции, в скачках, движениях мысли к принципиально новым результатам, в смелом выдвижении идей, концепций, не находящихся в настоящее время строгого логического обоснования. Без этого наука не может успешно развиваться. А где логические и иные критерии правомерности этих идей и концепций, с помощью каких средств к ним можно прийти и их обосновать?

4) Обращение ткани науки понятиями и терминами, носящими инструментальный характер, направленными непосредственно не на изучаемый объект, а на само знание о нем, созданное метатеорией и метанаукой.

5) Стремление к созданию фундаментальных теорий, синтезирующих знание из различных областей науки. Наука в своих теориях вдруг обнаруживает неожиданные связи между явлениями, которые, казалось, по природе своей ничего существенно общего не имеют. Отсюда возникновение новых методов, имеющих значение для познания объектов, входящих в поле зрения разных наук.

6) Крушение «здравого смысла», опирающегося на ограниченный опыт предшествующего знания. Все большее погружение в область парадоксальных и «хитроумных» утверждений и построений, противоречащих не только здравому смыслу, но разумно понимаемой действительности вообще.

7) Тенденции к расчленению изучаемого объекта на простейшие структуры и отношения, сочетаемому с системным анализом.

Эти изменения в науке выдвинули много философских проблем, обнаружили недостаточность прежнего аппарата анализа знания и побудили к поискам новых систем и логических средств. Больше того, они создали в науке такую ситуацию, когда без логико-гносеологического анализа понятий, теорий в науке нельзя

двигаться вперед в ней самой. В качестве ярчайшего примера этому служит возникновение и разработка проблемы обоснования математики, которая появилась не в качестве логической роскоши, а как необходимый этап в развитии самой математики, ее проблематики. Сейчас можно видеть, как и в других областях знания все острее встает вопрос об анализе понятий, теорий и методов наук. Все чаще и чаще теперь задаются вопросы не только о том, что мы знаем о предмете, но и как мы узнали это, на основе какого метода, с помощью каких интеллектуальных и материальных средств пришли к знанию. Причем решение этих проблем, как показывает опыт математики, приводит и к дальнейшему движению в самой специальной области знания и к разработке логико-гносеологических проблем научного знания вообще.

Тот факт, что науке требуется не только логический метод изучения внутренних формальных связей внутри некоторой относительно замкнутой системы знания, но в широком смысле метод исследования, движения знания к новым результатам, был осознан очень давно, в том числе и в буржуазной философии. Если говорить о XX в., то американский инструментализм в лице Д. Дьюи выдвигал требование, чтобы логика была не только формальной наукой, но и в широком смысле теорией исследования. Он даже выдвигал идею логики как экспериментальной эпистемологии, т. е. логики, которая является позитивным исследованием исследования, в которой логические формы выступают типами функциональной деятельности человеческого мышления, направленного на преобразование неопределенной ситуации. Однако категории этой логики не выдержали критериев и самой научной эпистемологии, и опыта развития научного познания. Они не могли ни правильно истолковать движение научного мышления, ни оказать плодотворного влияния на его ход.

Однако смело можно сказать, что материалистическая диалектика как логика и теория познания в настоящее время, если так можно сказать, держит испытание перед таким строгим экзаменатором, каким выступает ход развития науки и общественной практики. В этом отношении не мешает вспомнить некоторые моменты из истории диалектики, поскольку на новом этапе и в иных условиях иногда возникают аналогичные задачи. Из истории можно извлечь поучительные уроки.

Как известно, после возникновения диалектики в античности научное мышление развивалось в лоне метафизического метода. Причем, этот последний был порожден ходом и потребностями развития научного знания. Аналитический подход к явлениям действительности, расчленение их на составные части, детальное изучение элементов сложного целого, будь то сама вещь, явление или знание о них, — составляло характерную особенность становящейся науки. В период поздней античности и Нового времени диалектика и наука как-то шли разными путями: первая сохранялась в области философского спекулятивного мышления, а на-

ука развивалась на другой основе и в качестве своего философского продукта имела метафизическое мышление. Галилей, Декарт, Ньютон, Лаплас, Лейбниц, воззрения которых хотя и содержали отдельные диалектические догадки, но в целом находились в плену метафизического мышления, и вряд ли они были бы крупнейшими учеными XVII—XVIII вв., если бы они разделяли диалектические идеи Кузанского или какого-либо другого спекулятивного философа. Логика развития науки требовала иной формы диалектического метода, чем диалектика древних и эпохи Возрождения. Необходимо было соединение становящейся науки и диалектики, в противном случае диалектика вырождается в софистику, далекую от науки, а наука видит в метафизике философский метод своего мышления.

XIX век — время, когда это соединение произошло на основании того, что сама наука подошла к такой области знания, которую нельзя понять без диалектики, а, с другой стороны, сам диалектический метод поднялся на новую ступень и стал способным в своих законах и категориях не только философски выразить результаты научного знания, но и далеко вперед предусмотреть ведущие тенденции его развития.

XX век явился блестящим триумфом диалектического мышления в науке, но одновременно с этим революция в естествознании, которая началась на рубеже двух столетий, дала некоторые основания для оживления метафизического метода мышления в форме позитивизма, философского структурализма, механицизма и других течений мысли, которые имеют свои не только классовые, но гносеологические источники. На последних стоит остановиться специально.

В некотором смысле сейчас повторяется ситуация XVII—XVIII вв. Наука толкает мысль на изучение элементарных процессов, отношений и структур, допускающих математическое описание. Изучение целого и процесса развития, являющееся особенностью диалектического метода, заменяется постижением некоторых элементарных ячеек в их статическом состоянии. Одностороннее представление об этом процессе в развитии науки и порождает различные метафизические концепции, призванные якобы заменить устаревшую диалектику новым философским методом, хотя бы структурализмом или еще чем-либо, внешне очень близко стоящим к ходу развития научного знания. Например, А. Эйнштейн, Н. Бор и другие современные ученые философски симпатизируют Спинозе, Лейбницу, Гоббсу и Локку и меньше Гегелю, и не только потому, что он автор умозрительной «Философии природы». Если и привлекает их внимание Кант, то отнюдь не своими элементами диалектики, а подчеркиванием значения формальной стороны в знании. Что это выражает: только их классовые симпатии или же одновременно и определенный философский способ осмысления результатов современной науки, тенденций ее движения? Думаю, что видеть здесь только бур-

жуазные предрассудки против диалектики было бы большим упрощением. Посмотрите, как возникновение кибернетики оживило метафизический механицизм, для которого «Человек-машина» Ламетри кажется гениальным предвосхищением путей развития современной науки.

Конечно, возрождение и оживление метафизического метода в форме ли механицизма, философского структурализма или априоризма является свидетельством буржуазной реакции на прогресс научного знания, но одновременно оно выражает некоторые особенности развития этого знания, которые должны быть учтены диалектико-материалистической теорией познания и логикой. Философский ревизионизм и в данном случае идет на поводу буржуазного мировоззрения. Вместо того чтобы самостоятельно решать проблемы, выдвигаемые современной ситуацией в мире, ходом развития научного знания, он заимствует концепции у буржуазных мыслителей и выдает их за философское построение, соответствующее результатам и тенденциям науки. В связи с этим принципы и категории марксистско-ленинской философии подвергаются произвольной интерпретации и наполнению чуждым, взятым из других философских систем содержанием. При этом, как правило, философский ревизионизм спекулирует на еще не решенных и очень важных проблемах.

Марксизм в XIX в. на основе синтеза научного знания произвел органическое соединение науки и материалистической диалектики. Но уже в начале XX в. В. И. Ленин почувствовал необходимость произвести анализ категорий теории познания диалектического материализма с учетом революции в физике. И именно в этой связи в «Материализме и эмпириокритицизме» он напомнил мысль Ф. Энгельса, что с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму и что с тех пор, как было открыто материалистическое объяснение истории, здесь также открывается новый путь для развития материализма.

В наше время, когда революция в науке не только развернулась во всю ширь, но переросла в тотальную научно-техническую революцию, проблема изменения формы материалистической диалектики приобрела еще большее значение. Можно смело сказать, что решение этой задачи является основной по философскому осмыслению данных развития естественных и общественных наук, на этом пути и устанавливается реальный конкретный и деловой союз философов-марксистов и представителей современной науки, в частности естествознания. Таким путем философия диалектического материализма окажет действенное воздействие на крупных зарубежных ученых, еще находящихся в плену буржуазного мировоззрения.

Речь идет не о том, чтобы вносить единичные изменения в систему категорий марксистской философии. Эта работа в настоящее время проводится, и довольно интенсивно, скажем,

в большом масштабе на основе обобщения данных физики и кибернетики, на опыте развития биологических и социальных наук — но, к сожалению, в меньшем масштабе. Нет, речь идет о более фундаментальном фронтальном философском синтезе современного научного знания, результатом которого явилось бы развитие и обогащение всех законов и категорий материалистической диалектики. Дело заключается в том, что категории диалектики только тогда представляют из себя эффективный метод научно-теоретического мышления, когда берутся в своей связи. Категория причинности, в каком бы современном виде она ни выступала, не сможет эффективно работать, если категории необходимости или количества и качества будут продолжать оставаться в своем первородном виде, скажем, как они выступали не только у Аристотеля, но даже и у Гегеля. Вот поэтому представляется необходимым, чтобы современная марксистская философская мысль сосредоточила свое внимание не на построении системы из уже существующих категорий диалектического материализма, распределяя их на основе какого-то принципа по рубрикам, а на систематическом анализе всех существующих категорий и выдвижении новых на основе синтетического понимания особенностей и закономерностей современного научного познания, его тенденций и устремлений в будущее. В противном случае материалистическая диалектика может выродиться в софистику нового времени, в логическую игру категориями, которые все в большей мере теряют свою связь с реальным ходом познания и общественной жизни, и тогда ее пути с наукой могут снова на длительное время разойтись. Ученые будут вынуждены искать философского пристанища у неопозитивистов, структуралистов и иных течений мышления, идущих в русле метафизического мышления, но односторонне схватывающих какие-то реальные моменты хода современного научного знания. Иными словами, материалистическая диалектика как логика и теория познания тем эффективнее будет воздействовать на ход развития конкретных областей науки, чем полнее и глубже в своих законах и категориях она отразит результаты, уже достигнутые в этих науках.

Философия призвана не к тому, чтобы давать патентованные рецепты, которые конкретные науки должны усваивать и применять, и не к тому, чтобы строить некую универсальную картину или модель мира, в которой каждая наука должна найти свое место, а совершенствовать философское мировоззрение, его категориальный аппарат, выступающий методом научно-теоретического мышления.

в) Активность субъекта и проблема объективности знания

В качестве одной из методологических предпосылок этого фронтального синтеза научного знания, ведущего к изменению формы диалектического материализма, должен выступать анализ

особенностей современного познания, главных тенденций его развития. В качестве таковой, в философском смысле, на первое место следует поставить возрастание активности субъекта в ходе постижения им объективной реальности.

Вокруг этого вопроса вращаются рассуждения большинства мыслителей, занимающихся философией науки. Эта активность навязывается ходом научного знания во всех его областях, она-то и ставит снова на новой основе извечный гносеологический вопрос — как в условиях все возрастающего воздействия субъекта на предмет познания можно говорить об объективности его результатов.

Активность субъекта имеет два аспекта, предметно-практический и теоретический. Первый определяет второй. Философское решение проблемы активности субъекта и в предметно-практическом, и в теоретическом смыслах в принципе было дано К. Марксом в тезисах о Фейербахе⁷, но у К. Маркса оно вытекало главным образом из обобщения развития истории философии, а не их анализа собственно научного знания, в частности естественно-научного. И во времена, когда господствовала ньютоновская физика, первый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе казался даже странным, якобы выступающим против объективности познания и основной теоретико-познавательной посылки материализма, что объект знания существует вне и независимо от познающего субъекта. Но вот в XX в. физика в форме квантовой механики пришла к этому независимо от хода развития философии и в силу того, что физики на буржуазном Западе не только субъективно не стояли на позициях материалистической диалектики, но были предубеждены против Гегеля и Маркса, многие из них зашли в тупик, стали отрицать объективный характер физического познания. Дело даже заключается не в том, что они просто отрицали сам факт, что понятия и теории их науки связаны с объективным миром, его свойствами и законами, просто они не могли объяснить, как можно говорить об объективности познания, когда предмет знания дается в форме человеческой деятельности, практики, включающей в себя активное воздействие субъекта на предмет познания⁸.

⁷ «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 1).

⁸ В последнее время физиками, активно занимающимися гносеологическими вопросами своей науки, много сделано для правильного понимания познавательной ситуации, сложившейся в квантовой механике. Здесь хотелось отметить интересные идеи академика В. А. Фока о том, «что устройство и действие измерительных приборов должны описываться существенно иначе, чем свойства и поведение тех микрообъектов, для изучения которых они служат. Различие это настолько велико, что с точки зрения теории познания микрообъекты и измерительные приборы должны быть

В предмет науки включаются все более сложные природные и социальные объекты, ее методы становятся все более совершенными, можно сказать изощренными, и существенно меняющимися сам предмет, усиливаются средства воздействия субъекта на познаваемый объект. Человек не только познает предметы реальности, но в своей практике создает новые, совершенно не существующие в природе. Все эти факты по-разному философски оцениваются. Известна концепция так называемой «технической реальности», выдвинутая французским философом науки Гастоном Башларом. Она интересна как попытка с позиций буржуазного мировоззрения философски осмыслить факт активности субъекта познания.

Однако эта «техническая реальность» противопоставляется «естественной» с тем, чтобы обосновать тезис, что человеческое познание не отражает объективной реальности, находящейся вне сознания субъекта.

В этой связи все чаще выдвигаются идеи «субъективного», «активного», «технического» материализма, который противопоставляется обычному философскому материализму, исходящему из принципа, что объективная реальность существует вне сознания. Надо сказать, что эта идея создания «субъективного», «активного» материализма, отличного от обычного философского материализма, начинает переключиваться и в работы зарубежных мыслителей, считающих себя марксистами. Некоторые называют материализм К. Маркса «субъективным», который якобы в центр ставит не понятие природы, материи, а практики, является теорией практики на материалистической основе. При этом В. И. Ленину ставится в упрек, что он недостаточно глубоко осознал вопрос о человеческой структуре практики и поэтому пошел назад от Маркса к старому философскому материализму XVIII в.

Преодоление этих и других подобных концепций возможно и необходимо на основе убедительного и аргументированного ответа с позиций научной философии на все вопросы, которые ставит перед эпистемологией и логикой современная наука и историческая практика и которые субъективно односторонне освещаются в буржуазной философии, воскрешающей различные метафизические и идеалистические спекуляции.

Новые предметы действительности, которые создаются в лабораториях ученых и на их основе в промышленном производстве, в качестве своей предпосылки имеют построения в виде понятий и теорий современной науки. В. Гейзенберг, отмечая особенности познания нашего времени, пишет: «Одновременно отношение чело-

отнесены к разным категориям», а также введенное им понятие *«относительности к средствам наблюдения»*, обобщающее давно известное понятие относительности к системе отсчета» (В. А. Фок. *Квантовая физика и философские проблемы*. — «Ленин и современное естествознание». М., 1969, стр. 187, 195). Физика имеет возможность получить объективное знание о самом объекте, различных его сторонах независимо от прибора.

века к природе превращалось из созерцательного в практическое. Теперь уже интересовались не природой, как она есть, а прежде всего проблемами, что с помощью ее знания можно сделать. Естествознание потому превратилось в технику. Каждый успех знания связывался с вопросом, какая практическая польза может быть получена из этого знания. Это нашло место не только в физике; и в химии, и в биологии в основном была та же самая тенденция, и успех новых методов в медицине или в сельском хозяйстве решающим образом способствовал распространению нового направления»⁹.

Человека интересует, что можно сделать с природой на основе ее знания, а философия в качестве центрального ставит вопрос: знает ли он природу такой, какая она есть. Сомнения в позитивном решении этой проблемы всегда возникали, а теория познания на каждом этапе своего развития давала ответы, как их можно развеять. Но прогресс знания каждый раз подбрасывал дрова в огонь этих сомнений, и в настоящее время в качестве этого горючего материала выступает активность человеческого сознания, выраженная в форме создания всевозможного материального и интеллектуального инструментария, с помощью которого человек энергично вмешивается в познаваемый предмет.

Проблема человек—прибор—объект исследования уже давно занимает с ее теоретико-познавательной стороны внимание исследователей, и, я бы сказал, не с практической, а именно с теоретической стороны. Но мне представляется, что эта проблема сама собой решится, если будет решен другой вопрос: человек — познавательный инструментарий в виде понятийного аппарата, выраженного в языке,— объект действительности. Ведь прибор — это овеществленное человеческое понятие или концепция и не больше, ведь сам прибор, как и новое вещество, создается на основе идей человека, в отношении объективности которых возникает постоянно сомнение в силу возрастающего влияния субъекта на их создание.

В настоящее время эта проблема получает свое более острое выражение в силу активного воздействия математики и иного формального аппарата, являющегося языком современной науки, на весь ход познавательного процесса. Не случайно проблема языка вдруг встала в центр гносеологических изысканий философов и ученых. Иногда дело представляется так, что решение всех проблем упирается в поиски языка, на котором можно было бы удовлетворительно объяснить существующие факты науки. В. Гейзенберг, объясняя ситуацию, сложившуюся в физике, писал: «Эту бурную реакцию на новейшее развитие современной физики можно понять, только признав, что это развитие привело в движение самые основы физики и, возможно, естествознания вообще и что это движение вызвало ощущение, будто вся почва, на ко-

⁹ В. Гейзенберг. Физика и философия. М., 1963, стр. 167.

торию опирается естествознание, уходит из-под наших ног. Но вместе с тем это означает, пожалуй, и то, что еще не найден правильный язык, на котором можно говорить о новом положении дел, и что неточные и отчасти неправильные утверждения, высказанные в ряде случаев в пылу воодушевления новыми открытиями, вызвали появление всякого рода недоразумений. Здесь речь идет в самом деле о трудноразрешимой, принципиальной проблеме. Усовершенствованная экспериментальная техника нашего времени ввела в поле зрения естествознания совершенно новые стороны явлений природы, стороны, которые не могут быть описаны с помощью понятий повседневной жизни или только с помощью понятий, предшествующей физики. Но в таком случае каким языком они должны описываться?»¹⁰

Но первый вопрос, который здесь возникает, состоит в том: о чем идет речь — о новом языке или новом понятийном физическом аппарате? Кажется, что, конечно, речь идет о последнем. Новая физика создала свой понятийный аппарат. И это понимает сам В. Гейзенберг, но он этот понятийный аппарат не случайно называет языком, поскольку в определенном отношении он отличается от понятий обыденного опыта, а главным образом в силу некоторой его функциональной роли. «...Развитие и анализ современной физики способствуют пониманию, что понятия обыденного опыта, как бы неточны они ни были, при рассмотрении нашего знания, по-видимому, являются более устойчивыми, чем точные понятия научного языка, которые образуются как идеализация одной весьма ограниченной группы явлений... С другой стороны, научные понятия представляют собой абстракции. Они выводятся из экспериментов, произведенных с помощью совершенных вспомогательных средств, и их значения точно установлены путем аксиом и определений. Только на основе таких точных определений можно связывать понятия с математической схемой и затем математически выводить в этой области бесконечное многообразие возможных явлений. Однако в процессе этого абстрагирования и точного определения теряется непосредственная связь с реальностью. Понятия всегда очень хорошо подходят к той части реальности, которая является предметом исследования. В других областях явлений соответствие теряется»¹¹.

Первый вывод, который следует из этих фиксирующих действительный процесс познания рассуждений, характерный для современной физической науки (а в тенденции для развития всего

¹⁰ В. Гейзенберг. Физика и философия, стр. 140. Приблизительно то же самое говорит и Н. Бор, когда он пишет: «Мы должны признать, что ни один опытный факт не может быть сформулирован помимо некоторой системы понятий и что всякая кажущаяся дисгармония между опытными фактами может быть устранена только путем надлежащего расширения этой системы понятий» (Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, стр. 114).

¹¹ Там же, стр. 170.

познания в целом), состоит в утверждении, что создаваемый научный понятийный аппарат в функциональном смысле выступает в виде языка науки, который накладывается на результаты опытного исследования объекта. В качестве такого аппарата все в большей мере выступает математика. «Развитию так называемых точных наук, характеризующихся установлением численных соотношений между результатами измерений, сильно способствовали абстрактные математические методы, возникшие на почве независимой разработки обобщающих логических построений»¹².

Математика становится языком науки. В самом факте, что результаты опытных наблюдений в науке осмысливаются на основе существующих и ранее созданных понятий, нет ничего удивительного и гносеологически нового. Так всегда было, и философия со времен Канта это хорошо осознала. Но здесь в качестве смущающего обстоятельства выступают два момента: 1) понятийный аппарат науки, выступающий ее языком, все в большей мере заимствуется из науки, не изучающей данный объект, например математики; получается, что понятия как бы внешне навязываются науке; 2) связь этих понятий с объективной реальностью все более стирается, они превращаются в какие-то вспомогательные конструкции, с помощью которых теоретически овладевают объектом.

Анализ современной естественнонаучной теории представляет огромный логико-гносеологический интерес. За образец можно взять физическую теорию, которая содержит в себе типичные черты естественнонаучного знания. В физике мы имеем дело с теорией, которая содержит в себе: 1) формальные структуры, выраженные языком математики; 2) эмпирические данные. Естествознание никогда не удовлетворится теорией, которая была бы только формальным аппаратом, оно всегда будет стремиться к знанию, при котором полученные формулы и уравнения можно будет интерпретировать, в том числе и эмпирически, на различные объекты действительности. Причем эти два момента в теории не должны выступать в виде двух не связанных между собой слоев. Научная теория представляет собой категориальный синтез того и другого, формального аппарата и опыта. Внешне это подтверждает как бы то, что теория познания Канта еще очень давно схватила: «...Мысль о предмете вообще посредством чистого рассудочного понятия может превратиться у нас в знание лишь тогда, когда это понятие относится к предметам чувств»¹³.

Конечно, имеют место попытки возвращения к обновленной кантианской гносеологии, базирующиеся на одностороннем истолковании особенностей современной научной теории. В качестве гносеологических спутников такого истолкования в буржуазном мировоззрении выступают оживление априоризма, с одной сторо-

¹² Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание, стр. 96.

¹³ И. Кант. Сочинения, т. 3. М., 1964, стр. 201.

ны, и интуитивизма, с другой. С одной стороны, современная физика нанесла сокрушительный удар по априоризму Канта, ибо сейчас трудно после теории относительности говорить, например, об априорности пространства и времени. Но в другом смысле этот априоризм в виде математического формализма навязывается науке. В этой связи теперь все чаще обращаются к философской интерпретации принципа лингвистической относительности, сформулированного в так называемой гипотезе Сепира—Уорфа: «...Сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»¹⁴.

Зависимость научной теории от ранее выбранного языка (математического аппарата и другого интеллектуального инструментария) является неоспоримым фактом. Отсюда рукой подать до языкового априоризма. Опыт организуется и обрабатывается на основе формального аппарата, являющегося внешним по отношению к его данным. Источник этого аппарата может интерпретироваться по-разному, в частности, некоторые буржуазные ученые сейчас склонны к объективно-идеалистическому, близкому к платонизму истолкованию формального понятийного аппарата науки, а именно: он является выражением идеальных сущностей.

С другой стороны, усиление роли формального аппарата в научном познании, который все более удаляется от непосредственной связи с объектом, как говорят интуитивисты, связанного с фабрикацией символов, дает повод им настойчиво проводить идею, что развитие разума в научном познании приводит к его отрыву от внутренней жизни объекта и к поискам новых форм постижения реальности, каковой нередко выступает оторванная от разума интуиция.

На этой же собственно основе возникают и современные неомистические теоретико-познавательные идеи, что наука, в частности физика, не постигает природы вещей, научное познание необходимо дополнить мудростью, метафизическим познанием. Например, Маритен строит иерархию познания: физическое, натурфилософское и метафизическое; только в последнем дух постигает абстрактные и очищенные от всякой материи объекты в их подлинном бытии. Несомненно, что современное научное познание с его мощным формальным понятийным аппаратом и изолированной экспериментальной техникой по своим результатам ближе к реальности, к объективной истине, чем познание, больше ориентировавшееся на непосредственное чувственное созерцание объекта. Однако доказать эту его объективность, философски обосновать ее стало значительно труднее.

Физик, применяя формальный аппарат современной науки, который, казалось, не имеет отношения к исследуемому им объекту, приходит к теоретическим построениям, которые оказываются

¹⁴ «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 175.

корректными в его описании и объяснении. И это выглядит в виде эпистемологического чуда, и наука, в частности физика, теперь становится невозможной без подобных чудес: «Мы похожи, — пишет Е. Вигнер, — на человека со связкой ключей, который, пытаясь открывать одну дверь за другой, всегда находит правильный ключ с первой или второй попытки. Это заставляет его сомневаться относительно взаимно-однозначного соответствия между ключами и замками»¹⁵. Такие вопросы одолевают не только одного Вигнера, но и очень многих других ученых, размышляющих о теоретико-познавательных основах своей науки.

г) Проблема практики и единство субъективной и объективной диалектики

Приходится удивляться, как много различных гносеологических рассуждений возникло вокруг вопроса о непостижимой эффективности математики. Приведем несколько высказываний Вигнера, которые очень характерны, поскольку выражают в концентрированном виде возможную эпистемологическую концепцию, осмысливающую с позиций идеализма особенности современного физического познания: 1) «...Невероятная эффективность математики в естественных науках есть нечто граничащее с мистикой, ибо никакого рационального объяснения этому факту нет»; 2) «...Математика является наукой изощренного манипулирования понятиями и правилами...»; 3) «...Все законы природы — это весьма условные утверждения, имеющие по отношению лишь к весьма малой части того, из чего состоит природа»; 4) «Мы не знаем, почему так хорошо работают наши теории»; 5) «Откуда известно, что нельзя — если обратить внимание на явления, которыми мы пренебрегали, и игнорировать те явления, которые сейчас являются для нас определяющими, — построить другую теорию, мало похожую на существующую, но объясняющую столько же явлений, сколько объясняет современная теория?»; 6) «Аналогично вполне возможно, что теории, которые мы считаем «доказанными» численными опытными проверками, достаточно многочисленными с нашей точки зрения, все-таки ложны, ибо противоречат более общей теории, которой пока еще у нас нет»¹⁶.

Эти и другие высказывания, взятые из лекции Вигнера «Непостижимая эффективность математики в естественных науках»¹⁷, характерны для многих зарубежных естествоиспытателей. Они

¹⁵ Е. Вигнер. Непостижимая эффективность математики в естественных науках. — «Успехи физических наук», 1968, т. 94, вып. 3, стр. 536.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Критическое рассмотрение концепции Вигнера дано в статье С. Г. Суворова «О некоторых гносеологических проблемах физики». — «Успехи физических наук», 1969, т. 98, вып. 1,

настойчиво ставят один вопрос: как можно доказать объективную истинность теорий современной физической науки, не являются ли физики смелыми, отчаянными и безответственными людьми, которые идут на неоправданный риск?

Трудно понять, к чему склонен сам Вигнер, у которого чувствуется большая гносеологическая растерянность, при которой приходится уповать на то, что судьба и впредь будет милостива: «Чудесная загадка соответствия математического языка законам физики,— пишет он,— является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны. Мы должны испытывать чувство благодарности за этот дар. Следует надеяться, что он не покинет нас и в будущих исследованиях и что он будет — хорошо это или плохо — развиваться к нашему большому удовлетворению, а быть может, и к нарастающему беспокойству, расширяя область познания окружающего нас мира»¹⁸.

Но это практически означает отказ от решения старых и новых теоретико-познавательных проблем, которые возникают в ходе развития научного знания, например, индукции, без которой при всей мощи современного формального аппарата и экспериментальной техники научное познание не может сделать шага вперед. По мнению М. Блэка, индукция является искусством, а не наукой. «Искусство выводит рискованные заключения,— пишет он,— можно было бы сравнить с искусством восхождения на горные вершины. Альпинист... оценивает надежность очередной опоры для своих ног и рук и *прыгает*. То же самое имеет место при индукции»¹⁹.

Что же тут плохого, пусть прыгает. Но существует не только опасность упасть, но и реальность сломать руки, ноги и даже разбить голову, так как «нет универсального критерия правильности той или иной индукции». «Существуют полезные индуктивные стратегии и принципы, но нет безошибочных правил, следуя которым можно было бы делать правильные выводы», и сам М. Блэк, понимая, что без индукции научных исследований не бывает, дает совет: «На всем протяжении этого процесса решающую роль играют чутье, умение, *способность к здравому суждению*»²⁰.

Как можно преодолеть подобные утверждения? Простым утверждением, что понятия и теории современной науки, в частности физики, хотя и создаются с участием формального аппарата и индукции, носят объективный характер, отражают реальность, а критерием истинности их выступает практика. Конечно, это утверждение верно, но если оно не подкрепляется действитель-

¹⁸ Е. Вигнер. Непостижимая эффективность математики в естественных науках, стр. 546.

¹⁹ Philosophy, Science, and Method, p. 147.

²⁰ Там же, стр. 146, 148.

ным анализом ситуации, своеобразия развития современного научного познания, то оно выступает простым уверением, равноценным по доказательной силе противоположному, подобному тому, которое разделяет Е. Вигнер или М. Блэк. Тем более, что понятие практики нередко в нашей философской литературе истолковывается упрощенно, а сама ссылка на нее выглядит как уход от решения трудностей, которые ставит современное научное познание перед марксистско-ленинской гносеологией.

Прежде всего следует уяснить, почему научное познание, становясь все более абстрактным с точки зрения своей формы, нуждаясь все в большей степени в формальном аппарате, в частности математическом, ведет к созданию понятий и теорий, находящихся ближе к природе объекта, его закономерностям, и в этом смысле конкретных в своем содержании. Да, математика создает знание, которое выполняет функции языка в других науках, ее знаки и формулы служат формой мышления, некоторой формальной структурой, способствующей выражению содержания данной науки. Да, поскольку математические конструкции, формы как бы задаются извне физической теории, которая вынуждена следовать и подчиняться им свое эмпирическое содержание, то создается впечатление, что разум в виде математики предписывает законы природе.

Всего этого нельзя и не надо отрицать, но это все можно и нужно теоретико-познавательно объяснить, не прибегая к чуду и другим подобным факторам, но для этого требуется глубокий теоретико-познавательный анализ научного знания с точки зрения действительного места в нем и характера формального понятийного аппарата, ставшего языком науки. И это можно сделать на основе материалистической диалектики как теории познания и логики марксизма-ленинизма.

Если остаться на позициях созерцательного материализма, рассуждающего в пределах признания существования предмета и нашего знания о нем, исключаяющего человеческую деятельность, практику как средство, посредством которого, с одной стороны, объективное становится средством деятельности субъекта, а субъективное — единственным путем обнаружения объективной природы самого объекта, то неминуемо нужно либо успокоиться на уверении в объективности знания, либо согласиться с аргументами субъективистской гносеологической концепции.

История философии выработала понятия и субстанции, и субъекта, однако, как правило, одно метафизически противопоставлялось другому: философия Спинозы ставила во главу угла субстанцию, а Фихте — субъект, понимаемый как сознание. Но «... все дело в том, — писал Гегель в «Феноменологии духа», — чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*»²¹. Субстанция должна быть

²¹ Гегель. Сочинения, т. IV, стр. 9.

самодвижущейся, активной ²², по Гегелю, разумным, абсолютным духом. В. И. Ленин, отмечая идею Гегеля о соединении субстанции и субъекта, пишет: «важное значение философии Спинозы как философии субстанции (эта точка зрения очень *высока*, но неполна, не самая высокая: вообще опровергнуть философскую систему не значит отбросить ее, а развить дальше, не заменить другой, односторонней, противоположностью, а включить ее в нечто более высокое). В системе Спинозы нет субъекта свободного, самостоятельного, сознательного (недостает *«свободы и самостоятельности самосознающего субъекта»*), но и у Спинозы атрибутом субстанции является *мысленное*» ²³.

Строя свое учение о науке (теорию знания), Фихте дедуцирует действительность науки, ее предмет из субъекта. Уже Гегель хорошо показал, что дедукция объекта из субъекта философски порочна и ничего не дает для понимания природы и особенностей человеческого знания: здесь отношение субъект — объект, с которым имеет дело человеческое познание, покоится на самостоятельном, сознательном субъекте и лишено объективного основания. Это следует с особой силой подчеркнуть сейчас, когда отдельные философы хотят подчеркнуть значение философии Фихте, который якобы предвосхитил особенности развития современной науки, со всей силой поставившей вопрос об активности и самостоятельности субъекта познания. Однако эта активность субъекта выступает отнюдь не в фихтевском варианте: категории человеческого познания образуются в результате чистой спонтанной самостоятельности субъекта — сознания, побуждаемой лишь внешним толчком. Подобные категории не смогут быть орудием проникновения человеческого знания в сущность явлений и процессов объективного мира. А хорошо известно, что современные научные понятия, несмотря на их абстрактность, кажущуюся искусственность и оторванность от объекта, в действительности постигают его глубже и полнее, чем наглядные модели, которыми оперировала наука на ранних ступенях своего развития. Манипуляция математическими формулами, результатом которой как чудо выступает достижение знания, совпадающего с эмпирической действительностью, только внешне напоминает спонтанную самостоятельность сознания, а на самом деле она покоится на других источниках — объективной природе человеческой практики.

Поэтому исторически несостоятельной оказалась и та теория знания, которая пыталась подняться от объективно существующего предмета до знания, минуя практическую деятельность че-

²² «Живая субстанция, далее, есть бытие, которое поистине есть *субъект* или, что то же самое, которое поистине есть действительное бытие лишь постольку, поскольку она есть движение самоутверждения, или поскольку она есть опосредствование становления для себя иного» (Гегель. Сочинения, т. IV, стр. 9).

²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 149—150.

ловека, являющуюся подлинным выражением активности и самостоятельности субъекта, его действительной связи с явлениями и процессами объективного мира. В ней, в человеческой практике, воплощено единство субстанции и субъекта, она — и субстанция, поскольку в ней дана природа во всей ее объективности и конкретности, и субъект, ведущий к реальным изменениям форм природы.

Марксизм понимает практику как чувственно-материальную деятельность, направленную на изменение форм объективной реальности, будь то природной или социальной. В марксизме практика — категория, раскрывающая свое содержание в соотношении с другими понятиями, в частности с понятием субъекта и объекта.

Часто обращается внимание только на ту сторону, что практика связана с деятельностью субъекта. Но не всякая деятельность человека является практикой. В последнее время нередки случаи, когда и теоретическую деятельность считают практикой на том лишь основании, что она тоже результат деятельности человека. Идеальное как деятельность субъекта вытекает из практики, но это не значит, что она и есть сама практика. Можно ставить вопрос о месте идеального в структуре практики и решать его не надо ни путем метафизического противопоставления, ни путем отождествления их.

И первое (противопоставление) и второе (отождествление) возникает в результате понимания практики только как субъективной деятельности, не раскрывая того, что это собственно за деятельность, каков ее объективный предмет. Практика — единство субъекта и объекта, она — активна по своей форме, но предметно-чувственна по своему содержанию и результатам. И здесь видно ее отличие от идеального, ценность и значение которого не заложены в нем самом, а в чем-то ином, что возникает в результате его практической реализации. В то время как практика сама изменяет реальность, не творит объект и его внутренне-необходимые связи и отношения, а предполагает и выделяет его как нечто налицо данное, предмет своего применения и изменения. «Человек в своей практической деятельности,— пишет В. И. Ленин,— имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»²⁴. В. И. Ленин ставил задачу соединения практики и познания, но он никогда не отождествлял их и не считал само познание практикой.

Поэтому в диалектическом материализме, с одной стороны, объект включается в структуру практики, а с другой — сама практика входит в объективную реальность, противостоящую сознанию человека.

В единстве субъекта и объекта в практике активной стороной выступает субъект, а определяющей — объект. Сама деятельность

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 169—170.

субъекта и его активность содержательно обусловлены свойствами и закономерностями объекта, ранее постигнутыми человеком. Последний действует и в мысли и в практике по законам объективной реальности.

Поэтому представляется односторонней концепция мыслителей, которые чрезмерно подчеркивают, абсолютизируют активность человеческой практики, затушевывая ее объективный источник. Уровень самой человеческой практики зависит от степени развития субъекта, но последняя обусловлена тем, какая объективная реальность, в какой мере и в каких формах вошла и определила его деятельность. Современное человечество и практика значительно превосходят людей XIX и начала XX столетия, ибо в сферу его деятельности вошли новые объекты, такие, как космос, атомная энергия, новые социальные структуры и т. п.

Правильное понимание соотношения субъективного и объективного в практике является ключом для решения многих философских вопросов и в частности теории познания.

Практика выступает основой, критерием истинности знания именно потому, что она соединяет в себе объективную природу с преобразующей ее человеческой деятельностью. Именно эта настоящая, реальная практика и порождает человеческое знание, являющееся, несмотря на свою субъективную форму, объективным по источнику и содержанию, т. е. целенаправленно, творчески-активно отражающим вещи, явления и процессы объективной реальности. Практика и делает отношение субъект — объект не субъективным, как у Фихте, а объективным.

Современное научное познание, диалектика его движения, характер результатов выдвигают в качестве актуальной философскую проблему совпадения субъективного и объективного в нем. Например, современная физика столкнулась с ней сама, относительно независимо от хода развития философии. Отчасти именно поэтому она споткнулась при ее разрешении. Классическая физика покоилась до некоторой степени на наивно реалистической вере, что ее представления и понятия однозначно соответствуют объективному миру. Когда практика развития познания в новейших физических теориях существенно поколебала эту веру, то и возникли различные концепции, берущие начало у субъективизма или платонизма, свидетельствующие о том, что сама физика без научной философской теории знания этой проблемы не решит и будет жертвой обветшалых гносеологических построений.

Научная философская теория знания, которую дает диалектический материализм, основываясь на всем опыте развития истории философии, анализе развития истории научного знания и его современных результатов, вскрывает диалектику субъекта и объекта, показывает, как объект становится субъектом в ходе развития явлений и процессов природы и каким образом в субъекте, в формах его деятельности, в том числе и в теоретическом знании, находится объект — отраженные в сознании вещи и про-

цессы природы. Природа как субстанция, не доведенная до субъекта — человеческого общества с его предметной деятельностью, не может сама по себе ни породить знания, ни объяснить его природу, характер движения и устремления. Субъект, изолированный от природы и практического взаимодействия с ней, не может стать действительным творцом научного знания, создающего объективные по содержанию понятия и теории и являющегося теоретической предпосылкой практического изменения мира.

Диалектика субъективного и объективного, совпадения первого со вторым является ключом для гносеологического понимания результатов современного знания, законов и тенденций его развития. Она пронизывает и сами философские категории, направляющие ход научного познания. Интерпретируя сущность философских категорий, В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что в них в единую сплетены два момента: отражение объективной реальности и ступени в движении познания — « категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека... »²⁵. В них природа и человек, субстанция и субъект даны в единстве, закономерности природы становятся формой деятельности человека. В том числе и теоретического познания. Формальный аппарат современной науки наряду с законами и понятиями материалистической диалектики выполняет эту категориальную функцию, а именно: в силу своего объективного содержания направляет процесс познания на постижение предмета во всей полноте и глубине. Только делают они это по-разному в силу *своих собственных особенностей*. Современное научное познание во всей полноте и обнаженности демонстрирует эту свою категориальную природу, дальнейший углубленный теоретико-познавательный анализ которой оказывается так необходим.

Ход современного научного познания, в частности в различных областях естествознания, блестяще демонстрирует активность отражения человеком объективной реальности. Познание действительно является не зеркальным образом, а творчески активным отражением, на основе которого в практике создается новый мир вещей и отношений.

Марксистско-ленинская теория познания дала в общем виде решение этих вопросов, а данные современной науки, в частности физики, гносеологические рассуждения крупнейших ученых, стремящихся осознать процесс познания в своей науке, дают возможность углубить положения нашей гносеологии, особенно применительно к ходу научного знания в отдельных областях. На анализе этих как бы частных проблем, сложившихся ситуаций в науке можно вскрывать и общие закономерности познания и специфичность их проявления в отдельных областях знания.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 83.

Общепризнанной особенностью развития знания в наше время является его дифференциация и интеграция. В настоящее время вместо одной науки мы имеем дело с очень разветвленной сетью отдельных наук, которые состоят из теоретических систем, в которых абстракции связаны по более или менее строгим правилам. Количество этих систем непрерывно растет; когда открывается новая предметная область, входящая в сферу практической и теоретической деятельности человека, возникает вопрос: не является ли эта теоретическая система знания самостоятельной наукой. Сейчас непрерывно обсуждаются вопросы о новых областях знания вплоть до науки о науке.

Перед нами совокупность наук, имеющих свой специфический предмет, метод, структуру и язык. Возникает вопрос, как возможно единство современного научного знания и каково место философии в его установлении. Единство знания в прежнем смысле, когда все оно включалось в одну систему, называемую философией, давно потеряло смысл. Ныне существующие области научного знания и их языки не сводимы друг к другу и к какому-либо одному универсальному языку без того, чтобы не потерять части своего содержания. Сейчас уже почти ни у кого не вызывает сомнения, что построение какой-то одной универсальной, унифицированной науки с одним языком — задача невыполнимая. Если бы и можно было построить что-то в этом роде, то это вряд ли сколько-нибудь продвинуло знание вперед и способствовало решению стоящих перед наукой проблем.

Существовавшее ранее чисто внешнее объединение в одну систему совершенно гетерогенных элементов, включая и действительное знание и беспочвенную фантазию, свойственную религии и другим формам мистификации, создавало лишь мнимое единство знания. Теперь же наука разбилась на множество действительных теоретических систем, и возникли условия для установления подлинного их единства.

И в самом деле, дифференциация научного знания одновременно сопровождается и его интеграцией. Под последней следует понимать не объединение существующих систем в нечто единое, не своеобразное суммирование знания, достигнутого разными науками о некотором объекте, представляющем большой интерес для человека (например, в решении проблемы полета человека в космос принимает участие очень большое число наук, каждая из которых вносит свою лепту в изучение этого сложного процесса), а стремление в процессе взаимосвязи позаимствовать друг у друга и сами методы, и язык, чтобы применить их для исследования своего объекта.

Этот вид интеграции оказывает огромное влияние на ход развития современного научного знания. Например, не успела возникнуть новая область знания — кибернетика, как ее метод и

язык, в частности понятие информации, стали применяться повсюду, иногда, правда, без особой необходимости, а ради кокетства и дани моде. Цель этого вида интеграции состоит в том, чтобы путем перенесения методов и языка с одной науки на другую решить некоторые проблемы, которые в данной науке без них не решались. Например, вопросы астрономии, в особенности такой ее части, как космологическая проблема, в настоящее время плодотворно разрабатываются на основе аппарата, созданного теоретической физикой, общей теорией относительности Эйнштейна. Применение этого аппарата необходимо, поскольку без него космология не только бы не решила, но и не могла бы правильно поставить многие трудные задачи.

Продуктивный перенос метода и языка одной науки на другую приводит не только к решению новых проблем, но и способствует развитию самих этих методов и языков. Широкое применение кибернетики и ее методов к решению задач в биологии, медицине, экономике важно не только для развития этих наук, но и для самой кибернетики, ведет к расширению ее содержания и обогащению ее аппарата и методов.

Это сближение различных областей современного научного знания идет так далеко, что сближаются между собой области, которые, казалось бы, самой природой разделены, например, математика и лингвистика. Неудивительно, что космология применяет результаты теоретической физики, это как бы определено их предметом, носящим природно-физический характер. Но история, не говоря уже об экономике, начинает размышлять о применении методов, которые когда-то относились только к естественнонаучным дисциплинам. В «Капитале» Маркс писал: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде»²⁶. Это характеристика физики как классической науки о природе, каковой она считалась с очень древних времен. Со всем другая характеристика политической экономии: «К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заметить сила абстракции»²⁷.

Эти две мысли стоят рядом друг с другом на одной странице. Рассудочное сознание может понять их так: в политической экономии как в гуманитарной науке главным средством постижения предмета является абстракция, а в физике, являющейся типичной естественной наукой, — наблюдение и эксперимент. Но без абстракции, снабженной мощным математическим аппаратом, современный физик-теоретик также не может сделать ни одного

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 6.

²⁷ Там же.

реального шага вперед. С другой стороны, гуманитарное знание все более приближается к естественнонаучному не только по своей точности, но и по методам; математический аппарат, наблюдение и эксперимент становятся средством изучения человека и его общества. Это, конечно, не означает, что теряется специфичность предмета гуманитарных наук (сознательная целеполагающая деятельность общественного организма), которая определяет особенности социального познания, но сама эта специфичность не является преградой для сближения естественных и общественных наук.

Это сближение, которое оказывает весьма плодотворное влияние на прогресс всего научного знания, ставит ряд методологических вопросов.

Изменения, происшедшие в науке в последнем столетии, не сняли с философии задачи служить цементирующим началом в единстве научного знания, но делает это она уже иным путем, чем в период своего зарождения. Тогда она включала в себя все знания, а потому называлась наукой наук, сейчас этого ни она, ни никакая другая наука сделать не может, да и в этом нет необходимости. Не претендуя на замену других систем знания, она вместе с тем является знанием о самом знании, поскольку дает метод и язык, присущие человеческому знанию вообще. В этом смысле она и выступает метанаукой.

Разработка марксистско-ленинской философии как теории знания, ее законов и категорий применительно к особенностям и потребностям современной науки предполагает специальные исследования проблем методологии познания социальных явлений, поскольку это имеет принципиальное значение для познания в целом. Познание как общественное явление основано на диалектике субъекта и объекта, предметной практической деятельности. Естественнонаучное познание тоже по природе своей социально. Конечно, данные науки о природе дают большой материал для философских обобщений, но если их брать в отрыве от общего движения современного научного познания, не учитывая его единства, то теоретико-познавательные выводы могут быть ущербными.

Происходящая в настоящее время в мире научно-техническая революция оказывает влияние на все стороны человеческой жизни, она раскрывает невиданные прежде возможности расцвета материальной и духовной культуры человечества. Роль и значение философии в условиях бурного развития науки и техники не падает, а подымается. Но не всякой философии, а только такой, которая сама, являясь наукой, идет в ногу с научно-техническим и социальным процессом, оказывает благотворное влияние на их развитие, обобщает результаты достижений науки и изменений в социальной жизни людей. Ленин придавал первостепенное значение применению диалектики к обобщению истории философии, теоретической и практической деятельности

человечества, считая эту работу продолжением дела Гегеля и Маркса.

Марксистско-ленинская философия, впитав в себя опыт всей предшествующей истории научной мысли, способна овладеть грандиозными изменениями, социальным и научно-техническим прогрессом, соединить их, служить теорией и методом, направляющим научно-теоретическую мысль на постижение законов движения природы и общества, на практическое переустройство мира в интересах трудящегося человека. Сила научной философии состоит в непрерывном развитии, обогащении ее законов и категорий, в творческом поиске новых путей движения мысли. Только такая философия может выдержать натиск реакционного мировоззрения и, соприкасаясь с новой действительностью, сложившейся в обществе и науке ситуацией, определять реальные пути ее осмысления, быть теоретической основой управления общественными процессами, развитием научного знания.

2. МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Важнейшей составной частью ленинского философского наследия является глубокая разработка Лениным положений о марксистской философии как методе научного познания. Основоположники марксизма-ленинизма придавали огромное значение развитию и совершенствованию философского метода, его применению к объяснению самых различных областей науки и общественной практики. Ф. Энгельс показал, что диалектика является методом, соответствующим современной науке вообще, естествознанию в частности. Дальнейшее развитие науки не только доказало правильность этого положения, но и способствовало развитию и конкретизации самого философского метода познания явлений природы, общества и человеческого мышления. Выдающаяся роль в этом принадлежит В. И. Ленину, идеи которого выдержали проверку временем, подтверждены огромным опытом общественного движения — становления новой общественно-экономической формации, бурного развития науки.

Марксистская философия как метод научного познания доказала свою жизнеспособность не только тем, что правильно объяснила новые явления в действительности и в науке, но и тем, что определила пути дальнейшего развития научного познания, закономерности движения общества к коммунизму.

Враги диалектики, видя торжество ее принципов, хотят во что бы то ни стало скомпрометировать марксистскую философию как метод научного познания. Это стремление присуще католикам Веттеру и Бохенскому, прагматисту Хуку и ревизионисту Лефевру.

Мысль о том, что материалистическую диалектику ни в какой мере нельзя считать научным методом познания, составляет лейтмотив писаний закоренелого врага марксизма Сиднея Хука. «...Диалектический метод, — пишет он, — может претендовать на значимость и обоснованность лишь тогда, когда его понимают как синоним научного метода, и поэтому нет надобности вообще говорить о диалектическом методе»¹.

¹ S. Hook. *Dialectical Materialism and Scientific Method. A Special Supplement to the Bulletin of the Committee on Science and Freedom*. Manchester, 1955, p. 27.

Достойного конкурента Хук имеет в лице иезуита Веттера. Последний обвиняет современных сторонников диалектического материализма в воскрешении натурфилософии. В Советском Союзе занимаются философскими вопросами естествознания, и это, по мнению Веттера, является свидетельством того, что советские философы отошли от Энгельса, который отвергал натурфилософию. Неотомист Веттер полагает, что существует только два пути: или схоластическая онтологическая система в духе Фомы Аквинского, или позитивистская философия; иного пути в философии он не видит. И поскольку Энгельс подверг критике философское системотворчество, построенное на умозрении, Веттер зачислил его в лагерь позитивистов.

Враги марксизма потому так изощряются в критике марксистской философии как метода познания, что они не в силах противопоставить ей что-либо конструктивное, соответствующее требованиям современной науки. В идейной борьбе с различными направлениями буржуазной философии победил марксизм, его метод научного познания. В этом сражении за материалистическую диалектику решающую роль сыграли философские труды В. И. Ленина.

а) Объективные основы метода познания

Ленинские идеи о материалистической диалектике как науке дают четкое решение вопроса об объективных основах философского метода познания, о его отношении к научному мировоззрению. Стремясь опровергнуть диалектический материализм, наши критики усматривают его «уязвимое» место в том, что законы его являются одновременно и законами научного метода познания и законами самого бытия. «Если утверждается,— пишет Хук,— что диалектика является *теорией* научного метода, тогда ее «законы» были бы не законами природы, но правилами осуществления действительно научной работы»².

Однако то, что нашим противникам представляется слабостью марксистской философии, в действительности является ее силой. Мысль Ф. Энгельса, что законы мышления по своему содержанию совпадают с законами бытия, что метод является аналогом действительных процессов, совершающихся в природе и обществе, по-новому ставит вопрос о характере научного философского метода.

Эта мысль послужила исходным пунктом в развитии Лениным идеи о совпадении в марксизме диалектики, логики и теории познания, которая является центральной для понимания особенностей марксистской философии как метода научного познания.

Ленинская идея совпадения диалектики, логики и теории познания имеет значение для решения не только отдельных проб-

² S. Hook. Dialectical Materialism and Scientific Method, p. 24.

лем марксистской философии, скажем, гносеологии или логики, а всех коренных вопросов нашей философии; ее необходимо последовательно проводить во всех философских исследованиях. В данном случае мы рассмотрим ее значение для понимания объективных основ марксистского философского метода.

Положение о совпадении диалектики, логики и теории познания является закономерным результатом длительного развития философии. Только после того, как на материалистической основе была развита эта идея, философия определила свой собственный предмет и свое место в общей системе научного знания. Основу этой идеи составляет положение, что марксистская диалектика как наука вскрывает наиболее общие законы развития явлений объективного мира, которые одновременно являются законами развития человеческого познания, мышления. Законы объективного мира после того, как они познаны, становятся законами функционирования мышления. Марксистская философия является методом мышления, ведущим к достижению новых научных результатов, потому что она вскрывает объективные закономерности движения самого предмета. Научный метод мышления должен направлять нашу мысль, сообразуясь с природой самого предмета.

Если движение мышления пойдет путем, противоречащим законам объективного мира, то оно не сможет схватить и понять эти законы.

Хук, как и многие буржуазные философы, исходит из отрыва законов мышления от законов природы и общества. Для него законы мышления — это только правила определенной научной процедуры, обработки фактов, не связанные со знанием объективных законов природы и общества. В таком случае научный метод теряет свое объективное содержание, превращается в чисто субъективные манипуляции, целью которых является активное преобразование неопределенного материала или «грубого существования» во что-то определенное. Это «грубое существование» обрабатывается в соответствии с целями, обусловливаемыми только потребностями субъекта.

В действительности же всякий научный метод мышления, включая всевозможные правила научной процедуры, основывается на познании законов природы и общества. Обрабатывать факты действительности, упорядочивать их в процессе мышления необходимо на основе знания природы этих фактов, наиболее общих закономерностей их движения. Не только ни одна научная процедура, но ни один прибор не может строиться без учета природы того объекта, который исследуется с помощью этого прибора.

Метод мышления возникает на базе обобщения результатов познания предмета, его закономерностей, знание которых используется как орудие его дальнейшего познания. Вот почему В. И. Ленин выдвигал в качестве первой задачи глубокое

изучение истории науки и техники и обработку этой истории с позиций диалектики.

Универсальность и необходимость методологических положений марксистской философии вытекают из того обстоятельства, что они основаны на знании наиболее общих законов развития, присущих каждому предмету, каждому объекту. Исследователь должен следовать диалектике не потому, что это кем-то предписано свыше, а потому, что этого требует сам объект исследования, который раскрывает свою природу только тому, кто процесс исследования, метод изучения основывает на знании объективных закономерностей. Означает ли это, что якобы согласно марксизму логика, законы мышления являются частью физики, частью законов природы, как это изображают противники диалектики? Совпадение по содержанию законов движения объекта с законами движения мышления еще не дает основания для такого утверждения.

Отношение между логикой и физикой, между законами мышления и законами природы не совпадает с отношением части и целого. Законы природы, открываемые физической наукой, конечно отличаются от законов мышления, изучаемых логикой. Законы природы существуют объективно, независимо от человеческого мышления, в то время как законы функционирования мышления связаны с деятельностью человека и его мозгом. Но любой закон природы, как только мы его познали, приобретает логическое значение. Он используется человеком в дальнейшем процессе движения нашего знания, в построении определенных научных процедур, в конструировании приборов для изучения различных процессов природы и т. д. Например, закон сохранения энергии отражает процессы, происходящие в самой действительности (а не в мышлении людей); он не является непосредственным отражением закономерностей движения познания. Но как только наука познала этот закон, он приобрел логическое значение, стал орудием движения нашего мышления.

Строя физические теории, мы проверяем их истинность, в частности, тем, что устанавливаем их соответствие с данным законом. Так, например, в свое время физики столкнулись с явлением, которое они не могли сразу объяснить, — с непрерывным характером спектра бетачастиц (в процессе радиоактивного бета-распада каждый радиоактивный изотоп излучает электроны не какой-то определенной энергии, а целый набор, спектр электронов различных энергий — от нуля до некоторого предельного значения). Объясняя это явление, Бор выдвинул гипотезу, согласно которой электрон не всегда излучает всю энергию, образующуюся в результате радиоактивного превращения, часть энергии может бесследно исчезать. Эта гипотеза несостоятельна (наука впоследствии это убедительно показала) прежде всего потому, что она противоречит закону сохранения энергии, содержание которого в данном случае выступает орудием проверки выдвигаемых наукой

теоретических построений, методом научно-теоретического мышления.

Логика как наука занимается изучением законов мышления, а не природы, но законы функционирования нашего мышления она не должна отрывать от законов природы и общества. Мышление не есть движение чисто субъективных представлений о предмете, а есть постижение его объективной природы, поэтому оно должно направляться таким методом мышления, который сам основан на знании объективных закономерностей, определяющих движение предмета. Какое-либо научное положение выступает в качестве метода построения теории, критерия проверки ее научной состоятельности не в силу своей определенной формальной структуры, а прежде всего как утверждение, имеющее объективное содержание. Понятия и теории науки приобретают свое методологическое значение в силу того, что в них отражены объективные закономерности. Даже так называемое «формальное содержание» логических форм основано на отражении чрезвычайно общих отношений, существующих в объективном мире. Эффективность или неэффективность какой-либо научной теории как метода получения новых научных результатов определяется тем, что она отражает и как отражает, насколько глубоко, всесторонне и адекватно.

В этом отношении философский метод принципиально не отличается от методов частных наук, все они основаны на отражении определенных законов объективного мира; различие выступает тогда, когда устанавливается специфика в характере законов, на которых основан философский метод, с одной стороны, и методы частных наук — с другой.

Недостаточно просто сказать, что марксистская философия изучает и законы объективного мира и законы мышления, ибо простое «и — и» может породить представление, что марксистская философия изучает как бы два параллельных ряда законов — бытия и мышления, а потому в ней можно выделить онтологию со своими законами и гносеологию (логику) с присущими ей законами.

Марксистская философия не разделяется на онтологию и гносеологию; ее законы охватывают как область бытия, так и область мышления. Изучая бытие, вскрывая законы объективного мира, она раскрывает их методологическое значение, роль в познании и практической деятельности. И наоборот, изучая процесс мышления, закономерности его движения, диалектический материализм выявляет объективное содержание законов и форм мышления (что и как в объективном мире они отражают).

Когда рассматривается отношение принципов, законов марксистской философии к явлениям материального мира, выясняется их объективное содержание, тогда они выступают как знание о самом бытии. Когда же определяется роль этих принципов и законов в процессе мышления и практической деятельности, они

выступают как метод достижения новых результатов. Поэтому законы диалектики и отражают объективный мир и определяют наше отношение к явлениям действительности в процессе познания и практического действия. Эта последняя сторона в законах мышления (способ изучения явлений действительности) определяется их объективным содержанием (тем, что и как они отражают). Марксистская философия как наука о наиболее общих законах всякого движения, обращенная к субъективной деятельности человека, становится методом, орудием движения мышления, приобретает методологическое значение. До какой степени точности и глубины философия отражает объективные законы, в такой степени точен, глубок и совершенен метод научного познания. Насколько всеобщи познанные закономерности, настолько универсален и метод познания, основанный на них.

Вся марксистская философия в целом (а не отдельные ее положения и законы) выступает как метод и теория познания. Иногда приходится сталкиваться с мнением, согласно которому методологическая функция приписывается только некоторым законам и категориям марксистской философии. При этом не раскрывается со всей четкостью значение исторического материализма, его законов и категорий как способа достижения новых знаний о явлениях общественной жизни. Обычно в курсе исторического материализма излагается только мировоззренческое содержание его положений и слабо показывается значение исторического материализма в создании научных теорий, понятий о различных явлениях общественной жизни. Например, у нас нет исследований о методологическом значении понятия «общественно-экономическая формация» и других категорий исторического материализма.

Обычно исторический материализм определяется как распространение диалектического материализма на объяснение явлений общественной жизни. Это определение правильно, но, как всякая дефиниция, односторонне. Им ограничиться нельзя, ибо в нем освещена только одна сторона — то, что исторический материализм невозможен без диалектического. Но ведь и без материалистического понимания истории не могут быть поняты глубоко и всесторонне принципы, законы и категории самой материалистической диалектики как метода научного познания. Например, чтобы вскрыть сущность и закономерности развития мышления, необходимо определить его место в развитии общества, рассмотреть само познание как общественно-исторический процесс, включить общественно-историческую практику в историю познания. А все это возможно только на основе принципов материалистического понимания истории. Исторический материализм необходим не только для познания явлений общественной жизни, он сохраняет свое методологическое значение и для познания вообще, саму природу нельзя понять вне ее отношения к обществу.

Таким образом, диалектический и исторический материализм являются не двумя отдельными философскими науками, одна из которых отражает общие законы природы и служит методом их познания, а другая отражает общие законы общества и является методом их познания. Существует единая наука — диалектический и исторический материализм, которая вскрывает законы развития природы, общества и человеческого мышления.

Ленинская идея о совпадении диалектики, логики и теории познания является исходной в определении отношения марксистской философии к другим наукам, философского метода познания к методам, вырабатываемым специальными науками. Марксистская философия не является по отношению к естествознанию натурфилософией, она не может подменять отдельные отрасли научного знания в решении специальных вопросов и не претендует на это. Задача философии состоит в том, чтобы выработать и совершенствовать научное мировоззрение. С этой целью она обобщает опыт развития всех наук и общественной практики. Союз естествознания и философии покоится не на том, что философия решает вопросы за естествознание и исправляет ошибки естествоиспытателей, когда они вторгаются в область философии, а специалисты различных отраслей естественнонаучного знания походя решают философские проблемы и исправляют естественнонаучные ошибки философов.

Конечно, в практике философам приходится исправлять некоторые философские ошибки естествоиспытателей, а последним — естественнонаучные ошибки философов. Но представим себе, что естествоиспытатели глубоко освоят марксистское мировоззрение и в своих трудах не будут допускать философских ошибок (к этому мы все стремимся), а философы будут абсолютно точны в оперировании естественнонаучным материалом (это тоже наша цель). Можем ли мы считать, что тогда необходимость в союзе между естествоиспытателями и философами-марксистами упадет? Наоборот, только тогда этот союз выступит в своем истинном виде и не будет искажен привходящими случайностями. Этот союз основан на том, что каждый решает задачи, стоящие перед его наукой, опираясь на достижения других областей знания (естествознание — на достижения философии, а философия — на достижения естествознания).

Диалектический и исторический материализм обобщает новейшие достижения естествознания с целью полного, точного и глубокого познания законов, являющихся предметом его изучения. Естествоиспытатель усваивает выработанные философией законы и категории и применяет их как метод в познании того предмета, изучением которого он занимается. Этот метод необходим естествоиспытателю не только для того, чтобы не совершать философских ошибок в своих рассуждениях, но главным образом для успешного движения в познании своего предмета; он входит как составная часть в ткань научного исследования ученого,

в арсенал средств, которые приводят последнего к новым результатам в познании. Естественнику нетрудно принять это мировоззрение, он даже стихийно склонен к нему, ибо оно является не чем-то внешним по отношению к науке, а ее результатом, но не одной какой-либо области научного знания, а всей истории процесса познания и практического переустройства мира.

Законы философского метода проявляются и выступают в той или иной форме во всех частных методиках и научных процедурах, которыми ученый пользуется при исследовании своего предмета. Они там практически реализованы, но не всегда осознаются самим ученым. Неумение сознательно пользоваться ими приводит к заблуждениям в обработке фактов и построении теории, к тому, что мысль ученого часто идет по неправильному пути, зигзагом, он тратит огромные усилия на решение таких проблем, которые научной философией уже давно решены. Например, современный физик, стоящий на позициях диалектического материализма, не будет понапрасну тратить усилия в направлении индетерминистского решения проблем, поднимаемых квантовой механикой. Трудности, с которыми он сталкивается, будут иными, чем у физика, стоящего на индетерминистских позициях. В то время, когда последний будет искать решения вопроса там, где его вообще найти нельзя, поиски первого увенчаются успехом, ибо им взято верное направление. Так, многие зарубежные физики после безуспешных попыток найти решение проблем квантовой механики в индетерминистском направлении вернулись к истолкованию этих проблем в духе детерминизма. Но если бы они сознательно стояли на позициях диалектического материализма, им не пришлось бы проделывать этот сложный путь, включающий в себя отклонения от истины.

Значение марксистской философии как метода научного познания заключается в том, что она определяет научный путь, направление решения проблем. Философия не отвечает однозначно на вопрос, какое толкование квантовой механики является правильным: связанное с признанием квантовых ансамблей или квантовых состояний или же еще какое-либо. Это задача чисто физическая, и решается она физическими методами, но диалектический материализм со всей строгостью и определенностью доказывает, что только детерминистский путь ее решения является научным. Ответ этот базируется не только на длительной истории развития самой физики, но и всего познания, всей практики человечества в целом. Чтобы философия как научный метод могла активно воздействовать на развитие различных отраслей науки, она должна непрерывно совершенствоваться, обогащаться новым знанием об объективных законах движения явлений, которое составляет ее фундамент, основу. Так, например, развитие физики, в частности квантовой механики, поставило перед философами много проблем чисто философского характера, а именно углубления понятия причинности и детерминизма в плане вы-

яснения отношения причинности и вероятности, динамических и статистических закономерностей, необходимости более точного и глубокого решения вопросов о характере современной научной теории и закономерностях ее развития, о специфическом проявлении практики как критерия истины в различных областях научного знания, о более глубоком понимании категорий отношения, взаимодействия и т. д. Таких проблем, которые ставит современная физика перед философией, очень много. Их ставит не только физика, но все отрасли научного знания. Философы призваны удовлетворять эту потребность.

Современные позитивисты полагают, что естествоиспытатели сами могут решить эти вопросы. Так, например, Рейхенбах писал, что техническое знание достаточно широко развилось, чтобы сделать возможным ответ на философские вопросы, не прибегая к помощи философской системы³.

Но в действительности этого сделать нельзя, ибо законы и категории философии возникают, развиваются на базе обобщения всей истории познания и практики. Ни одна естественная наука не занимается такого рода обобщениями, не является теорией всего человеческого знания. Новые философские положения возникают в результате обобщения достижений естественных и общественных наук. Если философия оторвется от практики развития научного знания, она перестанет быть эффективным методом познания.

Таким образом, союз естествознания и философии, укрепление и развитие которого является ленинским философским завещанием, базируется на том, что философия вырабатывает всеобщий метод познания и практического переустройства мира, а обобщение достижений естествознания необходимо для развития и совершенствования этого метода.

б) Логика открытия и логика доказательства

Сидней Хук, критикуя диалектический материализм, пишет: «...Не дело какой-либо теории научного метода претендовать на то, что она является одновременно методом открытия и методом доказательства, как это утверждают приверженцы диалектики»⁴.

Мысль о том, что один и тот же философский метод не может быть одновременно способом открытия и способом доказательства, характерна для многих течений современной буржуазной философии. Эта мысль в конечном счете исходит из признания, что формальная логика является единственной наукой о доказательстве, что аппарат формальной логики, законы и формы ее — единственное логическое средство доказательства. Абсо-

³ См. H. Reichenbach. Der Ursprung der wissenschaftlichen Philosophie.— «Physikalische Blätter», N 4, 1958, S. 153—156.

⁴ S. Hook. Dialectical Materialism and Scientific Method, p. 24.

лютизация теории и метода доказательства, выработанных формальной логикой, ведет к метафизике, к забвению роли диалектики в процессе доказательства научного знания.

Конечно, формальная логика изучает существенные стороны процесса доказательства, в особенности в выявлении его логической структуры, и недооценивать значение формальной логики и ее учения о доказательстве нельзя. То, что делает формальная логика, не делает ни одна другая наука, в том числе и марксистская философия, которая призвана не заменить формальную логику в учении о доказательстве, а пойти дальше, дать то, чего последняя дать не может.

Современные позитивисты считают, что формальная логика является методом доказательства, а частные методики — методом обнаружения новых результатов. При этом метод доказательства и метод познания у них взаимоисключают друг друга, и никакого другого общего метода познания и доказательства не существует. Но такое разделение метода достижения новых результатов и способа доказательства неверно, оно покоится на непонимании объективных основ метода доказательства и его связи с движением к истине.

Важное положение относительно взаимоотношения метода исследования и метода доказательства заключается в следующих словах Ф. Энгельса: «О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже тот факт, что г-н Дюринг считает ее каким-то инструментом простого доказывания, подобно тому как при ограниченном понимании дела можно было бы считать таким инструментом формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика...»⁵.

Как явствует из этого высказывания, марксисты в свое время сталкивались с такими критиками диалектики, которые противопоставляли метод исследования методу доказательства, сводя диалектику к простому доказыванию известных положений. Охотников представить диалектику, ее законы и категории как способ подбора фактов, примеров, иллюстраций для доказательства какого-либо заранее известного положения было очень много как за рубежом, так и в России; их разоблачил еще Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Связь между способами открытия истины и ее доказательства не случайна, она покоится на той же идее совпадения по содержанию законов мышления с законами бытия. Процесс доказательства истины является подчиненным моментом процесса ее достижения, неразрывно связан с ним. Чтобы доказать истин-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 138.

ность какого-либо теоретического построения, необходимо вскрыть путь, по которому наша мысль шла к нему, проанализировать фактический материал, законы и способы его обработки, метод построения теории.

Процесс обнаружения истины включает в себя и ее доказательство, и, наоборот, процесс доказательства теории выступает одновременно как ее развитие, дополнение, конкретизация. Например, понятие условных рефлексов в теории Павлова имело методологическое значение для изучения высшей нервной деятельности, для объяснения нервных процессов. С помощью этого понятия Павлов вскрывал закономерности высшей нервной деятельности. Но понятие условных рефлексов служило Павлову и орудием доказательства, к нему он прибегал для установления истинности или ложности того или иного теоретического построения. Так, с помощью условных рефлексов Павлов опровергал утверждение Кёлера, что животные обдумывают свои поступки, и доказывал истинность другого теоретического положения — об отсутствии у собаки осмысления действительности.

Всякий научный эксперимент содержит в себе это единство обнаружения нового и доказательства или опровержения какого-либо теоретического построения. Неверно утверждение, что эксперимент — это только оружие доказательства истинности теории или только средство обнаружения новых явлений, построения новых гипотез. Выдвигая какое-либо новое теоретическое построение, мы одновременно что-то старое опровергаем и что-то новое доказываем. Процесс доказательства не имеет никакой иной цели, кроме установления объективной истинности. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин высказывает ряд положений, характеризующих сущность империализма. Доказательством истинности этих положений служит реальный путь исследования Лениным новых явлений, характерных для империализма, обобщение их на основе марксистской философии, которая выступает в данном случае и методом исследования и методом доказательства.

Формальная логика ограничена и как метод познания и как орудие доказательства. На основе ее законов и форм можно установить соответствие или несоответствие одного суждения другим суждениям, то есть формальная логика служит орудием доказательства правильности суждений, но не их объективной истинности. Как наука о доказательстве, формальная логика вырабатывает критерии, по которым можно судить, следует или не следует с необходимостью какое-либо суждение из системы других суждений. Эти критерии имеют значение в построении теории, в ее доказательстве. Если теория включает в себя такие логические противоречия, которые по законам формальной логики недопустимы, то она не может претендовать на объективную истинность и научность. Но выполнение всех требований формальной логики не может служить доказательством объективной ис-

типности теоретического построения. Поэтому логический аппарат формальной логики как орудие доказательства выполняет только одну необходимую функцию — проверяет научное знание со стороны его формальной правильности.

Марксистская философия с ее логическим арсеналом служит орудием доказательства объективной истинности знания. Она выработала метод обнаружения истины и ее доказательства, рассматривая установление формальной правильности только как момент в движении к истине и в ее доказательстве. Сущность этого метода в общих чертах определена В. И. Лениным в работе «Еще раз о профсоюзах...»: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во 1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...»⁶

Здесь В. И. Ленин характеризует диалектику и как метод познания и как орудие доказательства. Рассмотрение предмета в его самодвижении, со всеми его связями — это не только путь достижения истины, но и доказательства ее. Особое значение в доказательстве имеет практика, вне которой вообще нельзя решить вопроса об истинности или ложности какого-либо теоретического построения. Единство теории и практики — важнейшее методологическое положение марксистской философии, которое служит руководящей нитью в исследовании предмета и в установлении истинности добытого знания. Как известно, научное положение считается доказанным, если оно выведено логическим путем из других положений, истинность которых была ранее установлена. Но нельзя решить вопроса об истинности какого-либо научного положения, которое служит аргументом в доказательстве, или о правильности самого логического вывода, если не выйти за пределы мышления в область практической деятельности. Объективно ли содержание нашего мышления, имеем ли мы дело с реальными свойствами предмета, или же мышление впало в иллюзию, движется в области субъективных представлений, оторванных от постижения свойств, закономерностей, присущих объективному миру? На эти вопросы нельзя получить научного ответа, не обращаясь к практике, к изучению результатов практического переустройства действительности на основе познанных закономерностей.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 290.

Учение о доказательстве, игнорирующее роль практики в процессе установления объективной истинности мышления, не может быть научным, ибо практике принадлежит решающая роль в доказательстве. Диалектика, определяя путь познания истины, вместе с тем устанавливает способ и средства доказательства истинности знания путем признания определяющей роли практики как основы познания и критерия его истинности.

Марксистская философия, основанная Марксом и Энгельсом и развитая дальше В. И. Лениным, существует более ста лет. За этот период времени сошли с исторической арены многие философские школы и направления, рекламировавшие себя как последнее достижение научной мысли. Но они ничего не дали для развития науки и практической деятельности людей. Марксистская философия не только не была опровергнута ходом развития науки и общественной жизни, как это предсказывали ее враги, но еще больше окрепла и развилась, обогатилась новыми положениями, сделавшими наше мировоззрение более полным и глубоким. Развитие науки подтвердило, что только материалистическая диалектика является методом мышления, который соответствует современному уровню развития научного знания и в состоянии дать объяснение сложнейших явлений, открываемых современной наукой. Каждый шаг развития науки подтверждает правильность мысли Ленина, что, «идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»⁷.

Изучение метода марксизма-ленинизма и овладение им имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Диалектический метод составляет часть марксистского мировоззрения, неразрывно связанного с революционной практикой пролетариата и его партии.

Коммунистическая партия Советского Союза и ее ленинский Центральный Комитет проводят научную политику, основанную на диалектико-материалистическом анализе действительности. Умелое применение диалектики, ее положения о необходимости конкретного анализа конкретной ситуации всегда помогало партии правильно определять стратегическую линию и намечать тактические пути и средства ее претворения в жизнь. Наша партия в борьбе за пролетарскую революцию и победу социализма шла по дороге, не проторенной историей. Но поскольку она руководствовалась научным мировоззрением, правильным философским методом, соответствующим объективным законам развития природы и общества, она успешно справилась с задачей, поставленной перед ней историей, и указала всем странам путь к коммунизму.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 146.

3. ЛОГИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

а) Понятие «логики научного исследования»

Знакомство с современной логикой показывает, что она разветвлена на множество разделов: логика диалектическая и различные системы современной формальной логики (классическая, вероятностная, многозначная и т. п.). Теперь все чаще раздаются голоса о логике науки (или о логике научного познания) и о логике научного исследования. Интересы развития науки требуют уточнения отношений между различными логическими теориями. Это необходимо и для изучения и для дальнейшей плодотворной разработки логической проблематики.

Сам факт существования множества логических систем и непрерывного возникновения новых систем свидетельствует о прогрессе в этой области науки. В интересах этого прогресса требуется выяснять сущность и содержание каждой новой логической системы, определять ее место среди других научных дисциплин, носящих имя логики.

Нередко говорят, что сколько бы логических систем ни было и какие бы новые системы ни возникали, они укладываются в диалектическую или формальную логику. В принципе это верно, ибо диалектика и формальная логика охватывают в самой развитой и совершенной форме всю сферу логического.

Разделение логики на формальную и диалектическую произошло вследствие естественного хода развития познания объективного мира, потребовавшего, с одной стороны, выработки и непрерывного совершенствования формального аппарата для исследования мышления (что, собственно, и составляет предмет формальной логики со всеми ее разветвлениями), а с другой стороны, создания философской теории, метода мышления. Материалистическая диалектика как логика создала такую теорию и метод, которые отвечают потребностям развивающейся науки. Но для всестороннего изучения мышления, его форм, видов, этапов и т. п. необходим как философский метод, так и формальный аппарат. И тут нельзя бояться одновременного применения формально-логических средств и диалектического метода. Чтобы изучить какую-либо конкретную форму мышления (например, гипотезу или даже понятие), надо к ней подойти во всеоружии как современного философского метода, так и формального аппарата.

В силу этого, несомненно, будут возникать логические системы синтетического характера, исследующие конкретный предмет (метод, форму, этап познания и т. п.) всеми имеющимися средствами — как логическими (средствами диалектической и формальной логики), так и специально научными.

Усиление со стороны логики интереса к научному исследованию вызывается рядом причин практического и теоретического характера. Наука, становясь непосредственной производительной силой, занимает все большее место в жизни общества. От темпов ее развития в значительной степени зависит не только технический прогресс, но и духовное совершенствование личности, ее образование, нравственное и эстетическое воспитание.

Мы живем в век ускоренного развития научного знания. На ход этого процесса можно оказать влияние путем создания логики научного исследования. Детальное изучение процесса научного исследования явится дальнейшим развитием ленинских положений о диалектике как логике и теории познания, об укреплении союза философии со специальными областями науки, в частности с естествознанием. Вскрывая закономерности научного исследования, его формы и методы, философия действительно помогает специалистам различных областей науки решать стоящие перед ними задачи. Здесь они могут зримо ощущать эвристическое значение законов и категорий материалистической диалектики, которые направляют ход научного исследования.

Кибернетика ставит вопрос о передаче некоторых функций человека в процессе научного исследования машинам. Это, в свою очередь, предполагает формализацию самого процесса научного исследования. Но прежде чем что-либо формализовать, надо выяснить, какое содержательное знание будет выражено посредством формализмов и их систем. Иными словами, формализации должно предшествовать изучение процесса, в данном случае научного исследования и его логической последовательности, с содержательной стороны.

В настоящее время мы нередко наблюдаем, как потребности в формализации обгоняют изучение содержания того или иного процесса. Например, все шире начинают разворачиваться работы в области применения машин в диагностике заболеваний. Но содержательная сторона логики диагностического процесса очень мало изучена. Поэтому механизация диагностики заболеваний носит в значительной степени случайный характер, и специалистам в области кибернетики к ней трудно подступиться, поскольку они не располагают системой логики диагностического процесса. Эта частная трудность, в свою очередь, упирается в другую, общую: логика в целом долгое время задерживалась на этапе описания и философского истолкования отдельных форм мышления — суждения, понятия, умозаключения — и очень медленно, робко переходила к изучению движения мышления к новым результатам в процессе научного исследования.

Можно сказать, что логика изучала процесс человеческого мышления созерцательно, расчленяя его на отдельные формы и давая им описание и истолкование. Она объясняла готовые результаты познания, но не делала упора на достижение нового знания.

Но сейчас требуется такое овладение мышлением, которое позволило бы управлять его развитием с целью достижения более быстрыми темпами новых результатов, носящих характер объективной истины. В Институте кибернетики АН УССР ставится задача построения машин, способных помогать человеку открывать ранее неизвестное. Иными словами, практика выдвигает задачу познать ход научного исследования с тем, чтобы передавать отдельные его элементы машинам. Такие задачи, в свою очередь, предполагают иной подход к самому мышлению, требуют изучения и анализа не отдельных его форм в их связи, а процесса движения мышления к новым результатам. Знание общих форм мышления является предпосылкой для перехода на новый этап, который можно назвать изучением мышления как процесса научного исследования, или логикой научного исследования.

Вопрос о предмете логики научного исследования в последнее время привлек внимание советских философов и логиков, выявились разные точки зрения на этот счет. В. Ф. Асмус на киевском симпозиуме по логике научного исследования в 1962 г. отметил, что логика как наука всегда была логикой научного исследования в том смысле, что ее задача всегда состояла в объяснении всех форм, методов мышления¹. Это правильно. Всякая логическая система имеет определенное отношение к научному исследованию, поскольку последнее является познавательным процессом. Вместе с тем это не снимает задачи специального логического изучения процесса научного исследования как целого, со всеми его специфическими особенностями.

Некоторые авторы, выдвигая понятие логики научного познания или логики науки, сводят ее предмет к простому применению имеющихся средств и методов логики к научному познанию. При этом логика науки рассматривается как прикладная область, отличная от чистой логики, в которой разрабатывается формально-логический аппарат или диалектический метод познания. В данной концепции речь идет не о собственно научном исследовании, а о науке вообще. В таком случае специфика научного исследования и его логики исчезает.

Как прикладную область понимает логику научного исследования М. Н. Алексеев, который пишет: «Разумеется, говоря о приложении логики к научному исследованию, мы при этом имеем в виду логику в широком смысле слова, отнюдь не сводя ее к рамкам формальной, а тем более математической логики. В решении вопросов логики научного исследования большая и

¹ См. «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 134.

даже ведущая роль должна принадлежать диалектической логике»².

Нам представляется, что хотя логика научного исследования включает в себя использование метода материалистической диалектики и применение формально-логических средств, однако она является не простым их приложением, а специальной теоретической областью знания, имеющей свой объект и свои основные понятия. Это, можно сказать, особое направление в теоретической разработке материалистической диалектики как логики и теории познания.

В. Н. Садовский ставит вопрос о методологии науки как особой области знания. Содержание этой области он определяет так: «По своему существу методология науки представляет собой совокупность гносеологических проблем, выделившихся из общей теории познания и имеющих своей целью специальный анализ научного знания»³.

При этом автор считает, что методология науки строится как в связи с исследованиями по диалектической логике, в связи с анализом научного знания с точки зрения его содержания и генезиса, так и посредством «приложения аппарата современной формальной логики к исследованию проблематики методологии науки»⁴. Из указанной статьи не совсем ясно, как следует сочетать в логике научного исследования содержательно-генетический и формально-логический аспекты анализа научного знания. Далее, нельзя, конечно, возражать против необходимости разработки методологических проблем современной науки, поскольку они все более выдвигаются жизнью в качестве основных, главных. Однако под методологией науки обычно разумеется широкий круг вопросов, относящихся отнюдь не только к логике и теории познания, но и к постижению общих социологических закономерностей развития науки: отношение науки к общественно-экономическому строю, планирование научных исследований, определение перспектив развития отдельных наук и т. п.

Чтобы определить особенности логики научного исследования, необходимо выяснить сущность *исследования* в его отношении к *познанию*. Несомненно, что исследование — это познание, поэтому всеобщая логико-гносеологическая характеристика познания действительна и для исследования. Но общая характеристика исследования как процесса познания недостаточна; надо еще вскрыть специфику того акта познания, который непосредственно направлен на получение ранее неизвестных субъекту (как обществу, а не индивиду) результатов. Научное исследование — это познание, непосредственно нацеленное на достижение в мысли нового

² М. Н. Алексеев. Логика научного исследования.— «Вопросы философии», 1962, № 11, стр. 77.

³ В. Н. Садовский. Проблемы методологии дедуктивных теорий.— «Вопросы философии», 1963, № 3, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 65.

результата не только для данного субъекта, но для субъекта вообще. Причем, чтобы понять сущность познания, надо его рассмотреть как исследование, поскольку в последнем и выступает характерная особенность человеческого познания — движение мысли к действительно новым результатам.

Исследование как акт познания происходит на базе практического взаимодействия субъекта и объекта, представляя собой форму освоения субъектом объекта. В этом акте особенно рельефно видна общественная природа субъекта. Когда ученый занимается исследованием, например, космического пространства, то он выступает не только как Петров, Сидоров, Смирнов, а как представитель общества, достигшего такой степени зрелости, что ему становятся доступными космические дали, изучение которых необходимо для дальнейшего общественного прогресса. Результатом научного исследования космического пространства является достижение знания, нового не только для Петрова, Сидорова или Смирнова, а для общества в целом на данной ступени развития.

Для целей изучения познания с общей гносеологической точки зрения философия выработала ряд категорий: отражение, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, истинное и ложное, научное и логическое и т. п. Для этих же целей она расчленила познание на определенные формы, описание и истолкование которых способствовало пониманию общих закономерностей процесса познания. Но если с этими категориями подойти к исследованию, то они будут недостаточными для понимания всех главных моментов, составляющих его специфику. В связи с этим необходимо разработать такие категории, формы, которые бы характеризовали познание как исследование. Это и входит в задачу логики научного исследования. Поэтому логику научного исследования следует понимать как анализ процесса достижения субъектом новых научных результатов в познании действительности.

Логика научного исследования не является частью или ветвью какой-либо одной современной логической системы. Это новая, находящаяся в процессе формирования область знания⁵, возникающая в результате синтеза различных логических систем, направленных на изучение процесса познания как научного исследования.

б) Дифференциация и интеграция научного знания

Для современного этапа развития науки характерен процесс дифференциации и интеграции знания. В результате этого процесса возникают новые отношения между науками, изменяются границы, разделяющие их, появляются новые научные дисциплины

⁵ Сейчас еще рано о ней говорить как об особой науке, скорее это определенное направление в изучении процесса познания.

вроде математической лингвистики, кибернетической экономики, социальной психологии и т. п.

Процесс интеграции и дифференциации знания происходит и внутри отдельных областей науки: быстро меняются взаимоотношения между их разделами, возникают новые подразделения. Это характерно и для философии. Попытки сохранить внутри марксистской философии прежнее подразделение на онтологию, гносеологию и логику терпят крах в силу изменения содержания философской науки, возникновения новой проблематики и новых отношений между ее разделами.

Ярким примером дифференциации и интеграции знания внутри самой философии и является возникновение в ней направления под названием логики научного исследования. С одной стороны, последняя выступает как бы узкой областью философского знания, направлением в разработке философии, и это выражает дифференциацию внутри философии. С другой стороны, в ней синтезируется знание не только из разных областей философии, но и из смежных с ней наук, в частности из психологии научного творчества, кибернетики, социологии и т. д. Конечно, основу логики научного исследования составляет материалистическая диалектика как теория познания и логика. Категории диалектики служат исходным методологическим принципом в изучении процесса научного исследования. Но поскольку логика научного исследования ставит своей задачей изучать процесс исследования как некоторое целое со всеми составляющими его моментами, она не может обойтись без обобщения данных самых различных областей знания.

Некоторые авторы (Г. П. Щедровицкий и другие) ставят вопрос о том, что наряду с формально-логическим аппаратом необходимо создать особый логический аппарат, который бы с самого начала был ориентирован на решение проблем, связанных с пониманием генезиса и развития мышления вообще, научного исследования в особенности (содержательно-генетическая операциональная логика). При этом формально-логический аппарат признается совершенно несостоятельным для целей постижения содержательной стороны человеческого мышления. По мнению авторов этой точки зрения, он применим только к знаковой плоскости мышления⁶.

Нельзя возражать против того, что в принципе возможно создание еще какого-то нового логического аппарата для изучения процесса мышления. Но если такой аппарат возникнет, он будет представлять систему знаков (иначе это не аппарат), формализованную до какой-то определенной степени, и чем более формализованную, тем более совершенную. Следовательно, в ко-

⁶ См. Г. П. Щедровицкий. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик.— Сб. «Проблемы методологии и логики наук». Томск, 1962.

нечном счете все это может привести к обогащению формально-логического аппарата новой системой.

Опыт развития формальной логики показывает, что возникновение в ней новой системы связано с введением или исключением какого-то содержательного положения. Например, признание закона исключенного третьего необязательным и включение вероятностной оценки высказываний привело к возникновению многозначной логики. Можно взять определенное содержательное положение из философии и включить его в качестве исходного при построении логической системы. В результате произойдет обогащение формально-логического аппарата. Здесь поучителен опыт русского логика Н. А. Васильева, предпринявшего попытку построения логической системы, исходя из признания существования противоречий в реальном мире. В результате получалась новая формально-логическая система не с двумя (утвердительным и отрицательным, как у Аристотеля), а с тремя (утвердительным, отрицательным и суждением противоречия) видами суждений.

Логика научного исследования не представляет собой особого формального исчисления, воспроизводящего идеальную логическую модель научного исследования. Научное исследование включает в себя такое явление, как интуиция, а процесс интуитивного постижения, хотя и не содержит ничего таинственного, мистического, не может быть во всей полноте выражен в строгой формальной системе. Это один из примеров того, почему невозможно изучение научного исследования только средствами формальной логики.

Известно, что новое знание подвергается оценке предшествующим знанием. И это вполне естественно. Выдвинутая идея или теория апробируется ранее созданными теориями. Но в этом кроется определенная опасность. Новое знание, с одной стороны, должно логически согласоваться и в известном смысле вытекать из предшествующего знания, а с другой стороны, оно одновременно должно противоречить ему, а иногда казаться даже странным, нелепым и просто абсурдным по сравнению с прежними представлениями.

Это связано с тем, что в процессе научного исследования мышление обязательно делает скачки, перерывы непрерывности, выходит за пределы прежних теоретических представлений, и этот выход невозможно сразу строго формально-логически обосновать, вследствие чего научное творчество представляется алогичным. На этом, собственно, и паразитирует иррационализм вообще, интуитивизм в частности. Но эта алогичность возникает только тогда, когда само логическое замыкается в узкие рамки «формально-логического», а последнее, в свою очередь, признается неизменным и раз навсегда данным. В действительности же неизменное составляет весьма незначительную область логического. Это, скажем, закон недопустимости противоречия, без

соблюдения которого невозможна ни одна логическая система исчисления. Формально-логическое непрерывно пополняется за счет формализации того, что ранее не было выражено в определенной системе формального исчисления. Вот почему возникновение действительно нового знания никогда полностью не укладывается в формы существующей системы логических исчислений.

Если под логическим понимать совокупность всех закономерностей движения мышления к новым результатам, посящим характер объективной истины, то процесс рождения новых идей и теорий не выходит за пределы разумного, логического в широком смысле. Объяснить процесс, который называется интуицией, можно исходя не из какого-либо ранее созданного формального аппарата мышления, а из общих закономерностей предметного, практического взаимодействия субъекта и объекта. На характер этого взаимодействия оказывают влияние самые различные факторы социального, личностного характера. Он необъясним одной логикой развития познания и вытекает из общего взаимодействия субъекта и объекта в определенных исторических условиях, из практического отношения человека к миру.

Поэтому, когда обнаруживается противоречие между новыми научными результатами и прежним знанием, то только практика может решить вопрос: действительно ли мы имеем дело с новым знанием, носящим характер объективной истины, или же мышление в своем развитии пошло в сторону от нее. Причем это решение приходит часто не сразу, вследствие чего в науке на время создаются довольно трудные и неопределенные ситуации, побуждающие мышление к новым поискам.

Но, несмотря на то, что логика научного исследования должна применять формально-логический аппарат к анализу своего объекта, она как научная область имеет свой предмет, отличный от предмета формальной логики. Формальная логика в основном изучает процесс получения выводного знания. Все остальное ее интересует лишь постольку, поскольку оно имеет отношение к логическим связям, составляющим процесс вывода. Материалистическая диалектика как логика, анализируя методы и формы движения познания к истине, создала свои категории: анализ и синтез, дедукция и индукция и т. п. Она в этой связи рассматривает и формы мышления: суждение, понятие, умозаключение и т. п. Сейчас, отвечая на потребности развития науки, диалектическая логика должна разработать еще одну систему категорий, которая бы выражала специфику научного исследования.

в) Анализ понятий, связанных с логикой научного исследования

Логика научного исследования выделяет в своем объекте изучения определенные моменты и создает таким образом свои категории. Таковыми являются: проблема, факт, система, теория.

Кроме категорий, имеется еще ряд понятий, которые выражают отдельные стороны логики научного исследования.

Научное исследование начинается с постановки проблемы. Часто говорят, что правильно поставить проблему — это уже значит наполовину обеспечить успех в ее разрешении. Но что сделано логикой, чтобы вскрыть наиболее общие пути и методы правильной постановки научных проблем? Исследована ли проблема как логико-гносеологическая категория? На этот вопрос, к сожалению, приходится дать отрицательный ответ. Это тем более прискорбно, что в рамках кибернетики уже сейчас назрела потребность моделирования процесса постановки научной проблемы. Спрашивается: что будут моделировать, если не выявлено логическое содержание этого процесса? Что же касается формальной логики, то она не проанализировала с достаточной полнотой даже логическую структуру вопроса как формы мысли, не говоря уже о научной проблеме.

Не лучше обстоит дело с понятием факта. Что такое факт, что является фактом науки? На этот вопрос в нашей литературе нет не только вразумительного, но вообще никакого ответа. Порой приходится в одной и той же научной работе встречаться с различным пониманием факта — то как самой вещи, то как ее отражения в сознании познающего субъекта. Субъективизм и неопределенность в понимании научного факта являются тормозом в научном исследовании.

Позитивизм, стремясь быть ближе — хотя бы по форме — к современному научному познанию, давно уже занялся логико-гносеологическим анализом научного факта, однако он дает ему извращенное толкование. Анализ понятия факта исходя из принципов материалистической диалектики с привлечением всего современного научного аппарата — актуальнейшая задача логики научного исследования. Это необходимо и для борьбы против современного позитивизма и особенно для понимания процесса научного исследования и активного вмешательства в его ход.

В истории философии нередко поднимался вопрос о создании логики научных открытий, при этом выдвигались наивные, упрощающие процесс научного исследования проекты. Конечно, специальная логика научных открытий — это несбыточная мечта. Но наука всегда требовала и будет требовать от логики, чтобы она была ближе к задачам овладения тайной научных открытий, чтобы она устанавливала методы и правила научного поиска.

История повторяется в новых условиях. Современная ситуация в логике напоминает в некотором отношении ту, которая существовала в XVIII столетии. Тогда, как известно, возник определенный конфликт между состоянием логики и потребностями развивавшейся научной практики, в особенности естествознания. К тому времени логика выглядела довольно стройным и законченным учением о доказательстве. Ф. Бэкон и Р. Декарт

предъявили к ней требование, чтобы она была логикой достижения новых научных результатов. Но именно в этом отношении, как оказалось, логика мало что могла дать. Ф. Бэкон писал: «Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия наук»⁷.

С того времени прошло свыше 300 лет. Логика за это время сделала огромный шаг вперед как в отношении выявления формального аппарата мышления, так и выработки метода научного познания. Однако слова Ф. Бэкона: «логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия наук» повторяются учеными и в наше время. Современный ученый продолжает требовать от логики, чтобы она раскрыла ему тайны рождения новых научных идей.

Конечно, марксистско-ленинская философия дала очень многое для объяснения познавательного процесса, его сложности и многосторонности. Но сейчас ученые различных специальностей предъявляют к философам требования, чтобы они более конкретно и детально раскрыли закономерности движения науки к познанию новых фактов и законов. И здесь нельзя ограничиться общими утверждениями, что рождение новых идей является закономерным процессом движения знания, что оно подготовлено предшествующим развитием науки, что большую роль в этом движении играет сознательное владение современным философским методом и аппаратом мышления, выработанным формальной логикой.

Ученые различных специальностей хорошо понимают, что в научном творчестве важное значение имеют факторы внелогического характера (талант и опыт ученого, оснащение лабораторий современным оборудованием, творческая атмосфера в научном коллективе и т. д.). Но вполне закономерно их требование к логике, чтобы она своими средствами глубже и детальнее изучила сам процесс научного творчества. Это не означает, что возможна логика, овладение которой гарантирует научные открытия. Специальная логика открытий, как уже отмечалось, — несбыточная мечта. Но несомненным при этом является то, что логика в своем развитии все в большей мере должна отвечать на вопросы, связанные с ходом научного открытия, направлять научный поиск ученого. Сейчас она обладает достаточными средствами и необходимым материалом для анализа путей возникновения и развития научных концепций, процесса рождения новых идей, образования научных теорий, способов их проверки и развития. Вот почему логика научного исследования должна заняться разработкой понятий, выражающих ход исследования, таких, как научная концепция, идея, интуиция, гипотеза, т. е. всех понятий, выражающих эвристическую сторону научного знания.

⁷ Ф. Бэкон. Новый Органон. Л., 1935, стр. 110.

Новые концепции и теории в науке возникают как результат применения различных методов исследования. Современная наука выработала большое количество таких методов, общих для ряда областей и специфичных для отдельных объектов. Логико-гносеологический анализ этих методов и способов их применения к новым объектам не только интересен, но и практически необходим для успешного проведения научных исследований. Поэтому составной частью предмета логики научного исследования является изучение методов, в особенности методов поисков, применяемых в различных науках.

Мы попытались указать основные объекты, которые должна изучать логика научного исследования. Коротко можно сказать, что таковыми являются *методы и формы научного исследования и составляющие его элементы*. При этом задачей логики научного исследования является анализ генезиса знания не в смысле того, каким образом возникло человеческое познание из психики животного, а как рождается новое знание в современной науке. Она должна анализировать главным образом не возникновение научных систем далекого прошлого («Начал» Евклида, системы Коперника и т. д.), а брать современное развитое научное знание и его теории. Анализ их послужит ключом и к пониманию процесса возникновения евклидовой геометрии, гелиоцентрической системы Коперника и т. п.

Таким образом, возможны две системы категорий, понятий материалистической диалектики как логики и теории познания. Одна из них характеризует процесс познания с общепhilosophической стороны. Сюда входят все категории материалистической диалектики, а также такие понятия, как отражение, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, историческое и логическое, абсолютное и относительное, абстрактное и конкретное, вероятное и достоверное, индукция и дедукция, суждение, понятие, умозаключение и т. п. Другая характеризует процесс познания, делая упор на специфику научного исследования. К ней можно отнести такие категории, как проблема, факт, система, научный поиск, интуиция, гипотеза, теория, идея и т. п. Конечно, все категории диалектики, характеризующие процесс познания с общегносеологической стороны, необходимы для понимания категорий логики научного исследования. Но нельзя вторые свести к первым. Например, все попытки определить понятие научного факта через категории «эмпирическое», «суждение», «достоверное» не приводят к плодотворным результатам, ибо не вскрывают его специфики. Раскрыть логико-гносеологическое значение научного факта можно, дополнительно выявив его функцию в возникновении, построении и развитии научной теории, т. е. включив в систему логики научного исследования. Эти категории и раньше были известны, но они специально не разрабатывались. Сейчас же потребности развития науки требуют их глубокого и детального изучения.

Важнейшей особенностью этой второй системы категорий является то, что при их оценке и определении включаются моменты внелогического характера, вытекающие из практического отношения субъекта к объекту. Эти моменты нельзя обнаружить посредством логического анализа структуры форм мышления, но они определяют существо и содержание последних. Например, огромное значение в понимании этих форм приобретает момент долженствования, который пронизывает все формы, начиная от проблемы и кончая идеей. Проблему можно определить как знание о незнании. Субъект отчетливо осознает незнание того, что он должен знать для удовлетворения общественных потребностей. В соответствии с этим долженствованием субъект определяет пути, вырабатывает средства для достижения этого необходимого знания. Впечатает процесс исследования создание теорий и идей. Научная теория объясняет, истолковывает явления или их совокупность. Но знание человеку необходимо не для созерцания, а для практического действия. Идея и выражает такой уровень знания, когда оно способно и должно быть практически реализовано, воплотиться в объективную реальность. Поэтому в идее содержится не только знание об объекте, но и знание о знании, знание о путях и средствах воплощения теоретических построений в действительность.

И во всем этом цикле от проблемы (знание о незнании) к идее (знание о знании) движущей пружиной выступает в тех или иных формах долженствование, выражающее активность субъекта в его отношении к объекту.

Долженствование — субъективный момент в процессе научного исследования и движения его форм от постановки проблемы до ее разрешения и становления идеи. Но это субъективное является выражением объективного — общественных потребностей человечества по практическому преобразованию мира. Эти последние и стоят в начале и конце научного исследования. Они побуждают ставить и разрешать научную проблему, определяют пути практической реализации научных идей.

Разумеется, недостаточно вычленить основные понятия логики научного исследования; необходимо представить их в некоторой системе, иначе не получится логики. Эта система в настоящее время может быть весьма и весьма предварительной, однако обсудить ее исходные принципы очень полезно.

Нам представляется, что эта система должна включать в себя несколько концентрических кругов, соответствующих разным уровням понимания научного исследования. Первый круг включает в себя анализ таких понятий, как проблема, факт, система. Здесь научное исследование делится на три основных момента: ставится проблема, для решения которой нужны факты, сами по себе еще не составляющие знания. Их надо привести в определенную систему, без которой невозможно достижение объективно-истинного знания. Истина как гносеологическая категория всегда

есть система, зрелой формой которой является теория. Это — первоначальное описание элементов научного исследования.

Следующий круг включает в себя понятия, выявляющие сущность теории как системы научного знания. Сюда входят научная абстракция как элемент теории, интерпретация теории, методы проверки истинности теории. В понятиях этого цикла теория должна быть проанализирована со стороны ее строения, гносеологического значения, ее отнесенности к объекту. Здесь как бы решается основной вопрос философии применительно к научной теории.

Далее идет группа понятий, характеризующих процесс возникновения и развития теории. Для этого необходимо проанализировать научный поиск и составляющие его моменты — интуицию, идею, гипотезу — и переход знания от гипотетического к достоверному, выявить пределы теории и принципы перехода от одной теории к другой. В этом цикле упор делается на диалектику научной теории, ее движение от процесса становления до перехода в другую, более совершенную теорию. Объективная истина — это не просто система, а развивающаяся система научного знания. Увековечивание какой бы то ни было системы знания означает его омертвление, то есть гибель истины.

Последний цикл составляют понятия, которые подводят итог научного исследования, выражают его конечную цель и служат общей методологической предпосылкой его дальнейшего развития. Сюда входит анализ таких понятий, как система теорий, наука как прикладная логика, эвристическое содержание мировоззрения и метода. Задача анализа этих понятий — показать, как, каким образом результаты научного исследования сами становятся методом достижения нового знания, а всякая наука — прикладной логикой. При этом эвристичность философского мировоззрения и метода не снижается, а, наоборот, возрастает, поскольку материалистическая диалектика действует не где-то, помимо науки, а через нее, через научные методы, формы и т. п.

Эта схема носит, естественно, рабочий характер и требует дальнейшего усовершенствования.

4. РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ЛОГИКИ НАУКИ

а) Диалектическая логика и научное исследование

В условиях возрастания роли науки и научного познания в жизни общества огромное значение приобретает изучение закономерностей движения познания к объективной истине. Наука, как это отмечалось на последних съездах КПСС, все в большей мере становится непосредственной производительной силой, а это означает, что исследование структуры, закономерностей развития научного познания приобретает не только теоретическое, но и большое практическое значение. От прогресса науки зависит технический прогресс. Ускорение технического прогресса требует более интенсивного развития научных исследований, повышения их эффективности.

Каждая наука стремится определить свой вклад в развитие познания, а следовательно, и в технический прогресс. Для различных областей естествознания это сделать нетрудно. Физика, химия и другие естественные науки открывают законы природы, которые используются в технологии и технике производства. На базе вновь открытых закономерностей природы происходит техническое перевооружение производства. Задача философии — найти свое место в развитии научного познания. Одним из главных путей достижения этого является изучение самого познания, логики научного исследования.

Для того чтобы овладеть законами природы и общества, необходимо овладеть законами движения мысли. Общественная практика настоятельно ставит такую задачу, а современное состояние науки и техники делает ее вполне реальной. Человек должен научиться управлять процессом познания, планировать научные исследования, открывать наиболее эффективные методы разработки встающих научных проблем. Эта задача на первый взгляд кажется фантастической. Планировать научные исследования, ведущие к научным открытиям, — не является ли это утопией? Ведь научное творчество все еще многие считают результатом только вдохновения и интуиции ученого.

Но практика современного естествознания свидетельствует, что человек не может управлять явлениями природы, если он не познает законы постигающего объективный мир мышления. Дальнейший прогресс научного познания в значительной степени обус-

ловлен тем, насколько глубоко и всесторонне человек постигает законы функционирования самого мышления.

Кажется, никогда еще человечество не подходило так близко к необходимости детального и глубокого изучения процесса мышления, как сейчас. И эта необходимость уже давно осознается, но все дело упирается в организацию целеустремленного и планомерного исследования всех сложных сторон этого процесса.

Некоторые полагают, что сейчас настало время для создания новой науки о мышлении, новой логики, и думают только о том, как ее назвать. Конечно, возможно и возникнет еще какая-либо наука о мышлении, которая будет изучать новыми способами и средствами такие стороны и закономерности в мышлении, которые ранее или вообще не исследовались, или исследовались лишь в незначительной степени. Следует только при этом иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, в современных условиях не может быть одной, исключительной науки о мышлении, так же как нет одной науки о природе или обществе. Существование многих наук, изучающих мышление,— совершенно закономерное явление. Во-вторых, если новая наука о мышлении и возникнет в ближайшее время, то только обычным, естественным путем. А именно — будут открыты новые закономерности мышления общего, фундаментального характера, которые составят основу метода исследования мышления с новой, ранее не исследованной стороны.

Однако, не ожидая создания этой новой науки о мышлении, необходимо уже существующие науки направить на более целеустремленное и эффективное исследование мышления, повернуть их к более интенсивному изучению различных сторон современного научного исследования. Нам представляется, что вся ныне существующая система различных логических исчислений охватывает изучением составные элементы современного научного исследования процессов познания, и каждая из существующих систем логики может найти свое место в изучении мышления. Например, сейчас вполне очевидна роль современной формальной логики с ее методом формализации, построения идеальных логических моделей в исследовании самых различных процессов, происходящих в природе и обществе. Но столь же очевидной является и ограниченность метода формализации.

Особое значение в настоящее время приобретает выявление эвристического значения материалистической диалектики, ее законов и категорий. Современная буржуазная философия, в частности неопозитивистская, в своих нападках на материалистическую диалектику выдвигает, например, следующие «аргументы»: всеобщность законов материалистической диалектики, утверждают неопозитивисты, сомнительна и не подтверждается данными науки; основные законы диалектики антропоморфичны, в них абстрагированы законы отдельных ступеней развития человеческого общества; и, наконец, законы диалектики якобы ничего

не дают для науки, так как на основе их нельзя-де сделать никаких научных предсказаний. Причем последнее возражение выдвигается не только буржуазными философами-позитивистами, но и некоторыми нашими естествоиспытателями, не преодолевшими позитивистских предубеждений против философии.

Отвергая неопозитивистские нападки на марксистскую философию, вскрывая их полную несостоятельность, выражающую буржуазную партийность неопозитивизма, мы одновременно не должны забывать о необходимости всесторонней и глубокой разработки законов и категорий материалистической диалектики на основе обобщения современных достижений науки и общественной практики.

К сожалению, вопрос о диалектике как методе научного познания, о ее эвристическом значении в научном исследовании не нашел в нашей литературе достаточного освещения. Работы в области диалектики очень часто замыкаются в кругу поисков новых примеров из области естествознания или общественной жизни, подтверждающих законы диалектики. Мы исходим, и это правильно, из всеобщего характера законов диалектики, однако нахождение новых примеров, подтверждающих истинность этих законов, слишком мало дает для развития знания в той или иной области науки. Нельзя убедить ученого в необходимости знания диалектики для его научного исследования установлением того факта, что законы диалектики подтверждаются данными его науки. На это он может ответить, что это хорошо для диалектики, но совершенно недостаточно для достижения новых результатов в избранной им области познания.

Задача философов состоит в том, чтобы раскрыть эвристическое значение диалектики, ее законов и категорий, показать их роль в становлении и развитии научных теорий, в движении познания к новым идеям. В этом направлении наши исследования разворачиваются еще крайне медленно и, точнее сказать, нерешительно.

Иногда дело представляется таким образом, что раскрытие познавательной роли законов и категорий материалистической диалектики сужает ее содержание, ибо эти законы имеют и объективное значение, отражают закономерности движения материального мира. Но метафизическое противопоставление объективного содержания законов диалектики их методологической функции в познании чуждо духу самой диалектики, ленинской идее совпадения диалектики, логики теории и познания.

Раскрывая методологическое значение материалистической диалектики в движении научного познания к истине, мы не сужаем ее содержания, а обнаруживаем его во всей полноте. Только таким образом и можно показать действительную объективность ее законов и категорий.

Когда ученый убеждается, что диалектика способствует движению к новым научным результатам в его собственной области

знания, то это для него является самым убедительным доказательством и объективности ее законов и ее необходимости для развития науки, которой он занимается.

Значение материалистической диалектики для развития научного познания состоит прежде всего в том, что она объясняет ход развития, вскрывает его сложность и противоречивость. А это необходимо исследователю для понимания процесса развития познания в специальных научных дисциплинах.

Законы диалектики служат мощным орудием объяснения фактов развития познания. Пояспим это. Как известно, научное исследование включает в себя в качестве обязательного момента постановку проблемы, решение которой приводит к выдвижению новых идей, а на их базе — к построению новых теорий. Новая идея, которая, как правило, вначале выступает как предположение, не может быть чисто логически с необходимостью выведена из той совокупности знания, на которой основывается постановка проблемы. Предположение не является и непосредственным результатом опыта. Ни один отдельный опыт, ни даже совокупность опытов не могут считаться завершенными. Одними опытами нельзя полностью обосновать новую идею. Если бы новую идею, являющуюся предположением, можно было или строго логически вывести из предшествующего знания, или обосновать опытами, то необходимость в гипотезах вообще отпала бы. Мысль, переходя от постановки проблемы к ее решению в форме гипотезы, делает скачок, именно здесь происходит перерыв непрерывного. Этот скачок особенно явно выступает при сравнении научного решения проблемы с решением, данным в предположении.

В последующем наука, может быть, и будет строго логически выводить предположения из другого знания. Но в момент становления, выдвижения гипотезы такого логического выведения нет и быть не может. Здесь и скрыта своеобразная диалектика в движении мышления: на определенной ступени движения мышление с необходимостью должно сделать скачок, прийти к таким представлениям, которые еще не имеют достаточного ни логического, ни опытного обоснования в современном состоянии науки. Мысль должна прийти к совершенно новым представлениям. Она достаточно подготовлена, чтобы понять необходимость прорыва привычного круга представлений, но она не в состоянии еще строго логически или опытно обосновать законность выхода за этот круг. Не совершив этого прорыва, она не может, по существу, двинуться вперед.

Обратимся к примеру с открытием радиоактивности. Для объяснения процессов, связанных с радиоактивностью, Резерфорд и Содди должны были отказаться от привычного представления, господствовавшего со времени Лавуазье и Дальтона, что химические элементы вечны и неизменны, а разнообразие вещества обусловлено лишь различным сочетанием химических элементов.

В основе их гипотезы лежит представление о превращении элементов. Но, сделав это предположение, они не могли доказать его логически или эмпирически, основываясь на результатах науки того времени. Это был скачок в движении мысли, полное обоснование которому было найдено наукой спустя много лет. Такие скачки, перерывы постепенности в движении мысль делает всегда, как только возникает новое теоретическое построение, основанное на новой идее. Они неизбежны, без них не было бы действительного развития познания.

Таким образом, положение материалистической диалектики: «...жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности»¹ действительно и для движения мысли. Непонимание этого закона развития человеческого познания, абсолютизация какой-то одной стороны в нем неминуемо ведут в лучшем случае к ошибкам, а в конце концов к метафизическим извращениям, используемым в классовых интересах.

В интуитивистских и иррационалистических концепциях тот факт, что рождение новой идеи связано со скачком, с выходом за пределы прежнего привычного круга представлений, с принятием положения, которое нельзя на данном уровне развития познания строго логически доказать, служит обоснованием иррациональности самого процесса научного творчества. Разумное понимается в очень узком смысле, как логическая дедукция, а сама функция разума сводится к выделению следствий из посылок. Поскольку научное исследование не укладывается в эти очень узкие рамки, оно и понимается как иррациональное; скачок в движении мышления, который происходит при выдвижении новых идей, представляется чем-то мистическим и загадочным, не укладывающимся в рамки разума.

Другой крайностью является, если так можно сказать, механистическое понимание процесса научного творчества, при котором последнее сводится к чисто логическим операциям, связанным с выделением следствий из ранее достигнутого знания. Сторонники этого понимания отрицают иррациональное в научном творчестве и защищают позиции детерминизма в понимании движения мышления. Но этот детерминизм подобен лапласовскому; задайте все возможные посылки — и можно с логической необходимостью предсказать, какие новые идеи могут возникнуть на их основе. Приблизительно так рассуждает тот, кто думает, что с помощью электронно-вычислительных машин можно получить все новые научные идеи.

Ошибочность этого взгляда состоит в упрощенном представлении о движении научного познания как чисто логической дедукции. Конечно, последней принадлежит огромная роль, однако разум нельзя отождествлять только с логическим следованием

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 66.

по законам дедукции, подобно тому как развитие не сводится к чисто количественным изменениям.

Интуитивисты и иррационалисты подвергают критике философов и ученых, которые сводят весь процесс движения мысли к выведению следствий из ранее заданных посылок. С другой стороны, критика интуитивизма и иррационализма иногда ведется с позиций метафизического представления о движении человеческой мысли в процессе постижения действительности и поэтому не достигает цели. Нам представляется, что с таких позиций рассуждают о сущности мышления некоторые кибернетики, когда они развивают идею о возможности построения машин, способных к мышлению так же, как и люди. Они полагают, что можно создать искусственные живые существа, способные к размножению, прогрессивной эволюции, обладающие эмоциями, волей и мышлением, и утверждают, что нет якобы никаких принципиальных аргументов против этой точки зрения.

На наш взгляд, эти ученые сводят разумную человеческую деятельность к осуществлению определенной, заранее заданной программы. Тех же, кто признает существенное различие между действительным процессом мышления, приводящим к новым результатам в науке, и его электронной моделью, они оценивают как солипсистов-виталистов, интуитивистов и т. д. Но здесь упускается самое главное — развитие. Мышление — это развивающийся процесс, включающий в себя возникновение принципиально нового. В. И. Ленин в «Философских тетрадах», говоря о диалектическом понимании развития, пишет: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»². Диалектичен переход и от материи к сознанию, и от ощущения к мысли, и в движении самой мысли от одного ее результата к другому. Не видеть этой диалектики — значит не понимать, огрублять процесс развития материи и ее отображения в мышлении. Концепция мышления, которую развивают эти апологеты кибернетики, несомненно, материалистична. Но материализм бывает разный. Как отмечал В. И. Ленин, антропологический принцип, например, является лишь слабым описанием материализма. Без диалектики материализм не выдерживает натиска идеалистического мировоззрения. И это действительно и для понимания процесса развития мышления. По нашему мнению, упомянутая концепция обходит сложность и противоречивость в движении мышления, поэтому, хотя она и отвергает солипсизм и иррационализм, бессильна в борьбе с ними.

Задача изучения сложнейших видов творческой деятельности человека весьма актуальна. Однако такое изучение вряд ли может привести к серьезным успехам, если при этом игнорировать принцип развития, забывая, что в процессе движения челове-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 256.

ческого мышления мы имеем дело с получением принципиально новых результатов, которые не являются простой дедукцией из ранее полученных посылок.

Человек не автомат, а его мышление не сводится к условным рефлексам и механизму формально-логического мышления. Механистическая концепция человека и человеческого мышления не только не опровергает витализма и иррационализма, но, напротив, служит для них питательной почвой. Материалистическая диалектика с ее принципом развития как материи, так и мышления не оставляет места для иррационалистических спекуляций. То, что человек действительно не «бездушный» автомат, доказано всей историей человеческого общества, развитием науки и техники, хотя между человеком и автоматом существует известная аналогия. Понять связь человека с кибернетическим устройством и существенное различие между ними (перерыв постепенности) помогают законы материалистической диалектики.

Материалистическая диалектика является одновременно и логикой, помогающей науке достигать новых результатов в познании. Основное эвристическое значение законов и категорий диалектики состоит в том, что сознательное их использование помогает правильно поставить научную проблему и определить пути ее разрешения.

История полна попыток создания специальной логики научных открытий. Начиная приблизительно с средневековья (с Раймунда Луллия) и вплоть до современности мы непрерывно сталкиваемся с идеями создания такой логики, которая бы учила людей делать научные открытия. Недостаток всех этих попыток заключается в непонимании ряда существенных моментов, составляющих научное открытие, и задач логики в нем.

Научное исследование, ведущее к открытию, включает в себя очень много различных моментов, сторон, однако не все они являются предметом изучения логики. Существуют не только логика и гносеология, но и психология научного исследования. Много в исследовании обусловлено предметом той области знания, в которой оно ведется.

Попытки создания специальной логики научных открытий связаны со стремлением выявить такие формы мышления, которые бы приводили к научному открытию. На этом основании в свое время Ф. Бэкон противопоставлял индукцию аристотелевскому силлогизму, который якобы способен только доказывать готовое, но непригоден к открытию новых истин. В действительности же нельзя делить формы мышления на ведущие к открытиям новых истин и только доказывающие известные истины. Попытки сконструировать какие-то особые формы мысли, посредством которых происходит научное открытие, не приводили и не могут привести к положительным результатам. Некоторые полагали, что диалектическая логика в отличие от формальной имеет специальные формы умозаключений, ведущие к выдвижению новых идей,

к научным догадкам и т. п. Но найти, описать структуру этих форм никому не удавалось и, по-видимому, не удастся, ибо эти формы существуют только в воображении некоторых логиков.

Значение диалектики в научном исследовании состоит не в том, что она создает какие-то особые логические формы. Нет специальных форм умозаключения, приводящих к новым идеям в науке, но существует философский метод познания и революционного преобразования действительности, которому необходимо следовать в любом научном исследовании, чтобы уяснить сущность изучаемых явлений.

Это, конечно, не означает, что, следуя диалектике в научном исследовании, каждый человек будет делать научные открытия большой значимости. Кроме владения диалектикой, надо еще иметь и специальные знания и способности. Но в руках искусного исследователя диалектика, ее законы и категории являются незаменимым инструментом движения мышления к новым идеям.

Очень часто приходится сталкиваться с упрощенным представлением о значении материалистической диалектики в достижении нового знания. В современной науке новые результаты нередко достигаются на основе синтеза предшествующего знания из самых различных областей. В этом синтезе определенная роль принадлежит материалистической диалектике. Причем очень часто сам исследователь не осознает того, что в создании своей теории он действовал по законам материалистической диалектики, которые так или иначе вошли в содержание выдвинутого им теоретического построения. Абстрагировать, выделить эту роль материалистической диалектики представляется очень трудным делом, поскольку она органически входит в процесс создания новой научной теории и ее содержание. Некоторые же хотят выделить такие научные теории, которые созданы только на основе законов материалистической диалектики. Таких теорий нет и быть не может. Даже собственно философская теория основывается не только на философском знании, но является синтезом понятий и теорий других наук.

Стремление представить диалектику новой логикой доказательства известных положений, заменяющей формальную логику, свидетельствует о непонимании сущности диалектики, которая возникла не из потребностей нахождения новых способов и средств доказательства ранее добытых суждений, а из стремления найти метод приобретения нового знания, открытия новых научных положений (понятий, теорий).

Конечно, диалектика не может быть методом познания, выполняющим эвристическую роль, не пользуясь определенными формами умозаключений. Без умозаключений не может быть движения мышления к новым результатам. Всякая догадка возникает на базе определенных форм умозаключения. Но диалектика при этом не изобретает каких-то особых, своих, чисто диалектических форм вывода, она считает, что в движении мышления к

новым результатам необходимо использовать весь арсенал логических средств, все формы умозаключения в их связи. Органическая связь форм умозаключения с опытом на базе общественно-исторической практики дает возможность мышлению выдвигать догадки, обосновывать их и превращать в научные гипотезы, а последние — в достоверные теории.

В литературе встречается деление форм умозаключения на доказательные и правдоподобные. С помощью первых доказываются истины, а посредством вторых приходят к предположениям, более или менее правдоподобным. К первым относятся дедукция, полная и математическая индукция, ко вторым — аналогия и неполная индукция. Конечно, для строгих доказательств годятся только такие формы умозаключений, которые при достоверности посылок приводят к достоверным заключениям. Но движение мышления к новым результатам происходит с помощью всех форм умозаключений, в том числе с помощью аналогии и неполной индукции, и следует отметить, что первоначальная догадка очень часто возникает именно на их основе.

Важная роль принадлежит материалистической диалектике в изучении закономерностей возникновения и развития теории в современной науке.

Гносеология и логика довольно детально исследовали структуру и сущность понятия, суждения и умозаключения. Изучение этих форм имеет за собой большую традицию. Теория как форма познания, в которой реально осуществляется процесс движения мысли, осталась вне поля зрения и гносеологии и логики.

Анализ строения и развития теории имеет двоякое значение. Во-первых, он служит предпосылкой для понимания закономерностей движения познания в целом: ведь теория является такой формой движения мышления, в которой осуществляется синтез познания. В том или ином виде в научной теории выражены все элементы научного познания, она синтезирует в себе все формы мышления. Во-вторых, определение гносеологической сущности и функции теории необходимо для понимания других форм мышления (понятия, суждения, умозаключения), для которых теория является как бы целью их движения. Структуру понятия, суждения и умозаключения можно, конечно, изучать до некоторой степени вне научной теории, но исследование гносеологии понятия, суждения, умозаключения предполагает установление их места в построении и развитии научной теории.

Теорией, ее особенностями как формы синтеза знания и получения новых результатов в познании, как итога научного исследования, должны заниматься все ныне существующие логические системы. Но диалектике принадлежит особое место в изучении теории, процесса ее возникновения и развития. К сожалению, советские философы в этом направлении сделали очень мало, и надо надеяться, что в будущем в этом отношении будет сделан большой шаг вперед.

б) Различные направлений в разработке логики науки

Повышенный интерес со стороны философии и логики к специальным отраслям научного знания, который мы наблюдаем сейчас как в Советском Союзе, так и за рубежом, вполне понятен. Роль науки в общественной жизни человека непрерывно возрастает, успехи науки побуждают философов и логиков к пристальному изучению ее результатов. Поэтому проблемы философии науки становятся центральными.

Из направлений современной буржуазной философии индифферентен к науке разве только экзистенциализм, проблематика которого стоит в стороне от хода развития научного знания. Другие направления в философии стремятся стать как можно ближе к науке, обобщать ее результаты, пайти в науке аргументы, укрепляющие их.

Современная наука ставит перед философией разнообразные проблемы как социологические, так и логико-гносеологические. Последние, которые нас сейчас интересуют, также очень многообразны.

Во-первых, можно выделить группу чисто логических, или, точнее, формально-логических вопросов, поднимаемых современной наукой. К их числу относится дальнейшая разработка формально-логического аппарата, необходимого для успешного развития науки. Работы в этом направлении ведутся с большим размахом и успехом как в СССР, так и за рубежом. Однако эта проблематика все более становится чисто специальной, выходящей за пределы непосредственных задач философии.

Во-вторых, можно выделить группу чисто философских проблем, которые возникают из потребностей развивающейся науки. Только таким способом философия может обеспечить связь с наукой и действительное влияние на ее развитие.

Однако существует ряд проблем, выдвигаемых современной наукой, которые нельзя отнести ни к чисто логическим, ни к чисто философским, которые находятся где-то на стыке философии и логики. К числу их мы относим изучение процессов научного исследования. Такое изучение представляет собой задачу не чисто логическую, поскольку его конечным результатом является не создание нового или усовершенствование прежнего логического исчисления, а воспроизведение всей сложности движения мышления к новым научным результатам. Но оно не составляет и чисто философской задачи, — и не только потому, что решение такой задачи требует наряду с философскими логическими, психологическими и иных знаний, но и по целям. Философия, изучая какой-либо предмет, развивает свои категории, обогащает их новым содержанием.

Однако научное исследование является таким объектом, изучение которого может способствовать решению как чисто логи-

ческих, в том числе формально-логических, так и философских проблем. В силу этого процесс научного исследования может рассматриваться с различных сторон, и уже сейчас наметилось несколько направлений, подходов к его изучению.

Прежде всего возникла потребность, равно как и возможность для ее удовлетворения, в применении существующего аппарата современной формальной логики к описанию и объяснению процесса научного исследования. Что можно уже сейчас ожидать от этого подхода к изучению научного исследования? Очень многого не только в теоретическом, но и практическом плане. Без применения аппарата формальной логики не может обойтись ни одна наука, без него нельзя описать и процесс научного исследования. Причем возможно целое направление, которое будет не просто применять логический аппарат для объяснения и описания научного исследования, а пытаться и выразить сам процесс движения мышления к новым результатам в форме логического исчисления.

На это могут возразить, что подобную задачу полностью решить нельзя, поскольку научное исследование включает в себя и такие моменты, как интуиция, творческое воображение и т. п. Исследование, приводящее к открытиям в науке, всегда кажется алогичным по отношению к предшествующим результатам познания, поэтому, основываясь на любой самой совершенной логической системе, нельзя заранее определить ход мышления, с которым мы встретимся в будущем научном исследовании. Научные открытия ведут к изменению самого логического аппарата. Вот почему несбыточной мечтой является стремление создать такую формализованную логическую систему, которая смогла бы смоделировать все возможные пути мышления, которые имели место в прошлом, существуют сейчас и будут еще когда-нибудь. Но, несмотря на это, человек для теоретических и практических потребностей должен стремиться как можно полнее выразить процесс научного исследования в логическом исчислении, построить логическую модель, если не всего научно-познавательного процесса, то его отдельных моментов, сторон, шагов. Это необходимо прежде всего для передачи некоторых функций человека в научном исследовании машине.

Однако было бы неверно полагать, что применение формально-логического аппарата к научному исследованию не может ничего дать для развития самой формальной логики. Мы вполне согласны с П. В. Таванцем и В. С. Швыревым, которые не исключают чистой логики из логики науки. «Исследования в области чистой логики,— пишут они,— обуславливались... определенной задачей, вставшей в процессе применения созданного логического аппарата к логическому анализу знания»³.

³ П. В. Таванец и В. С. Швырев. Логика научного познания.— Сб. «Проблемы логики научного познания». М., 1964, стр. 15—16.

В самом деле, обратимся к истории логики. Новый этап в развитии формальной логики был связан с применением логического анализа для решения задач, поставленных математикой, в частности решением проблем обоснования математики. И дело здесь не ограничилось просто применением существующего аппарата к логическому анализу математического знания; потребности последнего стимулировали не только усовершенствование старых, но и создание новых форм логического исчисления. Не исключена возможность, что попытки применения существующего понятийного аппарата формальной логики к логическому анализу движения мышления в процессе научного исследования приведут к обогащению арсенала формальной логики новыми исчислениями. И не имеет принципиального значения, кто это сделает — специалисты-логики или специалисты других отраслей знания, важно, что это будет иметь большое общенаучное значение.

Но изучение научного исследования путем применения к нему существующего аппарата современной формальной логики — это только один из возможных и важных путей, он приведет к познанию и овладению законами научного исследования и развитию самого формально-логического аппарата, но он мало что может дать для развития философии. Поэтому возможен и необходим другой, уже собственно философский подход к результатам современной науки, в частности к самому процессу научного исследования.

Неправильно было бы представить себе философию в качестве универсального и абсолютного критерия всех выдвигаемых научных теорий. Законы и категории философии функционируют в научном познании как средство движения к новым научным результатам. Необходим глубокий анализ процесса научного познания не только для того, чтобы показать действие законов и категорий материалистической диалектики в нем, но и для того, чтобы на основе его осмысления усовершенствовать, обогатить законы и категории философии.

Иными словами, научное исследование можно и необходимо изучать, оставаясь и на почве философии, с целью развития ее законов и категорий как метода научно-теоретического мышления. Но для этого уже недостаточно проанализировать научное познание, основываясь на аппарате современной формальной логики, а необходимо рассмотрение его в целом, со всеми составляющими его моментами и, что особенно важно, исследование его как развивающегося процесса. Решение этой задачи предполагает анализ и развитие специальных понятий, характерных для процесса научного исследования и выражающих его суть, основные этапы и элементы.

Наша философская наука сейчас вышла из того затянувшегося периода, когда все устремления логиков были направлены на спор о предмете диалектической логики в ее отношении к формальной. Последним рецидивом попыток увести нашу философ-

скую мысль в бесплодные рассуждения о диалектических и формально-логических понятиях, суждениях и умозаключениях был доклад трех авторов (М. Н. Алексеева, В. И. Мальцева, В. И. Черкесова) на симпозиуме по диалектическому материализму в апреле 1965 г. в Москве. Однако этот доклад вызвал совершенно определенную реакцию участников симпозиума: теперь не только специалисты в области логики, но и работающие в области диалектического материализма уже не находят в этих рассуждениях стремления решать действительные проблемы, возникающие перед философской наукой.

Почти всем ясно, что развитие логики, как формальной, так и диалектической, возможно только путем все большего приближения к потребностям науки. Разрабатывать диалектическую логику как метод современного научно-теоретического мышления, как теорию познания невозможно без пристального изучения хода развития человеческого познания, в частности процесса научного исследования. Любое направление в разработке современной логики заслуживает внимания в той мере, в какой оно работает не на самое себя, а удовлетворяя те или иные потребности в развитии научного знания. Диалектика существует не для себя, не для определения и обоснования самой себя, а для развития научного мышления, поэтому она должна анализировать не какие-то особые диалектические понятия, суждения и силлогизмы, а ход научного познания со всеми его формами, видами и составляющими элементами.

Конечно, деление форм научного мышления на диалектические и недиалектические было болезненным наростом на нашей логической науке, но не следует думать, что с ним очень легко покончить. Оно оказалось чрезвычайно живучим и приобрело несколько иную, более гибкую форму, появилось снова на поверхности, когда стали говорить о содержательной и несодержательной логике, о содержательной и знаковой плоскости мышления. При этом одна логика — содержательная — наделяется какими-то магическими свойствами, объявляется способной проникнуть во все, а другая — изображается как пустая, иначе бы она не исключалась из содержательной. Причем авторы содержательной логики не называют ее диалектической, но авторы, делящие научное мышление на диалектическое и недиалектическое, упорно противопоставляют диалектическую логику формальной как содержательное лишенное содержания.

В основе представления о содержательной логике лежит абсолютизация различия между формальным и содержательным. При этом очень много говорят о содержательном и формальном, о форме и содержании, не имея обстоятельного логического анализа самих понятий формы и содержания. Но опыт всей истории философии учит, что в конечном счете отношение между формой и содержанием сводится к отношению либо одного содержания к другому содержанию, либо одной формы к другой

форме. В таком случае можно сказать, что одна логика отличается от другой, как одно содержание от другого или как одна форма от другой. И не может быть логической системы вообще без содержания или без формы. Каждая из них имеет свое содержание, выступающее по отношению к другому содержанию как форма, или свою форму, выступающую по отношению к другой форме как содержание.

Объявить какую-то логику бессодержательной только на том основании, что она по традиции называется формальной, или считать содержательной только одну, поскольку она отличается от той, которая носит название формальной, значит совершить элементарную логическую ошибку.

Сколь бы ни была содержательна диалектическая логика или другая логическая система, она может выполнять ту или иную регулирующую функцию в движении мышления только формулируя какие-то правила мышления. И категории диалектики могут выступать формами движения мышления к истине только потому, что на основе их объективного содержания можно построить некоторые правила функционирования мышления.

Нам представляется, что развитие диалектики как логики должно идти не путем поисков каких-то особых диалектических понятий или умозаключений и не путем конструирования особой содержательной логики, которой якобы только одной дана возможность схватить содержательную сторону человеческого мышления, а путем конкретного анализа хода научного познания, в частности научного исследования в его непосредственной данности. Анализируя, как в нем «работают» не только логический аппарат современной формальной логики, но категориальные формы материалистической диалектики, можно определить, как надо обогащать эти формы, чтобы они не только правильно в философском аспекте объясняли ход научного познания, но и регулировали, направляли его к достижению новых научных результатов.

Группа киевских логиков, сосредоточенная в основном в Институте философии Академии наук УССР, занимается логикой научного исследования с целью дальнейшего развития категориального аппарата материалистической диалектики.

Это, по нашему мнению, основной путь разработки диалектической логики.

Считая, что обмен научной информацией о проводимых исследованиях является важной формой координации, хочу вкратце охарактеризовать объекты наших работ. Прежде всего, мы считаем необходимым привлечь внимание к таким понятиям, которыми оперирует современная наука, характеризуя процесс научного исследования, но не вникая в содержание их и функцию в процессе движения познания к новым результатам, как проблема, факт, система, теория, научный поиск, интуиция, интерпретация и некоторые другие.

Эта ступень в изучении научного исследования по существу сводится к его описанию и объяснению, к анализу понятий, выражающих ход научного исследования.

Что может дать для марксистской философии такое изучение? Прежде всего оно обогатит понятийный аппарат философии, в особенности тот, который описывает закономерности познавательного процесса. Нельзя ограничиваться повторением того, что познание идет от ощущений к понятиям, от абстрактного к конкретному, от индукции к дедукции; нужен более детальный анализ хода современного научного познания со всеми его особенностями.

Логико-гносеологическое изучение научного исследования приведет к обогащению понятийного аппарата материалистической диалектики как логики и теории познания.

Логико-гносеологическое рассмотрение хода современного научного познания имеет большое значение для борьбы против буржуазного мировоззрения, в частности позитивистского. Позитивизм нельзя преодолеть, если просто отмахнуться от той проблематики, которую он подымает и разрабатывает своими методами. Например, нельзя игнорировать проблемы анализа языка современной науки, но следует производить его на основе метода материалистической диалектики с применением всех существующих логических средств. Иным путем невозможно показать фальшь позитивистских концепций.

Описание и объяснение хода научного исследования — это только первый уровень в разработке логики современной науки. Потом необходимо будет двинуться дальше, а именно — исследовать сущность научного творчества не только с целью описания и объяснения, но и овладения, управления им, изучения путей и средств моделирования творческой деятельности человека. Первым шагом в этом деле будет детальное изучение не только логики, но и эвристики современной научной теории, всех путей, ведущих к ее (теории) рождению, развитию и построению.

На этом пути мы столкнемся со многими трудностями, но решение их даст очень много как для развития систем современной формальной логики, так и для дальнейшего развития материалистической диалектики, ее категориального аппарата. Разработка этой проблематики укрепит связь философии со специальными науками, в частности с кибернетикой, которая уже сейчас вплотную подошла к задачам моделирования творческой деятельности человека, в том числе и научного творчества.

Философы всегда, и сейчас особенно, озабочены укреплением и развитием союза философии с другими науками, в частности естественными. Некоторые неудачи, которые мы имели в этом деле в прошлом, не должны нас обескураживать, а направлять на поиски действительных путей и средств установления действительных контактов с естественниками, усиления работоспособно-

сти философии в решении задач, встающих перед современной наукой.

Ясно, что представление философии в качестве всеобщего арбитра всех споров, возникающих в современной науке, наносит вред и специальным наукам и еще больший самой философии. Оно не только может дискредитировать философию в глазах серьезных ученых, но и тормозит развитие самой философии, превращая ее законы и категории в догмы, в вечные истины.

Разработка проблем логики современной науки является, на наш взгляд, одним из главных путей укрепления и развития заветного В. И. Ленинским союза философов-марксистов с современным естествознанием.

Философия и логика призваны снабдить естествоиспытателя необходимой оснасткой, инструментарием современного научно-теоретического мышления.

Натурфилософский подход к науке изжил себя, а его возрождение, как показывают, например, попытки определить философским путем функцию ДНК в передаче наследственной информации, ни к чему иному, кроме конфуза, привести не могут. Философия науки в наше время не может не быть логикой науки, поскольку каждая наука, по мере своего развития, все в большей степени становится прикладной логикой, превращаясь в основном в метод дальнейшего движения познания.

Не конструирование какой-то особой науки диалектики природы с особыми законами, науки, выполняющей функции отшедшей в прошлое натурфилософии, а глубокий анализ развития естественнонаучного познания для целей философского обобщения — вот предмет исследования специалистов в области философских проблем естествознания. А в таком смысле он совпадает с задачами логики научного познания. Различие может состоять лишь в том, что логик в обобщении результатов познания отнюдь не связан с одной какой-либо отраслью науки, но берет ход современного научного познания в целом, в обобщенном виде, а специалист по философским вопросам естествознания рассматривает движение мышления с его результатами в конкретной области науки, помогая, с одной стороны, логикам, а с другой — ученым различных специальных наук. Не случайно на данный симпозиум по вопросам логики науки мы пригласили как логиков, так и людей, занимающихся философскими вопросами естествознания, в особенности физико-математических наук.

Таким образом, разработка вопросов логики науки может происходить в различных направлениях, ее результатом явится развитие как формальной логики, так и диалектической, она послужит путем к обогащению категориального аппарата материалистической диалектики, будет способствовать еще большему укреплению союза философов-марксистов с представителями конкретных областей современного научного знания.

Раздел III

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

1. НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЕГО ЛОГИКА

В современной литературе, и не только в философской, живо обсуждается вопрос о предмете науки о науке, или науковедении¹. Нельзя отрицать тот факт, что в настоящее время повысился интерес теоретической мысли к самой науке, к логическому и социологическому анализу ее результатов, к выявлению закономерностей ее развития.

Среди всех наук логика занимает особое место, поскольку начала свое существование и развивалась как наукоучение. Если рассматривать науку с логической стороны, то в ней можно выделить два связанных между собой элемента: систему знания и метод его приращения. Как система знания наука выступает совокупностью теорий, описывающих и объясняющих определенный предмет. Система знания создается не только для того, чтобы упорядочить и выявить во всей полноте полученные результаты, но и построить на них метод получения нового знания. При анализе науки многие ученые сейчас обращают внимание на эту ее сторону — реализацию систем научного знания в методе познания и практического действия.

Овладеть тайнами науки — значит понять законы развития научного знания, создания новых теоретических построений, вскрывающих законы природы и общества. А это невозможно сделать без анализа мышления, что и входит в задачи логики.

а) Категориальная природа человеческого мышления

Мышление, его формы и законы являются результатом материального взаимодействия субъекта и объекта, выступающего в форме практики. Как субъективная деятельность, мышление яв-

¹ См. С. Р. Микулинский, Н. И. Родный. Наука как предмет социального исследования. — «Вопросы философии», 1966, № 5.

ляется предметом психологии и смежных с ней научных дисциплин, а формы постигающего мышления, т. е. созданные мышлением абстрактные объекты, всегда были предметом логического анализа. Изучая мышление с этой последней стороны, логика установила такую его важнейшую особенность, как категориальный характер мышления.

Известно, что мышление возникает на базе труда и в некотором смысле оно аналогично труду, как бы своеобразно повторяет его. В самом деле, труд предполагает: а) предмет природы, который нужно изменить с тем, чтобы он удовлетворял потребности человека, б) орудия, которыми человек воздействует на этот предмет, и в) деятельность человека, приводящую в движение эти орудия. Мышление имеет: а) объект, на который оно направлено с целью его постижения, б) орудия мыслительной деятельности в форме ранее созданных понятий и в) самую мыслительную деятельность, приводящую человека к новым понятиям и теориям, т. е. созданию новых абстрактных объектов.

Между орудиями труда и понятиями, используемыми в процессе мышления, как мы видим, существует некоторая функциональная аналогия. Те и другие являются средствами, инструментами деятельности человека, одни — материальной, а другие — духовной. Те и другие связаны с использованием предшествующего опыта; в одном случае результаты познания свойств и закономерностей природы материализуются в виде орудий труда, в другом — они в качестве категорий выступают ступеньками движения мышления.

Эта общность между понятиями науки и орудиями труда абсолютизируется прагматизмом, рассматривающим понятия человеческого мышления вообще только как инструменты человеческого воздействия на природу. Нельзя отрицать инструментального характера понятий науки, но ошибочно видеть только эту сторону в них, а главное, надо уметь показать и доказать, как, почему и в силу чего они приобретают этот инструментальный характер.

Мышление не может начаться с ничего. Человеку для теоретического овладения объектом мало просто иметь его перед собой, практически взаимодействовать с ним; ему нужны средства, помогающие в определенных формах постигнуть объект, создать новые абстрактные объекты. В качестве таких средств и выступает опыт познания мира, закрепленный в языке. Перед началом каждого акта процесса мышления человек вооружен предшествующим опытом познания, выработанным понятийным аппаратом, с помощью которого он пытается отобразить закономерности и свойства объективной реальности.

Таким образом, понятия выступают не только как результат познания человеком объективной реальности, но и как средство, аппарат мышления, на основе которого происходит освоение им новых объектов, их свойств и закономерностей. Больше того, без

этого аппарата человеческое мышление вообще не может функционировать, без него нельзя связать между собой даже два факта.

Понятия ведут процесс мышления по пути, определяемому их содержанием, придавая ему некоторую стабильность, целеустремленность в поисках новых свойств и отношений в вещах, укладывающихся в эти исходные понятия. Мысль осваивает новое путем включения его в известное — в ранее созданные понятия. И это как бы гарантирует верность ее движения. Таким образом сохраняется преемственность в процессе перехода от одного результата к другому.

Логика исходит из того, что процесс мышления происходит на понятийной основе, и в связи с этим ставит перед собой несколько вытекающих из этого факта задач: 1) выявить наиболее общие понятия, необходимые для мышления не о каком-то данном объекте, а об объективной реальности вообще; 2) вскрыть природу этих понятий как в отношении объективной реальности, так и практической деятельности человека; 3) показать их функционирование в процессе мышления, их роль в движении к объективно истинным результатам.

Аристотель был одним из первых философов, поставивших в качестве специальной задачи для исследования анализ наиболее общих понятий, на основе которых происходят процессы мышления. Опираясь на предшествующий опыт философской мысли, он выделил эти наиболее общие понятия и назвал их категориями. Стихийно Аристотель понимал, что мышление реально существует в форме языка, поэтому язык, или, точнее, речение, служили для него эмпирическим фактом, который он сделал исходным для анализа категорий.

Другой подход был у Канта, который в качестве исходного момента для вычленения категорий взял не речь, а суждение. Он пытался вывести категории из форм суждения. Логика к тому времени создала уже классификацию суждений, определив двенадцать их видов. Мысль Канта, что при выведении категорий надо исходить из мышления и его форм, верна и является шагом вперед в логике, но у него категории выступают в виде замкнутой системы (таблицы), которая определяет формы суждений и не подлежит развитию и обогащению.

Гегель сделал существенный шаг вперед, взяв за основу не формы суждений, а всю сферу мышления со стороны его предметного содержания. Категории у него выступают не как формы застывшего знания, а как ступени в движении мышления, способы раскрытия его объективного содержания. Поэтому хотя гегелевская логика и является замкнутой системой, но, во-первых, в этой системе одна категория следует за другой, во-вторых, она не замыкает мышление в небольшое число категорий, а через многообразие категорий выявляет богатство содержания процесса мышления.

Марксизм знаменует собой новый этап в разработке проблем логики научного познания.

Сложной была проблема самой природы категорий, их отношения к объективной реальности и практической деятельности человека. Философы выявляли категории, анализируя мышление то ли со стороны его выражения в языке, в формах суждения, то ли со стороны предметного содержания мысли. Отсюда сама собой возникала иллюзия, что категории — это только орудия мысли, ее формы, что они связаны лишь с мышлением и его деятельностью, берут из них свое содержание. Например Кант считал их априорными формами мысли, существующими до всякого опыта и независимо от него, коренящимися в формальной организации человеческого рассудка. Он не знал, как связать категории, обладающие всеобщностью, с объективной реальностью, данной нам в чувственном опыте, нацеленном на единичный предмет, явление. В результате между категориями и вещами-в-себе образовалась пропасть, что послужило теоретической базой агностицизма Канта.

Диалектический материализм исходит из того, что проблема отношения категорий мышления к объективной реальности не может быть решена, если не раскрыть их генезис и роль в нем материальной практической деятельности. Категории, как и все другие понятия, не существуют в самой действительности и не даны изначально в разуме как его вечные формы. Они возникли в процессе овладения человеком явлениями, силами природы и общества и представляют собой результат обобщения всего познания мира и его практического преобразования. Объективность их содержания доказывается в ходе воплощения в жизнь результатов теоретического мышления, функционирующего на основе категорий. Когда мир, созданный человеческим мышлением, превращается в реальный мир созданных в практике новых вещей и явлений, его категории находят подтверждение своей объективности и всеобщности.

Категории являются формами, определяющими движение от ранее достигнутого знания к новому. Здесь их роль двояка. Прежде всего на основе категорий строится логическая форма вывода одного знания из другого.

Богатство знания означает многообразие понятийного аппарата, на базе которого возникает множество форм умозаключений. Мышление в античности опиралось на очень ограниченный круг выработанных и осознанных категорий, отсюда и сравнительно бедный аппарат для получения знания путем вывода (силлогистика). Совсем иное дело сейчас, когда мы располагаем развитым категориальным аппаратом, на базе которого возможна очень разветвленная сеть форм получения знания путем логического вывода.

Но роль категорий в мышлении не ограничивается только тем, что их содержание превращается в правило логического вы-

вода, т. е. что они могут служить для извлечения некоторых следствий из уже имеющихсЯ, ранее созданных понятий и принципов. Это только их одна, можно сказать, апалитическая функция, но им же принадлежит огромная роль в создании новых понятий и принципов, в синтезе, приводящем к новому знанию.

На основе категорий образуются новые научные понятия, теоретически осмысливаются, экстраполируются данные опыта, соединяются результаты познания, достигнутые в разное время, различными и, казалось бы, не имеющими отношения друг к другу способами.

б) Логика — канон или органон мышления?

В настоящее время существует множество логических систем, и, видимо, количество их будет расти. Несмотря на это, можно дать общее определение того, что входит в логику: изучение структуры, способов доказательства, возникновения и развития научной теории. Это означает, что всякая логика является логикой научного познания, вскрывает какую-то сторону, закономерность в его движении, в строении и развитии научной теории.

Данное понимание сущности логики предпочтительнее ее традиционного определения как учения о законах и формах правильного мышления. Во-первых, на традиционном определении логики лежит печать ее нормативности. Мышление строго разделяется на правильное и неправильное. Формы и законы правильного мышления выделяются и провозглашаются в качестве канона, нормы, которой всюду и всегда надо следовать. Но развитие логики показывает, что научное познание в своих решающих поворотах, связанных с фундаментальными открытиями, всегда вынуждено было переходить границу правильного или, наоборот, неправильное возводить в ранг правильного, в пору человеческого мышления.

Чтобы убедиться в истинности этого, достаточно посмотреть на развитие логики. Человеческий рассудок превратил законы и формы мышления, вскрытые и описанные Аристотелем, в норму мышления. История логики нового времени полна попыток обоснования необходимости выхода за пределы норм правильного мышления, которые предписывались аристотелевской логикой. Причем выход за пределы аристотелевской логики осуществлялся в самых различных направлениях и с разных сторон. Доказывалось, что законы, установленные в ней (в частности принцип исключенного третьего), действуют не во всяком процессе рассуждения, что формы, описанные ею, не охватывают всего многообразия выводов, а сама она не вскрывает всех законов и форм движения мышления к новым результатам. Поэтому сфера, подлжащая логическому изучению, была расширена, возникло множество логических систем, каждая из которых вскрывает законы и формы правильного мышления.

Была осознана историчность самой правильности мышления. Ранее вскрытые закономерности в развитии знания превращались в законы и формы правильного мышления. Рост знания — это овладение не только объектом, но и самим знанием; познанные законы объективной реальности превращаются в правила и формы движения самого мышления.

Поэтому логика должна изучать не какое-то заранее известное правильное, нормативное мышление, а движение научного знания к истине, вычленив из него формы и законы, подчиняясь которым мышление приходит к объективной истине. Поскольку же знание непрерывно растет, изменяется количественно и качественно, сфера логического в соответствии с этим обогащается новым содержанием; она включает в себя новые элементы, внутренне преобразовывается и перестраивается. Это отчетливо видно при сравнении логики Аристотеля с совокупностью современных логических систем, в которых аристотелевская логика выступает только преобразованным элементом нового целого.

Итак, объект логики, по нашему мнению, составляет не изучение правильного мышления, а исследование научного знания. Не надо заранее для всего мышления решать, какие формы его являются правильными, а какие неправильными. Ни одна логическая система не может этого сделать, поскольку всякое принципиально новое знание по отношению к ранее установленным ею формам и законам выступает «неправильным». Например, с точки зрения двузначной логики все логические исчисления многозначной логики должны быть исключены как неправильные. Изучая научное знание, логика вскрывает законы и формы правильного мышления. Поскольку научные знания постоянно меняются, изменяется и область логического, то есть правильного.

В принятом нами определении в качестве объекта логического изучения берется такая форма, как научная теория, в то время как логика в традиционном понимании нацеливала на понятия (термины), суждения (предложения), умозаключения (выводы). Конечно, надо анализировать структуру вывода, но истинное знание достигается в системе, зрелой формой которой является научная теория. Для понимания структуры, способов доказательства и развития теории необходимо изучение понятий (терминов), суждений (предложений) и умозаключений (выводов). Изучение предложений и их логических связей подчиняется задачам логического анализа теории. Хорошо известно, что научное знание сложнее и многостороннее. Все ли оно служит объектом логического? Одни полагают, что в сферу логики входит только одна сторона знания: анализ структуры, строения такого ее образования, как вывод, сущность которого заключается в переходе от заданного, известного знания к другому, следующему из него с логической необходимостью или вероятностью определенной степени.

В этом случае из научного знания берется только один его элемент и изучается со строго определенной стороны. Нельзя отрицать важности этого элемента для научного знания, которое невозможно без процесса вывода. Детальный анализ выводного знания всегда входил в задачу логики, и на этом пути она достигла больших успехов.

Но возникает вопрос: охватывает ли процесс вывода все, с чем связано развитие научного знания?

Процесс вывода предполагает, что некоторое знание нам уже дано и надо найти способы и средства вывести из него еще некоторые предложения, обогатив тем самым наше знание. Однако наше знание развивается не только таким путем; оно предполагает выдвижение новых положений на основе обобщения практического опыта, экстраполяции прежних теоретических принципов, не укладывающихся в рамки логической дедукции.

Иные полагают, что это уже не логика. Однако если это не логика, но в то же время нечто, приводящее к выдвижению и обоснованию новых научных идей, построению фундаментальных теорий, то оно имеет значение не меньшее, чем любая строгая дедукция. Поэтому в истории философии давно существует традиция расширения сферы логического за счет изучения законов и форм движения мышления к новым результатам, независимо от того, как мы к ним идем — путем дедукции по известным правилам из уже ранее добытого знания, зафиксированного в предложениях, или путем экстраполяции существующих принципов и т. п.

Таким образом, под логическим мы разумеем все, что связано с анализом научного знания, вычленением его форм и законов движения. При таком понимании возникает опасность, что логическое перестанет быть чем-то единым, поскольку в него включены слишком разнородные элементы — от формальных исчислений до законов и категорий диалектики. Да, конечно, логическое содержит в себе различные элементы, но в то же время остается единым, ибо все эти элементы связаны так или иначе с пониманием знания и его движения к объективно истинным результатам. Какими бы средствами логика не пользовалась, она остается логикой, если анализирует знание с тем, чтобы осознать пути его движения к истине, хотя бы какую-то одну сторону этого сложного процесса.

Один из современных методов логического анализа научного знания состоит в превращении его в идеальную модель, построенную на принципах формального исчисления. Идеальной моделью построения знания является язык, искусственно созданный, формализованный. В этом языке известен весь алфавит, т. е. перечислены все первоначальные знаки, из которых строятся все остальные конструкции. Указываются однозначные правила формирования из этих знаков предложений, имеющих определенное значение; отбираются предложения, не зависящие от выводов и

выступающие в качестве аксиом; наконец, фиксируются правила вывода, на основе которых происходит переход от одного или нескольких предложений к другому предложению. Предложение считается доказанным, если оно следует с необходимостью по этим правилам из других предложений.

Но может ли логика ограничиться тем, что будет создавать формализованные языки, извлекать из них возможные следствия?

Вся история логики дает отрицательный ответ на этот вопрос, поскольку с начала своего существования она стремилась стать не только и не столько каноном, сколько органом мышления, орудием его движения к новым результатам. Однако диалектика развития такова, что всякий органон превращается в канон, и логика постоянно испытывала необходимость в новом органоне. Средневековые сделали из логической системы Аристотеля канон мышления, поэтому развивающаяся наука требовала нового органона, над созданием которого бился не только Ф. Бэкон, но и вся философия нового времени. Однако созданная в новое время индуктивная логика превратилась также в канон, в современных условиях она стремится стать совершенным логическим исчислением. Эта потребность в новом органоне — характерная особенность развития логики, свидетельствующая о творческом неповторимом процессе научного познания.

в) Современные задачи логики научного мышления

Логические системы возникали на основе обобщения существующего опыта познания и стремились охватить тенденции его развития, понять его запросы. Аристотелевская логика выросла из геометрии Евклида, бэконовская — из опытного естествознания нового времени; математическая логика возникла как ответ на запросы развивающейся математики второй половины XIX и начала XX столетия.

Чтобы понять, какие задачи современная наука ставит перед логикой, необходимо уяснить особенности современного научного знания. В качестве примера мы возьмем физическую науку, в которой, на наш взгляд, выражены типичные черты современного научного знания вообще. Физика является той областью знания, где, с одной стороны, математический аппарат нашел самое широкое применение и налицо тенденция его дальнейшего распространения, а с другой стороны, она остается той областью знания, в которой опыт и эксперимент не только сохраняют свое прежнее, но и приобретают новое значение.

Изменился и путь науки к новым результатам. Как правило, в прежнем естествознании опыт предшествовал новому теоретическому построению. Теперь же опыт часто выступает только звеном в процессе проверки теоретического построения, которое возникает путем экстраполяции прежних теоретических принци-

пов, выдвижения разумом новых понятий. Так, А. Эйнштейн считал, что основы физики создаются путем логического мышления с последующей проверкой в опыте.

Но при всем этом Эйнштейн, как и другие физики, не отрицает значения опыта как источника новых идей в науке. «Чисто логическое мышление,— пишет он,— само по себе не может дать никаких знаний о мире фактов; все познание реального мира исходит из опыта и завершается им. Полученные чисто логическим путем положения ничего не говорят о действительности»². Поэтому речь идет не об умалении роли опыта в современной науке, а об изменении этой роли, о новом отношении между опытом и мышлением. Часто современная научная теория не включает в свое содержание опыт как свою часть, она состоит из системы абстракций, выраженных в знаковой форме. «Законченная система теоретической физики,— пишет А. Эйнштейн,— состоит из понятий, основных принципов, относящихся к этим понятиям, и следствий, выведенных из них путем логической дедукции. Именно эти следствия должны соответствовать отдельным нашим опытам...»³.

Согласование некоторых звеньев теории с опытом стало одним из главных моментов в узаконении самой теории и ее исходных принципов. Понятия науки не возникают путем вывода из данных опыта, но опыту принадлежит решающая роль в их утверждении. «Мышление,— продолжает А. Эйнштейн,— позволяет строить систему; содержание результатов опытов и связи между ними излагаются с помощью следствий, полученных из теории. Именно в возможности такого изложения заключены ценность и оправдание как всей системы, так и лежащих в ее основе понятий и принципов. Иначе последние остаются свободным творением человеческого ума, которое нельзя оправдать ни природой самого человеческого ума, ни тем более как-то априори»⁴.

Если попытаться выявить значение опыта в развитии современного научного знания, то надо подчеркнуть, что опыт во многих случаях не формирует содержание понятий и принципов современной науки, но утверждает их, служит их некоторым оправданием.

Далее, современная наука характеризуется возникновением метатеорий и метанаук как специфических форм научного знания, усиленным стремлением осознать основы, лежащие в фундаменте построения научных теорий, способов доказательства в них. Сначала это было свойственно только математике, которая одной из первых поставила вопрос о природе собственного знания, его основах и способах построения теорий в нем и т. п. Причем это способствовало развитию не только самой математики, но и логики, поскольку решение задач обоснования

² А. Эйнштейн. Физика и реальность. М., 1965, стр. 62.

³ Там же.

⁴ Там же.

математики обнаружило недостаточность существующих логических средств. Но вслед за математикой пошли и другие науки. Сейчас можно наблюдать увеличение количества работ, связанных с изучением природы и характера физического знания, особенностей построения современной физической теории, путей достижения нового знания в ней. Причем этим занимались и занимаются крупнейшие физики современности, такие, как А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Борн, Луи де Бройль и ведущие физики-теоретики Советского Союза. Вслед за физикой идут в этом направлении и другие опытные науки: химия, биология и т. д.

Само собой разумеется, что отмеченными особенностями не исчерпываются все изменения, происходящие в знании в наш век, и не в равной мере они охватили все области современного естествознания. Но дальнейшее развитие познания приводит к тому, что в этом направлении будет изменяться характер научного знания во всех областях современной науки.

Эти изменения в характере знания выдвинули ряд логико-гносеологических проблем. В связи с удалением содержания нашего знания от результатов непосредственного чувственного созерцания объектов, невозможностью в прямом опыте проверить содержание выработанных понятий науки возникает вопрос: а не означает ли это утрату объективности содержания понятий и теорий современной науки, поскольку связи понятий науки с объектом долгое время мыслились как возможность воплощения абстракций в чувственном опыте?

Понимание связи понятий современной науки с объективной реальностью является сейчас острым вопросом, по которому происходит размежевание философских позиций. Крупнейшие ученые современности — А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг — полагают, что понятия современной науки объективны и, можно сказать, в своем содержании более объективны, чем связанные непосредственно с опытом понятия прежней физики. Так, А. Эйнштейн, понимая, «что любая попытка чисто логического вывода основных понятий и принципов механики из отдельных опытов обречена на неудачу», все же исходит из признания объективности понятий и теорий современной физики. «Весь наш предшествующий опыт, — пишет он, — приводит к убеждению, что природа является осуществлением того, что математически проще всего себе представить. Я убежден, что чисто математическое построение позволяет найти те понятия и те закономерные связи между ними, которые дают ключ к пониманию явлений природы. Пригодные математические понятия могут быть подсказаны опытом, но ни в коем случае не могут быть выведены из него. Опыт остается, естественно, единственным критерием пригодности некоторого математического построения для физики. Но собственно творческое начало относится к математике. Таким образом, я в известном смысле считаю оправданной мечту

древних об овладении истиной путем чисто логического мышления»⁵.

Современная логическая теория должна суметь ответить на вопрос, как и почему понятия многих отраслей современной науки, не будучи результатом непосредственного вывода из опытных данных, не только сохраняют свою связь с объектом, но постигают его глубже, полнее и вернее. Если логика не обладает методом научного ответа на этот вопрос, то она не соответствует своей цели и задачам. Сам этот вопрос является критерием проверки логической теории и ее метода.

Поэтому, если говорить о новой задаче, которую современное научное познание поставило перед логикой, то ее можно сформулировать так: интенсивная разработка всеми средствами, которыми располагает современная логика, проблем научного творчества, процесса выдвижения и обоснования новых идей и на их основе теорий.

Нельзя сказать, что логика раньше не касалась совсем творческого процесса; ведь творческий процесс включает в себя и дедукцию и индукцию в их взаимосвязи. Но в настоящее время она стремится полнее и глубже его отразить, изучить и то, что выходит за их рамки.

В изучении творческого процесса мы, конечно, должны не только использовать и совершенствовать средства дедуктивной и в особенности индуктивной логики, но и разрабатывать логический метод, который связан с понятием диалектики или диалектической логики. Он исходит из следующего понимания человеческого знания: 1) познание является процессом постижения мыслью объективной реальности; 2) основой движения знания к новым результатам служит практическое взаимодействие субъекта и объекта; 3) знание движется к новым результатам по законам и формам самой объективной реальности, отраженным сознанием человека; 4) выработанные в процессе длительного исторического развития законы и категории диалектики являются как законами движения явлений объективной реальности, так и их познания; они выступают орудием достижения человеком новых результатов в мышлении.

Процесс научного творчества предполагает выход за пределы того, что непосредственно логически следует из предшествующих теоретических принципов и опытных данных. Он допускает свободу мышления от оков строгой логической дедукции и правил индуктивных заключений, т. е. работу продуктивного воображения⁶.

⁵ Там же, стр. 64.

⁶ Здесь нам хотелось бы присоединиться ко многим интересным идеям, высказанным по этому вопросу Ю. Бородаев в книге «Воображение и теория познания» (М., 1966) в связи с кантовским учением о продуктивной способности воображения.

Конечно, мышление, приводящее к выдвижению новых идей, включающее в себя научное воображение, не обходится без таких логических средств, как дедукция и индукция. Однако оно включает и еще нечто, не являющееся алогичным вообще, а именно — синтетическую деятельность мышления на основе выработанных познанием категорий, т. е. синтез, на который толкают мышление практические потребности в разрешении той или иной научной проблемы. Каким бы алогичным ни казался синтез, он регулируется некоторыми принципами, но не так, как в дедуктивном или индуктивном выводе. Роль этих принципов в современном научно-теоретическом мышлении выполняют категории материалистической диалектики. Приведем один пример. В начале нашего века в физике было выдвинуто понятие, которое сыграло революционизирующую роль. Таким понятием был «квант». «Можно понять,— пишет Луи де Бройль,— какое существенное влияние было оказано на само направление развития человеческих знаний в тот день, когда кванты исподтишка вошли в науку. В тот самый день величественное и грандиозное здание классической физики было потрясено до самого основания, хотя никто тогда еще и не отдавал себе ясного отчета в этом. В истории науки не много было подземных толчков, сравнимых по силе с этим»⁷.

Это понятие не следовало строго логически из предшествующих данных физики (принципов и экспериментов), к нему физики пришли именно на основе творческого воображения, но оно укладывалось в категории научно-теоретического мышления эпохи. Логика, основывающаяся на достижениях философии марксизма, вполне приемлет существование кванта действия, приводящего «к противоречию между концепцией строгой локализации в пространстве и во времени и концепцией динамического развития»⁸.

Творческая функция категорий диалектики объясняется тем, что они создаются на более широкой основе, чем понятия любой конкретной области знания; в них обобщен и экстраполирован опыт всего познания, а не одного какого-либо определенного объекта. Регулирующая роль категорий в процессе творческого мышления состоит в том, что они допускают большие возможности для свободы воображения, оставляя его в границах научно-теоретического мышления.

Нередко раздаются голоса, что категории диалектики недостаточно строги, что их содержание не является логически доказанным. Делаются попытки формализовать их, построить на их основе систему выводов. Конечно, нужно заботиться об уточнении, углублении и обогащении категорий материалистической диалектики, но при этом нельзя забывать, что если формализо-

⁷ Луи де Бройль. Революция в физике. М., 1965, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 8.

вать их содержание и на этой основе построить жесткую систему выводов, то они превратятся в логический канон и потеряют свое значение *орудий продуктивной творческой деятельности мышления*. Их сила заключается как раз в том, что они предоставляют определенную свободу для синтетической деятельности разума, направляя научное познание на достижение принципиально новых результатов. Чтобы получить новые идеи, категории должны дать возможность мышлению свободно варьировать, а не только жестко, однозначно ссылавать его со строго определенными результатами.

Физики давно говорят, что мы находимся на пороге величайших открытий в теоретической области, однако новых фундаментальных теорий пока нет. Указывают, что для их возникновения нужны принципиально новые, «сумасшедшие» идеи. Но в рождении этих идей определенная роль принадлежит логике; при их выдвижении человеческая мысль напрягает все свои способности, использует весь арсенал своих средств, в том числе и логических. Физике и другим наукам для выдвижения новых теорий не хватает не только фактов, но, может быть, именно философских категорий, способных открыть для них иной образ теоретического мышления, допускающих такой ход мысли, который прежние категории не только не предусматривали, а даже запрещали.

Таким образом, одной из главных задач логики научного познания в настоящее время является изучение творческого процесса в формах и законах логики, что связано с выявлением эвристических принципов выдвижения новых идей, построения и проверки научных теорий. На этом пути логику ожидают большие испытания, но здесь она может показать и свою силу. Для решения этой задачи необходимо усиленно разрабатывать материалистическую диалектику как логику современного научно-теоретического мышления.

2. ПОНЯТИЕ МЫШЛЕНИЯ. МЕТОД МЫШЛЕНИЯ. ДВИЖЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ

а) Субъективная диалектика как отражение объективной диалектики

Проблемы мышления в настоящее время привлекают большое внимание специалистов различных областей научного знания. Раньше мышление интересовало главным образом философов, логиков и психологов. Теперь оно в той или иной мере является предметом исследования и многих естественнонаучных дисциплин. Больше того, из чисто теоретической проблемы изучение мышления становится важнейшей народнохозяйственной задачей, от разрешения которой во многом зависят темпы технического прогресса, наши успехи в деле развития образования и т. п.

В этой связи приобретает большое значение выяснение содержания самого понятия *мышление*. Исходными понятиями в истолковании мышления являются категории субъекта и объекта. Мышление возникает в результате взаимодействия субъекта и объекта. Исследование особенностей этого взаимодействия, природы взаимодействующих систем, и субъекта прежде всего, является ключом к пониманию сущности мышления.

Кто мыслит? Этот вопрос раньше не был предметом больших споров, сейчас он стал остродискуссионным в связи с проблемой так называемого машинного мышления. Ответ на него не так прост, как это кажется вначале. Для этого надо определить субъект мышления.

На первый взгляд кажется, что мыслит отдельно взятый индивидуум, а само мышление выступает предметом его деятельности. Но это так только на поверхности. Конечно, вне отдельных индивидуумов нет мышления. Но отдельный индивидуум мыслит только постольку, поскольку он входит в общее, чем в данном случае является человеческое общество.

Марксистская философия, преодолевая пороки идеализма и ограниченность созерцательного материализма, доказала, что подлинным субъектом практической деятельности и возникающего на ее основе мышления является человеческое общество, не человек как индивидуум, а обобществленное человечество. Сознание — это результат деятельности субъекта, а не сам субъект. Биологическая природа человека вместе с его мозгом составляет необходимое природное условие для возникновения сознания че-

ловека, по сама по себе не является субъектом мышления и практической деятельности.

Главным и определяющим в субъекте является его общественная природа, без общества нет субъекта. Без человеческого общества не может быть практической деятельности и мышления. Мышление по своей природе общественно.

Общество как субъект мышления само выступает конкретно-исторически, в виде определенной группы людей, обладающих орудиями труда и находящихся между собой в определенных общественных отношениях. Для практического преобразования действительности субъект нуждается в мышлении — в теоретическом освоении объекта.

Роль мышления в практическом преобразовании человеком мира состоит в отражении предмета действительности, ставшего объектом деятельности человека. В процессе мышления субъект противостоит объекту. Мышление возникает в результате их взаимодействия.

Как относится мышление к субъекту и объекту? Принадлежит оно только субъекту или только объекту или является чем-то третьим в отношении субъекта и объекта?

Некоторые современные буржуазные философы считают познание вообще и мышление в частности чем-то внешним по отношению к субъекту и объекту. Так, например, «критические реалисты» говорят об «эпистемологическом треугольнике», вершинами которого являются субъект, объект, мышление. Несостоятельность данной концепции заключается в обособлении мышления от субъекта и объекта, мышление становится самостоятельной реальностью, существующей вне субъекта и объекта.

Нельзя относить мышление только к объекту, поскольку вне субъекта и его деятельности нет никакого мышления. Мышление, существующее вне человека и человечества, — это вымысел идеалистической философии, отрывающей мышление от своего носителя — субъекта. Где бы ни существовало мышление, оно всегда является продуктом деятельности человека.

Однако это не означает, что мышление только субъективно, ничего не содержит объективного. Лишать мышление объективного содержания — значит лишать его смысла и значения. Чтобы быть одним из средств практического преобразования мира, явлений природы и общества, мышление должно теоретически овладеть объектом, т. е. иметь объективное содержание.

Таким образом, мышление и субъективно, и объективно. Оно стремится стать тождественным объекту в своем содержании, но оно никогда не может полностью совпасть, слиться с объектом, ибо является формой деятельности субъекта. Понятие отражения хорошо выражает диалектику отношения мышления к субъекту и объекту. Во-первых, оно различает мышление и объект. Объект существует независимо от мышления. Во-вторых, оно одновременно и отождествляет мышление и объект, мышление в

своим содержанием воспроизводит объект в свойственной субъекту форме. Поэтому мышление можно определить как способность человеческого сознания отразить в абстракциях или их системе существующий вне его объект. В понятии отражения выражена тождественность и нетождественность мышления объекту. Поскольку мышление принадлежит субъекту, оно не тождественно объекту; поскольку оно воспроизводит, отражает в специфической для него форме объект, мышление тождественно ему.

Отношение между мышлением и отражаемым им объектом выражается в категориях идеального и материального. Мышление идеально, поскольку оно само не имеет свойств отражаемого объекта, а только воспроизводит их в свойственной ему форме. Если бы мышление не только отражало объект, но и само обладало свойствами отражаемого объекта, оно посредством самого мышления могло бы создавать вещи. Однако вещи создает человек не в процессе мышления, а в процессе практической деятельности, и не из мысли, как таковой, а из других вещей. Мышление способствует производству вещей тем, что отражает их, воспроизводит теоретически.

В труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин отмечал, что «... противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹. Мышление как идеальное абсолютно противоположно отражаемому в нем материальному объекту в том смысле, что оно не обладает свойствами последнего, хотя и отражает их в определенной субъективной форме и до определенной степени полноты и точности. При этом мышление как идеальное находится не вне материального взаимодействия субъекта и объекта, а составляет один из моментов, одну из сторон его. В этом заключается материалистический монизм марксистско-ленинской философии.

Мышление имеет определенную генетическую связь с другими формами отражения, существующими в живой и неживой природе, в том числе со способностью отражения, лежащей в фундаменте материи и присущей всем ее видам и формам. Однако следует различать мышление и отражение: всякое мышление есть отражение, но не всякое отражение является мышлением. Мышление — особая форма отражения, возникающая в результате взаимодействия не любых двух материальных систем, а таких, одной из которых является общество.

Выполняя определенную функцию в развитии общественной жизни, мышление отражает объект не только таким, каков он есть, но и каким может быть в результате своего дальнейшего

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 151.

развития. Иными словами, мышление человека отражает объект в необходимых формах его существования и движения, каким он может быть в процессе своего развития под воздействием практической деятельности человека. Мышление — это творчески активное, целенаправленное отражение действительности для потребностей практического воздействия субъекта на объект.

Гносеология дает определение мышления исходя из наиболее всеобъемлющего понимания субъекта, которым выступает человеческое общество со всеми его составляющими моментами. Изучая развитие мышления, она анализирует ход движения человеческого общества, связывает движение мысли с изменениями в общественной жизни людей.

Отдельные частные отрасли научного знания рассматривают мышление и его субъект с более специальной стороны. Так, можно говорить о психологическом, физиологическом, кибернетическом и лингвистическом аспектах исследования мышления.

Психология сужает понятие субъекта до определенной конкретной личности, живущей и мыслящей в определенных обстоятельствах. Конечно, психология при изучении мышления берет не биологический индивидуум, а личность, действующую и мыслящую в социальных условиях, поэтому здесь субъект сохраняет свое общественное содержание, но он конкретизирован, личен.

Психологический аспект исследования мышления очень важен для гносеологии и логики. В. И. Ленин отмечал: «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (= *жизнь человека*) в объективной обстановке»².

Физиология высшей нервной деятельности в субъекте берет только мозг, а объект для нее — раздражитель. В связи с этим процесс мышления выступает результатом воздействия раздражителя на мозг, а сама мысль рассматривается как способность мозга отвечать определенным образом на внешнее раздражение. Отношение раздражитель — мозг чрезвычайно важно для понимания сущности мышления, оно характеризует мысль с определенной стороны. Но знание этого отношения еще не вскрывает сущности мышления как результата взаимодействия субъекта и объекта, ибо мозг — это не субъект, а отношение раздражитель — мозг имеет место и у высших животных, однако оно само по себе не порождает мышления. Через это отношение мышление непосредственно связывается с теми формами отражения, которые существуют у высших животных и в живой материи вообще. Марксистско-ленинская теория познания в выработке своего понятия мышления исходит из данных физиологии о мышлении как свойстве мозга.

В последнее время возник новый аспект исследования мышления — кибернетический, который рассматривает мышление как

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 184.

процесс хранения и переработки информации. Возникновение кибернетики создало возможности детально рассмотреть мышление как результат получения и преобразования информации по определенным законам. Но здесь субъект не конкретизируется до понятия личности и не сводится к одной ее части — мозгу, а, наоборот, расширяется до понятия материальной системы, способной хранить и перерабатывать информацию. Для кибернетики все равно, имеем ли мы дело с обществом, мозгом или машиной, лишь бы эта система была способна хранить и преобразовывать информацию. Поэтому здесь субъект теряет свои качества субъекта, а его отношение к объекту становится взаимодействием двух объектов. В этом смысле так называемое машинное мышление как результат взаимодействия двух объектов по существу является не мышлением, а особой формой взаимодействия двух материальных систем. Но поскольку машина — это такой объект, который является результатом теоретической и практической деятельности человека, орудием воздействия человека на другие объекты, продолжением и усилением его мозга, следовательно, она человеческа в своей основе, машинное мышление выступает инструментом человеческого мышления, результатом взаимодействия субъекта и объекта, одним из его моментов.

Кибернетика тоже рассматривает мышление как отражение, но с еще более общей стороны, чем физиология высшей нервной деятельности, а именно как способность, присущую всем сложным динамическим системам управления.

Кибернетика отвлекается от главного в процессе мышления, от того, что оно является результатом взаимодействия субъекта — объекта, поэтому ее понимание мышления как процесса хранения и преобразования информации не может служить исходным методологическим пунктом в изучении процесса мышления. Однако сторона мышления, исследуемая кибернетикой, чрезвычайно важна, ее знание необходимо для всестороннего охвата процесса мышления.

Процесс мышления осуществляется на базе слов и предложений, которые являются чувственной, материальной формой бытия идеального — абстракции. Идеальное — образ предмета, абстракция существует реально для другого человека в процессе общения между людьми, а значит, и для самого мыслящего субъекта только тогда, когда она выступает в чувственной материальной форме, в виде слов, предложений. Субъект может воспринимать из внешнего мира лишь то, что способно действовать на его органы чувств, мозг человека вступает во взаимодействие только с явлениями, которые вызывают в нем соответствующие раздражения, т. е. с материальным, чувственным. Поэтому идеальные образы приобретают в языке свою чувственно-материальную форму, они делают результаты мышления практически доступными, реальными.

Мышление со стороны форм его реального существования в

языке служит предметом лингвистики, рассматривающей отношение мысли к чувственному знаку, с которым связано ее содержание, вскрывающей отношение между чувственными знаками, возникающими в процессе мышления. Данные различных отраслей лингвистики, в частности такого ее направления, как структурная лингвистика, имеют большое значение для создания гносеологического понятия о мышлении, процессе его возникновения, функционирования и развития.

Таким образом, марксистская теория познания, определяя мышление как активное, целенаправленное отражение действительности, дает ключ для выяснения места всех сторон процесса мышления, являющихся предметом специальных наук: психологии, физиологии высшей нервной деятельности, кибернетики и лингвистики. В решении сложных философских проблем мышления определяющим является положение В. И. Ленина о совпадении диалектики, логики и теории познания.

Применение этого положения к изучению мышления означает, что анализ последнего необходимо проводить прежде всего с целью выявления объективных закономерностей, отраженных в нем. Диалектика анализирует прежде всего объективное содержание мышления, познавательные образы, их движение и развитие по пути к объективной истине. Изучая мышление со стороны его содержания, диалектика вскрывает объективные закономерности, отражаемые мышлением. Анализ законов мышления, обобщение опыта развития познания — это не конечная цель диалектики, а средство постижения своего предмета — законов, действующих и в природе, и в обществе, и в мышлении.

Диалектика занимается изучением форм мышления, их движения. Но здесь она преследует ту же цель — вскрытие объективной диалектики. Анализируя любую форму мышления, любую абстракцию, можно найти в ней объективную диалектику, и в первую очередь диалектику единичного и общего, случайного и необходимого, сущности и явления.

Как отмечает В. И. Ленин, «... в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»³⁻⁴.

Любое явление действительности развивается диалектически. Как говорит В. И. Ленин, естествознание на любом простейшем примере показывает переходы, переливы, взаимную связь противоположностей, свойственных самим предметам материального мира. Мышление в его многообразных формах отражает эту объективную диалектику как своим содержанием, так и формой. Структура нашего мышления, связь элементов мысли, так же как и ее содержание, являются отражением объективного мира, его диалектики. Сама марксистская диалектика потому и является

³⁻⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 321.

методом, соответствующим современному уровню развития познания, что все ее законы и категории, вся ее внутренняя организация и структура являются аналогом процесса развития, всеобщих связей, существующих в объективном мире.

Мышление — специфическая форма деятельности человека, это духовная, теоретическая деятельность. Эта деятельность в отличие от материального производства является производством духовным, производством идей. Первоначально производство идей, представлений, сознания, по словам К. Маркса, непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. «Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей»⁵. В дальнейшем происходит отделение духовного производства от материального, производство идей становится относительно самостоятельным. «С этого момента, — пишут Маркс и Энгельс, — сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.»⁶.

Но самостоятельность, независимость мышления как духовной деятельности от практического отношения человека к объективному миру относительна; мышление является лишь осознанием бытия, содержанием мышления все равно остается отражение явлений объективного мира.

Относительная самостоятельность мышления служит источником отрыва мышления от потребностей общественной практики, что приводит к иллюзиям, умозрительным конструкциям, чрезвычайно далеким от действительности, но вместе с тем с ней связан активный, творческий характер мышления. Мышление — это процесс духовной деятельности человека, направленный на получение новых результатов. Движение мысли состоит в развитии познавательного образа, в движении от незнания к знанию. Мышление теряет свое значение и основное качество, если оно в процессе движения не приводит к новым результатам.

Основной силой, направляющей развитие мышления, является в конечном счете практика. Однако мышление имеет и свою внутреннюю логику развития, связанную с практикой, но относительно самостоятельную. Причем движение мышления на основе его внутренней логики может происходить либо в пределах ранее образовавшихся понятий, теорий, т. е. по существу без достижения принципиально новых результатов, либо выходя за пределы прежних понятий, теорий, создавая новые понятия и

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 30.

теории. Только во втором случае происходит действительное развитие мышления, получение новых результатов, что и составляет познавательную сущность мышления. Развитие теории включает в себя не только движение внутри ранее достигнутых понятий и теорий, но и выходы за их пределы, образование принципиально новых теоретических построений, основанных на новом опыте познания и практики.

В процессе мышления человек опирается на все предшествующее знание, зафиксированное и закрепленное в определенных формах, категориях. Последние выступают в качестве опорных пунктов в дальнейшем развитии мысли. Движение мысли происходит или на основе имеющихся понятий, категорий и в пределах их, или, опираясь на предшествующие понятия, категории и т. п., мысль приходит к принципиально новым результатам.

Развитие мышления приводит к тому, что человек начинает познавать не только внешний мир и его закономерности, но и сам процесс познания, мышления. Самосознание, осознание мышлением своих результатов, необходимо для более полного и объективного, истинного познания внешнего мира. Создание теорий о теориях, наук о науках — это результат высокой зрелости научного мышления, его огромных успехов в познании действительности. Чем больше будет создано научных теорий о самих теориях, тем совершеннее будет наше мышление в познании внешнего материального мира. Самосознание не самоцель, а средство развития и совершенствования мышления, постигающего объективные закономерности природы и общества.

Мышление не единственная форма духовной деятельности человека, существует еще живое созерцание действительности. По отношению к последнему мышление выступает как переработка продуктов созерцания и представления в абстракции, в систему абстракций, что дает возможность мышлению отразить сущность явлений, создать такой образ предметов, который глубоко и полно воспроизводит действительность.

Возникновение абстракции как формы познания вызвано потребностями отражения в мышлении действительности во всем ее многообразии. Особенность абстракций состоит в том, что посредством их охватывается бесконечное число предметов с их многочисленными свойствами. Переход от живого созерцания к мышлению означает выход к познанию бесконечного, всеобщего и необходимого.

Таким образом, марксистская философия при изучении мышления ставит перед собой следующую главную задачу: показать, как в субъективной диалектике, в движении и развитии мышления выражается объективная диалектика — развитие явлений материального мира. Все остальное подчинено решению этой проблемы, является моментом в реализации этой цели.

Мышление — неисчерпаемая проблема, о ней уже написано и будет еще написано много книг. Но развитие науки и практи-

ки непрерывно обогащает нас новыми результатами о мышлении, которые требуют философского обобщения.

В связи с этим мы стремимся дать философский анализ мышления с учетом достижений науки за последнее время. При этом рассматривается не одна какая-либо сторона, а процесс мышления во всей его целостности. Такое рассмотрение имеет свои преимущества, поскольку позволяет глубоко проникнуть в суть рассматриваемого процесса, понять во взаимной связи различные стороны сложного явления.

Происходящая в науке революция вносит изменения в наше представление о многих явлениях и процессах. Современные физиология, кибернетика, лингвистика, математическая логика дали много нового в понимании мышления. Кроме того, успех любой науки в любой области достигнут в результате движения мышления, применения его методов и форм.

Чтобы двинуться вперед, необходимо систематизировать предшествующие результаты, подвести итоги и определить пути дальнейшего движения. Это относится и к проблеме мышления. Сейчас очень важно не только для развития философии, но и других областей знания привести в определенную систему философские знания о мышлении, полученные в результате обобщения всего опыта познания и практики. Решая эту сложную задачу, мы пытаемся определить пункты, к которым прикована сейчас исследовательская мысль и где в ближайшее время необходимо ожидать новых научных результатов в учении о мышлении. Говоря об отличительных чертах современного мышления, мы имеем в виду вопрос о знаковой и значимой стороне языка; новые положения об информационном аспекте мышления; характер связи мыслительной деятельности с практикой, в частности соотношение мышления, проблемы и практики; соотношение различных видов познавательной деятельности и связь мышления с мировоззрением; вопросы аксиоматического и других методов научного исследования; соотношение мышления и эксперимента.

Особо стоит вопрос о характере противоречий, возникающих в мышлении.

б) Характер противоречий, возникающих в мышлении

В процессе взаимодействия субъекта и объекта субъект выступает активной стороной. Он воздействует на объект, изменяет его, и в этом процессе возникает мышление как способ теоретического освоения действительности.

Объект, образно говоря, как бы сопротивляется субъекту, не сразу принимает необходимую субъекту человеческую форму; эта неподатливость объекта выражается в том, что мышление не сразу и не полностью постигает объект, а сам процесс познания выступает сложным и противоречивым движением, целью которого является объективная истина. Чтобы овладеть объектом прак-

тически и теоретически, человек с помощью орудий, приборов вмешивается в объективный процесс. Субъект является творцом мышления, а это означает, что мышление и его результаты имеют субъективный характер. С другой стороны, только такое мышление может служить орудием преобразования действительности, содержание которого носит объективный характер. Отсюда главное противоречие в мышлении: субъект должен создать мышление, содержание которого не зависит от него самого. Субъект творит мышление, а оно в своем содержании должно не зависеть от него, быть объективным.

Содержание результатов мышления тем объективнее, чем активнее субъект воздействует на познаваемый объект. Субъект и объект — единство противоположностей. Они едины, поскольку составляют две стороны материального взаимодействия; субъект возникает как продолжение природы, новая качественная ступень ее развития. Но они и противоположны, разнокачественны: субъект, преследуя свои цели, стремится приспособить объект к своим потребностям и изменить его природу соответственно целям общества.

Противоречие между субъектом и объектом разрешается в практике, когда человек переделывает природу, предметы объективного мира по своему образу и подобию, т. е. для своих общественных потребностей и целей, создает орудия производства и предметы потребления, необходимые для функционирования человеческого общества.

Мышление разрешает противоречия между субъектом и объектом в теоретической форме, создавая образ нового объекта, определяя пути движения к нему. Его эффективность в разрешении противоречий между субъектом и объектом зависит от того, насколько оно в своем содержании объективно, полно, глубоко и точно отражает объект со всеми его тенденциями.

Но мышление не только способствует разрешению противоречий между субъектом и объектом. Оно само есть выражение этого противоречия, будучи и субъективным, и объективным.

Субъективность мышления в свою очередь противоречива и играет двоякую роль в его развитии. С одной стороны, наличие субъективного в содержании мышления свидетельствует о его односторонности, неполноте. В этом смысле каждый шаг в движении мышления является устранением субъективного момента в содержании мышления. Но это очищение происходит посредством самого же субъективного — активного вмешательства субъекта, выдвижения им новых теоретических построений, требующих доказательства, проверки. Субъективное (одностороннее, неполное) уничтожается самим же субъективным — активным вмешательством субъекта в объективный процесс, созданием новых субъективных образов объективного мира.

Противоречие в мышлении между субъектом и объектом находит свое выражение в самом понятии истины. Марксизм-ле-

низм признает только одну истину — объективную, т. е. такое мышление, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества. Но объективная истина также и субъективна, она — результат деятельности субъекта, и вне человека и его мышления нет никакой объективной истины.

Мышление, будучи выражением противоречия между субъектом и объектом, непрерывно движется по пути достижения полной объективности своего содержания. Противоречие между субъектом и объектом является главным и ведущим в развитии мышления. Все другие противоречия — между абсолютным и относительным в мышлении, абстрактным и конкретным, вероятным и достоверным и т. п. — так или иначе связаны с ним, вытекают из него, являются его моментом, стороной.

Возьмем, например, противоречие между абсолютным и относительным в мышлении. Абсолютность мышления связана с объективностью его содержания. Мышление абсолютно в той мере и с той его стороны, в какой оно объективно по своему содержанию. Относительность мышления связана с тем, что субъект в определенный конкретный исторический период достигает объективности мышления до определенных пределов, границ. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, — писал В. И. Ленин, — исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»⁷.

Мышление, преодолевая свою относительность, становится все более абсолютным, а это в конечном счете означает, что оно преодолевает субъективность своего содержания, становится все более объективным.

Абстрактное и конкретное в мышлении также связаны с противоречием между субъективным и объективным. Конкретное мышление — это всесторонний охват объекта, абстрактное — односторонний, неполный. Восхождение от абстрактного к конкретному в мышлении означает преодоление субъективного в содержании мышления, достижение подлинной объективности.

Обычно, когда речь идет о противоречиях в мышлении, то последние делятся на два типа; логические противоречия, которые необходимо устранить, и противоречия в мышлении, которые отражают противоречивость самого объекта.

Конечно, такое деление противоречий имеет основание; различать эти два типа противоречий необходимо. Столь же бесспорным является утверждение, что логическую противоречивость необходимо устранять из теоретических рассуждений. Как отмечал В. И. Ленин, «логической противоречивости», — при условии, конечно, правильного логического мышления — не долж-

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 138.

но быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе»⁸. Отличительным признаком логической противоречивости выступает нарушение формально-логического закона противоречия.

В нашей литературе по логике одни авторы строго отделяют логическую противоречивость от других противоречий в мышлении, называемых диалектическими. Другие такого различия не делают, для них всякое противоречие в мышлении есть логическое, оно устанавливает наличие взаимоисключающих определений в теоретическом постижении вещи⁹.

Недостаток обеих концепций заключается в абстрактности постановки вопроса о противоречиях в мышлении, в отрыве их от главного и определяющего — от противоречий между субъектом и объектом.

Нет смысла спорить, следует ли все противоречия в мышлении называть логическими или таковыми считать только противоречия, которые возникают вследствие нарушения формально-логического закона недопустимости противоречий в мышлении. Название в данном случае не имеет принципиального значения. Важно выяснить сущность различных противоречий в мышлении и их роль в движении к объективной истине. А это можно сделать, только связав все противоречия с противоречием между субъектом и объектом в процессе движения мышления.

Возьмем так называемые логические противоречия, для которых характерно нарушение формально-логического закона недопустимости противоречия. Говорят, что эти противоречия нужно устранять из мышления. И это правильно, противоречия нужно разрешать, устранять, иначе не будет движения.

Обнаружение противоречий в мышлении, в теории в частности, способствует развитию мышления независимо от того, какова природа этих противоречий. Если мы имеем дело с противоречиями, возникшими в результате неспособности субъекта отразить объективные противоречия в субъективно непротиворечивой форме, то обнаружение этих противоречий и последующее устранение их двигают наше мышление вперед в достижении объективности содержания. Эти противоречия выступают не только в форме двух противоречивых суждений, которые несовместимы в рамках данной теории, но и в форме двух различных теорий (чаще всего в гипотетической форме), по-разному объясняющих один и тот же процесс. Наличие этих двух диаметрально противоположных теорий об одном и том же предмете свидетельствует о неспособности в настоящее время субъекта постичь природу данного процесса в субъективно непротиворечивой форме. Каждая из этих теорий может быть логически не противоречива и в этом смысле безупречна, но не-

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 91.

⁹ См. Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, стр. 222.

совместима с другой. Субъект сталкивает эти две противоположные теории, обнаруживает противоречия между ними, анализирует их и в процессе этого анализа устанавливает уязвимые места в каждой из них. Устраняя противоречия между двумя теориями, он создает новую теорию, которая точнее и полнее отражает объект. Таким образом, через разрешение противоречий мышление движется по пути объективной истины.

Так, например, было в истории науки с классическими волновой и корпускулярной теориями света в физике. Эти две теории долгое время соперничали, они противоречили друг другу. Анализ каждой из них и их сопоставление поставили вопрос о преодолении ограниченностей этих теорий, создании новых (сначала электромагнитной, а потом квантовой) теорий, в которых противоречивая природа света отражена полнее и глубже.

В процессе анализа какой-либо научной теории можно установить, что противоречивые суждения выражают объективные противоречия, эти суждения совместимы в одной теории, поскольку отражаемые в них свойства, стороны совместимы в одном объекте, их единство в теории отражает единство противоположных свойств в объекте. Установление этих противоречий в теории также движет наше познание вперед, но не путем их устранения, а посредством развития.

Мало фиксировать противоречия в объекте, надо понять их природу, объяснить. Причем их дальнейшее познание приводит к тому, что за ними мышление откроет другие противоречия, лежащие в фундаменте самого объекта. И эти более глубокие противоречия субъект постигнет не сразу, он может при этом впасть в логические противоречия, его теория первоначально может быть логически противоречивой, или он создаст две взаимоисключающие теории (гипотезы), противоречия между которыми будут устранены созданием новой, более совершенной теории.

Таким образом, противоречия в мышлении возникают из противоречия между субъектом и объектом. Логические противоречия также возникают не в стороне, а в ходе разрешения противоречий между субъектом и объектом. Поскольку они мешают мышлению в своем содержании совпасть с объектом, их надо устранять. Их обнаружение, анализ и преодоление — необходимое условие развития мышления, момент в разрешении противоречий между субъектом и объектом.

в) О методе научного мышления

Под методом научного мышления понимается способ, посредством которого наука приходит к объективной истине, создает свои теории, выдвигает идеи. Всякий научный метод основывается на объективных закономерностях, открытых наукой.

Нередко в буржуазных странах под методом мышления понимается та научная процедура, посредством которой субъект добы-

вает научные результаты в той или иной области знания. При этом метод замыкается в кругу субъективного — процедура, выработанная субъектом для его же целей. Научная ценность таких процедур носит якобы чисто прагматический характер — она удобна для субъекта, служит ему, приводит к результатам, которые оправдываются на опыте.

В действительности же научный метод мышления не является произвольной процедурой, он зиждется на строго определенных закономерностях, которые и делают его работоспособным в науке. Задача метода — повести мышление по верному пути в познании объекта, т. е. способствовать достижению таких результатов, которые составляют объективную истину. Истинное мышление в своем содержании должно совпасть с объектом, а для этого оно должно развиваться по законам, содержание которых носит объективный характер. Если метод будет вести мышление по правилам, которые не отражают объективных закономерностей, то он из орудия достижения объективной истины превратится в средство увода мышления в сторону от нее. Функция научного метода — направить движение мышления по законам, отражающим объективный мир, только в таком случае оно полностью сольется с объектом.

Эту функцию метод выполняет в зависимости от того, на каких объективных закономерностях он основывается, как точно и полно их отражает. Если метод отражает фундаментальную закономерность природы, имеющую общий характер, то он может использоваться очень широко для познания различных объектов в разных областях науки.

Методы научного мышления можно разделить на две группы: *философские и специальные. Философский метод вскрывает закономерности развития всякого научного мышления.* Философский метод мышления вскрывает общие закономерности развития научного мышления, он основывается на знании наиболее общих объективных закономерностей.

Философским методом мышления, соответствующим уровню современной науки, является материалистическая диалектика. Как отмечает Ф. Энгельс, диалектика является «...методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»¹⁰. Наука на каждой ступени своего развития может иметь только один философский метод мышления. Причем диалектика является философским методом не только отдельных ученых, разделяющих позиции диалектического материализма, а современной науки в целом. В конечном счете даже ученые, субъективно разделяющие буржуазные предрассудки в отношении материалистической диалектики, вынуждены стихийно в своих исследованиях следовать этому методу, иначе нельзя достигнуть плодотворных результатов в науке.

Диалектическому методу мышления исторически предшествовал метафизический, который в своей классической форме сло-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 528.

жился в XVII—XVIII вв. Диалектика и метафизика — два противоположных философских метода. В свое время метафизика как метод мышления соответствовала уровню развития науки.

Но к концу XVIII и началу XIX в. пробил час метафизическому методу мышления. Открытия естествознания, начиная со второй половины XIX в., наносили сокрушительные удары по метафизике. Метафизический метод мышления потерял свое прежнее значение. «Метафизический способ понимания, — писал Ф. Энгельс, — хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает... того предела, за которым он становится односторонним; ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях...»¹¹ Но поскольку метафизический метод мышления основывается на объективных закономерностях, он сохраняет свое ограниченное значение.

Процесс освобождения науки от метафизического метода очень длителен, ученые не сразу научились мыслить диалектически. Метафизический метод глубоко укоренился в сознании некоторых естествоиспытателей, а буржуазная философия удерживает его, вступая в противоречия с наукой, ридит метафизический метод в современные формы, затушевывая его реакционность.

Абсолютизация законов формальной логики, возникшей в глубокой древности, долгое время выступала как теоретическое обоснование метафизического метода мышления. Для определенного времени это было исторически неизбежным. Это и послужило основанием для Гегеля, а также для Энгельса и вслед за ним В. И. Ленина подвергать критике трактуемую таким образом формальную логику, противопоставлять диалектику формальной логике. Энгельс писал, что даже формальная логика — это прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному и что то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывает узкий горизонт формальной логики и содержит зародыш более широкого мировоззрения.

Прогресс формальной логики был связан с освобождением ее от метафизики, а это осуществлялось посредством превращения формальной логики в самостоятельную, специальную область знания со своим предметом и методом. Этому способствовали сближение формальной логики с математикой, создание и развитие символической логики.

Формальная логика исследует мышление своим методом, который можно назвать *методом формализации* (исследование мышления, его логического строения, логических связей и отношений посредством создания формализмов, построения логических моделей). Формальная логика для исследования мышления с интересующей ее стороны создала определенный аппарат, который сей-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 21.

час весьма развит и состоит из ряда исчислений. Этот аппарат позволяет довольно точно и глубоко проникнуть в структуру логических связей.

Формализация наряду с *экспериментированием* и *моделированием* является довольно широко распространенным методом в современном научном познании. Этот метод, выработанный формальной логикой, применяется и многими другими науками. Он является специальным не потому, что применим только к одной науке. Каждая наука вырабатывает метод применительно к познанию своего предмета, но потом обнаруживается применимость его в других областях науки. Поэтому можно назвать много различных специальных методов, которые применяются в довольно широкой области, ими пользуются самые различные науки как естественные, так и общественные.

Кроме уже названных методов формализации, экспериментирования и моделирования укажем еще на такие общенаучные методы, как *статистический*, *аксиоматический* и некоторые другие.

Философский метод вырабатывается на основе обобщения всей истории познания мира и его практического преобразования. Он обслуживает все отрасли научного знания, служит ключом для понимания процесса развития познания в целом и отдельных объектов. Специальных научных методов существует несколько, и по мере развития науки количество их будет расти. Хотя они применяются во многих, а может быть во всех, науках, но они специальные, ибо основываются на знании не всеобщих законов развития, а закономерностей общего или всеобщего характера, фиксирующих отдельные стороны явлений объективного мира.

Частный специальный метод познания вырабатывается данной наукой и применяется только в ней, поскольку основывается на закономерностях, специфичных для объекта этой науки. Таким, например, является *сравнительно-исторический метод* в языкознании или *метод структурной лингвистики*. Эти методы выработаны языкознанием, и они применимы к изучению языка.

Наконец, науки вырабатывают *частные методики* для исследования и преобразования отдельных объектов. Б. М. Кедров разделяет методы исследования естествознания на общие (касающиеся любого объекта и любой науки вообще), особенные (касающиеся не всего предмета в целом, а определенной его стороны), частные (действующие в каждой отдельной отрасли и связанные со специфическим характером отдельных форм движения материи). При этом автор отмечает, что «... в ходе развития научного познания происходит переход того или иного метода исследования из одной категории (более низкой) в другую (более высокую). Методы частных наук, специально рассчитанные на изучение одной какой-либо формы движения, превращаются постепенно в особенные, а особенные — в общие»¹².

¹² Б. М. Кедров. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962, стр. 41.

Конечно, частные методы могут стать особенными, имеющими общенаучный характер, но ни частный, ни особенный метод не может превратиться в философский метод мышления. Грань между общим и особенным методами относительна, но и абсолютна в том отношении, что философский метод мышления как всеобщий, впитывая в себя все специальные, несводим ни к одному из них и ни к их простой совокупности. Отличие между философским методом мышления и специальным не только количественное, но и качественное. Философский метод основан на всеобщих законах развития, поэтому он и относится ко всем предметам, объективному миру в целом.

Современные буржуазные философы пытаются превратить какой-либо специальный метод в философский, при этом, как правило, берется не частный метод (или методика), а какой-либо специальный общенаучный метод. Причем тот факт, что этот метод применяется во многих науках, выдается за основание для превращения его в философский метод. В частности, таким путем абсолютизируется формализация знания и делается попытка превратить его в единственный метод изучения мышления. Эта абсолютизация метода формализации приводит к метафизике, при этом формальную логику хотят сделать единственной наукой о мышлении.

Материалистическая диалектика определяет место всех других методов в процессе движения человеческого мышления к истине. Она не абсолютизирует ни одного из них, признавая правомерность каждого в определенных пределах. Так, метод формализации можно в принципе применять в познании любого объекта, но только с его помощью нельзя изучить весь объект и все в нем. В той или иной мере можно формализовать любую научную теорию, но каждая формализация ведет к потере некоторого содержания.

Материалистическая диалектика не абсолютизирует как метод мышления и самое себя. Диалектика абсолютна только в том смысле, что нет другого философского метода мышления, который бы соответствовал современному уровню развития познания и общественной практики. Но диалектика не единственный метод мышления, она предполагает довольно развитую систему специальных общенаучных, частных методов и различных методик. Без этой системы различных методов не могла бы возникнуть и функционировать диалектика, которая питается этими методами и в свою очередь питает их.

Таким образом, материалистическая диалектика является философским методом мышления. Формальная логика выработала метод формализации, который сейчас выступает специальным общенаучным методом мышления, имеющим большое значение в современном научном познании.

3. ПОНЯТИЕ МЫШЛЕНИЯ И КИБЕРНЕТИКА

Развитие науки ставит перед философией ряд важных проблем, связанных с углублением, конкретизацией основных понятий, категорий диалектического материализма. В нашей литературе уже давно и с определенным успехом разрабатываются философские вопросы современной физики, гносеологически обобщаются результаты квантовой механики, теории относительности и других физических открытий. Может быть, не в такой мере, но анализируются с философской стороны и открытия в биологии, химии, астрономии и т. п.

В последнее время внимание философской мысли приковывается к новой перспективной области научного знания — кибернетике, развитие которой настойчиво ставит вопрос о новых гносеологических выводах. Эти выводы уже давно делаются многими буржуазными мыслителями, причем такие, которые противостоят действительным результатам этой науки. Задача марксистов состоит в том, чтобы сделать гносеологические обобщения результатов кибернетики, которые бы строго логически вытекали из ее действительных законов и фактов. Причем главное здесь заключается не в том, чтобы философски правильно объяснить тот или иной факт кибернетики. Это могут и должны сделать сами естественники, подавляющее большинство которых у нас давно осознало необходимость диалектико-материалистического объяснения законов и фактов науки. Философы-марксисты должны идти дальше. Анализ новых фактов и законов, в частности открываемых кибернетикой, с неизбежностью требует усовершенствования аппарата философской науки — ее законов и категорий, приведения в соответствие этих категорий и законов с результатами современной науки.

Кибернетика дает большой фактический материал для развития и конкретизации многих положений диалектического материализма, в частности учения о формах движения материи и их взаимосвязи, о материальном единстве мира, об отражении как свойстве, лежащем в фундаменте материи.

До сих пор диалектико-материалистическое понимание мышления опиралось на обобщение данных психологии, физиологии высшей нервной деятельности, языкознания. Но теперь обнаружи-

вастью, что существенное значение в понимании сущности и особенностей мышления приобретает и кибернетика, которая кажется на первый взгляд удаленной от мышления. Данные кибернетики позволяют поставить вопрос о более конкретном и развитом понятии мышления, которое необходимо для развития ряда наук, в том числе и самой кибернетики.

а) Человек как субъект мышления

Категория мышления наряду с категорией материи относится к фундаментальным понятиям диалектического материализма, от ее правильного понимания зависит решение многих кардинальных проблем как самой философии, так и естественных наук. Задача состоит не в получении сводных данных о мышлении из различных отраслей науки, а в разработке философского понятия, вскрывающего природу мышления в его отношении к материи. Философское понятие мышления служит методом в изучении различных сторон мышления специальными науками.

Определить природу мышления — это не значит только ответить на вопрос, материально оно или идеально. Мышление — многосторонний процесс. Определение его как идеального образа вскрывает только одну сторону — отношение результата мышления к тому предмету, который отражен в нем. Когда мы анализируем мышление с гносеологической стороны, то ни у одного марксиста не может быть сомнения, что познавательный образ, который дает нам мышление, относится к отраженному в нем предмету как идеальное к материальному. Материальное и идеальное составляют единство противоположностей. Их противоположность абсолютна в пределах гносеологии, ибо образ предмета как идеальное сам никогда не может обладать свойствами отражаемого в нем предмета; он способен только с большей или меньшей точностью и полнотой отражать их. Но за пределами гносеологии «оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»¹. Развитие естественных наук, в частности физиологии высшей нервной деятельности и кибернетики, показывает относительность противопоставления физического и психического за пределами гносеологии.

Для философского понимания сущности мышления огромное значение приобретает установление природы субъекта, который мыслит. Мышление возникает в результате взаимодействия субъекта и объекта.

Ошибочным является отождествление субъекта с идеальным, а взаимодействия субъекта и объекта — с отношением идеального к материальному. Идеализм сводит субъект к мышлению, к «я». Предшествующий марксизму материализм, в частности фейер-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 259.

баховский, правильно считал, что мышление не субъект, а предикат, свойство субъекта, которым является материальное существо, человек как часть природы. Но эта форма материализма не раскрывала особенностей человека как субъекта мышления, его общественной природы.

Диалектический материализм под субъектом понимает человека не только с его плотью, кровью, мозгом, но и со всеми орудиями производства, общественными отношениями, в которых он находится с другими людьми. Поэтому истинным субъектом познания и практической деятельности выступает не человек как индивидум, а человечество на той или иной ступени своего общественного развития. Конечно, человечество как всеобщее существо существует только в отдельном (в отдельных людях), но и отдельное (каждый человек) включает в себя всеобщее, которое реально существует в отдельном. Мышление присуще субъекту как общественному существу.

С естественной, природной стороны мышление выступает как свойство мозга, высокоорганизованной материи. Категории психического и физиологического отражают отношение мышления к мозгу, психическое есть свойство физиологического (мышление — функция мозга). Как известно, свойство — это проявление качества предмета в его отношении к другим предметам в процессе их взаимодействия. Мозг при взаимодействии с предметами внешнего мира проявляет свои свойства, одним из которых является мышление, качественно отличное от всех других свойств его.

Мышление как свойство материи имеет много общего с другими ее свойствами. Обычно подчеркивается специфичность, качественное своеобразие этого свойства материи в отличие от других ее свойств, и это правильно. Но не следует забывать об общности всех свойств материи, на которой основывается принцип материального единства мира.

Мышление, как и любое другое свойство, возникает в результате материального взаимодействия, вне которого не существует ни одного свойства и состояния материи. Ф. Энгельс писал: *«Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... Так естествознанием подтверждается то, что говорит Гегель... — что взаимодействие является истинной causa finalis (конечной причиной. — Ред.) вещей»*². Специфика мышления как свойства материи определяется качественным своеобразием вступающих во взаимодействие систем (субъекта и объекта), но у этого взаимодействия имеется много существенно общего с любым материальным взаимодействием. Это общее выделено В. И. Лениным и определено как способность отражения, лежащая в «фундаменте самого здания материи».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 546.

В конкретизации положения В. И. Ленина о способности отражения, присущей всей материи, большое значение имеет такое понятие кибернетики, как информация. Мышление связано с созданием, передачей и преобразованием информации, но процесс передачи и преобразования информации происходит не только в мыслящем мозгу, а и в других системах, например в электронных счетных машинах.

Общность мышления со способностью отражения, являющейся свойством всех видов и форм материи, служит объективной основой моделирования процесса мышления. Не может быть никакого сомнения в возможности и целесообразности построения физических моделей мозга. Изучение функционирования «электронного мозга» имеет не только естественнонаучное и техническое, но и философское значение. Оно дает необходимый фактический материал для подтверждения мысли В. И. Ленина, что способность отражения, лежащая в фундаменте самого здания материи, сходна с ощущением, которое в ясно выраженной форме связано с деятельностью высокоорганизованной органической материи. Выдвигая это положение, В. И. Ленин пишет: «...На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»³.

Кибернетика путем моделирования высшей нервной деятельности делает определенный шаг вперед в решении поставленной материализмом проблемы. Она устанавливает родство способности отражения, присущей всей материи, с ощущением и даже мышлением. Результаты кибернетических исследований показывают, что способность отражения у неорганической материи из логического предположения, как она выступала у В. И. Ленина, становится научным фактом, подлежащим экспериментальному исследованию. Наука сделала еще только первые шаги, но уже сейчас мы видим огромные перспективы, которые ее ожидают на этом пути.

Некоторые физиологи выступают против установления сходства между условнорефлекторной деятельностью человеческого и «электронного мозга», видя в этом механицизм. Однако мыслитель, разделяющий положения В. И. Ленина о наличии способности отражения у любой формы материи, должен воспринимать этот факт науки как триумф диалектического материализма. Можно понять французского физиолога П. Косса, когда он стремится вырыть пропасть между мышлением и другими свойствами материи, ибо для него как неотомиста мышление является деятель-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 40.

постью, порожденной сверхъестественным существом. Но для физиологии, занимающей материалистические позиции, родство между мышлением и другими свойствами материи должно выступать как само собой разумеющееся, вытекающее из двух фундаментальных принципов материалистической диалектики — материального единства мира и развития. Мышление является высшей ступенью в развитии способности отражения, присущей всей материи.

Но подчеркивание родства, сходства мышления с другими свойствами материи — это только одна сторона дела, абсолютизация которой может действительно привести к механицизму, а через него и к идеализму. Не менее важной является другая сторона — качественное своеобразие мышления как свойства материи, о котором ни в коем случае нельзя забывать, когда речь идет о сравнении человеческого мозга с электронным. Посредством создания физических моделей мозга можно изучать мышление в той мере и в такой степени, в какой оно сходно с другими свойствами материи. Ф. Энгельс писал: «Мы, несомненно, «сведём» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»⁴

Между действительным процессом мышления и его физической моделью существует такая же дистанция, как между общественной формой движения материи и физической. Чтобы мыслить, материя должна жить не только биологически, но и социально.

В интересной книге З. Ровенского, А. Умова, Е. Умовой «Машина и мысль» утверждается, что искусственный мозг функционировал бы как естественный, если бы его элементы обладали свойствами нейронов. «...Чтобы создать машину,— пишут авторы,— функционирующую, как мозг, нужно сделать ее из вещества, которое обладает этими свойствами,— не из электронных ламп или полупроводниковых элементов, а из высокоорганизованных белковых соединений, какие образуют естественный мозг»⁵. Конечно, различие между электронными лампами или полупроводниковыми элементами и нейронами, из которых состоит человеческий мозг, огромно. Это различие игнорировать нельзя. Но предположим, что в биохимической лаборатории получено вещество, которое тождественно нейронам. Будет ли оно мыслить? Можно твердо сказать, что нет, ибо мышление — это не только свойство высокоорганизованной материи, но и продукт общественной истории. Никакое вещество, обладающее самой сложной биологической структурой, не является субъектом практической деятельности и мышления. Мышление возникает только тогда, когда биологическое существо становится социальным, всту-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 563.

⁵ З. Ровенский, А. Умов, Е. Умова. Машина и мысль. М., 1960, стр. 139.

пает в новое отношение к природе (преобразует ее) и к другим подобным существам.

Поэтому изучение процесса мышления путем создания физических моделей мозга весьма ценно, но только в одном отношении — в смысле установления того общего, что есть у мышления со способностью отражения, которая лежит в фундаменте самого здания материи. Однако оно останавливается там, где, в сущности, начинается мысль как результат взаимодействия субъекта и объекта. Диалектика взаимоотношения субъекта и объекта — основа для понимания особенностей, качественного своеобразия мышления. Почему на одном уровне общественного развития человечество так мыслило, до такой степени точности и полноты отражало действительность, а на другом его мышление имело иное содержание? Ответ на этот вопрос нельзя получить путем анализа структуры человеческого мозга, обнаружения изменений количества и качества его нейронов. Он лежит совершенно в иной плоскости, поскольку мышление является специфической формой духовной деятельности человека, результатом которой выступает образование понятий, теорий, идей.

Карл Маркс называл мышление духовным производством, которое было «первоначально непосредственно впитано в материальную деятельность и в материальное общение людей...»⁶. Мышление как процесс духовной деятельности своей задачей имеет получение новых результатов, создание такого познавательного образа, который глубоко и всесторонне отражает предмет. Знание диалектики взаимоотношения субъекта и объекта в процессе практики и познания — ключ к пониманию сущности мышления, закономерностей его движения по пути к объективной истине. Мышление не разъединяет субъект с объектом (человека и природу), а соединяет их посредством создания субъективного образа объективного мира.

Субъективность мышления состоит прежде всего в том, что мышление всегда принадлежит человеку как субъекту. Нет объективного мышления, которое бы не было связано с деятельностью субъекта, человека. Объективное мышление, существующее до и независимо от человека, — фикция, созданная объективным идеализмом. Тайна этой спекуляции идеалистической философии состоит в отрыве мышления от его носителя (субъекта) и объективного источника (природы), в превращении мышления в нечто самостоятельное, абсолютное.

Далее, результатом мышления является создание не самого предмета как такового со всеми его свойствами, а идеального образа предмета. В мышлении мы всегда имеем дело не с самим предметом, а с его образом.

Наконец, объект в мышлении отражается с различной степенью полноты, адекватности, глубины проникновения в его сущ-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 24.

ность. Мышление не исключает односторонности в отражении предмета, отрывает мысли от действительности, искажения в образе самого предмета. В каком виде существует предмет в мышлении, это зависит от субъекта, в частности от положения человека в обществе. Как отмечал В. И. Ленин, рассматривая отношение субъекта к объекту в логике, необходимо принимать во внимание и общие посылки бытия конкретного субъекта (= жизнь человека) в объективной обстановке.

Уровень общественных отношений определяет характер мышления данной эпохи. Вне анализа общественной жизни, ее противоречий невозможно понять, почему объективный мир отражается так, в такой форме и до такой степени полноты и глубины.

Мышление не может быть чем-либо иным, кроме как *субъективным образом объективного мира*. Оно не может выйти за пределы субъективности в том отношении, что всегда принадлежит субъекту — общественному человеку — и всегда создает только образ объективного предмета, а не сам объективный предмет со всеми его свойствами. Развитие мышления идет по пути создания такого образа, который бы полно и точно отражал предмет.

В ходе развития познания человек все активнее вмешивается в процесс, который служит объектом познания. Человек вообще познает объективный мир постольку, поскольку он воздействует на него. Активность субъекта в процессе мышления, которая непрерывно возрастает, выступает в различных формах. Прежде всего мышление даже в самой своей наипростейшей форме носит категориальный характер. Без категорий, как отмечал Ф. Энгельс, человек не сможет связать в мысли двух фактов.

Далее, человечество подходит к исследованию познаваемого предмета с серией аппаратов, приборов, приспособлений, с помощью которых оно вмешивается в процесс, изучает воздействие его на созданные приборы, приспособления и т. п. Трудно представить себе современное научное мышление без многочисленных аппаратов, приборов, которыми субъект активно воздействует на объективный процесс и познает его. Эти приборы созданы человеком на основе определенных идей, теорий, и они, конечно, не тождественны исследуемому процессу и не составляют его части. Например, между камерой Вильсона или счетчиком Гейгера, с одной стороны, и «элементарными» частицами — с другой, нет совпадения, первые не являясь частью вторых.

Наконец, мышление как духовная деятельность является целенаправленным, поскольку человек в процессе мышления ставит определенные цели, вытекающие из потребностей его общественной жизни.

Все это — категориальность мышления, использование в процессе мышления созданных самим человеком приборов, аппаратов, целенаправленный характер самого процесса мышления —

свидетельство активности субъекта. Прогресс мышления связан с возрастанием роли всех этих моментов: оно становится все целесообразнее, оснащенное всевозможными техническими средствами; предшествующие понятия, категории, теории становятся все более развитыми, и их значение повышается в процессе движения мышления.

Возникает вопрос: а не становится ли мышление в связи с этим все более субъективным, отходящим от познаваемого объекта? Такое истолкование повышения активности субъекта в познании имело место в истории философии, с ним приходится сталкиваться и сейчас. Так, например, априоризм и субъективизм гносеологии Канта одним из своих источников имели извращенное, одностороннее истолкование роли категорий в процессе мышления, а именно категориальный характер мышления служил аргументом для его отрыва от внешнего мира, вещей в себе. В современной буржуазной философии существует специальный, так называемый приборный, идеализм, который спекулирует на активной роли прибора (а в действительности сконструировавшего его человека) в познании объективного мира. Что же касается целесообразности процесса мышления, то она на всем протяжении истории философии у идеалистов служила аргументом в доказательстве независимости, автономности мышления по отношению к объективному миру.

В действительности же повышение активности субъекта в процессе познания является непрямым условием движения мышления по пути обнаружения объективно существующих свойств, закономерностей. Пассивное созерцание субъектом объекта дает знание неглубокое, поверхностное, субъективное не только по форме, но и по содержанию, а точнее, вообще дает не знание, а субъективное мнение. Диалектика развития мышления такова, что объективная истина достигается мышлением при активной роли субъекта, а в этом смысле знание тем объективнее по своему содержанию, чем оно субъективнее по форме, чем активнее субъект вмешивается в изучаемые им процессы. Категории, теории, с которыми субъект приступает к познанию, потому являются средством обнаружения собственной природы предмета, что сами имеют объективное содержание. И только в силу этого содержания они становятся методом движения мышления к достижению новых понятий, теорий, в которых предмет отражается конкретнее и объективнее.

б) «Машинное мышление» — орудие дальнейшего развития мышления

Общая характеристика мышления создает необходимые предпосылки для определения сущности так называемого «машинного мышления» и его отношения к подлинному, человеческому мышлению. Достижение ясности в этом вопросе имеет большое

значение не только в борьбе с идеалистическими спекуляциями, которые возникают на здоровом теле кибернетики, но и для положительного развития этой новой области науки.

Вопрос о том, мыслит машина или нет, может возникнуть только в умах, склонных либо к спекуляциям, либо к сенсациям в теории. Настоящая же научная проблема состоит совсем в ином: в выяснении того, как относится «машинное мышление» к подлинному человеческому мышлению, какое место оно занимает в теоретическом и практическом освоении человеком действительности, с какой целью и на какой основе оно возникает?

Ранее мы уже установили, что занимается производственной деятельностью, чувствует и мыслит человек, создавая орудия, являющиеся продуктом его практической и теоретической деятельности. Наблюдает глаз человека, а мыслит его мозг. Единственным субъектом мышления является человек, вооруженный всеми средствами, которыми он располагает на данном уровне своего развития. Сюда входят, несомненно, не только мозг, но и все орудия производства, машины, приборы, с помощью которых человек преобразует и познает мир. Электронные счетные машины в данном случае не составляют никакого исключения. Всякое орудие производства продолжает и усиливает естественные органы человека, возможности которых ограничены. Специфическая особенность электронных счетных машин состоит в том, что они продолжают и усиливают мозг человека, являются орудиями не физического, а умственного труда его. Роем землю, наблюдает человек, а не экскаватор и телескоп, мыслит тоже только человек, а не электронная машина. Но подобно тому как для современного физического труда характерно широкое использование сложнейших орудий, машин, так и умственный труд в условиях развитой цивилизации, высокой науки и техники оснащается орудиями, которые непосредственно (опосредованно все орудия этому способствуют) помогают человеку мыслить. Этим орудиям переданы некоторые функции, которые ранее в процессе мышления выполнял человек без них.

Сама счетная машина опосредована мышлением и общественной практикой, ибо является результатом прогресса науки и техники людей; в машине материализуются результаты человеческого мышления. Появятся новые научные теории, возникнут и новые машины, которые будут выполнять новые функции, станут еще более тонким средством проникновения человека в тайны природы и самого процесса мышления. Ограничивать прогресс развития машинной техники, имитирующей какую-то часть процесса мышления, — значит ставить границы, пределы развитию общественной практики человека и его мышлению.

Когда счетная машина как продукт практической деятельности и мышления человека отделяется от своего субъекта и противопоставляется ему как внешняя, самостоятельная, чуждая

сила, возникает представление, что машина сама действует и мыслит. Отчуждение «думающей машины» как продукта человеческого труда от самого человека и превращение ее в самостоятельный субъект мысли является источником всевозможных спекуляций о замене мышления человека более совершенным «машинным мышлением», о господстве машины над человеком, о «машинном обществе» без людей и т. п. Социальным источником подобных спекуляций является отделение в классовом обществе человека от предмета труда и акта производства.

Электронная счетная машина, будучи продуктом практической и теоретической деятельности человека, выступает средством, орудием движения мышления. Субъектом мышления является человек, который вступает во взаимодействие с объектом, вооруженный всем предшествующим опытом познания, зафиксированным в категориях, теориях и во всевозможных орудиях, аппаратах, куда входят и современные электронные машины.

Функция машин в процессе мышления имеет свои специфические особенности. В машине овеществлены, опредмечены результаты предшествующей теоретической деятельности человека, познанные закономерности, созданные ранее теории. Известно, что движение мышления на основе его внутренней логики может происходить либо в пределах ранее образовавшихся понятий, теорий, т. е. по существу без достижения принципиально новых результатов, либо выходя за пределы прежних понятий, создавая новые теоретические построения. Только во втором случае происходит действительное развитие мышления, получение новых результатов, что составляет познавательную сущность мышления. Воплощая в машине результаты мышления, можно воспроизвести в ней некоторую его часть, связанную с движением мышления внутри определенной теории, с получением следствий из нее. Этот процесс следования одного из другого в пределах какого-то теоретического построения протекает в машине относительно независимо от человека и мышления, его производит сама машина по заданной схеме или целой совокупности их.

Чтобы передать часть функций в процессе мышления машине, необходимо формализовать знание, выразить содержательное мышление в формах, которые можно подвергать формальным преобразованиям по заданным правилам. Причем на поверхности это формализованное знание должно выступать в виде системы материальных чувственных знаков, то есть своеобразного искусственного языка. Поэтому формализация знания, выражение содержательного мышления в логических формализмах или исчислениях, приобретает сейчас огромное значение. От ее успехов зависит в некоторой мере прогресс мышления.

Современное научное мышление имеет ряд особенностей, отличающих его от мышления предшествующих эпох. Это отличие состоит прежде всего в содержании. Более зрелая и развитая практика порождает соответственно и более совершенное мышле-

ние, способное точнее, адекватнее и глубже отразить явления внешнего мира. Практика вводит в сферу мышления новые предметы, стороны, закономерности, которые ранее не были объектом человеческого познания.

Это изменение в содержании мышления привело ко многим другим, в том числе и формальным, структурным преобразованиям в нем. Современное мышление все больше удаляется от чувственной конкретности, становится менее эмпиричным, выступая как совокупность многочисленных абстракций, достигающих высокой степени отвлечения от чувственно воспринимаемых свойств предмета. Если научное мышление в XVIII и XIX вв. было по преимуществу эмпирическим, то сейчас оно приобретает действительно теоретическую форму. Это, конечно, не означает, что оно теряет связь с опытом и становится независимым от него. Наоборот, связь с опытом становится более тесной, но меняется ее характер. Во-первых, сам опыт сейчас существенно отличен от опыта, когда наука только возникала; он все больше опосредуется предшествующими теоретическими построениями, является их закреплением и трамплином для выдвижения новых теорий. Во-вторых, не один лишь опыт является источником нового знания. Мышление, следуя внутренней логике своего развития, приходит к таким результатам, которые не только не были ранее установлены в опыте, но и принципиально недоступны непосредственному воспроизведению в нем. Мышление обгоняет опыт, определяя пути его развития. Взаимодействие опыта и мышления достигло такого уровня, когда активность, относительная самостоятельность мышления возросла, мышление в большей степени стало руководить опытом и намного его опережать.

Показателем зрелости современного мышления является также то, что оно все в большей мере занимается осознанием самого себя, своих результатов.

Наконец, особенностью современного мышления является его большая мобильность, подвижность, быстрая смена теорий, гипотез. Эта текучесть теорий — свидетельство не их несовершенства, а зрелости современного научного мышления, которое не довольствуется достигнутыми результатами и быстро движется вперед.

Развитие мышления идет по двум связанным между собой путям. Во-первых, на основе обобщения результатов познания, опытных данных происходит процесс образования новых понятий, теорий. Это генеральная линия развития научного мышления, целью которого является открытие новых закономерностей объективного мира. Во-вторых, мышление стремится все глубже познать законы своего собственного движения, используя это знание для своего прогресса.

Одним из путей осознания мышлением самого себя является изучение способов и средств формализации уже достигнутого знания, применение логических формализмов к различным областям знания, исследование возможностей решения встающих перед

мышлением задач средствами формализмов, создание алгоритмов, которые могут быть осуществлены машиной.

Эта вторая линия развития научного мышления выступает относительно самостоятельной, но подчинена в конечном счете первой и зависит от нее. Так, формализация научного знания дает возможность формальным способом решать отдельные задачи, передать ряд функций, выполняемых в процессе мышления, машине, что ускоряет процесс развития мышления, достижения им новых результатов. С другой стороны, возникновение новых понятий, теорий о науке создает возможность идти дальше в формализации предшествующего знания, в создании алгоритмов. Прогресс научного знания ведет к тому, что расширяются возможности формализации, все большее количество задач человек начинает решать с помощью машины. Всякие попытки сейчас априорно решить, в каких областях возможно использовать машины для решения задач, стоящих перед мышлением, ни к каким положительным результатам не могут привести, поскольку «машинное мышление» с прогрессом знания и техники будет применяться ко все новым областям, где ранее знание не было в достаточной степени формализовано.

«Машинное мышление» имеет неограниченные возможности для своего развития, но не как какое-то самостоятельное мышление, оторванное от человеческого, а как его подчиненный момент, сторона. «Думающие машины» будут вторгаться в самые различные сферы нашей духовной деятельности, их дальнейшее развитие является одной из характерных особенностей современного научного мышления. Но какими бы «умными» они ни были, они останутся только материальным средством теоретической деятельности человека. Человек все большее число функций, выполняемых им в процессе мышления, будет передавать машине, оставив за собою главную,— само мышление как духовное производство, создание научных понятий, теорий, идей, в которых отражаются закономерности объективного мира.

4. АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАК ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

а) Проблема: язык и мышление

Термин «язык» относится к числу тех, которые в современной научной литературе употребляются во многих значениях. И, конечно, можно произвести с определенной пользой семантический анализ самого термина «язык», чтобы выявить все значения, в которых он употребляется сейчас. Однако это — не задача философии, хотя современная философия более чем когда-либо занимается проблемами языка.

Философия, проникая в сущность познающего мышления, не могла пройти мимо языка, являющегося непосредственной реальностью мысли. Аристотель был одним из первых философов, который сделал язык исходным моментом в анализе мышления, познающего объективный мир. И действительно, на поверхности мышление выступает как речение. Поэтому для Аристотеля суждение — это высказывание, утверждающее или отрицающее что-нибудь о чем-нибудь. Само суждение распадается на термины, а категории — на высшие роды высказываний.

Но Аристотель велик не только тем, что он связал анализ мышления с языком; не менее важно, что он никогда не забывал при этом об отнесенности высказываний, слов и предложений к объективной реальности, к миру вещей и процессов. При чем познание, как это Аристотель отмечал в первой главе второй книги «Второй аналитики», всегда ведет свой поиск в четырех направлениях: «... Что <вещь> есть <такая-то>, почему <она> есть, есть ли <она> и что <она> есть»¹.

Крупнейшие мыслители после Аристотеля продолжали эту его традицию связи языка с мышлением, направленным на познание мира вещей. Правда, философская и логическая мысль двигалась в этом направлении, преодолевая ошибочные односторонние концепции, абсолютизировавшие отдельные моменты сложной взаимосвязи языка и мышления.

Конечно, в каком-то смысле язык можно рассматривать как некоторую в самой себе замкнутую сферу, в которой устанавливаются свои взаимоотношения между образующими ее элементами. Такой подход наметился очень давно, уже в античной

¹ Аристотель. Аналитики. Л., 1952, стр. 249.

философии, в частности у стоиков мы встречаемся с его зачатками. Гоббс, Локк, Лейбниц и другие мыслители нового времени видели в языке прежде всего систему знаков и пытались выяснить с этой стороны его природу. Плодотворность этого метода особенно стала ясна в конце XIX и в XX столетии, когда развивающаяся наука поставила перед логикой ряд новых проблем и со всей очевидностью обнаружили недостатки логического аппарата, созданного Аристотелем и его последователями. В связи с этим стал интенсивно развиваться метод анализа знания путем создания искусственных формализованных языков. Согласно этому методу, называемому Чёрчем логическим, знание — язык, искусственно созданный, формализованный, «словарь... языка задается тем, что записываются единые символы, которые будут употребляться. Они называются *исходными символами* языка и должны предполагаться неделимыми... Конечная линейная последовательность исходных символов называется *формулой*. По определенным правилам из числа всех формул выделяются *правильно построенные формулы*... После этого некоторые из числа правильно построенных формул объявляются *аксиомами*. И, наконец, устанавливаются (исходные) *правила вывода* (или *правила действий*, или *правила преобразований*), по которым из соответствующих правильно построенных формул как из *посылок непосредственно выводится* или *непосредственно следует* как *заключение* некоторая правильно построенная формула»².

По этому образу построены все формально-логические исчисления, по нему же будут строиться и новые. Меняются только знаки, правила формирования из них предложений, исходные аксиомы и правила перехода от одних предложений к другим.

Эта идеальная модель построения знания, иными словами, созданный искусственно формализованный язык является в подлинном смысле каноном мышления, служащим методом анализа реально достигнутого знания, эту модель мы как бы накладываем на результаты реального знания и пытаемся, с одной стороны, осознать его с точки зрения этой модели и построить в соответствии с ней. Логический анализ теоретического знания на основе этого метода дал большие результаты как для развития теоретического познания, так и для практики, в частности для решения задач передачи некоторых функций человеческого мышления машине. Кибернетика была бы невозможна без создания метода анализа знания на основе создания искусственных формализованных языков. На базе этого метода можно проанализировать имеющееся знание и соответствующим образом перестроить его, выразить по возможности в строго формализованной системе. Он способствует и достижению нового знания, поскольку данный анализ может обнаружить некоторые недостающие элементы, звенья, необходимые для построения формализован-

² А. Чёрч. Введение в математическую логику, т. 1. М., 1960, стр. 49.

ной теоретической системы и направить человеческую мысль на их поиски. Поэтому неверно представление, что метод формальной логики совсем не способствует движению знания к новым результатам. Он, конечно, прежде всего метод построения и доказательства теоретического знания, но в определенных пределах он имеет и эвристическое значение.

Как всякий другой, метод построения формализованных систем имеет свои границы. В математике и в других областях знания теоретические системы формализуются в соответствии с этой моделью. Но, например, уже аксиоматизация систем теоретической физики встречается с определенными трудностями, и если возможна, то не в том виде, как это предписывает метод создания систем теоретического знания — современная формальная логика. Конечно, мы не исключаем возможности и даже необходимости большой работы в направлении построения формализованных систем в различных областях современной науки, вплоть до создания алгоритмов, по которым могут работать машины.

Но может ли логика ограничиться тем, что будет самым совершенным каноном мышления, т. е. создавать формализованные языки, под которые можно подгонять результаты познания, извлекать из них возможные следствия?

Не лишен оснований и более общий вопрос: а изучает ли она мышление вообще. Так, например, Я. Лукасевич пишет: «Однако неверно, что логика — наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим или как мы должны мыслить, — не предмет логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая относится к области практического искусства, наподобие мнемоники. Логика имеет дело с мышлением не более чем математика»³. К ответу на этот вопрос нужно подходить, несомненно, точнее, чем Лукасевич. В том виде, в каком сформировался сейчас метод логического анализа, он своим предметом имеет язык. И здесь мы согласны с Я. Лукасевичем, когда он утверждает, что и мысли других людей, и наши собственные мысли, не будучи оформлены в словах, непостижимы для нас; что любая научная истина, чтобы быть удостоверенной и воспринятой, должна быть воплощена в общепонятную форму; что стремление современной формальной логики к возможно большей точности осуществимо лишь с помощью точного языка, необходимого любой науке⁴.

Если Я. Лукасевич признает все это бесспорной истиной, то непонятно, почему он отказывает логике в изучении мышления. Ведь мышление существует реально, практически, принимая определенную чувственно-воспринимаемую форму знаков, языка,

³ Я. Лукасевич. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 52.

в котором эти внутренние формы, образы вещей связываются с предметами определенного вида (звуками, графическими изображениями и т. п.).

Если бы знание не было языком, им нельзя было бы оперировать в обществе. Предмета, образ которого знание создает, нет, один человек не может передать другому еще не сделанный топор, план которого у него имеется в голове, но он может передать ему этот план, если он принял чувственно-воспринимаемую форму. Человек — предметное существо и действует только предметным образом, знания приобретают предметный характер, становясь языком.

Понятие языка в современной литературе приобрело очень широкое значение и далеко выходит за пределы того, что обычно разумеют под языком, когда говорят о родном языке, противопоставляя его иностранным. Действительно, теперь уже никого не удивляет выражение Нильса Бора, сказавшего, что математика — это больше чем наука, это — язык науки. Но не только математика, а любая другая наука является языком. Особенность математики в данном случае состоит в том, что она становится универсальным языком науки.

Самым общим определением языка, охватывающим как так называемые обычные, или естественные, языки, оперирующие словами и предложениями, так и искусственные языки наук со специальной символикой, может быть следующее: язык — форма существования знания в виде системы знаков. Отсюда и само знание всегда выступает в виде какого-то языка.

Знание, будучи языковой системой, образует свой своеобразный мир, имеющий определенную структуру, включающую в себя связь между элементами, ее образующими, по известным правилам. Эта система имеет свои законы построения и функционирования, она непрерывно обогащается новыми элементами, меняет свою структуру и т. п. Причем законы функционирования этой системы относительно самостоятельны и не связаны непосредственно с вещами и процессами объективной реальности и их отображениями в голове человека.

Бесплодно, вырвав какой-нибудь элемент этой системы, пытаться решить вопрос об изоморфизме его структуры и структуры вещей и процессов. Он приобретает смысл и значение только в системе, занимая в ней место, т. е. в той форме человеческой деятельности, посредством которой целесообразно практически преобразуются вещи и процессы объективной реальности. Сравнение элемента языковой системы и его структуры с явлением объективной реальности и решение, таким образом, вопроса об его соответствии или, как еще говорят, истинности невозможно. Взятая сама по себе вне ее отношения к задачам чувственно-материальной практической деятельности, ни одна языковая система по существу не является знанием, а потому бессмысленно ставить вопрос об ее истинности или ложности.

Логический синтаксис, семантика изучают язык как систему знаков, но одновременно являются формами анализа мышления. Логический синтаксис формулирует правила построения и преобразования выражений формализованных языков без учета выражаемого ими содержания; логическая семантика анализирует искусственные языковые системы со стороны установления значений их элементов. Чтобы перевести абстрактные символы на язык содержательного знания, необходимо отыскать объекты, которые они обозначают. Поэтому проблема заключается не в том, изучают ли логический синтаксис и семантика мышление, а в том, как они его изучают, можно ли созданными ими методами охватить все стороны мышления.

Конечно, мышление — объект исследования не только логики, но и других современных научных дисциплин, в частности психологии. Область логики в изучении мышления легко может быть отделена от сферы психологии в нем. Логика видит в мышлении знание и изучает его именно с этой стороны. Но здесь возникает один вопрос: может ли сама логика ограничиться в изучении знания только методами, которые дает логический синтаксис и логическая семантика, могут ли они охватить все существенное в знании и в его развитии?

б) Проблема: знание и язык

Вспомним некоторые из основных особенностей знания. Первое определение знания, которое фиксирует его место в процессе общественной жизни людей, можно сформулировать так. Знание — необходимый элемент и предпосылка практической деятельности человека. Труд человека предполагает существование знания. Функция труда состоит в создании человеком мира вещей, которые бы удовлетворяли его человеческие потребности. Через труд человек становится бесконечным и универсальным существом, способным посредством своей созидательной деятельности породить новый мир вещей, соответствующий его сущности.

Труд — это практическое овладение явлениями, процессами природы, в результате которого создаются новые вещи, необходимые для существования человечества. Знание — это тоже овладение необходимым человеку предметом, однако, в отличие от труда, оно является только теоретическим, а не практическим овладением объектом. Знание дает не сам предмет, а идею предмета и способ его практического получения. Теоретическое овладение предметом является предпосылкой получения его в практике. Здесь и приходят на память слова К. Маркса об отличии человеческого труда от трудоподобной деятельности животного. То, что создает человек, он имеет сначала в своей голове, идеально, и на практике осуществляет свой план, свою цель, имеющуюся идею.

Тот факт, что в акте трудовой деятельности идея создаваемых вещей существует прежде, чем эта вещь будет изготовлена практически, послужил гносеологической основой для возникновения идеалистических представлений о первичности мира идей, мира знания по отношению к миру вещей и объективных процессов. Окружающую природу человек по аналогии со своей практикой стал рассматривать как результат творческого акта какого-то сверхмощного существа и его идей. Отдельный момент в трудовой деятельности человека, а именно существование идеи некоторой вещи до ее практического создания, абсолютизируется. Забывается то обстоятельство, что и труд в качестве своей предпосылки имеет не только идеи человека, но чувственно-конкретные вещи, составляющие его предмет, форму которых он меняет, осуществляя свою цель. В результате этой абсолютизации образуется превратное философское мировоззрение.

Итак, можно сформулировать второе определение знания. Знание — это совокупность идей человека, в которых выражено теоретическое овладение им предметом. Подобно тому, как человек налаживает производство необходимых ему вещей, он также стремится построить производство идей, которые выступают определенной предпосылкой создания в практике мира вещей. Поэтому производство К. Маркс разделял на материальное и духовное: одно создает вещи, а другое — идеи. Первоначально они не отделялись друг от друга, но в развитом обществе производство идей стало относительно самостоятельной сферой деятельности определенного круга людей. Знание как результат умственного труда образует свой мир идей, отдельный и противопоставленный миру вещей.

Чтобы знание служило средством практического овладения процессами и вещами, оно должно их иметь в своем содержании, отражать свойства и закономерности объективной реальности и видеть вещи не только такими, какими они даны в природе, но и какими они могут быть в результате нашей практической деятельности. Идеи — образы, мерки, по которым человек из существующих вещей создает новые, поэтому в них отражены свойства и закономерности объективной реальности.

В настоящее время против понимания знания как отражения выдвигаются возражения со стороны философов различных направлений, даже тех, которые называют себя марксистами. Они отвергают отражение как понятие метафизического материализма, несовместимое с марксистской философией, исходящей из признания активности субъекта в процессе практического и теоретического овладения объектом. Теория отражения получила у них наименование позитивистской и пресловутой и стала изображаться основой догматизма и апологетики.

Эта критика концепции отражения кажется иногда основательной, когда сама теория отражения изображается в искаженном, одностороннем виде, где знание рассматривается как меха-

ническая копия вещей, процессов. Однако нельзя отвергать какое-либо теоретическое построение только на основе того, что его возможно превратно истолковать. Истории еще неизвестна такая теория, которая не подвергалась бы вульгаризации и искажениям. Критики концепций отражения должны показать, что сущность знания, все его связи и опосредования могут быть вскрыты без понятия отражения или аналогичного ему. Вот этого доказать противникам теории отражения не удалось и, как нам кажется, не удастся.

Критикам концепции отражения кажутся несовместимыми два положения о знании. Одно из них исходит из того, что смысл бытия человека заключается в свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира, а знание с его идеями — только момент, подчиненный целям и задачам этой деятельности. Это утверждение является бесспорным, с ним могут согласиться даже те философы, которые не разделяют марксистских концепций. Другое положение фиксирует тот факт, что знание овладевает объективно существующей реальностью, имеет ее в качестве своего содержания, т. е. отражает свойства и закономерности явлений, процессов, существовавших вне самого знания. На наш взгляд, это утверждение столь же обязательно для марксистской концепции знания, как и первое; они логически не противоречат, а, наоборот, дополняют друг друга.

В некоторых работах по марксистской теории знания подчеркивалось значение тезиса о знании как отражении объективной реальности и затухала мысль о знании как моменте свободной творческой практической деятельности человека, а потому создавалось одностороннее представление о процессе познания. Но преодоление этих недостатков не должно идти путем погружения в другую, пусть противоположную, но столь же одностороннюю концепцию, приводящую по существу к отрыву знаний от объективной реальности. Знание надо включить в сферу практической деятельности человека, но чтобы обеспечить успех этой деятельности, оно по необходимости должно быть связано с существующей вне человека объективной реальностью, служащей объектом этой деятельности.

Ход развития философской мысли, пытающейся постигнуть тайны человеческого знания, привел к необходимости синтеза этих двух утверждений о нем. Заслуга марксистской теории знания состоит как раз в том, что в ней это соединение произошло и доказан органический характер его. В самом деле, рассмотрим постановку вопроса о знании в домарксистской гносеологии.

Природа человеческого знания, сущность идей оказались в центре внимания философии нового времени. Философы исходили из того, что на одной стороне существует предмет природы, а на другой — познавательные способности человека в виде ощущения и мышления. Теоретико-познавательная задача формулировалась

так: как и в каких формах человеческое сознание постигает этот предмет.

Материалистический сенсуализм, в недрах которого и родилось понятие отражения, полагал, что многообразные ощущения человека копируют свойства и форму предмета, например камня, причем это отражение мыслилось как до некоторой степени механический процесс воздействия предмета на человека, органы чувств которого, подобно воску, запечатлевают его форму. При этом роль мышления сводилась к простому суммированию данных, доставляемых ощущениями.

Другую точку зрения выражали рационалисты XVII в., которые полагали, что не ощущения, а мышление, в силу своей особой прирожденной способности, непосредственным, интуитивным путем постигает свойства и форму предмета во всей его всеобщности и необходимости.

Обе концепции знания исходили из гносеологического оптимизма. Для них само собою разумеющимся было утверждение, что знание объективно в своем содержании. Однако это положение не доказывалось глубоким анализом, а просто постулировалось, и вскоре философская мысль обнаружила зыбкость способов его обоснования как со стороны материалистического эмпиризма, так и рационализма, догматизм которых был разрушен гносеологией уже в XVIII в. И в этом большая роль принадлежит построениям Д. Юма и И. Канта, которые сильны своим побуждением к поискам иных решений коренных проблем теории знания.

Д. Юм показал, что сенсуализм, исходящий из представления об отражении ощущениями вещей и явлений объективной реальности, покоится на простом уверении в существовании этих вещей независимо от познавательной деятельности человека. Этому уверению он противопоставил свой скептицизм, основывающийся на сложности отношения знания к вещам объективной реальности и рассматривающий человека не пассивным, а активным началом познавательного акта. Конечно, у Юма все это связывается с сомнением в существовании самих вещей за пределами ощущений, с отрицанием объективного содержания знания, и в этом заключается порок его гносеологических рассуждений.

Еще дальше и глубже в анализе знаний пошел И. Кант. Часто его гносеология оценивается только по ее конечному выводу, что знание не постигает предметы действительности, «вещи в себе» такими, какими они существуют независимо от самой познавательной деятельности. Во-первых, этот вывод — не самое важное в его теоретико-познавательных рассуждениях. Во-вторых, Кант прав, поскольку он имел в виду те конкретно исторические решения проблемы отношения знания к объективной реальности, которые имели место в его время. Он отвергал возможность постижения вещи в себе путем интеллектуальной интуиции, как это мыслили представители рационализма, позиции

которого он сам разделял в докритический период. Этой интуицией, по его мнению, обладает бог, а человек начинает постигать вещи через опыт.

Но после Юма он уже не мог смотреть на опыт как на механическое копирование, отражение вещей органами чувств. Английская философия в лице Юма и Локка доказала, что опыт является результатом деятельности человека и мир знания отличается от мира вещей.

Ценность гносеологических идей Канта и, в частности, его «Критики чистого разума» состоит в глубоком анализе этого мира знания. На такой анализ никто не отважился до него, и потому идеи Канта не потеряли своего значения до сих пор.

Ни чувства, ни мышление в его рассудочной и разумной форме не дают нам вещи в себе такой, какой она существует независимо от нас. Знание не просто постигает вне его существующую вещь, а на основе форм чувственности и категорий рассудка создает свой предмет.

Кант полагал, что самое главное в создании знания — это синтез, который, по его мнению, «...есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении наших знаний»⁵. При этом источник этого синтеза — субъект, самодетельность его души.

Отсюда следует, что в гносеологии Канта надо строго различать понятия «вещь в себе» и предмет. Первая существует вне человека, а вторая создается его знанием на основе синтеза, в основе которого лежит субъективная деятельность воображения. Предмет не совпадает с вещью в себе, знание не является отображением, копией ее. В этом состоит агностицизм, но отсюда и начинается поворотный пункт в решении гносеологических проблем. Знание — не просто механическое копирование вещи, а субъективная деятельность, в результате которой создается предмет или образ, схема возможной вещи.

Вопрос стоит так: что такое знание — отражение вещи или продуктивная субъективная деятельность, создающая предмет.

Заслуга Канта не в однозначном ответе на этот вопрос. У Канта нет даже и достаточно осознанной постановки его. Но из кантовского анализа знаний следует и эта постановка вопроса, и поиски того однозначного ответа, к которому пришел марксизм.

Да, камень как вещь в себе существует независимо от человека. Но последний стремится в своем знании не просто воспроизвести камень (это человеку не нужно для его бытия), а создать идею топора, сделанного из камня. И когда этот топор становится не просто знанием, а чувственно конкретной вещью, человек удостоверяется в истинности своих знаний о камне. Чтобы сделать топор, идея его должна быть и отражением свойств камня.

⁵ И. Кант. Сочинения, т. 3, стр. 173.

Таким образом, два утверждения о знании (субъективная творческая деятельность и отражение) не только согласуются между собой, но необходимо предполагают друг друга. Знание может быть только деятельным, практически направленным отражением объективной реальности. Субъективная деятельность без отражения приведет не к творчеству, не к созданию необходимых человеку вещей, а к практически безрезультатному произволу.

Спрашивается, каким же образом можно знать внутренне присущие возможности развития явления, если ни в какой форме не отражать самого этого явления; где тогда свидетельства, что речь идет о возможностях развития этого, а не другого предмета? Отрицание того, что знание есть отражение, равносильно лишению его объективного, предметного содержания.

Таким образом, марксизм не отбрасывает понятие отражения, когда речь идет о знании, а наполняет его новым содержанием, устанавливает его органическую связь с субъективной, чувственно-практической деятельностью человека, преодолевая ограниченность старого материализма.

Знание как отражение — это не копирование вещи в каких-то материальных формах, не создание вещи-двойника, а форма человеческой деятельности, определяемая свойствами и закономерностями вещи, взятыми в их развитии.

Таким образом, можно высказать еще одно определение: знание — форма деятельности субъекта, в которой целесообразно, практически направленно отражены вещи, процессы объективной реальности.

Отсюда следует, что логический аппарат должен помогать в определении не только формальной структуры знания, но и его предметного содержания, что в условиях современной науки весьма сложно и трудно.

Известно, что на рубеже двух столетий началась ломка понятий и теорий в науке, в частности в естествознании, которая продолжается и сейчас. Эта революция имеет несколько этапов, в разное время она охватывала разные области знания. Обычно сущность этого процесса видят в открытиях новых фундаментальных закономерностей, в проникновении в ту область, которая ранее была недоступна. И действительно, наука непрерывно идет вширь и вглубь, включая в свою сферу новые объекты для исследования, обнаруживая в них новые свойства и отношения.

Для теории знания здесь важно не только то, что на смену одного понятия приходит другое, одна теория уступает место другой. Это было и раньше. Произошли существенные изменения в структуре научного знания, в построении научных теорий, в формах движения к новым результатам в познании.

Прежде всего бросается в глаза элиминация чувственности из содержания научного знания. Понятия науки стали носить крайне абстрактный характер, а сама научная теория на поверхности

выступает в виде системы знаков, допускающих различную интерпретацию. А это и создало основу для широкого использования автоматического аппарата в самых различных областях науки, о чем писал, в частности, В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Наука в своих теориях не может абсолютно освободиться от наглядности чувственных образов, однако содержание своих понятий и теорий она уже не определяет через них. Современная научная теория — это язык, т. е. совокупность средств, используемых для построения выражения мысли.

Конечно, важно вскрыть формальную структуру теории как языка, проанализировать входящие в нее знаки, установить непротиворечивость ее предложений. Но этого далеко не достаточно. Ведь за языком научной теории скрывается система знания, которая необходима человеку для овладения явлениями, процессами объективной реальности. Ответить на вопрос — что это за система знания, каково ее объективное содержание, можно посредством истолкования, интерпретации не только отдельных терминов и предложений теории, но и всего языка ее в целом.

в) Проблема: истолкование знания и язык науки

Вопрос об истолковании, интерпретации понятий и теорий занимает большое место в современной науке. От теории знания требуется, чтобы она анализировала язык науки также и с этой стороны, создавала необходимый понятийный аппарат для решения задач, связанных с выявлением познавательного значения терминов и выражений теории.

В связи с этим во весь рост встала проблема истолкования, интерпретации теоретических систем знания, выраженных языком, в большей или меньшей степени формализованным. Сам термин «истолкование», или «интерпретация», приобрел иной по сравнению с традиционным смысл. Под ним разумеют сейчас не только научное объяснение, включающее поиски причин, законов явлений (эта задача никогда не снималась с науки, она и сейчас является важнейшим элементом научного исследования). Истолкование, или интерпретация, понимается и как некоторая логическая операция определения познавательного значения созданных абстрактных систем, установления познавательного значения как отдельных терминов высказываний теории, так и системы в целом.

Логическая мысль последнего времени много и настойчиво решала задачи, связанные с интерпретацией абстрактных теоретических систем. На этом пути она познала и победы, и горечь поражений. На первый взгляд, задача кажется простой: имеется некоторая абстрактная теоретическая система со своим языком; чтобы понять ее, необходимо свести ее язык к другому — более

универсальному и формализованному, например к тому, который даст современная формальная логика. Вообще, такое сопоставление двух языков весьма плодотворно, оно дает возможность проверить научную теорию критериями строгого языка, установить ее непротиворечивость, точность употребляемых терминов и т. п. Однако этим путем нельзя выявить предметную область теории, т. е. ее познавательное значение и объективную истинность.

Существует другой способ интерпретации научной теории, а именно сравнение ее языка с языком наблюдения, эксперимента, отыскание не только абстрактных объектов, стоящих за терминами и выражениями теории, но и эмпирических. Эта операция, называемая эмпирической интерпретацией, дает возможность связать абстрактную теоретическую систему с явлениями объективной реальности; однако она не решает главной задачи — выявления всего познавательного значения теоретической системы, не показывает ее как знание, т. е. как совокупность идей человека, в которых выражено теоретическое овладение предметом.

Слабость позитивистских концепций эмпирического обоснования науки состоит в том, что они, анализируя язык науки, по существу не касаются знания в его специфической особенности, ибо уже со времен Канта философия довольно точно и обстоятельно показала, что знание обязательно включает в себя ноуменальное содержание; чтобы понять теорию, выявить ее познавательное значение, недостаточно только двух ее интерпретаций: семантической и эмпирической, даже в их совокупности. Система знания осмысливается во всей своей полноте, когда будет решен главный вопрос: что она дает человеку для овладения находящимся вне его миром вещей и процессов, какие идеи она создает, на основе которых можно подчинить этот мир человеку путем его практического переустройства.

Сейчас говорят, используя терминологию семантики, о прагматической интерпретации, под которой разумеют отношение человека к знаковой, в частности языковой, системе. Но даже если под человеком понимать не отдельного индивидуума, а человечество, то и в таком случае прагматика не решит задачу выявления всей полноты познавательного значения теоретической системы знания, поскольку она ограничивается раскрытием взаимоотношения между знаком и использующим его человеком, а задача состоит в том, чтобы вскрыть ту понятийную, можно сказать духовную, субстанцию, которая выражена знаковой системой научной теории.

В силу этого следует говорить еще об одной форме истолкования, интерпретации теоретических систем, которую мы условно назовем эпистемологической. В отличие от семантической, эмпирической и прагматической, она ставит своей целью за языком научной теории вскрыть систему знания, т. е. совокупность идей человека, посредством которых он духовно овладевает явления-

ми, процессами объективной реальности и создает предпосылки для создания на их основе потребного ему мира вещей и процессов.

Эта эпистемологическая интерпретация теории использует все имеющиеся в науке и логике средства. Она предполагает и проверку ее посредством логических критериев, эксперимента, прагматического анализа, однако не останавливается ни на одном из этих уровней и их совокупности, а идет дальше. А именно, она включает теоретическую систему в общий процесс развития научного знания, а вместе с тем и человечества вообще и только таким путем устанавливает ее познавательное значение и смысл. Например, возьмем какую-нибудь современную теорию из области физики или другой науки, раскроем содержание всех входящих в нее терминов и выражений, найдем некоторые эмпирические объекты, которым она соответствует, но мы еще по существу этим не установим ее значения как знания. Для этого требуется включить ее в ход движения не только физического познания, но интеллектуального развития человечества вообще, определить, какие проблемы, возникшие ранее перед наукой, она разрешает, что дает она в деле овладения процессами природы, куда ведет человеческую мысль.

Конечно, всякая теория является относительно замкнутой системой знания, ставящей и решающей строго определенные задачи, имеющей свой язык, с некоторыми специфическими правилами употребления его терминов. Однако ни одна теория не может быть понята, если использовать только ее собственный язык. Выход за пределы теории необходим для выяснения ее познавательного значения и смысла.

В этом случае ученый использует весь понятийный, имеющийся в его распоряжении аппарат. Эти понятия можно разделить на три вида: 1) понятия специальных областей научного знания; 2) понятийный аппарат формальной логики; 3) категории философии. Соответственно этим трем видам понятий можно и говорить о трех видах языков, необходимых для истолкования систем теоретического знания. Неопозитивистская философия в свое время провозгласила тезис о возможности и необходимости сведения языка философии и ее понятийного аппарата к терминам формальной логики и понятиям отдельных специальных наук. Этим путем она хотела придать философии научную стройность. Но опыт показал, что это, во-первых, практически неосуществимо, и, во-вторых, лишает нас одного из важнейших интеллектуальных средств осмысливания как самой действительности, так и результатов научного познания. Ликвидация философии в любой форме приводит к духовному обеднению человечества.

Проблема состоит не в том, нужна ли философия, а какой она должна быть, чтобы ее понятийный аппарат способствовал осмыслению как самой действительности, так и научного знания о ней.

Понятия, создаваемые современной философией, должны быть направлены на постижение объективной реальности, однако эту реальность они должны охватывать, во-первых, со стороны всеобщих ее свойств и законов развития и, во-вторых, исходя из гуманистических потребностей создания мира соответственно человеческой сущности. Эти понятия и составляют категориальный аппарат философии, помогающий ученому включить результаты той или иной теоретической системы в общий поток развития познания и практики. Философские категории и язык, их выражающий,— это интеллектуальный фон эпохи, без которого невозможна продуктивная деятельность вообще, в интерпретации научной теории в частности. Эти категории и придают языковой системе характер социально значимого знания.

Их роль в интерпретации теоретической системы весьма многообразна, в частности, они обеспечивают, с одной стороны, свободу теоретического мышления, а с другой стороны, детерминируют его, направляют на постижение объективной реальности в формах, необходимых для человеческой практики.

Теоретическая функция категорий философии объясняется тем, что они создаются на более широкой основе, чем понятия любой конкретной области знания, в них обобщен и экстраполирован опыт всего познания, а не познания одного какого-либо определенного объекта. Регулирующая роль категорий в процессе творческого мышления состоит в том, что они допускают большие возможности для свободы воображения, оставляя его в границах научно-теоретического мышления.

Нередко раздаются голоса, что категории философии недостаточно строги, их содержание не является логически доказанным. Делаются попытки формализовать их, построить на их основе систему выводов. Конечно, нужно заботиться об уточнении, углублении и обогащении философских категорий, но при этом нельзя забывать, что если формализовать их содержание, на его основе построить жесткую систему выводов, то она превратится в логический канон и потеряет свое значение орудия продуктивной творческой деятельности мышления. Их сила заключается как раз в том, что они представляют определенную свободу для синтетической деятельности разума, направляя научное познание на достижение принципиально новых результатов. Чтобы получить новые идеи, категории должны дать возможность мышлению свободно варьировать, а не только жестко, однозначно связывать его со строго определенными результатами. Поскольку философские категории являются обобщением предшествующего опыта познания и преобразования мира, т. е. связаны с определенным уровнем человеческого знания, а не априорны, новые результаты познания могут не укладываться в их содержание.

Противоречие между теоретическим уровнем познания эпохи и осмыслением его в философских категориях может достигать таких размеров, что будет существенно тормозить образование

и осмысление новых фундаментальных теорий в науке, для которых требуется логическая сетка иной структуры, с новыми категориями и новым содержанием прежних категорий. В таком случае развитие науки может пойти по пути нахождения новых эмпирических данных без их глубокого теоретического осмысления, наука остановится на эмпирическом уровне. Отсюда задача непрерывной разработки и обогащения категориальной сетки мышления новыми понятиями.

В решении проблемы обогащения сетки философских категорий на основе обобщения данных современной науки нельзя идти путем простого включения в нее понятий современной науки. Задача философов была бы слишком простой, если бы их дело состояло в том, чтобы отобрать из современной науки понятия, обладающие большей степенью общности, и включить их в систему философских категорий.

Проблема состоит как раз в том, чтобы, с одной стороны, не подменяя философскими категориями понятий специальных наук, и с другой, не превращая последние в новые философские категории, непрерывно изменять содержание философских категорий, включать в их систему новые, но именно философские категории, возникающие на базе обобщения результатов современного познания. Возникает задача переосмысления на основе нового опыта познания ранее возникших и сформировавшихся философских категорий. Эта задача относится к числу вечных для философии.

Поскольку философия создает свой категориальный аппарат со своим специфическим языком, выполняющим определенную функцию в интерпретации научного знания и в его движении к новым результатам, она может считаться по давней традиции своеобразной логикой, но логикой в ином смысле, чем формальная. Она не создает какой-то свой аппарат логического исчисления, новый искусственный формализованный язык; ее категории служат методом научно-теоретического мышления. Здесь логика совпадает с теорией познания или эпистемологией. Марксизм продолжает эту, уходящую в глубь веков, традицию и, используя опыт как предшествующей философии, так и развития современного научного познания, разрабатывает логику, называемую по методу мышления диалектической. Без аппарата этой логики анализ языка, выражающего некоторую теоретическую систему, не может быть доведен до конца, т. е. до выявления и осмысления содержащегося в ней действительного знания, необходимого для овладения человеком находящейся вне его объективной реальностью.

г) Проблема языка как философская проблема

На протяжении последних десятилетий проблема языка привлекает все более пристальное внимание философов. Правда, и раньше, в древней, а также в философии нового времени ее не обходил ни один более или менее крупный мыслитель. Демокрит, Платон, Аристотель, стоики, Гоббс, Лейбниц, Гегель и другие включали язык в объект своих размышлений, особенно в связи с проблемой мышления. Однако не только в древности, но даже и в XIX в. проблема языка не была центральной для философии, она выступала только одним из моментов, далеко не главных, теории познания.

Положение изменилось в буржуазной философии начиная с 20-х гг. нашего века, когда отдельные направления, в частности неопозитивизм, выдвинули проблему анализа языка в качестве основной. И с тех пор она не сходит с арены философских споров, в частности с различных международных форумов. Не случаен и тот факт, что проблема языка была третьей темой обсуждения на пленарном заседании XIV Международного философского конгресса (Вена, 1968 г.).

Чем объясняется такой устойчивый интерес современной философии к анализу языка? Причин этому много.

Некоторые философы пытаются уйти от актуальных проблем, выдвигаемых ходом развития общества и науки, обойти основной вопрос философии и, таким образом, уклониться в происходящей борьбе от четкого определения своей философской позиции: отдельные зарубежные философы видят в обсуждении проблем языка средство для реализации этого стремления. Однако было бы ошибочно полагать, что только этим и объясняется чрезмерное внимание к языку в современной буржуазной философии. Во-первых, как показывает опыт, язык — это не та область, обсуждение которой не затрагивает коренных проблем философии, в частности основного вопроса гносеологии. Наоборот, как только философ пытается поставить действительно философские проблемы языка, он тут же вынужден четко сформулировать свое кредо в гносеологии и таким образом вступить в борьбу основных направлений в мировоззрении.

Во-вторых, существуют реальные причины, выдвинувшие проблему языка в число центральных для философии. Революция в науке, начавшаяся на рубеже двух столетий, в естествознании прежде всего, поставила вопрос об изучении особенностей познания, порожденных этой революцией.

Надо прямо отметить, что из всех направлений буржуазной философии только позитивизм пытался философски и логически осмыслить результаты революции в науке и на этом нажил определенный капитал в глазах ученых. Однако если у позитивизма имеются какие-то заслуги в анализе языка науки, то они ограничиваются только тем, что может дать метод формальной логи-

ки, развитием современных средств которой занимались позитивисты. Не неопозитивизм как философская концепция имеет положительные результаты в анализе структуры, методов и языка науки, а отдельные позитивисты, разрабатывавшие формально-логический подход к ним.

Основной вопрос, который занимает логиков уже на протяжении длительного времени, можно сформулировать так: каким образом может быть выявлено познавательное значение терминов и выражений научной теории, пользующейся средствами современного языка науки, в большей или меньшей степени формализованного.

Формальная логика много сделала в этом направлении, создав аппарат для синтаксической, семантической, эмпирической и прагматической интерпретации языка науки. Усилия в этом направлении, несомненно, будут продолжаться и приведут к новым плодотворным результатам.

Однако ограничиться перечисленными способами интерпретации языка науки невозможно, ибо они даже в их совокупности не отвечают полностью на вопрос: каково познавательное значение терминов и выражений теории?

Известно, что теория представляет собой относительно замкнутый участок человеческого знания со специфическими для нее правилами употребления некоторых терминов языка. Дав синтаксическую интерпретацию, мы выясним эти правила употребления, семантическая интерпретация разрешит проблему нахождения предметов (вещей, процессов и т. п.), которые стоят за некоторыми символами этой теории, хотя заранее известно, что не все термины можно подобным образом интерпретировать. И синтаксическая, и семантическая интерпретации касаются только выявления формального момента в знании. Выражениям теории можно найти соответствующие им наблюдаемые эффекты и таким эмпирическим путем интерпретировать их. Но ограниченность эмпирической интерпретации языка теории очевидна. Она всегда является неполной, частичной, одни и те же термины можно интерпретировать на различных доступных чувственному наблюдению объектах. А главное, многие теоретические системы на долгое время остаются за пределами эмпирической интерпретации.

Можно и нужно совершенствовать аппарат синтаксической, семантической и эмпирической интерпретации языка науки. Таких работ сейчас выдвигается много, в том числе и советскими логиками. Некоторые доклады на Конгрессе касались отдельных сторон этих способов интерпретации, и в этом смысле они имели значение, но не собственно философское, а специальное, формально-логическое.

Решая проблему отношения между знаками и обозначаемыми ими предметами, докладчики стремились к точности и однозначности. Но и этого достигнуть оказалось не очень просто: их взгля-

ды так расходились, что один из комментаторов сравнил их с вавилонским столпотворением. Выработать единый, унифицированный язык оказалось очень трудно. Некоторые докладчики пытались показать практическое применение единого формализованного языка.

По выражению одного из участников Конгресса, большинство выступавших рассматривали философские проблемы языка с позиций логики.

Современная научная теория — это язык, т. е. совокупность средств, используемых для построения и выражения мысли.

Конечно, важно вскрыть формальную структуру теории как языка, проанализировать входящие в нее знаки, установить непротиворечивость ее предложений. Но этого далеко не достаточно: ведь за языком научной теории скрывается система знания, которая необходима человеку для овладения явлениями, процессами объективной реальности. Ответить на вопрос: что это за система знания, каково ее объективное содержание, можно посредством толкования, интерпретации не только отдельных терминов и предложений теории, но и всего языка ее в целом.

Поэтому вопрос об истолковании, интерпретации понятий и теорий занимает также большое место в современной науке. От теории знания требуется, чтобы она анализировала язык науки также и с этой стороны, создавала необходимый понятийный аппарат для решения задач, связанных с выявлением познавательного значения терминов и выражений теории.

На XIV Международном философском конгрессе (Вена, 1968) при обсуждении языка неопозитивисты были довольно пассивны, хотя проблема и была сформулирована и в их плане: язык, семантика и герменевтика. Некоторые это объясняют падением влияния неопозитивизма вообще. Нельзя отрицать того, что эта тенденция, возможно, свойственна современной буржуазной философии, хотя вообще неопозитивисты проявляли при обсуждении других тем большую активность. А. Айер был одним из основных докладчиков по теме «Философия и естествознание», а К. Поппер по теме — «Дух и мир».

В своем докладе «Философия и научный метод» Айер дает ответ на интересующий нас вопрос. Он продолжает в духе неопозитивизма считать, что «само понятие языка, структура символических систем и их отношение к тому, что они приспособлены представлять, стали центральной темой философских исследований»⁶. Но в позиции Айера, как и всех неопозитивистов вообще, нельзя заметить той уверенности, которая была им присуща ранее. Утверждение «философия — это логика науки» он считает уже несколько догматичным. Логические позитивисты сейчас не прочь говорить о некоторых, по традиции называемых онтоло-

⁶ Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie, Bd. 1, Wien, 1968, S. 536.

гическими или метафизическими, проблемах, которых они тщательно избегали и отсекали «бритвой Оккама» как рассуждения об излишних сущностях. Проблемы, которые стоят перед философией в связи с естествознанием, А. Айер относит не к логике, а к методологии науки, которая, по его словам, скорее заключается в построении общих принципов, чем в объяснении отдельных научных теорий или содержащихся в них концепций. Известно, что эти общие принципы и предполагают формулирование понятий (как это полагал и сам А. Айер) вроде «пространство», «время», «причина» и т. п., имеющих содержание, выходящее в объективный мир, в природу его явлений и отношений, а не только касающихся человеческого познания и его языка.

Последовательно проводя эту точку зрения, неопозитивизм должен прийти к идеям, которые противоречат его исходным посылкам. Как далеко и куда он пойдет, об этом сейчас трудно судить. Может быть, к так называемому реализму — материалистическому или объективно-идеалистическому (например, К. Поппер) — или еще к какой-либо философской концепции. Можно только одно сказать: неопозитивизм находится на перепутье и ищет новых идей. Пока иная философская концепция не выкристаллизовалась, ему трудно предложить что-либо новое и конструктивное в философском анализе языка науки. Этим, на наш взгляд, объясняется пассивность неопозитивизма на Конгрессе при обсуждении проблемы: язык, семантика и герменевтика. В синтаксическую и семантическую интерпретации языка он внес некоторую лепту, разрабатывая их в лоне современной формальной логики, а своего философского истолкования языка у него по существу нет.

Как известно, в Англии существует целая школа лингвистической философии. Она возникла из попыток преодолеть трудности эмпирической философии позитивизма. Ее родоначальником считается Витгенштейн (на втором этапе своего учения о языке). Эта школа отказалась от субъективного идеализма и солипсизма, развивает идеи формальной логики как самостоятельной науки. Но в философском отношении она оказалась не менее беспомощной, чем позитивизм. Область философии была сведена к анализу и описанию употребления языка.

Философ из Северного Уэльса С. Манделл выступил на Конгрессе с дискуссионным докладом «Англо-лингвистическая философия», подвергнув остроумной критике пороки этой философии. По его мнению, вместе с этой философией английский язык попал в тюрьму. «Патриотизм, — говорил докладчик, — вынуждает меня сказать, что английский язык не был родным языком того человека, который превратил его в тюрьму. Справедливость требует добавить, что философы, вошедшие в эту тюрьму, сделали это добровольно. Витгенштейн никогда не применял силу или угрозы, он даже редко пользовался последовательной аргументацией... Я опишу то, что вело к созданию этой тюрьмы и что в ней

происходило; но прежде всего скажу: в самой этой тюрьме есть нечто, дающее ее обитателям мало возможностей для применения собственного интеллекта»⁷.

Описывая «революцию в лингвистике», которую произвели в послевоенный период Г. Райл, Дж. Л. Остин и Г. Э. Мур, Мандл показал, что она привела к созданию априорной лингвистики, основным источником которой «представляется тот факт, что большинство английских философов не читало чего-либо из области обычной (эмпирической) лингвистики»⁸.

Итак, по мнению докладчика, с которым можно согласиться, англо-философская лингвистика завела философию в тупик. Одним из главных ее результатов является создание нового языка для понимания английского языка. «В тюрьме, созданной Витгенштейном, — говорил Мандл, — еще много народа, хотя ее двери все еще остаются открытыми; но опознать заключенных стало трудней, так как они изобрели новый язык для описания своих исследований в области английского языка»⁹.

Но каков действительный выход из этого тупика, что ожидает людей, вышедших из тюрьмы Витгенштейна? Ответ на этот вопрос содержится в докладе: «Безусловно пришло время английским философам вновь продолжить 2500-летнюю традицию, вернуться к теории познания и метафизике»¹⁰.

К сожалению, из доклада нельзя понять, о какой теории познания и метафизике идет в данном случае речь. Да, философы должны размышлять о вселенной и месте человека в ней, применять язык, словесные орудия к областям, отличающимся от самих этих орудий. Но и теория познания, и метафизика бывают разными. Мандл своей метафизике дает такую характеристику: «Конечно, метафизике не следует быть догматичной; она может быть спекулятивной. Конечно, ей не нужно быть Всеобъемлющей системой, так как теория может что-то объяснить, не объясняя Всего. Конечно, не может быть полезным делать это *a priori*, поскольку вся цель теории — объяснить факты, то, что *сейчас* известно о вселенной и о нас самих. Это, конечно, повлекло бы необходимость взять на себя труд познакомиться с тем, что известно о предметах иных, чем английская грамматика»¹¹.

По приведенному высказыванию почти невозможно судить, что действительно будет представлять собой метафизика как общее учение о бытии, противопоставляемая Мандлом лингвистической философии, исключившей из своей сферы эту проблематику. Дело заключается в том, что Мандл, как и многие другие буржуазные философы, при характеристике своей метафизики пытается обойти основной вопрос философии. При такой ситуации

⁷ Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie, Bd. 1, S. 351

⁸ Там же, стр. 356.

⁹ Там же, стр. 352.

¹⁰ Там же, стр. 358.

¹¹ Там же, стр. 359.

возрождаемая метафизика может стать спекулятивной онтологией, стыдливо стоящей на позициях идеализма и далекой от метода современного научного философствования. Такая метафизика столь же уязвима, как и лингвистическая философия; они являются двумя крайностями, которые не может преодолеть буржуазное мировоззрение. Стремление современных зарубежных философов выйти за пределы неопозитивизма и лингвистической философии очень симптоматично, оно свидетельствует о неспособности их в пределах буржуазного метода мышления решить возникающие перед философией проблемы. Но буржуазные мыслители вращаются в некотором отношении в замкнутом и созданном ими самими круге, они не способны перескочить на иную орбиту, а могут только периодически переходить от спекулятивной метафизики к ее антиподу в виде позитивизма и лингвистической философии, и наоборот.

В настоящее время все большее внимание привлекает так называемая прагматическая интерпретация языка, под которой разумеют выяснение отношения человека (или человеческого коллектива) к знаковой, в частности языковой, системе.

Что нового открывает такой подход? Прежде всего он рассматривает язык в системе общественных отношений, бытия человека в обществе. Язык рассматривается как средство мышления и действия человека, живущего в обществе. Конечно, это более широкий подход к языку, чем формально-логический. С этой точки зрения проблема языка на Конгрессе рассматривалась в докладе польского философа Адама Шаффа. В своем докладе «Язык, мысль, действие» он отмечал, что дальнейшее изучение проблематики роли языка в мышлении означает исследование проблематики его роли в человеческом действии. Этот прагматический аспект проблемы имеет фактически решающее значение¹². В этой связи А. Шафф считает необходимым отдать должное школе общей семантики А. Кожибского, которая, несмотря на все свои ошибки и пороки, справедливо отмечаемые критиками, имела определенный приоритет в постановке данной проблемы.

А. Шафф подчеркивает необходимость различения в языке стереотипа и понятия. Первое не совпадает со вторым. В отличие от понятия, стереотип включает в себя не только познавательные моменты, но и эмоционально-оценочные, связанные с бытием данного человека или коллектива в обществе. Это разграничение вызвало дискуссию на XIV Международном философском конгрессе, участники которой указывали на трудности его практического осуществления: то, что в одном языке является стереотипом, в другом может выступать понятием, и наоборот.

Аспект изучения языка, связанный с установлением влияния общества на формирование языковых систем и последних на реакции отдельных людей и их коллективы, несомненно важен. Но

¹² См. там же, стр. 313.

тем самым не решается и не снимается реальная философская проблема, связанная с выявлением познавательного значения теоретической системы знания, выраженной искусственным или естественным языком. Больше того, без решения данного вопроса не может быть выяснена и роль языка в общении людей. Это можно показать на примере анализа принципа лингвистической относительности, сформулированного в так называемой гипотезе Сепира — Уорфа, лежащей в основе рассуждений общих семантиков, существо которой заключается в утверждении, «что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»¹³.

Влияние языка на мышление является фактом, и для современной науки, создавшей системы различных искусственных языков, доказывать это нет необходимости. Требуется понять, чем объясняется зависимость мышления от выбранных систем языка, по какой линии она идет. Здесь, на мой взгляд, не может быть иного ответа, кроме утверждения, что язык фиксирует достигнутые результаты знания, которые не только всегда входят в последующий синтез мышления, но как некая форма направляют и определяют дальнейшие пути его движения. От выбранных исходных пунктов знания зависит его дальнейшее развитие. Поэтому нет ничего удивительного в том, что современная философия и логика, анализируя знание, обращаются прежде всего к языку. В самом деле, с чего же иного начать, когда знание человеку дано только в виде языка? Но все зависит от того, с каких позиций подходить к его анализу, какое место отвести этому анализу в общей теории знания.

Поскольку ни общая семантика, ни логический позитивизм своими средствами не решают и не могут решить проблемы определения действительного познавательного значения языковых систем, создается мнение, что вообще она не решается философией, исходящей из разумного постижения действительности.

Интуитивистские концепции получают свое оправдание, если логический анализ знаний остановится на тех средствах, которые дает логистический метод, а само знание будет рассматриваться только как операция по строго фиксированным правилам над знаками, находящими некоторое эмпирическое подтверждение. Так называемая прагматическая интерпретация привлекла большое внимание исследователей именно потому, что в ней хотят видеть более широкий подход к знанию как форме деятельности человека. Но, к сожалению, она тоже ограничивается довольно узкими рамками — отношением субъекта к знакам языка, его реакциями на них.

С иррационалистическим подходом к решению проблемы языка выступил на Конгрессе философ экзистенциалистского на-

¹³ «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 175.

правления Г. Гадамер (ФРГ). Точка зрения Гадамера диаметрально противоположна неопозитивистской, по это отнюдь не означает, что она истинна или хотя бы ближе к истине. Логические позитивисты хотя бы в рамках современной формальной логики вскрывают некоторые действительные аспекты этой сложной проблемы.

В докладе Гадамера и этого нет, хотя он всячески, в противоположность семантике, выдвигает герменевтику — учение об истолковании¹⁴. Точка зрения его умозрительно-абстрактного доклада может быть коротко выражена следующим образом. Значение слова выясняется из конкретной смысловой ситуации, из некоторого целого, окружающего его. Например, слово «цветение» можно понять двояко: «цветение дерева» выражает один процесс; «цветение общества» имеет совсем иное значение.

Сам по себе этот факт обычен даже для традиционной лингвистики, но из него Гадамер хочет сделать далеко идущие философские выводы, а именно: установить зависимость значения от сознания человека, предположение соответствующей тотальности переживания (мира и истории). Язык как практическое сознание связан с объективным миром, который он стремится выразить. Это ясное отношение Гадамер переворачивает на идеалистический лад, ставя сознание в зависимость от языка, а объективный мир — от сознания. Язык, по его мнению, спонтанно всякий раз раскрывает одну часть сознания и закрывает тем самым всякую другую возможность осознанного переживания. Значение герменевтики, согласно докладчику, заключается в осознанной рефлексии, которая размышляет не только о предметах, находящихся вне ее, но и имеет саму себя как предмет и тем самым может осознать свои границы.

Эти тривиальные, далеко не новые идеалистические рассуждения были высокопарно оценены некоторыми комментаторами как притязания на смену старых философских систем, претендующих на абсолютность. На самом же деле от них так и веяло духом этих самых систем, которые в наше время выглядят анахронизмом. Поразительно, что в своем докладе Гадамер совершенно обошел современную науку и те требования, которые она ставит перед философским анализом языка. Вне его внимания оказалась даже современная формальная логика.

В духе идей Гадамера и его книги «Истина и метод» был и дискуссионный доклад канадского философа И. Готье «Философская герменевтика и метафизическая эвристика». Распространенному ныне в экзистенциалистских кругах термину «герменевтика» Готье дает такое определение: «Герменевтика обнаруживает в себе призвание к универсальности и пониманию, т. е.

¹⁴ К сожалению, доклад Гадамера не был опубликован в розданных трудах Конгресса, и это лишает нас возможности его подробно проанализировать.

движение к языку...»¹⁵ При этом Готье опирается на идею, что «бытие есть только в языке и благодаря ему. Между бытием и языком нет уравнивающего изоморфизма...»¹⁶

Идеализм теории герменевтики нетрудно усмотреть, поскольку она исходит из утверждения, что «реальность есть язык, сфера, открытая взаимной игре сознания и его мира»¹⁷. А сама философская герменевтика Гадамера рассматривается как творческое продолжение идей Гуссерля и Хайдеггера, у которых взят метод прочтения «самих вещей, которые она интерпретирует как движение сознания по направлению к языку. Метод этот не обещает нам рая истины, он направляет нас в путь, поскольку делает нас предметом изучения. Истинный метод тот, который избавляет нас от всякого метода»¹⁸. Пожалуй, экзистенциалисты действительно таким образом избавились от метода постижения истины.

В докладе автора настоящей статьи «Язык как логико-эпистемологическая проблема» был изложен марксистско-ленинский подход к философской проблеме языка.

¹⁵ Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie, Bd. 1, S. 331.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 332.

5. СУЖДЕНИЕ И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЕГО В ЯЗЫКЕ

а) Три основных вида суждения и их специфические особенности

Суждения многообразны, как многогранно мышление, отражающее многообразие мира. Логика разделяет суждения на различные однородные группы. Мы остановим внимание лишь на следующих трех видах: суждение-сообщение, суждение-вопрос, суждение-побуждение. Этим трем основным видам суждений соответствуют три основных вида предложений: повествовательное, вопросительное и побудительное. Суждение — это процесс постижения предмета мыслью. Различные формы суждения — отдельные звенья, моменты этого процесса.

Суждение-сообщение устанавливает наличие или отсутствие некоторого признака, свойства, состояния, отношения у предмета или явления. Субъектом этого суждения является мысль о каком-либо предмете, а предикатом — мысль о признаке, состоянии, свойстве и отношении. Эти суждения можно разбить на два вида: 1) суждения как утверждение или отрицание какого-либо признака, свойства и т. д. у предмета мысли; 2) суждения, в которых только предполагается наличие или отсутствие признака и т. д. у предмета. Эти суждения в логике называются догадками, предположениями, проблематическими суждениями. Мы не будем называть вероятными суждениями, отличая их от суждений о реальной возможности и реальной вероятности. Так, суждение «вероятность встречи явления *A* и *B* равняется половине» является в нашем смысле не суждением вероятности, а суждением о вероятности, т. е. обычным суждением, в котором нечто утверждается или отрицается.

В вероятных суждениях связкой является не утверждение или отрицание, а особая форма связки, включающая в себя и утверждение и отрицание. Вероятное суждение не является ни утвердительным, ни отрицательным. Каждое вероятное суждение одновременно и утверждает и отрицает наличие какого-либо признака: «*S* вероятно *P*». Отрицание этого суждения даст не новое суждение вероятности, а отрицательное суждение — «*S* не есть *P*». В результате отрицания вероятного суждения изменяется качество связки, а именно — связка вероятного суждения заменяется отрицательной связкой. Это еще раз подтверждает положение, что вероятность в данном случае есть форма связки в суждении.

Как мы уже сказали, особенность вероятной связки состоит в том, что в ней утверждение сопряжено с одновременным отрицанием, утверждение как бы борется с отрицанием: «вероятно» — это значит, может быть, есть, а может быть, не есть.

Вероятность выражает степень нашего познания связей явлений, она свидетельствует о том, что достоверно нам неизвестно, существует ли или не существует та связь явлений, которая утверждается в нем. Вероятность возникает вследствие недостаточности нашего знания связи явлений на данной ступени развития познания, в этом смысле вероятность в нашем суждении свидетельствует о наличии определенного субъективного момента. Мыслящий субъект предполагает наличие связи, в существовании которой он твердо не убежден.

Но из этого отнюдь не следует, что вероятность, проблематичность суждения чисто субъективна и не имеет никаких объективных основ, не отражает объективный мир и связи, существующие в нем. В определенном смысле в отношении вероятного суждения также можно говорить о его соответствии или несоответствии действительности, а следовательно, его истинности или ложности. Высказывание о вероятности того или иного события (той или иной связи явлений) в истинном суждении основывается на объективных предпосылках, на реальной возможности. Так, например, суждение «в забеге на 100 м, вероятно, первым окажется спортсмен Петров» будет ложным, если известно, что спортсмен Петров вообще в нем не участвует или этот забег не состоится, или Петров не имеет никаких реальных данных, чтобы победить. А это значит, что вероятность также может или соответствовать или не соответствовать действительности, т. е. быть или истинной (истина как вероятность), или ложной.

В некоторых формах умозаключения вероятное суждение выступает в качестве обосновывающего знания (в некоторых формах аналогии и неполной индукции), а это означает, что такое суждение отражает действительность с той или иной степенью точности.

Суждение вероятности, поскольку с ним имеют дело многие отрасли современной науки (физика и др.), привлекает все большее внимание философов и логиков. На существовании этих суждений пытался и пытается спекулировать современный логический позитивизм, в недрах которого возникло направление — «логика вероятностей» (Мизес, Рейхенбах). Представители этого направления суждениям вероятности придают значение первоначальных и основных, а достоверные суждения считают производными, специальными. Достоверное суждение рассматривается этой логикой как частный, предельный случай вероятного суждения¹.

¹ Так, например, Рейхенбах пишет: «Научная философия, напротив, отказывается принять какое-либо знание физического мира как абсолютно определенное. Ни отдельные явления, ни законы, управляющие ими,

Сведение всех эмпирических суждений к суждениям вероятности сопровождается у современных позитивистов отрицанием какой-либо их объективной значимости. Сначала все суждения объявляются вероятными (достоверность — крайний случай вероятности), а потом отрицают соответственно суждения вероятности какому-либо объекту.

Суждения вероятности отражают те же самые объекты действительности, что и достоверные суждения; вероятность в суждении есть средство познания объективного мира, способ выражения результатов познания объекта на данном уровне развития знания. Вероятное суждение не дает завершенную истину, но оно путь к ней. Не истинность подчинена вероятности, а вероятность является одной из форм достижения достоверного знания. Высказывание вероятного суждения имеет большое значение в науке. Так, характер вероятного суждения носит основное положение всякой научной гипотезы. Но наука не останавливается на формулировании вероятных, проблематических суждений, она стремится получить достоверное знание о закономерных связях явлений.

Вероятное и достоверное суждения взаимосвязаны друг с другом, в процессе развития нашего знания одно суждение переходит и становится другим. Так, вероятное суждение переходит в достоверное, когда гипотеза подтверждается.

Для суждения вероятности не безразлично, какое суждение приходит на смену ему: утвердительное или отрицательное. Когда на смену суждению вероятности приходит утверждение, то это означает его подтверждение. Утвердительное суждение не отрицает истинность вероятного, а развивает ее, превращает ее из вероятной в достоверную.

Достоверное суждение « S есть P » развивает и подтверждает истинность суждения « S вероятно P », а суждение « S не есть P » отрицает истинность его.

Достоверное суждение (или совокупность их) служит основанием для высказывания нового вероятного, проблематического, суждения. Нередко в процессе умозаключения из достоверных посылок мы получаем в выводе только вероятное суждение (например, умозаключения по аналогии и неполной индукции); таким образом, достоверные суждения служат основанием для вероятных, которые требуют проверки и доказательства.

Различие между достоверными и вероятными суждениями не абсолютно. Всякое суждение как развивающаяся мысль содержит некоторый элемент вероятного, приблизительного. Агностицизм

нельзя установить с уверенностью. Принципы логики и математики представляют единственную область, в которой достижима достоверность, но эти принципы являются аналитическими и пустыми. Уверенность неотделима от пустоты: не существует синтетического a priori (H. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy, Berkeley and Los Angeles, 1954, p. 304). Такого же взгляда придерживается, как мы уже показали, А. Айер.

и релятивизм субъективистски понимают самое вероятность, отрицая ее объективное содержание, превращая все наше познание в целом в вероятное, по их мнению, чисто субъективное.

Решая вопрос об истинности или ложности суждения вообще и в особенности вероятного суждения, мы не должны вырывать его из той системы суждений, в которой оно возникало в действительном научном познании. Вероятное суждение, возникшее в процессе развития познания, включает в себя в той или иной форме те достоверные суждения, на базе которых оно возникло, а это значит, в нем есть уже достоверные моменты. Так, например, в суждении «эта соляная кислота, полученная из поваренной соли, вероятно, слабо концентрирована» не все подвергается сомнению, а только та часть его, в которой говорится о слабой концентрации.

Так как суждение вероятности высказывается нами для того, чтобы пойти в познании дальше того, что достоверно установлено, то познавательная ценность, а значит, и истинность его не уступает познавательной ценности предшествующих достоверных суждений. Так как истина — это процесс отражения действительности, то в этом процессе проблематическое суждение занимает одно из центральных мест.

Вероятное суждение непосредственно связано с другой формой суждения — вопросом; предполагая что-либо в предмете, мы ставим проблему, задачу исследования, которая решается в дальнейшем развитии суждения. На базе утверждений (отрицаний) и предположений рождаются вопросы, толкающие исследователя на выявление новых сторон, свойств в предмете.

Вопрос вытекает не только из предположений, но и из других форм суждений — сообщений. Например, формулируя разделительное суждение: «*A* есть или *B*, или *C*», тем самым и ставят вопрос: «Что есть *A*?» Традиционная логика исключала вопрос из сферы суждения, а вместе с тем нередко из логики вообще.

Среди советских логиков резко противопоставляет вопрос и суждение профессор П. С. Попов². П. В. Таванец в отличие от П. С. Попова признает наличие суждения, утверждения или отрицания в вопросе, хотя и не считает его суждением. Академик В. В. Виноградов, подходя к этой проблеме со стороны лингвистики, также отходит от традиционной логики и в трактовке логической природы вопросительных предложений и их отношения к суждению³.

² См. П. С. Попов. Суждение и предложение.— «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 20, 24.

³ Примечательно следующее его высказывание: «Вопросительные предложения, выражающие запрос или требование определить то или иное действие, событие, предмет и т. п. с точки зрения качества, количества, времени и т. д., бывают очень различны по содержанию, по форме и по своим модальным значениям. Основные их типы предполагают наличие лежащего в основе их суждения (хотя и с не вполне определенным пре-

Спорить о том, является ли вопрос формой суждения или самостоятельной формой мысли, может быть, бесполезно, или все зависит от того, что мы будем понимать под суждением. Можно дать очень узкое определение суждения, исключив из него не только вопрос и побуждение, но и вероятные суждения, в которых утверждение и отрицание не носят чистого, непосредственного характера.

Более широкое толкование суждения, включающее в себя вопрос и другие формы мысли, имеет предпочтение перед узким истолкованием его не только в том смысле, что вопрос тем самым включается в сферу логических исследований, но, как нам представляется, и в том, что создаются предпосылки для более глубокого понимания как связей вопроса с другими формами суждения, так и понимания его специфики. Нередко исключение вопроса из суждения связывалось с отрицанием того, что вопрос является формой отражения действительности, формой познания объективной истины. Общность вопроса с тем, что по традиции называется суждением, на наш взгляд, более существенна, чем отличие их друг от друга.

Иногда утверждают, что включение вопроса в суждение стирает специфику мысли-вопроса. Но это не так. Включение мысли-вопроса в суждение не только не стирает особенностей вопроса, но создает все возможности для выявления этих особенностей, выяснения как связей, так и отличий вопроса от других форм суждений.

В истории логики были попытки включения вопроса в суждение, но они были неудачны. Во-первых, они основывались на идеалистическом истолковании суждения вообще и вопроса в частности, а во-вторых, искажали сущность и структуру самого вопроса.

Мы считаем, что мысль-вопрос имеет все общие признаки суждения. Во-первых, мысль-вопрос является формой отражения действительности; содержанием вопроса, как и других форм суждения, в конечном счете является объективный мир. Во-вторых, вопрос, как и всякая другая форма суждения, может быть истинным или ложным. Хотя, разумеется, истинность или ложность вопроса отличаются от истинности или ложности суждений-сообщений. В-третьих, вопрос, как и всякое другое суждение, представляет собой некоторую связь мыслей, отражающую объектив-

дикатом). Многие типы вопросительных предложений фактически выражают утверждение или отрицание...

Ведь и в вопросе что-то высказывается, сообщается и понимается. Вопрос тоже может быть истинным и ложным. Каждый вопрос исходит из ряда допущений, которые являются или истинными, или ложными. Искомый предикат в вопросе не раскрыт. Но и в прямом вопросе содержится свернутые (имплицитные) или неопределенные предикаты, обеспечивающие самую возможность указать на искомый предикат» (В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова.— «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 84).

по существующие связи явлений действительности. В-четвертых, всякий вопрос имеет субъектно-предикатную форму, т. е. всякий вопрос имеет субъект, предикат и связку. Наконец, мысль-вопрос реально существует, как и суждение вообще, в форме предложения.

На основе этого мы рассматриваем мысль-вопрос как одну из многообразных форм, ступеней в развитии суждения. Но ограничиться вскрытием общего, что есть у вопроса с другими формами суждения, нельзя, необходимо еще выяснить специфику вопроса как формы суждения, ее отличие от других форм, в особенности от суждения-сообщения; это сделать тем более необходимо потому, что сами мысли-вопросы многообразны.

В отличие от суждения-сообщения основное назначение суждения-вопроса состоит не в сообщении готовой мысли, а в стремлении говорящего выяснить нечто, побудить собеседника или себя к сообщению и развитию мысли. Но так как вопрос не может производиться без всякого основания, без какого-либо предшествующего знания, то в содержании вопроса можно выделить две части, тесно связанные между собой.

Основу всякого вопроса составляет суждение-сообщение, которое является базой вопроса, трамплином для того прыжка в знании, который намечается вопросом. Так, например, вопрос «На какой улице в Москве находится Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина?» основывается на суждении-сообщении «Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина находится в Москве». Но суждение-вопрос содержательнее этого суждения-сообщения, ибо оно содержит в себе еще запрос о чем-либо (побуждение в удовлетворении потребностей в определенных сведениях). При этом в суждении-вопросе указывается: какие элементы мысли являются неизвестными, в каком направлении будет дальше развиваться суждение-сообщение.

Эти два момента в суждении-вопросе (суждение-сообщение и запрос) находятся в такой взаимной связи, что только присутствие обоих их дает мысль-вопрос. Если не будет суждения-сообщения, лежащего в основе вопроса, то нельзя построить никакого вопроса, а при отсутствии запроса о чем-либо смешно говорить о мысли-вопросе. В нашей литературе имеется тенденция при анализе мысли-вопроса обращать внимание только на запрос, как на наиболее характерную и специфичную часть вопроса. Конечно, запрос создает оригинальность этой формы мысли, но при анализе мысли-вопроса мы должны брать ее в целом, как она в действительности существует. Обращая внимание только на один запрос, нельзя понять сущности суждения-вопроса.

Один запрос «куда?» так же не составит мысли-вопроса, как «туда» — суждения-сообщения. Запрос «куда?» образует некоторую законченную мысль-вопрос только тогда, когда известно, куда спешить, идешь, едешь и т. д. Одно «куда?» не мысль-вопрос, а вопросительное слово в словаре.

В вопросительных предложениях для выражения запроса используются специальные грамматические и логические средства, как-то: вопросительные местоимения и частицы, особый порядок слов в предложении, своеобразная вопросительная интонация.

Лингвисты обыкновенно делят вопросы на два типа: 1) местоименные и 2) неместоименные. Первые «побуждают собеседника к такому ответу, который расширяет знание вопрошающего, сообщает о том, чего не содержится в вопросе. На этом основании эти вопросы называются исследовательскими, познавательными...

Неместоименные вопросы называются так потому, что в них не входят вопросительные местоимения. Роль этих вопросов — проверять то, что известно. Ответы на эти вопросы не расширяют познания вопрошающего: это — утверждение или отрицание (да или нет).

Эти вопросы называются также подсказывающими: все содержание ответа дано в вопросе. Так, называемые «полные ответы» вопрошаемого могут создать иллюзию знаний.

Вопрос выражается или частицами (ли, разве, неужели), или одной интонацией»⁴.

Против лингвистического деления вопросов на местоименные и неместоименные трудно что-либо возразить. Однако никак нельзя согласиться с тем, что одни носят исследовательский характер и побуждают собеседника к ответу, расширяющему знание, а другие не расширяют знания вопрошающего, а только проверяют его. В действительности, всякий вопрос побуждает нас к ответу, расширяющему наше знание. Когда мы спрашиваем: «Пойдете ли вы сегодня в лес?», то в этом вопросе не содержится какой-то один определенный ответ. Если бы ответ был полностью известен в самом вопросе, то необходимость в вопросе отпала бы, он был бы излишним. На данный конкретный вопрос может быть не два, как утверждает Петерсон, ответа (или пойду, или не пойду), а по крайней мере три: «он пойдет сегодня в лес», «он не пойдет сегодня в лес», «он, вероятно, пойдет сегодня в лес», и спрашивающему совершенно неизвестно, какой из этих трех ответов он получит. Следовательно, ответ на поставленный вопрос и в данном случае расширяет познание вопрошающего, дает конкретный ответ, который не был известен ему.

Деление вопросов на местоименные и неместоименные является лингвистическим, а не гносеологическим, оно дает возможность уяснить особенности грамматической структуры вопросительного предложения, а не логической структуры суждения-вопроса и его места в процессе познания.

Формы вопроса и функции его многообразны. В разных вопросах вопросительность имеет различный характер. На примере

⁴ М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, стр. 94—95.

неместоименных вопросов можно показать, насколько разнообразны они по своей семантике.

Вопрос может носить нейтральный характер. Тогда спрашивающий в равной мере ожидает как утвердительный, так и отрицательный ответ («Он поехал в Ленинград?»). Но этот же самый вопрос спрашивающий может посредством интонации поставить так, чтобы чувствовалось, какой ответ он больше ожидает: утвердительный или отрицательный. Тогда вопрос из нейтрального превратится в предположительный. В удостоверительном вопросе («Значит, он уехал в Ленинград?») ожидается подтверждение, хотя и не исключается отрицание.

В вопросительных восклицаниях («Как можно так утверждать?») и в различных формах псевдovoпросов (удивлениях: «Неужели это может случиться?», риторических вопросах: «Какой капиталист откажется от получения прибыли?») собственно вопроса становится все меньше; в риторическом вопросе нет запроса, вопрос сохраняется как форма, придающая суждению-сообщению особую эмоциональную окраску.

Таким образом, мы видим, что различные формы вопроса по своей семантике дальше или ближе стоят к суждению-сообщению, выполняя различные функции в мышлении.

С логической точки зрения, все вопросы можно разделить на две группы: 1) суждение-вопрос, в котором запрос входит как элемент предиката; 2) суждение-вопрос, в котором запрос составляет связку суждения.

Разберем логическую структуру первого вида суждения-вопроса. Его отличие от суждения-сообщения состоит в том, что он в предикате содержит запрос, например, «куда уехал вчера твой брат?». В основе этого вопроса лежит суждение-сообщение «твой брат вчера уехал». «Твой брат» — *S*, «вчера уехал» — *P*, связка утвердительная «есть». В этом суждении вопрос «куда?» относится к «уехал», он показывает, в каком направлении будет развиваться предикат суждения-сообщения «уехал». Поэтому структура суждения-вопроса «куда уехал вчера твой брат?» представляется следующим образом: «Твой брат» — *S* «Вчера уехал куда?» — *P*, связка — утвердительная — «есть», а само суждение можно выразить так: «Твой брат вчера уехал куда?» Как видно, специфичность данного суждения-вопроса и его отличие от суждения-сообщения, лежащего в его основе, состоит в своеобразии предиката, в котором содержится не только мысль о тех признаках, свойствах, состояниях, действиях предмета, наличие или отсутствие которых уже установлено в предмете, но и направленный запрос о свойствах, состояниях и т. д. предмета, наличие или отсутствие которых не определено у предмета.

Л. Д. Гржегоржевский⁵ называет тот член вопроса, который

⁵ См. Л. Д. Гржегоржевский. Краткий очерк сочетания вопросительных предложений с двумя и тремя «неизвестными» членами и происходящих

требует изъяснения в ответном предложении, изъясняемым, а вопрос, указывающий направление изъяснения, — неизвестным изъясняющим членом. В нашем примере «уехал» — изъясняемый член, а «куда?» — неизвестный изъясняющий член, который играет основную роль в развитии суждения, в образовании нового суждения-сообщения. В суждении-сообщении, полученном в результате ответа, вопрос (неизвестный изъясняющий член) заменяется определенным признаком, свойством, состоянием, отношением и т. д. (известным изъясняющим членом). На наш вопрос можем получить ответ: «Мой брат уехал вчера на дачу».

Суждение-вопрос богаче и содержательнее суждения-сообщения, лежащего в его основе, но беднее по содержанию нового суждения-сообщения, полученного в результате ответа на вопрос.

1. «Твой брат вчера уехал» — первое суждение-сообщение, на основе которого строится вопрос.
2. «Твой брат вчера уехал куда?» — суждение-вопрос. В предикате появляется вопрос «куда?», который относится к «уехал» и показывает направление развития предиката.
3. «Твой брат вчера уехал на дачу» — новое суждение-сообщение, полученное в результате ответа на вопрос. «Куда?» в предикате заменяется указанием конкретного места («на дачу»).

Из сравнения этих трех суждений можно уяснить место суждения-вопроса в развитии нашего знания. Путем суждений-вопросов происходит движение от одного суждения-сообщения, менее конкретного и содержательного, к другому, более конкретному и содержательному. С помощью вопросительного местоимения ставится вопрос о любом интересующем нас элементе мысли, отражающем определенные явления действительности.

Суждения с вопросом в предикате могут быть выражены в предложении и без местоимений. Запрос может выражаться другими средствами, например логическим ударением, интонацией: «Твой брат вчера уехал на *дачу?*». В основе этого вопроса лежит суждение-сообщение «твой брат вчера уехал». Кроме того, спрашивающему известно также, что он может уехать на дачу. Следовательно, данное суждение-вопрос, строится на более содержательном знании, чем вопрос «Куда уехал вчера твой брат?», а потому и сам вопрос конкретнее. Структуру этого суждения-вопроса можно представить так: «Твой брат» — *S*, «вчера уехал на дачу?» — *P*, связка — утвердительная — «есть». В этом суждении тоже в предикате запрос, причем более конкретный, чем «куда?», ибо высказывается предположительно место, куда он мог уехать. Проанализируем четыре суждения:

- 1) «Твой брат вчера уехал».
- 2) «Твой брат вчера уехал куда?»

от этих вопросительных ответных предложений, с двумя и тремя «неизвестными» и «известными» членами. СПб., 1913.

3) «Твой брат вчера уехал на дачу?»

4) «Твой брат вчера уехал на дачу».

Для формирования суждения-вопроса (3) недостаточно суждения-сообщения (1). Чтобы спрашивать, на дачу ли уехал некто, нужно знать о существовании такой возможности. Следовательно, суждение-вопрос (3) конкретнее и содержательнее суждения-вопроса (2).

Все четыре суждения отличаются друг от друга только предикатами, в двух суждениях в предикатах вопросы: в одном (2) абстрактный вопрос (куда?), в другом конкретный (на дачу?). Один вопрос выражается в форме местоименного вопросительного предложения, а другой — неместоименного вопросительного предложения. С точки зрения логической структуры они почти не отличаются друг от друга, нельзя называть один исследовательским, а другой подсказывающим. Оба они требуют такого ответа, который не содержится и не может содержаться в самом вопросе. Суждение-вопрос (3) хотя более конкретно, но и на него могут быть различные ответы, которых не предполагает спрашивающий. На вопрос: «Твой брат уехал вчера на дачу?» — можно ответить: «Нет, в командировку в Ленинград».

Как абстрактный, так и конкретный вопрос можно ставить о любом элементе мысли-суждения: «Твой брат вчера уехал на дачу?», «Вчера уехал твой брат на дачу?», «Твой брат уехал вчера на дачу?». Эти суждения-вопросы отличаются друг от друга теми суждениями-сообщениями, которые лежат в их основе. Так, в основе суждения-вопроса «вчера уехал твой брат на дачу?» лежит суждение «твой брат уехал на дачу», а не «твой брат вчера уехал».

Вопрос в суждении может быть только в предикате, но не в субъекте. На первый взгляд может показаться, что в суждениях: «Твой брат уехал вчера на дачу?» или «Кто уехал вчера на дачу?», вопрос заключен в субъекте суждения. Но это только кажется, в действительности же и вопрос, и ответ на него не могут находиться в субъекте. Для доказательства проанализируем суждение «кто вчера уезжал на дачу?». В основе этого суждения-вопроса лежит суждение-сообщение «уехал вчера на дачу». Субъектом этого суждения является «уехал» (или «отъезд»), а предикатом «вчера на дачу». Структуру суждения «кто вчера уехал на дачу?» можно представить так: «уехал» — субъект, а «вчера на дачу кто?» — предикат. В суждении «твой брат вчера уехал на дачу?» вопрос «твой брат?» также входит в предикат. Ответы на эти вопросы также войдут в предикаты.

1) $\underbrace{\text{Уехал}}_S \quad \underbrace{\text{вчера на дачу}}_P$.

2) $\underbrace{\text{Уехал}}_S \quad \underbrace{\text{вчера на дачу кто?}}_P$

3) $\underbrace{\text{«Уехал»}}_S \quad \underbrace{\text{вчера на дачу твой брат?}}_P$

4) $\underbrace{\text{«Уехал»}}_S \quad \underbrace{\text{вчера на дачу твой брат}}_P$

Так как суждение (4) образовалось в результате ответа на вопрос «кто уехал на дачу?», то ответ «твой брат» входит не в содержание субъекта, а в содержание предиката суждения. На этом примере мы еще раз можем убедиться в том, что субъект и предикат суждения подвижны, что анализировать структуру суждения надо в системе знаний, а не изолированно. Можно по-разному представить структуру одного и того же суждения «твой брат уехал вчера на дачу». Субъектом этого суждения можно считать и «твой брат», и «уехал», в зависимости от того, как образовалось это суждение, в результате ответов на какие вопросы.

Ответ на вопрос всегда составляет элемент предиката, а это значит, что и сам вопрос относится к нему. Вообще всякое суждение-сообщение образовалось в результате ответа на какой-то вопрос, и структуру его можно понять, зная, как образовалось это суждение, т. е. анализируя систему суждений.

С развитием суждения происходит развитие как предиката, так и субъекта. Собственно предикат суждения должно составлять только то, что получено в результате ответа на последний вопрос, именно то новое, что получено в результате ответа на этот вопрос, а то, что было получено как ответ на предыдущие вопросы, переходит в субъект. Поэтому с обогащением предиката суждения обогащается и субъект.

1) $\underbrace{\text{«Твой брат — уехал»}}_S$

2) $\underbrace{\text{«Твой брат уехал — на дачу»}}_S$

3) $\underbrace{\text{«Твой брат уехал на дачу — вчера»}}_S$

4) $\underbrace{\text{«Твой брат вчера уехал на дачу — с сыном»}}_S$

Когда в результате ответа на вопрос получен новый предикат, то предикат предшествующего суждения переходит в субъект. Предикат — это новое в суждении.

«На дачу» — этот предикат утверждается не просто о твоём брате, а об уехавшем твоём брате, а «вчера» — этот предикат утверждается о твоём брате, уехавшем на дачу. Предшествующее суждение представляет собой субъект нового суждения. В этом смысле и можно говорить, что всякое суждение сложно, ибо

субъект всякого суждения представляет собой свернутое предшествующее суждение.

Многие лингвисты говорят о так называемых сверхфразных единствах — периодах, выделяемых красной строкой, разделах, параграфах, главах и даже целых произведениях⁶. Эти сверхфразные единства выражают какую-то цельную мысль; анализируя ее, мы можем найти в ней и свой субъект и свой предикат, которые будут сами состоять из ряда суждений. Но эту мысль можно выразить и одним суждением, которое объединяет группу суждений в одно целое. Например, имеется группа суждений, каждое из которых получено самостоятельно, в результате наблюдения за предметом: «Летит». «Самолет». «Реактивный». «На Восток». «Советский». Эти суждения можно потом объединить в одно, подводя итог наблюдению: «Советский реактивный самолет летит на Восток». Здесь как субъект, так и предикат состоят из суждений. Так можно рассматривать любое суждение.

В другом типе суждения-вопроса запрос образует связку суждения. Сюда входят неместоименные вопросы, которые в лингвистике еще называются общими. Общими они называются именно потому, что относятся к предложению в целом, т. е. касаются основного акта предикации, в отличие от частных, когда вопрос касается только части предиката. Например: «Твой брат *уехал* вчера на дачу?» Структура этого суждения отличается как от суждения-сообщения, так и от рассмотренных выше суждений-вопросов. От суждения-сообщения она отличается тем, что целью этого суждения является не сообщение какой-то определенной мысли, а запрос. В отличие же от суждений-вопросов, с которыми мы имели дело раньше, в этом суждении предикат определен («уехал вчера на дачу»), в нем нет вопроса. Вопрос ставится не о каком-то отдельном элементе предиката (никакого нового элемента мысли в предикате не предполагается вопросом), а о связке суждения — будет ли она утвердительной или отрицательной. На вопрос «твой брат *уехал* вчера на дачу?» возможны ответы суждения-сообщения: «Да, мой брат уехал

⁶ «Несомненно, однако, — пишет Л. А. Булаховский, — что даже фраза не есть то наибольшее целое, в котором сознанию обнаруживаются словесные массивы. Если не говорить о таких наибольших словесных организациях, какими являются целые произведения слова — статьи, повести, романы и под., внешнее оформление которых тоже должно быть подчинено некоторому единству в содержании и в избираемой форме (разбивка на части, их заглавия и под.), — то нужно учитывать во всяком случае наличие тех больших, чем фразы, но еще обыкновенно отчетливо схватываемых единств словесного выражения, в которых налицо бывают конкретные приметы синтаксического характера, — так называемые *сверхфразные единства*. Практика издавна считается с их существованием. Их внешним выражением на письме служит *красная строка*, отделяющая одно такое единство от последующего; однако достаточно часто встречаются и такие сверхфразные единства, когда и красная строка оказывается знаком лишь внутреннего членения большего единства» (Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 1. Киев, 1952, стр. 392).

вчера на дачу» и «нет, мой брат не уехал вчера на дачу», и «вероятно, мой брат уехал на дачу». В одном суждении связка утвердительная, в другом — отрицательная, а в третьем — вероятная.

Таким образом, в процессе развития суждения, в переходе от вопроса к ответу вопросительная связка переходит или в утвердительную, или в отрицательную, или в вероятную.

Связка-вопрос — специфическая форма связки, отличающаяся не только от утверждения или отрицания, но и от вероятной связки. Существовало мнение⁷, согласно которому вопрос идентичен проблематическому, вероятному суждению. Например, вопрос «твой брат *уехал* вчера на дачу?» и суждение «твой брат, вероятно, вчера уехал на дачу?» якобы ничем не отличаются друг от друга. В действительности же дело обстоит не так, это два разных суждения, хотя и близких друг другу. Целью одного суждения является сообщение о вероятности совершения какого-либо события, целью же второго — запрос, стремление точно установить, совершилось ли данное событие или нет. При чем вероятное суждение служит основой данного суждения-вопроса, и его можно получить в ответе, когда вопрошаемый знает об этом событии столько же, сколько спрашивающий.

Сам вопрос-суждение содержательнее этого ответа, ибо, предполагая данное суждение, оно включает еще запрос, стремление получить точный ответ. Следовательно, вопросительная связка в суждении возникает при переходе от вероятного суждения к достоверному. Для всякого суждения-вопроса характерным является переход от одного законченного суждения-сообщения к другому. Но этот тип суждения-вопроса отличается от ранее рассмотренного нами тем, что, в то время как там мы стремимся перейти от одного предиката к другому, более содержательному, здесь мы намечаем пути перехода от одной связки (вопросительной) к другой (или утвердительной, или отрицательной), обеспечивающей достоверное знание.

Вопросительная форма связки имеет свое грамматическое выражение. Вопросительные частицы (ли, неужели), ударение и интонация — вот те языковые средства, с помощью которых в предложениях находит свое выражение эта форма связки.

Два основных типа суждений-вопросов отличаются друг от друга и в решении проблемы истинности. Истинность вопроса выступает в форме правомерности постановки его и определяется посредством истинности того суждения-сообщения, которое лежит в основе вопроса. Суждение-вопрос «сколько у собаки копыт?» — ложно, ибо ложно утверждение, лежащее в его основе («собака — копытное животное»).

Ложный вопрос направляет развитие нашего суждения по бесплодному пути, не обеспечивающему всестороннее и полное отра-

⁷ См. В. Н. Карпов. Систематическое изложение логики. СПб., 1856.

жение действительности, и, наоборот, истинный вопрос развивает дальше содержание нашего суждения, верно отражающего действительность, приводит нас к новому суждению-сообщению, глубже и точнее постигающему мир.

Различие между двумя типами суждений-вопросов в отношении истинности состоит в том, что в одном основой является суждение как утверждение или отрицание, а в основе другого лежит вероятное суждение-сообщение, истинность или ложность которого в свою очередь, как мы уже отмечали, опосредована другими достоверными суждениями-сообщениями. В первом случае мы идем от одного суждения-сообщения, носящего достоверный характер, к другому, по возможности достоверному во втором случае — от суждения вероятности к достоверному суждению.

На вопрос «твой брат уехал вчера *на дачу*?» может быть ответ «вероятно». В таком случае от утвердительного суждения «твой брат вчера уехал» мы приходим к суждению вероятности «твой брат вчера уехал, вероятно, на дачу». В последнем суждении субъектом является «твой брат вчера уехал», «на дачу» — предикат, а «вероятно» — связка. Это еще раз подтверждает нашу мысль, что все суждения-сообщения, лежащие в основе вопроса, в новом суждении, полученном после ответа, перейдут в субъект, а предикатом будет только то, что получится в результате ответа на вопрос, в данном случае «на дачу». Этот ответ нельзя представить в форме такого суждения-вероятности: «Твой брат, вероятно, вчера уехал на дачу» (предикат «вчера уехал на дачу»), так как в таком случае пропадает то достоверное знание, которое служило основой вопроса («твой брат вчера уехал»). В суждении же «твой брат, вероятно, вчера уехал на дачу» под сомнение ставится все, «и уехал», и «вчера», и «на дачу», хотя вопрос касался только «дачи» и вероятность должна относиться только к ней, а все ранее установленное перейти в субъект.

Вопросы имеют огромное значение в науке. Приращение роли вопроса в познании действительности характерно для логиков современного позитивизма, утверждающих, что наука состоит только из положений, которые подтверждаются посредством логического вывода или эмпирического испытания. Вопросы же не входят в состав науки. Исключает вопросы из сферы логического исследования Карнап. «Наше исследование,— пишет он,— относится *только к повествовательным предложениям* и оставляет в стороне всякие предложения других видов, т. е. вопросительные, повелительные и т. д. ...»⁸

Отрицает всякое познавательное значение вопросов Герберт Фейгль⁹, который выделяет следующие виды предложений и выражений: 1) логически правильные предложения; 2) логически

⁸ R. Carnap. Introduction to Semantics. Cambridge (Mass.). 1946, p. 14.

⁹ См. H. Feigl. Logical Empiricism.— «Twentieth Century Philosophy». New York, 1947, p. 383.

неправильные; 3) фактически верные; 4) фактически неверные; 5) эмоциональные.

Первые два вида предложений являются истинными или ложными в силу их формы и не связаны ни с какими фактами. Истинность или ложность фактических суждений устанавливается через непосредственное наблюдение; точнее, о них нельзя говорить, истинны они или ложны в смысле соответствия объективной действительности, а правильное говорить — подтверждаются или не подтверждаются накопленной суммой благоприятных или неблагоприятных наблюдений.

Последний вид предложений обращен только к чувствам и не имеет никакого познавательного значения. Сюда относятся живописные, фигуральные, метафорические выражения, восклицания, междометия, слова похвалы и порицания, призывы, просьбы, повеления, приказания и вопросы. Все эти формы мысли, в том числе и вопросы, выводятся за пределы научного мышления.

Стремление построить систему науки, в которой бы не находился никакого места вопрос как форма движения познания, порочно в своей основе. Оно основывается на извращенном понимании процесса научного мышления.

В действительности вопросы входят в содержание науки. Правильная постановка вопроса имеет огромное значение в развитии научного знания. Вопрос — одна из форм познания и раскрытия предмета. Нет такой науки, которая бы обходилась без постановки вопросов (проблем). Правильная постановка вопроса есть результат сложной мыслительной деятельности. Вопрос логически следует из всего предшествующего анализа предмета.

Для правильной постановки вопроса огромное значение приобретает определение основной тенденции в развитии предмета, его противоречия.

Чтобы плодотворно поставить вопрос, надо подвести итоги всего предшествующего познания предмета, выяснить, какой вопрос возможно и необходимо поставить в данном случае, на данном уровне развития знания, какая существенная сторона предмета необходима для познания.

Правильно поставить вопрос — это уже в значительной мере определить его решение. Но постановкой вопроса не заканчивается анализ предмета. Чтобы решить вопрос, надо тщательно изучить его.

Анализ вопроса включает в себя уяснение противоречия, на решение которого направлен вопрос. Прежде чем решать вопрос, надо предвидеть, что может дать решение этого вопроса, т. е. надо выяснить характер самого вопроса. Уже при постановке вопроса определяется способ его решения.

Из истории КПСС известно, что подъем рабочего движения в России в начале XX в. ставил вопрос о создании единой централизованной партии рабочего класса. Возник вопрос, с чего начать построение единой партии рабочего класса. Постановка

вопроса предполагает анализ создавшегося положения в рабочем движении после I съезда партии, выявление основного противоречия в рабочем движении (основную опасность на данном этапе представляла организационная и идейная неразбериха). Поставив этот вопрос, В. И. Ленин дал анализ его, обосновал, почему возникает он, как нужно подойти к ответу, какие возможны ответы и какой ответ является правильным. Он показал, что решение этого вопроса неразрывно связано с другим, чрезвычайно важным вопросом: какая партия нужна рабочему движению, на каких принципах она должна быть построена. Первым шагом построения партии должна быть организация общерусской политической газеты, которая и поможет уяснить принципы построения социал-демократической партии.

Следующей разновидностью суждения является побуждение.

Традиционная логика обычно с побуждением поступала так же, как и с вопросом,—исключала его из суждения на том основании, что в нем нет непосредственного утверждения принадлежности или непринадлежности какого-либо признака предмету. Из советских логиков так трактует сущность побуждения П. В. Таванец.

Сходство суждения и побуждения П. В. Таванец устанавливает по следующим пунктам: 1) побуждение, как и суждение, выражается в предложении; 2) побуждение, как и суждение, высказывается в отношении чего (кого)-либо; 3) побуждение, как и суждение, есть мысль, известным образом отображающая действительность, и в отношении его можно ставить вопрос, правильно оно или неправильно. «Различие,—пишет П. В. Таванец,—между суждением и побуждением выражается прежде всего в том, что побуждение, в отличие от суждения, непосредственно не утверждает (и не отрицает) что-нибудь о чем-либо, а побуждает что-либо (кого-либо) к чему-либо¹⁰. На основании только этого различия он и отказывает побуждению в достоинстве суждения.

Но черты сходства, которые справедливо устанавливает П. В. Таванец между суждением и побуждением, *существенны*. Различия между суждением и побуждением возникают лишь в результате чрезмерно узкого понимания суждения, ограничения сферы суждения явно выраженным утверждением или отрицанием.

Побуждение имеет все существенные признаки суждения: 1) побуждение есть связь мыслей, отражающая объективно существующие связи в мире; 2) побуждение имеет субъективно-предикатную форму; 3) в отношении побуждения можно ставить и решать вопрос об истинности и ложности. Но побуждение — специфическая форма суждения, отличная как от суждения-сообщения, так и от суждения-вопроса; особенность побуждения

¹⁰ П. В. Таванец. Суждение и его виды. М., 1953, стр. 26.

состоит в том, что его целью является не сообщение достигнутого, законченного знания, а побуждение собеседника, но не к ответу на поставленный вопрос, а к определенному действию.

Побуждение к определенному действию возможно только на определенной основе, какой является суждение-сообщение, составляющее существенную часть всякого побуждения. Так, в основе побуждения «закройте форточку!» лежит суждение-сообщение «форточка открыта». Но основой побуждения является не только это суждение-сообщение, но еще ряд других, в частности убеждение, что в комнате достаточно свежего воздуха и дальше держать форточку открытой нецелесообразно, другими словами, побуждение вытекает из ряда суждений-сообщений. Но даже вся сумма этих суждений-сообщений не исчерпывает всего содержания побуждения, ибо основная цель его состоит не в том, чтобы передать все эти суждения-сообщения, а побудить на их основе кого-либо к определенному действию, которое указывается побуждением.

Субъектно-предикатная форма в побуждении имеет свои специфические особенности. Субъектом выступает мысль о том лице, к которому обращено побуждение, предикатом — мысль о действии, которое необходимо этому лицу совершить, связкой — указание, что данное действие относится к тому лицу, мысль о котором составляет субъект суждения-побуждения. Например, в суждении «закройте форточку!» субъектом является мысль о том лице, к которому обращено это побуждение, мысль об этом лице не находит часто выражения в отдельном слове во внешней речи (как в данном примере), но она уясняется из ситуации и контекста; предикатом — само побуждение «закройте форточку!», а связкой — указание, что это побуждение относится к данному лицу, она тоже не выражена специальным словом.

Своеобразие суждения-побуждения состоит не только в специфичности предиката, но и в специфичности его субъекта. Субъект — всегда мысль о лице или совокупности таких лиц, которые могли бы совершить действие, желательное тому, кто обращается с побуждением.

Суждение-побуждение имеет свою специфику и в отношении решения вопроса об истинности или ложности его. Решая вопрос об истинности побуждения, мы прежде всего должны установить истинность или ложность тех суждений-сообщений, которые входят в побуждение и на основе которых оно строится. Если эти суждения-сообщения ложны, то побуждение нецелесообразно, не соответствует объективной необходимости, и, следовательно, ложно, если же эти суждения-сообщения истинны, то побуждение соответствует объективным связям явлений в действительности и, следовательно, оно истинно. Так, например, побуждение «закройте дверь!», когда она и так закрыта, ложно, не соответствует объективным связям. Это же побуждение будет ложным, не соответствующим создавшейся ситуации, если мы видим, что от-

крытая дверь необходима: в нее проносят мебель или какие-либо другие вещи.

Таким образом, когда решается проблема истинности или ложности суждения-побуждения, то устанавливается истинность или ложность тех суждений-сообщений, которые лежат в его основе, и в связи с этим решается вопрос о соответствии или несоответствии данного побуждения создавшейся объективной ситуации, связи явлений, объективной необходимости и т. д. Если побуждение соответствует сложившейся объективной ситуации и верно ее отражает, намечает такие действия, необходимость которых вытекает из этой ситуации, то оно истинно, если же оно не только не соответствует, а, наоборот, противоречит объективной ситуации, намечает такие действия, которые необходимы и, больше того, противоречат этой ситуации, тогда суждение-побуждение ложно. В соответствии побуждения объективной ситуации, в отражении им ее и состоит специфичность постановки и решения проблемы истинности или ложности его.

б) Суждение и предложение

Суждение как форма мысли существует и развивается только в форме языка. Формой существования суждения является предложение.

Вопрос об отношении суждения как формы мысли к предложению как грамматической форме привлекал издавна внимание как логиков, так и лингвистов. Правильное решение этого вопроса логикой затруднено тем, что лингвисты до сих пор не дали еще ответов на многие вопросы учения о предложении и его видах, нет согласия между лингвистами даже в определении самого понятия предложения, больше того, нередко среди них раздаются голоса, что предложение вообще нельзя определить и нет даже необходимости его определить.

Но всякий лингвист тем не менее старается дать определение предложения¹¹.

¹¹ Приведем несколько определений предложения: «Есть одно очень общее и потому неясное определение предложения в речи, в котором наиболее могут сходиться различные в других отношениях взгляды на природу предложения, а именно определение, по которому предложение в речи является выражением цельной мысли в слове или в словах» (Ф. Форгуна-тов. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. — «Русский филологический вестник», т. LIII, № 1—2. Варшава, 1905, стр. 65). «Предложение — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1925, стр. 1). «Понятие предложения употребляется в синтаксисе в двух смыслах: более широком — законченной мысли, выраженной словами (в таком смысле употребляется еще и термин *фраза*), и в более узком — синтаксической единицы, характеризующейся наличием сказуемого» (Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 269). «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного

Рассматривая эти определения, мы можем найти в них нечто общее, а именно: предложение служит для выражения определенной единицы мысли. Но что это за мысль, какова ее форма? Лингвисты по-разному отвечали на этот вопрос.

Ф. Буслаев весьма просто решал его: слова являются названием общих понятий или представлений, «суждение, выраженное словами, есть *предложение*»¹², умозаключению соответствует сложное предложение. При этом суждение он понимал в традиционном смысле, как формальная логика того времени. Ф. Буслаев устанавливал полное тождество между структурой суждения и структурой предложения, растворя последнее в первом; кроме суждения, он ничего иного не видел в предложении.

Концепция Ф. Буслаева была подвергнута критике психологическим направлением в грамматике. В решении вопроса об отношении предложения к суждению психологины исходили из положения, что каждый язык имеет свою особую логику, причем явления языка нужно объяснять не логикой общечеловеческого мышления, а индивидуальной логикой самого языка. Один из представителей психологического направления — Штейнталь считал, что языковые и логические категории абсолютно несовместимы и относятся друг к другу как понятие круга и красного¹³. В результате такого отрыва грамматических категорий от логических Штейнталь пришел к выводу, что язык является своеобразным мышлением, развивающимся согласно только ему одному присущим законам и категориям, которые изучаются грамматикой¹⁴. А некоторые психологины (Пауль) стали даже утверждать, что действительным объектом лингвистики является изучение языка и логики индивидуума.

Многие русские языковеды находились под влиянием психологического направления в лингвистике и проводили его в трактовке семантики предложения. Так, Потебня, критикуя отождествление суждения и предложения, писал: «Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением. Названия двух членов последнего (подлежащее и сказуемое) одинаковы с названиями двух из членов предложения, но значения этих названий в грамматике и логике различны. Термины «подлежащее», «сказуемое» добыты из наблюдения над словесным предложением и в нем друг другом не заменимы.

языка целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» (В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 3).

¹² Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1881, стр. 8.

¹³ См. Н. Steinthal. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin, 1855, S. 221—222.

Там же, стр. 224.

Между тем для логики в суждении существенна только сочетаемость или несочетаемость двух понятий, а которое из них будет названо субъектом, которое предикатом, это для нее, вопреки существующему мнению, должно быть безразлично... Категории предмета и его признака не нужны для логики, для которой и то, и другое — только понятия, совокупности признаков. Тем менее возможно вывести из логического суждения прочие члены предложения: определение, обстоятельство, дополнение»¹⁵.

В этом высказывании Потебни наряду с правильными мыслями о том, что грамматические предложения не тождественны суждению, подлежащее и сказуемое предложения — грамматические, а не логические категории и т. д., имеются и неправильные положения, а именно: неверно понимание сущности суждения как сочетания понятий. Нельзя согласиться с утверждением Потебни, что категории предмета и его признака не логические, а грамматические. Сам Потебня склонен считать, что предложение выражает не логическое, а психологическое суждение.

Сущность этого акта мысли, отличного от логического суждения, Фортунатов определяет как связь двух представлений — господствующего и подчиненного: «Психологическое суждение включает в себе, следовательно, три элемента, но в выражении психологического суждения в речи, хотя бы и в полном, сознание связи между представлениями, образующими отдельные части суждения, понятно, не может выражаться отдельно и входит в выражение одной из этих частей. Поэтому и в психологическом суждении, рассматриваемом по отношению к выражению его в речи, мы можем различать два элемента: первую часть психологического суждения и вторую в открываемом мыслью отношении ее к первой части. Вторая часть психологического суждения в ее отношении к первой части может быть называема психологическим сказуемым, а первая, предполагаемая такою второю частью, — психологическим подлежащим...»¹⁶

Субъект психологического суждения — представление или комплекс представлений, появляющийся в сознании говорящего или слушающего первым, а психологический предикат — то содержание, которое примыкает к этому первому представлению, другими словами, субъектом является представление, на которое говорящий обращает внимание слушающего, а предикатом — то, что слушающий должен мыслить об этом представлении.

Правильно указывая, что содержание предложения не тождественно логическому суждению, представители психологического толкования семантики предложения доводят до абсурда субъективный момент в нем. Суждение выступает у них не как форма

А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 61.

¹⁶ Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. — «Русский филологический вестник», т. LIII, № 1—2, стр. 67—68.

отражения объективного мира, а как сочетание представлений, определяемое волей человека. Концепция психологистов оказывается направленной не столько против крайностей и формально-логического понимания предложения и его отношения к суждению (Буслаев и др.), сколько против материалистического истолкования сущности суждения.

Концепция психологического суждения как семантической основы предложения приводит к отрыву мышления от языка. Примером такого явного отрыва мысли от языка могут служить взгляды на отношение суждения и предложения Д. Овсянико-Куликовского, выделявшего три стадии в развитии мысли: 1) психологическое суждение, 2) предложение, 3) логическое суждение.

Психологическое суждение предшествует языку вообще, предложению в частности. Эта форма мысли свойственна мышлению животных и детей в раннем возрасте.

Словесное предложение — более высокая форма мысли¹⁷.

Если в психологическом суждении члены его (субъект и предикат) являются психологическими образами, то в предложении они приурочиваются к известным грамматическим категориям. Так, подлежащее психологического суждения наряжается в форму имени существительного в именительном падеже и из образа как суммы известных впечатлений превращается в понятие вещи, предмета или субстанции, становясь подлежащим словесного предложения. «Сказуемое в свою очередь, — пишет Д. Овсянико-Куликовский, — уже не только образ, приведенный в предикативную связь с подлежащим, но опять-таки образ упорядоченный, приуроченный к категории *вещи* или к категории *прилика*. Наконец, связка преобразуется в ту более или менее отвлеченную категорию отношения, которая апперцепируется так называемым «вспомогательным глаголом» (есть, быть, являться и проч.)»¹⁸.

В словесном предложении цельные образы психологического суждения распадаются на части. Так, образ, составляющий подлежащее психологического суждения, распадается в предложении на подлежащее в собственном смысле и его определение, а сказуемое психологического суждения — на сказуемое, дополнения и обстоятельства.

Высшей ступенью в развитии мышления является логическое суждение, которое, по мнению Д. Овсянико-Куликовского, еще более отвлеченно и рационально. При превращении словесного предложения в логическое суждение важную роль играет

¹⁷ «Словесное предложение, — пишет он, — сравнительно с психологическим суждением есть явление гораздо более сложное и в то же время, более совершенное, высшее. Оно есть психологическое суждение, осложненное речью, переработанное силою языка» (Д. Овсянико-Куликовский. Очерки науки о языке. — «Русская мысль», кн. XII. М., 1896, стр. 12).

¹⁸ Д. Овсянико-Куликовский. Очерки науки о языке. — «Русская мысль», кн. XII, стр. 14.

развитие в известном направлении понятия предикативной связи¹⁹.

Концепция Д. Овсянико-Куликовского о трех стадиях развития мышления насквозь идеалистична и чрезвычайно далека от правильного изображения развития мышления. Основным пороком ее является отрыв мышления от языка: мышление возникает вне языка и стремится к такой форме, которая была бы свободной от него. Эта концепция является логическим завершением психологического, субъективно-идеалистического истолкования семантики предложения психологистами, резко противопоставляющими мысль, содержащуюся в предложении, суждению. Выделение представителя этого направления наряду с логическим субъектом и предикатом и грамматическими подлежащим и сказуемым еще психологических субъекта (подлежащего) и предиката (сказуемого) ведет к отрыву содержания предложения от объективного мира. Субъективный, психологический момент, имеющийся в семантике предложения, возводится ими в главный и единственный, — а это дорога к субъективному идеализму.

Проблемы теории предложения приковывали внимание А. А. Шахматова, который также иногда склонялся к психологическому истолкованию сущности мысли, содержащейся в предложении. При определении предложения он считал чрезвычайно важным выяснить, что выражает предложение, какую форму мысли. «Соглашаясь вообще, — говорил Шахматов, — что предложение, как факт грамматический, должно найти грамматическое определение, я думаю, однако, что в таком определении должно быть прежде всего выражено отношение словесной формы к соответствующему психологическому акту. Определение предложения, как и всякой вообще словесной формы, должно исходить из того, что слова — это знаки для выражения мысли. Поэтому определение предложения должно прежде всего установить — для какого именно психологического акта оно является знаком, а кроме того указать, чем именно предложение отличается от других словесных форм: отдельных слов, словосочетаний, речи, языка вообще»²⁰.

Стремясь решить эту задачу, Шахматов выдвигает понятие коммуникации как психологической основы предложения. Коммуникация — простейшая единица мышления, состоящая «из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в *предикативную* (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь»²¹.

¹⁹ «...Логическое мышление зарождается в недрах грамматического и постепенно растет и крепнет по мере развития этого последнего в направлении все усиливающейся отвлеченности связки и возрастающей глагольности сказуемого» (Д. Овсянико-Куликовский. *Очерки науки о языке*. — «Русская мысль», кн. XII, стр. 27).

²⁰ Цит. по статье Е. С. Истриной «Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова». — А. А. Шахматов. *Сборник статей и материалов*. М. — Л., 1947, стр. 323—324.

²¹ А. А. Шахматов. *Синтаксис русского языка*, стр. 2.

Понятие коммуникаций шире понятия суждения в его традиционном понимании²². Коммуникация, как и суждение, имеет субъект и предикат; господствующее представление является субъектом, а зависимое от него — предикатом.

Оценка учению Шахматова о предложении вообще и коммуникации как его смысловой основе дана в статье академика В. В. Виноградова ««Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова»²³, в которой правильно вскрываются сущность шахматовской теории предложения.

Прежде всего правильно указывается на идеалистическое толкование Шахматовым сущности коммуникации, которая рассматривается не как форма отражения действительности в сознании человека, а только как связь представлений безотносительно к связи явлений в природе и обществе. «...Психологический акт коммуникации,— пишет А. А. Шахматов,— приходится признать результатом сложного процесса, состоящего вначале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений...»²⁴

Субъективно-идеалистическое истолкование Шахматовым коммуникации вытекает из понимания им логики (в его терминологии — психологии) мышления и ее отличия от синтаксиса мышления. По его мнению, логика имеет в виду индивидуальное мышление и строит свои сообщения исходя из наблюдения над проявлением душевной жизни отдельной личности, а синтаксис имеет дело с нормами, обязательными для каждого говорящего на этом языке, если он хочет быть понятым.

Такое понимание логики мышления исключает всякое объективное содержание любой мысли и коммуникации в частности.

В глубоком критическом разборе синтаксической системы Шахматова, который дается В. В. Виноградовым, имеются замечания, носящие по крайней мере дискуссионный характер. Так, В. В. Виноградов считает порочным само стремление Шахматова выяснить сущность той общей формы мысли, которая составляет семантическую основу всякого предложения. Он пишет: «Между

²² К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь, например сочетания, нашедшие себе выражение в словах, как *дома ли отец? уходите! выпить бы чего, посидел бы ты с нами!* Эти сочетания отличаются от суждения тем, что в них представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие (*уходите! посидел бы ты с нами*), в третьем для обнаружения желания говорящего (*выпить бы чего*)» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 2).

²³ См. Сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.

²⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 2.

тем гипотеза о том, что в основе решительно всех форм словесного выражения более или менее цельной или законченной мысли лежит одна и та же коммуникация, Шахматовым ни в малейшей степени не доказана. Этому противоречит и модальное многообразие разных типов предложений»²⁵.

Но многообразие видов предложения, как и всякое другое многообразие, не исключает, а предполагает существование единства. Многое существует в едином, а единое — только во многом. Нельзя отрицать существование единой формы мысли, лежащей в основе предложения, аргументируя многообразием предложений. Несмотря на то что предложения многообразны, тем не менее мы все их называем предложениями, ибо они имеют между собой нечто общее. Даже суждение, понимаемое в узко традиционном смысле, многообразно в своих формах, одно дело — условное суждение, а другое — разделительное, однако логика всегда стремилась найти их общие черты. Почему же нельзя найти общее в тех многообразных формах мысли, которые выражаются в предложении, и как-то обозначить его?

Заслуга Шахматова в теории предложения состоит именно в том, что он сделал попытку найти общую форму мысли, которая служит семантической основой всякого предложения и которая объединяла бы суждение в традиционном толковании, вопрос и побуждение. Он сделал попытку вскрыть ее сущность и структуру. Нахождением этого общего не исчерпывается задача исследования формы мысли, выражающейся предложением. Это только одна сторона дела — нахождение единого в многообразном, необходимо еще проанализировать проявление этого общего в конкретных случаях, вскрыть специфичность отдельных форм проявления этого общего — найти многообразное в едином.

Ошибка Шахматова состоит отнюдь не в стремлении найти общее в тех многообразных формах мысли, которые выражаются в предложении, а в идеалистическом понимании сущности этого общего и игнорировании выяснения специфики ее проявления в различных формах.

Необоснованным нам кажется отрицание того, что мысль, лежащая в основе предложения, имеет субъектно-предикатную форму. Некоторые полагают, что субъектно-предикатная форма не характерна для вопроса и побуждения. В действительности же, как мы старались показать, субъектно-предикатная форма присуща всякой форме суждения, в том числе вопросу и побуждению.

Многие лингвисты настойчиво подчеркивали мысль, что сказуемое обязательно для предложения²⁶. Утверждение о том, что

²⁵ В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. — «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 83.

²⁶ Так, А. Дмитриевский писал: «Сказуемое есть неограниченный властитель, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение... И само предложение есть не что иное, как сказуемое или одно,

сказуемое обязательно для предложения, если под сказуемым понимать определенную грамматическую категорию, имеющую смысл только тогда, когда есть подлежащее, вызывает сомнение, ибо в односоставных предложениях нет ни подлежащего, ни сказуемого. Когда некоторые лингвисты говорят, что сказуемое обязательно для предложения, то под сказуемым они имеют в виду логический предикат суждения. Субъект суждения может не быть выражен специальным словом, он может быть понятым из ситуации, из контекста, но предикат обязательно находит выражение в специальном слове или группе слов. Это выражение предиката словом или группой слов лингвисты неосновательно смешивали с грамматическим сказуемым, утверждая, что наличие сказуемого обязательно для предложения. Предикат суждения должен быть выражен потому, что он содержит то, что устанавливается суждением, — содержание знания о предмете. Говорящий должен передать, выразить содержание знания о предмете; мысль о предмете, о котором что-либо устанавливается, может быть специально во внешней речи не обозначенной.

Наличие в предложении выражения предиката лишний раз свидетельствует о том, что мысль, являющаяся семантической основой предложения, носит субъектно-предикатную форму. Вообще всякая относительно законченная мысль, отражающая действительность, носит субъектно-предикатную форму. Поэтому мы считаем, что Шахматов прав, когда заявляет, что законченность мысли предполагает наличие субъекта и предиката.

Какова же точка зрения самого В. В. Виноградова по вопросу о природе формы мысли, выраженной в предложении?

В. В. Виноградов возражает против утверждения, что непосредственным назначением всякого предложения является выражение суждения. Он обвиняет логику в том, что она игнорирует различие между отдельными типами предложения. «Для логики даже в глагольном типе номинативного предложения не существенны основные грамматические категории времени, лица и наклонения, определяющие структуру предложения. Логика сводит к нескольким обобщенным общечеловеческим схемам все живое многообразие типов предложения, резко отличающихся друг от дру-

или с приданными ему другими членами» (А. Дмитриевский. Практические заметки о русском синтаксисе. М., 1882, стр. 24). Е. Ф. Будде считал, что предложением можно считать такое словосочетание, «в котором есть сказуемое, т. е. сказуемое — самая главная часть предложения, и без сказуемого предложение перестает быть предложением, т. е. без сказуемого нет предложения» (Е. Ф. Будде. Основы синтаксиса русского языка. Казань, 1914, стр. 11). А. М. Пешковский о роли сказуемого в предложении писал: «Вот этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сплетаются речь с мыслью» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 172).

га в разных языках мира. Грамматика же рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли во всех особенностях их конкретного речевого строения, типичных для грамматического строя отдельных языков и их групп, семей, и предложение как предмет грамматического изучения обладает значительно большим количеством специфически выраженных народно-языковых признаков, чем общечеловеческая форма логического суждения. Анализ основных грамматических категорий, обнаруживающихся в строе предложения и определяющих его, например, категорий времени, модальности, предикативного сочетания слов и т. д., показывает специфику предложения, его коренные отличия от суждения, несмотря на тесную связь с ним. Суждение не может существовать вне предложения, которое является формой его образования и выражения. Но если суждение выражается в предложении, то это еще не значит, что назначение всякого предложения — выражать только суждение»²⁷.

Мысль Виноградова, что назначение всякого предложения выражать не только суждение, верна. Всякое предложение выражает суждение, но не только суждение. Логика не изучает особенности различных типов предложений, она анализирует формы мысли, лежащие в их основе. При этом нельзя ограничиваться только чрезмерным подчеркиванием специфики мыслей, выраженных в разных типах предложения, что может привести к отрицанию единства между ними.

При решении вопроса о семантике предложений надо исходить из того, что смысловую основу предложения составляет суждение в какой-либо форме: или суждение-сообщение, или суждение-вопрос, или суждение-побуждение.

Как хорошо известно, одно и то же суждение можно выразить по-разному, в различных предложениях. Но не следует думать, что смысловое значение этих предложений тождественно. Они тождественны только в том отношении, что основная мысль-суждение так или иначе находит выражение в них. Но в каждом из этих предложений, кроме выражения этого суждения, имеются еще другие смысловые значения, волевые и эмоциональные оттенки, выраженные специфическими приемами, с помощью которых говорящий пытается выделить то или иное значение. Такими средствами являются смысловое ударение, паузы, порядок слов, интонации и т. д. Недаром говорят, чтобы стать хорошим педагогом, надо уметь одну фразу (например, «подойди сюда») произнести с двадцатью различными оттенками.

Предложение есть форма реального существования суждения, а форма выражения суждения не является пассивной, не оказывающей влияния на суждение. Всякое новое выражение суждения связано с тем или иным новым пониманием, а всякое

²⁷ В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 6—7.

иное понимание означает переустройство мысли. Предложение, возникающее для выражения данного суждения, подчеркивает в мысли одно и оставляет в тени другое, оно освещает суждение светом чувства, настроения, толкует, интерпретирует его. Поэтому предложение нельзя считать внешним придатком суждения, которое, воплощаясь в предложении, находит в нем естественное завершение.

Суждение в предложении делается неизмеримо богаче и живее в смысловом отношении. Причем эти эмоциональные и волевые оттенки, которые имеются в семантике предложения, связаны с общим смыслом выражающегося суждения, они осмысливаются и выступают как чувственная индивидуальная окраска его. И здесь прав В. В. Виноградов, когда он пишет: «Логика, изучающая формы и законы общечеловеческого мышления (а в мышлении и в содержании всякого предложения обязательно имеется что-то общечеловеческое, а иначе оно не будет понято.— П. К.), не интересуется ни эмоциональной и волевой стороной сознания, ни формами словесного выражения эмоций и волевых побуждений. Вместе с тем понятно, что выражение эмоций в языке не может не быть осознанным. Степень мыслительного, понятийного содержания в таком словесно-эмоциональном выражении отчасти определяется характером и степенью его грамматической расчлененности»²⁸.

Но В. В. Виноградов видит отличие мысли, содержащейся в предложении, от суждения не только в том, что мысль в предложении эмоционально, чувственно окрашена, но также и главным образом в модальности, которая якобы присуща мысли в предложении, но не присуща суждению. Он присоединяется к тому мнению, что интонация сообщения и предикативность, т. е. отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, являются двумя особенностями предложения²⁹.

Ничего нельзя возразить против утверждения, что содержание предложения обязательно включает в себя отнесенность к дейст-

²⁸ «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 12.

²⁹ «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности,— пишет он,— выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица». Или: «Отношения сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальные отношения. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения. Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается также модальными частицами и словами, а также интонацией. Известно, например, сложное и тонкое разнообразие модальных красок инфинитивных предложений в русском языке» («Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 16).

вительности, но было бы неверным думать, что эта отнесенность высказывания к действительности характерна только для предложения и составляет его специфическую особенность. В действительности же предикативность, отнесенность к действительности, составляет характерную особенность также и суждения как формы отражения действительности. Как мы уже указывали, суждение направлено на предмет, функции суждения состоит в том, чтобы верно отражать объективный мир; как отдельные элементы суждения, так и суждение в целом соотносены с действительностью, в противном случае оно потеряет всякий смысл.

Конечно, суждение не существует без предложения, поэтому отнесенность высказываемого к действительности раскрывается в грамматических категориях — модальности времени и лица. Но языковая оболочка суждения не создает соотносительности мысли с действительностью, а грамматически выражает ее, усиливает ее различными эмоциональными и волевыми оттенками. В предложении предикативность получает свою экспрессию.

Предложение настолько тесно связано с суждением, что в живом реальном процессе мышления человек не отделяет суждения от предложения, мыслит суждениями-предложениями, а не чистыми мыслями-суждениями.

Связь, единство суждения и предложения настолько тесны, что уяснение смысла суждения дает нам возможность правильно грамматически построить предложение; в свою очередь уяснение предложения и его структуры необходимо для выяснения смысла предложения, т. е. того суждения, которое выражено этим предложением. Возьмем, например, следующее предложение: «Выступление товарища Н. в Ленинграде было встречено с восторгом». Из этого предложения, взятого вне контекста, неясно, идет ли речь о выступлении товарища Н. в Ленинграде или же о выступлении где-то в другом месте, а в Ленинграде оно было встречено с восторгом — иными словами, неизвестно, куда относится слово «Ленинград», к субъекту суждения или к предикату.

Надо точно уяснить смысл суждения, найти его субъект и предикат и так построить предложение, чтобы слушающий или читающий однозначно понял вас. Если речь идет о выступлении в Ленинграде, то это суждение можно выразить так: «Выступление в Ленинграде товарища Н. было встречено с восторгом», а если же мы хотим сказать, что это выступление в Ленинграде встречено с восторгом, то предложение может иметь следующий вид: «Выступление товарища Н. было встречено в Ленинграде с восторгом».

Предложение, как некоторое грамматическое целое, служащее для выражения мысли, имеет свою грамматическую структуру. Возникает вопрос об отношении структуры членов предложения к структуре суждения.

В решении этого вопроса лингвисты нередко склонялись к двум крайним точкам зрения.

Одни лингвисты, а вслед за ними и логики, отождествляли структуру предложения со структурой суждения, изучали структуру предложения, подгоняя ее под структуру суждения. Это наиболее древняя тенденция в теории предложения. Существует универсальная схема предложения и его членов, которая якобы применима для всех времен и всех народов, для всех языков мира. Эта схема сводится к следующему: каждое предложение имеет подлежащее, сказуемое и второстепенные члены предложения. Причем при определении этих членов предложения исходили не из грамматических, а из смысловых, логических критериев, растворяя грамматические категории в логических. Так, подлежащее — это то, о чем говорится в предложении, а сказуемое — то, что говорится в предложении, дополнение — это другие предметы, кроме подлежащего и т. д.

Такое непосредственное выведение структуры предложения из структуры суждения неверно: оно ведет к искусственному подтягиванию всего разнообразия предложений во всех языках мира к одной универсальной схеме. В этом отношении нельзя не согласиться с В. В. Виноградовым, подвергнувшим резкой критике эту концепцию³⁰. Совершенно верно указание В. В. Виноградова, что при этой концепции пропадают признаки отдельных типов предложения, своеобразие их структуры в том или ином языке, исторические изменения в составе предложения в данном языке. Особенно ненормальным является подведение всех предложений под некий универсальный, идеальный тип и рассмотрение всех остальных как отклонение от нормы вследствие сокращения и опущения. «Даже в каждой реплике диалогической речи, — пишет В. В. Виноградов, — восстанавливались «опущенные» члены предложения. Например, в отрывке из «Пиковой дамы» Пушкина: «— Случай! — сказал один из гостей. — Сказка! — заметил Герман» — восклицательные предложения *Случай!* и *Сказка!* должны были «разбираться» так: *это* (подлежащее) *был* (связка) *случай* (сказуемое); по такой же схеме осмыслился грамматический состав и предложения: *Сказка!*»³¹.

Основным пороком этой концепции является игнорирование специфических особенностей языка. Члены предложения — не просто мысли (понятия), а имеющие смысловое значение слова, которые сочетаются в предложении на основе законов данного языка, а не на основе только законов логики. Законы логики общечеловечны, они одинаковы для всех людей, стремящихся к достижению истины, а формы слов и словосочетания специфичны для каждого языка.

О тождестве между частями суждения и членами предложения нельзя говорить хотя бы потому, что суждение обязательно состоит из трех частей, предложение же может состоять из

³⁰ См. «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 5.

³¹ Там же, стр. 5.

одного слова, а это значит, что каждой части суждения может не соответствовать отдельное слово в предложении.

Но неверной является и другая тенденция — отрыв членов предложения от частей суждения. Члены предложения, будучи синтаксическими категориями, основанными на формах слов и словосочетаний в данном языке, тесно связаны со структурой суждения. При расчленении предложения на части принимается во внимание и смысловая сторона. По предложению и его структуре мы уясняем смысл суждения, которое выражено этим предложением. Особенно это хорошо видно в процессе перевода с одного языка на другой, например с иностранного на родной.

На основе анализа предложения иностранного языка, нахождения его членов мы уясняем смысл того суждения, которое выражено в этом предложении, определяем субъект и предикат его. Уяснив суждение, мы выражаем его на нашем родном языке. По грамматическим категориям можно уяснить смысл суждения потому, что грамматические категории формировались для выражения наших мыслей, т. е. в определенной зависимости от логических категорий, в данном случае в зависимости от структуры суждения. Связь частей предложения с частями суждения специфична не только в каждом языке, но даже в одном и том же языке в различных типах предложения имеются свои особенности связи структуры суждения со структурой предложения. Задача науки состоит не в том, чтобы искусственно подводить эту связь под какую-то универсальную схему, и тем более не в том, чтобы игнорировать ее, а в том, чтобы изучать специфические формы этой связи в различных языках и в разных типах предложения в одном и том же языке.

Различие связи между частями суждения и членами предложения в разных языках можно показать на примере предложений русского языка.

Наиболее распространенной классификацией предложений в русском языке является деление Шахматовым всех предложений на две большие категории: односоставные и двусоставные. Односоставными называются предложения, в которых сочетание субъекта и предиката коммуникации находит себе соответствие в одном члене предложения, выраженном большей частью одним словом. Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, называется главным членом односоставного предложения.

Недостаток шахматовского понимания структуры односоставного предложения и ее отношения к структуре суждения состоит в стремлении подогнать структуру односоставного предложения к типу двусоставного предложения³².

³² «Сравнительно,— пишет А. А. Шахматов,— со способами словесного выражения главных членов в двусоставных предложениях, главный член односоставного предложения может быть отождествлен формально или с подлежащим, или со сказуемым, причем, конечно, не следует забывать, что

Грамматические понятия «подлежащее» и «сказуемое» имеют свой смысл только относительно двусоставных предложений.

Вызывает возражение в связи с этим и его классификация односоставных предложений на подлежащные, бесподлежащные, вокативные и безличные. Это деление не выдержано по одному основанию, а главное, в качестве основания взят признак — наличие или отсутствие подлежащего, категории, которая неприменима к односоставному предложению.

Толкование односоставного предложения как неполного двусоставного приводит к потере его специфичности, оригинальности выражения в нем суждения. От такого толкования многие советские лингвисты отказались. Главный член односоставных предложений не является ни подлежащим, ни сказуемым, а оригинальной формой выражения субъекта, предиката и связки суждения.

Разберем логическую природу некоторых типов односоставных предложений. Прежде всего остановим внимание на так называемых номинативных предложениях. Этим термином лингвисты обозначают все односоставные предложения, которые выражают мысль о бытии, наличности, существовании названного предмета, явления или действия. Номинативные предложения выражаются именем существительным в именительном падеже (или количественно-именным сочетанием, местоимением, числительным). Номинативное предложение может состоять из одного слова и из словосочетания с именем существительным как главным членом. Примеры номинативных предложений: «Ветер». «Ночь». «Путевые огни». «Водокачка». «Тень семафора».

Подобного типа предложения, по мнению некоторых логиков, выражают какой-то один элемент суждения, чаще всего предикат суждения. Номинативные предложения образовались в результате того, что один из членов двусоставного предложения стал постоянно пропускаться, а со временем даже перестал подразумеваться. Такое предложение выступает как трансформация двусоставного.

Так, профессор П. С. Попов исходит из того, что если в предложении субъект суждения не нашел выражения в специальном слове, то его нет вообще, а существует только предмет суждения. «Без предмета суждения не может быть никакого предикатирования, т. е., иначе говоря, никакого суждения, но это и значит, что имеется предмет, не получивший словесного выражения. Мы и настаиваем на том, что предмет суждения может

такое сказуемое отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что «подлежащее» односоставного предложения вызывает представление и о субъекте и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 32).

порою не получать выражения. Если же предмет получил свое выражение в суждении, то имеется субъект в формально-логическом смысле слова. Но ничего третьего тут нет и не может быть. Либо предмет не получил выражения в субъекте, тогда имеется лишь предмет суждения; либо логический субъект, отражающий предмет, имеется в наличности, будучи выражен в суждении; тогда налицо и предмет суждения и отражающий его субъект (в том или ином его признаке); этот субъект можно назвать чисто логическим субъектом в тесном смысле этого слова. Все остальное следует признать формально-логическим мифом, а именно, будто возможна такая ситуация: налицо предмет высказывания, выраженного же словесно в суждении предмета в виде особого элемента — нет, но все же имеется некий субъект, словами не выраженный. Тогда мы скажем: этот словами не выраженный субъект и есть самый предмет высказывания, который раскрывается в сказуемом...»³³

В качестве примера таких суждений, в которых есть предмет суждения, но нет субъекта суждения, П. С. Попов приводит мысли, содержащиеся в текстах вывесок, заглавиях книг, статей и т. д. Он считает, что заглавия (например, «Анна Каренина») представляют собой назывные суждения, но самого субъекта в тексте нет, а если нет субъекта суждения в тексте, то он отсутствует вообще, а есть только предмет суждения.

Недопустимо отождествлять члены предложения с членами суждения, слова с понятиями. Единство языка и мышления нельзя понимать в смысле полного тождества их. Нельзя думать, что если в каком-либо предложении субъект суждения не нашел выражения в специальном слове внешней речи, то, следовательно, и в мысли, в самом суждении нет субъекта. Этот субъект может быть понят из ситуации, а это означает, что в мысли он обязательно есть (иначе не может состояться суждение) и выражается определенными, общепонятными средствами. В односоставных предложениях нет смысла говорить ни о подлежащем, ни о сказуемом предложения.

Не предмет материального мира, обозначенный словом, является субъектом суждения, а предмет, отраженный в сознании и выраженный какими-либо средствами. Предмет суждения сам по себе не входит в состав суждения, ибо он не мысль, а объективная действительность. Состав суждения образуют мысли: субъект, предикат и связка. Нет такого суждения, в котором бы были предикат, связка и предмет суждения, но не было бы субъекта. Для того чтобы предмет суждения вошел в суждение, его нужно мыслить, т. е. он должен стать субъектом суждения.

Нам представляется, что номинативное предложение выражает суждение, но специфическим образом, отлично от того, как его

³³ П. С. Попов. Суждение и его строение.— «Философские записки», т. VI. М., 1953, стр. 79.

выражает двусоставное предложение. Номинативное предложение выражает связь субъекта и предиката не в форме связи между грамматической парой: подлежащим и сказуемым, а одним главным членом вместе с такими средствами, как интонация и т. д., которые обозначают, что выражается не отвлеченное понятие, а суждение. Так, например, семантика слова «осень» отличается от семантики номинативного предложения «Осень!» и именно тем, что одно выражает отвлеченное значение, а другое — суждение. Когда мы имеем дело со словом «осень», то семантику этого слова составляет абстрактное обобщение «осень», в котором мы мыслим и выделяем общие признаки определенного явления в природе. Содержанием номинативного предложения «Осень!» является конкретное суждение, в котором конкретно утверждается об определенном состоянии в природе в определенное время. Данное суждение, составляющее смысловую основу номинативного предложения, имеет назначение не обозначать признаки определенного явления природы, а конкретно утвердить, что данное явление природы сейчас имеет место в действительности.

Для суждения характерна в отличие от значения слова конкретность, соотношение с конкретной действительностью, и это ярко выражено в содержании номинативного предложения. Посредством интонации, ударения, точки или восклицательного знака, который мы ставим после слова «осень», отмечается, что в данном случае речь идет не о выражении понятия «осень», а о выражении конкретного суждения, говорящего о наличии определенного состояния в природе.

Среди лингвистов и логиков существуют самые различные мнения по вопросу о логической и лингвистической сущности безличных предложений. Некоторые ученые (Герbart, Тренделенбург, Марти) трактовали безличные предложения как одночленные суждения, возникшие в эпоху примитивного мышления. В основе безличных предложений лежит суждение с одним предикатом. Герbart и Тренделенбург объявляли имперсоналии не совершенными суждениями, остатками прежних форм. Brentано, наделивший первобытного человека одними представлениями, также считал возможным существование суждения без субъекта.

В советской литературе П. С. Попов придерживался взгляда на семантику безличного предложения, как на суждение без субъекта. «Безличные суждения,— пишет он,— лучший показатель того, что суждение может быть бессубъектным, не теряя своей структуры как суждения; беспредикатным же оно по существу никогда не может быть»³⁴.

³⁴ П. С. Попов. Суждение и его строение.— «Философские записки», т. VI, стр. 78. «Безличные суждения, как известно, причиняют много хлопот синтаксису. В самом деле, где здесь подлежащее и есть ли оно? С логической точки зрения, наоборот, безличное суждение — наиболее прозрач-

К взгляду, что в безличных предложениях выражено суждение с одним предикатом, можно прийти только на основе отождествления логического субъекта с грамматическим подлежащим предложения, игнорируя языковую специфику выражения суждения в безличном предложении.

Некоторые логики склонялись к тому, что суждения в безличном предложении имеют субъект и предикат. Но при этом указывали на неопределенность субъекта. Так, Вундт считал, что в безличном предложении выражается неопределенное суждение, неопределенным является субъект из-за его неустойчивого содержания. Зигварт, написавший специальную работу о безличных предложениях³⁵, подводит все безличные предложения под суждение наименования. Он считает, что в основе безличных предложений лежит суждение с субъектом и предикатом, но субъект не всегда грамматически выражен. «Движение мышления в суждениях, — пишет он, — выражающих свойство или деятельность вещи, развивается отчасти так, что в сознании впервые появляется вещь (грамматический субъект), отчасти так, что впервые в сознании появляются свойство или деятельность (грамматический предикат). В первом случае свойство или деятельность сперва различаются, как составная часть данного сложного представления, а затем они наименовываются. Во втором же случае свойство или деятельность сперва воспринимаются сами по себе и наименовываются, а затем относятся к вещи.

Последнего акта — отношения к вещи — при определенных условиях может не быть. Этим объясняются, так называемые, **б е з л и ч н ы е п р е д л о ж е н и я**»³⁶.

Таким образом, и Зигварт склоняется к тому взгляду, что в безличных предложениях выражаются дефектные, неполноценные суждения, в которых не хватает акта отношения свойства или деятельности к вещи. Неверно утверждение Зигварта, что всегда сначала познается то, что выражается прилагательным или глаголом (свойство, деятельность и т. д.), а уже потом то, что выражается существительным (вещь или деятель). Сначала «бежит», а потом «заяц», сначала «там лежит», а потом уже «завядший лист». На самом деле может быть и наоборот: сначала воспринимается предмет, а потом его свойство.

При решении проблемы логической природы безличных предложений, как нам представляется, нужно исходить из того, что никаких дефектных суждений нет, нормальный человек мыслит

ный и поучительный для анализа случай. Из его рассмотрения мы видим, во-первых, что не всякое суждение нуждается в понятии в том точном смысле этого слова, как об этом сказано выше. В суждениях типа «Больно», «Светает» нет разработанных понятий, но всегда есть предикат». (Там же, стр. 80).

³⁵ См. Ch. Sigwart. Die Impersonalien. Freiburg, 1888.

³⁶ Х. Зигварт. Логика, т. I. СПб., 1908, стр. 66.

нормальными суждениями, и они могут выражаться в форме так называемых безличных предложений. Суждение, выраженное в безличном предложении, как и всякое другое суждение, имеет субъект, предикат и связку. Так, в суждении «морозит» своеобразно выражена мысль о наличии определенного состояния в природе. Эта мысль будет истинной, если она соответствует действительности, т. е. если это явление в природе имеет место, и, наоборот, она будет ложной, если этого явления нет.

В безличном предложении, как правило, выражаются суждения о физическом состоянии природы, психологическо-эмоциональных переживаниях человека, интеллектуальном восприятии действительности и модально-волевых отношениях людей. Субъектом этих суждений является мысль о предмете (человеке и т. д.), который испытывает определенное состояние, а мысль о последнем образует предикат суждения.

Эти суждения могут быть выражены предложениями другой конструкции, но форма безличного предложения имеет свои особенности, она может выражать то, что в форме другого предложения теряется, не находит отражения. Безличные предложения обогащают наш язык такими средствами, которые дают нам возможность выразить все оттенки и смысловое богатство нашей мысли, чувства, воли и эмоций, они раскрашивают нашу мысль, делают ее многоцветной.

В безличных предложениях суждение и его многочисленные смысловые оттенки выражаются не подлежащно-сказуемой конструкцией, а с помощью определенных слов и специальных конструкций. Так, в русском языке безличные предложения образуются многообразно: из безличных глаголов в форме третьего лица («вечерело», «чудится»), из конструкции страдательного причастия, из инфинитивных конструкций, из именных предикативных слов и инфинитива, примыкающего к ним.

Безличные предложения не равноценны. Одно дело безличное предложение «морозит», другое дело — «мне стало жаль ее». В последнем предложении субъект суждения выражен отдельным словом («мне»), и оно безлично только по форме (форма безличного глагола «стало»), а не по существу.

При анализе безличных предложений нередко их логическое содержание отождествляется с грамматической формой. Когда анализируют предложение «дойдет», то говорят об отсутствии, неясности, неопределенности субъекта действия, неизвестно: кто дождит. Это предложение якобы выражает деятельность без деятеля, предикат без субъекта. В действительности же данное предложение выражает не мысль о том, что кто-то производит действие — дождит, а мысль об определенном состоянии в природе. Но эта мысль выражена в своеобразной грамматической форме. Как возникла эта форма, почему в ней содержится оттенок мысли, который мы сейчас не имеем в виду (что это действие кто-то производит), эти вопросы должна в конце концов разре-

шить лингвистика. Н. Я. Марр, например, считал, что безличные предложения возникали в те времена, когда люди населяли природу духами и верили в то, что кто-то действительно дождит и морозит. Возможно, что эта грамматическая форма в свое время соответствовала содержанию мышления того времени и сейчас сохранилась только грамматическая форма, которая наполнена другим содержанием. Современный человек, когда говорит «дождит», не мыслит о деятеле, а только об определенном состоянии в природе.

Отождествление грамматической формы с логическим содержанием безличного предложения запутывает понимание сущности мысли, выраженной в нем.

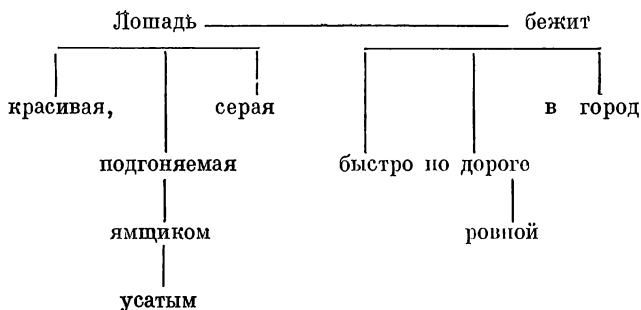
Тот факт, что номинативные и безличные предложения выражают суждение, ни в коей мере не говорит о том, что логическая природа их абсолютно тождественна, суждения бывают разные как по форме, так и по содержанию, по различным оттенкам мысли. Чтобы выяснить семантику различных типов предложений, далеко не достаточно установить, что все они выражают суждения, необходимо еще выяснить специфические особенности их семантики. И здесь лужно идти не столько от логической структуры суждения к структуре предложения, а главным образом — от структуры предложения восходить к логической природе суждения, выражаемого в нем. Но, кроме этого, нужны лингвистический анализ различных типов предложения и выяснение, как в них конкретно выявляется логическая природа суждения.

К сожалению, ни лингвистика, ни логика еще в достаточной мере не проделали этой работы.

В двусоставных предложениях суждение, связь субъекта и предиката в нем выражаются иначе, чем в односоставных. В двусоставных предложениях грамматический центр состоит не из одного слова, а из конструкции: «подлежащее — сказуемое». Связь «подлежащее — сказуемое» образует такой грамматический центр, вокруг которого группируются все остальные слова, вступая между собой в определенные синтаксические связи. С помощью этого центра выражается основа суждения, связь субъекта и предиката в нем, а предложение в целом выражает все содержание суждения со всеми его оттенками и смысловыми красками.

Возьмем, например, предложение: «Красивая серая лошадь, подгоняемая усатым ямщиком, быстро бежит по ровной дороге в город». «Лошадь» — подлежащее, «бежит» — сказуемое. «Лошадь бежит» — эта связь подлежащего и сказуемого выражает не все суждение, а часть его; через сочетание подлежащего и сказуемого выражается субъектно-предикатная форма связи мыслей в суждении.

Все остальные слова группируются вокруг этого центра, завися грамматически от того или другого главного члена:

Связь этих слов, называемых второстепенными членами предложения, с главными членами (подлежащим и сказуемым) выражает связь мыслей, имеющуюся внутри суждения, связь внутри субъекта и внутри предиката. Если брать суждение в развитии, то можно увидеть, что эти связи внутри субъекта и предиката также некогда имели субъектно-предикатную форму, но в дальнейшем развитии их субъектно-предикатная форма стерлась, ибо они стали выражать знание, установленное в прежних суждениях. Понятие «красивая, серая лошадь» является результатом ряда суждений. Изменение логических связей между мыслями привело и к изменению синтаксических связей между словами: предикативная конструкция с подлежащим и сказуемым «лошадь — красивая» превратилась в атрибутивную — «красивая лошадь».

На этом примере мы еще раз убеждаемся, что синтаксические отношения между словами в предложении связаны с логическими отношениями между мыслями в суждении, предикативная связь между главными членами предложения выражает связь субъекта с предикатом в суждении. Однако эту связь нельзя абсолютизировать. Подлежащее не всегда выражает субъект суждений, а сказуемое — предикат, поэтому нельзя согласиться с И. И. Мещаниновым, когда он пишет: «Синтаксическими выразителями субъекта и предиката в предложении оказываются подлежащее и сказуемое...»³⁷. Или: «В позиции только главного члена предложения выступают подлежащее и сказуемое. Являясь выразителями членов коммуникации, субъекта и предиката, они, в случае своего наличия в предложении, оказываются носителями основных понятий высказывания»³⁸.

Это утверждение, сделанное без всякой оговорки, неверно. Синтаксические связи формируются, несомненно, в зависимости от логических, но не следует их отождествлять, отрицать относительную самостоятельность каждой. Нельзя забывать, что члены предложения имеют свои формально-синтаксические кри-

³⁷ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 169.

³⁸ Там же, стр. 167.

терии. Грубо, упрощенно для русского языка эти критерии выглядят так: подлежащее — имя существительное в именительном падеже, связанное грамматически со сказуемым, которым оно определяется; сказуемое, как правило, — именная форма глагола, согласованная с подлежащим в лице, числе, а в прошедшем времени — и в роде; дополнение — существительное или часть речи, его заменяющая (прилагательное, причастие, инфинитив), обязательно в косвенном падеже с предлогом или без предлога; определение — имя прилагательное (или счетное местоимение, причастие), согласуемое в роде, числе и падеже с именем существительным или другой частью речи, его заменяющей, обстоятельство — наречие или деепричастие, не согласуемые и не управляемые, но примыкающие к другим словам (сказуемому, определению или другому обстоятельству).

Члены предложения как слова имеют определенную связь со структурой суждения и формировались для выражения его, но они имеют и свою специфику. Подлежащее чаще всего находится среди слов, которые выражают субъект суждения, а сказуемое — среди слов, которыми выражается предикат, так обстоит дело в предложении «Красивая серая лошадь быстро бежит в город по ровной дороге». Но подлежащее — только одно слово, выражающее субъект. Грамматическое подлежащее может находиться среди тех слов, которыми выражается предикат, а дополнение может быть выразителем субъекта. Например, в предложении «Молодого радиста не брал ни один корабль» дополнение «молодого радиста» выражает субъект суждения, а подлежащее «корабль» находится среди слов, которыми выражается предикат.

Такое несоответствие между членами предложения и частями суждения объясняется тем, что различны критерии для определения их. При разбивке суждения на части (субъект, предикат и связку) исходят из его смысла, а при нахождении членов предложения — из формального, синтаксического критерия: ищут слова определенной формы. При нахождении субъекта суждения мы берем во внимание не только один момент — субъект суждения выражается словом или группой слов, среди которых должно быть имя в именительном падеже, но и все другие моменты: порядок слов предложения, логическое, смысловое ударение, предшествующие предложения (фраза в контексте) и определяем мысль о предмете. При определении же подлежащего предложения во внимание берется только один формальный грамматический критерий. Субъект суждения определяется для уяснения смысла суждения. Нахождение подлежащего помогает уяснить смысл суждения, ибо, как правило, оно служит для выражения субъекта суждения. Но найдя одно подлежащее, мы еще не можем определить субъект суждения. Только уяснив структуру предложения в целом и его место в системе других предложений, можно понять смысл выраженного в нем суждения, определить его субъект, предикат и связку.

При решении вопроса об отношении суждения и предложения нельзя не сказать несколько слов о логической основе так называемых неполных предложений.

Неполные предложения советские лингвисты рассматривают не как какие-либо дефектные, не укладывающиеся в рамки «нормального» двусоставного предложения, а как «особые живые структурные типы высказывания разговорной, по преимуществу диалогической, формы речи...»³⁹ В неполном предложении в отличие от полного не выражены все части суждения, поэтому, беря это предложение вне контекста и ситуации, нельзя уяснить суждения. Только рассматривая его в совокупности, в контексте с предыдущим и последующим, уясняя ситуацию, интонацию и жесты, можно понять суждение, которое хотели в нем выразить. Например, в группе предложений: «— Денег-то сколько, трудов сколько! — Чего трудов? — спросил кто-то, не поняв смысла ее слов. — Обратно построить все,— просто сказала женщина» (Симонов. Дни и ночи) — выражено суждение: «Обратно все построить, нужно много денег и трудов». Но это суждение выражено своеобразно. Сначала женщина пыталась его выразить одним восклицательным предложением: «Денег-то сколько, трудов сколько!» полагая, что субъект понятен из ситуации. Второе неполное предложение: «Обратно построить все», выражает субъект суждения.

Содержание предложения «Обратно все построить нужно много денег и трудов», не тождественно совокупности тех неполных предложений, которые приведены выше. Суждение, выраженное совокупностью неполных предложений, имеет свою эмоциональную окраску, оно освещено живым чувством произносящего, чего нет, конечно, в эпически спокойном предложении: «Обратно все построить нужно много денег и трудов». Поэтому неполные предложения необходимы для общения людей между собой, они обогащают средства выражения суждения, с их помощью можно выразить также оттенки мысли, которые теряются в других формах, особенно велико их значение в художественной литературе.

Близки к неполным предложениям высказывания, которые некоторыми лингвистами называются эквивалентами предложения. Сюда относятся: все междометия, не заменяющие собой глаголов («Увы!», «Ах!»), отдельные словосочетания, заглавия книг, статей, названия разных учреждений, обществ. Эти высказывания, взятые изолированно, не выражают собой суждения, но в контексте с учетом ситуации, вместе с другими предложениями они служат для выражения определенного суждения, некоторых оттенков мыслей в нем. Так, например, надпись «Книжная лавка», вывешенная в определенном месте, выражает суждение:

³⁹ И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Института языкознания», т. II, М., 1953, стр. 20.

«Здесь — книжная лавка». Если эта надпись соответствует действительности, т. е. здесь в самом деле продают книги, то суждение, выраженное ею, истинное, а если не соответствует — ложное.

Словесное предложение является основным средством, формой выражения суждения. Но не следует думать, что никаких других форм быть не может. Суждение может быть выражено в форме математической символики: $Y = XZ$, в форме таблиц, графиков и т. д. Академик В. С. Немчинов указывает, что статистическая таблица является своеобразной формой выражения суждения.

«Сущность же статистической таблицы, — пишет он, — состоит в совокупности суждений, выраженных не словами, а числами. Как и всякое логическое предложение, статистическая таблица имеет свое подлежащее и сказуемое.

Отдельные единицы наблюдений или совокупности составляют содержание подлежащего таблицы. В основе подлежащего лежит группировка объектов и разбивка их на однородные и однородные части. Характеристика же этих групп объектов или единиц наблюдения составляет содержание сказуемого. В сказуемом эти группы или единицы наблюдения характеризуются в отношении своих существенных черт или характерных признаков...»⁴⁰

Язык как средство выражения мысли имеет свои особенности. Слова и фразы, как говорят семантики, полны эмоциональных выражений, чарующих звуков, возвышенных звучаний, неопределенных и расплывчатых терминов. Эмоциональная окрашенность, эффективность, многозначность слов и предложений, с одной стороны и в одних условиях, способствуют более адекватному и всестороннему выражению мысли, с другой стороны и в других условиях, мешают взаимопониманию. Семантики правы, когда они говорят, что точность в языке имеет первостепенное значение, что самые великие идеи, самые возвышенные идеалы теряют свое значение, если их передавать не точно. Требование семантики установить точную однозначную научную терминологию правильно, и многие мыслители прошлого еще задолго до них проводили эту мысль.

Но, спекулируя на отдельных недостатках живого, «естественного», языка, ученые идеалистически интерпретирующие семантику, развивают порочную идею полной замены в науке языка слов и предложений искусственным языком, подобным символическому языку современной математики. Эту мысль настойчиво проводит С. Чейз. Основываясь на неправильном понимании сущности языка и его отношения к мышлению, на положении, что структура языка должна соответствовать физической структуре мира, Чейз ставит явно порочную и неосуществимую задачу создания языка, «форма которого была бы подобна структуре

⁴⁰ В. С. Немчинов. Избранные произведения, т. 2. М., 1967, стр. 56.

нервной системы и среды»⁴¹. Семантики-идеалисты всячески при-
нижают роль средств языка, считая их непригодными для точ-
ного выражения мыслей. Слова и грамматические категории ука-
зывают на связь наших мыслей с объективной действительностью,
они носят предметный, вещный характер. Изгоняя объективное
содержание из суждений, они ведут борьбу против языка, слов
и предложений, в которых предметный характер нашего мышле-
ния находит яркое выражение.

Язык является важнейшим средством выражения суждений,
с которым не может соперничать никакой искусственный язык
символов, графиков и таблиц. Но в мышлении мы должны исполь-
зовать все богатства средств выражения суждения, накопленные
историей человечества. Математическая символика, графики, таб-
лицы обогащают наши средства, они возникают из потребностей
развития наук и, примененные в своем месте, имеют свои пре-
имущества в сравнении со словесным языком. Применение сим-
волики, графиков и таблиц в особенности способствует развитию
таких наук, как математика, физика, химия и различные тех-
нические науки. Преимуществом символики является строгая
однозначность; символ не имеет никакого другого собственного
значения, кроме того, которое связывается с ним в той или иной
отрасли научного знания. Символика позволяет вычленить какую-
то одну сторону и всегда имеет в виду только ее.

Признавая существование других средств выражения сужде-
ний, кроме словесного языка, мы, однако, должны помнить, что
эти средства вспомогательные, они не могут существовать само-
стоятельно без словесного языка, служат только дополнением к
языку слов и не могут иметь всеобъемлющего характера. Ни-
каких условных обозначений нельзя ввести и понять без слов и
предложений.

Таким образом, многообразие форм суждения соответствует
многообразию форм и средств его выражения.

Раскрыть всю сложность взаимосвязи между суждением и фор-
мой его реального существования — предложением — задача как
логики, так и лингвистики. Только усилиями этих двух наук,
базирующихся на материалистической теории познания, можно
глубоко проникнуть в сущность суждения и в средства его вы-
ражения в языке.

⁴¹ St. Chase. The Tyranny of Words. N. Y., 1938, p. 81—82.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. О ПРЕДМЕТЕ ФИЛОСОФИИ

1. О МЕТОДЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

а) Различные аспекты истории философии

Проблемы истории философии занимают большое и важное место в исследовательской работе научных учреждений и кафедр. И это верно: недооценка истории философской мысли может привести к пагубным последствиям, отрицательно сказаться на всех участках философской работы и, несомненно, приведет к снижению культурного уровня в целом. Нелишне здесь вспомнить слова Ф. Энгельса, писавшего, что «знакомство с ходом исторического развития человеческого мышления, с выступавшими в различные времена воззрениями на всеобщие связи внешнего мира необходимо для теоретического естествознания и потому, что оно дает масштаб для оценки выдвигаемых им самим теорий. Но здесь недостаток знакомства с историей философии выступает довольно-таки часто и резко. Положения, установленные в философии уже сотни лет тому назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествоиспытателей в качестве самоновейших истин, становясь на время даже предметом моды»¹.

Ф. Энгельс считал изучение истории философии необходимым условием формирования научно-теоретического метода мышления. Для В. И. Ленина история философии ни в коем случае не являлась собранием гениальных мыслей, используемых в зависимости от ситуации для доказательства какой-либо современной философской идеи, а важнейшим моментом, из которого складывается материалистическая диалектика как логика и теория познания марксизма. Именно поэтому В. И. Ленин особенно серьезно занялся изучением истории философской мысли классиков предшествующей марксизму философии, когда намеревался написать работу о материалистической диалектике как о методе научно-теоретического мышления.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 367.

За последние годы в Советском Союзе проделана большая работа в области истории философии. Можно назвать, пожалуй, ряд обобщающих трудов, и прежде всего шеститомную «Историю философии», изданную Институтом философии АН СССР, книгу «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах» (М., 1965), труды по истории философской мысли в республиках. Наша литература обогатилась хорошими монографиями, освещающими отдельные периоды в истории философии, деятельность крупных мыслителей различных эпох и народов.

За двадцать лет, прошедших со времени дискуссии 1947 г.² наша наука сделала значительный шаг вперед и преодолела многие недостатки в изучении истории философии, которые тогда имели место. Особенно следует отметить большую работу по исследованию истории отечественной и марксистско-ленинской философии.

Однако в историко-философских исследованиях отчетливо обнаружилось и негативные стороны, среди которых, в частности, следует отметить конъюнктурный подход к историко-философскому знанию, связанный с неверным пониманием актуальности исследования. Слов нет, история философии должна способствовать решению тех проблем, которые выдвигаются современностью. Однако эта связь с современностью понимается иногда слишком упрощенно. История философии часто рассматривается как кладёз самых различных высказываний, среди которых всегда можно найти подходящее для иллюстрации и подкрепления какого-либо положения, ставшего злободневным. Такой подход вытекает якобы из необходимости связи истории философии с жизнью, в частности с задачами политической борьбы. В действительности же он приводит к односторонности и субъективизму, чуждым методу материалистической диалектики, подрывает авторитет истории философии, ставит под сомнение ее научность и не оказывает, да и не может оказать благотворного влияния на идеологическую борьбу в обществе.

В истории философии, как и в любой другой науке, важна прежде всего объективная, всесторонняя (конкретная) истина, и только такое знание может действительно помогать марксистам в борьбе с их идейными противниками.

Неверно определять актуальность историко-философского исследования только хронологической близостью того или иного мыслителя или исторического периода к современности. Это приводит к тому, что не исследуются, по соображениям «неактуальности», многие мыслители, хотя в их сочинениях уже ставились проблемы, над разрешением которых бьется современная мысль. Очень редки сейчас исследования античной и средневековой философии и следующего за ней периода. Подавляющее большин-

² См. «Вопросы философии», 1947, № 1.

ство наших работ посвящено исследованию развития философии за последнее столетие. Бесспорно, период, связанный с возникновением и развитием марксизма, очень важен, и он требует своего детального изучения. Но этот период еще не вся история философии, и, главное, нельзя по-настоящему понять себя (марксизм), изучая только самого себя, непосредственно свою историю. Марксизм вырастает не на своей собственной идейной базе. Он итог и дальнейшее развитие всей предшествующей философской мысли. Правильность марксистско-ленинских философских идей исторически подтверждается практикой созидания нового общества, а также пониманием и осмыслением на основе этих идей предшествующей истории человечества, в том числе и духовной.

Однако конъюнктурность — это не единственный недостаток многих работ по истории философии, к тому же в настоящее время сделан значительный шаг по пути его преодоления.

Исследования в области истории философии — в идеале — не должны находиться в стороне от решения проблем, которые стоят перед современной философией. Так или иначе они призваны способствовать тому, чтобы философия двигалась по пути постижения своего собственного предмета. В этом и состоит *подлинная актуальность* историко-философского исследования.

Бывает так, что книга по истории философии хронологически охватывает события вплоть до самых последних дней, однако ее значение для решения проблем современной философии минимально, ибо в ней все сведено к перечню изданных работ и изложению их содержания. А в принципе даже историко-философское исследование о Пифагоре и Платоне связано с задачами, которые стоят перед современной философией.

Преодоление присущих историко-философским исследованиям недостатков упирается в разработку методологических проблем, и это уже осознано в нашей литературе, в частности в статьях В. Ф. Асмуса, М. Т. Иовчука, З. А. Каменского, М. К. Мамардашвили, И. С. Нарского, опубликованных в «Вопросах философии». Проблемы методологии заняли центральное место и на прошедшем недавно Всесоюзном симпозиуме по истории философии.

Проблема состоит в следующем: как добиться того, чтобы история философии, с одной стороны, была историей, излагала развитие философской мысли в конкретных исторических формах ее существования и в то же время не была бы изолирована от современной научной формы философии, способствовала бы решению стоящих перед ней задач, т. е. чтобы история философии сама была философией. Нельзя преуменьшать значения трудностей, стоящих на пути решения этой проблемы. Эти трудности можно показать на примере шеститомной «Истории философии», в которой проделана поистине гигантская работа большим и опытным коллективом советских и зарубежных философов. В этом труде авторы стремились решить две задачи. Первая —

развернуть логику, ход развития философской мысли, приводящую к современной форме диалектического и исторического материализма. Вторая — показать развитие и борьбу философских идей во всех странах мира и во все периоды истории, связав ее с конкретной обстановкой, борьбой классов в обществе, которая складывалась в той или иной стране в рассматриваемый период.

«Марксистские исследования философской мысли, обобщаемые в «Истории философии», — пишут авторы в заключительной главе, — показывают, что история философской мысли человечества есть всемирно-исторический, закономерно развивающийся процесс, главным содержанием которого явилось поступательное движение и обогащение философского познания, развитие понятий, представлений и идей об общих законах бытия и познания, об отношении мышления к бытию»³. Здесь сформулирована одна задача истории философии. А вот — другая: «Проведенный в шести томах «Истории философии» анализ философской мысли прошлого и современной эпохи представляет собой одну из первых попыток дать с позиций марксизма-ленинизма систематическое освещение истории важнейших философских учений, возникавших и развивавшихся у различных народов на разных ступенях истории...»⁴ Эти две различные задачи авторы пытаются реализовать в одном исследовании.

Теперь, когда труд завершен, он предстал перед судом критики, которая предъявляет претензии с двух противоположных сторон. Одни считают, что в нем заглушена и порой теряется в историко-философских подробностях, интересных и важных для характеристики идейной жизни конкретной страны в определенный период, логика исторического развития философской мысли, т. е. то, что так ценил В. И. Ленин у Гегеля и считал важным для диалектико-материалистического понимания истории философии. По их мнению, книга мало учит научно-теоретическому мышлению, мало способствует выработке его категорий, а больше повествует о событиях в идейной жизни, происходивших когда-то и где-то.

Другие, наоборот, критикуют ее за то, что не все периоды истории и не все мыслители всех стран охвачены с достаточной полнотой и глубиной. Они отмечают подобного рода пробелы, полагая, что книга, претендующая осветить историю всемирной философии, должна выполнить свою основную цель — дать историческую картину развития и борьбы философских идей в мире в целом, не упустив ни одного народа, ни одного периода в его жизни.

Первые хотели бы к шести томам приложить еще один томик — резюме, где была бы изложена сущность, логика развития

³ «История философии», т. VI, кн. 2. М., 1965, стр. 469.

Там же, стр. 472.

философской мысли в конкретно-исторических формах; удовлетворить же претензии вторых невозможно и в двадцати томах.

Некоторые полагают, что этих трудностей можно избежать, если историю философии превратить в историю постановки и решения философских проблем. «История философии как наука сейчас, на наш взгляд,— пишет один из авторов этой концепции,— нуждается в новом виде построения. Этот вид построения сводится к изложению истории философских проблем и их решений. Переход к такой трактовке истории философии, для которой предшествующими исследованиями созданы значительные предпосылки, является объективной необходимостью, ибо эта трактовка представляет больше возможностей для более адекватного раскрытия существа историко-философского процесса и плодотворного освоения достижений философской мысли прошлого»⁵.

Нельзя не согласиться с автором, что современная философия решает определенные проблемы, разрабатывает законы и категории, а история философии должна способствовать их решению, вскрывая логику развития человеческой мысли. Ценность таких исследований действительно заключается в том, что они непосредственно связаны с задачами, стоящими перед современной философией. Но было бы ошибочно полагать, что они могут заменить историю философии или решить задачи, стоящие перед ней. Все равно остается проблема — дать логику развития не отдельно категорий, законов и теорий, а философии в целом, показать борьбу философских идей, развертывающуюся на определенном социальном фоне.

На наш взгляд, цель историко-философского исследования — скрытое поступательное развитие философской мысли независимо от того, берется ли философия в целом или какая-либо ее проблема, категория. Труды отдельных выдающихся мыслителей составляют этап этого движения к объективной, конкретной истине. Здесь история философии выступает исторической формой бытия самой философии.

Другим своим аспектом история философии ближе к общегражданской истории, задача которой — показать развитие не только материальной, но и духовной жизни общества. Философия составляет важнейший элемент духовной культуры. Поэтому не может быть истории без истории духовной культуры, а следовательно, и без истории философии.

Каждый народ имеет историю своей материальной и духовной культуры, историю философских идей, возникающих на конкретной почве исторического развития данного народа. Без восстановления истории борьбы философских идей не может быть полной истории народа, а следовательно, и истории общества вообще.

⁵ Б. В. Богданов. История философии как история философских проблем и их решений. — «Философские науки», 1965, № 6, стр. 57.

Конечно, хорошо создать такое полотно, на котором будет изображено движение философской мысли всех времен и народов, но для этого должен быть собран большой материал, которым наука пока не располагает. Нужно, чтобы каждый народ на основе научной методологии изучал свою духовную историю и тем самым вносил свой вклад в создание действительно всемирной истории философии.

Что даст науке четкое разделение историко-философского исследования на два аспекта, каждый из которых имел бы свои цели и средства их реализации?

Нам оно представляется чрезвычайно важным прежде всего для преодоления недостатков, имеющихсся в историко-философских исследованиях, антиисторизма и искусственных натяжек в оценке воззрений отдельных мыслителей. Желая каким-то образом подтянуть творчество мыслителя той или иной страны до уровня мировой философии, показать его особое значение в поступательном развитии философской мысли, исследователи награждают его мировоззрение несвойственными характеристиками, отрывая тем самым философскую деятельность от породившей ее конкретно-исторической обстановки, не учитывая соотношения классовых сил в определенной стране. Например, чтобы показать значение философских идей Г. Сковороды для развития духовной культуры украинского народа, нет никакой необходимости превращать его в материалиста и атеиста, типа французских мыслителей XVIII века. Его философские воззрения были ответом на запросы конкретного общества, в котором он жил, в них ставились и решались проблемы, актуальные для Украины того периода.

Если историко-философское исследование пишется с целью вскрыть поступательное развитие философской мысли в целом и определить место того или иного мыслителя в нем, то автор руководствуется одними требованиями, а когда исследование выступает моментом в изучении духовной культуры определенного народа, оно должно удовлетворять другим требованиям. При эклектическом смешении этих аспектов требования одного переносятся на другой, а потому и возникают схематизм, натяжки и т. п. Историко-философские работы становятся похожими друг на друга, а вместе с тем и мыслители делаются двойниками, хотя они жили в разных условиях и их идеи отвечали разным общественным потребностям. Схема такого исследования обычно заимствуется из структуры современного этапа развития философской мысли. Тот или иной философ рассматривается в определенной последовательности, взятой из структуры диалектического материализма: решение им основного вопроса философии (первой и второй стороны), его метод, социально-политические, этические и эстетические воззрения. И если это прогрессивный мыслитель, живший во второй половине XIX и начале XX столетия, то ответы на эти вопросы приблизительно выглядят так: *x* был мате-

риалистом, его материализм выше созерцательного материализма Л. Фейербаха, но ниже материализма Маркса; диалектиком, превосходящим идеалистическую диалектику Гегеля, но не вставшим еще на уровень материалистической диалектики; критиковал агностицизм Канта слева, хотя не вскрыл его классовых и гносеологических корней, а в истолковании общества стоял на путях к материалистическому пониманию истории, хотя не преодолел полностью идеализма; его этические и эстетические воззрения были передовыми для своего времени, он отстаивал связь морали и искусства с жизнью, однако не поднялся до понимания принципов коммунистической этики и социалистического реализма.

Схему подобного исследования можно представить так: x — это переменное, которое можно заменить любым мыслителем из любой страны (Чернышевским, Герценом, Белинским, Шевченко, Лесей Украинкой, Франко, Христо Ботевым, Ахундовым и др.). Этот x обладает набором свойств, взятых в определенном порядке (a, b, c, d, e и т. п.), выражающих особенности его мировоззрения, скажем, a — материализм, b — диалектика, c — критика агностицизма и т. п. Задача исследователя сводится к тому, чтобы вместо переменной x поставить какую-то конкретную историческую личность, а характеристики a, b, c, d, e и т. п. снабдить цитатами, которые порою случайны и не имеют отношения к мировоззрению мыслителя.

б) Предмет философии как предмет ее истории. Две формы его исследования

Думается, что из разделения историко-философского исследования на два вида следует много далеко идущих выводов, и прежде всего относительно предмета и содержания самой истории философии.

Нам представляется, что нет двух предметов: предмета философии и предмета истории философии; если последняя рассматривается в первом аспекте, существует один предмет, именно предмет философии, куда входит решение основного вопроса философии, концепция развития, включая закономерности общественного развития, понимание сущности и места человека среди других явлений действительности, определение его общественно-го идеала. История философии — это историческая форма бытия самой философии, она дает знание обо всех этих проблемах в историческом аспекте, т. е. в процессе их формирования в истории человеческого познания.

Собственно о предмете истории философии, отличном от предмета самой философии, может идти речь только тогда, когда берется второй аспект ее — исследуется процесс возникновения философских идей в конкретной исторической действительности (во Франции XVIII в. или в России XIX в. и т. д.) и их влияние на ход развития этого общества. Здесь уже история не

способ существования философских знаний, а содержание философского процесса, его жизнь в общественном развитии.

Совершенно верно, что развитие философской мысли, как бы ее ни рассматривали, происходит путем борьбы материализма и идеализма. Но, во-первых, всю проблематику историко-философского исследования нельзя сводить к борьбе материализма с идеализмом, во-вторых, в зависимости от того, какую цель преследует историко-философское исследование, сама борьба материализма и идеализма приобретает различное значение. Одно дело, когда мы рассматриваем роль той или иной идеалистической системы в поступательном развитии философской мысли, и другое дело, когда определяем ее место в идейной борьбе, отражающей борьбу классов, происходящей в жизни того или иного общества, страны, народа. Идеалистическая система может быть шагом вперед в развитии философского знания по сравнению с существующим материализмом и играть реакционную роль в идейной жизни данного общества и, наоборот, не иметь никакого значения в поступательном движении философской мысли и оказывать прогрессивное воздействие на общественную жизнь страны.

Приведем несколько примеров.

В античной философии были выдвинуты два исходящих из умозрения подхода к решению проблемы строения материи. Первый — демокритовская атомистика, плодотворность которой не нуждается в доказательстве. Однако утвердилось неверное мнение, что только этот метод оказался плодотворным в науке и что такое умозрение нашло подтверждение в ходе ее развития. На самом деле уже античная философия противопоставила атомистике другой подход — пифагорейско-платоновский. В философском плане первый выступал как материализм, а другой — как идеализм. Упрощающее мышление могло представлять и представляло дело так, что платонизм — это идеализм, а следовательно, в нем уже нет ничего рационального. Конечно, Пифагор и Платон — идеалисты, но в их построениях было немало рационального.

Пифагорейско-платоновский тип умозрения предвосхитил способность науки постигать сущность строения материи в математических формах. Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг неоднократно говорили, что идеи древних постигнуть сущность вещей посредством математики находят свое подтверждение в современной науке. Хочется напомнить следующие слова В. Гейзенберга. «В философии Демокрита атомы являются вечными и неразложимыми единицами материи,— пишет он,— они не могут превращаться друг в друга. Современная физика выступает против этого положения Демокрита и встает на сторону Платона и пифагорейцев. Элементарные частицы не являются вечными и неразложимыми единицами материи, фактически они могут превращаться друг в друга... Но сходство воззрений современной физики с воззрениями Платона и пифагорейцев простирается еще дальше. Элементарные частицы, о которых говорится в диалоге

Платона «Тимей», ведь это в конце концов не материя, а математические формы. «Все вещи суть числа» — положение, приписываемое Пифагору. Единственными математическими формами, известными в то время, являлись геометрические и стереометрические формы, подобные правильным телам и треугольникам, из которых образована их поверхность. В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том, что элементарные частицы в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы»⁶.

Философы иногда рассматривают эти слова В. Гейзенберга как свидетельство его перехода от субъективно-идеалистического представления к объективному идеализму пифагорейско-платоновского типа. На наш взгляд, здесь содержится иная мысль: современная физика в учении о структуре материи приходит к идее, что ее элементы постигаются в математических формах, а это в какой-то мере аналогично идеалистическому умозрению пифагорейцев и Платона. И наши советские физики, стоящие на позициях диалектического материализма, фиксируют эту тенденцию. Достаточно напомнить слова Н. Н. Боголюбова, что «основные понятия и методы квантовой теории поля становятся все более математическими»⁷.

Проблема структуры материи, поставленная древнегреческими философами, решалась наукой на протяжении многих столетий. Однако перед ней стоит наука и сейчас. В одном месте мы читаем, что «...главный вопрос, лежащий в основе всех физических дисциплин,— вопрос о строении материи — все еще не решен. Именно над этой проблемой бьется сейчас субъядерная физика»⁸.

Решая эту проблему, современные физики напрягают свои усилия, мобилизуют все ресурсы, ставят вопрос о строительстве сверхмощных ускорителей. Опыт истории философской мысли здесь тоже имеет значение; оказывается, умозрение и Демокрита, и Платона, и пифагорейцев, и, пожалуй, еще и Лейбница, в частности его монадология, находит свое место в решении этой проблемы.

Перед многими трудностями и загадками стоят физики, занимающиеся проблемой элементарных частиц. Например, что собой представляют сами элементарные частицы, в чем их элементарность? Означает ли она их неделимость? Если существование полупелегдарных кварков будет экспериментально доказано, то победит гипотеза делимости ныне существующих элементарных частиц. Но и это не снимает проблемы: тогда будут интересоваться структурой самих кварков. Стоит более фундаментальная проблема: обязательно ли понятие структуры должно быть связа-

⁶ В. Гейзенберг. Физика и философия. М., 1963, стр. 48—49.

⁷ «Глазами ученого». М., 1963, стр. 158.

⁸ «Успехи физических наук», т. 86, вып. 4, 1965, стр. 602.

но с делимостью частиц. Лейбниц представлял себе монады в качестве простых и далее не делимых элементов. Но простота и поделимость у него связывались с многообразием свойств и отношений, причем монада — замкнутая единица, являющаяся зеркалом вселенной. О современной элементарной частице высказывается предположение, что, возможно, в ней тоже заключен целый мир. Говоря о неисчерпаемости электрона, Ленин скорее имел в виду богатство его свойств, отношений и опосредований — именно в том смысле, в каком говорил о множественности состояний и отношений монады Лейбниц,— нежели его делимость.

Наконец, современные физики констатируют, что «сейчас нет удовлетворительного способа описания пространственной структуры элементарных частиц»⁹. Отсутствие такого способа можно объяснить тем, что он еще не найден, а возможно, и тем, что вообще мы попали уже в такую сферу, где понятие пространственной структуры теряет смысл. И ничего здесь страшного нет, мы уже привыкли к тому, что нет смысла определять одновременно импульс и координату частиц. Возможно, что мы оставим способ описания пространственной структуры, когда проникнем внутрь элементарных частиц. Опять-таки монадология Лейбница предусматривает это, у него монады лишены протяженности и фигуры.

Эта аналогия не должна породить представления, будто проблема современной физики элементарных частиц и их структуры могут быть решены посредством монадологии Лейбница. Современная физика будет решать свои проблемы, в частности проблему структуры элементарных частиц, разумеется, не на основе монадологии Лейбница, хотя обратиться к ее идеям сейчас весьма полезно. Наука ушла далеко вперед со времени Лейбница, а тем более Пифагора, Демокрита и Платона. Но умозрительные построения этих великих мыслителей сыграли свою роль в ее прогрессе, а некоторые из этих построений представляли шаг вперед в решении проблем именно потому, что покоились на идеалистическом представлении. Например, монадология Лейбница возникла в тот период, когда в философии и науке утвердилась механистическая атомистика; преодолеть в XVII и XVIII столетиях механицизм и предвосхитить умозрительно ход движения мысли в будущем в этот период можно было лишь на основе идеализма. Точно так же в конце XVIII и начале XIX в. только на идеалистической основе было возможно развитие диалектики как метода научно-теоретического мышления. С другой же стороны, если проанализировать роль Пифагора, Платона, Лейбница в истории борьбы идей в том обществе, в котором они жили, то картина будет несколько иной. Пифагореизм и

⁹ Философские вопросы современной физики. Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 года). Вып. II, стр. 90.

платонизм играли крайне реакционную роль в античном обществе.

Если же взять, например, идеалистическую философию П. Я. Чаадаева, то, наоборот, она не имеет почти никакого значения в поступательном движении философских идей, однако в истории идейной борьбы в России XIX в. она сыграла положительную роль. Эти примеры свидетельствуют о том, что сама борьба материализма и идеализма в тех или иных формах историко-философского исследования принимает различный характер, сам материализм или идеализм проявляется разными сторонами.

Итак, существуют два вида историко-философского исследования, которые, по существу, имеют различные предметы. Одно ставит своей конечной целью разработку философских проблем в исторической форме, а объектом другого служит изучение борьбы философских идей и их влияния на общественное движение в конкретных условиях той или иной страны в определенный период истории.

Возникает вопрос: возможно ли их соединение и в каком виде? Конечно, возможно и в разных формах. Исследователь может написать монографию, например, о Гегеле, ставя себе целью показать его место и в поступательном развитии философии и в идейной жизни Германии и других стран. Но здесь единство выступает в виде соединения разнородного, просто два аспекта рядоположены. Подлинное же их единство состоит не в соединении друг с другом в одном исследовании, а в том, что одно предполагает необходимость другого, обогащает его. Так, для анализа развития философской мысли в той или иной стране на данном этапе ее развития необходим определенный понятийный аппарат, который служит методом анализа. Допустим, нам надо проанализировать философскую жизнь английского общества в XIX столетии. Для этого необходим метод и понятийный аппарат философии, который был бы основой для оценки концепций, выдвинутых мыслителями этой страны и данного периода. В историко-философском исследовании мы анализируем историческую действительность на основе понятий, выработанных в процессе развития философской мысли: материализм, идеализм, метафизика, диалектика, агностицизм, гилозоизм, материя, сознание, движение, развитие, форма, содержание, истина, ложь и т. п., т. е. на основе понятий, которыми оперирует современная философия. Другого метода и иного понятийного инструментария у нас нет.

Этот понятийный аппарат вырабатывает философия, осознавая свою собственную историю в движении категорий, т. е. исследования истории философской мысли в логическом плане создают определенный понятийный аппарат для ее полного и всестороннего исторического анализа, конкретных форм мировоззрения, имеющих место в истории.

А это означает, что от уровня развития философии, выработанных ею понятий зависит оценка достижений предшествующей философии. Иногда мы не понимаем результатов предшествующей философии только потому, что современная философия не включала их в качестве необходимого своего элемента. В качестве примера можно привести данную Гегелем критическую оценку зачатков математической логики, имевшихся в сочинениях Лейбница и других мыслителей того времени. «Великий *Эйлер*, — пишет Гегель об отношении между понятиями, — бесконечно плодотворный и остроумный в схватывании и комбинировании глубочайших отношений алгебраических величин, и, в особенности, сухорассудочный *Ламберт* и другие пытались обозначать линиями, фигурами и т. д. этот род отношений между определениями понятий; вообще имелось в виду *возведение* — или на самом деле скорее низведение — способов логических отношений в некоторое *исчисление*. Уже самая попытка такого обозначения сразу же являет себя как сама по себе пустая затея, если сравнить между собой природу знака и того, что здесь должно быть обозначено»¹⁰.

Однако последующий ход развития науки не согласился с оценкой Гегеля. В связи с успехами математической логики философия признала возможность логического исчисления, но для этого она сама и наука вообще должны были подняться на более высокую ступень, чтобы понять возможность и необходимость такого нового подхода к формам мышления. Точно так же можно сказать о семиотике Ч. Пирса, о других проблемах, которые были выдвинуты в предшествующей философии и могли быть по достоинству оценены только тогда, когда сама философия созрела до понимания необходимости этого нового подхода к решению ее проблем. Поэтому можно сказать, что уровень и зрелость философии на данном этапе ее развития, характер выработанных ею понятий определяют возможности историко-философского исследования.

Этот понятийный аппарат может при неумелом его использовании привести и к модернизации концепций, созданных в прошлом.

Например, понятия «рационализм», «эмпиризм» и «сенсуализм», выработанные для достаточно зрелого уровня развития философии, в частности философии нового времени, неприменимы к характеристике воззрений мыслителей доаристотелевского периода — философов Милетской школы, Гераклита, Демокрита, Анаксагора и т. п., поскольку в их воззрениях теоретико-познавательная проблематика не играла существенной роли и не была достаточно развитой. Например, когда Гераклита объявляют сенсуалистом на основании его высказывания: «Я предпочитаю то, что можно увидеть, услышать...», а его сенсуализм не счи-

¹⁰ Гегель. Сочинения, т. VI. М., 1939, стр. 50.

тают односторонним, поскольку он считал «плохими свидетелями для людей глаза и уши тех, которые имеют грубые психеи»¹¹, то здесь — явное подтягивание воззрений эфесца под понятия более поздней философии, характеризующие зрелую гносеологию.

Историко-философская наука должна непрестанно заботиться о совершенствовании и обогащении этих средств и прежде всего о четкости и строгости определений основных понятий, с которыми она подходит к исследованию философских систем. Отсутствие такой строгости, импровизация с такими понятиями, как «материализм», «идеализм», «диалектика», «метафизика» и т. п., приведет к субъективизму в историко-философском исследовании. В отдельных работах по истории философии встречалось расширительное толкование понятий материализма и идеализма, когда они связывались не с определенным решением основного вопроса философии, а с их отношением к другим, в том числе и естественнонаучным, теориям. Исследователи говорили об идеалистическом характере травопольной системы земледелия, связывали материализм с определенными биологическими концепциями в понимании наследственности и ее носителей и т. п. Подобные импровизации относительно фундаментальных понятий нашей науки отрицательно сказываются на точности и объективности историко-философских исследований.

Однако дело не может ограничиться только соблюдением строгости в применении понятий в историко-философском исследовании, необходимо их дальнейшее развитие и обогащение. В самом деле, первоначально философские понятия возникают на хотя и достаточно богатой, но ограниченной исторической базе. В дальнейшем исследователь сталкивается с более богатой исторической действительностью и обнаруживает узость своих понятий для ее характеристики.

И тут возникает вопрос: включить ли в данное понятие новый момент или, может быть, вообще образовать новое, более содержательное понятие?

Обратимся к истории. Для характеристики воззрений западноевропейских и русских мыслителей XIX столетия было образовано понятие «революционная демократия». Оно выражало определенную историческую тенденцию, связанную с революционным преобразованием феодального строя, которое объективно должно было привести к буржуазной демократии, а субъективно воспринималось как социализм. Понятие революционного демократизма хорошо выражает сущность воззрений мыслителей, не знавших или не воспринявших марксизм, которые в середине XIX столетия выступали за революционные преобразования, опираясь на крестьянские массы в тех странах, где еще не было покончено с феодализмом.

¹¹ Цит. по кн.: «Материалисты древней Греции». М., 1955, стр. 46, 51.

По уже в конце XIX и особенно в XX столетии появились мыслители, которые также стояли за революционный путь ликвидации феодализма, также субъективно не были сторонниками буржуазного пути развития, но они уже усвоили и включили в свое мировоззрение некоторые положения марксизма и даже ленинского этапа его развития.

Как, например, стесненно себя чувствуют такие украинские мыслители, как И. Франко, Л. Украинка, М. Коцюбинский, когда их просто относят к революционным демократам, стоявшим в решении всех вопросов на домарксистских позициях! Реакцией на такое искусственное втискивание их в рамки революционного демократизма домарксовского типа является другое неверное толкование, когда они рассматриваются как марксисты, но не в полной мере разделявшие позиции марксизма.

Кажется еще большей натяжкой, когда под понятия революционного демократа подводятся мыслители нашего времени, в особенности из стран, освобождающихся от колониального рабства. Они выступают субъективно также за некапиталистический путь развития, но можно ли их отождествлять с Белинским, Чернышевским, Шевченко, Л. Украинкой и т. д.? Совсем другая эпоха, новые условия, иная культурная и историческая основа, иначе ставятся и решаются проблемы, хотя, конечно, некоторое сходство в воззрениях можно обнаружить у революционеров-демократов XIX в. и лидеров национально-освободительного движения стран Азии и Африки в наше время.

Тут и возникает вопрос о природе их мировоззрения. Марксистами их назвать нельзя, но и понятие революционного демократа для них тоже становится тесным. Ведь одно дело, когда мыслитель выступает за революционный путь решения задач буржуазной революции в условиях существования только капиталистических стран, когда он еще не знаком или неприемлет марксизма, и другое дело, когда он вступает на этот путь в период практического назревания социалистической революции и даже победы социализма в некоторых странах. В этих случаях в теориях мыслителей уже находят какое-то отражение теоретические положения марксизма, а также опыт социалистических преобразований.

Тут надо либо существенно обогащать новыми моментами понятие революционного демократизма, либо создавать новое понятие, адекватное данной исторической действительности. И это верно не только относительно революционного демократизма, но и многих других понятий, которые при соприкосновении с богатством и многообразием исторического развития философских идей требуют конкретизации, включения в их содержание новых моментов, а может быть, и коренного изменения их.

Для историко-философского анализа нужны не просто понятия современной философии, а понятия, взятые в процессе их развития, с различными модификациями, имевшими место в исто-

рии. Этот понятийный аппарат вырабатывается в процессе обобщения всего опыта развития философской мысли, он возникает не на голом месте, а на конкретном историческом материале — обобщении развития мысли в различных странах и в разное время.

Отсюда огромное значение приобретает изучение истории философии, борьбы философских идей в ее многообразных исторических формах. Оно важно не только для раскрытия богатства духовной культуры того или иного народа, но и для обогащения, конкретизации понятийного аппарата философии, с которым она подходит как к своей истории, так и к изучению других явлений природы, общества и человеческого мышления.

Таким образом, эти две формы историко-философского исследования развиваются на основе взаимного влияния друг на друга, и в этом состоит их единство и взаимопереход. Потребности изучения поступательного развития философии приводят к необходимости изучения философских идей и концепций в их конкретном историческом бытии.

2. ДИАЛЕКТИКА ФОРМ МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

«...Исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель»

Ф. Энгельс.

а) Логика Гегеля и логика Аристотеля

Имя Гегеля в логике по праву поставлено Ф. Энгельсом рядом с основоположником этой науки Аристотелем. К логике вообще и к логике Аристотеля, в частности, Гегель подошел иначе, чем его предшественники. Хорошо известен взгляд Канта, согласно которому логика является совершенно законченной наукой и со времен Аристотеля не сделала ни шагу вперед, ни шагу назад. Такой подход чужд диалектике Гегелю, который понимал исторический характер логики и изучаемых ею форм мышления.

Исследовать гегелевский подход к изучению форм мышления интересно в нескольких отношениях. Во-первых, неопозитивистская философия явно нигилистически подходит к оценке гегелевской логики, полагая, что Гегель ничего, кроме путаницы и тумана, не внес в ту науку, которая выступает с требованием ясности и отчетливости. Такое отношение к логике Гегеля вытекает из самой сущности позитивистской философии. Гегель и позитивисты по-разному понимают задачи философии и, в частности, логики. Позитивисты ограничивают логику той проблематикой, которая входит в круг формально-логического исследования. Гегель же ратовал за то, чтобы изучение форм мышления вышло за пределы формальной логики и чтобы рассматривать их также с другой стороны, которая очень важна для понимания места форм мышления в процессе достижения истины. Этот выход за пределы рассудочных категорий формальной логики в область исследования диалектики форм мышления отвергается позитивизмом как путаница и философская спекуляция. Правда, в гегелевских рассуждениях есть туман и мистика, но они не являются необходимыми спутниками диалектики, наоборот, они чужды ей.

Сейчас, когда решается вопрос о задачах диалектики в исследовании форм мышления, анализ гегелевского подхода к изучению формы мышления весьма необходим. Мы встречаемся с попытками, с одной стороны, ограничить изучение форм мышления только одной формальной логикой, с другой стороны, направить нашу логику по бесплодному пути изобретения таких форм мыш-

ления, которых нет в науке, и в этом смысле противопоставить диалектическое мышление научному. История диалектики показывает, что крупнейшие ее представители видели задачу диалектики не в конструировании каких-то новых форм мышления, а в ином подходе к их изучению, который позволяет всесторонне рассмотреть существующие формы мышления и их место в познании. В становлении этого нового, диалектического подхода к изучению форм мышления Гегель занимает далеко не последнее место.

Гегелевское учение о формах мышления органически связано с аристотелевской логикой и в то же время существенно отлично от нее. Гегель подробно и глубоко развил те моменты, которые были только намечены Аристотелем. Поэтому логика Гегеля приобрела иной вид по сравнению с аристотелевской и другую направленность.

Логическая теория Аристотеля носит многосторонний характер. Аристотель выявил различные формы мышления и описал их структуру. В особенности подробно и обстоятельно он разработал учение о силлогистических умозаключениях. То, что сделано в этом отношении Аристотелем, послужило фундаментом формальной логики, которая у него была логикой реального содержания. Аристотель всегда рассматривал формы знания, в частности формы умозаклучения, как содержательные. Соотношение между суждениями в умозаклучении обусловлено связями и зависимостями их предметного содержания. Примером может служить истолкование Аристотелем термина в силлогизме как реальной причины.

В дальнейшем логики обогатили исследование структуры форм мышления новым содержанием. Уже стоики внесли некоторые дополнения в аристотелевскую силлогистику. В новое время было разработано учение об индукции, была создана более совершенная теория доказательства. Формальная логика, обобщая результаты развития научного знания, и далее будет развиваться, выявлять новые формы умозаклучений, точнее описывать структуру, строение нашего мышления.

Гегель высоко оценивал аристотелевское исследование структуры форм мышления¹. Формально-логическое описание форм мышления Гегель называл логикой рассудка, деятельность которого состоит в абстрагировании, отделении существенного от случайного, переработке представлений в родовые, видовые и т. д. понятия. Без этой рассудочной деятельности невозможно дальнейшее разумное постижение предмета.

Гегель одновременно указывал и на слабости аристотелевской логики: отдельные моменты и формы мышления в ней не связаны друг с другом. В этой изолированности они не составляют истины. Подобно тому, как единство красного, твердого и т. д.

¹ См. Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 27; т. X. М., 1932, стр. 313—316.

составляет реальную вещь, так и истина постигается не в одной какой-либо форме, а в совокупности их. Поэтому Гегель ставил задачу создания такой системы форм мышления, которая давала бы возможность понять, как совершается процесс достижения истины. Но и в этом дальнейшем движении вперед Гегель опирался на Аристотеля. Так же как и Аристотель, Гегель считал основной задачей выяснение реального содержания логических форм. Всякая логическая форма, пишет Гегель, имеет в самой себе содержание, свою реальность: «Логику понятия обычно понимают как лишь *формальную* науку, т. е. полагают, что она интересуется лишь *формой* понятия, суждения и умозаключения, как таковой, но совершенно не интересуется тем, *истинно* ли что-либо, или, выражая эту мысль иначе, ответ на последний вопрос считается зависящим исключительно лишь от *содержания*. Если бы логические формы понятия действительно представляли собою мертвые, недейственные и безразличные вместилища представлений или мыслей, то значение их было бы совершенно ненужным для истины описанием...»²

Гегель требовал логики, в которой формы были бы содержательными, неразрывно связанными с содержанием. Истина, безусловно, существует только в этих формах и через них. Однако описание форм мышления недостаточно; главным вопросом логики является исследование их истинности и познавательной ценности. В этом пункте Гегель также наследует все лучшее из аристотелевской логики.

В. И. Ленин писал, что «логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля...»³, что Аристотель всюду на каждом шагу ставил вопрос о диалектике. Это относится и к изучению форм мышления. Логика Аристотеля не была чисто формальной, в ней содержались элементы диалектической логики. Аристотель ставил вопрос о познавательной ценности форм мышления, что составляет предмет диалектической логики. Так, рассматривая различные виды суждения по количеству — общие, частные и неопределенные, — он стремился выяснить сравнительную познавательную ценность их. Он считал, что общее суждение содержит более ценное знание, чем частное, ибо, зная общее, мы потенциально обладаем знанием и частного. При изложении аристотелевской классификации суждений обычно указывают только на деление им суждений по характеру связки (утвердительные и отрицательные), по количеству субъекта (общие, частные и неопределенные) и по модальности (действительности, возможности и необходимости). Но нередко забывается положение Аристотеля о четырех видах высказывания: 1) определение (понятие), 2) высказывание собственного, 3) высказывание рода, 4) высказывание случайного.

² Гегель. Сочинения, т. I. М.—Л., 1929, стр. 267.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 326.

Данный принцип деления суждения в зависимости от содержания предиката и его значимости для познания предмета нашел, как мы увидим дальше, свое развитие у Гегеля и Энгельса.

Умозаключение Аристотель также рассматривал не только со стороны структуры (логической формы), но и с точки зрения характера получаемого знания. Он стремился показать, какое отношение имеет та или иная форма умозаключения к познанию сущности, причин, ибо для него безусловное знание вещи тождественно знанию причины, в силу которой она существует. Не всякий силлогизм приводит к познанию причины. С помощью одних силлогизмов доказывается только существование вещей (силлогизм о том, что есть), другие вскрывают причины существования (силлогизм о том, почему что-либо есть). Последние наиболее совершенны по форме и ценны по содержанию.

В задачу диалектической логики, по мнению Гегеля, входит не только выяснение истинности различных форм мышления, но и их взаимосвязи, развития. Формы мышления являются формами достижения глубокого и всестороннего знания о мире лишь постольку, поскольку они движутся и развиваются в направлении к познанию сущности предмета. Это хорошо понимал Гегель.

Устанавливая отношения между понятием, суждением и умозаключением, Гегель решительно отошел от традиционного неверного взгляда, будто понятие отличается от суждения тем, что оно не истинно и не ложно. В плане отношения к истинности между формами мышления нет различия, поскольку все они являются содержательными формами, ведущими к познанию истины. Понятие, суждение, умозаключение различаются между собой по связи в них моментов всеобщего, особенного и единичного. В понятии эти моменты не расчленены, а даны как нечто целое; в суждении они разделяются (понятие расщепляется на свои составные части), единичное и всеобщее выступают как субъект и предикат; в умозаключении не просто восстанавливается, но и обосновывается единство этих моментов⁴.

Гегель специально не интересовался подробностями структуры отдельных форм мышления, и если он обращался к ней, то только для того, чтобы показать, как части отдельных форм мышления в своей взаимосвязи выражают диалектику, в частности диалектику связи единичного и всеобщего.

Гегелевская интерпретация всех форм мышления как единства трех моментов — всеобщего, особенного и единичного — высоко оценивалась К. Марксом и В. И. Лениным. Маркс показывает, что связь общего и единичного существует в действительности, а формы мышления отражают ее. Например, производство выступает в отношении к потреблению как общее к единичному. Производство (общее) есть потребление (единичное), ибо индивид в процессе производства развивает свои способности и в то же

⁴ См. Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 105—106.

время потребляет их в акте производства; кроме того, производство есть потребление средств производства. «Производство, распределение, обмен, потребление,— пишет К. Маркс,— образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собой целое»⁵. Или, анализируя форму Т — Д — Т, Маркс указывает, что крайние члены не одинаково относятся к Д. В первом случае товар относится к деньгам как особенный товар ко всеобщему товару, деньги же, в свою очередь, относятся ко второму товару как всеобщий товар к единичному. Следовательно, здесь мы имеем то отношение, которое соответствует гегелевской форме умозаключения: О — В — Е.

Мысль Гегеля, что все формы мышления предполагают друг друга, переходят в процессе развития одна в другую, правильна, она вошла в сокровищницу диалектической логики. Правда, в данном случае, как и вообще, мы можем воспринять у гегеля только то, что идет от его диалектики, решительно отбрасывая идеалистические наслоения.

б) Проблема понятия в логике Гегеля

Гегель прежде всего подвергает критическому рассмотрению неверные и поверхностные взгляды на понятие, которые развивались до него и господствовали в современной ему формальной логике. Резкую отповедь он дает тем, кто относится к понятию с презрением, считая, что истина постигается не понятием (мышлением), а какими-то другими путями. С некоторого времени, отмечает Гегель, стало хорошим тоном «говорить всевозможные дурные вещи о *понятии*, делать его, эту вершину мышления, предметом презрения и, напротив, считать наивысшей вершиной научности и моральности *непостижимое и отсутствие постижения*»⁶.

Это замечание Гегеля в свое время было направлено против иррационализма Ф. Г. Якоби и других, которые мышлению в понятиях противопоставляли как более надежные и достоверные непосредственное знание, веру, но оно в полной мере сохраняет свое значение в борьбе против современных интуитивистов и позитивистов, поносящих абстрактное мышление и пытающихся заменить его либо интуицией, либо простым протокольным регистрированием фактов.

Пренебрежительное отношение к понятию имело некоторые основания. Дело заключается в том, что понятие так узко эмпирически истолковывалось логиками того периода, что действительно можно было усомниться в его способности постигать сущность вещей. Традиционным было воззрение на понятие как на

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 715.

⁶ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 12.

общее представление, как на нечто мертвое, пустое и абстрактное; процесс же образования понятия сводился к нахождению и выделению любого общего признака у самых различных предметов.

«Когда,— пишет Гегель,— говорят о понятии, то обыкновенно нашему умственному взору предносится лишь абстрактная всеобщность, и тогда понятие определяют как общее представление. Говорят, согласно этому, о понятии цвета, растения, животного и т. д. и считают, что эти понятия возникли благодаря тому, что опускается все особенное, отличающее друг от друга различные цвета, растения, животные и т. д., и сохраняется то, что у них есть общего»⁷. Вполне понятно, что если под понятием разуместь выделение любого общего признака в многообразных предметах, то правы будут те, которые объявляют его пустым, бессодержательным, уступающим в познании предмета ощущению, восприятию и представлению, где предмет постигается в многообразии его свойств и связей.

Развивая свои воззрения на понятие, Гегель показывает, что абстракция не пуста, если она разумна. Абстракция является понятием, достигшим в своем развитии определенного уровня. Своим содержанием она имеет какое-то реальное свойство действительности. Абстракция есть разделение чувственно-конкретного разрознивание его определений, посредством нее мы схватываем лишь отдельные свойства или моменты. Но образованием отдельных абстракций не завершается развитие понятия. Понятие абстрактно в том смысле, что мышление вообще не является эмпирически-конкретным: в своей сущности же понятие целиком конкретно, ибо выражает реальность в ее многообразных свойствах и связях.

Мысль о том, что понятие есть совокупность (точнее, даже целокупность) многообразных определений, что оно в своем развитии идет от абстрактного к конкретному, является генеральной идеей гегелевской теории понятия, знаменующей совершенно новый подход к нему. Маркс по достоинству оценил этот подход, дав ему материалистическое толкование. Верно, что научное мышление движется от абстрактных определений к понятию как «конкретной тотальности» (конкретному как единству многообразного). Но для Гегеля реальное является результатом деятельности мышления, для марксистской же диалектической логики метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, но отнюдь не создает его.

По Гегелю, конкретное понятие порождает самого себя вне созерцания и представления. Гегель вообще недооценивал путь движения от чувственно-конкретного к абстрактному, считал, что это движение не имеет никакого отношения к сущности понятия,

⁷ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 268.

к его истинности⁸. Если описывать историю того, как мы подходим к понятию, то тогда, говорил он, конечно, надо указывать на восприятия и представления как на начальный пункт нашего движения к понятию. Если же речь идет об истине понятия, то оно истинно и вне движения от созерцания к понятию, истина его лежит в нем самом.

«Конечно,— пишет Гегель,— когда наука уже завершена, готова, тогда идея должна исходить из себя; наука как таковая уже больше не начинает с *эмпирически* данного. Но для того, чтобы наука получила существование, требуется движение от единичного и особенного к всеобщему, требуется деятельность, представляющая собой реакцию на данный материал эмпирии, чтобы его переработать»⁹.

В действительности же эмпирия имеет значение не только в процессе образования понятий, но и в их дальнейшем существовании и развитии. Зрелая наука развивается на основе эмпирических данных, поэтому связь рационального момента с эмпирическим не обрывается после того, как образовано какое-либо понятие. Вне представления и созерцания не может ни образоваться, ни существовать никакое понятие о внешнем мире. Истинность понятия возникает не из самого понятия, а в результате познания реального мира, с которым нас непосредственно связывают чувства.

Важнейшим положением гегелевской теории понятия является утверждение, что понятие не стоит в стороне от многообразия явлений. Для Гегеля — понятие — это не абстрактная всеобщность. В нем момент всеобщности, несомненно, существует. Больше того, этот момент в понятии является первым, но не единственным. Особенное и единичное также входят в понятие. Тот факт, что одно всеобщее не составляет понятия, доказывается обычным определением посредством указания ближайшего рода и видового отличия.

Чтобы определить понятие, недостаточно указать общее — род, нужна еще и специфическая определенность. А это значит, что в содержание понятия входит не только всеобщее, но особенное и единичное в их единстве.

Гегель сравнительно легко решает вопрос об истинности понятия, ибо у него понятие связано со всем многообразием мира. Правда, и здесь мы сталкиваемся одновременно и с сильной и со слабой сторонами его учения о понятии. Для Гегеля, по существу, нет проблемы о соответствии понятия реальности, о том, как понятие постигает предмет, ибо понятие для него и есть сама реальность. Поэтому для Гегеля не существует и самого вопроса о процессе образования понятия. «...Не *мы* вовсе образуем понятия,— пишет он,— и ...вообще понятие вовсе не должно рас-

⁸ См. Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 19.

⁹ Гегель. Сочинения, т. XI. М.— Л., 1935, стр. 220.

смагиваться как нечто возникшее... Было бы превратно принимать, что сначала предметы образуют содержание наших представлений и что уже затем привходит наша субъективная деятельность, которая посредством вышеупомянутой операции абстрагирования и соединения того, что обще предметам, образует их понятия. Понятие, наоборот, есть истинно первое, и вещи суть то, что они суть, благодаря деятельности присущего им и открывающегося в них понятия»¹⁰.

Человек, по Гегелю, не образует понятия, а обнаруживает его в вещах, явлениях, ибо, по его мысли, понятия плода вообще, яблока вообще существуют раньше отдельных, единичных плодов и яблок.

Марксизм согласен с Гегелем, что понятие не оторвано от многообразия явлений действительности, но он понимает эту связь понятия с реальной действительностью материалистически. Конкретное понятие способно отразить многообразие связей явлений действительности путем многочисленных абстракций, в их единстве.

В этом адекватном и всестороннем отражении сущности, устойчивой реальности предмета и состоит истина понятия.

Гегель как диалектик оценивал деление понятий на различные виды: ясные, отчетливые и адекватные, противоположные и противоречивые, утвердительные и отрицательные и т. д. Это деление связано с пониманием понятия как отражения общего признака у предметов, когда содержание понятия рассматривается как простая механическая сумма признаков, которые сравниваются, количественно изменяются, выражаются в числах и фигурах.

Гегель правильно отметил ограниченность такого подхода к понятию, при котором диалектика понятия остается совершенно в стороне¹¹.

Свое мнение Гегель высказал и в отношении так называемого логического исчисления, которое уже тогда имело место. Он не отрицал, что всеобщность, особенность и единичность понятия различны и даже противоположны, поэтому допустимо применение математической символики (например, плюс и минус, 1 и 0) для выражения отношений между различными моментами понятия, а также отношений между понятиями. Количественное сравнение различных моментов понятия необходимо для описания его структуры. Можно говорить, что всеобщее шире единичного и т. д. Нам теперь хорошо известно, что описание моментов понятия в математической символике дает плодотворные результаты и что логическое исчисление оправдало себя на практике. Но как бы ни были велики его результаты, Гегель был глубоко прав в том, что «понятие есть нечто большее, чем все это», что сущность поня-

¹⁰ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 269—270.

¹¹ См. Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 50.

тия, его движение и развитие не охватываются логическим исчислением, которое в понятии (и в формах мышления вообще) имеет свою сферу, а диалектика свою. Только она и может постичь подлинную природу понятия, его гносеологическую сущность.

в) Гегель о развитии форм суждения

Научная классификация суждения имеет огромное значение для уяснения сущности суждения и его роли в познании действительности. Она дает возможность понять процесс отражения в сознании человека различных сторон и отношений вещей внешнего мира. Крупнейшие логики и философы приложили немало стараний, чтобы решить проблему классификации суждений.

Деление суждений по характеру субъекта, связки и предиката, которое было впервые предложено еще Аристотелем, несомненно, имеет значение, в особенности для понимания как структуры самого суждения, так и структуры умозаключения. Но такой принцип классификации суждений не является единственным и имеет ограниченный характер. Во-первых, применение этого принципа классификации суждений, как правило, сводилось к перечислению различных форм суждения; указывались возможные формы суждения, но не делалось даже попыток установить между ними связь. Во-вторых, деление суждений по характеру субъекта, предиката и связки не ставило вопроса о развитии суждения в направлении движения нашего знания от познания явления к познанию сущности, ввиду чего трудно было решать вопрос о сравнительной познавательной ценности той или иной формы суждения. Хотя даже в традиционной классификации можно рассматривать суждения с точки зрения их роли в процессе познания, однако традиционная классификация суждений возникла из потребности теории умозаключения и не была нацелена на выяснение роли суждения в развитии нашего знания.

Гегель, да и диалектическая логика вообще, не ставит своей задачей построение классификации форм мышления в прежнем понимании значения этого термина как простой разбивки по рубрикам (по выражению Гегеля, рубрицирования) форм мышления в зависимости от того или другого признака. Описание и классификация форм мышления по принципу координации — это задача формальной логики. Гегель же стремился показать развитие суждения и в связи с этим подвергнуть рассмотрению познавательную ценность каждого вида суждения. «Различные виды суждения, — пишет Гегель, — должны рассматриваться не как стоящие рядом друг с другом, не как обладающие одинаковой ценностью, а, наоборот, как последовательный ряд ступеней, и различие между ними зависит от логического значения предиката»¹².

¹² Гегель. Сочинения, т. I, стр. 278.

Каждое суждение выражает определенную ступень в развитии познания. Основными формами суждения являются: 1) суждение наличного бытия, 2) суждение рефлексии, 3) суждение необходимости, 4) суждение понятия. Эти основные типы суждения соответствуют основным ступеням в развитии духа, каковыми, по Гегелю, являются бытие, сущность и понятие. Сущность делится у Гегеля на рефлексию и необходимость, поэтому сущности соответствуют суждения рефлексии и необходимости.

Суждение наличного бытия является самой низшей ступенью в развитии суждения. Гегель называет его качественным, в котором единичность и всеобщность (субъект и предикат) носят абстрактный, малосодержательный характер. Суждение наличного бытия — выражение первого знакомства с предметом, например, роза красна. В этот класс суждений Гегель относит формы, которые в традиционной классификации относятся к суждениям качества: положительное, отрицательное и бесконечное суждения. Но Гегель не просто перечисляет эти суждения, а пытается субординировать их, вывести одно из другого, показать их развитие.

Если в суждении наличного бытия, как в аристотелевском неопределенном суждении, субъект количественно неопределен и все внимание обращается на качество связи суждения, то в суждении рефлексии дальнейшее развитие происходит в направлении изменения количественной определенности субъекта суждения, что позволяет глубже познать явления действительности.

Суждение рефлексии отличается от суждения наличного бытия не только количественной определенностью субъекта, но и содержанием предиката. Субъектом суждения рефлексии являются единичные вещи в отношении к равным им вещам, а предикатом — не любые свойства, а существенные отношения, как-то: «полезный», «вредный», «целебный», «упругий» и т. д. Количественная определенность субъекта зависит от определения нами степени существенности и необходимости данного предиката для субъекта. В зависимости от того, насколько необходимо для данного предмета данное свойство, можно определить — всем, некоторым или только одному предмету оно присуще.

Формами суждения рефлексии являются единичное, частное и общее суждения («Это растение полезно; некоторые растения полезны; все злаки полезны»). Когда достигается подлинная универсальность, общее, как сумма единичных, превращается во всеобщность, суждение рефлексии переходит в суждение необходимости, ибо всеобщность включает в себе необходимость. «Когда мы говорим: *все растения, все люди* и т. д., то это то же самое, как если бы мы сказали: *растение вообще, человек вообще* и т. д.»¹³.

В суждении необходимости общее выступает как род, необходимо присущий всем единичным. Отдельные единичные зависят

¹³ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 284.

от этого рода. В суждение необходимости Гегель включает те суждения, которые в традиционной классификации значатся под рубрикой деления по отношению, — категорическое, гипотетическое и разделительное. Так как всеобщее соответствует понятию субстанции, особенное — понятию причинности, единичное — понятию взаимодействия, то и отношения понятий субъекта и предиката в суждении могут быть либо отношением субстанциональности, либо отношением причинности, либо отношением взаимодействия.

Но развитие суждения не прекращается на суждении необходимости, ибо в нем остается нерешенной основная проблема: в какой мере предикат, выраженный в суждении, соответствует своей цели, понятию. Эта проблема разрешается в суждении понятия. «Умение, — пишет Гегель, — высказывать *суждения наличного бытия*: «роза красна», «снег бел» и так далее — вряд ли будет кем-нибудь считаться обнаружением большой силы суждения. *Суждения рефлексии* суть больше *предложения*, чем суждения. В суждении необходимости предмет, правда, выступает в своей объективной всеобщности; однако лишь в суждении, которое нам теперь предстоит рассмотреть, *имеется соотношение предмета с понятием*»¹⁴.

Суждение понятия является высшей формой суждения. В качестве предиката в нем выступают такие оценочные определения, как «хороший», «дурной», «истинный», «правильный», «прекрасный», «безобразный». По этим определениям, согласно Гегелю, и можно судить, насколько предмет соответствует своей цели, понятию, лежащему в его сущности. Суждения, которые в традиционной классификации значатся под рубрикой деления по модальности — ассерторическое, проблематическое, аподиктическое, — Гегель включает в суждения понятия.

Ассерторическое суждение (суждение действительности) представляет собой не что иное, как простое уверение, что какой-то предикат соответствует своему понятию («дом хорош»). Оно недостаточно, ибо основано на субъективном уверении, при котором возможно всегда противоположное уверение («дом хорош», «дом не хорош»). Но когда существуют два противоположных уверения, само уверение становится проблематичным. Поэтому ассерторическое суждение переходит в проблематическое («дом может быть хорош»). Недостатки ассерторического, проблематического и вообще всех предшествующих форм суждения преодолеваются в аподиктическом суждении, в котором утверждение или отрицание соответствия предмета понятию обосновывается («дом, устроенный таким-то образом, хорош», «поступок, носящий такой-то характер, справедлив»).

В высшей форме суждения — аподиктическом суждении — отчетливо выражен смысл суждения вообще (во всяком суждении

¹⁴ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 98.

скрывается умозаключение), поэтому оно, по существу, перестает быть суждением, а становится другой формой мышления — умозаключением.

Гегелевская классификация суждения была материалистически переработана Ф. Энгельсом, который показал, что научное знание действительности развивается от простейших суждений до таких, в которых вскрываются всеобщие законы. При этом Энгельс освободил классификацию суждений Гегеля не только от идеализма, но и от элементов схематизма и непоследовательности.

У Гегеля и Энгельса между суждениями устанавливается не формальное различие, а различие по существу: разные суждения стоят на разных уровнях, ступенях познания закономерной связи явлений. Суждения единичности; особенности и всеобщности получают свое качество только во взаимосвязи друг с другом. Суждение является суждением единичности только тогда, когда имеются суждения особенности и всеобщности. Одно и то же суждение в связи с одними суждениями выступает как суждение единичности, а в связи с другими — как суждение особенности или всеобщности; оно и итог, результат предшествующего познания и в то же время исходный момент для дальнейшего движения мысли. Суждение всеобщности нельзя рассматривать как форму выражения абсолютного заверченного знания, завершенность знания в нем относительная.

Движение от единичности через особенность и всеобщность означает развитие суждения от простого к сложному. Обычно в логике простым называется такое суждение, которое состоит только из двух терминов, а сложным — суждение, состоящее из нескольких простых. Здесь различие между простым и сложным суждением рассматривается как чисто формальное. В некотором смысле полезно сохранить это деление суждений на простые и сложные, но при этом необходимо помнить его ограниченность и условность. Оно имеет значение для теории умозаключения, для изучения связей между элементами мысли в субъекте и предикате суждения. Но это деление суждений на простые и сложные нельзя абсолютизировать.

Если мы будем рассматривать суждение со стороны не формы, а содержания, с точки зрения его места в движении познания, то суждение, которое обычно в логике называется сложным, может оказаться простым, а простое — сложным. Суждение формы « S есть P_1 и P_2 » может быть менее содержательным, чем какое-либо другое суждение вида « S есть P ». С формальной точки зрения, которая при анализе суждения исходит из изучения внешних, структурных связей мысли и способов их выражения в языке, можно о любом отдельно взятом суждении сказать, простое оно или сложное, какие связи существуют внутри субъекта или предиката сложного суждения — конъюнкция или дизъюнкция.

Когда же речь идет о делении суждений на простые и сложные по содержанию их предиката, с точки зрения отражения в них сущности предмета, то надо брать всю цепь развития суждений о предмете. Только сравнивая суждения, отражающие разные ступени познания предмета, можно определить, как они относятся друг к другу. Так, суждение особенности будет сложным по отношению к суждению единичности и простым по отношению к суждению всеобщности. Если же взять отдельное, изолированное суждение, вырванное из системы, то нельзя сказать, сложное оно или простое. Суждение может быть сложным только в отношении какого-либо другого, более простого суждения. Последовательность в разворачивании суждений отражает реальную историю познания предмета. Сначала люди узнали, что трение производит теплоту, потом было установлено, что всякое механическое движение способно превращаться в теплоту и, наконец, люди открыли закон сохранения и превращения энергии.

г) Гегель о взаимоотношении индукции и дедукции

Проблема взаимоотношения индукции и дедукции давно привлекала внимание логиков. У многих философов эти формы умозаключения метафизически противопоставлялись друг другу. Аристотель был бессилен дать конкретное решение вопроса об индукции и ее отношении к дедукции в силу недостаточности научной практики того периода. Силлогистика Аристотеля возникла как анализ строя мышления того периода, когда наука только зарождалась. В своем учении об умозаключении Аристотель опирался на анализ математического знания в современную ему эпоху. Логическое учение об индукции в новое время появилось в результате обобщения успехов опытного естествознания, занимавшегося по преимуществу описанием, систематикой и классификацией явлений природы. Разработка проблемы места и роли индукции в познании в это время была непосредственно связана с поисками философией нового метода мышления, который бы активно помогал человеку осваивать предметы материального мира, добиваться господства над явлениями природы. У ряда философов индукция являлась важнейшей составной частью нового метода мышления, выходящего за рамки схоластической догматики. Но поскольку учение об индукции возникло в период господства метафизики, то индукция с самого начала была неправильно истолкована, оторвана от других способов получения новых результатов.

Гегель предпринял попытку преодолеть метафизический отрыв индукции от дедукции. Для него самым важным в теории умозаключения было наметить переходы от одной формы умозаключения к другой, от дедукции к индукции и от последней через аналогию снова к дедукции.

Умозаключение, по Гегелю, проходит в своем развитии три основные ступени: умозаключения наличного бытия, рефлексии и необходимости. Эти типы умозаключений различаются не по чисто формальным признакам — положению среднего термина, — а по содержанию.

Познавательная ценность умозаключения наличного бытия очень незначительна, с помощью его можно вскрыть только поверхность явлений. Примером умозаключений этого класса может быть следующее: «Эта роза красна, красное — цвет, следовательно, эта роза имеет цвет». Но и такие умозаключения играют определенную роль в жизни. Юрист мыслит по этой форме, когда отыскивает правовое основание, то есть средний термин для своего юридического заключения.

Умозаключение рефлексии более содержательно, оно идет дальше в выражении сущности предмета, в нем средним термином является не абстрактная, а конкретная всеобщность, охватывающая в себе все единичное — целостность. В этом типе умозаключения Гегель различает три формы: умозаключение всякости, индукцию и аналогию. Умозаключение всякости имеет форму $E - O - V$. Примером этой формы умозаключения может служить традиционный силлогизм: «Все люди смертны; Кай — человек; следовательно, он смертен». Истинность большой посылки ($O - V$) не доказана и зависит от истинности заключения. Всякость («все люди») на данной ступени развития не заключает в себе подлинной необходимости и всеобщности. Поэтому умозаключение всякости предполагает умозаключение индукции и переходит в него. Здесь посредством индукции доказывается посылка $O - V$, то есть особенное связывается со всеобщностью через совокупность единичных. Приведем простой пример: «медь, золото, серебро и т. д. — металлы; медь, золото, серебро и т. п. — проводники электричества; следовательно, металлы — проводники электричества».

Индукция как умозаключение преодолевает недостатки умозаключения всякости, но имеет свои коренные пороки. Она не преодолевает полностью субъективности и непосредственности умозаключения всякости, ибо средним термином в ней являются единичности во всей их непосредственности, их синтез случаен. Всякая индукция неполна, единичности никогда не могут быть исчерпаны до конца. Когда мы утверждаем: «все растения», «все металлы», — то в действительности речь идет о тех растениях и металлах, с которыми люди до сих пор встречались. Индуктивное умозаключение основано на непосредственном опыте, завершение которого уводит нас в дурную бесконечность. «Лишь продолженные *до бесконечности*, *a, b, c, d, e* образуют собой род и дают заверченный опыт. Заключение индукции остается *по-прежнему проблематическим*»¹⁵.

¹⁵ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 139.

Преодоление недостатков индукции приводит к такому умозаключению, которое в качестве среднего термина имеет единичность, в самой себе заключающую всеобщность. Таким умозаключением является аналогия, которая имеет форму $E - B - O$. Например: «Земля имеет обитателей; Луна есть некоторая земля; следовательно, Луна имеет обитателей». Возможны пустые и праздные аналогии, в которых в качестве всеобщей природы единичного взят такой признак, который в действительности не является всеобщим (например, в приведенной аналогии луны с землей). Гегель подвергает критике натурфилософию, которая наполнена такими пустыми аналогиями. В. И. Ленин замечает, что философия природы самого Гегеля сплошь состоит из несостоятельных аналогий.

Проблематичность индукции не только не преодолевается, но даже усиливается в аналогии, поэтому развитие умозаключений не может остановиться на аналогии, не дающей необходимых, достоверных выводов. Аналогия переходит в умозаключение необходимости, представляющее собой самую высокую форму умозаключения, где достигается совершенство вывода.

Гегель не отрывал индукцию от остальных видов умозаключения, а пытался определить ее место в общем развитии умозаключения. Правильна мысль Гегеля, что дедукция нуждается в индукции для обоснования посылки $O - B$. Полную силу против всеиндуктивизма имеет тезис Гегеля о том, что индукция, будучи основана на незавершенном опыте, дает по существу проблематические заключения. С правильных позиций Гегель критиковал Бэкона. Отвергая какие-либо другие умозаключения, кроме индукции и связанной с ней аналогии, сам Бэкон пользовался отвергнутыми им формами. «Поэтому,— пишет Гегель,— если Бэкон *противопоставлял* индукцию силлогизму, то это противопоставление носит формальный характер; всякая индукция есть вместе с тем умозаключение, что знал также и Аристотель, ибо, когда мы из множества вещей выводим нечто всеобщее, то первое суждение гласит: эти тела обладают этими свойствами. Второе положение гласит: все эти тела принадлежат к такому-то классу; следовательно, в-третьих, данный класс обладает данными свойствами. Это — полное умозаключение, и всегда индукция имеет тот смысл, что делается наблюдение, устраиваются эксперименты, рассматривается опыт, а затем выводится из него всеобщее определение»¹⁶.

Однако Гегель не преодолел полностью порочной недооценки индукции. Высшим типом умозаключения, по Гегелю, является умозаключение необходимости, дедуктивное по своему существу. Индукция по своей познавательной ценности ставится им даже ниже аналогии. Низшие формы дедукции (умозаключение наличного бытия и умозаключение всякости) предшествуют индукции

¹⁶ Гегель. Сочинения, т. XI, стр. 223—224.

и аналогии, но ее высшая форма (умозаключение необходимости) снимает индукцию и аналогию, завершая весь процесс развития умозаключения. Гегель правильно указывает, что индукция не безгрешна, что одна она не может привести к истине. Но это в такой же степени относится и к дедукции. Если индукция по форме не может дать достоверного вывода, то дедукция содержанием своих посылок упирается в индукцию. Подчиняясь требованиям своей философской системы, Гегель на определенной ступени прекращает развитие умозаключения. В действительности же развитию и совершенствованию форм умозаключения нет и не может быть конца.

В своей теории умозаключения Гегель исходит из форм, которые уже были выявлены логикой до него, и излагает их соответственно выработанной им схеме. Но, во-первых, логика того времени не вскрыла всех форм умозаключения, встречавшихся в практике научного мышления; во-вторых, научное мышление развивается, движется, следовательно, изменяются формы умозаключения, совершенствуются, уточняются старые, возникают новые. Гегель же отказывает формам вывода в дальнейшем развитии.

Гегель не нашел места практике в движении и развитии форм умозаключения, поэтому он не мог разрешить вопроса о роли индукции и дедукции в познании. Ведь никакая одна форма умозаключения не может обеспечить точность и достоверность наших заключений. Только на основе практики самые различные формы умозаключения, дополняя и развивая друг друга, приводят к истинному знанию. На основе практики происходит и дальнейшее развитие способов умозаключения.

Тем не менее Гегель положил начало сознательно диалектическому истолкованию форм мышления, поставил вопрос о развитии понятий, суждений и умозаключений, об их взаимосвязи в процессе познания действительности. Наша диалектическая логика является наследницей всего лучшего, что было в гегелевском учении о формах мышления.

3. ГЕГЕЛЕВСКАЯ ИДЕЯ О СОВПАДЕНИИ ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В августе 1970 г. мировая общественность отмечала 200-летие со дня рождения немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, с именем которого связан важнейший этап в истории философии. Место и роль гегелевской системы и метода в развитии философии были определены классиками марксизма-ленинизма, которые считали диалектику Гегеля одним из теоретических источников марксистского мировоззрения.

Диалектика — главная ценность гегелевской философии и один из важнейших итогов развития философской мысли до Маркса и Энгельса. «Истинные законы диалектики,— писал Маркс,— имеются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы...»¹. Это и сделали Маркс, Энгельс и Ленин, придав диалектическому методу форму, соответствующую новому опыту истории и развития научного знания. Они освободили диалектику Гегеля от идеализма, соединив ее с материалистическим пониманием природы и истории, положив ее в основу революционно-критического отношения к действительности, сделав ее методом познания и преобразования мира.

Буржуазные философы-неокантианцы, иррационалисты типа А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора боролись против гегелевской диалектики еще в середине XIX в., но особенно усилились нападки на нее после того, как марксизм прямо и открыто провозгласил себя наследником метода Гегеля. В борьбу против гегелевской диалектики включились наряду с буржуазными философами и ревизионисты. Ленин писал, что буржуазные «профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,— и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 456.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 19.

Современный философский ревизионизм ведет борьбу с гегелевской диалектикой и одновременно с марксистской диалектикой под тем предлогом, что она якобы не соответствует теперешнему уровню научного познания, таким его новейшим категориям, как «структура», «модель» и т. п., и поэтому будто не может выступать методологией науки в наших условиях. Фактически борьба с гегелевской диалектикой приводит ревизионистов к апологии современной формальной логики как единственной методологии познания, в чем они смыкаются с неопозитивизмом.

Конечно, гегелевская диалектика в том виде, в каком она выступает у ее автора, не может сейчас быть философским методом научно-теоретического мышления: слишком далеко вперед ушли общество и наука. Но, во-первых, как таковая она и до сих пор превосходит любую форму современного буржуазного мировоззрения, которое кичится своей связью с научным познанием. Философский неопозитивизм жалок и узок по сравнению с гегелевской диалектикой. Во-вторых, для нас сейчас диалектика Гегеля представляет интерес не сама по себе, а переработанная марксизмом и примененная им к анализу развития общества и науки. Именно эта диалектика живет и является «единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»³.

а) Гегель о диалектике как логике и гносеологии

Среди идей гегелевской философии, которые привлекли внимание марксистов, и особенно Ленина, одно из центральных мест занимает положение о совпадении диалектики, логики и теории познания. Гегель не высказывал самого принципа тождества диалектики, логики и теории познания. Он был сформулирован Лениным на основе изучения «Науки логики» Гегеля и работ Маркса, применившего рациональную основу гегелевского метода к анализу капитализма. Ленин писал, что не нужно трех слов для обозначения логики, диалектики и теории познания, которые Маркс в «Капитале» применил к одной науке. Анализ этой проблемы, как она была поставлена у Гегеля, ее переосмысления марксизмом имеет сейчас большое значение не только с той точки зрения, что он позволит еще раз подчеркнуть величие и мощь философского гения Гегеля, но и с точки зрения использования опыта истории решения актуальных вопросов, встающих перед современной научной философией. Философские системы великих мыслителей не умирают вместе с их создателями, они живут и побуждают к творческим поискам.

Мысль о совпадении логики с диалектикой и теорией познания стала возможной и появилась благодаря крупным измене-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 528.

ниям в развитии человеческого знания, которые поставили перед философией много новых проблем, вынудили ее внутренне перестроиться, определить свое место в обществе и в движении его духовной культуры.

Философия возникла и развивалась как учение о бытии, его принципах и существенных определениях. Она никогда не довольствовалась и не довольствуется тем, что доступно эмпирическому подходу к действительности, и стремится проникнуть в скрытую ее сущность. При этом с самого начала она старалась отделить себя, с одной стороны, от «божественной мудрости», а с другой — от знания, связанного с отдельными явлениями, вещами и отношениями. Так родилось представление о философской или метафизической форме знания. Эта форма имеет свои особенности, касающиеся, во-первых, предмета, во-вторых, характера самого знания, метода его достижения и развития, и, наконец, его отношения к человеческой деятельности.

На протяжении всей истории философии вплоть до наших дней обсуждался вопрос о природе философского знания, которое вначале называлось мудростью, постигающей сущность мира. Однако впоследствии в связи с прогрессом науки, возникновением отдельных ее областей, которые также постигали сущность, законы движения изучаемых ими явлений и вещей, философское знание стало рассматриваться в его отношении к развивающейся науке.

Выдающиеся философы нового времени в принципе правильно решали вопрос, ставя философию в круг научно-теоретического знания, трактуя философию как «совершенную науку». Здесь следует опять подчеркнуть значение Гегеля, который в предисловии к «Феноменологии духа» очень проницательно сказал: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*»⁴.

Пришел конец философии как мудрости, которая развивается не только изолированно от научного познания, но и в противовес ему. Из мудрости она должна превратиться в систему подлинного научного знания и в то же время остаться действительно философией. Означает ли это ее самоотрицание и превращение просто в область знания, стоящую в ряду других сформировавшихся частных дисциплин, или же она сохранила свое особое положение и место в развитии духовной культуры человечества?

Если проследить эволюцию буржуазной философии за последнее столетие, то нетрудно увидеть, что она, когда касалось ее собственной природы, никак не могла преодолеть такую дилемму:

⁴ Гегель. Сочинения, т. IV. М., 1959, стр. 3.

философия либо включалась в систему наук путем сведения ее к частной области знания (например, к формальной логике в ее самой совершенной форме, что было свойственно неопозитивизму), либо исключалась из нее, смыкаясь с какой-нибудь формой пророчества, особого, ненаучного видения мира. Казалось бы, из этой дилеммы нет выхода: либо позитивистская ликвидация философии как особого рода знания, либо возвращение назад к мудрости, стоящей над науками.

Решение проблемы дал марксизм, опиравшийся при этом в важных моментах на Гегеля, но соответствующим образом перерабатывая его идеи. Гегель в свое время решительно и бесповоротно встал на позицию философии, исходящей из систематического развития идей, «которое должно содержать в себе то, что в других науках понимали под *доказательством* и без чего невозможна научная философия»⁵. Для него философия — система истинного, доказательного знания, покоящаяся на разумном постижении действительности: «Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение предметов*»⁶. Она существенно отличается от других наук, предметом которых «является познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей, изучение *необходимости, закона* в кажущемся беспорядке бесконечного множества случайностей...»⁷. Философия отличается от других наук прежде всего своим предметом, которым она делает мышление: «...Если в других науках предметом мышления является пространство, число и т. д., то философия должна сделать предметом мышления само *мышление*»⁸.

А если предметом философии становится мышление, то она сама превращается в науку — логику. Такая постановка вопроса таит в себе внутренние противоречия. С одной стороны, создается впечатление, что область философии сужается до изучения только мышления, объективный мир с его законами выпадает, его изучение целиком и полностью отдается другим наукам. С другой стороны, открывается по-настоящему новый путь для философии к исследованию своего собственного предмета, создается возможность определить действительное место философии в развитии знания, ее отличие от других наук.

Гегель разрешает это противоречие, придавая логике более глубокий смысл, чем науке о чистом, формальном мышлении. «Если бы логика, — пишет Гегель, — не имела другой задачи, кроме ознакомления с деятельностью чисто формального мышления, то она, разумеется, не дала бы ничего такого, что не могло бы

⁵ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, стр. 24.

⁸ Там же, стр. 35.

быть сделано также хорошо и без нее»⁹. Представление о логике, характерное для школьных и университетских кругов, по мнению Гегеля, отошло в прошлое.

У Гегеля имеются довольно пренебрежительные замечания по поводу применения математического метода к изучению логических проблем. «Доведенный до крайности образчик такой чуждой понятию трактовки понятийных определений умозаключения, — пишет Гегель, — несомненно дает нам Лейбниц..., который подверг умозаключение комбинаторному исчислению... Это лейбницево применение исчисления комбинаций к умозаключению и к сочетанию других понятий не отличалось от пресловутого *лукисева искусства* ничем другим, кроме большей методичности с *арифметической* точки зрения, вообще же не уступало ему в бессмысленности»¹⁰. При этом Гегель не стеснялся в выражениях, когда дело касалось идей логического исчисления лейбницанца Плуке, считая эти идеи способом научить невежд механически всей логике и наихудшим изобретением «в области изложения логической науки»¹¹.

Но жизнь, развитие науки и математической логики посмеялись и над таким выдающимся мыслителем, каким был Гегель. Именно идеи Лейбница относительно алгебраизации логики, вычислительной трактовки задач естествознания и были реализованы в дальнейшем. С другой стороны, вряд ли можно согласиться с таким утверждением, что «история науки начисто опровергла гегелевское шельмование арифметики и математической логики, основанное, в сущности, на религиозно-догматическом подходе Гегеля ко всяким реформам в области логики и методологии математики»¹².

Дело в том, что ни о каком шельмовании Гегелем математической логики вытекающем из религиозно-догматического подхода, речи быть не может. Это скорее непонимание необходимости нового пути в развитии формальной логики, сближающем ее с математикой. Но в логике Гегель видел философскую науку, она была для него философией в подлинном смысле этого слова. Аристотелевская формальная логика служила только этапом в ее становлении, низшей рассудочной ступенью. Построение формальной логики на основе алгебраического метода и формирования символической логики — это путь отделения формальной логики от философии, уход в частную, специальную область знания, а подобный способ изучения мышления для Гегеля как философа был неприемлем, потому что «определения умозаключения поставлены здесь в один ряд с сочетаниями костей или карт при игре в ломбер, разумное берется как нечто мертвенное и чуждое

⁹ Там же, стр. 42.

¹⁰ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 131—132.

¹¹ Там же, стр. 133.

¹² Н. И. Стяжкин. Формирование математической логики. М., 1967, стр. 230.

понятию, и оставляется в стороне своеобразие понятия и его определений заключающееся в том, что они *соотносятся* между собой как духовные сущности...»¹³.

Поскольку логика у Гегеля является философией, а не частной научной дисциплиной, она исследует мышление, содержащее в себе весь объективный мир. Различные области научного знания выделяют какую-то сторону, закономерность, присущую этому миру, концентрируя свое внимание на ее изучении. Эти науки потому и называются частными или конкретными, что они действительно разбирают мир на части и анализируют каждую в отдельности на основе своих методов. Разумеется, если речь идет о современных науках, то они все больше внимания уделяют «стыковым» проблемам, переходу от одной формы движения к другой, взаимообогащаясь методами. Но и это не меняет общего подхода наук к изучению своего предмета, сам переход от одной формы материи к другой, от одного конкретного объекта к другому есть не что иное, как частный, обособленный предмет исследования. Стоит ли философия как логика, изучающая мышление, в ряду этих наук, т. е. рассматривает ли она свой предмет просто как некоторую часть целого — объективного мира? Гегель отвечает на этот вопрос отрицательно: «Если бы мышление было только некоей субъективной деятельностью и, как таковое, было бы предметом логики, то последняя, подобно другим наукам, имела бы свой определенный предмет. Тогда могло бы казаться чем-то произвольным то, что мышление делают предметом особой науки, а воля, фантазия и т. д. не делаются предметом особой науки»¹⁴.

В самом деле, можно ли сделать мышление как субъективную деятельность предметом особой науки? Конечно, можно, но только эта наука будет не философией, а, как показывает опыт развития знания после Гегеля, либо психологией, исследующей наряду с мышлением волю, эмоции, фантазию и другие формы психической деятельности человека, либо формальной логикой, изучающей мышление как язык, либо еще какой-нибудь наукой, которая может в мышлении выделить свой, частный предмет исследования.

Таким образом, логика, по Гегелю, не изучает мышления ни с его формальной стороны, ни как субъективную деятельность. И то и другое стало предметом специальных, частных научных дисциплин — символической формальной логики и психологии.

Гегель формулирует философский взгляд на мышление. Логика, в его понимании, изучает не мысль, как таковую, а определение мысли: «Логическое следует вообще понимать... как систему определений мысли, в которой противоположность между субъективным и объективным (в ее обычном значении) отпа-

¹³ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 132.

¹⁴ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 46.

дает»¹⁵. Иными словами, она изучает объективные мысли, являющиеся по существу определениями самого объекта. Таким образом, последний становится предметом логики, совпадающей «потому с метафизикой, с наукой о вещах, постигаемых в мыслях, которые, как признавали раньше выражают существенности вещей»¹⁶.

Гегелевская логика никогда не исключала из своего предмета бытие, наоборот, в отличие от других логических систем, она его сделала своим первым понятием и в этом смысле «непосредственно занимает место онтологии..., которая должна была исследовать природу *ens* (сущего) вообще...»¹⁷.

Это совпадение объективной логики и онтологии, по Гегелю, покоится на принципе тождества бытия и мышления: «...Вещи и мышление о них сами по себе совпадают...»¹⁸. Логика изучает «мысль, поскольку последняя есть также и вещь (*die Sache*) в самой себе, или вещь (*die Sache*) в самой себе, поскольку последняя есть также и чистая мысль»¹⁹.

В этих словах Гегеля содержится новое понимание логики, иной подход к ее предмету и способам изучения. Делая мышление предметом философии, он затем самому мышлению дает объяснение, при котором оно как форма субъективной деятельности выходит в объективный мир, и предметом логики становится не сама мысль, а постигаемые ею определения объекта. Это положение Гегеля высоко оценивал Ленин, который, отбрасывая идеалистический принцип тождества бытия и мышления, перевел гегелевское понимание логики на диалектико-материалистический язык: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных понятий“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»²⁰.

Подобное понимание логики противоречило уже сложившейся к тому времени традиции считать логику наукой, которая занимается лишь формами, оставляя содержание для других наук. Однако Гегель возродил в философии другую, восходящую к Аристотелю традицию, согласно которой определения мысли рассматриваются лишь постольку, поскольку они способны постигать истинное.

Только при таком широком понимании логика совпадает с диалектикой; она берет объективные определения мысли в их развитии; то же самое, по Гегелю, должна делать и диалектика как теория развития.

¹⁵ Там же, стр. 52—53.

¹⁶ Там же, стр. 52.

¹⁷ Гегель. Сочинения, т. V. М., 1937, стр. 45.

¹⁸ Там же, стр. 22.

¹⁹ Там же, стр. 27.

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 84.

Гегелю было чуждо понимание диалектики как какого-то внешнего искусства оперирования определениями, создающего путаницу и видимость противоречий. Она — не субъективная игра мысли, а объективный переход от одного определения мысли к другому. «Диалектика,— пишет Гегель,— есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собою принцип, который один вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, равно как в нем же заключается подлинное, а не внешнее, возвышение над конечным»²¹.

Диалектика присуща самой природе предмета, и в этом отношении она отлична не только от рассудочно-метафизического подхода к определениям мысли, резко разделяющего их друг от друга, но и от софистического жонглирования ими в угоду мнимой диалектичности. В истории часто диалектическое мышление связывалось с искусством мыслить, которое покоится на особом таланте человека. Для Гегеля диалектика — не искусство, а наука, логика, раскрывающая внутреннее движение предмета, объективных *«определений мысли, взятых сами по себе»*²², она является системой, развертывание которой выступает методом познания истины.

Характерно, что Гегель не выделял отдельно законов и категорий диалектики, они у него вплетены в ткань, в изложение логической науки и выражают ее движение. Поэтому Гегель не формулировал специально основных законов диалектики. Это сделал Энгельс, определяя ведущие законы, на которых зиждется все построение «Науки логики» Гегеля.

Диалектика и логика, по Гегелю,— одно и то же, поскольку они рассматривают не вещи как таковые, не мысли в их субъективной форме бытия, а сути вещей, понятия, выступающие объективными их определениями, логос, объективный разум с имманентными законами его движения. «Диалектикой...,— пишет Гегель,— мы называем высшее разумное движение, в котором такие кажущиеся безоговорочно раздельными определения сами через самих себя, через то, что они суть, переходят друг в друга, и предпосылка [о их раздельности] снимается»²³.

Однако диалектика совпадает не только с логикой, но и с теорией познания. Гегель постоянно подчеркивает, что предмет логики — истина, идея как истина. К этому представлению он пришел, анализируя развитие познания, прослеженное им в «Феноменологии духа», в которой раскрыто становление науки вообще, или знания.

²¹ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 135.

²² Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 306.

²³ Гегель. Сочинения, т. V, стр. 96.

Феноменологическая теория познания начинается с противопоставления знания и предмета. В отличие от И. Г. Фихте, который пытался дедуцировать науку и ее предмет из субъекта, Гегель считает, что в *«сознании»* есть два момента: момент знания и момент негативной по отношению к знанию предметности»²⁴. Цель сознания преодолеть эту свою противоположность с предметом, что достигается путем развития. Теория познания — логический процесс развития сознания, история сознания, освобожденная от случайностей, выраженная основными вехами своего движения. «В *«Феноменологии духа»*, — пишет Гегель, — я изобразил сознание в его поступательном движении от первой непосредственной противоположности между ним и предметом до абсолютного знания. Этот путь проходит через все формы *отношения сознания к объекту* и имеет своим результатом *понятие науки»*²⁵.

Развитие заканчивается понятием абсолютного знания, в котором противопоставление сознания и предмета преодолено и достигается их тождество, цельность, полнота истины: субъект оказывается единственным объектом, а объект — субъектом.

Здесь и проявляется у Гегеля двойственность в понимании предмета, который у него и независим от сознания и является моментом сознания. Когда устанавливается тождество сознания и предмета в абсолютном знании, то заканчивается феноменология как историческое развитие познания и начинается логика как подлинная и чистая наука. Именно в этом пункте мы имеем дело с тождеством логики и теории познания. «Мы начали, — говорил Гегель, — с первого простейшего явления духа, с *непосредственного сознания*, и развивали его диалектику до точки зрения философской науки, необходимость которой доказывается этим движением»²⁶.

Однако не вся теория познания, или феноменология сознания, тождественна у Гегеля логике: как историческое движение сознания она существует относительно самостоятельно, но по своему конечному результату она совпадает с логикой. Теория познания обосновывает необходимость науки, которой в чистом виде является логика. Причем совпадение теории познания и логики покоится на совпадении истории познания с его теорией.

Историю философии, несмотря на существование самых различных систем, Гегель рассматривал как одну философию на разных ступенях ее развития, как путь становления ее принципов и категорий. Путь к науке и есть сама наука, логика и есть теория познания, поскольку она дает понятие науки, включающее в себя и движение к ней. Философия как логика — это наука вообще, которая выступает примером, образцом научного зна-

²⁴ Гегель. Сочинения, т. IV, стр. 19.

²⁵ Гегель. Сочинения, т. V, стр. 26.

²⁶ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 63.

ния. Одна должна не заимствовать свой метод из других областей, в частности из математики, а, наоборот, давать другим наукам метод научно-теоретического мышления. С большой актуальностью, особенно в борьбе против современного позитивизма, звучат ныне слова Гегеля о том, что философия «смотрела с завистью на систематическое сооружение математики и, как мы сказали, пробовала заимствовать у нее ее метод или обходилась методом тех наук, которые представляют собою лишь смесь данного материала, опытных положений и мыслей, или, наконец, выходила из затруднения тем, что грубо отбрасывала всякий метод. Но раскрытие того, что единственно только и может служить истинным методом философской науки, составляет предмет самой логики, ибо метод есть сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания»²⁷.

В гегелевской философии есть плодотворная идея о совпадении теории и метода познания. Система знания может выступать методом только в силу своего объективного содержания, метод «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет себя вперед содержание внутри себя, *диалектика, которую оно имеет в самом себе*»²⁸. «Движение метода есть движение самого объекта в его существенных связях и опосредованиях. Система теоретического знания реализует себя в своем движении как метод познания, а «сам метод расширяется в *систему*»²⁹.

Философия в обобщенной форме дает метод движения познания к истине, все другие науки делают это относительно своего частного предмета и в этом смысле выступают прикладными логиками, имеющими дело с конкретным процессом познания. И философия и другие науки являются методом только в силу своего объективно истинного содержания. Философия оказывает влияние на все другие науки именно как теория познания и логика, как метод научно-теоретического мышления, раскрывающий свою систему объективного движения.

Иногда говорят, что Гегель относился с пренебрежением к частным научным дисциплинам, в том числе к развивающимся областям естествознания. Конечно, иногда Гегель смотрел на опытные науки с высоты своей всеохватывающей логики, но при этом он всегда считал, что «философия обязана своим *развитием* опыту».

Эмпирические науки, с одной стороны, не останавливаются на восприятии *единичных* явлений, а, идя навстречу философии, при помощи мысли обрабатывают материал: отыскивая всеобщие определения, роды и законы, они готовят, таким образом, содержание особенного к возможности включения его

²⁷ Гегель. Сочинения, т. V, стр. 32—33.

²⁸ Там же, стр. 34.

²⁹ Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 313.

в философию. С другой стороны, они понуждают само мышление перейти к этим конкретным определениям»³⁰.

Дальнейшее развитие науки с особой силой продемонстрировало это движение естествознания к решению общетеоретических вопросов, подводящих мысль к философскому знанию. Современная теоретическая физика в своих обобщениях заходит так далеко, что физики, даже неожиданно для самих себя, нередко начинают рассуждать как философы.

Идеи мыслителей оцениваются временем. Прошло более полутора века с тех пор, как в философии появился Гегель. Это достаточный срок, чтобы оценить значение его метода. Потерпели крах все попытки построить здание философии на чувстве, интуиции, любви, пророчестве. Эзотерическая форма философии отвергнута историей, победила философия, ориентирующая на систему научного знания, постигающая в своих категориях мир.

Но, с другой стороны, развитие философии в лоне науки отнюдь не означает потерю специфики философского знания, его предмета и метода, особого места и роли философии среди других областей научного знания. Подчеркивая мысль, что философия является формой научного знания, Гегель решительно выступал против пренебрежительного отношения к ней, против тех, которые воображают, что без всякого изучения философии они постигли ее сущность, и что, получив обыкновенное образование и опираясь, в особенности, на религиозное чувство, они могут походя философствовать и судить о философии³¹.

К сожалению, такого рода легкое отношение к философии как к чему-то всем доступному, понятному, не требующему специальных знаний и подготовки, еще не изжито окончательно. Бурные успехи отдельных конкретных наук порождают позитивистские представления, будто их развитие само по себе походя разрешает, а иногда просто делает ненужными вечные «метафизические» проблемы, на которые нельзя получить конкретного ответа. Изжило себя полностью философствование, оторванное от научных достижений, но это не значит, что сама философия превратилась в простое толкование данных отдельных наук, в побочный продукт естествонаучного знания.

Философия сохранила свой предмет и метод, свое особое отношение к миру и постигающему его знанию. В обосновании этого взгляда на философию большая заслуга принадлежит Гегелю, и в частности провозглашенному им принципу совпадения диалектики, логики, теории познания. Именно этот принцип и дает возможность философии держаться строго в рамках научного постижения действительности и иметь свой собственный предмет исследования, не сводимый ни к одной из частных областей науки. Он делает философию образцом науки в подлинном смысле

³⁰ Гегель. Сочинения, т. I, стр. 30—31.

³¹ См. там же, стр. 24.

этого слова, но не наукой наук, подменяющей другие области знания или просто суммирующей их результаты, а наукой, вырабатывающей всеобщий метод движения знания к объективной истине. Как говорил Гегель, философия сообщает содержанию различных наук *«существеннейшую форму свободы мышления... и достоверности, основанной на знании необходимости...»*³².

Эту линию в понимании философии, но только на новой материалистической основе, в иных исторических условиях продолжил марксизм. Именно основоположники марксизма спасли здоровое ядро гегелевской концепции философского знания и разработали ее дальше, основываясь на опыте развития общества и науки второй половины XIX — первой половины XX в. Поэтому Ленин считал необходимым организовать систематическое изучение гегелевской диалектики с материалистической точки зрения, указывая, что именно такую диалектику применял в своих экономических, исторических и политических работах Маркс. Ленин показывал, что диалектика Гегеля имеет не только чисто историческое значение, что представители современного естествознания найдут в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ответы на философские вопросы, возникающие перед ними в связи с революцией в естествознании, те вопросы, на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

³² Гегель, Сочинения, т. I, стр. 31.

4. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ ТРУДОВ ЭНГЕЛЬСА

В формировании и развитии философии диалектического и исторического материализма трудам Ф. Энгельса принадлежит огромная роль, с большой силой подчеркнутая В. И. Лениным. Сам Ф. Энгельс с присущей ему скромностью в одном из примечаний к работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенностях в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать»¹.

Наука, занимающаяся историей марксистско-ленинской философии и опирающаяся на ленинские принципы ее исследования, установила, что Ф. Энгельс занимает значительно большее место в обосновании и разработке теории, по праву носящей имя К. Маркса, по сравнению с тем, как он сам его очень скромно определяет; особенно это касается философии. Можно смело сказать, что без таких произведений, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», нельзя представить марксистской философии, диалектического и исторического материализма как целостного учения. Особенно это касается таких ее разделов, как теория материалистической диалектики, включающая гносеологию, исследование диалектики на основе обобщения данных естествознания XIX в. и т. п.

Не случайно современные буржуазные мыслители и следующие за ними ревизионисты пытаются подорвать марксистскую философию, лишив ее того вклада, который внес Ф. Энгельс. Если философские идеи Ф. Энгельса объявить ошибочными, или, как некоторые говорят, «немарксистскими» и даже «деформирующими»

марксизм, то марксистская философия действительно окажется обедненной, поскольку идеи Ф. Энгельса во многом дополняли воззрения Маркса и давали мощный толчок развитию марксистской философской мысли в конце XIX и первой половине XX в. Эти идеи живут и сейчас, вокруг них происходит острая борьба противоположных мировоззрений, выражающая борьбу классов в обществе.

а) Возможна ли и что собой представляет научная философия?

В философском наследии Ф. Энгельса большое место занимает исследование предмета и содержания материалистической диалектики. Эту проблему он ставит в тесной связи с пониманием философии вообще, ее исторических судеб. Мысли Ф. Энгельса о предмете философии привлекли сейчас всеобщее внимание и встречают различную реакцию у современных ученых. Очень распространена среди буржуазных марксмологов точка зрения, что концепция философии, выдвинутая Ф. Энгельсом, отходит от понимания ее Марксом. В принципиальном различии подходов к философии со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса был будто бы заложен уже изначально плюрализм, идея которого якобы нашла наиболее полное выражение в современных течениях марксистской мысли. Это различие усматривается в следующем: 1) К. Маркс якобы занимался преимущественно проблемами философии общества, а Ф. Энгельс переместил центр философии с диалектики общественной жизни на диалектику природы; 2) Ф. Энгельс был будто бы выразителем спциентизма в философии, а К. Маркс — гуманизма; 3) по Ф. Энгельсу, философия — наука о всеобщих законах, а по К. Марксу — осознание человеком самого себя; 4) Ф. Энгельс был диалектическим материалистом, а К. Маркс «экономическим объективистом», «гуманистом-натуралистом» и употреблял термин «материализм» не в онтологическом значении, а как чисто метафорическое выражение; 5) философская концепция Ф. Энгельса является продолжением традиции французского просветительского материализма, гольбаховского в особенности, в то время как подлинный марксизм есть более плод и продолжение немецкого классического идеализма.

Наши идеологические противники характеризуют энгельсово понимание философии как позитивистское, якобы послужившее теоретическим источником догматизма и последующих деформаций марксистской философии. Отсюда тенденция, присущая, например, некоторым югославским философам, группирующимся вокруг журнала «Праксис», «очистить» марксистскую философию от идей Ф. Энгельса, а вместе с тем и идей В. И. Ленина и тем самым дойти до «аутентичного» Маркса. М. Кангрра рассуждает: «...Энгельс интерпретировал Гегеля, исходя из самых сла-

бых сторон его «Энциклопедии» и его понимания диалектики. Итогом явилась «Диалектика природы», несовместимая с предпосылками и существенным смыслом философии Маркса. Это, между прочим, та же линия, которая коренится еще в старой метафизике... Результатом же всего этого является... так называемый диалектический и исторический материализм»².

Таким образом, идеи Ф. Энгельса о предмете и сущности марксистской философии вообще и материалистической диалектики, в частности, стали ареной борьбы, затрагивающей многие стороны современной идейной жизни. Вот почему выяснение их содержания, отношения к принципам марксизма приобрело такое большое значение.

Когда речь идет о двух таких мыслителях, как К. Маркс и Ф. Энгельс, о характере и особенностях их философских идей, то нельзя не учитывать следующего важного обстоятельства. При разработке диалектико-материалистического мировоззрения наряду с общими проблемами каждый из них концентрировал внимание и на отдельных, более близких ему вопросах. Например, гносеология и диалектика в области естествознания больше привлекали Ф. Энгельса, а экономические и исторические вопросы — К. Маркса. И это ни в коей мере не вредило их теоретической деятельности по созданию единого и качественно нового мировоззрения. Наоборот, оно дало возможность включить в сферу их анализа более богатый материал из разных областей науки, охватить все стороны диалектико-материалистического мировоззрения.

Не существует никакого принципиального различия между К. Марксом и Ф. Энгельсом в понимании самого предмета философии и основополагающих принципов ее разработки, и не может быть в марксизме различных школ, направлений, коренным образом отличающихся друг от друга в исходном пункте, в подходе и понимании сущности, содержания и задач научного мировоззрения, его основных законов и категорий. Когда такие направления возникают, то тем самым обнаруживается отход от марксистского, научного мировоззрения в сторону какой-то школы буржуазной философии.

Между К. Марксом и Ф. Энгельсом существует глубокое единство в исходных принципах, в понимании предмета и задач философии. Одной из ведущих для Ф. Энгельса являлась идея о том, что философия в своем развитии должна стать и становится наукой. Сам он всей своей деятельностью способствовал превращению философии в систему научного знания. Мысль о необходимости для философии стать наукой заложена в самом определении Ф. Энгельсом материалистической диалектики.

Не только материалистическая диалектика, но и вся марксистская философия ставит и решает свои проблемы свойственным

² «Praxis», 1965, N 6, str. 772—773.

науке способом. Ф. Энгельс вскрывает различия между научной и ненаучной философией, беря в качестве образчика последней рассуждения Е. Дюринга.

Е. Дюринг считал предметом философии принципы всякого знания и воли, а потому на основе лучших образцов прежней, спекулятивной метoды пытался сконструировать философию, которая исходила бы из априорно установленных принципов. Эта концепция философии и подвергается критике Ф. Энгельсом, но не за то, что Дюринг формулирует принципы, а за то, как он это делает, как себе представляет эти принципы с точки зрения научного способа постижения реальности. «... Речь идет у него,— пишет Ф. Энгельс о Е. Дюринге,— о *принципах*, выведенных из *мышления*, а не из внешнего мира, о формальных принципах, которые должны применяться к природе и человечеству, с которыми должны, следовательно, сообразоваться природа и человек»³.

В науке принципы выводятся не из головы (мышления), а при помощи головы из реальности, «...принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат...; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»⁴.

В связи с этим Ф. Энгельс употребляет термины «философия как таковая», или «прежняя философия», или «обособленная философия». Под этими терминами имеется в виду не конкретное содержание той или иной философской системы прошлого, а определенный метод самого философствования. С точки зрения отдельных положений эти системы могут иметь некоторое позитивное значение, угадывать действительное развитие явлений природы и общества, но сам общий метод подхода к разрешению философских проблем и его осознание (методология) порочен, ибо на его основе невозможно научное постижение действительности. В основном развитие этой «прежней философии» шло по двум связанным между собой направлениям: мистическому и спекулятивному. Первое искало путь к истине, минуя разум; второе признавало рациональное познание, однако, как говорит Ф. Энгельс, его представители подходили к нему как «чистые идеологи» — исходили из сконструированных в уме принципов, а не фактов. С этих позиций представители спекулятивного направления подходили к созданию «философских систем» на основе некоторых априорно установленных принципов. Такой «творец», не обладая конкретным знанием всей природы и истории, но желая построить всеобъемлющую философскую систему, действительную для всех времен и народов, «...вынужден заполнять бесчисленное множество пробелов *собственными измышле-*

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 33.

Там же, стр. 34.

низму, т. е. иррационально фантазировать, заниматься идеологизированием»⁵.

Ф. Энгельс считал, что к середине XIX в. эта «философия как таковая» («прежняя философия», «обособленная философия») изжила себя, ей пришел конец. Не стало больше необходимости в такой философии, стала не нужна никакая «система» философии. «Если схематику мира выводить не из головы, а только *при помощи* головы из действительного мира, если принципы бытия выводить из того, что есть, — то для этого нам пужна не философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем происходит; то, что получается в результате такой работы, также не есть философия, а положительная наука»⁶. Ф. Энгельс не был, однако, противником «системы» вообще в познании, в частности в философии. Наука, создавая теорию, обязательно строит систему понятий, но при этом она сама выявляет систематическую связь изучаемых ею явлений, и, следовательно, философия как умозрительное системотворчество является излишней.

Эти мысли Ф. Энгельса вызывают различные толки в кругу современных буржуазных философов и нередко рассматриваются как свидетельство того, что Ф. Энгельс либо стоял на позициях позитивизма, либо по крайней мере был очень близок к нему. «Позитивизм» Ф. Энгельса был изобретен буржуазными марксологами, а потом подхвачен некоторыми зарубежными философами, субъективно считающими себя марксистами, которые строили свои концепции на противопоставлении идей К. Маркса идеям Ф. Энгельса.

Философии пришел конец — что это значит? Ведь то же самое утверждали позитивисты, которые выдвигали взамен философии позитивные науки! Действительно, внешнее сходство между рассуждениями позитивистов и концепцией Энгельса есть. Но мистическая и чисто умозрительная философия готова объявить позитивизмом любое мировоззрение, опирающееся на научный подход к действительности. Марксистское понимание философии, которое развивал и Ф. Энгельс, коренным образом отличается не только от спекулятивного системотворчества, но и от позитивистского пренебрежения к особенностям философского знания. Позитивизм не жалел слов, чтобы изобличать метафизику спекулятивного философствования, но он практически был не способен преодолеть это мировоззрение, ибо не дал ничего взамен, ограничившись одним голым, зряшным отрицанием прежней философии.

Ф. Энгельс ставил вопрос совершенно по-иному. Отрицая одну философию, он ратовал за иную философию — свободную от пороков априоризма, системотворчества и т. п. Конец прежней философии отнюдь не означает, по Ф. Энгельсу, гибель философии

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 630.

⁶ Там же, стр. 35.

вообще, не означает замену ее совокупностью отдельных наук. Возникает новая философия, опирающаяся на положительное знание о мире, которая в силу этого уже не противопоставляется науке, а сама становится формой научного постижения мира. Диалектический материализм как отрицание /представляет собой,— пишет Ф. Энгельс,— не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории... Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»⁷

Итак, философия преодолена по форме, но сохранена по своему действительному содержанию. Форма философии, обособленная от научного подхода к действительности, канула в прошлое, и не требуется никакой философии, стоящей над другими науками. Хотя такая философия в современном буржуазном мире и существует, но исторически она уже недействительна и утратила разумную основу своего существования. Ее место заняла философия как положительное содержательное знание о мире. Это — мировоззрение, и оно не только сохраняет свое значение, но и получает полный простор для своего развития. Все то, что в предшествующей философии имело отношение к процессу достижения такого знания, сохранилось, удержалось в ней. Правда, действительное знание, которое имело место в прежней философии, не целиком входит в диалектический материализм, поскольку философия в древности объединяла всякое знание о мире, что ныне уже не может иметь места. Многие из философии ушло в специальные области знания, обособившиеся от философии в отдельные науки. «Как только,— пишет Ф. Энгельс,— перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»⁸.

Этот тезис Ф. Энгельса подвергается самой различной интерпретации. Наиболее распространенным является утверждение, что Ф. Энгельс ограничивает философию учением о мышлении и, следовательно, кроме формальной логики и диалектики, ничего другого в философии нет и быть не может. Объективная реальность является предметом только отдельных специальных наук о природе и истории. Несомненно, что эта интерпретация, согласно которой Ф. Энгельс отличается от любого позитивиста только тем,

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 142.

⁸ Там же, стр. 25.

что философское учение о мышлении не ограничивает формальной логикой, а признает еще и включает в него и диалектику, но соответствует духу энгельсовской концепции философии, производящей все его произведения.

Прежде всего, саму диалектику Ф. Энгельс не ограничивает учением о мышлении, при ее определении он всегда отмечал, что она является наукой о всеобщих законах всякого движения, а не только движения мысли, наукой о наиболее общих законах «движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁹, а не только последнего. Далее, саму философию марксизма Ф. Энгельс никогда не ограничивал диалектикой, он ее часто называл современным материализмом, который «является по существу диалектическим...»¹⁰ Наконец, диалектический материализм неотделим у Ф. Энгельса от исторического, от материалистического понимания истории, благодаря которому «был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания»¹¹.

В предшествующей философии были некоторые идеи, сохранившие рациональное значение для всех ее разделов. Подчеркивая роль старого материализма, Ф. Энгельс видит в его содержании непреходящую философскую истину: философы-материалисты прошлого отстаивали правильную философскую линию в понимании природы, а в трактовке общества иногда приближались в отдельных моментах к материалистическому пониманию истории. Но наряду с этими идеями, имеющими рациональный смысл, в предшествующей философии сформировалось самостоятельное учение о мышлении в виде формальной логики, а также диалектики. Здесь особенно виден результат движения философской мысли, ибо анализ познающего мышления и его категорий, в частности благодаря усилиям Аристотеля и Гегеля, далеко продвинулся вперед¹².

Неоднократно подчеркивая мысль о том, что, «когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке»¹³, Ф. Энгельс отнюдь не ставил своей задачей умалить результаты, достигнутые предшествующей философской мыслью и свести саму философию к учению о чистом мышлении. Прежде всего, под «философским скарбом» он разумел не какие-то конкретные результаты познания философами прошлого, особенно

⁹ Там же, стр. 145.

¹⁰ Там же, стр. 25.

¹¹ Там же, стр. 26.

¹² «...Исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 555).

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 525.

материалистами, природы и общества, а метод философствования, оторванный от науки, спекулятивное, натурфилософское конструирование систем природы (а также философии истории, права), которое действительно изжило себя и заменяется положительной наукой. Как понимать, что на смену прежней философии приходит «положительная наука»? Позитивизм противопоставляет философии положительные науки, разумея под последними естествознание, а также конкретную социологию. Подобно этому иногда понимается и мысль Ф. Энгельса: философии, дескать, наступают конец, сохраняются только учение о мышлении (формальная логика и диалектика) и отдельные естественные и гуманитарные науки.

В действительности же идея Ф. Энгельса совершенно иная. Место философии, которая, хотя и имела позитивные результаты, но была обременена ненаучным методом, занимает наука о природе и истории. Эта последняя имеет множество различных ветвей, разделов, среди которых находится со своим специфическим предметом и методом сама философия. Иными словами, замена старой, домарксистской философии наукой означает не только становление отдельных отраслей естествознания и гуманитарного знания, но и превращение самой философии в отдельную положительную науку о природе и истории, т. е. в область, дающую объективно истинное знание о реальных вещах, процессах и законах. В этом смысле философия не должна ничем отличаться от других наук, ей следует окончательно порвать с мистицизмом и беспочвенным умозреением. Но при этом она остается самостоятельной и специфической областью знания, имеющей свой предмет, свои задачи и функции в обществе, ставящие ее в особое положение по отношению к другим наукам и формам общественного сознания.

История показывает, что в процессе развития философии боролись две тенденции: научная и антинаучная. Первая стремилась сделать философское знание разновидностью научного постижения действительности, а вторая, наоборот, направляла свои усилия на обособление философии от науки, противопоставление философии науке. Эта, вторая тенденция особенно четко выявлялась в иррационалистической линии буржуазной философии конца XIX и первой половины XX в. В качестве предпосылки, на которой основывалось обособление философии от науки, выступала «специфичность» философского знания, особенность ее предмета и метода, которые были уже отчетливо осознаны в середине XIX в.

Позитивизм, претендовавший на развитие идеи научности философии в пределах буржуазного мировоззрения, пытался свести ее к специальной области знания, уподобить по предмету и методу частной области знания. Были выдвинуты различные вариации подобного сведения: 1) философия призвана только упорядочивать, классифицировать и систематизировать знания, строить «общую систему человеческих понятий» (Конт); 2) на долю фи-

лософии остается логика науки, анализ ее языка (Карнап) и т. п. Невозможность такого сведения была воспринята феноменологами, представителями «философии жизни», экзистенциалистами как доказательство правомерности противопоставления и обособления философии от научного знания.

Постановка вопроса в марксизме, и в частности Ф. Энгельсом, совершенно иная по сравнению и с позитивизмом, и с иррационализмом. Только та философия может служить надежным орудием познания и практического преобразования мира, которая развивается в рамках научного постижения действительности. Но при этом она сохраняет свою особенность как система научного знания, выступающая в качестве определенной формы общественного сознания.

б) Марксистская философия как мировоззрение и идеология

Критикуя подход к философии Дюринга, Ф. Энгельс писал: «Так как Дюринг исходит из «принципов», а не из фактов, то он является идеологом, и он может скрывать, что он идеолог, лишь выражая свои положения в столь общей и бессодержательной форме, что эти положения представляются *аксиоматическими, плоскими*, причем в таком случае из этих положений нельзя сделать никаких выводов, но можно лишь *вложить* в них произвольное значение»¹⁴.

Здесь Ф. Энгельс противопоставляет истинную философию как науку идеологии как произвольному умозрительному конструированию мира. Может возникнуть вопрос: противопоставлял ли Ф. Энгельс философию всякой идеологии или только ее определенной форме, видел ли он в марксистской, научной философии наличие идеологической функции? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к анализу предмета философии, к ее пониманию как мировоззрения.

Вопрос о предмете марксистской философии непрерывно обсуждается в нашей литературе. Иногда пытаются его решить путем нахождения жесткого, абстрактного определения, при этом одно такое определение противопоставляется другому. Одни выделяют «всеобщие законы движения», другие — «человека, цель его бытия», третьи — «метод познания и практической деятельности, т. е. логику» и т. д.

Таких определений можно выдвинуть множество, но сведение философии к одному из них ведет к ущербным концепциям. Действительно, если в качестве определения предмета философии взять только «всеобщие законы всякого движения» и не раскрывать, не развивать дальше это определение, то философия теряет свое мировоззренческое значение, ибо из предмета философии

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 630.

фии либо совсем выпадет, либо останется в тени/ее основной вопрос. С другой стороны, «человек вообще» также не может быть предметом философии, сама концепция человека выжидается на определенных мировоззренческих основах, куда входит и научное знание о всеобщих законах природы, общества и человеческого мышления. Наконец, метод мышления — важная сторона предмета философии, но, конечно, далеко не единственная: ведь он основывается на объективных законах и служит способом решения сложных, в том числе философских, проблем.

Сущность концепции, развитой Ф. Энгельсом, состоит в том, что в ней предмет философии не сводится к какому-то абстрактному определению, фиксирующему только его одну сторону, какой бы важной она ни была; наоборот, Энгельс стремится охватить предмет философии со всех сторон, показать сложность связей между ними и тем самым выявить особенность философии как системы научного знания о явлениях объективной реальности и ее отражения в сознании людей. Прежде всего он выделяет основной вопрос философии. «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию»¹⁵. Глубокое осознание и формулирование основного вопроса и его роли в становлении и развитии философии по существу является научным открытием Ф. Энгельса, имеющим принципиальное значение для понимания философии, ее истории.

В настоящее время, даже среди некоторой части философов-марксистов в понимании предмета и содержания философии имеет место тенденция или исключить основной вопрос философии — отношение мышления к бытию, сознания человека к окружающей его действительности, субъективного к объективному — из предмета марксистской философии, или ограничить сферу действия этого вопроса определенными историческими рамками — периодом неразвитых общественных отношений и научных знаний. Ф. Энгельс, напротив, считал, что этот вопрос «мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья»¹⁶. Две линии — Демокрита (материалистическая) и Платона (идеалистическая) — обрисовались уже в античной философии, но в новое время они приобрели более четкие формы и их борьба обострилась.

Неверно представление, будто основной вопрос философии имеет значение только до тех пор, пока существуют философы-идеалисты. В действительности же проблема отношения сознания к объективной реальности имеет общее мировоззренческое значение и невозможна научная философия, непрерывно не углубляющая решение вопроса об отношении сознания к бытию. Философия всегда будет иметь дело с субъектно-объектным отношением «че-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 282.

¹⁶ Там же, стр. 283.

ловек — окружающий его мир», а отношение сознания и находящейся вне его объективной реальности — теоретически уточненной и обобщенная «сердцевина» этого отношения.

Углубление решения основного вопроса философии означает развитие материализма, поднятие его на новый уровень, соответствующий опыту движения практики и познания. «С каждым составляющим эпоху открытием...», — писал Ф. Энгельс, — материализм неизбежно должен изменять свою форму»¹⁷.

Лишено всякого основания утверждение, что Ф. Энгельс отошел от К. Маркса, поставив во главу марксистской философии развитие материализма. Начиная с середины 40-х годов, особенно с работы «Святое семейство» и до конца своей жизни К. Маркс постоянно подчеркивал: «мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист»¹⁸.

С решением основного вопроса философии тесно связано понимание всеобщих законов всякого развития. Без диалектической концепции развития невозможно последовательное материалистическое решение вопроса об отношении мышления к бытию. Понятие всеобщих законов развития необходимо для диалектического вывода мышления из бытия. В. И. Ленин это выразил как органическое соединение в марксистской философии двух принципов. Он писал: «...Всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc»¹⁹.

Принцип развития необходимо довести до понимания и раскрытия общих законов исторического движения человечества. Вот почему Ф. Энгельс считал материалистическое понимание истории необходимой составной частью научного мировоззрения, а его открытие — величайшим научным подвигом К. Маркса. «Новое направление, — писал он, — отличалось лишь тем, что здесь впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основных чертах — во всех рассматриваемых областях знания»²⁰.

Научное понимание общества — это ключ не только для построения и разработки диалектической концепции развития, но и для последовательно материалистического решения основного вопроса философии. Человеческое сознание не только свойство высокоорганизованной материи — мозга, но и результат возникновения новой материальной системы — общества со своими особыми законами движения. Общество — исходный пункт в понимании самого человека, его природы вообще и его сознания в частности. Проблема человека — одна из важных не только для фило-

¹⁷ Там же, стр. 286.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 448.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 229.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 301.

софии, но и для очень многих так называемых гуманитарных наук, с некоторых сторон ее касаются даже отдельные области естествознания. Поэтому философия не может претендовать на исчерпывающее изучение человека, однако она создает философскую концепцию человека, которая служит методом познания различных сторон человеческой сущности и форм его существования, составляющих предмет специальных наук.

Существует совершенно неверное представление, будто Ф. Энгельс исключил из предмета философии человека. На самом деле это совершенно не так. Он подвергал критике антропологизм Л. Фейербаха, но отнюдь не за то, что тот исходил из такой реальности, как человек, а за абстрактное понимание самого человека как определенной реальности. «По форме он,— пишет Ф. Энгельс о Фейербахе,— реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается постоянно тем же абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии. Этот человек появился на свет не из чрева матери: он, как бабочка из куколки, вылетел из бога монотеистических религий. Поэтому он и живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из них столь же абстрактен, как и он сам»²¹.

Критика абстрактного человека Л. Фейербаха была направлена не на то, чтобы заменить в предмете философии человека всеобщими законами движения, а на то, чтобы сделать знание этих законов научным методом для постижения конкретной сущности человеческого бытия, на место общих рассуждений о гуманизме поставить определенную конкретную теорию о действительной природе и человеке. «Надо было заменить,— писал Ф. Энгельс,— культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»»²².

Таким образом, Ф. Энгельс отнюдь не был философом, который не понимал значения концепции человека для мировоззрения. Наоборот, он вместе с Марксом разрабатывал такую теорию, которая имела дело с действительным человеком, с живыми людьми в их исторических действиях. Чисто человеческие отношения существуют в реальном бытии человека, в его историческом развитии. Сам человек «есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет...»²³.

Идеалистическому и абстрактному натуралистическому пони-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 295.

²² Там же, стр. 299.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 666.

манию человека марксизм противопоставил пониманию материалистическое. Реальная историческая практика является исходным моментом для раскрытия природы человека и его бытия. «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»²⁴.

Марксистская философия включает в свое содержание концепцию человека, рассматривая эту проблему с позиций науки, т. е. она не провозглашает культ человека, как это делается некоторыми зарубежными философами (марксизм против всяких культов, в том числе и культа человека), а создает научную теорию человека в том аспекте, который входит в предмет философии.

Проблема человека, несомненно, относится к основным в марксистской философии, но как ее ставить и разрешать? Одни думают, что необходимо в составе марксизма иметь или создать специальную науку — философскую антропологию. Создание такой марксистской антропологии вольно или невольно мыслится по рецептам той антропологии, которая ныне «процветает» в буржуазной философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели перед собой философскую антропологию Л. Фейербаха и в процессе позитивной ее критики преодолевали ее пороки. Проблема человека решалась Фейербахом в крайне абстрактной форме; и даже у Гегеля она была поставлена глубже. «Столь же плоским является он,— пишет Ф. Энгельс о Л. Фейербахе,— по сравнению с Гегелем и там, где рассматривает противоположность между добром и злом»²⁵.

Философская антропология как Л. Фейербаха, так и особенно идеалистическая антропология современных буржуазных мыслителей содержит в себе множество пороков, и один из существеннейших — рассмотрение человека в абстрактном виде, в отрыве от его действительного исторического, социально-классового развития. А как только философия начинает анализировать человека в его конкретно-историческом бытии, она перестает быть философской антропологией в прежнем ее смысле.

Марксизм создал новое мировоззрение, в котором преодолены пороки философской антропологии; но проблема человека не отброшена прочь, а поставлена на реальную научную почву. Не какая-то философская антропология как «часть» философии, а вся марксистская философия во всех своих категориях и законах так

²⁴ Там же, стр. 545.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 296.

или иначе, но направлена на человека и его отношение к объективному миру. И это начинается с основного вопроса философии — вопроса об отношении человеческого сознания к окружающему его бытию.

Иногда дело представляется таким образом: философская антропология должна заниматься человеком и его бытием, онтология — это учение о бытии вообще, а гносеология и логика в качестве своего предмета имеют познание, мышление. Однако такое разделение философии не является приемлемым. Человек, его, так сказать, сущность и существование постигаются путем выяснения и раскрытия его связи с объективным миром: ведь человек создает и осознает себя только через посредство своей предметной, практической деятельности, направленной на изменение явлений и процессов объективной реальности. Он не просто часть природы, а активное начало в процессе ее преобразования. Представить человека вне этой деятельности, т. е. вне природы, — значит не понять ни его сущности, ни существования. Поэтому антропология, которая не была бы одновременно онтологией, в марксистско-ленинской философии невозможна.

Кроме того, философия как научное мировоззрение возможна только тогда, когда в нее включается рассмотрение отношения человека к окружающему его миру, а тем самым и к самому себе. Ни знание о человеке, как таковом, ни знание о мире, как таковом, не составляет в их расщепленности философского мировоззрения. Человек, как таковой, — абстракция: ведь его сущность и существование раскрываются только в его отношении к природе и к другим людям. Природа, как таковая, ее явления, законы, отношения постигаются различными областями науки, которые познают свойства и отношения, присущие как отдельным видам и явлениям, так и всем им. Как отмечал Ф. Энгельс, «форма всеобщности в природе — это *закон...*»^{26—27}.

Все науки о природе, познавая ее законы, вскрывают всеобщее в ней. Например, в атоме наукой раскрываются и познаются всеобщие свойства вещей и явлений действительности, но эти знания не составляют мировоззрения до тех пор, пока не поставлен вопрос в плане философского отношения между человеком и атомами, а именно: существуют ли свойства атома вне и независимо от сознания человека, как они могут познаваться и т. д.? Философия, признавая объективное существование природы вне и независимо от человека, рассматривает ее не как объект созерцания, а как предмет человеческой практики. То же самое относится и к гносеологии, которая рассматривает познание не просто как субъективную деятельность человека, взятую саму по себе, а со стороны его объективного содержания, в соотношении с объектом, т. е. в плане проблемы, каким образом природа отражается человеком в его сознании.

Человек, точнее, человечество, человеческое общество, сознание и существующая вне его природа рассматриваются в марксистской философии как нечто целостное и не расчленяются на учения об отдельных «частях» (антропология, онтология, гносеология), которые были бы взаимно обособленными и взаимонезависимыми; создается единое мировоззрение, отражающее отношение «человек — окружающий его мир».

В марксистском мировоззрении человек с его духовным миром, с одной стороны, не растворяется в природе, а эта последняя не одухотворяется, как это было в мифологии, а с другой стороны, человек не отрывается от природы как нечто сверхъестественное от естественного (отрыв не тела, а именно «души» человека от остальной природы характерен для религиозного мировоззрения). В марксистском, подлинно научном мировоззрении человек выделяет себя в качестве общественно-специфической формы бытия той же самой природы, способной эту природу преобразовывать на основе объективных законов, в соответствии с человеческими потребностями.

Преодолевая мифологическое и религиозное отношение к миру, материалистическая философия в борьбе с идеализмом создавала и развивала научное мировоззрение. Возникновение марксистской философии — кульминационный пункт этого процесса; в ней научный подход к объективной реальности совпадает с идеей переустройства мира на основе научно развитого коммунистического идеала. Сама проблема идеала жизни становится научной идеей.

Мировоззрение — это не только определенная система знаний, но и убеждения и принципы действия (класса, партии и т. п.). Отсюда возникает проблема классовости мировоззрения, его идеологической функции. Ф. Энгельс вскрывал роль философии как формы общественного сознания в борьбе классов в обществе. Французская философия XVIII в. подготовила, по его мнению, политический переворот во Франции, а «учение Гегеля оставляло, как мы видели, широкий простор для самых различных практических партийных воззрений»^{28—29}.

К. Маркс и Ф. Энгельс реально имели дело с идеологией, которая давала ложно-превратное, отчужденно-искаженное отражение действительности. Они употребляли термин «идеология» именно в этом смысле. «Идеология,— писал Ф. Энгельс,— это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах»³⁰. Такой идеологический характер носила религия, политические и философские идеи

^{28—29} К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 279.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 83.

господствующих эксплуататорских классов, буржуазное право и т. п.

Не случайно идеализм Гегеля Ф. Энгельс называл идеологическим извращением. Прежняя философия и религия являются для него идеологиями высшего порядка, наиболее удаленными от материальной экономической основы. «Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. Как вся эпоха Возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия была в сущности плодом развития городов, то есть бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию»³¹.

В идеологии мысли представляются как самостоятельные сущности, «которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии»³². Другого рода идеологии до К. Маркса и Ф. Энгельса не было. Но само возникновение марксизма и его философии знаменует собой появление нового типа идеологии, которая, с одной стороны, выражает интересы определенного класса в обществе — рабочих в их борьбе против буржуазии, а с другой — дает не искаженное, а объективно истинное научное отображение действительности и этим самым принципиально отлична от всей прежней идеологии.

Ф. Энгельс, не употребляя в отношении марксистской философии термина «идеология», чтобы не смешивать ее с прежней идеологией как ложным сознанием, отчетливо понимал, что научное мировоззрение, выражая интересы рабочего класса, выполняет определенные идеологические функции в борьбе против капитализма и его ложного сознания, включая буржуазную философию. Завершая произведение «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Ф. Энгельс писал: «...Чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление (речь идет о марксизме.— П. К.) с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»³³. Ф. Эн-

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 312.

³² Там же, стр. 313.

³³ Там же, стр. 317.

гельс не оперировал уже разработанным понятием научной идеологии, однако, когда он объяснял, каким образом марксистская философия, давая научное понимание действительности, тем самым служит классовым целям пролетариата и в этом смысле является его научной идеологией, и он, как и Маркс, по сути дела пользовался этим понятием.

Развивая эти идеи, В. И. Ленин отчетливо сформулировал понятие «Научная идеология». Он стал употреблять термин «идеология» и в отношении марксистской теории. Он писал, что надо «всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм»³⁴. Но, называя марксизм пролетарской идеологией, В. И. Ленин показал, что он ничего общего не имеет с ложным сознанием, а, наоборот, впитывает в себя научное постижение действительных отношений в мире. «Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами»³⁵. Марксистская философия органически сочетает в себе и науку, и идеологию, прямо выдвигающую и научным образом обосновывающую свою классовую цель. Таким образом, в ней органически связаны научная и идеологическая стороны: идеология получает научное обоснование, наука подводит к идеологически важным выводам.

в) Философия и логика

Философия, как мы уже отмечали, выступает как принцип единства практического и теоретического действия человека. В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса об отношении философии к развивающемуся научному знанию. Известно, что вначале научное знание формировалось в лоне философии, выступавшей как собрание всех знаний о мире. При этом вплоть до XIX в. философы упорно стремились дать общую картину природы как целого и создать всеобъемлющую натурфилософскую систему, объединяющую на основе некоторых априорно выдвинутых принципов все знание о природе. Некоторые и сейчас пытаются построить такую систему, получившую название натурфилософии.

Историческая роль натурфилософии противоречива. С одной стороны, науки ей обязаны многими плодотворными идеями, обогатившими наше знание и определившими на многие годы разви-

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 269.

³⁵ Там же, стр. 362—363.

тие естествознания (вспомним идею атомизма, возникшую в лоне еще древнегреческой философии, гелиоцентризма и т. п.), но, с другой стороны, натурфилософия обременила науку о природе беспочвенными вымыслами и спекуляциями. Начиная с XVII в. происходит процесс образования отдельных естественнонаучных дисциплин со свойственными им методами исследования — астрономии, механики и т. п. К середине XIX в. уже сформировались основные отрасли науки о природе и отпала необходимость в натурфилософии, а у естествоиспытателей возникла и непрерывно затем усиливалась тенденция к освобождению науки от натурфилософских оков.

Решительным ударом по натурфилософии стали три открытия в науке о природе, которые Ф. Энгельс назвал великими, — создание клеточной теории, формулирование закона превращения энергии, эволюционная теория Ч. Дарвина. «Благодаря этим трем великим открытиям, — писал Ф. Энгельс, — и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связанного целого»³⁶.

Раньше эту функцию выполняла натурфилософия, и при этом она «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении»³⁷. Теперь естествознание само создает «систему природы», опираясь на научный метод, а потому «теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»³⁸. И это относится не только к натурфилософии, но и «ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими (и божественными). Подобно натурфилософии, философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами... Здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить эти вымышленные, искусственные связи, открыв связи действительные»³⁹.

В области науки о человеке и обществе этот процесс шел более медленно, старые философские, идеалистические предрассудки здесь были более живучи, и на историю человеческого общества долгое время смотрели как на продукт действия неких высших

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 304.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 305.

³⁹ Там же.

идей, как на осуществление некоего провидения. Но с возникновением материалистического понимания истории появилась подлинно научная основа для становления специальных наук об обществе и человеке.

Конец натурфилософии, а также философии истории, философии права и т. д. означал не прекращение воздействия философии на ход развития научного знания о природе и обществе, а изменение формы этого влияния и взаимоотношения философии с отдельными науками о природе и обществе. Эти науки стали самостоятельными, обладая своим предметом и методом, но они уже не входят в философию как ее составная часть; они сами выдвигают и обосновывают свои фундаментальные идеи и теории и разрабатывают «способы движения» в своей области к новым познавательным результатам. Они продолжают нуждаться в философии, но не как в источнике новых идей относительно изучаемого ими соответствующего предмета, законов его развития, его свойств и отношений, а как в общем методе мышления, способствующем выдвижению и обоснованию этих идей и теорий, в том числе обоснованию и развитию частных логик исследования в специальных науках (и их отдельных группах).

Анализируя и обосновывая эту идею, Ф. Энгельс считал, что марксистская философия является мировоззрением, «которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»⁴⁰. В этих реальных науках философия и проявляет себя как метод, как логика движения знания к новым, объективно-истинным результатам. Можно ли это понимать в том смысле, что Ф. Энгельс сводит вообще философию к логике, к методу движения мышления? Подобные представления возникают, когда берут отдельное высказывание Энгельса, относящееся к определенной проблеме — формам воздействия философии на ход научного знания, и превращают его в общую концепцию философии, ее предмета и метода.

Да, согласно взглядам Ф. Энгельса, философия становится логикой, когда рассматривается функция философии в развитии научного знания; она в качестве научного метода направляет движение наук к обнаружению объективной природы вещей и явлений. Однако это отнюдь не означает, что в качестве своего собственного предмета изучения философия имеет только мышление как субъективную форму деятельности человека, его формы и законы. Философия потому и выступает в качестве метода развития мышления, что вскрывает всеобщие законы движения объективных процессов, происходящих вне самого мышления.

Критикуя идеализм Гегеля, Ф. Энгельс писал: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 142.

иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления...»⁴¹ При этом Ф. Энгельс всегда подчеркивал, что бытие определяет мышление и мысль тогда достигала объективных результатов, когда «направлялась» по законам объекта, а «диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира»⁴².

Эта мысль Ф. Энгельса нашла свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, последовательно проводившего идею диалектического совпадения диалектики, логики и теории познания в марксистской философии. На труды Ф. Энгельса опирался В. И. Ленин, показывая значение марксистской философии как метода научного мышления. И в этой связи чрезвычайно актуальными для нашего времени являются слова: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее»⁴³. Однако без мышления они не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории. Эти категории надо заимствовать не из обыденного сознания и плоского «здорового смысла», полного предрассудков, и не из остатков давно умерших философских систем, а из научного мировоззрения. Таким мировоззрением является марксистская философия, категории которой развиваются на основе данных наук, данных всего исторического и современного опыта социальной практики человечества.

Но марксистская диалектика, выступающая в силу своего объективного содержания в качестве логики научно-теоретического мышления, отличается от формальной логики. Энгельс подчеркивал мысль, что именно диалектика, а не формальная логика «является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»⁴⁴. Законы и категории диалектического материализма составляют философский метод научно-теоретического мышления, причем формальная логика, поскольку она входила в философию, была лишь ранней ступенью его. Дальнейшее развитие формальной логики в значительной степени происходило путем применения математических средств к выражению и анализу форм мышления. Это привело к еще большей формализации изучаемых ею отношений, в результате чего она превратилась в самостоятельную отрасль науки со своим предметом и методом.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 301—302.

⁴² Там же, стр. 302.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 524.

⁴⁴ Там же, стр. 367.

Предметом формальной логики стал узкоспециальный объект — структура мышления, истолковываемая как совокупность собственно языковых структур, причем анализ последних предполагает конструирование различных исчислений, лишь впоследствии получающих свою интерпретацию. Поэтому формальная логика утратила свое прежнее значение философского метода познания действительности, хотя и сохранила весьма тесную связь с философией через гносеологические проблемы структур мышления. Марксистская философия стала ныне единственной логикой движения научного знания к объективной истине, основывающейся на содержательных философских законах и категориях мышления и использующей в подчиненном виде средства современной формальной логики.

Таким образом, в трудах Ф. Энгельса была систематизирована и развита дальше выработанная им вместе с К. Марксом концепция предмета и метода философии как мировоззрения, идеологии и метода научного мышления. Эта концепция исходила из глубоко обобщенного и проанализированного опыта развития философии. Особенно большое значение имело при этом критическое освоение уроков развития новой философии, и в частности философии Гегеля и Фейербаха, всего хода становления наук о природе и обществе. Эта концепция исходила из потребностей классовой борьбы и задач освобождения пролетариата и всего человечества из-под гнета буржуазии. Эта концепция дает целостное представление о философии, где находят свое место ее различные моменты и функции. При этом Ф. Энгельс отнюдь не представляет марксистскую философию как сумму каких-то частей, сторон (онтологических, гносеологических, логических, антропологических и т. п.). Она включает в себя учение (теорию) о всеобщих законах всякого развития, учение (теорию) о познании и познавательном мышлении, философскую концепцию общества и самого человека, однако не разлагается на эти учения как на самостоятельные составные части, а представляет собой некоторое их единство, стержнем которого является отношение человеческого сознания к окружающей его объективной реальности.

Попытки вырвать и обособить из этой концепции какой-то один момент, одну сторону, одну теорию и представить ее в качестве самостоятельной части марксистско-ленинской философии или даже выдать за философию во всей ее полноте приводят к извращению сущности и действительного содержания марксистского мировоззрения. Дальнейшее плодотворное развитие марксистской философии возможно только на основе принципов, выдвинутых К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитых дальше и конкретизированных В. И. Лениным.

5. О ПРИРОДЕ И ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

а) Философия, познай самое себя!

Этот призыв может показаться кое-кому не новым и не актуальным, уводящим философов от животрепещущих проблем, выдвигаемых ходом развития современного общества и науки. Философия должна познавать объективные законы движения вещей и процессов и тем самым помогать практике, а здесь ее хотят увести в самопознание. В мире происходит ожесточенная борьба двух систем и их идеологий — буржуазной и социалистической, философия не стоит и не может находиться вне этой схватки.

Необходимо прямо и определенно сказать, что в предлагаемой статье объективный мир, законы развития его вещей и процессов, развития человечества, безусловно, признаются объектом философии, которая как мировоззрение находится в центре борьбы идей в современном мире. Но именно для того, чтобы марксистско-ленинская философия и впредь успешно постигала свой предмет, совершенствовала свой научный аппарат — законы и категории, в которых отражено движение явлений объективной реальности, природы и общества, она должна обратить еще большее внимание на себя, на способы своего постижения этой реальности.

И это не какая-то ее исключительная особенность, а общая закономерность развития научного знания. Самые различные области науки все в большей мере интересуются знанием, какое они дают, своей структурой, способом движения к новым результатам и создают свои метатеоретические построения. Математические и металогические исследования существенно сказались на решении проблем, стоящих перед математическими науками и формальной логикой. Сейчас можно видеть, как и многие другие науки ищут пути изучения собственного знания, понятий и теорий своей науки и т. п. Их рассуждения о своем знании еще чрезвычайно далеки от того, чтобы удовлетворять критериям метатеорий в строгом смысле этого слова, однако и они оказывают воздействие на ход дальнейшего познания в этих науках.

Философия не только не стоит в стороне от этого движения, но она с самого начала своего существования была в его авангарде и всегда стремилась найти свои пути к истине. Она не могла

этого не делать, поскольку изучение процесса познания входило в ее непосредственную задачу.

Обращение к исследованию природы и особенностей философского знания имеет прямое отношение и к современной идейной борьбе. Что собой представляет марксистско-ленинская философия как система знания, может ли она внутри себя содержать направления, которые приходят к противоположному решению одних и тех же проблем, ставит ли она какие-то условия и какие для включения в себя выдвигаемых теоретических положений и т. п. — ответы на эти и подобные вопросы представляют не только теоретический, но и практический интерес, поскольку одной из форм современного ревизионизма является внедрение идеи плюрализма в марксистскую философию. Выдвинутая сейчас некоторыми зарубежными мыслителями на первый план проблема места научного и оценочного моментов в философии, соотношения так называемых сциентизма и антропологизма в ее понимании, не только в своем решении, но и в правильной постановке предполагает анализ природы и особенностей философского знания и отличия в этом плане марксистско-ленинской философии от других форм мировоззрения, существовавших в прошлом и бытующих сейчас.

Таким образом, развитие метафилософских исследований будет способствовать не только росту философского знания, более углубленному пониманию им своего предмета, но и решению некоторых спорных проблем, имеющих непосредственное отношение к борьбе мировоззрений в современном обществе. Когда речь идет об изучении знания, содержащегося в физике, биологии, истории, философии, то не следует полагать, что это толкает нас обязательно к построению формально-логических моделей. Такие модели могут оказаться необходимыми, если встанет задача передачи философского знания машине либо при аналогичного рода задачах. В данном же случае мы стремимся к созданию не метатеорий, подобных логическим исчислениям, а содержательного знания о самом знании, находящемся на высокой ступени теоретического познания своего объекта. Формально-логические средства могут быть при этом по мере надобности использованы, однако логической основой такого анализа должна выступать сама материалистическая диалектика. Наряду с диалектикой немаловажная роль в этом деле принадлежит социологии знания, принципам подхода к изучению его общественного субстрата.

б) Откуда происходит особенность философии?

Специфичность знания в той или иной области науки определяется предметом, который она постигает. Например, когда К. Маркс говорит об особенностях научного анализа в политической экономии в отличие от познания физических или химических явлений, он отмечает, что «при анализе экономических форм

пользя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹. Особенно предмета политической экономии — форм экономической жизни людей — определяют те способы познания, в которых раскрывается их объективная природа. Этим лишний раз доказывается совпадение объекта и форм его постижения в мысли, которая движется по законам объекта, говорит его языком.

Если бы дело касалось какой-либо конкретной области естественной или общественной науки, то специфику познания в ней мы могли бы вывести из особенностей изучаемого ею предмета, и этим почти можно было бы ограничиться. Но этого далеко не достаточно, когда речь идет о философии. Ведь не случайно даже в наших учебниках философия стоит в ряду с другими формами общественного сознания: художественного, религиозного, морального, научного, — а не включается просто в науку.

Т. И. Ойзерман в статье «О смысле вопроса: «Что такое философия?»² правильно ставит проблему: является ли философия общественным сознанием или наукой. Решение ее он видит не в метафизическом противопоставлении сознания и знания, а в диалектическом единстве их, которое «не стирает существенного различия между ними». Но если это различие не стерто и существует даже в марксистской философии, то вряд ли можно ограничиться утверждением, что «философия может и должна быть специфической наукой»³.

Что же это за специфическая наука? Складывается впечатление, что словом «специфическая» прикрывается незнание того, что же она такое есть, создается видимость заполнения вакуума. Все науки специфические: и физика, и химия, и история и т. п., они как науки отличаются друг от друга своим предметом и методом. Если только в этом видеть специфику философского знания, то это слишком простая вещь, не требующая больших философских размышлений. Однако когда речь идет о философии и ее специфике, то имеется в виду нечто другое, здесь возникают иные трудности.

Прежде всего ведь не о всякой философии утверждается, что она есть особая наука, а только о марксистско-ленинской. А что же такое философия Декарта, Спинозы, французских материалистов, Канта, Гегеля, Фейербаха и т. д.? Можно ли отношение между марксистской философией и домарксистской в лучших ее направлениях представить аналогично отношению химии и алхимии, науки и магии? Упрощенность такого взгляда вряд ли вызывает сомнение, хотя магии в философии было предостаточно. Марксистская философия является продолжением предшествующей философии, и прежде всего материализма, который для свое-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 6.

² См. «Вопросы философии», 1968, № 11.

³ Там же, стр. 142, 138.

то времени посыл научный характер (какой была наука в XVII—XVIII вв., таким был и материализм). Следовательно, просто отрубить домарксистскую философию как ненаучную, находящуюся на уровне обыденного сознания, нельзя. Это не будет соответствовать действительности. Нельзя забывать, что многие науки вышли не из какой-то иной, а именно из домарксистской, «ненаучной» философии. При этом марксизм в самом деле означает новый рубеж в развитии философской мысли по пути научного познания.

С другой стороны, предшествующая марксизму и современная буржуазная философия характеризуется наличием множественности направлений, отличающихся друг от друга не так, как школы в науке.

Материализм и идеализм — это не два подхода в поисках научного решения проблемы взаимоотношения материи и сознания, а противоположные, несовместимые типы мировоззрения. Игнорирование или недооценка того факта, что философия всегда включала в себя борьбу противоположных направлений, не может привести нас к правильному пониманию философского знания и путей его развития. Совершенно верно, что материализм Демокрита не тождествен французскому, а идеализм Платона — гегелевскому, но определенная связь и преемственность между ними существуют. Эта связь, как нам кажется, теряется в статье М. К. Петрова «Предмет и цели изучения истории философии»⁴. Выступая против универсализации гегелевской концепции истории философии, неправомерного подтягивания античных мыслителей к философам нового времени как не согласующегося с историей, он приходит в известной мере к еще большему противоречию с ней, ставит, так его можно понять, под сомнение существование материализма и идеализма у древних греков. Связь платоновского идеализма с античной мифологией не делает его материализмом, а означает только одну из его особенностей, выражающую, в частности, незрелость философского знания, его неотчлененность от фетишистского сознания.

Наличие множественности противоположных направлений в домарксистской и современной буржуазной философии говорит о том, что движение философского знания не укладывается в рамки смены научных понятий, концепций, теорий, перехода от относительной истины к абсолютной, от абстрактной к конкретной, от гипотез к достоверным теориям. Вскрывая природу и особенности философского знания, необходимо, с одной стороны, показать его связь с общим ходом научного познания, а с другой стороны, его специфичность, вытекающую из места философии среди других форм общественного сознания. Первое объясняет, почему ход движения философского знания неминуемо ставит вопрос о превращении его в разновидность научного, а второе — почему философ-

⁴ См. «Вопросы философии», 1969, № 2.

ское знание в марксизме-ленинизме, став наукой, осматривалось философией, а не другой формой сознания в обществе.

Как известно, сознание является результатом взаимодействия субъекта и объекта, составляет необходимый и важнейший момент человеческой практики. Развитие сознания предполагает его обогащение знанием, а сам процесс достижения нового знания носит названия познания и осуществляется в различных формах, в которых выражены разные уровни знания: абстрактное и конкретное, эмпирическое и теоретическое, достоверное и вероятное и т. п. Эти уровни знания отличаются друг от друга способом постижения объекта, глубиной и полнотой его отражения, доказательностью, характером построения системы знания и т. д. Их анализ составляет задачу теории познания. Но отношение субъекта к объекту не сводится к чисто познавательному отношению, хотя знание присутствует в любой его форме, будь то практическое взаимодействие или духовное освоение субъектом объекта, предполагающее превращение знания в сознание, включение его в качестве момента в общественно-историческую деятельность человека.

Когда речь идет о различных формах сознания, а не знания, то главным критерием как раз и выступают отношение человека, его цели, с которыми он подходит к отражаемому объекту, способ использования знания для реализации этих целей.

Все формы сознания дают в какой-то мере знание, но наука специально возникла и существует для того, чтобы обогащать общество объективно-истинным, достоверным и конкретным знанием. Для реализации этой цели она имеет довольно развитую систему методов и форм познания, свой язык, которые непрерывно совершенствуются в ходе развития самого познания. Если мы возьмем другие формы общественного сознания — религию, философию, мораль, — то они, как и искусство, сформировались раньше науки и, само собою разумеется, в этих условиях были формами достижения нового знания. Жрецы, философы и художники обогащали общество знанием о новых вещах и отношениях. По мере развития науки происходили изменения во всех других формах сознания. Центр тяжести в достижении нового знания все более переносился на науку, у которой нет иной задачи, кроме движения к объективно-истинному знанию.

Наука, взятая в своем чистом виде, является системой знания. Чем объективно-истиннее, достовернее и конкретнее эта система, тем более она соответствует идее научности. Обогащение человечества системами знания — цель науки как формы сознания в обществе.

Философия была и останется системой знания, имеющей свой предмет и находящейся на определенном уровне своего развития. Но как форма общественного сознания она имеет еще свою цель и свое назначение — быть мировоззрением.

Чтобы выяснить особенности философии как особой формы сознания, создающей мировоззрение человека, ее отношение к научному знанию, необходимо обратиться к некоторым моментам ее генезиса. Нетрудно заметить, что с начала своего возникновения и вплоть до наших дней философия развивалась путем преодоления мифологического сознания научно-логическим знанием. В первом вещах одухотворены и очеловечены, но одновременно и мистифицированы, наделены несвойственными им силами, например, связями по типу родовых отношений первобытного общества. Мифологическое сознание направлено не столько на вещи объективного мира, на их генезис, качественные и количественные определенности, сколько на действие каких-то скрытых за ними абстрактных, сверхъестественных сил, подобных человеческим.

Философия даже у передовых ее представителей не всегда была свободна от мифа; можно отметить целые направления и даже периоды в ее развитии, когда фетишистское сознание довлеет над ней. Однако решение собственно философских проблем всегда предполагает в большей или меньшей степени выход за пределы мифологического сознания. Античная философия положила начало новому подходу, выработав понятие Логоса, согласно которому в мире действует свой, независимый от человека и даже от бога закон, наделяющий определенной мерой каждую вещь. При этом человек не составляет исключения, он сам как нечто вечно-телесная сущность подчинен ему. Логос разрушал миф, который не следовал логике мышления. Идея Логоса направила философию на постижение вещей в соответствии с их собственной мерой и определенностью, на раскрытие в них Логоса, всеобщего, и на выработку на основе познания вещей метода мышления.

Философия и конкретные отрасли науки вышли из одного способа отношения к объективной действительности — Логоса, разумного постижения мира вещей и отношений. Можно было бы сказать, что философия усвоила научный подход к действительности. Но более близко к истине другое суждение: наука, выйдя из философии, унаследовала от нее, от ее лучших представителей, рациональное постижение явлений, вещей и процессов путем создания понятий, теорий, претендующих на объективную истинность, проверяемость и конкретность. Эти пути развития мировоззрения — мифологически-фетишистский и научно-логический — нельзя представлять себе в виде двух равнозначных, сосуществующих и одинаково правомочных, каждый из которых имеет свои плюсы и минусы. Господство в отдельные периоды истории христианской или иной догматики имеет свои исторические корни, несет свою социальную нагрузку, но фетишистское сознание должно рассматриваться как исторически переходящая форма мировоззрения,

с необходимостью преодолеваемая философией, идущей по пути разумного постижения действительности в формах научного знания.

Наличие мировоззрения, находящегося под влиянием мифологического сознания, свидетельствуют о том, что вплоть до наших дней далеко не всякая философия является специфической наукой. До сих пор существуют формы буржуазного мировоззрения, отрицающие научность философии, уводящие ее в область фетишистского сознания. Одна из особенностей марксистской философии состоит именно в том, что она прямо и бесповоротно встала на путь Логоса, т. е. создания мировоззрения, опирающегося на постижение истинной сущности вещей и отношений.

Если марксистско-ленинская философия является научным мировоззрением, то из этого само собою следует, какие положения и теоретические построения она может содержать в себе, каковы условия их вхождения в нее. Некоторые философы доказывают необходимость множества вариантов марксистской философии, аргументируя это богатством общественной практики, которая может якобы обобщаться в разных по своему содержанию марксистских философских системах. Так, югославский философ П. Вранички в докладе на XIV Международном философском конгрессе в Вене (1968 г.) утверждал: «Разнообразие и многосторонность человеческо-исторической практики обуславливают многосторонний теоретический подход к этой практике и проблемам, проистекающим из нее». Это многообразие практики порождало различное ее обобщение в прежних философских системах. «То же самое,— по мнению П. Вранички,— относится и к марксистской философии». А если так, то она ничем, по существу, в этом отношении не должна отличаться от предшествующей и от современной буржуазной философии. «Это показывает,— продолжает он,— что точку зрения одной-единственной марксистской философии или единой структуры этой философии нужно радикально отвергнуть и признать необходимость различных вариантов»⁵.

В этих коротких тезисах выражена целая концепция, которая 1) не делает никакого различия между марксистской философией, с одной стороны, и буржуазной — с другой; 2) снимает вопрос о научности марксистской философии.

В самом деле марксистско-ленинская философия разрешает свои проблемы, выдвигаемые многообразной современной общественно-исторической практикой, научным путем, постигая объективные законы движения вещей, процессов, отношений людей в обществе, и таким образом она строит теоретические системы, претендующие на объективную истинность, допускающие проверку и доказательство.

Но возможно ли, чтобы эти теоретические системы были различными? Разумеется, так же, как это бывает во всех других

⁵ Akten des XVI. Internationalen Kongresses für Philosophie, Bd. II, S. 139, 140,

науках. Эти системы, во-первых, могут касаться различных объектов действительности, например, теория общественного прогресса отличается от теории познания. Во-вторых, неминуемо появляются различные теоретические концепции, возникающие в результате поисков научного решения проблем, путь к которому лежит через дискуссии, соперничество идей. Но когда решение будет найдено, то в качестве истинного возможно только одно.

О такого ли рода плюрализме в марксистской философии идет речь у П. Вранички? Конечно, нет. Он полагает, что в марксистской философии необходимы различные теоретические системы, касающиеся одного и того же объекта, построенные на различных принципах и одинаково истинные. Но это с точки зрения научных критериев нонсенс, для этого надо философии порвать с научным способом постижения действительности. По существу к этому идет П. Вранички.

В связи с этим находится вопрос о марксизме как открытой теоретической системе знания. Да, марксистско-ленинская философия с точки зрения характера своих научных теорий не является закрытой системой. Она открыта для вхождения в нее новых теоретических положений и допускает изменения внутри себя вплоть до обобщения и уточнения своих принципов. Но для чего и для кого она открыта? Некоторые из зарубежных марксистов, подчеркивая мысль об открытости марксизма как системы знания, ставят вопрос о включении в нее элементов из различных направлений современной буржуазной философии. В этом смысле говорят о необходимости пополнения марксистской философии за счет неопозитивизма, экзистенциализма, гуссерлианства, христианства, буддизма и т. п. При этом аргументируют это тем, что ведь не всё в этих философских теориях является ложным, они содержат и некоторые правильные постановки вопроса, обращают внимание на такие стороны, мимо которых иногда проходят марксисты. Не можем же мы, заявляют они, быть сектантами и отвергать что-то правильное только на том основании, что оно добыто не нами?

Но одно дело — критически изучать опыт буржуазной философии при позитивной разработке проблем, а совсем другое — включать ее готовые концепции и решения в свою систему. Если в марксистскую философию включить экзистенциализм, неопозитивизм и т. п., то научное единство его будет разрушено, и под видом течений марксизма найдут себе убежище различные направления современной буржуазной философии.

г) Изучать пути движения философии к достижению истины

Марксистская философия является научным мировоззрением. И в этом отношении не следует бояться упреков в сциентизме, которые иногда раздаются в наш адрес со стороны буржуазных философов и ревизионистов. Да и впредь надо ориентировать фи-

философское знание на постижение действительности методом разумного освоения ее в понятиях и теориях, отвечающих требованиям научного мышления. Но это обстоятельство ставит перед нами много проблем, связанных с раскрытием путей движения к объективной истине: выявление своеобразия опыта, особенностей научно-теоретического мышления в философии, способов построения, развития, проверки и доказательства теорий в ней.

Философия сама непосредственно не связана с изучением отдельных явлений, вещей и процессов, которые выступают объектом различных специальных наук, а имеет дело с ними постольку, поскольку они уже нашли отражение в понятиях и теориях этих наук. Поэтому философия не ставит никаких экспериментов. Для ее развития не обязательны личные наблюдения самих философов за поведением электронов в камере Вильсона, вируса на питательной среде и человека в семейном или производственном коллективе. Для этого существуют физика, биология, социальные науки и т. п.

Это, конечно, не значит, что некоторые философы не могут добиваться плодотворных результатов, если они вместе с тем являются специалистами в области естественных или гуманитарных наук, обладают определенными энциклопедическими способностями. Но примеры такого рода вторжения философов в различные области знания не доказывают необходимости подобного сочетания для развития самой философии. Тем более нужно без всяких сомнений оставить в прошлом, к которому не может быть возврата, все попытки со стороны философов изучать, как надо развивать ту или иную область науки, как трактовать отдельные ее проблемы, выдумывание доморощенных, самодельных «философских» теорий элементарных частиц, наследственности и т. п. Это может нанести только вред как развитию этих областей, так и научному авторитету материалистической диалектики.

Философия в качестве данного имеет результаты научного познания, зафиксированные в теориях и понятиях различных наук, всю сферу развития общественного сознания, выраженную в произведениях искусства, в нормах нравственности, в истории своего собственного движения. Все это в совокупности и составляет опыт, из которого философия исходит в выдвижении и обосновании своих построений. Ни одна другая наука не имеет такого богатого и разнообразного опыта. Физика, например, может развиваться, не учитывая опыт истории или искусства; она создает свою эмпирическую основу, в определенных масштабах нуждаясь в результатах познания смежных с нею областей. Точно так же обстоит дело и с другими естественными и гуманитарными науками. Ни одна из них не делает исходным моментом, эмпирическим базисом совокупный опыт духовного развития человека. Итак, не наблюдения и не эксперименты философов, а теории научного познания, результаты художественного освоения действительности и т. п. выступают исходным пунктом философского

анализа. При этом философия интересуется не только самими результатами познания, но и его историей, тенденциями движения.

К опыту духовного развития человека, в частности к научному познанию, материалистическая диалектика подходит, конечно, мысленно, критически, но не в смысле исправления его результатов в соответствии со своими потребностями или «философского надзора» за развитием отдельных областей знания и духовной культуры. Она осознает его нужды и прежде всего в области метода мышления, совершенствования его категориального аппарата и с этой стороны критически анализирует весь предшествующий опыт познания, выявляя тенденции его развития. В этом состоит задача материалистической диалектики как специфической системы знания. Различные науки хотя и содержат в своих результатах имплицитно философские категории, но не осознают их, не выделяют, не делают их предметом исследования, орудием движения к новым результатам в познании.

Каким же способом философия поднимается от опыта к своим категориям и законам? Как показывает ее история, существует только одно средство для этого — теоретическое мышление. В свое время для обозначения пути движения философии к истине было выдвинуто понятие «спекулятивного мышления». К этому понятию с некоторых пор стали относиться подозрительно, как к чему-то такому, что внутри самого себя содержит нечто отрицательное, считая своим долгом и хорошим тоном в философии выразить ему свое презрение. И это имеет свое историческое оправдание.

Первоначально философия, включавшая в себя всю совокупность знания, широко пользовалась методом умозрения и таким путем приходила к плодотворным результатам не только в чисто философской, но и в естественнонаучной области, примером чему может служить атомизм. Когда не было настоящего естественнонаучного и исторического опыта познания, к спекулятивному мышлению вынужденно прибегали даже там, где сфера его применения была весьма ограничена. Потом были обнаружены отрицательные стороны умозрения в философии. Во-первых, спекуляции философов в области познания явлений природы и общественной жизни стали приходить в противоречие с результатами естественнонаучного и гуманитарного знания. Философы продолжали навязывать свои схемы развития явлений природы даже тогда, когда естествознание своими методами уже стало создавать научные теории о них. Во-вторых, не всегда философы, применяя метод умозрения или спекулятивного мышления для решения собственных задач, основывали его на достаточном опыте познания. Часто их спекуляции носили беспочвенный характер, были оторваны от реального хода научного познания и развития духовной культуры человека.

Все это, вместе взятое, и приводило к мысли, что философскому умозрению как форме постижения действительности пришел

концепт, а вместе с тем и философии вообще, ибо без него она не может сделать собственного шага в познании. От дурного рода спекуляций философия может и должна освободиться, но при этом она сохраняет теоретическое мышление как главное средство движения от опыта к познанию законов и формированию своих категорий. Без теоретического мышления ей остается только ограничиваться результатами других наук и форм сознания, изобретать свой «философский» эксперимент или свое матричное исчисление.

Философское научно-теоретическое мышление — это своеобразный вид абстрагирования, выделение отдельных закономерностей из совокупного опыта науки и всей общественной практики. Оно приспособлено для решения задач, стоящих перед философией. Его успех зависит от той эмпирической основы, из которой исходят, от умения усмотреть и выделить в ней то всеобщее, что является предметом философского знания. Существуют свои критерии правомерности философского мышления, способы своеобразной его верификации. Способность к философскому мышлению, как и другие формы абстрагирования, вырабатывается в процессе общественного и индивидуального развития мыслителя, и ею можно овладеть так же, как и другими средствами познания. Умению мыслить философски нужно учиться, как математическому, физическому, историческому и другим способам мышления.

Философское мышление хотя и является видом абстрагирования, однако не сводится к абстракциям какой-то области знания. С абстрагированием в науках у него есть общее: выделение интересующей стороны, закономерности, стремление не ограничиться в познании абстракциями, а постигать их в совокупности, дающей познание конкретного. Но у философии свои критерии оценки и проверки этих абстракций, и с ними нельзя обращаться, как в математике или физике. Это, например, относится к проверке и доказательству.

Результаты философского мышления проверяются на практике, но не путем простого сопоставления с отдельными ее актами, нахождения соответствующих вещей, отношений. Такое сопоставление ничего не дает. Самое большое — оно может служить иллюстрацией положений, в которой нуждаются люди, не привыкшие к абстрактному мышлению. Но такие иллюстрации всегда приблизительны и не выражают существа дела. Философские понятия и теории настолько всеобщи, что всегда можно найти что-то соответствующее даже ложным теориям. Проверка их всеобщности в действительности происходит лишь тогда, когда результаты философского мышления, будучи выраженными в категориях, становятся методом научно-теоретического познания и практического действия человека. Понятия и теоретические построения философии проверяются как мировоззрение, ставшее основой теоретической и практической деятельности классов, партий, ученых, художников и т. п. Если действия, согласующиеся с этими прин-

циями и категориями, приводят к практическому осуществлению человеческих целей, к созданию разумного и прекрасного мира вещей и отношений, к достижению нового знания в науке, созданию художественных произведений, то тем самым проверяется и доказывается их объективная истинность.

Философии присущ свой способ образования и развития понятий и теорий. Здесь мы сталкиваемся со следующей особенностью философского знания — высокой степенью научной экстраполяции с элементами постулирования его принципов, законов и категорий. Результаты этой экстраполяции отличаются и от аксиом дедуктивных теорий и от предположений, лежащих в основе теорий, строящихся на обобщении опытных данных. В этом смысле нельзя требовать от философии, чтобы она свои построения подгоняла либо под аксиоматические теории, либо под научные гипотезы. Она имеет свое собственное построение, каковым выступает система категорий, присущая только философии.

Иногда результаты философской экстраполяции пытаются вывести за пределы научного метода познания, в область веры или какого-то особого прозрения, не основанного на разуме. В действительности же они являются итогом теоретического мышления, которое включает как момент критическое отношение ко всякому опыту познания, в том числе и своему собственному. Философское мышление не выходит за пределы разумного постижения действительности, хотя имеет свою специфику, выяснением сущности и особенностей которой философы-марксисты занимаются еще совершенно недостаточно.

Таким образом, материалистическая диалектика, являясь логикой научного познания, в том числе и своего собственного, ставит задачу осознания основ и особенностей своего знания, путей движения к новым результатам, создания своеобразной метафилософии в качестве средства дальнейшего разрешения стоящих перед нею проблем.

д) Философия — знание или убеждение?

Всё ли мы скажем об особенностях знания, содержащегося в марксистской философии как научном мировоззрении, если выясним его пути движения к объективной истине, способы образования теорий, их проверки и доказательства? Не содержит ли философия еще нечто такое, что ее выделяет среди других наук и характеризует как мировоззрение? Случайно ли с момента своего возникновения она получила наименование мудрости, в которой содержится не только знание, но и квинтэссенция всего опыта жизни?

Ответы на эти вопросы заставляют обратить внимание на то, что философия всегда выражала человеческое отношение к объективному миру, к его движению и процессам. Она должна не созерцательно рассматривать, а действительно-практически их отра-

жать и в этом смысле всегда включать практику в понимание объективного мира. В мифе была заложена неудовлетворенность человека существующим порядком вещей, но одновременно и неспособность указать пути достижения новой действительности. И именно потому, что миф пераделывал мир на свой лад в мечтах, стремлениях, без знания объективной природы вещей и человеческих отношений, он оставался только мифом. Подлинная философия, чтобы быть научным мировоззрением, ориентируется на законы самих вещей и процессов, без знания которых она не может быть научным мировоззрением. При этом она берет их со стороны общественных целей человека.

Могут спросить: а разве наука поступает не так, разве она совершенно свободна от этого? Поскольку наука возникла вместе с философией, в ее лоне, и до сих пор не лишена мировоззренческих проблем, то, конечно, она также сохраняет этот момент. Но развитие науки как формы сознания, направленной специально на достижение объективной, высказательной, конкретной истины, отодвигает так называемый человечески-ценностный момент в ней на второй план.

Проблема ценности в настоящее время, в том числе и при анализе сущности философии, стала одной из центральных. Буржуазная философия, и в особенности то ее направление, которое получило название аксиологии, использует проблему ценности для обоснования идеалистических представлений путем противопоставления ценностного подхода к явлениям действительности научно-теоретическому, выдвигая особое ценностное видения мира и интуиции в качестве его средства и т. п. Отвергая идеалистические спекуляции на проблеме ценности, марксизм снимает ее в том виде, как она была поставлена буржуазными философами, видевшими в ней антипода объективно-научного рассмотрения действительности, по-новому ставит ее и определяет пути ее разрешения.

Марксистская философия рассматривает и ценность и познание как общественно-исторические явления, моменты практического взаимодействия субъекта и объекта. Они неразрывно связаны и пронизывают друг друга, поскольку, с одной стороны, сами результаты знания подлежат оценке не только с точки зрения чисто гносеологических характеристик: истинно, ложно, существенно, несущественно, вероятно, достоверно и т. п., — но и собственно ценностных: какую пользу и какой практический выход данное знание может иметь в обществе, какую материальную или духовную потребность человека оно может удовлетворять. С другой стороны, ценностный подход включает в себя знание вещей и процессов, их свойств и закономерностей, на основании которого можно судить о способности данного предмета удовлетворять потребности человека.

Существование ценности имеет объективный источник, покоится на знании вещей и отношений. Однако это не освобож-

дист нас от необходимости в своих абстракциях выделять, опять-таки для строго определенных целей, с одной стороны, теоретико-познавательный подход к объекту действительности, а с другой — ценностный. Первый стремится зафиксировать постижение объективной природы предмета, как он существует вне человека и человечества, освободить сознание от отношения субъекта к его содержанию и выделить в чистом виде собственно знание, то есть объективную истину. Поэтому логика совершенно свободна от собственно ценностного подхода к знанию. Второй, наоборот, стремится как в самом объекте, так и в его отражении в сознании акцентировать внимание на человеческом отношении, оценить все с точки зрения заложенных в объекте возможностей удовлетворять потребности людей. Он берет не знание в чистом виде, а его воплощение в материальной и духовной культуре, способной служить человеку и его целям.

Если с этой точки зрения сопоставить различные науки и философию как мировоззрение, то можно обнаружить между ними существенное отличие. Поскольку науки в своем развитии все более превращаются в метод познания, становятся прикладной логикой, то ценностный подход не столь существен для определения их сущности, как для характеристики морального, художественного сознания и философии. Философия — это система знания, превращенная в убеждение людей, ставшая принципом действия классов, партий и т. п. Этот момент чрезвычайно важен. Особенность марксистской философии состоит в том, что ее убеждение строится на органическом сочетании объективно-истинного, доказательного знания с классовой целью, одним из моментов которой выступает отражение действительных отношений, существующих в мире.

Таким образом, глубокое понимание сущности философии является необходимым условием успешной разработки актуальных проблем, борьбы против современных течений буржуазной мысли, спекулирующих на отдельных сторонах, особенностях философии и способов постижения ею своего предмета. Характерные для буржуазной философии сциентизм, с одной стороны, и беспочвенный антропологизм — с другой, кажутся привлекательными, покуда не вскрыты их гносеологические источники и не определены пути преодоления подобных извращенных толкований.

е) Философия в век науки и техники

Предмет самых различных наук непрерывно подвергается изменению в связи с ростом знания, прогрессом общественного развития в целом. Во многих областях современной науки происходят самые жаркие дискуссии о предмете и содержании этих наук. Такой процесс неслучаен, и касается он не только новых областей знания вроде кибернетики, но и давно сложившихся, таких, как математика, физика, химия, биология и другие. Но

при этом никогда не возникает ни у специалистов этих наук, ни у других ученых сомнения в необходимости данных областей знания. А в отношении философии не только представители других наук, но сами философы ставят вопрос: не потеряла ли она своего предмета, нужно ли ее изучать в вузах и т. п.?

Этот парадокс объясняется многими обстоятельствами, в том числе и особенностями самой философии как формы человеческого знания. Английский философ Бертран Рассел эту особенность видит в том, что философия занимает промежуточное положение между наукой и религией, точнее — теологией. «Подобно теологии, — пишет он, — она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым: но, подобно науке, она вызывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *точное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке: все *догмы*, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия»⁶.

Действительно, современная немарксистская философия мечется между наукой и религией. Представители различных областей научного знания критикуют ее за то, что она недостаточно научна, а адепты религии говорят, что философы взялись решать проблемы, которые под силу только религии, но пытаются сделать философию наукой. Отсюда две крайности, в которые она попадает: изоляция философии от научного знания, или, напрогив, ориентация философии только на науку — сциентизм, ставящий философию в ряд с другими науками и таким образом превращающий ее в частную область знания со своим предметом. Буржуазная философия, начиная со второй половины XIX в., либо сводила философию к частным наукам и их методам (позитивизм), что вело к ликвидации философии, либо чрезмерно подчеркивала, абсолютизировала оценочный момент в ней и метафизически противопоставляла философию науке и научному методу познания (это характерно для так называемой философии жизни, экзистенциализма и т. п.).

Когда естественнонаучное знание уже достаточно развилось и определились его основные отрасли, встал вопрос: что же будет теперь делать философия, где ее объект изучения? Позитивизм провозгласил тезис: наука сама себе философия — и попытался заменить ее суммой так называемого позитивного знания, взятого из различных областей естествознания и гуманитарных наук. Другие буржуазные мыслители утверждали, что философия сохранит свое значение как некая стоящая над науками область знания, коренящаяся в особых, метафизических способностях духа.

⁶ Б. Рассел. История западной философии. М., 1959, стр. 7.

Эта беспомощность и неспособность в пределах буржуазного мировоззрения четко определить место философии и самого философа проявилась в статье Ю. Гейнрихса особенно ярко. Он здесь не одинок. Его коллега и соотечественник Г. Ромбах тоже считает, что «философ не является ни профессиональным политиком, ни учителем, ни теологом, ни судьей или врачом. Он важен лишь для самого себя и живет в своих мыслях, как отшельник в своей келье».

Говоря далее о предмете философии, он усматривает в нем лишь... саму философию. «Так как философия не занимает больше внутри духовного мира какого-то места, которое можно было бы охарактеризовать, а включает в себя весь духовный мир, она может отныне больше ссылаться на то, что возникло в ней самой и продумано. Она есть лишенное предпосылки мышление. Она должна принять не аксиомы, не принципы, не первые истины, не данные других форм, а породить все из самой себя. Только теперь философия становится «глубокой» настолько, что она должна обосновать все, что используется в ней как средство мышления».

Итак, философия ради самой себя. Здесь она превращается в чистую саморефлексию, в движение сознания ради самого этого движения, и это, по существу, такая же ее ликвидация, к какой приходит доктор Гейнрихс. Правда, он не теряет надежды, что философия обретет в конце концов свой предмет, займет подобающее ей место в жизни, но какое — это ему представляется весьма смутно.

С чем связано то обстоятельство, что буржуазные мыслители оказываются неспособными уловить место философии в жизни современного общества? С их личной неспособностью, коренящейся в «бесталанности»? Такой ответ был бы и по форме, и по существу неверным. Все дело в том, что путь к истинному ответу на вопрос, что такое философия и каково ее место в жизни общества, сам уже предполагает наличие определенной, способной решить этот вопрос философии. Потребность в мировоззрении в сложном динамичном мире не только не отпадает, а, наоборот, становится все более острой, люди все чаще и глубже задумываются над своим бытием, судьбами развития человечества. Жизнь становится более сложной, а ее цели все труднее улавливаются обыденным сознанием. И в это время буржуазная философия признает неспособность определить свой предмет и задачи. Разве это уже не говорит о ней самой?

В этот период кризиса прежней философии, не освободившейся от религиозного и фетишистского сознания, в период наступления позитивизма только марксизм выдвинул и обосновал идею, что свое значение потеряла лишь определенная, отжившая форма философии. Он положил начало новому периоду в развитии философии — периоду, связанному с иным пониманием ее предмета, задач и способов их разрешения.

Марксизм дал принципиально новое понимание сущности и места философии в движении общества; марксистско-ленинская концепция философии нашла широкое распространение и признание в наше время и обнаружила свое превосходство перед буржуазными ее трактовками.

Но было бы ошибкой думать, что философы-марксисты свободны от проблем и трудностей, что им все ясно, для них все решено.

Как показали дискуссия в газете «Комсомольская правда» и заключительная статья в ней академика Б. М. Кедрова «Спор о философии и философия спора»⁷, обсуждению подлежат самые коренные вопросы понимания предмета и содержания философии. Безусловно, прав Б. М. Кедров, что к выяснению этих проблем надо подходить со всей серьезностью, не ограничиваясь выхваченными из контекста цитатами, а рассматривая всесторонне существо самого дела. Мы далеки от мысли, что споры здесь уже позади.

Представить философию в качестве ординарной науки, имеющей свой специфический, частный предмет исследования, нельзя. Юрген Гейнрихс это объясняет отсутствием у философии, в отличие от другой науки, «четко очерченного диапазона объектов познания». На этом основании философия выводится за пределы науки. Вот любопытный пример. Когда в 1957 г. с группой советских философов мы были на Всеиндийском философском конгрессе, многие индийские философы высказывали удивление, что Институт философии входит в Академию наук. По их мнению, его место скорее в Академии искусств. Но, несмотря на то, что философию нельзя свести к обычной науке и тем более к науке наук, тем не менее по способу постижения своего предмета она является наукой, а не искусством или моралью, не говоря уже о религии, так как философия — это рациональный путь познания действительности посредством понятий и теорий, допускающих проверку и доказательство.

Марксизм прямо и бесповоротно поставил философию на путь тесной связи, союза с различными областями знания. Он направляет ее на достижение объективно истинных понятий и теорий.

Тем не менее философия по своему предмету и целям отличается от науки и составляет особую форму общественного сознания, не сводимую ни к одной другой. Философия как форма сознания создает мировоззрение, необходимое человечеству для всей его практической и теоретической деятельности. Никак нельзя согласиться с Юргеном Гейнрихсом, что в результате выделения из прежней нерасчлененной науки, называемой философией, различных областей естественной и общественной науки «собственно философии почти ничего не остается».

⁷ См. Б. М. Кедров. Спор о философии и философия спора.— «Комсомольская правда», 1968, 19 ноября.

В центре марксистского мировоззрения находится человек, а это не так уж мало само по себе. Но если отдельные отрасли науки изучают его, рассекая на части, стороны, закономерности, то философия берет человека как нечто целое со стороны целей и проекций бытия в будущем.

Человек не является чем-то законченным, созданным, он непрерывно самосозидает себя в процессе труда, его история не запрограммирована, он сам ставит и меняет цели своего бытия, поэтому философия, сталкиваясь каждый раз с иными целями, меняет свой предмет. Человек со своим трудом универсален и бесконечен. Осознание им самого себя и своих целей не может быть сведено не только к какой-то отдельной форме научного знания, но даже к науке вообще. Сама форма сознания в философии носит универсальный характер. Она основывается не только на научном знании, но и на совокупности человеческого опыта вообще, включая все другие формы сознания: искусство, мораль и т. п.

Вот поэтому философии до всего есть дело, она может сделать все предметом своего анализа, в этом смысле у нее нет строго очерченной области, поскольку все так или иначе имеет отношение к человеку и всеобщим принципам его деятельности. Но это не означает, что философия как форма сознания бесцельна и аморфна. Весь существующий опыт человечества направляется в философии на разрешение определенных задач, связанных с проекцией бытия человека в мире, с созданием посредством труда самого человека. Поэтому, пока существует человек и он способен думать о себе и целях своего бытия, философия в интеллектуальной жизни будет занимать важнейшее место. А сам философ — не провидец, а мыслитель, решающий очень сложную задачу создания мировоззрения путем научного постижения действительности. Ликвидация философии может привести к духовному оскудению человечества, лишая его осознанной цели развития, возможности исторически мотивированной деятельности.

Как ни странно, иногда марксисты, говоря о предмете философии, ограничивают все только диалектикой, т. е. учением о наиболее общих законах, действующих в природе, обществе и мышлении. Так, например, поступает и И. Матвеевков в своей статье «Кто «глупец» и кто «провидец»?» При этом из предмета философии у него выпадает человек как некоторая тотальность. Но ведь именно такой подход и дает повод утверждать, что марксистская философия якобы лишена своей теории человека, она недостаточно гуманистична, ей надо все это позаимствовать у экзистенциализма, либо сконструировать особую, стоящую в ряду с философией, марксистскую антропологию. По этому последнему и, на наш взгляд, неверному пути идут некоторые югославские философы, полагающие, что марксистская наука не ответила до сих пор на вопрос, в чем сущность человеческой экзистенции, не охватила ее во всей целокупности.

Означает ли это, что предмет мировоззрения ограничивается только человеком и тем обществом, в котором он живет? Конечно, нет! Природа, ее всеобщие законы тоже, разумеется, входят в предмет марксистской философии, но, с одной стороны, не так, как она входит в многообразные ныне существующие области естествознания, а с другой, — и не так, как ее рассматривала старая натурфилософия, строя универсальную систему природы. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, естествознание достигло такого уровня зрелости, что само, основываясь на философии, с помощью установленных фактов и законов может «в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого». Поэтому натурфилософии пришел конец, и всякая попытка ее воскрешения означает безусловно шаг назад.

Марксистская философия изучает природу со стороны тех ее законов, которые становятся универсальными принципами человеческой деятельности, его практики и познания. Ни человек вне природы, ни природа вне человека не являются объектом мировоззрения, оно берет их в связи и отношении. Не случайно основным вопросом философии выступает отношение сознания человека к окружающему его бытию.

Ни одна наука, никакая другая форма общественного сознания не призваны специально к решению задач создания мировоззрения, поэтому философии, ее существованию не угрожает развитие науки и техники. В настоящее время существуют теории о поглощении наукой не только философии, но и всей сферы общественного сознания: искусства, морали и т. п., но эти теории покоятся, по меньшей мере, на недоразумении. Ближе всего по общественной функции к философии стоит религия, которая тоже возникла как определенная форма мировоззрения. Поэтому наука хотя и подрывает религию, но одна не может ее заменить. Не случайно современные церковники почти не боятся новых достижений науки, поскольку уже не претендуют на равную с ней роль в достижении нового знания о вещах, явлениях природы, общества, мышления людей. Сейчас они все это оставляют науке, избрав другую сферу человеческого духа, в частности мировоззрение, которое не покрывается ни какой-то одной наукой, ни их совокупностью. Позитивизм — очень удобная для религии форма философии, поскольку он оставляет религии функцию мировоззрения. Религия будет окончательно ликвидирована, если мировоззрение, моральные и эстетические потребности будут удовлетворяться истинной философией, подлинно человеческой моралью и правдивым искусством.

Следовательно, развитие науки и техники не делает излишней философию. Оно только меняет ее, требует, чтобы она стала научным мировоззрением. Марксистская философия берет человека в его связи с окружающим миром, и не только со стороны сущего, но и должного, целей человечества, которые могут быть практически осуществлены. Она не включает в себя никакого

мифологического или религиозного сознания, а средствами науки выражает человеческую потребность в создании мира вещей и общественных отношений — таких, которые соответствуют сущности человека, его стремлению увековечить посредством практики самого человека, превратиться в бесконечное существо, свободное, творческое, реально управляющее вещами и процессами без вмешательства потусторонних сил.

В марксистской философии проблема идеала человеческой жизни поднялась до уровня разрешения ее методом научно-теоретического мышления.

Философия без научного знания не может сделать ни одного шага вперед. Действительно, в наше время универсальный ученый — это поистине комическая фигура, и философ не должен претендовать на эту роль. Но он нуждается для решения своих задач в знании, получаемом другими науками, оно составляет для него своеобразную практику, которую оно осмысливает под углом зрения своих задач — создания научного мировоззрения. Поэтому для него важен опыт и физика, и кибернетика, и биология, и юриста, и художника и т. п.

Создаваемое философией мировоззрение реализует себя в практической и теоретической деятельности человека, классов, партий. Поэтому различные классы, в зависимости от своих целей в обществе, имеют разное, противоположное мировоззрение. Как теоретическая система знаний философия становится методом познания и практического действия, проявляет себя в качестве Логики с большой буквы, становится универсальным методом научно-теоретического мышления.

Один еще вопрос, поставленный Юргеном Гейнрихсом, остался без ответа: к чему преподавание философии? Что ж, ответ на него довольно ясен — чтобы выработать у людей научное мировоззрение и соответствующий ему метод мышления. На мой взгляд, проблема состоит не в том, изучать или не изучать философию. Как построить ее преподавание, чтобы научное мировоззрение постигалось наиболее полно и глубоко, чтобы оно превращалось в действительное убеждение человека, действующего в соответствии с его принципами? Вот эта проблема, к сожалению, далека от своего разрешения, а потому и у наших студентов возникает иногда сомнение: стоит ли изучать философию? От задачи дальнейшего развития научного мировоззрения и наиболее эффективного построения его изучения нельзя отмахиваться, эту проблему надо решать в соответствии с опытом современной бытотечущей жизни.

ФИЛОСОФИЯ. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ТЕХНИКА. ОБЩЕСТВО

1. ФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

«...Ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом».

В. И. Ленин

а) Развитие категорий диалектического материализма — условие укрепления союза философии и естествознания

Хорошо известно, что развитие философии немислимо вне обобщения результатов современной науки, в частности естествознания. Вместе с тем не вызывает сомнения активное воздействие передовой философии на развитие различных областей науки. И если когда-либо ослабевала связь философии с естествознанием, то это незамедлительно сказывалось на их развитии: философия теряла источник новых идей, занимаясь перелицовкой давно известного, а естественные науки лишались перспективы своего движения.

Формы воздействия философии на естествознание исторически менялись в зависимости от характера самой философии и уровня развития естественных наук. Было время, когда философия направляла развитие естествознания путем натурфилософских построений, и надо сказать не без успеха (вспомним натурфилософские теории Демокрита, Декарта, Канта и т. п., на многие годы вперед определившие успехи естествознания). Однако, несмотря на положительную роль натурфилософии в прошлом, уже в середине XIX в. она изжила себя. Натурфилософия создавала общую картину природы как целого и делала это «только таким образом, что заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 304—305.

Развитие философии и естествознания положило конец натурфилософии, и, как говорит Ф. Энгельс, «всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»². Но такие попытки не прекращаются. Вплоть до наших дней высказываются идеи о создании натурфилософии, свободной от вздорных вымыслов и претензий на исчерпывающее изложение системы природы. Попытки натурфилософского подхода к решению конкретных естественнонаучных проблем имели место и в советской философии.

Естественные науки сами решают задачи создания теорий, вскрывающих фундаментальные законы природы. Необходимость в научной картине природы не отпала, но последняя создается самим естествознанием, суммирующим на основе диалектико-материалистического мировоззрения знание о природе без какой-то априорной схемы и вымыслов. Еще во второй половине XIX в. Ф. Энгельс писал: «Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, то есть с точки зрения их собственной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени «систему природы», и когда сознание диалектического характера этой связи проникает даже в метафизические вышколенные головы естествоиспытателей вопреки их воле, — теперь натурфилософии пришел конец»³.

Крушение натурфилософии было использовано позитивизмом, который устроил на ее руинах шабаш, сопровождаемый диким разгулом антифилософских настроений. Но метафизика, к борьбе против которой призывал позитивизм, с черного хода проникала в его здание, а хула философии привела к возрождению самых обветшалых ее форм.

В действительности же отказ от натурфилософии для естествознания не означает отказа от философии вообще. В новых условиях требовалась иная философия, которая другим путем воздействовала бы на развитие естественных наук. Характеризуя эту философию, Ф. Энгельс писал: «Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»⁴.

Диалектический и исторический материализм больше не философия в том отношении, что не является системой знаний о мире в целом и не претендует на роль науки всех наук, но является философией, поскольку разрешает проблемы, которые составляют мировоззрение, подтверждающееся и проявляющееся в

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 305.

³ Там же, стр. 305.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 142.

реальном развитии многочисленных отраслей науки, служащей методом движения познания к новым результатам. Таким образом, теперь философия — это мировоззрение, функционирующее в науках в качестве метода, теории познания и логики. На материалистической диалектике и ее категориях лежит функция быть методом научного познания, направлять человеческую мысль на поиски новых результатов, на создание теорий, раскрывающих тайны природы и общества. Категории материалистической диалектики как инструмент научного познания выступают определенными критериями оценки выдвигаемых *идей* и *гипотез*. Но это требует, чтобы сами категории диалектики всегда находились на уровне современного научного познания.

Может ли новое знание вступить в противоречие с категориями материалистической диалектики? Поскольку категории диалектики являются обобщением предшествующего опыта познания и преобразования мира, т. е. связаны с определенным уровнем человеческого знания, а не априорны, новые результаты познания могут не укладываться в содержание философских категорий. Категории материалистической диалектики не пусты, а содержательны, в них обобщен, синтезирован предшествующий опыт познания мира. А это означает, что они также связаны с определенной ступенью развития человечества и его знания, одновременно суверенны и не суверенны, абсолютны и относительны.

Философия путем экстраполяции и предвидения может выйти за пределы непосредственных данных современной ей науки, но этот выход сам по себе ограничен рамками научного знания определенного времени. Положение Ф. Энгельса, что «с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму», как раз основывается на этой природе философских понятий.

Конечно, отношение между философскими категориями и новыми научными результатами имеет свои особенности; надо учитывать то обстоятельство, что в категориях материалистической диалектики отражены наиболее общие закономерности движения материи, в них учтен опыт познания во всех отраслях научного знания. Но это говорит о том, что противоречия между содержанием философских категорий и новыми результатами научного знания связаны только с очень крупными, эпохальными открытиями, возникают сравнительно редко. Правда, это в принципе не исключает возможности таких противоречий. Теоретически возможности противоречий между философскими категориями и новыми результатами научного знания не вызывают особых возражений и представляются иногда даже сами собою разумеющимися, но практически наша философская мысль мало обращает на это внимания, не делая отсюда всех необходимых выводов.

В самом деле, в науке, в частности в естествознании, происходит революция, которая началась на рубеже двух столетий и коренным образом изменила наши представления о природе. Все ли сделали наши философы, чтобы привести содержание категорий материалистической диалектики в соответствие с данными современной науки?

Нам представляется, что работа в этом отношении только началась, что она коснулась пока только отдельных сторон этого большого дела. Здесь особенно сказалось то обстоятельство, что долгое время наша философия не занималась по-настоящему разработкой своих категорий. Сейчас дело изменилось в том смысле, что проблематика категорий занимает подобающее ей место в исследовательской работе по философии. Однако главное при этом — изменение категорий на базе обобщения нового опыта познания и практики — остается все еще в стороне. В самом деле, подведем итоги того, что сделано в разработке категорий материалистической диалектики за последнее время.

Во-первых, категории диалектики стали самостоятельной проблематикой в исследовательской работе и курсе диалектического материализма.

Во-вторых, советские философы проделали определенную работу по уточнению содержания отдельных категорий соответственно данным современной науки.

В-третьих, наши философы настойчиво работают в последнее время над проблемами системы категорий материалистической диалектики, выдвигая самые различные решения данной проблемы.

Однако уровень современной науки и общественной практики требует значительно большего. Зададимся такими вопросами: Возможно ли возникновение новых философских категорий, которых ранее, в предшествующей философии, вообще не было? Все ли категории, возникшие в античной и новой философии, сохраняют свое значение? Какова вообще закономерность в развитии философских категорий: происходит ли там процесс отмирания одних категорий и возникновение других или раз возникшие на основе некоторой научной практики философские категории продолжают вечно существовать, только несколько модифицируясь?

Раз философия — наука, а не предмет веры, то, очевидно, развитие ее категорий подчиняется общим диалектическим законам, которые она сама устанавливает для развития научных понятий, включая в себя как изменение и уточнение содержания прежних понятий, так и возникновение новых и отмирание старых.

Нам хотелось бы остановиться на этой последней стороне, поскольку практика развития познания сейчас особенно остро ставит вопрос о пересмотре самой системы философских категорий.

Развитие познания и общественной практики ведет к изменению предмета самой философии и ее отношения к другим наукам. Изменение предмета философии — факт, обстоятельно доказанный в нашей литературе. Однако из этого факта не сделано выводов относительно философских категорий, относительно того, каким образом это развитие влияет на их состав, систему и содержание, какие категории уходят и какие приходят на их место, как меняется содержание прежних категорий.

В самом деле, философские категории сформировались тогда, когда философия обнимала всю совокупность познания, была наукой наук, пытавшейся охватить мир в целом, открыть первоусущность всех вещей. Однако потом произошли существенные изменения в самой философской проблематике, некоторые проблемы, которые ранее были философскими, стали специальными и, наоборот, в круг философии вошли новые проблемы. Сам основной вопрос философии, писал Энгельс, мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как в Европе наступило пробуждение от долгой зимней спячки христианского средневековья.

Но ведь изменение предмета философии нашло отражение в ее категориях. Например, центральной категорией в античной философии была первопричина, первая сущность, ибо сама философия ставила своей задачей отыскание такой первопричины, первой сущности всех явлений действительности. Материалистическая диалектика в соответствии с данными современной науки сняла саму проблему поисков первоусущности, а вместе с ней и эту категорию. Более того, коренным образом изменилось содержание самой категории сущности. В материалистической диалектике просто нет категории первой сущности; она не ставит вопроса о том, что является сущностью — единичная вещь, материя, форма и т. п., — как это, скажем, имело место в философии Аристотеля; поиски сущности как таковой становятся беспредметными, ее правомерно рассматривать только в связи с явлением: одно является сущностью потому, что другое по отношению к нему выступает явлением.

Большую работу по переосмыслению философских категорий провел Ф. Энгельс, который не ограничился материалистическим истолкованием системы категорий, данной Гегелем, а привел содержание категорий в соответствие с данными современного ему естествознания. При чем система категорий, характеризовавшая форму материализма Ф. Энгельса, шла значительно дальше непосредственных результатов естествознания. Возьмем, например, понимание категорий пространства и времени. Ф. Энгельс жил в эпоху, когда в физике никакого иного, кроме ньютоновского, подхода к понятиям пространства и времени, отделяющего их друг от друга и от движущейся материи, не существовало.

Однако Ф. Энгельс, следуя логике диалектического материа-

лизм, рассматривал эти категории совсем по-иному, предвосхищая результаты физики XX в.

В. И. Ленин находился у колыбели происшедшей на грани двух столетий революции в естествознании, ознаменовавшейся прежде всего эпохальными открытиями в физике. Для диалектического материализма эти открытия не были неожиданностью, они соответствовали его категориям. Однако они же требовали гносеологических обобщений, давали обширный фактический материал для обогащения категорий новым содержанием. В. И. Ленин много сделал в этом направлении, начав с центральной категории диалектического материализма — материи. Следуя традиции, положенной крупнейшими философами прошлого, он не ограничился только тем, что непосредственно давала наука его времени, а в своих философских выводах шел значительно дальше. Вспомним его положения о неисчерпаемости электрона, о категории отражения, которая выражает свойства, присущие всей материи. Ведь только сейчас естественная наука дает конкретный материал об этой способности, лежащей в фундаменте материи. А тогда В. И. Ленин, следуя внутренней логике развития категорий диалектического материализма, ставил перед наукой новую проблему. «...На деле остается еще исследовать и исследовать, — писал он, — каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»⁵.

Таким образом, категории диалектического материализма не только должны соответствовать результатам науки, но предвосхищать новые результаты, открывать широкие возможности для научного творчества, вести его в определенном направлении. Философия, которая задним числом только фиксирует уже то, что достигнуто другими науками, излишня и бесполезна, она не может выполнять функции всеобщего метода познания. Однако философия должна идти не путем создания умозрительных конструкций мира, как натурфилософия, а, оставаясь на почве строгой науки, производить экстраполяцию научных данных без вымыслов, по законам развития самой науки. Философские категории могут идти дальше непосредственных результатов науки своего времени потому, что они возникают и развиваются на основе обобщения всего опыта познания и практического переустройства мира, что в них происходит синтез (а не простое суммирование) знания из самых различных областей науки. Этот синтез и рождает новые идеи, на основе которых возникает новый подход к явлениям действительности.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 40.

В. И. Ленин положил начало осмыслению результатов новейшей революции в естествознании, ставящему своей задачей понять сущность ее и обогатить категории диалектического материализма новым содержанием. Однако неправильно думать, что В. И. Ленин сделал уже все в этом направлении. Он не мог этого осуществить хотя бы уже потому, что многие открытия либо только еще совершались при его жизни (например, теория относительности), либо произошли после его смерти (квантовая механика, ядерная физика, теория элементарных частиц и т. п.).

Эти и другие колоссальные открытия существенно изменили наше представление о природе и законах движения явлений в ней. Некоторые зарубежные ученые считают, что новейшие достижения физики уже не могут укладываться в рамки категорий диалектического материализма⁶. Посмотрим, прежде всего, действительно ли категории диалектического материализма оказались неработоспособными в век атомной физики и утонченной экспериментальной техники.

Утверждают, что новая физика при изучении явлений микромира вынуждена учитывать воздействие познающего субъекта с его приборами на исследуемый процесс и это, дескать, противоречит материалистической гносеологии, противопоставляющей материю и сознание.

В действительности же марксистская теория познания и ее категории всегда исходили и исходят из того, что объект дается нам субъективно, в форме человеческой практики, включающей в себя и практику физического наблюдения, экспериментальных исследований. Это уже отражено в первом тезисе К. Маркса о Л. Фейербахе. Некоторые физики не обращают внимания на это положение диалектического материализма и по существу ломаются в открытую дверь.

Новое условие, которое якобы не учитывается диалектическим материализмом и с которым столкнулась новая физика, — это отношения в микромире, не укладывающиеся в рамки лапласовского детерминизма. Как пишет Бор, «...принцип причинности, до сих пор считавшийся неперменной основой для всех толкований явлений природы, оказался слишком узким для того, чтобы охватить своеобразные закономерности, управляющие индивидуальными атомными процессами»⁷.

Но диалектический материализм и не связан жестко с лапласовским детерминизмом; наоборот, его категория причинности включает в себя и статистические закономерности, и понятие

⁶ «С точки зрения здравого смысла, — пишет В. Гейзенберг, — нельзя ожидать, что мыслители, создавшие диалектический материализм более ста лет назад, могли предвидеть развитие квантовой теории. Их представления о материи и реальности не могут быть приспособлены к результатам нашей сегодняшней утонченной экспериментальной техники» (В. Гейзенберг. Физика и философия. М., 1963, стр. 112).

⁷ Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, стр. 41.

универсального взаимодействия, которое «является истинной *causa finalis* вещей»⁸.

М. Борн считает, что современная физика требует другого, по сравнению с лапласовским, понимания причинно-следственной связи. «Я думаю,— пишет он,— что можно дать разумное определение причинно-следственной связи... согласно которому данная ситуация зависит от другой (безотносительно к времени), и эта зависимость описывается количественными законами»⁹. Категория причинности в диалектическом материализме допускает и такую форму причинно-следственной связи в физике.

Таким образом, ситуация во взаимоотношении между категориями диалектического материализма и современной физикой является не такой, как ее рисуют некоторые зарубежные ученые, в частности В. Гейзенберг. Конечно, нельзя себе представлять дело так, будто в категориях диалектического материализма предусмотрены все возможные открытия науки и будто в этом своем содержании они способны всегда успешно направлять ее развитие. Если бы это было так, то они были бы не категориями науки, а магическими орудиями какой-то сверхъестественной силы. Нет, уже современные открытия в науке требуют совершенствования категорий, выдвижения новых категорий, обобщающих новую практику познания и преобразования мира. Чтобы и впредь категории диалектического материализма шли значительно дальше непосредственных результатов науки, они должны непрерывно менять свое содержание, развиваться. Нам хотелось бы особенно подчеркнуть эту мысль, поскольку категории философии как научные понятия вообще в ходе движения науки не отбрасываются подобно старым мехам, а развиваются.

Категория причинности в диалектическом материализме оказалась способной перенести крах лапласовского детерминизма в физике. Однако, чтобы она смогла выдержать еще более революционные сдвиги в науке, которые сейчас ученым кажутся даже невероятными, необходимо внимательно изучить и синтезировать все результаты развития современной науки в ее главных, решающих тенденциях. К этому нас призывает опыт Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Уже сейчас можно наметить ряд категорий диалектического материализма, развитие которых особенно необходимо в свете новейших достижений науки. Среди них на первое место, учитывая проблемы настоящего сборника, хотелось бы поставить категории конечного и бесконечного. Эти категории сформировались очень давно, на заре развития научного познания. Содержание их было определено в период неразвитого естествознания (античность, эпоха Возрождения), когда не существовало зрелых понятий астрономии, физики, а единственной геометрией была

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 546.

⁹ М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 195.

евклидова. В философии признание бесконечности мира в пространстве и времени связывалось с несотворимостью и неуничтожимостью его. Кроме того, в них включали некоторое астрономическое, геометрическое и физическое содержание, вроде бесконечной протяженности Вселенной в рамках евклидова пространства.

Но в наше время положение резко изменилось. Математика, физика, космология стали своими мощными средствами анализировать общие понятия, в том числе конечного и бесконечного, изменив содержание этих категорий, вкладываемое в них незрелой наукой. Теперь довольно остро встал вопрос о философском значении категорий конечного и бесконечного в условиях развитых естественных наук. Имеет ли категория бесконечного в философии какое-либо иное содержание, кроме утверждения несотворимости и неуничтожимости материи, бесконечного превращения ее форм, или же оно связывается с признанием определенной геометрической формы Вселенной и т. п.? Если признается последнее, то возникает опасность возрождения натурфилософии — философия будет навязывать космологии, физике, математике признание строго определенных физических, геометрических и космологических характеристик.

Не меньшее значение для успешного развития философии и повышения ее способности понимания результатов современной науки, в частности физики, имеет анализ таких понятий философии, как «вид материи», «форма существования материи», «атрибут материи». Эти понятия сформировались не в античной философии, а значительно позже, но в основном на базе обобщения результатов науки XVII—XVIII вв., когда названные понятия отделялись друг от друга. Тогда пространство и время были формами бытия материи, движение — атрибутом, а вещество и излучение — видами материи. Однако современная наука вскрыла иные отношения, и не случайно сейчас физики и философы затрудняются однозначно ответить на вопрос: что такое гравитация — вид материи или форма существования ее. Дело здесь заключается не только в недостаточности наших знаний о гравитации, а и в требовании современной науки иметь более точный и содержательный философский понятийный аппарат по сравнению с тем, который был создан на ограниченной базе классических физических представлений.

Мы остановились только на нескольких примерах, показывающих, насколько необходим пересмотр содержания философских категорий в соответствии с законами современной науки. Только непрерывно обогащая свои категории новым содержанием, диалектический материализм укрепляет свою связь с развивающейся наукой, активно помогает создавать новые теории, вскрывающие глубокие тайны природы и общественной жизни.

б) В защиту ленинского философского определения материи

В последние годы в литературе обсуждается вопрос о философском определении материи. Некоторые авторы пытаются обосновать недостаточность существующего определения материи, данного В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», и конструируют новое определение, которое якобы идет дальше. Какие при этом приводятся аргументы?

Наряду с доводами, которые выдвигались еще махистами, что в марксизме определение материи происходит через противопоставление ее сознанию, приводятся другие аргументы, якобы обосновывающие необходимость если не замены ленинского определения материи, то, по крайней мере, его дополнения. Еще в 1955 г. в польском журнале «Myśl Filozoficzne» (№ 2(16)) излагалась точка зрения, согласно которой данное В. И. Лениным определение недостаточно для борьбы с разновидностями объективного идеализма, в частности, с томизмом и неотомизмом, признающими существование объективного источника ощущений. Польский философ Елена Эйльштейн¹⁰ утверждает, что в марксизме нет пока еще удовлетворительного определения материи, которое имело бы онтологический характер, т. е. выражало бы общие свойства всех материальных тел, знания о которых философия берет из физики. Путем достижения такого определения объявляется выявление отношения материи к движению, пространству, времени, т. е. определение материи как чего-то протяженного, закономерно развивающегося во времени.

С попытками включить в ленинское определение материи какие-то онтологические признаки и тем самым расширить его можно встретиться и в советской литературе. Например, В. П. Тугаринов в понятии материи выделяет две стороны: онтологическую и гносеологическую. Первая состоит в том, что материя является внутренним определением природы, ее сущностью, «выступает как совокупность тел, веществ и т. д.»¹¹, объединяет то реально общее, что «имеется во всех вещах, предметах»¹², является субстанцией, «носителем движения и изменения»¹³. Все эти моменты, характеризующие материю с онтологической стороны, ставятся вне основного вопроса философии.

С попытками дополнить, расширить ленинское определение материи онтологическими моментами выступили и некоторые советские философы. Так, А. Н. Петрусенко считает необходимым включить в определение материи еще один признак: материя способна производить действие. По его мнению, это сделает философ-

¹⁰ См. «Studia Filozoficzne», 1958, N 6(9), S. 121—151; 1959, N 1(10), S. 100—123.

¹¹ В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, стр. 48.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 49.

ское понятие материи более работоспособным в современной физике.

Остановимся подробнее на этих аргументах. Попытаемся ответить на такие вопросы: 1) нуждается ли ленинское определение в каком-то онтологическом дополнении, 2) означают ли эти дополнения действительное движение вперед философской мысли в учении о материи и 3) какое место занимает определение материи в системе философских знаний о ней.

Обычно ленинское определение материи («материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹⁴) считается гносеологическим. При этом под этим разумеется, что оно характеризует понятие материи только как ступень в процессе нашего познания и ничего не говорит о самой материи как таковой. На этом основании и возникает у некоторых авторов стремление дополнить его онтологическими элементами. Ленинское определение представляется гносеологическим, поэтому делаются попытки сконструировать параллельное онтологическое определение.

Но в действительности определение материи, данное Лениным, является в широком смысле философским (даже не единством гносеологической и онтологической сторон, как это представляют некоторые), снимающим деление философии на онтологию и гносеологию. Понятия онтологии и гносеологии в их противопоставлении вообще неприменимы для марксистской философии и ее понятия материи. Попытка сконструировать какое-то специально онтологическое определение материи, соответствующее современной научной философии, и противопоставить его другому — гносеологическому — бесплодна в своем основании. В марксизме может быть только одно понятие материи, которое имеет объективное содержание, а потому выступает ступенькой в познании природы, общества и человеческого мышления. Объективное содержание понятия материи выявляется через решение основного вопроса философии и иным путем его установить невозможно. Важнейший признак материи — быть объективной реальностью, существовать независимо от человеческого сознания, быть источником наших ощущений — характеризует материю со стороны ее бытия и одновременно познания. Никакого иного онтологического, а точнее говоря, объективного¹⁵ содержания в понятие материи вложить нельзя.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 131.

¹⁵ Онтология может быть различной, не обязательно материалистической. Само бытие можно истолковать и материалистически и идеалистически. Вне основного вопроса философии понятие бытия неопределенно, в нем различные вещи «объединяются мыслью, и общее для всех них утверждение, что все они *существуют*...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 42). Больше того, «бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с

Дополнение и расширение понятия материи в так называемом онтологическом плане может идти в двух направлениях. С одной стороны, можно вводить определенные **физические характеристики**, данные современной физики о строении, свойствах и видах материи. Но тут возникают два вопроса: 1) почему только данные физики и 2) означает ли это движение философской мысли вперед в определении материи. Конечно, физике принадлежит большое место в учении о строении и свойствах материи, но материю, ее конкретные формы и строение изучают и другие естественные и не только естественные науки. Различные науки вносят свой посильный вклад в изучение материи, отличающейся многообразием свойств и проявлений. Поэтому, если привнести в понятие материи ее конкретные характеристики, то они будут не только физическими, но и химическими, биологическими, кибернетическими и даже социологическими.

Но что в таком случае получится? Вместо философского понятия материи мы будем иметь сводные данные различных наук о строении, свойствах и видах материи. Философия и ее понятие материи растворится в данных специальных наук. Развитие философского понятия материи в последние сто лет шло как раз в обратном направлении — философия отделяла свое понятие материи от учения естествознания о строении и видах материи с тем, чтобы, с одной стороны, дать простор естествознанию, не связывать его никакими натурфилософскими, спекулятивными построениями, с другой стороны, — строгим, однозначным философским понятием материи определить исходную посылку научного материалистического мировоззрения, дать самому естествознанию в учении о материи научное направление, отсекающее идеалистические и натурфилософские спекуляции. И это хорошо показал В. И. Ленин свыше 50 лет тому назад, когда писал: «Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир *и так далее* вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма...

Но диалектический материализм настаивает на приблизительно-ном, относительном характере всякого научного положения о

той границы, где прекращается наше поле зрения» (там же, стр. 43). Бытие не просто существование, а существование вне и независимо от сознания. Существование в сознании — это тоже существование, но для материализма — это не бытие. Понятие материи как объективной реальности, существующей вне сознания, точнее и конкретнее, содержательнее понятия бытия. Термин «онтологическое» неопределенен, в нем не говорится, о каком бытии идет речь — существовании в сознании или вне и независимо от сознания.

строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных границ в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое...»¹⁶.

Дальнейшее развитие науки, в частности физики, возникновение ее новых разделов, таких, как физика элементарных частиц и полей, полностью подтвердили правильность ленинской позиции разделения философского понятия материи и естественнонаучных данных о ее строении и видах. Ленинская постановка вопроса отсекает всякие натурфилософские мечтания и спекуляции, учение о материи переводится в чисто научное понимание — либо философское, связанное с материалистическим решением основного вопроса, либо естественнонаучное, развивающееся по пути обнаружения новых свойств и видов материи.

При этой постановке исключается возникновение такой ситуации, когда новейшие данные естествознания, в частности физики, вступили бы в конфликт с материалистической диалектикой. Такая ситуация имела место в истории философии и науки, когда понятие материи связывалось не с материалистическим решением основного вопроса философии, а с конкретными естественнонаучными представлениями (так было в метафизическом материализме). «Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм»¹⁷.

На этот путь — путь признания каких-то неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» за счет включения онтологических моментов — толкают нашу философию сторонники расширения и дополнения ленинского определения материи. Но это может привести только к метафизике, и тогда, действительно, философское понятие материи может вступить в конфликт с данными естественных наук.

Таким образом, попытки дополнения и расширения ленинского определения материи за счет включения в него так называемых онтологических моментов приводят либо к метафизике, к натурфилософским умозрительным построениям, таящим в себе возможность рано или поздно толкнуть философию на конфликт с естествознанием, либо к смешению философского понятия материи с естественнонаучными данными о строении материи, ее свойствах и видах. В любом случае это означает шаг назад в философии, ее движение вспять к метафизическому материализму и даже еще дальше к незрелым в естественнонаучном и философском отношениях представлениям о материи древних — Гераклита, Демокрита и Аристотеля.

С другой стороны, некоторые сторонники расширения философского понятия материи предлагают не связывать материю с какими-то конкретными естественнонаучными теориями о ее

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 276.

¹⁷ Там же, стр. 275—276.

строении и свойствах, а включить в это понятие такие философские, а не физические, характеристики, как связь материи с движением, пространством, временем и т. п. Как следует относиться к этим предложениям?

Здесь, прежде всего, необходимо понять сущность, значение и место определений в науке вообще и философских категорий в частности.

Как известно, определение понятий в науке имеет важное, но ограниченное значение. Они необходимы как краткое выражение сущности того или иного явления. Ф. Энгельс писал об определении жизни: «Наша дефиниция жизни, разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить *все* явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них. Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей. Однако для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков»¹⁸.

Никакое определение материи не может заменить всей системы знаний о ней, нельзя в понятие и его определение включать все признаки предмета, даже существенные. В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» резко осудил социолога Герца, предпринявшего бессмысленную попытку «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений...»¹⁹.

Ленинское определение материи является исходным пунктом в учении о материи и для естествознания и для философии, на нем нельзя остановиться, сделать его конечным результатом. Естествознание, исходя из него, обнаруживает различные формы и виды движущейся материи, многообразие ее свойств и проявлений. Диалектический материализм на базе этого определения разворачивает целую систему своих категорий, в которых углубляется, дополняется, развивается понятие о материи, данное в первоначальном определении. В конечном счете вся система категорий диалектического материализма выступает учением о материи в ее отношении к сознанию.

Движение от первоначального, исходного определения материи к другим категориям — движению, пространству, времени, отношению, взаимодействию, причине и следствию, отражению, развитию, противоречиям и т. п. — представляет собой типичный пример восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 84.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 142.

Образование философского понятия материи и его определение заканчивают определенный этап в философском учении о материи, когда понятие материи было освобождено от связи с определенными, чувственно конкретными формами ее. Материя стала выступать абстракцией. «Материя как таковая,— писал Ф. Энгельс,— это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим»²⁰. Но на этой абстракции философия не может остановиться, она делает ее отправным пунктом, клеточкой для восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении, обогащает, наращивает ее новыми категориями, такими, как движение, пространство, время, причинность, отношение и т. п. Эти категории являются продолжением первоначальной абстракции материи и ее развитием.

Следовательно, учение диалектического материализма о материи не ограничивается ее первоначальным определением, оно является целой, последовательно развертывающейся системой категорий. Предлагая включить в определение материи такие моменты, как ее движение в пространстве и времени и т. п., мы тем самым хотим определением заменить всю систему диалектического материализма, превратить определение в исчерпывающее учение о материи, что противно духу науки, задачам и целям определений в ней.

Уяснение места философского понятия материи в системе диалектического материализма и в современном научном познании вообще имеет значение и для правильного понимания сущности союза марксистской философии с естествознанием, путей его дальнейшего укрепления.

Преодолевая ошибки, допущенные ранее, необходимо сейчас точно определить место и философа и естествовика в дальнейшем развитии союза диалектического материализма с современным естествознанием. С трибуны нашей конференции раздавались и призывы, и жалобы. Некоторые философы, запутавшись в философском понятии материи, призывали на помощь физиков. Физики же жаловались, что философы зачастую приходят к ним на помощь тогда, когда они уже сами разобрались в сложных философских вопросах своей науки.

Конечно, физика и ее данные могут помочь философии решить стоящие перед ней задачи, как и, наоборот, марксистско-ленинская философия служит инструментом познания во всех областях науки, в том числе и в физике. Но при этом надо всегда иметь в виду одно обстоятельство: физика не призвана решать задачи философии, а философия — разрешать физические

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 570.

проблемы. Когда В. И. Ленин анализировал сущность революции в физике и возникший на ее основе кризис, он не ставил перед собой задачи решить какие-то физические проблемы, касающиеся учения физики о строении и свойствах материи. Он писал: «Само собою разумеется, что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий»²¹.

Анализируя данные физической науки, В. И. Ленин развивал дальше философию, в частности он поставил вопрос о необходимости четко и строго различать философское понятие материи и естественнонаучные данные о ее свойствах, строении и видах. Ленин не занимался решением специально физических проблем, хотя его работа имела большое значение для дальнейшего развития физики. Это — образец и пример подлинного союза философии диалектического материализма с естествознанием.

Для того чтобы данные физической науки помогли философу, последний должен быть способным ставить и разрешать философские проблемы, понимать предмет и задачи философии как науки. И наоборот, диалектический материализм только тогда выступает для физики орудием в решении физических проблем, когда он имеет специальные знания для их решения. Представлять же дело так, что физика может заменить философию и сама решить философские проблемы и что на основе одного только знания диалектического материализма можно разрешить все трудности, возникающие в физической науке, — значит извращать подлинное содержание и значение союза диалектического материализма с современным естествознанием.

Зачем нужно ставить и решать философские проблемы современной физики? Какую цель, в частности, может преследовать конференция по философским вопросам физики элементарных частиц и полей? Конечно, нельзя думать, что занятия философскими проблемами физики освобождают физиков от разрешения физических задач, а философов — философских. Если это так, тогда правильным было бы мнение, что философские проблемы физики являются удобным убежищем для тех физиков, которые уже не способны работать в конкретных областях физики, и для тех философов, которые уже не могут плодотворно работать собственно в философии. Но это не так. Надо полагать, что физики принимают активное участие в обсуждении философских проблем физики элементарных частиц и полей, преследуя свои определенные цели, а именно: создание теории элементарных частиц и полей, которая в настоящее время еще окончательно не сформировалась. Многие трудности ее разработки связаны с разрешением философских проблем, поэтому для создания теории элемен-

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 266.

тарных частиц и полей необходимо подвергнуть анализу и некоторые философские проблемы, возникающие в связи с новыми открытиями в области элементарных частиц. Не абстрактная любовь к философии приводит физиков к занятию философскими проблемами своей науки (субъективно они иногда настроены против философии), а суровая необходимость, само развитие физической науки в современных условиях вынуждает ставить гносеологические проблемы, не решив которые нельзя двигаться вперед в своей науке.

Представители философской науки пришли на конференцию, конечно, не для того, чтобы решить задачу за физиков и выдвинуть свою теорию элементарных частиц и полей. Нет, таких иллюзий философы не должны строить. Они анализируют философские проблемы физики для целей своей науки, обобщение новейших данных физики элементарных частиц и полей служит источником развития и конкретизации философских категорий.

Таким образом, союз диалектического материализма и современного естествознания предполагает, что каждая из сторон имеет свой предмет и задачи, выполняет определенную функцию в развитии познания. У них есть общее поле, каким являются философские проблемы той или иной области научного знания, вступая на которое каждая из сторон преследует свои цели: одна — развитие философии, другая — движение в области специальных научных дисциплин. Но, решая свою задачу, каждая поможет своей союзнице. Естествознание толкает философию на решение определенных проблем, данные естественных наук служат необходимым фактическим материалом для новых философских выводов. С другой стороны, непрерывно совершенствующийся диалектико-материалистический метод направляет естественно-научное познание на достижение новых результатов, открытие новых фактов и законов природы. В борьбе против общего врага — буржуазного мировоззрения — естествознание опирается на своего союзника — философию диалектического материализма, ее законы и категории, а сама философия использует естественно-научные факты и законы для опровержения идеалистических концепций. Например, В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» постоянно ссылается на данные различных естественных наук (физики, биологии, физиологии) для опровержения таких махистских концепций, как принципиальная координация, теория элементов мира и т. п.

Конечно, возможны отдельные ошибки как со стороны философов в оценке некоторых естественнонаучных фактов и законов, так и у представителей естествознания в понимании некоторых модных философских построений. Никто не гарантирован от ошибки в своей науке, а не только в смежной. Главное в укреплении союза философии и естествознания — не раздувать эти ошибки, не заниматься взаимными обвинениями, а настойчиво трудиться на общем фронте науки, анализировать сложные фи-

философские проблемы специальных наук для целей развития как философии, так и естествознания, а в конечном итоге — на благо развития общества по пути коммунизма.

в) Теоретические построения Альберта Эйнштейна и современная философия

Теоретические построения выдающегося физика нашего времени А. Эйнштейна имеют особое значение для развития мышления XX в. Теории Эйнштейна относятся к достижениям науки, существенно изменившим метод научно-теоретического мышления, научного познания.

Прежде всего хотелось бы отметить, что более чем пятидесятилетнее существование теорий А. Эйнштейна выявило две тенденции: с одной стороны, не только физика, но и наука вообще испытала благотворное влияние этих их идей; с другой, с самого начала теории относительности, специальная и общая, служили ареной непрерывных дискуссий (физических и философских). Последнее обстоятельство весьма примечательно во многих отношениях. Возьмем чисто физическое содержание этих теорий. Конечно, сейчас не может быть сомнений в объективной истинности выдвинутых Эйнштейном теоретических построений. Если речь идет о специальной теории относительности, то она нашла свое подтверждение уже в современной технике, общая — такого выхода в технику пока еще не обрела, но плодотворно применяется в современной науке, в частности в космологии. И все же теоретические споры вокруг идей Эйнштейна не прекратились. Причина такого обстоятельства не в недостатках этих идей, а в особенностях современного научного познания.

Пропало то безмятежное время, когда построение, созданное одним интеллектом, неизменно существовало столетиями. Сейчас авторитет научных идей укрепляется их критикой и развитием. Плохую услугу Эйнштейну оказывают те, которые видят свою задачу только в прославлении его гения. Поэтому, если сейчас, когда мир отмечает пятидесятилетие со дня выдвижения Эйнштейном общей теории относительности, некоторые физики определяют отдельные пункты в ней, требующие, по их мнению, усиленного внимания физической мысли, сам этот факт свидетельствует не о слабости его теории, а о силе, поскольку она способна развиваться и совершенствоваться.

При этом надо, конечно, отбросить всякие иллюзии об исключительности и абсолютности идей А. Эйнштейна. Их ожидает участь всех других научных построений. Рано или поздно, лучше рано, наука обнаружит, что новые факты вступают в противоречие с принципами этих теорий, и найдется ум, который выдвинет новые положения, могущие вместить в себя как старые теоретические построения, так и вновь обнаруженные факты. Кто думает, что теории А. Эйнштейна поставили последнюю точку в

истории физики, тот по существу выступает против этих теорий и научного метода самого А. Эйнштейна. Не надо гадать, когда, кем и чем будут заменены эти теории, в каком отношении они уже сейчас не удовлетворяют физику. Философу-марксисту необходимо обращаться к теориям Эйнштейна с иной целью: уяснить, что они нового вносят в метод теоретического мышления, в структуру научного знания. На примере построений А. Эйнштейна можно видеть, что понятия науки на данном этапе имеют крайне абстрактный характер, а сама научная теория на поверхности выступает в виде системы знаков, допускающих различную интерпретацию. А это и создало основу для широкого использования математического аппарата в самых различных областях науки.

Сам А. Эйнштейн дает следующую характеристику современного физического знания: «Физика представляет собой развивающуюся логическую систему мышления, основы которой можно получить не выделением их какими-либо индуктивными методами из пережитых опытов, а лишь свободным вымыслом. Обоснование (истинность) системы основано на доказательстве применимости вытекающих из нее теорем в области чувственного опыта, причем соотношения между последними и первыми можно понять лишь интуитивно. Эволюция происходит в направлении все увеличивающейся простоты логических основ. Более того, чтобы приблизиться к этой цели, мы должны решиться признать, что логическая основа все больше и больше удаляется от данных опыта, и мысленный путь от основ к вытекающим из них теоремам, коррелирующим с чувственными опытами, становится все более трудным и длинным»²².

Положение А. Эйнштейна о том, что новые фундаментальные физические понятия возникают путем свободного вымысла, иногда в нашей литературе рассматривается как проявление идеализма.

На самом деле оно не представляется таковым, хотя у А. Эйнштейна и имеются высказывания, не корректные с точки зрения философского материализма. Дело заключается в том, что в данном случае, говоря о понятиях как свободном вымысле, А. Эйнштейн имеет в виду не отношение понятия к объективной реальности, а его генезис, способ выдвижения в науке. Если речь идет об отношении физических понятий к явлениям природы, то здесь создатель теории относительности был твердо убежден, что как бы понятие в науке ни возникало, оно имеет ценность постольку, поскольку верно схватывает природу²³. Наш предшествующий опыт приводит к убеждению, что природа является осуществлением того, что математически проще всего себе представить. Я убежден, что чисто математическое построение позволяет найти те понятия и те закономерные связи

²² А. Эйнштейн. Физика и реальность. М., 1965, стр. 59.

между ними, которые дают ключ к пониманию явлений природы²³.

Говоря о том, что фундаментальные понятия науки являются творением разума, возникают на основе свободного вымысла, А. Эйнштейн подчеркивал только ту мысль, что в момент выдвижения они не обосновываются строгой логической дедукцией и достаточными данными опыта, т. е. интуитивны. А в интуиции, как известно, и проявляется свобода человеческой мысли, ее способность путем творческого воображения пойти дальше того, что может быть доказано на основе уже достигнутых результатов. В самом признании роли интуиции в познании не содержится никакого идеализма.

Ньютон полагал, что его принципы не выходят за пределы опыта, а являются только их обобщением. «Как в математике, так и в натуральной философии,— писал он,— исследование трудных предметов методом анализа всегда должно предшествовать методу соединения. Такой анализ состоит в производстве опытов и наблюдений, извлечении общих заключений из них посредством индукции и недопущении иных возражений против заключений, кроме полученных из опыта или других достоверных истин»²⁴.

Если бы А. Эйнштейн следовал этому методу Ньютона, то никогда не создал бы общей теории относительности. У него не было бы не только множества, но ни одного опыта, из которого бы следовали ее фундаментальные понятия. Метод математической гипотезы как нечто новое, характерное для науки XX в., невозможен без интуиции, включающей в себя свободный вымысел человеческого разума.

Конечно, А. Эйнштейна можно было бы упрекнуть в том, что он ограничился в решении вопроса о генезисе фундаментальных понятий физической науки фиксацией только одной стороны — роли в данном процессе свободного вымысла. Логика не может на этом остановиться, она должна проанализировать содержание этого свободного вымысла, а именно: в какой степени он «свободен» и в какой он — «вымысел»; какую роль в нем играют опыт и предшествующие теоретические построения; какие можно наложить логические ограничения на свободу вымысла и таким образом выявить эвристические принципы, способствующие методу, благодаря которому вымысел привел бы с большей вероятностью к понятиям, объективно-истинным в своем содержании.

Но мы не можем предъявить претензии А. Эйнштейну за то, что он этого не сделал, так как он не был профессионалом-логиком и не ставил своей задачей проанализировать логику выдвижения новых понятий в науке. Это наша задача, для решения

²³ См. там же, стр. 64.

²⁴ И. Ньютон. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М., 1954, стр. 306.

которой можно использовать и некоторые его идеи, высказанные, можно сказать, мимоходом.

Теории А. Эйнштейна как выдающееся достижение научной мысли привлекли внимание не только физиков, но и всего интеллектуального мира, поставив перед наукой много философских проблем. Вокруг них развернулась борьба философских направлений, каждое из которых старается себя представить единственной концепцией в гносеологии и логике, соответствующей их содержанию.

В книге «Альберт Эйнштейн: философ-ученый», в которой наряду с известными физиками со статьями выступили и философы, Ф. Франк и Г. Рейхенбах не пожалели сил, чтобы доказать, что А. Эйнштейн и его теории идут в русле современного позитивизма. Проследим за ходом их рассуждения. Ф. Франк считает, что А. Эйнштейн в философии продолжает дело Маха, идя в том же самом направлении, что и логический позитивизм. Правда, Ф. Франк отмечает и различие между ними: «Эйнштейнова концепция современной науки отклоняется от «позитивистского требования» Маха в следующем пункте: с точки зрения Маха и его непосредственных последователей, основополагающие законы физики должны формулироваться так, чтобы они содержали лишь понятия, которые могли бы определяться непосредственными наблюдениями или, по крайней мере, короткой цепью мыслей, связанных с непосредственными наблюдениями. Однако Эйнштейн признавал, что это требование является упрощением. В физике XX в. общие принципы были сформулированы посредством использования слов или символов, связанных с понятиями, взятыми из наблюдения при помощи длинных цепей математического и логического рассуждения»²⁵. Эйнштейн считал, что некоторые звенья цепи рассуждений, исходящие из общих принципов, могут быть выражены на языке понятий, рожденных наблюдениями и допускающих опытную проверку. В этом Ф. Франк видит его связь с позитивистским требованием, что истина общих принципов в конечном итоге основывается «на проверке непосредственным физическим экспериментом и наблюдением»²⁶.

Согласно Ф. Франку, метод современной физики, которым пользовался и Эйнштейн, состоит в выдвижении принципов, являющихся свободным творением разума и выражающих отношения между символами. Из этих принципов можно сделать некоторые выводы, проверяющиеся на опыте. «Таким образом,— заключает Франк,— Эйнштейн выдвигает требование, что система основных принципов должна удовлетворять двум критериям: логическая последовательность и простота, с одной стороны, и соответствие наблюдаемым фактам, с другой...»²⁷ А это означает,

²⁵ «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», vol. I. N. Y., 1959, p. 274.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 275.

по его мнению, что Эйнштейн по существу следовал концепции логического эмпиризма, что различие между ними только номинальное (Эйнштейн не употреблял термина «позитивизм»). «Короче говоря,— замечает Ф. Франк,— я не вижу в вопросе о происхождении основных понятий науки какого-либо существенного расхождения между Эйнштейном и логическим эмпиризмом двадцатого столетия»²⁸.

Г. Рейхенбах идет еще дальше в этом направлении. По его мнению, после А. Эйнштейна вообще не нужна никакая философия. «Было бы ошибкой считать,— пишет он,— что эйнштейнова теория — не философская теория... Если доктрины Платона и Канта являются философскими теориями, то тогда и эйнштейнова теория относительности является философской, а не просто физической»²⁹.

Более того, в конце своей статьи он выдвигает программное положение:

«Путь философа указан путем ученого; все, что может сделать философ, это проанализировать результаты науки, истолковать их значение и обозначить границы обоснованности. Теория познания является анализом науки.

Я говорил выше, что Эйнштейн — философ по значению. Это означает, что выявлять философский подтекст теории Эйнштейна — задача философа»³⁰.

Свою статью Г. Рейхенбах заканчивает так: «Если физики даруют нам такую отличную философию, заключенную в подтексте, то просто удовольствие быть философом. Прочная слава философии современной физики по справедливости будет принадлежать скорее человеку, который создавал физику, чем тем, которые работают над исследованием выводов из его работы и которые выявляют ее место в истории философии. Много тех, кто сделал вклад в философию эйнштейновой теории, но Эйнштейн только один»³¹.

Представляет известный интерес статья Бриджмена «Теории Эйнштейна и операциональная точка зрения», опубликованная в этой же книге. Бриджмен пытается доказать, что в специальной теории относительности Эйнштейн следовал методу операционализма, а в общей — нет: «Вклад Эйнштейна заключается в более детальном анализе физических операций, применяемых при измерении длины и времени, чем делалось когда-либо прежде»³². Но Бриджмен сетует на то, «что Эйнштейн не перенес в свою общую теорию относительности ту проникаемость и те уроки, которые он сам преподавал нам в своей специальной теории»³³.

²⁸ Там же, стр. 282.

²⁹ Там же, стр. 290.

³⁰ Там же, стр. 310.

³¹ Там же, стр. 310—311.

³² Там же, стр. 336.

³³ Там же, стр. 335.

Оказывается, что ошибка Эйнштейна состоит во внесении «в общую теорию» относительности не критической, доэйнштейновской точки зрения...»³⁴

Бриджмен считает доэйнштейновским понятие объекта, называя его «пережитком тех дней, когда мы не были в достаточной степени искушенными, чтобы понять сложности, скрытые в простых, по видимости, ситуациях, не имели достаточного опыта в анализе, чтобы быть в состоянии выявить эти сложности»³⁵. Он упрекает Эйнштейна также в возведении точки зрения индивидуального наблюдателя в нечто «универсальное», «общественное» и «реальное». Одним словом, Эйнштейн как мыслитель не устраивает Бриджмена, поскольку он не разделяет субъективно-идеалистической точки зрения операционализма.

Сложным и трудным был путь осмысления теорий А. Эйнштейна советскими философами. Не все здесь было безоблачным. Однако в результате проведенных дискуссий, совместной работы философов и физиков был найден верный подход к оценке философских воззрений А. Эйнштейна и методологического значения его теорий.

Поставим вопрос: каковы принципиальные особенности марксистского подхода к теории относительности А. Эйнштейна и к другим результатам современной естественной и общественной науки?

Само собою разумеется, что философия, пытающаяся отвергать или корректировать данные современной науки, обречена на неудачу. Натурфилософский подход к науке изжил себя, и не нам его воскрешать. Поэтому сила каждой философской концепции определяется ее способностью воспринять науку и ее данные такими, какими они являются во всей их полноте и объективной истинности. Желание подправить, скорректировать, сделать удобными результаты науки — признак слабой и уходящей с исторической сцены гносеологии и логики. Одно принять, а другое отвергнуть, внешне вмешаться в ход научного познания — это свойственно направлениям современной буржуазной философии. В том и виден порок операционализма: частная теория угодна, так как она укладывается в какие-то гносеологические принципы, ее принимают, а общая — не подводится под них, поэтому ее лучше подвергнуть сомнению, а, может быть, и просто отвергнуть.

К сожалению, у некоторых советских философов был тоже такой подход к теориям современной науки вообще, к частной и общей теориям относительности А. Эйнштейна в особенности: примем, дескать, один результат науки, соответствующий определенным образом истолкованным положениям диалектики, и отвергнем другие. Однако опыт научного познания и развития фило-

³⁴ «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», vol. I, p. 354.

³⁵ Там же, стр. 348.

софской мысли с очевидностью продемонстрировал несостоятельность такого подхода. Настоящая современная гносеологическая теория должна принять результаты науки такими, каковыми они есть во всей их полноте и сложности, поскольку они дают объективно-истинное знание о явлениях природы и общественной жизни.

Неопозитивизм по форме стремится стать именно такой научной философией, более того, он готов результаты любой научной теории возвести в ранг последнего достижения философской мысли, заявляя, что в никакой иной гносеологии нет необходимости, кроме той, которая следует как непосредственный результат частной научной теории.

Опять-таки с большим сожалением приходится констатировать, что и подобного рода концепции распространены в советской философской литературе. Чего проще признать: А. Эйнштейн создал новые физические понятия о пространстве и времени, отличные от ньютоновских. К чему тогда нужны еще какие-то философские категории, связанные с умозрением? Теория познания — только побочный продукт анализа научных теорий.

Из этого следует, что во многих философских трактатах нашего времени самостоятельная философская мысль заменяется изложением естественнонаучных понятий, возведенных в ранг философских категорий. И это касается не только понятий физики, но и биологии, кибернетики, математики и т. п.

Перед философией как бы поставлена дилемма: или отвергать естественнонаучные теории, или принимать их за свои собственные.

Отличительная особенность материалистической диалектики как теории познания и логики состоит в том, что она снимает эту дилемму, не ее функция принимать или отвергать частнонаучные теории. Каждая наука в процессе своей собственной истории решает вопрос, что ей делать с той или иной теорией. Тем более, что в общем-то в науке никогда не возникает теорий, которые были бы заведомо ложными. Надо обладать большим чувством недоверия к уровню зрелости современного научного познания и к его деятелям, признав, что где-то и когда-то ученые за серьезное теоретическое построение примут непрофессиональное рассуждение. Правда, такие факты были у нас в отношении, например, представлений Лысенко по некоторым вопросам биологии, но в этом меньше всего повинны сами ученые.

Каждая область научного знания имеет свою логику движения научных теорий и понятий в ней, и не дело философии устанавливать свой порядок в конкретной науке. Но вместе с тем ни одна частная научная теория, какое бы значение в процессе научного познания она ни имела, не является собственно философией. Она может ставить перед философией проблемы, вынуждать последнюю на изменение своих категорий, но ее понятия не являются собственно философскими. И теории А. Эйнш-

тейна, при всей их значимости, не обладают в этом отношении никакой исключительностью. Сведение философии только к толкованию данных наук означает ликвидацию самой философии, и это хорошо видно на примере современного позитивизма. Однако и философствование в отрыве от достижений современной науки также изжило себя. Философская концепция проверяется ее способностью овладеть результатами всего опыта человечества, в том числе новейшими достижениями научного познания.

Диалектический материализм и является той формой философии, которая, будучи тесно связанной с наукой, сохраняет свой собственный предмет и метод, свой язык, свое место в развитии познания. Этот метод нельзя рассматривать побочным продуктом какой-то теории науки, ибо он имеет свои категории, корнящиеся не только в отдельных теоретических построениях, но и во всем процессе познания и общественной практики. И если теории А. Эйнштейна, подобно представлениям Ньютона, уступят свое место более развитым построениям, войдя в них какой-то крупницей истины, а так, наверное, и будет, то материалистическая диалектика проявит свою жизнеспособность только тем, что уже сейчас может понять правильность других, более глубоких физических понятий о пространстве, времени и тяготении. Такова логика движения человеческого познания, философским обобщением которой является диалектический материализм. Будучи способной воспринять и переработать любой научный результат, материалистическая диалектика идет дальше любого из них, толкая человеческое познание на достижение все новых и новых объективных истин.

2. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ЕГО РОЛЬ В ПОЗНАНИИ

В современном научном познании, в особенности в естествознании, все большую роль приобретает эксперимент. Выяснение роли эксперимента в познании, его связи с формами абстрактного мышления имеет большое значение для понимания закономерностей развития познания, пути достижения объективной истины. На примере анализа сущности эксперимента и его отношения к абстракции можно конкретно показать единство чувственного и рационального моментов в познании, взаимодействие теории и практики. Больше того, выяснение гносеологической природы эксперимента поможет понять сущность опытного познания в современной науке и освободиться от примитивного понимания живого чувственного созерцания. Метод материалистической диалектики создает все необходимые предпосылки для глубокого уяснения познавательной сущности эксперимента.

а) Особенности эксперимента как способа изучения явлений

Опытное изучение явлений, представляющее основу всех наших знаний о внешнем мире, требует в конечном счете непосредственного наблюдения интересующего нас предмета. Одним из видов опытного познания является эксперимент. Эксперимент возник из потребностей развития научного познания, требовавшего такого метода опытного изучения явления, при котором человек мог бы активно вмешиваться в процесс его протекания с целью более детального и точного его наблюдения. Возникновение и широкое применение экспериментального метода изучения явлений привело к быстрому росту научных знаний о природе.

Древняя наука, по существу, не знала эксперимента, для появления которого необходим определенный уровень развития техники производства (экспериментальная техника зависит от уровня развития общей техники и познания). Естествознание стало действительной наукой лишь тогда, когда в исследовании природы стали широко пользоваться экспериментированием. Совершенствование методов и техники эксперимента ведет к развитию научного знания, а развитие научного знания и техники производства — необходимая предпосылка для совершенствования методов и техники эксперимента.

При экспериментальном изучении наблюдаемое явление с помощью особых установок воспроизводится в практике человека. Обстоятельства его появления определяются самим исследователем в соответствии с ранее познанными объективными закономерностями, поэтому явление в эксперименте изучается в искусственных условиях. Для более тщательного изучения это явление может неоднократно повторяться в различном порядке и составе. Эксперимент имеет ряд преимуществ перед обычным наблюдением: 1) он позволяет изучать явление при более разнообразных условиях; 2) в эксперименте можно повторить одно и то же явление сколько угодно раз как при одних и тех же, так и при различных обстоятельствах; 3) посредством эксперимента можно с большей точностью и тщательностью изучить предмет, расчленить его на отдельные части, выделить интересующие нас стороны. Поэтому из экспериментального наблюдения можно сделать более точные и достоверные заключения, чем из обычных наблюдений, даже если они ведутся при помощи соответствующих приборов.

В. И. Ленин писал: «*Практика выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹. Это положение В. И. Ленина имеет огромное значение для понимания сущности эксперимента, в котором воедино связано чувственное и рациональное, практическое и теоретическое.

В процессе экспериментирования исследователь производит ту же работу, что и при абстрагировании. Он выделяет интересующую его сторону, стремится выделить закономерность в «чистом» виде, то есть свободную от случайностей ее проявлений. «Физик, — пишет К. Маркс, — или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде»².

В абстрактно-теоретическом мышлении закономерность очищается от нарушающих ее случайностей умозрительно, в эксперименте же предстает чувственно-практически, предметно. В этом, в частности, и состоит особенность практического освоения мира и его отличие от форм теоретического познания. При этом эксперимент всегда возникает на базе какого-либо теоретического построения. Экспериментальное изучение явлений предполагает научно-теоретический анализ их.

История науки показывает, что экспериментальное исследование, как правило, вытекало из всей предшествующей истории познания предмета, из теории, которая подводила к нему. Так, опытное исследование светового давления, произведенное П. Н. Ле-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 195.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 6.

боденным, возникло в результате умозаключения из электромагнитной гипотезы света. Максвелл высказал предположение, что должны существовать силы, которые являются нам в виде пондеромоторных сил. «...В среде,— писал он,— в которой распространяются волны, существует давление в направлении нормальной к волнам, численно равное энергии в единице объема»³.

При падении пучка лучей отвесно на плоскую поверхность величина этого давления определяется формулой $P = \frac{E}{V}(1 + \rho)$ и в случае черной поверхности равна 0,4 миллиграмма на 1 м². Экспериментальное исследование Лебедева возникло как подтверждение этого теоретического заключения. Свой эксперимент Лебедев строит на основе тех теоретических знаний о природе света, которые существовали в то время.

Любой прибор, которым пользуется экспериментатор, олицетворяет какую-то теоретическую идею, систему знаний. Так, например, физика при изучении заряженных частиц пользуется камерой Вильсона, в основе которой лежит следующий принцип. В камере содержится воздух, насыщенный водяным паром. При мгновенном расширении воздуха происходит охлаждение его, при этом водяной пар делается перенасыщенным, он стремится конденсироваться, оставаясь, однако, достаточное время, в состоянии перенасыщения. Установлено, что α -частица, проходя сквозь камеру, выбивает на своем пути из молекул и атомов газов воздуха электроны, в результате чего эти молекулы становятся положительно заряженными (положительные ионы), что способствует образованию центров конденсации перенасыщенного водяного пара, где водяной пар собирается в виде маленьких капелек. Поэтому, когда α -частица проходит сквозь камеру, то из капелек воды возникает тонкий след, показывающий путь ее движения. Изучая эти следы, экспериментатор может делать определенные выводы о некоторых свойствах частиц.

Иногда утверждают, что результаты всякого эксперимента и показания прибора предвзяты, ибо они строятся на основе каких-то теоретических знаний. Некоторые буржуазные физики даже говорят о субъективности прибора, о чуждом его влиянии на изучаемый объект. Но при этом они не понимают или не хотят понять, что идея, которая материализуется в эксперименте, приборе, сама является отражением объекта и его закономерностей; истинность ее доказана практикой. А мышление, верно отражающее предмет, не чуждо ему. В связи с тем, что всякий эксперимент является продолжением процесса мышления и возникает в результате проверки какого-либо определенного предположения, сам процесс экспериментирования можно разбить на два этапа. Вначале экспериментатор уясняет теоретическую часть — гипоте-

³ Дж. Максвелл. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М., 1952, стр. 563.

зу, которую он желает своим экспериментом проверить, устанавливает, как можно это осуществить, т. е. строит в своей голове схему возможных опытов, схему умозаключений из них и уже только потом ищет средства овесть эту схему.

Научное исследование только тогда действительно является экспериментальным, когда заключение делается не из умозрительных рассуждений, а из чувственного, практического наблюдения явлений. Поэтому то, что иногда называется теоретическим, или мысленным, экспериментом, фактически не является экспериментом. Мысленный эксперимент — это обычное теоретическое рассуждение, принимающее внешнюю форму эксперимента. Так, например, в теории относительности приводится обычно такой теоретический «эксперимент». Представим большой ящик («лифт Эйнштейна»), подобный комнате, неподвижный по отношению к мировому пространству и настолько удаленный от всех небесных тел, что он не испытывает никакого притяжения. В этом ящике запирается человек со всеми необходимыми для физических опытов приборами. Значит, тела в этом ящике будут невесомыми. Вдруг внезапно какая-то сила начинает все предметы в ящике притягивать к полу; тела, свободно плававшие прежде в середине его, падают с постоянно возрастающей скоростью. Это может произойти или в результате того, что ящик стал двигаться по отношению к мировому пространству, или потому, что он попал в сферу притяжения какого-то небесного тела.

Вывод в данном случае сделан не на основе чувственного, практического наблюдения действия, а в итоге умозрительного рассуждения. Исследователь мысленно представляет, что случится с интересующим его явлением в тех или иных условиях. Это помогает уяснить теоретическое положение, но не имеет той доказательной силы, которая присуща настоящему эксперименту. Здесь отсутствует одно из необходимых его качеств — непосредственная действительность. Однако, как и любое другое теоретическое рассуждение, мысленный эксперимент может приводить к достоверным заключениям, если исходные положения его доказаны практикой и не допускается логических ошибок в ходе самого рассуждения.

б) Эксперимент как средство доказательства и развития научного знания

Один из крупнейших современных физиков, академик С. И. Вавилов, писал: «Всякий физический опыт⁴, если он тщателен, имеет самостоятельную ценность. Но к опыту редко обращаются наудачу, в поисках новых, неожиданных явлений. В большинстве случаев опыт ставят для суждения о правильности или ошибочности определенных теоретических построений. Результат опыта

⁴ Здесь термин «опыт» употребляется в значении эксперимента.

может окончательно опровергнуть некоторое предположение с большей или меньшей точностью. Наоборот, экспериментальное подтверждение той или иной теории, строго говоря, никогда не должно почитаться безапелляционным по той причине, что один и тот же результат может следовать из различных теорий. В этом смысле бесспорный *experimentum crucis* едва ли возможен. Ответ, даваемый опытом, иногда может быть неожиданным, и тогда опыт становится первоисточником новой теории (так, например, возникло учение о радиоактивности). В этом самое ценное, эвристическое значение опыта. Но результаты такого рода очень редки, поэтому экспериментатор всегда, прежде чем предпринять опыт, ставит вопрос о его целесообразности»⁵.

В этом высказывании С. И. Вавилова совершенно правильно указывается на двоякую роль эксперимента: 1) посредством эксперимента доказываются или опровергаются ранее установленные теоретические положения; 2) эксперимент может иметь эвристическое значение, становясь первоисточником новых теорий, гипотез. Эти две стороны в эксперименте неразрывно связаны: доказывая знание, мы его в какой-то мере и развиваем, а развивая, мы доказываем.

Доказательная сила эксперимента вытекает из природы практической деятельности. Ф. Энгельс указывал, что «доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде...»⁶. Идея, абстракция в эксперименте приобретает чувственную форму непосредственной действительности и таким образом доказывается в практике. История науки дает много примеров того, как теоретические положения доказывались посредством экспериментов.

Эксперимент только тогда может быть орудием проникновения в сущность предмета, средством доказательства истинности знания, когда исследователь правильно ставит эксперимент и делает правильные выводы из него, когда он учитывает все возможные влияния, погрешности, которые могут возникнуть при воплощении теоретической схемы умозаключения в определенную вещественную установку. Нередко экспериментатор делает из своего опыта такие выводы, которые из него не следуют, или же нарушает схему вывода, не выполняет условий опыта. Например, если экспериментатор ставит опыт по методу единственного различия, то он не всегда освобождается от влияния тех обстоятельств, от которых ему надо освободиться по идее опыта.

Примером тщательного проведения опытов, точного учета всех возможных погрешностей может служить вышеотмеченный эксперимент П. Н. Лебедева по исследованию светового давления.

⁵ С. И. Вавилов. Экспериментальные основания теории относительности. М.—Л., 1928, стр. 16—17.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 544.

Максвелл писал: «Сконцентрированный электрический свет будет производить, вероятно, еще большее давление (чем солнечный свет), и нет ничего невозможного в том, что лучи такого света, падая на тонкую металлическую пластинку, легко подвешенную в пустоте, будут оказывать на эту пластинку заметное механическое действие». П. Н. Лебедев решил опытным путем проверить это явление и первоначально произвел эксперимент, который он сам описывал так: «...Между двумя кружками, вырезанными из тонкого листового никеля, была зажата согнутая в виде цилиндра слюдяная пластинка. Цилиндр служил телом радиометра: внутри его находилось неподвижно скрепленное с ним крылышко. Этот радиометр был подвешен на стеклянной нити внутри эвакуированного стеклянного баллона. Когда я направлял на крылышко свет дуговой лампы, я постоянно наблюдал отклонения, которые были одного порядка с теми, которые вычисляются по Максвеллу — Бартоли»⁷.

Однако Лебедев не спешил с заключениями из этого опыта и не делал вывода об экспериментальном доказательстве существования светового давления, о силе этого давления; ему в этом мешали два обстоятельства: конвекционные токи и радиометрические силы.

При нагревании крылышка прибора падающими на него лучами одновременно нагреваются и прилегающие слои газа, в результате образуется восходящее течение. Если наклонить по отношению к вертикали плоскость крылышка, то это восходящее течение перемещает его. Величина перемещения зависит только от степени нагревания. Для того, чтобы при измерении силы светового давления исключить влияние конвекционных токов, нужно, как показал Лебедев, заставить лучи того же источника попеременно падать то с одной стороны крылышка, то с другой.

Радиометрические силы (внутренние силы радиометра) обусловлены разницей температур освещенной и неосвещенной поверхностей крылышка. Но вызываемую ими поправку можно также вычислить. При двух равновеликих крылышках из одинакового материала и с одинаковыми свойствами поверхностей эти силы прямо пропорциональны толщине крылышек: «...Если мы будем одновременно наблюдать *два* одинаковых крылышка, имеющие очень значительную разницу толщин, то мы можем *вычислить*, как велико было бы отклонение, вызываемое световым пучком, если бы толщина крылышка была равна нулю, что соответствует и радиометрическим силам, равным нулю»⁸. Лебедев в своем эксперименте свел эти силы к возможному минимуму тем, что взял весьма большой стеклянный баллон ($d = 20$ см), а светофильтром были исключены все лучи, которые могут поглощаться стенками баллона; крылышки он сделал очень тонкие,

⁷ П. Н. Лебедев. Избранные сочинения. М.— Л., 1949, стр. 155.

⁸ Там же, стр. 157.

что вело к незначительной разнице температур между двумя поверхностями, разрежение же было доведено до возможно высокой степени.

Не выпала из сферы внимания Лебедева еще одна побочная сила, так называемая реакционная, спутник сил давления света, которая зависит от длины световой волны и химического состава крылышка. Но в своем опыте он не обнаружил заметного действия этой гипотетической силы. Лишь только после того, как Лебедев учел и подсчитал действия всех побочных сил, он сделал из своего опыта выводы и определил силу светового давления.

Когда речь идет об эксперименте как средстве доказательства истины, нельзя забывать, что всякий эксперимент, хотя он и воплощает какую-либо идею, является единичным. В эксперименте общее проверяется через единичное; экспериментальному исследованию подвергается какой-то один объект, а результаты опыта только тогда имеют значение, когда они действительны и для других объектов. Иными словами, результаты экспериментов всегда экстраполируются, переносятся и на другие, неисследованные объекты. Например, в экспериментальной медицине действие какого-либо препарата экспериментально изучается на какой-либо группе животных, но результаты экспериментов переносятся не только на других, неисследованных животных, но и на человека.

Возникает вопрос: насколько правомерно такое перенесение? Результаты опыта можно переносить только на явления, объекты, подобные исследованному. Для целей экспериментирования в технике разработана целая теория — теория подобия, которая устанавливает условия и правила перенесения результатов исследования с одного объекта на другие. Она формулирует теоремы, которые отвечают на вопросы, какие величины нужно измерять в опыте, как обрабатывать полученные из опыта данные, какие явления можно считать подобными. Эти теоремы имеют значение принципов умозаключения в теории подобия; достоверность их и обуславливает достоверность заключения.

Теория подобия лежит в основе метода моделирования, играющего важную роль в современной технике, в изучении свойств машин. При моделировании изучаются явления, происходящие в натуре на подобных моделях, т. е. на основе свойств моделей заключают о свойствах самих машин. Третья теорема подобия служит принципом заключения при моделировании, она указывает пути нахождения условий, при которых явления в модели можно считать подобными явлениям в натуре⁹. При моделировании заключения могут быть как достоверными, так и вероятными. Если полностью выполняются условия подобия, налагаемые третьей теоремой подобия, то заключение достоверно. Но

⁹ См. М. В. Кирничев. Теория подобия. М., 1953.

эти условия сужают область распространения единичного эксперимента. Поэтому часто при моделировании пользуются приближительным подобием, когда результаты опыта экстраполируются на случаи, не вполне подобные изученному.

Метод моделирования применяется при изучении на моделях мореходных качеств судов, гидравлического сопротивления жидкости, текущей по трубам, водосливов и русел рек, тепловых устройств, широкое применение он нашел и в авиации. Великий русский ученый Н. Е. Жуковский положил теорию подобия в основу критериальной обработки опытов над моделями самолетов, продуваемых в аэродинамической трубе. Когда исследователю точно не известно, в какой мере изученный объект подобен тем, на которые переносятся результаты эксперимента, он не должен рассматривать свои выводы из эксперимента как доказательство того или иного теоретического положения.

Результаты эксперимента нельзя фетишизировать, воспринимать некритически. Особенно опасна поспешность в выводах из экспериментов. В истории науки, в частности и советской, были случаи, когда отдельные ученые из одного или нескольких экспериментов сомнительной ценности делали выводы, опровергающие прочно установившиеся в науке положения. Некритический подход к результатам эксперимента, незаконное экстраполирование его данных, поспешность в обобщениях, небрежность в выполнении условий эксперимента — ошибки, часто встречающиеся в практике научного экспериментирования.

Процесс доказательства гипотезы посредством эксперимента сложен. Для доказательства гипотезы не всегда достаточно одного эксперимента, отдельные эксперименты могут только увеличить ее вероятность. Дело в том, что не всякую гипотезу можно проверить прямым экспериментом и не всегда удастся практически осуществить тот или иной эксперимент. Так, для объяснения явления бета-распада Паули предложил гипотезу, согласно которой из ядра при этом вылетает не одна частица, электрон, а две: электрон и какая-то еще неизвестная частица. Эта гипотеза на первый взгляд противоречила опытам Эллиса и Вустера (электроны забирают всю энергию распада). Но Паули предположил, что новая частица или вовсе не поглощается свинцом или поглощается столь незначительно, что она не могла быть обнаружена в опытах Эллиса и Вустера. Эта частица была названа «нейтрино». На основе теоретических рассуждений ей дана приблизительная характеристика: не имеет заряда (не обнаруживается по отклонению в электрическом или магнитном полях), не обладает магнитными свойствами, не сталкивается с ядрами и электронами, не вступает с ними во взаимодействие, обладает очень незначительной массой и энергией.

Ввиду того, что эта гипотетическая частица обладает такими свойствами, трудно поставить эксперимент, который бы убедительно доказал ее существование. Советский ученый А. И. Лейпун-

ский в 1935 г. для доказательства существования нейтрино предложили опыт, но осуществить его оказалось на практике делом очень сложным. В несколько измененной форме опыт Лейпунского был поставлен Алленом в 1942 г., но и он окончательно прямым путем не доказал существования этой частицы.

Эксперимент как средство доказательства ограничен и относителен. Каждый эксперимент возникает на основе достигнутого уровня техники и научных знаний. История науки показывает, что теоретические построения, гипотезы, которые были отвергнуты последующей наукой, в свое время строились на основе экспериментов и подтверждались ими. Но сами эти эксперименты были ограничены в смысле возможности проникновения в сущность предмета, давали только относительную истину, ближе или дальше стоящую к абсолютному знанию. По мере совершенствования техники экспериментирования росла доказательная сила эксперимента, наука могла делать из него более точные заключения. Только в своем развитии эксперимент может быть действительным средством доказательства истинности развивающегося знания. Поэтому нельзя результаты какого-либо одного эксперимента абсолютизировать, превращать его в бесспорный *experimentum crucis*.

Как бы ни было велико значение эксперимента в доказательстве истинности знания, он далеко не исчерпывает всего богатства практического освоения мира. Эксперимент — лишь один из моментов практики, и не во всех науках можно широко пользоваться экспериментальным методом изучения явлений. Только совокупность экспериментов в тесной связи со всей остальной практикой человека служит критерием истинности наших теоретических знаний.

Некоторые буржуазные философы, в особенности неокантианцы, принижая значение опыта в познании, утверждают, что сам эксперимент никакого эвристического значения не имеет, не обогащает науку новыми идеями. Ведь эксперимент, рассуждают они, ставится для проверки какой-то уже возникшей идеи, он или подтверждает, или опровергает ее. Эксперимент может дать якобы только то, что экспериментатор прежде вложил в него. Но факты развития науки опровергают эти рассуждения. Эксперимент, подтверждая или опровергая какое-либо теоретическое рассуждение, способствует дальнейшему развитию наших знаний. Один и тот же эксперимент и отвечает на какой-то заранее поставленный вопрос и ставит новую проблему.

Источником развития знаний является не только эксперимент, подтвердивший теоретическое построение, но и эксперимент, давший отрицательный результат. После того, как в физике укрепилась гипотеза о существовании эфира, которая оказалась плодотворной для многих разделов физической науки, в особенности оптики, физики должны были решить вопрос, как производятся земные, в особенности оптические, опыты: в покоящемся по отно-

пению к земле эфире, или же эфир отстает от земли при ее годичном движении вокруг Солнца, и оказывает ли движение Земли действие на скорость света.

Чтобы получить ответ на этот вопрос, физики Майкельсон и Морлей поставили эксперимент, результаты которого резко противоречили гипотезе неподвижного эфира. Отрицательный результат опыта Майкельсона послужил толчком к дальнейшему развитию физической науки, ибо этот опыт ставил под сомнение самую гипотезу об эфире. Физик стали осмысливать его. Голландский физик Лоренц, спасая гипотезу об эфире, для объяснения результатов этого опыта построил новую гипотезу, согласно которой любое тело сокращается при движении через эфир в направлении своего движения. Иначе подошел к объяснению результатов опыта Майкельсона Эйнштейн, для которого этот опыт послужил толчком к формированию специальной теории относительности.

В связи с тем, что всякий эксперимент одновременно доказывает (или опровергает) какое-либо теоретическое построение и дает основу для новых предположений, требующих доказательства, исследователь должен строго различать то, что уже доказано экспериментом, от того, что рождается на его основе как предположение. Смещение этих двух сторон приводит к грубым ошибкам. Иногда какой-либо, казалось бы незначительный или случайный опыт ведет к возникновению гипотезы, которая потом перерастает в теорию большой научной ценности. Известно, что опыты Беккереля по изучению действия фосфоресцирующих веществ на фотографическую пластинку привели к открытию совершенно нового явления — радиоактивности, а изучение последнего ознаменовало новую эпоху в физике.

Хотя случайные опыты и могут приводить к серьезным теоретическим выводам, но ориентироваться в науке надо на эксперименты, основывающиеся на предварительно построенной теории, обобщающей прежний опыт. Нельзя рассчитывать на то, что какой-нибудь из случайных экспериментов даст ответ на поставленный вопрос. Такой метод является дорогостоящим и малоэффективным.

в) Значение эксперимента в создании научных теорий

Ползучий эмпиризм, отрицающий роль теоретического мышления в познании, очень живуч. Его пропагандируют современные позитивисты, в частности семантики. Так, Стюарт Чейз пишет: «Физик должен занимать позицию чистого эмпиризма, не признающего априорных принципов или абсолютов, которые определяют или ограничивают новый опыт. *Опыт определяется только опытом*»¹⁰.

¹⁰ St. Chase. The Tyranny of Words. N. Y., 1938, p. 126.

Другой позитивист, Айер, единственно истинными суждениями считает только такие, которые описывают данный чувственный опыт, то есть относятся к чувственно-данному в один определенный момент, и ни в какой мере не выходят за его пределы. Но если ориентироваться лишь на такие суждения, то наука никогда не познает закономерностей внешнего мира.

Развитие познания предполагает непрерывное взаимодействие опыта, в частности эксперимента, и теоретического мышления. Больше того, сам эксперимент является конкретным сочетанием абстрагирующей деятельности человеческого разума с живым чувственным созерцанием. В процессе познания мы переходим от наблюдения, эксперимента к теоретическому рассуждению, а от него снова к опыту. Опыт и умозрение взаимопроникают, пронизывают друг друга на всем протяжении познания предмета: то формы абстрактного мышления отливаются в материальные формы научного эксперимента, то, чтобы получить абстракцию более высокого порядка, адекватно, всесторонне отражающую изучаемый предмет, мы снова отвлекаемся от всего чувственного.

Исследователь, обобщая данные экспериментов, экстраполирует их результаты, предполагает, то что данный эксперимент непосредственно не доказывает. Для проверки правомерности своей экстраполяции он строит новые эксперименты, которые приодет его к новым теоретическим рассуждениям, выходящим за пределы данного эксперимента, и т. д. Чтобы показать, насколько сложен процесс взаимодействия абстракции и эксперимента в познании и как происходит развитие, конкретизация наших абстракций под благотворным влиянием эксперимента, рассмотрим коротко взаимосвязь форм абстрактного мышления и эксперимента в возникновении, обосновании и развитии гипотезы К. А. Тимирязева о фотосинтезе.

Существовало мнение, что химическое действие вызывает только синие, фиолетовые и ультрафиолетовые лучи. Это заключение было получено из опыта. Но люди не всегда правильно делают выводы из опыта. Всякий опыт ограничен, и если мы экстраполируем результаты опыта, обобщаем их, то такая экстраполяция, в свою очередь, требует опытной проверки. И в данном случае из ограниченного опыта был сделан вывод более широкий, чем позволял сам опыт. Этот вывод был сделан из изучения химического действия лучей только в фотографическом процессе, т. е. в явлениях химического разложения, вызываемых светом в хлористых, бромистых и иодистых солях серебра.

Производился примерно такой опыт. Известно, что хлор и водород под действием света соединяются со взрывом. Под черным сукном находится стеклянная клетка, четыре стороны которой состоят из разноцветных стекол: красного, желтого, зеленого, синего. Под клеткой стеклянная пробирка со смесью хлора и водорода. Если поднять сукно со стороны красного стекла и поднести горящий магний, то никакого результата не окажется. То же

самое можно наблюдать в отношении желтого и зеленого стекол. Но стоит только поднести проволоку к синему стеклу, как раздается взрыв, подобный пистолетному выстрелу. На основании такого эксперимента было сделано заключение, что только половина спектра, проходящая через синее стекло, вызывает химическое действие: желтая же половина не способна его вызывать.

Стремясь объяснить процессы, происходящие в зеленом листе растения, ученые пришли к заключению, что процесс разложения углекислоты в зеленом листе под действием света аналогичен фотографическому процессу, а это значит, что расположение углекислоты зависит от синей половины спектра. Эта гипотеза оказалась несостоятельной, основанной на поверхностной аналогии. Нельзя о химическом действии лучей судить на основании ограниченного опыта, который недостаточен даже для суждения о химическом действии лучей в фотографическом процессе. Последующие успехи фотографии показали возможность фотографирования и при зеленых, желтых, красных и инфракрасных лучах. Наука пришла к выводу, что не существует каких-то специальных лучей, вызывающих химическое действие.

На смену прежнему предположению пришла новая гипотеза, которая основывалась на другой аналогии и другом опыте: действие света на растение аналогично его действию на глаз, т. е. наиболее действенными являются те лучи, которые представляются глазу наиболее яркими. Поэтому Добени и Дрэпер считали, что разложение углекислоты зависит от желто-зеленых лучей спектра. Для доказательства этой гипотезы, возникшей на основе аналогии, Дрэпер поставил следующий эксперимент. Трубки наполнялись водою, насыщенной углекислотой. В них помещалось примерно равное количество листьев, которые, в целях удаления с их поверхности пузырьков воздуха, предварительно выдерживались в воде и темноте от 2 до 4 дней. Затем трубки выставлялись часа на полтора в солнечный спектр. Выделившийся газ изменялся, а в одном из опытов подвергался анализу. Для того, чтобы доказать, что в каждой трубке было приблизительно равное количество зеленых органов, все приборы после опыта выставлялись непосредственно на солнечный свет, и они давали приблизительно равное количество газа.

Всего было проведено три опыта, и во всех трех опытах наибольшее количество газа выделялось в желтой части спектра, ближе к зеленой. Казалось, этот опыт убедительно доказывал, что наиболее энергичными лучами по разложению углекислоты являются желтые. Но в действительности дело обстояло не так. Как показал К. А. Тимирязев, сам эксперимент был проведен недостаточно тщательно, а поэтому его данные оказались несостоятельными.

Во-первых, химическая часть опыта была неудовлетворительной. Анализ проводился только в последнем опыте и дал трудно объяснимые результаты. По идее экспериментатора, в трубочках

должен был обнаружиться кислород с примесью углекислоты, однако в действительности была обнаружена смесь азота и кислорода, а углекислота вообще отсутствовала. Во-вторых, физическая сторона опыта оставляла желать много лучшего. Для получения достаточно яркого спектра Дрэпер пропускал луч через отверстие в ставне в три четверти дюйма в диаметре. Полученное таким образом цветное изображение по существу не являлось спектром, ибо оно получалось в результате наложения многих спектров, покрывающих друг друга в средней части, где образуется почти белый свет.

Таким образом, предположение о том, что наиболее интенсивно разлагают углекислоту желто-зеленые лучи спектра, возникло на основе несостоятельной аналогии (действие света на углекислоту уподоблялось физиологическому действию его на глаз человека), а опыт, якобы подтвердивший эту гипотезу, содержал большие погрешности и не мог служить ее доказательством.

К. А. Тимирязев высказал другое предположение: наиболее энергичными в отношении разложения углекислоты в зеленых листьях растения являются красные лучи. Гипотеза Тимирязева явилась дедукцией из ранее установленных наукой положений. Еще Гершель высказал предположение, что на тело могут действовать только те лучи, которые поглощаются данным телом, то есть, например, желтое тело будет поглощать лучи дополнительного, синего цвета, которые и будут действовать на него. Это правило согласуется с законом сохранения энергии: «Световая энергия, производящая работу, должна затрачиваться, следовательно, исчезать как свет; те же лучи, которые прошли через тело и вышли из него не затрачиваясь, очевидно не могли и произвести химической работы. Утверждать противное, значило бы отрицать закон сохранения энергии...»¹¹

Взяв за основу это предположение Гершеля, согласующееся с законом сохранения энергии, К. А. Тимирязев объяснил ряд явлений. Например он показал, почему в случае соединения хлора с водородом наибольшее химическое действие оказывали синие лучи (хлор — желтый, а желтое тело поглощает синие лучи), почему красные лучи наиболее энергичны при разложении углекислоты в зеленом растении (хлорофилл поглощает красные лучи). Ход рассуждений его следующий.

Точнее узнать действие лучей можно путем изучения спектра тел. Если перед спектром поставить раствор какого-нибудь цветного тела, то на месте лучей, которые задерживаются, поглощаются этим телом, в спектре образуются темные полосы — полосы поглощения. На основе знания расположения этих полос можно сказать, что в этих лучах спектра следует ожидать химического действия света. В красной части спектра хлорофилла лежит самая черная полоса поглощения. Зерно хлорофилла, прозрачно-зеленое

¹¹ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. I. М., 1937, стр. 249.

в зеленой части спектра, становится черным, как уголь, в красной части спектра, следовательно, хлорофилл поглощает красные лучи и их же затрачивает на разложение углекислоты в живом растении.

Но какая связь существует между цветом хлорофилла — одного тела — и разложением углекислоты — другого, к тому же бесцветного тела? Какую роль выполняет хлорофилл? Дать ответ на этот вопрос помогли успехи в развитии фотографии, а именно, установление того, что действие может передаваться от одного тела к другому (свет может поглощаться одним телом, а вызывать разложение другого). Для этого потребовалась целая совокупность экспериментов. Было установлено на опыте, что если к обыкновенным фотографическим препаратам (солям серебра) прибавить какое-нибудь вещество, поглощающее такие лучи, по отношению к которым сами серебряные препараты прозрачны, то фотографическое действие обнаружится и в лучах, поглощаемых этим подмешанным веществом. Таким веществом может быть и спиртовой раствор хлорофилла. «Но, — рассуждает Тимирязев, — если хлорофилл в фотографическом процессе может передавать действие поглощаемых им лучей частицам серебряной соли, вызывая ее разложение, то естественно, что он может оказывать такое же действие и в растении на частицы углекислоты, вызывая их разложение»¹².

Исходя из совокупности существующих знаний о химических явлениях, Тимирязев пришел к выводу, что разложение углекислоты, поскольку оно сопровождается энергичным поглощением тепла, зависит от теплового напряжения лучей.

Гипотеза Тимирязева противоречила некоторым положениям науки, тогда считавшимся достоверными. Но он не испугался этого противоречия, а усомнился в достоверности фактов. Его гипотеза вытекала из таких фундаментальных законов природы, как закон сохранения энергии, а факты, которые противоречили ей, были сомнительными: ботаники свои выводы основывали на экспериментальной ошибке (на опытах Дрэпера), физики же, утверждавшие, что наибольшим тепловым напряжением обладают темные лучи, имели дело не с нормальным, а с призматическим спектром.

Теоретический вывод К. А. Тимирязева — разложение углекислоты зависит от красных лучей, которые обладают наибольшим тепловым напряжением, — необходимо было подтвердить экспериментально. Он ясно понимал цель эксперимента, трудности, с которыми встретится в нем. Чтобы получить чистый спектр, необходимо сузить щель, но это ослабило бы свет до такой степени, что опыт оказался бы невозможным. А если расширить щель, то опыт становится бесполезным (как опыт Дрэпера), из него нельзя сделать определенных выводов.

¹² К. А. Тимирязев. Сочинения, т. 1, стр. 251.

Для преодоления этой трудности Тимирязев в первоначальных опытах пользовался способом цветных жидкостей, который прост, удобен, но дает только приблизительно верные результаты. Из своих опытов Тимирязев сделал очень осторожный вывод: мнение Дрэпера ошибочно, и вероятна пропорциональность между разложением углекислоты и тепловым напряжением лучей. Только потом прямыми экспериментами он доказал это положение.

Эксперимент породил новые теоретические рассуждения. Надо было объяснить, почему красные лучи являются наиболее энергичными в разложении углекислоты, каков механизм разложения углекислоты. Тимирязев выдвинул следующее предположение: «Волны света, ударяясь о тела, вызывают в них то движение частиц, которое мы называем теплотой. Когда это сотрясение частиц тела достигнет известного предела, оно может иметь еще более глубокие последствия: будет нарушаться связь между составными частями химических соединений, наступит разложение этих соединений. Но какие же волны всего вероятнее будут вызывать это разрушение? Мы знаем, что буря тем опаснее, чем выше валы, чем учащеннее их удары. Оказывается, что то же буквально верно и в применении к действию света на разложение углекислоты. Физикам давно была известна длина световых волн, скорость их распространения, а следовательно, и число волн в секунду, но только после упомянутых уже исследований о распределении тепла в нормальном спектре явилась в первый раз возможность определить их относительную высоту (или, выражаясь научным языком, их относительную амплитуду). Сделав такое вычисление, я получил поразительный результат, что самые высокие волны оказываются именно в той красной части спектра, которая вызывает самое энергичное разложение углекислоты, то есть в той части, которая поглощается хлорофиллом»¹³.

Это теоретическое построение Тимирязева основывалось на признании только волновой природы света, и в той своей части, где утверждалось, что красные лучи разлагают наиболее прочные молекулы, обладают наивысшей активностью вследствие большой амплитуды волны, оно с точки зрения квантовой теории света устарело. Величина энергии кванта света обратно пропорциональна длине волны.

Отстаивая свою гипотезу фотосинтеза, предпринимая эксперименты для ее доказательства, пристально следя за достижениями различных областей науки, которые в той или иной мере помогали уяснить процессы фотосинтеза, Тимирязев критиковал несостоятельность взглядов своих противников, находил источник их ошибок, в частности ошибок в экспериментах. Так, он подверг критике опыты Пфеффера, которые якобы подтверждали опыты Дрэпера. Тимирязев доказал, что из опытов Пфеффера нельзя

¹³ Там же, стр. 257.

было сделать какого-либо вывода, так как они содержали крупные пороки в физической и химической частях.

Экспериментальная техника времен Тимирязева ограничивала возможность проникновения в тайны процессов, происходящих в зеленом листе. Современная наука, пользуясь таким мощным методом экспериментального изучения, как метод меченых атомов, существенно развила и изменила наши знания о процессе фотосинтеза. Не может быть сомнения в том, что наука, сочтя силу абстракции с более совершенным экспериментом, пойдет дальше в познании этих сложных явлений.

Таким образом, эксперимент является специфической формой познания действительности, соединяющей в себе особенности и чувственного познания и теоретического мышления. Поскольку экспериментирование относится к практическому освоению мира, эксперимент одновременно выступает и критерием истинности ранее достигнутого знания и основой для возникновения новых теоретических положений. Связь эксперимента с теоретическим мышлением носит сложный характер: с одной стороны, эксперимент строится на основе некоторой системы научных знаний, с другой стороны, он порождает новое, более совершенное и глубокое теоретическое построение.

Взаимосвязь эксперимента и форм абстракции в реальном процессе научного познания доказывает теоретическую несостоятельность как ползучего эмпиризма, отрицающего роль умозрения, абстракции в достижении истины, так и тех концепций, которые недооценивают роль опыта в познании.

Современные естественные науки делают громадные успехи в познании закономерностей развития природы именно на основе сочетания опыта с абстрактными, теоретическими рассуждениями. И это лишний раз доказывает правильность понимания марксистско-ленинской гносеологией пути познания материального мира.

3. ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА

Одним из важных вопросов, привлечших к себе внимание участников Конгресса, был вопрос об отношении человека к технике в современную эпоху, о правильной оценке влияния научно-технического прогресса на судьбы человечества. Правда, вопрос этот не всегда формулировался с достаточной определенностью, но большинство философов в той или иной форме касались его.

В докладах и выступлениях буржуазных философов постоянно в той или иной форме затрагивался вопрос о влиянии происходящей научно-технической революции на человека и содержание эпохи, в которой он живет. При этом из большого комплекса различных сторон, составляющих отношение человека к технике в наш век, буржуазные философы, как правило, выхватывали отдельные моменты, субъективистски истолковывали их для обоснования различных ненаучных тезисов. Так, например, профессор Лувенского университета Л. де Реймекер нарисовал картину поразительных успехов науки и техники, преследуя при этом цель доказать необходимость религии и религиозной морали. Ф. Ларройо в факте все растущего влияния науки и техники на жизнь человека видит одну из причин кризиса нашей эпохи. Габриэль Марсель говорит о развитии техники, чтобы доказать ее враждебность судьбам человеческой личности.

Конгресс явился ярким свидетельством того, что ни одно направление в современной буржуазной философии не способно рассмотреть во всей полноте проблему отношения человека к технике в современную эпоху. Эта очень важная проблема может быть решена лишь с позиций марксистской философии.

а) Человек и машина как теоретико-познавательная проблема

Под техникой обычно понимают средства труда (вещь или комплекс вещей), которые возникают и развиваются в системе общественного производства и служат орудием воздействия человека на предмет труда. Как говорил К. Маркс, человек «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 190.

Приблизительно со второй половины XVI в. начался процесс механизации техники, который в современных условиях достиг большой степени зрелости.

Возникновение новой науки — кибернетики и создание на ее основе специфического типа машин — электронно-вычислительных, способных выполнять некоторые вычислительные операции, выяснение отношения между человеком и машиной — выдвинули ряд новых вопросов, требующих философского осмысления. Ныне эти вопросы стали волновать самые широкие круги людей. Высказываются разные точки зрения, приводятся различные аргументы.

Возникшей вокруг кибернетики ситуацией не замедлила воспользоваться реакционная буржуазная идеология, которая пытается найти в ней обоснование для своих философских, социологических и политических идей. Весьма своеобразно истолковывая данные кибернетики, буржуазная философия оживляет механицизм, причудливо сочетаемый с идеализмом и мистикой, вселяет в человечество неуверенность в его будущем, порождает страх перед успехами технического прогресса и развитием цивилизации. На теле кибернетики паразитируют самые безудержные идеалистические и вульгарно-материалистические спекуляции.

Разумеется, было бы грубой ошибкой отбросить научные достижения самой кибернетики на том основании, что на них спекулировали и спекулируют буржуазные философы и социологи, что данные этой науки используются для оживления механистических и идеалистических взглядов. Подобный подход в корне враждебен марксизму. В. И. Ленин учил не отбрасывать, не зряшно отрицать, а усвоить и переработать завоевания научной мысли, уметь отличать плевелы от зерен. Но одновременно он учил уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов. Ныне кибернетика прочно утвердила себя в качестве специальной области научного знания, доказала свою теоретическую и практическую силу; споры идут в основном вокруг уточнения ее предмета, определения места в системе других наук, о содержании ее основных понятий и других конкретных вопросах.

Однако налицо реальная опасность. В сознание неискушенных в философских вопросах отдельных людей проникают идеалистические философские выводы, якобы вытекающие из кибернетики.

Типичным для рассуждений буржуазных философов по вопросам кибернетики является метафизическое противопоставление человека машине. На этом противопоставлении подчас строятся целые теоретические системы, из которых делаются антинаучные гносеологические и социологические выводы. Следует со всей категоричностью подчеркнуть, что подобное противопоставление человека машине является искусственным и ничего общего с наукой не имеющим.

Что такое человек? Обычно, когда буржуазные философы ставят вопрос об отношении человека к машине, человек выступает

как индивидуум с руками, ногами, сердцем и мозгом, а для философов томистского толка еще с особой душой.

Удивительную беспомощность в понимании природы человека продемонстрировали представители современной буржуазной философии на Конгрессе. Анахронизмом выглядит понимание человека испанским неотомистом Муньосом-Алонсо, который считает, что «человека определяет не факт его существования, а то, что он направлен к богу, состояние *sapax Dei*. Это — онтологическая направленность, стоящая намного выше психологических или этических стремлений»².

Анализ материалов Конгресса показывает, что буржуазная философия либо сводит человека к особому биологическому виду и тем самым изолирует от общества, либо мистифицирует его, полагая, что человек есть нечто большее, чем простое живое существо, лишь потому, что наделен богом особой душой.

Изолируя человека от общества, нельзя вскрыть отношение человека к технике вообще, к машине в особенности. Это отношение носит общественный характер.

Любая машина относится к орудиям труда человека, является продолжением и усилением его естественных органов: рук, ног, органов слуха, мозга и т. п. В процессе создания орудий труда предметы природы как бы становятся искусственными органами человека. Без орудий труда — этих искусственных костных, мускульных и нервных систем — не может быть человека. Археолог, обнаружив при раскопках орудия труда, делает выводы о человеке, ступени его развития. При этом он исходит из того, что человек и ступень его развития определяются не биологической природой, а его трудовой деятельностью, в которой орудия труда занимают центральное место.

Характерным для современного человека является широкое использование в качестве орудий труда различных машин, т. е. механизма или сочетания механизмов, которые осуществляют определенные целесообразные движения для производства работы или преобразования энергии.

Появление электронно-вычислительных машин и других кибернетических устройств означает новую эпоху в развитии механизации человеческой деятельности, а именно — умственной деятельности. Человек создал машины, которые являются как бы продолжением и усилением его мозга.

Единство человека и машины состоит не только о том, что последняя является орудием человеческой деятельности. В известной степени можно сказать, что сама машина человечна. И это относится не только к сложным кибернетическим машинам, но к любой другой. В подготовительных работах к «Капиталу», относящихся к 1857—1858 гг., К. Маркс писал: «Природа не строит

² Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofia. México, 1963, vol. I, p. 60.

ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания»³.

Машина действительно осуществляет определенные целесообразные движения. Но откуда проистекает эта целесообразность? Конечно, не из природы, а от человека, от человеческого общества. Действия машины целесообразны, когда они включены в определенные производственные процессы человека. Вне их они бесцельны, беспредметны. Комбайн производит целесообразные движения, когда используется человеком для уборки урожая. Но если сельскохозяйственный комбайн будет пущен для охоты за птицами в лесу, то вряд ли его действия можно будет назвать целесообразными.

Орудия труда и машины человечесны в различной степени. Если мы сравним какое-либо первобытное орудие труда и современную технику, то в первом еще очень мало человеческого, в нем овеществляется довольно простая идея находящегося на низком уровне развития культуры человека, а потому и само орудие (скажем, каменный топор или зубило) примитивно. Современная сложная машина построена на основе глубоких научных идей и теорий, в нее современный человек вложил очень много своего, своих целей. В особенности человечесны кибернетические машины, в которых материализовано наше знание о самом знании, мышление о процессе человеческого мышления.

Кибернетические машины, как и любые другие, не имеют пределов, границ своего развития. Как орудие человеческой деятельности, они будут применяться к самым различным ее сферам. Все больше функций умственного труда человек будет передавать машине, что, несомненно, увеличит его власть над силами природы и общества.

Человек и машина составляют диалектическое единство противоположностей. Они едины: человек не существует без орудий труда, в частности машин, которые являются его искусственными органами, а машина — человечесна, в ней овеществлена цель и мысль человека, машина является машиной, производящей целесообразные движения, если она включена в человеческий производственный процесс.

Но они не только едины, но и противоположны. В машине идеи человека материализованы, приобрели форму объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания людей. Машина в гносеологическом отношении противостоит человеку и его сознанию. Примитивный каменный топор действует только

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. II, стр. 215.

в руках человека, а современная сложная машина, будучи запущенной человеком, может производить необходимые действия без непосредственного вмешательства человека.

Ленинское положение, что диалектика включает в себя тождество противоположностей, их переход при определенных условиях друг в друга, можно проиллюстрировать на примере человека и машины. Создавая машину, человек, с одной стороны, преобразует природный материал в органы человека, в свое орудие, а, с другой стороны, свои собственные идеи, цели отделяет от себя, превращает в реальность, существующую независимо от сознания человека. В машине и объект переходит в субъект и субъект объективизируется.

Знание диалектики взаимоотношения человека и машины является предпосылкой для разрешения многих философских проблем, поставленных ходом развития кибернетики. Прежде всего, оно позволяет понять, каким образом возникают идеалистические спекуляции вокруг кибернетики, вскрыть гносеологический источник представлений о возможном господстве машин над человеком, о существовании «машинного общества».

Подобно тому, как идеализм вообще отрывает продукт человеческой деятельности — мышление — от его субъекта (человека), мистифицирует его, представляет самостоятельной и независимой от человека реальностью, многие современные буржуазные идеологи проделывают это с машинами. Машина как результат деятельности человека, овеществленная мысль и цель его, отделяется от своего творца и создателя, мистифицируется, превращается в самостоятельную субстанцию, чуждую для человека силу, в особый мир (правда, не идеальный, а машинный). Это превратное толкование отношения машины к человеку используется буржуазной идеологией, создающей ужасные картины будущего человечества.

б) Социальное значение научно-технической революции

На Конгрессе обсуждались также мировоззренческие проблемы, связанные с выяснением влияния современной научно-технической революции на дальнейший ход развития человечества.

Давно уже буржуазные идеологи стремятся язвы капитализма объявить последствием развития науки и техники. Еще в начале 30-х годов некоторые из них причины кризиса 1929—1933 гг. тщетно пытались найти в развитии науки и техники. Эта тенденция особенно усилилась в настоящее время. Примером может служить доклад Ф. Ларройо. Он утверждал, что наша эпоха является технической эрой, которая «начинается, собственно говоря, в новое время, когда создаются научные базы машинизма»⁴. Техника, которая появляется теперь, в современную эпоху, угрожает

превратиться в технократию. Она проникает всюду, не только в производство материальных благ, но и в духовные области человеческой деятельности, в искусство, в само знание. Об этом свидетельствует, в частности, широкое применение электронно-вычислительных машин. Каковы же социальные последствия широкого и глубокого проникновения техники в жизнь людей?

Первым из них Ларройо считает универсальность и единообразие жизни, появление на этой основе массового человека. «Единообразие жизни,— говорит он,— проникает к самым разнообразным и далеким друг от друга народам. Контраст между культурами Востока и Запада, который еще тридцать лет тому назад был банальностью в литературе, посвященной этой теме, с каждым днем теряет свое значение. Космополитическая жизнь повсюду завоевывает себе место. Всякое великое событие касается всех. Китай уже не Китай, и китайцы уже не китайцы, но и Европа уже не Европа, и европейцы уже не европейцы. Происходит это, несомненно, в силу бурного развития техники»⁵.

Техника, несомненно, сближает различные народы и континенты, способствует созданию некоторого единообразия в технической-производственной деятельности людей. И в этом нет ничего плохого.

Но этим, по мнению Ларройо, не ограничивается влияние техники на развитие общества. Техника, по его мысли, привела к кризису нашей эпохи.

Какова научно-теоретическая значимость указанных рассуждений? Можно ли определять эпоху по уровню развития техники и ее характеру? В каком отношении находится техника с «кризисом эпохи»?

Характер и содержание эпохи определяются социальным строем, производственными отношениями, существующими между людьми в ней, а не орудиями производства, хотя, конечно, в разные эпохи могут использоваться разные орудия и средства производства. Содержание нашей эпохи составляет переход от капитализма к социализму и коммунизму, сущность этого перехода составляет перестройка экономической структуры общества, а не изменение орудий труда, хотя последнее оказывает влияние на этот процесс.

Представляет ли угрозу для развития человечества само по себе бурное развитие науки и техники в нашу эпоху?

Современные буржуазные философы, в том числе и Ларройо, отвечают на этот вопрос положительно, взваливая на технику многие язвы современной общественной жизни. «... Техника, изменяя человеческий труд, изменяет и самого человека. Человек создал технику и, как это обычно бывает, он уже не может избежать ее влияния. Но техника — это шаткая возможность; одновременно надежда и опасность; с одной стороны, признак

⁵ Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofia, vol. I, p. 170.

благополучия и счастья, а с другой — война и конфликт. Есть ли в технике нечто демоническое, т. е. нечто такое, что человек создал и чего бы он на самом деле не хотел; нечто неземное и скрытое от его взгляда, что сейчас отделяет его от самых высоких благ культуры?...

Решение не может и не должно благоухать оптимизмом»⁶.

Разумеется, техника оказывает влияние на самого человека. Характер этого влияния зависит от социальных отношений, в которых возникает новая техника. По мере прогресса человек все меньше будет непосредственно вмешиваться в процесс ее работы. Правда, в другом отношении она будет все более зависима от человека — от его мыслей, навыков, поскольку овеществляет их, выполняя определенные цели, поставленные человеком.

Один из основоположников кибернетики, американский математик Н. Винер, говоря о социальных последствиях кибернетических машин, о наступившей новой промышленной революции, заметил: «...Новая промышленная революция является обоюдоострым мечом. Она может быть использована на благо человечества, однако только в том случае, если человечество просуществует достаточно длительное время, чтобы вступить в период, когда станут возможны такие блага. Она может быть также использована для уничтожения человечества, и если ее не использовать со знанием дела, то она может очень быстро развиваться в этом направлении»⁷. Первым злым последствием автоматизации Н. Винер видит страшную безработицу, по сравнению с которой «даже кризис 30-х годов покажется приятной штукой».

«Умные» машины требуют и «разумного» человека. Здесь имеются в виду не индивидуальные способности конструктора машины или обслуживающего персонала, а общественные отношения, в которых существует и живет человек с его машинами. Капиталистические производственные отношения неразумны, иррациональны и это видно из того, что «умные» машины вместо улучшения жизни людей угрожают безработицей и нищетой и, как говорит Н. Винер, могут быть использованы даже для уничтожения человечества.

Таким образом, налицо конфликт между «умными» машинами и «неразумным» человечеством. Выход из этого конфликта состоит не в том, чтобы уничтожить машины, затормозить их развитие и совершенствование. Сама по себе новая техника не представляет для человека никакой опасности, но она становится опасной, приобретает демонический характер в условиях капиталистического общества, господства монополий. Надо изменить самого человека, общественные отношения, сделать их разумными. А это значит, что следует заменить капиталистические отношения социалистическими и коммунистическими.

⁶ Там же, стр. 171.

⁷ Н. Винер. Кибернетика и общество. М., 1958, стр. 167.

Буржуазная философия, как это, например, показал Конгресс, видит противоречивое положение техники в капиталистическом обществе. Так, в докладе Ларройо мы читаем: «Прогресс в области промышленности, являющийся непосредственным следствием успехов науки и техники, многим казался спасительной формулой. Здоровье и гигиена, новые удобства и повышение уровня жизни внушали еще большому количеству людей веру в наступление прочной социальной устойчивости. Эпоха машинизма с ее последствиями: подъемом крупной промышленности и развитием международного рынка неуклонно развивается в этом направлении. Автомобиль, самолет, радио и телевидение обозначивают впечатляющие этапы указанной эпохи. Но открытие ядерной энергии разорвало нить этих надежд. За короткий срок, в два десятилетия, были произведены открытия, которые увеличили до максимума разрушительную мощь человека: атомная бомба, водородная бомба и кобальтовая бомба»⁸. В связи с этим возникают вопросы: сумеет ли человек побороть порожденные им самим силы, не грозят ли эти научные открытия уничтожить человека и его цивилизацию, как предотвратить грозящую катастрофу?

Для решения указанных вопросов буржуазные философы предлагают самые утопические проекты. Некоторые считают, что зло, которое несет новая техника, можно ликвидировать, если изобрести новую интеллектуальную машину и новый метод познания, способный понять и разрешить возникающие конфликты. Н. Винер, например, уповает на благоразумие бизнесменов, которые понимают опасность и могут позаботиться о том, «чтобы новые возможности использовались на благо человека, в интересах увеличения его досуга и обогащения его духовной жизни, а не только для получения прибылей и поклонения машине как новому идолу»⁹.

Но сам Н. Винер понимает, что надежда на благоразумие представителей деловых кругов весьма шаткая основа для этого. «Мы также знаем,— пишет он,— что промышленников трудно чем-либо сдержать, когда дело доходит до извлечения из промышленности всех прибылей, которые только можно оттуда извлечь, чтобы затем предоставить обществу довольствоваться крохами»¹⁰.

Современная буржуазная философия бессильна указать правильный, научно обоснованный путь решения противоречий, возникающих в капиталистическом обществе в связи с развитием науки и техники. Она сеет пессимизм, неуверенность в будущем человечества. Превратное положение техники в современном буржуазном мире используется как аргумент против человеческого разума, в защиту иррационализма.

Атомная энергия может быть использована во вред человеку

⁸ Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía, vol. I, p. 172.

⁹ Н. Винер. Кибернетика и общество, стр. 167.

¹⁰ Там же, стр. 166.

ству, но как она будет использована — это зависит не от самой атомной энергии, а от человека, от социального строя, от того, в чьих руках она находится и для каких целей она будет использована.

Современная научно-техническая революция постоянно ставит вопрос о смене капиталистических производственных отношений. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями, составляющий экономическую основу социальной революции, в условиях монополистического капитализма достиг такого уровня, что капитализм не просто сковывает развитие производства, а становится социально-опасным явлением. Возникновение новой техники в условиях капитализма и стремление использовать ее во вред человечеству, как орудие войны и истребления человечества, — яркое свидетельство того, что капиталистические производственные отношения противостоят гуманизму.

Для характеристики современных капиталистических производственных отношений уже недостаточно говорить, что они сковывают развитие производительных сил, техники производства, уродуют ее. В настоящее время, при современном уровне развития науки и техники, они предоставляют простор для действия тех, кто угрожает самому дальнейшему существованию и развитию человечества. Мощным сдерживающим фактором, мешающим капитализму использовать во вред человечеству новейшие достижения науки и техники, выступает мировая социалистическая система, в авангарде которой стоит СССР.

Развитие социалистических стран показывает, что сами по себе наука и техника не только не угрожают человеку, но, наоборот, создают новые необходимые материальные предпосылки для улучшения его благосостояния. Современная техника в условиях общественной собственности на орудия и средства производства и отсутствия эксплуатации человека человеком является послушным орудием, с помощью которого используются стихийные силы природы на благо людей, облегчается труд человека.

Социализм и коммунизм создают необходимые объективные предпосылки для такого использования машин, в том числе и кибернетических, для всемерного роста производства материальных благ и всестороннего развития личности.

в) Техника и духовные ценности человека

Каково влияние техники на развитие духовных ценностей человека, способствует ли она всестороннему развитию личности?

Этот вопрос также оживленно обсуждался на Конгрессе. Некоторые буржуазные философы склонялись к тому, что технический прогресс — это смерть накопленных духовных богатств человечества, тормоз в развитии личности. Так, Габриэль Марсель в своем докладе писал: «Сегодня мы видим, как у нас на глазах учреж-

дается практический антропоцентризм, основанный на абсолютной гегемонии техники. Он состоит в утверждении в качестве неопровержимой очевидности того, что только человеческий разум способен внести значимость в мир, который, будучи взят сам по себе, не только не обладает каким-либо значением, но должен быть трактован только как род первоматерии, на которую человек накладывает печать своего гения...

Акосмизм с центром тяжести на техническом разуме не может, как мне кажется, какими бы ни были более или менее удачные маскировки его последователей, — не привести к пренебрежительному отношению к индивиду, трактуемому в качестве ничтожного исполнителя (сознательного или бессознательного, вольного или невольного) проекта, задуманного технократом. Здесь имеет место, я думаю, неумолимая логика, одной лишь из иллюстраций действия которой нам представляется коммунизм»¹¹.

Техника, оказывается, порождает технократическое мышление, которое деперсонализирует, обесценивает человека.

Другие буржуазные философы трагизм человека нашего времени видят в отставании развития духовных ценностей от научно-технического прогресса. В этом отношении характерен доклад неотомиста Луи де Реймекера. В первой части своего доклада он рисует картину поразительных успехов современной науки и техники. «В наш век успехи стремительного научного прогресса стали ошеломляющими. Подобным образом дело обстоит во всех научных областях: особенно в области физических наук, а также тех, к которым относятся биологические, психологические и социальные исследования... Сегодняшний человек имеет четкое представление о том, что наука близка к постижению самой сущности материи и к открытию тайн глубинного строения вещей»¹².

Реймекер не сомневается в том, что в самое ближайшее время мы вправе ожидать новых научных и технических успехов. Путешествие на Луну, завоевание космического пространства — это уже вполне реальные предприятия, успех которых несомненен. Вселенная предстала перед человеком иной. Силы природы, которые нашим дедам казались таинственными, потеряли ореол таинственности. Научно-техническая революция вызывает многие социальные изменения, сближает людей различных народов, рас и т. п. «Итак, — резюмирует Реймекер, — перед поразительной и, откровенно говоря, чреватой взрывом, экспансией человеческой культуры, которой удастся приручать и использовать самые скрытые и самые грозные силы природы, человек сегодняшнего дня распространяет свою царственную власть на всю Вселенную». Человек — царь Вселенной. «...Вокруг себя он не встречает никакого другого живого существа, которое обладало бы такой наукой

¹¹ *Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía*, vol. I, p. 13—14.

¹² Там же, стр. 117.

и техникой, владельцем которой является он сам. Более того, у него нет никаких оснований для сомнений в постоянном и неограниченном развитии науки и техники в будущем»¹³.

Казалось бы все ясно, человек — царь Вселенной, и уже нет в ней больше места для бога. Научно-техническая революция нанесла сокрушительный удар по религиозному мировоззрению и доказала истинность материалистической философии. Такой вывод напрашивается сам собой, но его, конечно, не делает Реймекер. По его мнению, происходящая научно-техническая революция с особой силой ставит вопрос о необходимости религии. Он спекулирует на противоречивом характере прогресса науки и техники в мире, где еще продолжают господствовать отношения эксплуатации человека человеком.

Действительно, современная наука и техника делают человека сильным перед лицом стихийных сил природы. Вместе с тем, в условиях капитализма наука и техника несут угрозу разрушительной термоядерной войны. «По мере того, — говорит Реймекер, — как средства, которыми располагает человек, увеличиваются, государства становятся более могущественными и войны — более убийственными; тем более, что они имеют тенденцию расширяться и становиться мировыми»¹⁴.

Все зло, оказывается, заключается не в капиталистических производственных отношениях, при которых научно-технический прогресс принимает уродливые формы, а в конфликте между развитием техники и моральным прогрессом. Развитие морали не поспевает за прогрессом науки. Отсюда падение нравов, что приводит к дурному использованию научных достижений. Где же взять высокую мораль? В религии, заявляет Реймекер. Надо уметь соединить современную науку с высокой религиозной нравственностью. «...Безусловно, — заключает он, — именно в этом плане следует рассматривать удивительный успех Тейяра де Шардена, в котором замечательным образом соединяются талант научного работника, философа и религиозного человека»¹⁵.

В чем же секрет Тейяра де Шардена, которого сейчас католическая мысль всячески подымает на щит? Этот высокого сана священник католической церкви был одновременно крупным ученым, палеонтологом. Как ученый, он признавал эволюцию живого мира и считал, что она простирается и на неживую материю, и на человеческую историю. Наиболее гибкие, хитрые католики уже давно не занимаются осуждением науки, как их предки во времена Бруно и Галилея. Пытаясь сохранить место для религии, они выдвигают своеобразную концепцию двойственности истины: наука имеет свою истину, религия — свою, более высокую; они дополняют друг друга. Более того, без религии, ее истины и мо-

¹³ Там же, стр. 120.

¹⁴ Там же, стр. 119.

¹⁵ Там же, стр. 127.

рали, наука может-де привести человечество к гибели, к господству мрака.

Перед лицом поразительных успехов науки и основанной на ней техники религия все более выступает анахронизмом, ее не спасет никакая модернизация и приспособление к новым условиям. Но крах религии многие буржуазные философы выдают за оскудение духовных ценностей человека. В действительности же религия не является духовной ценностью. Это тяжкий груз прошлого, лежащий камнем на человеке.

Буржуазные философы большое внимание уделяют такой духовной ценности, как свобода. Часто при этом наука и техника представляются силой, мешающей достижению подлинной свободы. Муньос-Алонсо говорил на Конгрессе: «Наука и техника показывают, что они способны разрушить жилище человека, и проблематично, смогут ли они построить его на других планетах»¹⁶. При этом речь идет не только о физическом, но и духовном разрушении. Современный человек находится в состоянии осады.

«Мы живем,— заявил Муньос-Алонсо,— осажденные врагами свободы».

Что такое свобода, каковы условия достижения свободы личности? Свобода, к которой мы должны стремиться, заявляет Шакка, это свобода духа. Человек может освободиться полностью в свободе духа. Эта свобода носит всегда личностный характер: «Быть свободным — это не только «иметь» свободную волю и осуществлять ее, а, прежде всего, это *формировать самого себя согласно свободной воле*»¹⁷. А это и делает наш дух похожим на бога. Я — сын и отец самого себя, хочу сформировать себя, порождая себя, каким хочу. Каждый сам в одиночку выбирает себе дорогу и идет к богу, к божественной свободе духа — таков окончательный результат всех рассуждений Шакка о свободе.

По существу к тому же приходит и Муньос-Алонсо, отождествляя состояние свободы с бескровностью.

Спрашивается, о какой свободе здесь идет речь. Не о той ли, какую испанцам дает фашистский режим Франко? Если о ней, то тогда философ не точен, она оставляет человека не только без крова во власти стихии, но очень часто защищает его от ненастья тюремной крышей. Но Муньос-Алонсо, рассуждая о свободе, не хочет спускаться на землю; его как истинного католика несет в небеса. Человек свободен благодаря Истине, а она коренится в божественном откровении. Поэтому свой доклад он закончил призывом к философам дать ответ на животрепещущие вопросы библейского происхождения. «Люди умоляют философов,— говорил он,— чтобы они создали пентаграмму с самым насущным для них сегодня вопросом: «Почему и отчего мы покинуты богом?»»¹⁸

¹⁶ Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía, vol. I, p. 77—78.

¹⁷ Там же, стр. 39.

¹⁸ Там же, стр. 78.

От славословий по поводу свободы человек свободным не станет. Свобода человека — продукт его исторического развития, она состоит в господстве человека над силами природы и общества. Для достижения свободы необходимы соответствующие общественные отношения.

Наука и техника ни в какой мере не выступают силой, мешающей свободе, но сами по себе они недостаточны для достижения действительного освобождения человека. Мало просто увеличить власть человека над природой, надо этому могуществу человека дать правильное направление. На примере современного монополистического капитализма мы видим, каким образом техническое могущество используется буржуазными правительствами для удушения свободы других народов, а также своего собственного народа.

Буржуазная философия говорит о мнимой, а не о действительной свободе, поскольку она абстрагируется от проблемы социальных преобразований, борьбы отдельных стран и народов за национальную независимость, суверенитет. Освобождение личности связано прежде всего не с его духом, а с бытием, характером отношений с другими людьми. Свобода в духовной деятельности является производной от экономической и политической независимости.

Аналогичное положение с моралью. Моральные нормы и принципы непосредственно связаны не с техникой производства, а с экономическим строем общества. Падение нравов в современном буржуазном обществе обусловлено гниением капитализма, который порождает аморализм. Буржуазные философы говорят о противоречии, конфликте между бурным развитием науки и техники, с одной стороны, и нравственностью, которая не поспевает за научным техническим прогрессом, с другой. «Итак,— заявляет Реймекер,— если установлено, что научные и технические знания человека сделали огромный прогресс, никто не осмелился бы утверждать, что произошел соответствующий моральный прогресс...»¹⁹.

На деле конфликт существует между научно-техническим прогрессом и *буржуазными* производственными, экономическими отношениями, а поскольку последние не способствуют развитию и широкому распространению высокой морали, то действительно в буржуазном мире наблюдается разрыв между научно-техническими достижениями и нравственным состоянием общества.

В социалистическом обществе этого нет и быть не может. Коммунизм несет самую совершенную технику производства и самую высокую, гуманистическую мораль. Весьма знаменателен тот факт, что Программа КПСС устанавливает задания партии в области создания материально-технической базы коммунизма и формулирует основные принципы морального кодекса строителя

¹⁹ Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía, vol. I, p. 120.

коммунизма, в котором воплощено все лучшее, созданное в области нравственных отношений за всю историю человечества.

В буржуазной литературе часто слышатся голоса о враждебности современной науки и техники искусству. Основная мысль защитников этой идеи заключается в следующем: развитие науки и техники отодвигает на задний план искусство, которое занимает все меньшее место в жизни людей. Потребности, которые ранее побуждали людей заниматься искусством, теперь удовлетворяются наукой и техникой. Кроме того, дескать, изменился и сам темп и характер жизни современного человека, у которого не остается свободного времени часами простаивать у полотен великих художников в музеях, тратить целый вечер в зале консерватории, прослушивать до конца длинную симфонию. Устарел, говорят, и старинный роман, в котором на сотнях страниц описываются страдания одной души.

Конечно, наука и техника оказали сильное воздействие на современное искусство. Во-первых, возникла новая отрасль — техническая эстетика, которая изучает, в частности, красоту технических изделий. Действительно, человек может восторгаться и прекрасной машиной или другой какой-либо конструкцией.

Во-вторых, научно-технический прогресс обогатил и сделал разнообразными материальные средства искусства: новые материалы, краски, технические средства. Многие современные виды искусства, например, кино, были бы просто немыслимы без определенных научно-технических достижений.

Наконец, наука и техника создали мощные средства распространения искусства среди самых широких слоев населения. Радио, телевидение, кино сблизили театры, концертные залы, музеи с клубами и домами самых отдаленных мест на земле.

Но при всем этом искусство остается искусством, своеобразной художественной формой постижения человеком действительности. В обществе, где ликвидирован классовый антагонизм, где нет погони за прибылью, потребности в искусстве не только не пропадают, а возрастают с огромной силой. Творцами прекрасного становятся самые широкие слои трудящихся масс. Искусству враждебны не наука и техника, а капиталистическое общество, которое ведет к вырождению подлинного искусства.

В настоящее время особенно возрастает воспитательная роль искусства, которое призвано формировать человека высоконравственного, гуманного, всесторонне развитого. А может это сделать только реалистическое искусство.

Таким образом, прогресс науки и техники не только создает необходимые условия для облегчения труда человека по созданию материальных ценностей, но в определенных социальных условиях он выступает материальной предпосылкой развития духовного облика человека, его нравственных и эстетических ценностей.

4. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

а) К истории вопроса

Вот уже почти десять лет, как проблема развития конкретных социальных исследований не сходит со страниц нашей печати. За последние годы в стране кое-что сделано по этому вопросу. Однако состояние социальных исследований еще далеко от того уровня, который необходим для решения возникающих теоретических и практических задач. На первый взгляд кажется, что дело обстоит благополучно: многие институты включились в проведение исследований, результаты которых используются при написании трудов, образовались ячейки, проводящие исследования на предприятиях, дело дошло даже до заключения договоров по проведению социальных исследований на хозяйственную тематику.

Но это только внешняя сторона. По существу постановка социальных исследований находится в зачаточном состоянии. Результаты их не оказали существенного влияния на теоретические обобщения, на качество выпускаемой научной продукции, на их основе не было сделано такой практической рекомендации, которая помогла бы в этом отношении существенно продвинуться вперед.

В проведении социальных исследований еще много кустарщины, разобщенности. Не выяснены многие теоретические, методологические вопросы, связанные с их предметом и методом, с их местом в марксистско-ленинской теории.

Прежде всего, чего ожидает наука от конкретных социальных исследований? Я начну с некоторой аналогии. Наши противники из лагеря буржуазной философии в свое время, когда в Советском Союзе стали развиваться исследования по логике, полагали, что это приведет к уничтожению диалектического материализма, к замене материалистической диалектики формально-логическими исчислениями, обладающими большой точностью.

Сейчас же в Советском Союзе широко развивается логическая проблематика рядом с разработкой проблем материалистической диалектики. И это только способствует более углубленной разработке законов и категорий материалистической диалектики.

Если уж вспоминать этот пример, то следует обратить внимание еще на некоторые другие факты. В свое время философы

очень долго задержались на этапе агитации за необходимость формальной логики, доказывая, что формальная логика не враждебна материалистической диалектике. Причем основное внимание философы обращали только на одну проблему — отношение формальной логики к диалектике,— и вели бесконечные споры на эту тему. Поскольку логика была одно время модной отраслью науки, к ней примкнули и те, кто не обладал ни знанием, ни желанием серьезно работать в этой области.

Что произошло потом? Во-первых, было с очевидностью доказано, что развитие формальной логики идет не в ущерб диалектическому материализму, а, наоборот, ставит перед ним ряд важных вопросов и необходимо для связи с наукой, в особенности с естествознанием. Во-вторых, философы от бесконечных и бесплодных споров о взаимоотношении формальной логики и диалектики перешли к конкретной разработке того и другого в их взаимосвязи. И, наконец, когда дилетанты увидели, что разработка логики требует профессиональной подготовки, кропотливого труда, они оставили логику и стали искать другую область для своих интересов. Некоторые из них перешли в другие модные области — социологию и науковедение.

Всякая аналогия приблизительнольна и условна, но она полезна. Все, что было у нас с развитием логики, в какой-то мере повторяется и с разворачиванием конкретных социальных исследований. Здесь мы тоже задержались на агитации за эти исследования, непомерно много обращаем внимания на дискуссии об их отношении к марксистской философии, к историческому материализму и другим общественным наукам.

Учитывая опыт нашего философского развития, мы должны, прежде всего, отсеять все попытки противопоставить конкретные социальные исследования марксистско-ленинской социальной науке. Маркс был основоположником науки об обществе, им сформулирован метод исследования общественных явлений. Это признают даже некоторые современные буржуазные социологи, которые сожалеют, что не имеют в своем арсенале такой общей социологической теории, как марксизм.

Иногда в журналах и газетах дело изображается так, что социология в СССР стала развиваться только в последние годы. А отдельные буржуазные социологи противопоставляют советскую социологию, которая якобы только возникла, марксизму-ленинизму и его теории общества.

Общественный организм — наиболее сложное явление, с которым столкнулась научная мысль. Познать и обуздать самые грозные силы природы оказывается легче, чем постигнуть законы жизни людей, научиться управлять общественными процессами. Поэтому науки об обществе сформировались позже, чем науки о явлениях природы.

К середине XIX в., когда повысился интерес к обществу, в особенности в связи с революционными изменениями в нем,

выросли знания о различных сторонах общественной жизни людей, возникла необходимость выделения учения об обществе в самостоятельную область знания. Так возникла социология. Французский философ, основоположник позитивизма О. Конт в своей классификации наук наряду с логикой, математикой, астрономией, физикой и биологией выделял социологию.

Буржуазная социология первоначально включала в себя все знания об обществе, но она не была наукой, поскольку не имела научного метода познания. Философия самого О. Конта, хотя и исходившая из диалектического понимания развития общества, не могла его дать. О. Конт ставил развитие общества в зависимость от разума, его стадии. Первая ступень, военная, соответствует теологической стадии ума, вторая — переходная, связана с метафизической стадией разума и, наконец, третья — научно-промышленная, соответствует позитивному уму. Не трудно заметить, что под этой последней, научно-промышленной, завершающей общественное развитие стадией, О. Конт разумел общество, в котором он жил, т. е. капиталистическое.

Не способствовал развитию социологии общий агностический взгляд позитивиста Конта на познание, которое, по его мнению, не охватывает сущности вещей, а фиксирует отдельные явления.

Буржуазная социология, идя дорогой О. Конта, не смогла решить стоящих перед наукой об обществе задач. В общеполитическом плане она так и осталась в плену концепций, в которых в различных пропорциях смешивается биологизация общественных отношений, приводящих к натурализму, с историческим идеализмом, переходящим в телеологию. Будучи неспособными решить кардинальные проблемы общественного развития, создать общую теорию общества, буржуазные социологи-позитивисты устремляли все усилия на изучение отдельных сторон, процессов жизни общества, погрязнув в голом эмпиризме. Конечно, их опыт, метод исследования нельзя игнорировать, однако их социология не может служить научной основой для практической деятельности по переустройству общества, управлению социальными процессами.

Возникновение марксизма в середине XIX столетия произвело коренные изменения в философии вообще и в понимании развития общества в особенности. Собственно, марксизм и начался с формирования принципов материалистического понимания общественного развития, на основе которого произошла реконструкция не только старого, созерцательного материализма и коренная переработка прежней диалектики, но и изменение всей социальной науки. По существу, с материалистического понимания истории начинается подлинная наука об обществе. «Домарксовская «социология» и историография, — писал В. И. Ленин, — в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему

изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»¹.

Материалистическое понимание истории, или исторический материализм, является нашей научной социологией. Он не стремится, как прежняя социология, объединить все знание об обществе, заменить все науки о нем. Нет, каждая из них (история, политическая экономия, юриспруденция и т. п.) имеет свой определенный предмет и дает знание о нем. Исторический материализм вскрывает общие законы развития общества и тем самым вооружает все общественные науки методом познания. Подобно тому, как сейчас нет одной науки, которая называлась бы естествознанием, а существует множество наук, изучающих различные стороны и закономерности природы (живой и неживой), точно так же нет универсальной науки об обществе, а существует совокупность общественных наук. Материалистическая философия и ее важнейший элемент — материалистическое понимание истории служат всеобщей методологией современного научного познания как явлений природы, так и общества.

б) Место конкретных социальных исследований в общей системе научного знания

Что же собой представляют социальные исследования, о которых в последнее время у нас так много говорят, каково их место в системе научного знания о явлениях общественной жизни, как они относятся к марксистской философии, с одной стороны, и к наукам об обществе — с другой?

Существует взгляд, согласно которому в марксизме, кроме философии, включающей исторический материализм, политической экономии и научного коммунизма, должна существовать еще общая социология — наука об обществе вообще. Социологические исследования и являются такой социологией. Нам представляется такой взгляд неверным. И если кто-либо будет пытаться создать такую социологию, то она будет либо повторением одной из этих наук: исторического материализма, политической экономии, научного коммунизма или их соединением в различных пропорциях. Дело заключается в том, что общие закономерности общественного развития служат уже предметом науки: наиболее общие законы вскрывают исторический материализм, общество как совокупность производственных отношений — предмет политиче-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 57—58.

ской экономии, и, наконец, общество в целом на определенной ступени его развития всегда является общественно-экономической формацией. Сейчас мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму, общие законы этого процесса и составляют предмет теории научного коммунизма. Какая возможна еще общая теория общественного развития, с какой стороны она должна его характеризовать? Думается, что места для нее не осталось.

Это не значит, что отпадает проблема развития социальных исследований, методологии и методики их постановки, но они своей задачей прежде всего имеют развитие марксистско-ленинской теории общества, всех ее составных частей. Понятийный аппарат, созданный историческим материализмом, должен служить ориентиром в изучении современного общества, а данные конкретных социальных исследований дают одновременно материал для его обогащения и пополнения.

При этом я далек от мысли, что наше социальное мышление, его категории, общесоциологическая теория могут развиваться только в результате проведения у нас на заводах, в селах конкретных социальных исследований. Это слишком узкая научная практика для развития законов и категорий, отражающих процесс общественного развития. Надо изучать:

а) современный капитализм, ибо наша эпоха — эпоха борьбы двух систем. Чтобы победить капитализм, его надо знать в современной форме;

б) мировую социалистическую систему, ее структуру и законы функционирования. Это целый непочатый край в научном исследовании. Партия нуждается в том, чтобы наши ученые-социологи вскрыли особенности и формы развития сотрудничества социалистических стран;

в) наконец, наше общество, что, с одной стороны, вело бы к развитию теории, а с другой — к совершенствованию самих отношений в обществе, помогало управлению процессами социалистического и коммунистического строительства.

Социальные исследования — не замена марксистской науки об обществе, а способ ее развития, они могут служить средством развития современного социального мышления, средством борьбы против его догматизации.

Развитие конкретных социальных исследований — дело специалистов не одной какой-либо области социальной науки. Вся существующая система общественных наук должна помочь изучить общество вообще и в особенности современное. Наша задача не только исследовать его таким, каким оно существует сейчас, но и создать модель будущего общества, в котором люди хотят жить и которое достижимо. Таким будущим обществом для нас, марксистов, является коммунизм. Причем наша наука не может сейчас ограничиться общей характеристикой коммунистического общества, мы его должны строить, представляя в деталях, управлять процессом нашего общественного развития.

Построить модель будущего общества и определить пути его реализации невозможно без самого детального изучения всех сторон нашей общественной жизни. Причем надо не только давать качественную оценку происходящих в нашей стране социальных процессов, но и найти точные количественные способы их измерения.

Наука вообще ставит своей целью вскрыть качественную природу изучаемого ею явления и потом выразить ее в количественных отношениях, поэтому математика постепенно проникала во все области научного знания. И это касается не только наук о природе, но и об обществе, где количественные методы изучения явлений приобретают все большее значение.

Поэтому, если бы меня спросили, что такое конкретные социальные исследования, то я бы ответил, что это определенный метод исследования общественных явлений, а именно изучение их путем точных количественных методов, включая моделирование социальных процессов и социальный эксперимент.

Поэтому отношение между марксистской философией, включая и общую социологическую теорию, и конкретными социальными исследованиями такое же, как между философским и специальным методами изучения явлений, в частности в данном случае — общественных процессов.

В марксизме социальные исследования не являются чем-то новым, возникшим недавно. Ф. Энгельс изучал положение рабочего класса в Англии, В. И. Ленин — процесс развития капитализма в России и т. п. В их трудах исследуются определенные социальные процессы, находятся количественные соотношения, выражающие их. Количественная характеристика делает знание явлений общественной жизни более детальным и точным.

Когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция и советский народ приступил к сознательному строительству нового общества, то в качестве одной из задач нашей молодой общественной науки стало исследование нашего общества, происходящих в нем процессов. Однако во всей полноте социальные исследования у нас в 30 — 50-х годах не проводились, на что были причины как объективного порядка (война и т. п.), так и субъективного, связанные, например, с влиянием на общественную науку культа личности и субъективизма. Теперь в нашей стране созданы необходимые предпосылки для более широкого развития конкретных социальных исследований.

Когда речь идет о предпосылках, существующих сейчас для развертывания конкретных социальных явлений, то имеются в виду не только условия, гарантирующие исследователю свободу теоретического мышления, направленного на поиски объективной истины, но и обеспечение его мощными средствами точного анализа явлений, формального аппарата для создания знаковых моделей социальных явлений, способов постановки экспериментов в изучении явлений общественной жизни. В XIX и начале XX

столетия этого не было, а теперь математическая логика, теория вероятности, кибернетика и т. п. создали необходимые предпосылки для этого и требуют от социологов, чтобы они пользовались этим арсеналом средств в изучении явлений социальной жизни.

При этом социальные исследования должны проводиться не какой-то одной общественной наукой, а всеми ее областями, ставящими задачу изучения своей страны, нашего общества. Например, специалисты в области права не могут не интересоваться преступностью в нашем обществе, причинами, ее порождающими и т. п. Могут ли они разрешить эту научную проблему без конкретных социальных исследований, без детальных и точных количественно выраженных результатов, характеризующих ее с разных сторон? Конечно нет, и юристы занимаются сейчас такими исследованиями. Это же касается специалистов в области экономики, педагогики, социальной психологии, теории научного коммунизма и т. п.

Таким образом, конкретные социальные исследования — это не какая-то особая наука или отрасль знания, существующая вне системы сложившихся общественных наук, а исследования в рамках этих наук для детального и глубокого постижения процессов, происходящих в обществе. Они дают возможность характеризовать изучаемое явление как с качественной, так и с количественной стороны.

Как известно, сейчас многие проблемы решаются комплексно, усилиями нескольких наук, поскольку в одном и том же объекте переплетаются разные процессы, служащие предметом различных областей знаний. Поэтому и социальные исследования, как правило, проводятся одновременно усилиями специалистов различных наук. Например, необходимо для решения проблемы сближения города и села изучить современное село, скажем, хотя бы для того, чтобы ответить на вопрос, почему молодые люди часто не остаются в деревне, а стремятся уйти в город, каковы причины этого процесса и что необходимо сделать для управления им. Для этого надо вскрыть экономику современного села, правовые взаимоотношения, культуру села и т. п. Следовательно, в изучении этой социальной единицы должны принять участие специалисты почти всех областей современной общественной науки. Нет науки о селе, и современные науки делятся не по объектам, а по закономерностям — экономику села должны изучать экономисты, а состояние религиозности в нем — атеисты и т. п. Но комплексное изучение какого-то объекта усилиями и методами различных наук с тем, чтобы охватить ту или иную социальную единицу в целом — это путь социальных исследований, помогающих не только вскрыть отдельные стороны явлений, но и установить взаимосвязь между ними.

Каково же место философии в постановке и развитии социальных исследований?

Прежде всего, философия сама и для своих целей должна проводить социальные исследования. Речь в данном случае идет не только о таких научных дисциплинах, как эстетика, этика, которые еще по традиции считаются философскими науками и нуждаются в социальных исследованиях, но и о философии, поскольку она вскрывает наиболее общие законы общественного развития, т. е. является социологией. Разрабатывать наиболее общие законы общественного развития невозможно без анализа современного общества — и капиталистической, и коммунистической формаций. Социология должна видеть, как эти наиболее общие законы общественного развития выступают в нашей действительности, и с этой целью проводить конкретные социальные исследования.

Конкретные социальные исследования, проводимые для нужд самой философии, точнее исторического материализма, многие авторы называют социологическими исследованиями. Мы придерживаемся того же мнения, т. е., что социологические исследования — это разновидность социальных исследований, проводимых для разработки проблем исторического материализма, являющегося социологией марксизма-ленинизма.

Но философия должна не только сама проводить социальные исследования и таким образом быть связанной с жизнью, но и помогать другим наукам в их постановке. Во-первых, в ее функции входит разработка методологии и логики конкретных социальных исследований. Конечно, конкретную методику постановки того или иного исследования или социального эксперимента разрабатывает та наука, которая проводит его, однако существуют общие проблемы логики социального исследования, выступающего разновидностью научного исследования вообще. Изучение общих закономерностей социального исследования, соотношение различных его методов — это задача философии, и здесь мы можем сразу сказать, что советской философской наукой в этом направлении сделано еще недостаточно.

Разработку методологии и методики конкретных социальных исследований я считаю самым важным на данном этапе. Пусть мы немного меньше проведем самих исследований, однако проведем их на основе верной методологии и продуктивной методики. Вот почему в Институте философии АН СССР предполагается прежде всего открыть отдел методологии и методики социологических исследований. Логико-гносеологический анализ методов социального исследования (анкетирования, интервьюирования, наблюдения), выяснение сущности и специфики социального эксперимента, разработка проблем моделирования социальных процессов, особенностей построения социологической теории и путей ее проверки, изучение современных способов обработки полученной информации и т. п. — вот задачи тех, кто занимается методологией и методикой социальных исследований. Конечно, в своей работе они неминуемо столкнутся с необходимостью критической

переработки того, что в этом направлении сделано буржуазной социологией.

Сейчас, когда возник вопрос о широком развитии конкретно-социологических исследований, очень важно в самом начале правильно определить их направление, цель, задачи и по возможности исключить ошибки. Прежде всего, нельзя представлять это дело в виде какой-то моды, веяния времени; крайне вредно вербовать для такой работы людей, не имеющих ни соответствующих знаний, ни опыта. Социальные исследования — способ научного изучения явлений общественной жизни, требующий очень больших и разносторонних знаний. На результатах этих исследований должны строиться и теоретические обобщения, и практические рекомендации, а если данные будут неточны и односторонни, то сами выводы будут ложными, а практические действия вредными.

Поэтому очень важно правильно поставить социальное исследование, определить методику, посредством которой можно получить данные, служащие фактическим базисом теоретических построений и практических рекомендаций. Часто люди получают фактические знания ради самих цифр и таблиц, которые нельзя использовать для научных выводов, или домашними способами получают цифры, которые можно взять в статистическом управлении и других учреждениях.

Даже самые точные исследования не могут дать необходимого научного результата, если эти исследования будут рассматриваться в качестве чего-то самодовлеющего, изолированно от общей социологической теории и теоретических построений других общественных наук.

Проведение конкретных социальных исследований имеет не только теоретическое значение (разработка теории общественного развития, обогащение социального мышления новыми понятийными элементами), но и чисто практическое, — они нацелены на решение задач строительства нового общества. Когда речь идет о практическом применении конкретных социальных исследований, то здесь надо иметь в виду, что конкретные социальные исследования не призваны решать какие-то мелкие вопросы прикладного характера. Можно, конечно, путем опроса и анкетирования определить, какие ботинки сейчас в ходу, и, наверное, эти данные для обувной промышленности будут иметь значение. Однако было бы нелепым называть это конкретными социальными исследованиями, связанными с решением практических задач нашего строительства.

Конкретные социальные исследования должны быть направлены прежде всего на новые социальные явления, определяющие нашу общественно-экономическую формацию, на главные тенденции в ее развитии. Поэтому задача социальных исследований не фиксировать в количественных отношениях уже хорошо известные явления, а изучать главные направления нашего развития, прогно-

зировать возможные тенденции в нем, создавать модели социальных преобразований.

Всякая наука должна помогать практике в предвидении хода общественного развития, в прогнозировании социальных последствий изменений, вводимых в технику, технологию производства, в экономические отношения людей. Сейчас в этом отношении на первое место выдвигается проблема изучения социальных последствий экономической реформы. Уже сейчас видно, что последовательное проведение реформы в жизнь может породить и такие нежелательные явления, как образование резерва рабочей силы в крупных городах, погоню за прибыльностью производства, в ущерб всестороннему развитию человека и т. п. Конкретные социальные исследования должны определить такие научные пути реализации экономической реформы, которые бы способствовали не только узко экономическому, но и социальному развитию нашего общества, в частности личности трудящегося.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на две возможные и нежелательные крайности в методе конкретных социальных исследований. Одна из них, если так можно сказать, — апологетически-иллюстративная. Она исходит из того, что цель этих исследований — подобрать примеры, иллюстрации к известным теоретическим положениям, характеризующим наше общество. В таком случае исследования ни к каким новым теоретическим обобщениям не приводят и не могут служить руководством практического действия. Другие подходят к конкретным исследованиям с иной стороны — они вскрывают отдельные недостатки нашей жизни, но при этом не дают никакого теоретического анализа, из которого было бы видно, что эти недостатки будут сняты в ходе дальнейшего развития нашего общества. Такие факты становятся легкой добычей буржуазной пропаганды. Об этом в данном случае я говорю не для того, чтобы каким-то образом бросить тень на конкретные социальные исследования. Конечно, нет места в рядах ученых перестраховщикам, которые полагают: чтобы быть от греха подальше, не надо заниматься конкретными социальными исследованиями. Наука должна брать действительность такой, какой она реально существует. Речь идет только о том, как их проводить, чтобы они во всех отношениях шли на пользу дела социализма, его победы над капитализмом во всемирном масштабе. И здесь, мне кажется, нет сомнений, что надо идти по пути глубокого теоретического анализа получаемой информации, на основе которого должны делаться и практические выводы, рекомендации.

Защитники фактов и фактологии полагают, что в собранных фактах — вся истина. Но дело заключается в том, что в фактах, как таковых, если и есть истина, то очень бедная, абстрактная. Истина — теоретическая система знания, построенная на фактах, а не сами факты. Поэтому цель конкретных исследований — не просто собрать факты, а создать на основе их теорию,

объясняющую факты и направляющую практическую деятельность человека.

Поэтому я не мыслю себе таких конкретных социальных исследований, которые бы давали практические результаты без теории. Нельзя делить конкретные социальные исследования на теоретические и практические, их практическая ценность находится в прямой зависимости от глубины теоретического обобщения полученного фактического материала. И, как правило, враждебная нам идеология использует те наши литературные и социологические работы, в которых дается сумма фактов, не снабженная глубоким и широким социальным обобщением. Но подобные работы не оказывают помощи и нам самим в практике хозяйственного и культурного строительства.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых вопросах организации конкретных социальных исследований в республике. У нас сейчас создано несколько ячеек в разных городах, где проводятся эти работы: в Киеве, Львове, Харькове, Днепропетровске, Донецке и других крупных городах Украины. Однако не налажена самая элементарная координация (не бумажная, а деловая). Эти ячейки работают замкнуто, храня свои материалы. А последних накоплено уже много.

Что предполагает, на мой взгляд, координация? Я не сторонник бесконечного сбора всевозможных материалов, составления всяких списков и сводных планов. Нужно сделать три вещи. Во-первых, создать возможность систематической публикации результатов конкретных социальных исследований. С этого года Институт философии АН УССР приступил к изданию ежегодника «Социология на Украине». Потребности республики в публикации результатов исследований будут в основном удовлетворены, поскольку добротных материалов, заслуживающих публикации, поступает еще очень мало. Если будет много хороших работ, то мы увеличим объем этого ежегодника, но пока в этом нет необходимости.

Во-вторых, необходимо более четко определять проблематику, над которой будут работать социологи Украины. Сейчас она чрезвычайно пестра, больше того, существует тенденция превратить социологические лаборатории в вузах в какие-то органы учебной части, исследующие проблемы вузовской дидактики и помогающие общественным организациям в сборе нужного им фактического материала. В таком случае не нужно давать им громкого названия социологических лабораторий.

Конечно, все наши лаборатории работают, в конечном счете, над проблемой закономерности перехода от социализма к коммунизму. Но это очень большая область. Я бы выбрал для украинских социологов такой ее аспект: изменение социальной структуры нашего общества в процессе коммунистического строительства. Эта проблема очень важна в теоретическом плане, ее разработка будет иметь и большой практический результат. Причем

эта проблема допускает установление довольно точных количественных отношений и фиксации происходящих качественных изменений в нашем рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции, в их взаимоотношениях. Хотелось бы обменяться по этому поводу мнениями на нашем совещании.

И, наконец, целесообразно иметь в республике научный совет по конкретным социальным исследованиям, который бы обсуждал научные и организационные вопросы, регулярно собирал конференции, совещания и симпозиумы, на которых люди обменивались бы результатами и опытом своих исследований.

Если у нас будет налажена публикация результатов исследований, определена ведущая проблема и будет работать научный совет, то проблему координации можно считать решенной.

Наконец, надо позаботиться о подготовке кадров, владеющих методологией и методикой конкретных социальных исследований, ибо без профессионально подготовленных людей проблему развертывания конкретных социальных исследований квалифицированно решить нельзя.

ИЗ ИСТОРИИ ЛОГИКИ В РОССИИ

О ЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Н. А. ВАСИЛЬЕВА

1. Логика аристотелева и неаристотелева

а) Абсолютны или относительны законы логики

Мы хотим остановиться на логических воззрениях дореволюционного философа, который работал не в столичных университетах (Московском и Петербургском), а в одном из провинциальных — Казанском университете¹, где творил знаменитый Лобачевский, чьи воззрения оказали влияние на казанских логиков и, в частности, на Н. А. Васильева.

Н. А. Васильев², как и многие другие русские логики, чувствовал ограниченность старой, традиционной логики. В связи с этим он предпринял попытку реформировать старую логику, но тот путь, по которому он пошел в построении новой системы логики, отличался от того пути, какому следовали Каринский и Рутковский.

Каринский и Рутковский, пытаясь реформировать логику, создавали новую классификацию умозаключений, в которую входили, как часть, типы умозаключений традиционной логики, т. е. они разрабатывали более всеобъемлющую систему умозаключений, усовершенствовали старую логику, по сути дела не предпринимая попыток произвести коренную переработку старой логи-

¹ В Казанском университете логику читали проф. И. И. Ягодинский (который издал книгу: *Генетический метод в логике*. Казань, 1909) и проф. А. Д. Гуляев. Разработкой математической логики с успехом занимался П. С. Порецкий (им написан ряд трудов: *О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики*. Казань, 1884 г. и др.).

² Николай Александрович Васильев был приват-доцентом Казанского университета с 1907 г., а также преподавателем логики и психологии Казанских Высших женских курсов. Он написал следующие работы по логике: *О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого* («Ученые записки императорского Казанского университета». Год LXXVII, десятая книга, октябрь, Казань, 1910). *Воображаемая (неаристотелева) логика* («Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1912, ч. 40, август). *Логика и металогика* («Логос», 1912—1913, кн. 1—2).

ки на новой основе, не ставя проблемы возможности принципиально новой логики, с новым пониманием сущности логического.

Иную попытку предпринял Н. А. Васильев, который не хотел ограничиться некоторыми усовершенствованиями старой логики, а пытался посмотреть, не возможна ли новая, совершенно иная логика, с иным предметом и иным логическим миром. Мы сейчас пока оставляем в стороне вопрос о том, насколько успешно и правильно он поставил и разрешил вопрос о возможности новой логики, противоположной традиционной, но нам кажется, что уже сама постановка этого вопроса Н. А. Васильевым заслуживает внимания каждого исследователя истории русской логической мысли.

В буржуазной логике конца XIX и начала XX столетия господствующими являются следующие две идеалистические точки зрения на природу логических форм и законов:

Во-первых, точка зрения немецкой, так называемой «чистой логики» («*reine Logik*»), которая развивалась такими философами-идеалистами, как Гуссерль, Коген, Наторп, Кассирер и другие. Эти философы утверждают, что законы логики не зависят ни от законов бытия, ни от предметов внешнего мира, ни от человеческого мышления, т. е. они не отражают ни закономерности объективного материального мира, ни закономерности природы человека. Законы логики, по их мнению, имеют чисто идеальный характер. По мнению Гуссерля, логика есть наука о науке, «теория теории», она состоит из идеальных элементов. Так, например, говоря о логической связи, он отмечает, что она «во всяком случае, есть не психологическая и вообще не реальная связь, которой подчинены акты мышления, а объективная или идеальная связь, которая придает им однородное предметное отношение и в силу этой однородности создает и их идеальное значение»³. Причем объективная связь в смысле Гуссерля совершенно не означает, что она отражает связь предметов объективного мира, а объективная в его понимании, значит идеальная, не зависящая от объективного мира связь.

Истинным родоначальником этого направления в логике является Кант, утверждавший априорность и нормативность законов логики. Кант писал: «Логика есть наука о разуме не по материи, но только по форме,— наука *a priori* о необходимых законах мышления, и не для особых предметов, но для всех предметов вообще; следовательно — наука о правильном употреблении рассудка и разума вообще, но не о субъективном употреблении, т. е. не об употреблении по эмпирическим (психологическим) принципам, не о том, как рассудок мыслит, а об объективном употреблении, т. е. об употреблении по принципам *a priori*, о том, как он должен мыслить»⁴.

³ Гуссерль. Логические исследования, ч. I. СПб., 1909, стр. 200.

⁴ Кант. Логика. Пг., 1915, стр. 6—7.

Вторую, также субъективно идеалистическую точку зрения на природу законов и форм логического мышления развивали логики английского феноменализма (Милль, Спенсер и другие) и некоторые немецкие логики — представители так называемого психологического направления в логике (Зигварт, Эрдман, Липпс, Brentano и другие). Согласно этой точке зрения логика есть продукт человеческой психики, законы логики отражают только природу человека, а не закономерности объективного материального мира. Раз логика отражает сущность человеческого мышления, следовательно, она изменяется в зависимости от изменения последнего.

Так, например, представитель этого направления в логике Липпс, определяя логику, говорил: «Логика есть дисциплина психологическая, так как знание бывает лишь в душе и мышление, завершающееся знанием, есть процесс психический»⁵. Исходя из этого понимания существа логического, Липпс утверждал, что «мышление есть не только приведение в порядок данного, но и промышленности, выход за пределы непосредственных фактов в область того, что должно быть присоединено ради этих фактов. Знание состоит в построении мира, имеющего объективно необходимый порядок, не из непосредственно данного, а скорее для непосредственно данного и на основании его требований. Оно есть умственное творение мира, в который непосредственно данное может быть включено с сознанием его необходимости»⁶.

Это субъективно-идеалистическое — махистское направление в логике также ведет начало от философии Канта, точнее от одной из школ Канта — психологического критицизма Фриза и Бенеке.

Между сторонниками этих двух направлений в логике было разногласие также по вопросу о том, возможна ли иная, чем существующая, логика с другими логическими законами или нет?.. Гуссерль придерживался точки зрения логического абсолютизма, он утверждал, что все «чисто логические» законы — априорные истины — других законов, чем те, которыми мы оперируем, по Гуссерлю, даже представить нельзя, законы традиционной логики — законы мышления всех времен, народов и миров. Как подобает истинному метафизику и идеалисту, Гуссерль объявляет законы логики «вечными» и «абсолютными», разумея под вечностью их то, «что каждое суждение, независимо от времени и обстоятельств, от личностей и видов, «связано» чисто логическими законами; и связано, конечно, не в смысле психологического принуждения к мышлению, а в идеальном смысле нормы: именно, кто стал бы судить иначе, судил бы ложно, к какому бы виду психических существ он ни принадлежал»⁷.

⁵ Т. Липпс. Основы логики. СПб., 1902, стр. 1—2.

⁶ Там же, стр. 5.

⁷ Гуссерль. Логические исследования, стр. 123.

Гуссерль стоит на точке зрения вечности и неизменности как бытия, так и истинных законов логики, по которым, по его мнению, мыслят не люди, а математизирующие ангелы. Истинность и ложность неизменны, поэтому исключена возможность изменения логики и логических законов. Точка зрения Гуссерля — точка зрения абсолютного разграничения природы и человека, мышления людей и бытия. Само бытие он истолковывает в духе идей Платона, монад Лейбница и реалий Гербарта. Наука, в том числе и логика, как наука наук, по мнению Гуссерля, не должна опираться ни на естествознание, потому что естествознание говорит о существовании материального объективного мира и первичности его, что является неприемлемым для него, как идеалиста, ни на историю, потому что исторический подход к явлениям включает в себя идею развития, а эта идея чужда метафизической философии и логике Гуссерля.

Несколько по-иному рассуждают сторонники психологического направления в логике, в частности Б. Эрдман, с которым polemизирует Гуссерль в своих «Логических исследованиях». Б. Эрдман считает, что законы мышления выражают сущность нашего человеческого мышления, поэтому они меняются вместе с человеческой природой. Исходя из такого чисто субъективного понимания существа законов логики, Б. Эрдман делает вывод, «что бывает мышление, существенно отличное от нашего», и что «логические основоположения обязательны только для области нашего мышления, причем мы не имеем никаких ручательств за то, что это мышление не может измениться в своих свойствах. Такое изменение возможно, — коснется ли оно всех, или только некоторых из этих основоположений, — так как их нельзя аналитически вывести все из одного. Не имеет значения, что эта возможность не находит себе опоры в высказываниях нашего самосознания о нашем мышлении — опоры, на основании которой можно было бы предусматривать ее осуществление. Она существует несмотря на все это. Ибо наше мышление мы можем только брать таким, как оно есть. Мы не в состоянии посредством нынешних его свойств наложить оковы на будущие его свойства. В особенности же мы не можем формулировать сущность наших умственных процессов, словом, нашей души так, чтобы быть в состоянии вывести из нее неизменность данного нам мышления»⁸.

Эрдман хотя и расходится с Гуссерлем, но также ошибается. Возражая Гуссерлю, он считает законы логики относительными, но он истолковывает относительность как субъективность, он отрицает наличие объективного, абсолютного в относительном. Законы логики, по Эрдману, отражают не объективную действительность, они — не отражение объективного в субъективном, а выражают существо нашего мышления как психического процесса. В связи

⁸ Цит. по кн.: Гуссерль. Логические исследования, стр. 127.

с этим в логике Б. Эрдмана законы мышления, понимаемые чисто субъективно, оторваны от законов объективного материального мира, т. е. у Б. Эрдмана, как у всякого кантианца, познание не соединяет природу с человеком, а отгораживает их друг от друга. Однако нельзя понять существо человеческого познания, отрицая необходимую связь законов бытия с законами мышления, не утверждая первичность законов бытия и вторичности законов мышления, как отражений законов бытия.

Отрицая необходимую связь законов и форм мышления с законами и формами бытия, Б. Эрдман считает, что мышление изменяется не в связи с изменением и развитием объективного мира, а спонтанно, по своим внутренним законам, не связанным с формами и законами бытия, с содержанием нашего познания. На самом же деле относительность и изменчивость нашего мышления и его законов говорит не о субъективности, а о том, что на каждой исторической ступени объективная материальная действительность отражается в нашем сознании, в мышлении и его законах неполно, приблизительно, что процесс отражения материального мира и его законов в мышлении является длительным и противоречивым процессом движения от незнания к знанию.

В противоположность идеализму вообще и гегелевскому в частности, марксистский философский материализм утверждает, что история природы и человеческого мышления является источником законов и категорий логики и диалектики: «Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления»⁹, что законы мышления, если они правильно познаны, согласуются с законами природы.

Законы и формы логики, будучи отражением объективного материального мира и его закономерностей в сознании человека, не являются вечными и неизменными, а историческими, переходящими законами. Логическое познание как итог, сумма, вывод из истории познания мира подчиняется общим законам познания, так как логическое знание также относительно, как все познание вообще.

Однако относительность законов мышления говорит не о субъективности их, как это полагает Б. Эрдман, а о том, что процесс познания не завершен, что, продолжая этот процесс, мы можем вскрыть в объективной действительности новые закономерности, которые найдут выражение и в законах нашего мышления. Ленин писал: «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹⁰.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 384.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 139.

Своеобразно пытается поставить и разрешить вопрос абсолютности и относительности законов логики Н. А. Васильев, который считает, что как концепция Гуссерля, так и концепция Эрдмана одинаково неправильны: «Ни Эрдман не определяет границ возможного изменения мышления, ни Гуссерль не определяет границ неизменности логики. Между тем это нужно и можно сделать. Мышление может изменяться, но не все в нем изменчиво; есть абсолютные логические истины, но не все логические истины абсолютны. Вообще дело обстоит вовсе не так плохо с абсолютной ненадежностью мышления, как думает Эрдман, и вовсе не так хорошо с абсолютной неизменностью логики, как думает Гуссерль»¹¹.

Таким образом, Васильев не согласен ни с Гуссерлем, ни с Эрдманом. Полемизируя с последним, он говорит, что, несмотря на то, что наше мышление изменчиво, оно, изменяясь, все-таки остается мышлением, это значит, что в изменчивом мышлении есть что-то общее и неизменное: «Изменяясь, логическое мышление не может перестать быть логическим, оно может изменяться только в тех пределах, которые допускаются определением логического»¹².

В сущности логического, по мнению Васильева, существует нечто неизменное для всякого логического мышления, изменение этого постоянного и неизменного повлекло бы за собой выход за пределы логики в сферу алогического: «...Должны быть логические истины, вытекающие из самого определения логики, которые имеют абсолютную значимость для всякой логики, для всякого логического мышления»¹³.

Следовательно, Васильев только частично расходится с Гуссерлем: последний утверждает неизменность всех положений логики, а Васильев только некоторых. Он хочет примирить Гуссерля и Эрдмана, пытаясь в нашем изменчивом логическом мышлении найти минимум неизменного и постоянного, вытекающего из самого определения логического. Таким минимумом постоянного и неизменного в логическом мышлении являются, по мнению Васильева, законы суждения и выводы вообще: «Где есть суждение и выводы, там есть логика, где нет суждения или вывода, там нет логики. Законы суждения и вывода вообще и есть минимум логического»¹⁴.

Этот минимум абсолютного в логическом Н. А. Васильев относит целиком и полностью к познающему субъекту, которого он

¹¹ Н. А. Васильев. Логика и металогика.— «Логос», 1912—1913, кн. I—II, стр. 55. В дальнейшем при цитировании из этой статьи Васильева, мы будем указывать страницы этого номера «Логоса».

¹² Там же.

¹³ Там же.

Там же, стр. 57.

считает абсолютно неизменным: «Прежде всего мы предполагаем неизменность познающего субъекта и его рациональных функций — способности суждения и вывода. Где этого нет, нет и логики...»¹⁵.

Разрешение проблемы существа логического Н. А. Васильевым представляет собою попытку найти компромиссное решение вопроса, примирить двух идеалистов, не выходя за пределы той формы идеализма, которой придерживаются как Гуссерль, так и Эрдман.

Логика, которая включает в себя минимум абсолютного и неизменного, была названа Васильевым, по аналогии с метафизикой, металогики: «Металогики есть познание мысли вне условий опыта, чистой мысли в отвлечении от всякого разнообразия содержания мысли»¹⁶.

Металогики Васильева ничем не отличается от общей или формальной логики Канта или логики математизирующих ангелов Гуссерля. Она, как и эти логические системы, подчеркивает формальный, независимый от объективного мира характер законов логики. Металогики тоже «чиста», т. е. свободна от предмета, от реального содержания, она направлена только на анализ готовых форм суждения и вывода как таковых.

Основными законами этой логики Н. А. Васильев считает два закона. Первый закон абсолютного различия истины и лжи, который он формулирует следующим образом: «Суждение не может быть зараз истинным и ложным»¹⁷. Этот закон называется также законом недопустимости самопротиворечия, т. е. мыслящий субъект в процессе мышления не должен противоречить самому себе. Кто нарушил этот закон, тот перестал различать истину от лжи, т. е. перестал мыслить логически.

Другим законом этой пригодной «для каждого мира» логики, которая включает в себя «только законы чистой мысли суждения и вывода вообще, отражает только природу познающего субъекта»¹⁸, является закон достаточного основания, который гласит следующее: «Каждое суждение должно быть обосновано».

Нельзя не согласиться с Н. А. Васильевым, что отсутствие самопротиворечия и достаточная обоснованность нашего суждения являются необходимыми условиями логического мышления, но никак нельзя согласиться с Васильевым, что эти законы являются законами только познающего субъекта, а не выражением в мышлении определенных, наиболее общих закономерностей объективного мира. Существующий логический минимум вытекает не из чистых закономерностей субъекта, не предопределен им, а исторически возник, и его существование имеет обоснование в самой материальной действительности.

¹⁵ Там же, стр. 59.

¹⁶ Там же, стр. 73.

¹⁷ Там же, стр. 64.

¹⁸ Там же, стр. 73.

Н. А. Васильев понимает, что эта формальная, абстрактная и бедная содержанием логика не может быть орудием познания действительности, она лежит в основе познания, по «чтобы стать орудием познания, она должна обогатиться материальными принципами»¹⁹. Металогика трактует о суждении вообще, она знает только одну утвердительную форму суждения, но кроме этой чисто теоретической логики существует еще, по мнению Н. А. Васильева, логика, имеющая чисто практическое значение в познании действительности. Эту логику он называет в противоположность чисто рациональной металогике — эмпирической логикой, законы которой зависят от объективной реальности: «Она вырабатывается в процессе жизни и борьбы, взаимодействия между средой и человеком и является органом жизни, орудием борьбы, отражением среды и человека. Логика служит для познания, познание для жизни, значит для жизни служит логика»²⁰.

Эмпирическая логика в противоположность чисто идеальной металогике носит смешанный характер. Она содержит в себе в качестве необходимого логического минимума законы металогии, ибо без последних не может быть никакой логики, а кроме этих двух законов металогии (закона недопустимости самопротиворечия и закона достаточного основания) она содержит целый ряд законов, отражающих закономерности реального мира, на познание которого она направлена. Такой эмпирической логикой является, по мнению Н. А. Васильева, аристотелевская логика, законы которой «отчасти законы металогии, отчасти законы природы»²¹.

В силу того, что законы аристотелевской логики носят такой смешанный характер и зависят от законов реального мира, для познания которого она служит, аристотелевская логика не может быть орудием познания всякого мира, а только одного определенного конечного земного мира.

Таким образом, Н. А. Васильев признает зависимость законов аристотелевской логики от законов реального мира, но считает, что в результате этого земная логика теряет свой чисто формальный характер. Металогика относится к эмпирической логике «как рациональное к эмпирическому, формальное к материальному, общее к частному, идеальное к материальному, теоретическое к практическому, однородное к двойственному»²².

В эмпирической аристотелевской логике к двум законам металогии (закону абсолютного различия истины и лжи и закону достаточного основания) прибавляются еще три закона — тождества, противоречия и исключенного третьего. Если в металогике имеется только одна утвердительная форма суждения, то в арис-

¹⁹ Н. А. Васильев. Логика и металогика, стр. 74.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 73.

²² Там же, стр. 74—75.

тотелевской логике к этой утвердительной форме суждения прибавляется еще отрицательная, ибо в эмпирической логике в противоположность металогики возможно заблуждение. Отрицательная форма суждения появляется как опровержение ложного утверждения, т. е. она вторична по отношению к утвердительной форме. Отрицательное суждение эквивалентно такой форме: «Суждение S есть P ложно» или «ошибается тот, кто утверждает, что S есть P». «Отрицательные суждения появляются только в логике несовершенной, в логике, в которой не исключена возможность ошибок»²³.

Таким образом, в учении о сущности отрицательных суждений и смысла отрицания Н. А. Васильев примыкает к точке зрения Зигварта, отрицавшего в своей «Логике»²⁴ реальное значение отрицания и отрицательных суждений, считая, что отрицательное суждение не является суждением о вещах реальной объективной действительности, о том, что некоторому предмету не принадлежит некоторое свойство, или о том, что некоторые свойства реально несовместимы в одном предмете, а, как полагает Зигварт, отрицательное суждение есть суждение о суждении, мысль о мысли.

в) Воображаемая (неаристотелева) логика

Проблему изменения логических форм, категорий и законов Н. А. Васильев пытался разрешить в форме предположения возможности системы различных воображаемых (неаристотелевых) логик, учение об одной из которых он стремился развить. Согласно его концепции, эта система воображаемой логики разрешает также проблему соотношения абсолютного и относительного в логическом знании.

Эмпирическая логика возникает в результате взаимодействия мыслящего субъекта и его неизменных форм мышления с реальностью, т. е. Н. А. Васильев допускает в какой-то мере и участие объекта в формировании законов эмпирической логики. В силу этого законы эмпирической логики, как мы уже отметили, носят смешанный характер, они включают в себя как неизблемую основу неизменные законы металогики и, кроме этого, относительные, переходящие законы, которые отражают закономерности того объекта, для познания которого служат эти законы.

Раз законы эмпирической логики в некоторой своей части находятся в зависимости от реального мира, то, следовательно, делает вывод Н. А. Васильев, возможны различные системы логик, отражающие законы различных миров, с различными эмпирическими законами мышления, но в качестве обязательного для

²³ Там же, стр. 75.

²⁴ См. Зигварт. Логика. СПб., 1908.

всех этих логических систем являются абсолютные законы металогики.

Таким образом, Н. А. Васильев стоит на точке зрения возможности иной эмпирической логики, с иными логическими законами и операциями, чем те, которыми пользуемся мы в аристотелевской логике; последнюю он понимает не как единственно возможную эмпирическую логику, направленную на познание реального объекта, а только как одну из многих возможных логических систем.

Одну из систем возможных логик, отличных от аристотелевской логики, он называет по аналогии с воображаемой неевклидовой геометрией Н. И. Лобачевского, воображаемой неаристотелевой логикой²⁵.

Что же является предметом этой воображаемой логики? На познание какой реальности направлена она? Какие она имеет законы?

Предметом воображаемой (неаристотелевой) логики, по мнению Н. А. Васильева, будет совершенно иной мир, принципиально отличный от того мира, с которым мы имеем дело в нашем повседневном опыте. А если эта логика направлена на совершенно иной мир, то она будет иметь, по всей вероятности, совершенно иные логические формы, законы и операции, отличные от форм, законов и операций аристотелевской логики. Больше того, Н. А. Васильев не просто считает, что формы воображаемой логики отличны от форм аристотелевой логики, а «формулы обеих логик будут находиться в контрадикторном отношении: истинность формул воображаемой логики исключает истинность формул нашей аристотелевой логики, и обратно. Поэтому они обе не могут быть истинны для одного и того же мира; если аристотелева логика истинна для нашего мира, то неаристотелева логика может быть истинна только в каком-нибудь другом мире»²⁶.

Воображаемая (неаристотелева) логика не является чисто рациональной наукой, какой является, по мнению Н. А. Васильева, металогики, а эмпирической, но она идеальна в том смысле, что мы не знаем того мира, орудием познания которого она

²⁵ Сама мысль об иной, чем у Аристотеля, логике возникла у Н. А. Васильева под влиянием аналогии с неевклидовой геометрией Лобачевского. Эта аналогия, по мнению Н. А. Васильева, не ограничивается аналогичностью обозначений, но «этой аналогии наименований соответствует и внутренняя аналогия между неаристотелевой логикой и неевклидовой геометрией, логическое тождество метода в обеих» (Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика. — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1912, ч. 40, август, стр. 208. В дальнейшем при цитировании этой работы Н. А. Васильева мы будем указывать страницы этого номера журнала). Насколько вообще состоятельна аналогия между неевклидовой геометрией и неаристотелевой логикой, об этом мы позволим себе несколько подробнее остановиться в конце настоящей работы.

²⁶ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 207.

является, мы идеально предполагаем, строим этот мир, т. е. воображаемая логика занимает такое же положение в другом мире, скажем, на другой планете, с другим устройством как самих вещей, так и психики мыслящих существ, какое занимает наша аристотелева логика в нашем мире. Не зная этого мира, мы можем точно сказать каким этот мир должен быть, чтобы воображаемая логика могла быть орудием его познания.

Если предмет воображаемой логики отличается от предмета аристотелевской логики, следовательно, и законы их в некоторой своей части различны. Так как обе они являются логиками, то в каждой из них сохраняется минимум логического — законы металогик, независимые ни от какого объекта; остальные же законы воображаемой логики не только отличны, но даже противоположны законам аристотелевской логики. Воображаемая логика — логика без закона противоречия, т. е. логика, которая пригодна для познания мира, в котором возможно противоречие между вещами.

Проводя аналогию между неевклидовой геометрией и неаристотелевой логикой, Н. А. Васильев пишет: «Неевклидова геометрия есть геометрия без 5-го постулата Евклида, без так называемой аксиомы о параллельных линиях. Неаристотелева логика есть логика без закона противоречия. Здесь не лишним будет добавить, что именно неевклидова геометрия и послужила нам образцом для построения неаристотелевой логики»²⁷.

Однако в воображаемой логике исключается не закон, запрещающий противоречие самому себе в процессе мышления, или, как его называет Н. А. Васильев, закон абсолютного различия истины и лжи («одно и то же суждение не может быть зараз истинным и ложным»), этот закон входит, как закон суждения и вывода, в минимум логического, а метафизический закон, отрицающий наличие противоречий в самой объективной действительности, согласно которому не существует противоречий в мире, или, как его формулирует Кант, — «ни одной вещи не присущ предикат, противоречащий ей...»

Этот закон, запрещающий противоречия в объекте, Н. А. Васильев строго отличает от закона абсолютного различия истины и лжи — закона, запрещающего противоречия в суждении (в субъекте):

«Не трудно видеть,— пишет Н. А. Васильев,— что закон противоречия и закон абсолютного различия истины и лжи вовсе не две формулировки одного и того же закона, а два совершенно различных закона. Закон абсолютного различия истины и лжи обращается к познающему субъекту и запрещает ему противоречить самому себе, указывает, что истинное суждение всегда истинно, а ложное всегда ложно и что поэтому он не может одно и то же суждение объявлять то истинным, то ложным.

²⁷ Там же, стр. 208.

Этим законом запрещается самопротиворечие, повелевается последовательность самому себе, согласованность в утверждениях познающего субъекта. Поэтому этот закон можно было бы назвать *законом несамопротиворечия*.

Напротив того, закон противоречия обращается к миру, к объектам и говорит, что в них не могут осуществляться противоречия, что ни в одной вещи не могут быть соединены противоречащие предикаты, не могут существовать зараз основания для утвердительного и отрицательного суждения. Этот закон изгоняет противоречия из мира, как первый изгоняет его из субъекта. *Закон противоречия имеет объективное значение, а закон абсолютного различия истины и лжи — субъективное*»²⁸.

Поясняя только что высказанную мысль, Н. А. Васильев приводит следующий пример: «Если я буду утверждать, что этот NN есть зараз и человек и не человек, то я, конечно, нарушу закон противоречия, но если я это всегда буду утверждать и буду твердо стоять на своем, не противореча самому себе, то я отнюдь не нарушу закона абсолютного различия истины и лжи»²⁹.

*г) Неаристотелева логика
и неевклидова геометрия*

В своих работах Н. А. Васильев настойчиво проводит мысль о полной аналогии между выдвинутой им идеей воображаемой неаристотелевой логики и неевклидовой геометрией Н. И. Лобачевского. Причем эта аналогия переходит у него в утверждение тождества между неевклидовой геометрией и неаристотелевой логикой.

Полагая, что отношение воображаемой неаристотелевой логики к нашей традиционной логике совершенно тождественно отношению неевклидовой геометрии к геометрии Евклида, Н. А. Васильев считает тождественными неаристотелеву логику и неевклидову геометрию потому, что обе возникли в результате отбрасывания аксиом (в неевклидовой геометрии 5-го постулата Евклида, а в неаристотелевой логике закона противоречия в его метафизическом истолковании).

Сходство между этими двумя системами Н. А. Васильев видит в том, что обе эти системы замкнуты и не противоречат нигде самим себе.

Сходство между геометрией Н. И. Лобачевского и неаристотелевой логикой Н. А. Васильев видит также в том, что как геометрия Лобачевского находит свою реальную интерпретацию, являясь геометрией псевдосферы, так и воображаемая неаристотелева логика реально воплощается в логике понятий.

Проводя аналогию между неаристотелевой логикой и геометрией Н. И. Лобачевского, Н. А. Васильев пытается доказать, что

²⁸ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 218.

²⁹ Там же, стр. 219.

и логика и математика одинаково носят аксиоматический характер. Он считает, что логика будет делать успехи только в том случае, если в ней будет предпринят ряд аксиоматических исследований:

«Благодаря этим аксиоматическим исследованиям возможно будет в будущем определить все аксиомы и постулаты, все предпосылки логики»³⁰. Одним из таких методов аксиоматического исследования логики является метод построения систем воображаемых логик: «Для решения вопросов, связанных с законами мышления, и должен служить метод построения воображаемой логики, ибо этот метод позволяет расчленить сложную и спутанную ткань «логического», где все нити многогранно переплетаются, соединяются, перекрещиваются, опутывают одна другую. Этот метод дает возможность отделить друг от друга различные пласты «логического», проследить важнейшие нити — основу ткани и их взаимные отношения.

Другими словами, при помощи этого метода, думается, можно вернее определить: 1) все аксиомы и постулаты, лежащие в основе логики, 2) дать всем точные формулировки, ибо, перечислив все аксиомы, мы избегнем постоянного смешения различных аксиом, 3) можно думать, что все найденные аксиомы самостоятельны и не вытекают одна из другой, ибо в понятие аксиомы или основоположения входит как неперемное условие признак самостоятельности, 4) можно выяснить, какие логические операции и положения зависят от какой аксиомы (например, если они устраняются с ее устранением), 5) можно дать исчерпывающую классификацию или систему аксиом и постулатов логики.

Одним словом, нужно в логике начать такой ряд исследований, который уже произведен в геометрии. Эти исследования можно назвать аксиоматическими»³¹.

Действительно ли метод аксиоматического исследования в логике является правильным методом, обеспечивающим успех логического исследования?

Аксиомы как математики, так и логики можно трактовать и материалистически, и идеалистически. Идеалистически истолковывают аксиомы математики и логики современные буржуазные математики и философы, которые считают аксиомы удобными формами или установлениями субъекта, продуктом разума, полагая, что содержание аксиом не отражает отношения между вещами в самой объективной действительности.

Материалистически истолковывают аксиомы математики и логики классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, говоря о понятиях и аксиомах математики, писал: «Как понятие числа, так и понятие фигуры заимствованы исключительно из внешнего ми-

³⁰ Там же, стр. 245.

³¹ Там же.

ра, а не возникли в голове из чистого мышления. Должны были существовать вещи, имеющие определенную форму, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было прийти к понятию фигуры. Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира»³². Энгельс указывает, что «нужна изрядная доза идеологической наивности, чтобы поверить математикам, будто первая линия получилась от движения точки в пространстве, первая поверхность — от движения линии, первое тело — от движения поверхности и т. д. Даже язык восстает против этого. Математическая фигура трех измерений называется телом, *corpus solidum* по-латыни, следовательно — даже осязаемым телом, и, таким образом, она носит название, взятое отнюдь не из свободного воображения ума, а из грубой действительности»³³.

Н. И. Лобачевский исходил при построении системы неевклидовой геометрии из основ материалистической гносеологии: «Первые понятия, — писал он, — с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу. Тогда только они могут служить прочным и достаточным основанием учения. Такие понятия приобретаются чувствами; врожденным — не должно верить»³⁴. Н. И. Лобачевский отлично понимал, что геометрия изучает одно из свойств тел объективного мира — протяжение.

Считая, что источником геометрических понятий является «соприкосновение», с определения которого должна начинаться геометрия, Лобачевский писал:

«Между свойствами, общими всем телам, одно должно называться *Геометрическим*, — прикосновение... понятие приобретено чувствами, преимущественно зрением, и сими-то чувствами мы его постигаем. Прикосновение составляет отличительное свойство тел: ни в силах или времени и нигде в природе более его не находим. Отвлекая все прочие свойства, телу дают название — *Геометрического*»³⁵.

Н. И. Лобачевский считал, что правильность всех наших рассуждений в геометрии проверяется установлением соответствия их объективной действительности, посредством опытного наблюдения: «Напрасное старание со времен Евклида, в продолжение двух тысяч лет, заставило меня подозревать, что в самих понятиях еще не заключается той истины, которую хотели доказывать и которую проверить, подобно другим физическим законам,

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 37.

³³ Там же, стр. 39.

³⁴ Н. И. Лобачевский. Полное собрание сочинений, т. I. М.—Л., 1946, стр. 186.

³⁵ Там же, стр. 187.

могут лишь опыты, каковы, например, астрономические наблюдения»³⁶.

Н. И. Лобачевский был убежден, что геометрические отношения, которые имеют место в неевклидовой геометрии, отражают отношения, существующие в природе: «...Нельзя не увлекаться мнением Г. Лапласа, что видимые нами звезды и млечный путь принадлежат к одному только собранию небесных светил, подобному тем, которые усматриваем как слабо мерцающие пятна в созвездиях Ориона, Андромеды, Козерога и проч. Итак, не говоря о том, что в воображении пространство может быть продолжаемо неограниченно, сама Природа указывает нам такие расстояния, в сравнении с которыми исчезают за малостию даже и расстояния нашей земли до неподвижных звезд»³⁷.

Аксиоматический подход к изучению некоторых явлений может быть плодотворным, если при этом твердо стоять на позициях философского материализма. Тогда, как это справедливо указывает Л. П. Гокиели, аксиоматика, как видно на примере геометрии Н. И. Лобачевского, не означает отхода от предметности и содержательности.

Аксиоматическое исследование даже при правильном материалистическом истолковании сущности аксиом не может быть универсальным способом исследования. Аксиоматическое исследование имеет узкую область применения, и если в геометрии аксиоматический метод на материалистической основе дает положительные результаты, то это не означает, что вообще всю математику можно аксиоматизировать, а тем более нельзя думать, что всю логику можно построить на системе нескольких аксиом.

2. Закон противоречия.

Последовательность и истинность мышления

а) К истории вопроса

Многие формальные логики истолковывали и истолковывают закон противоречия не только как закон последовательности мышлений, не имеющий никакого отношения к истинности, но и как закон, отрицающий наличие противоречий в объективной действительности. Некоторые логики формулировали этот закон следующим образом: «Та же вещь не может быть А и не А» (Бэн); поясняя этот закон, Бэн приводит следующий пример: «Эта комната не может быть и теплою и не теплою, т. е. холодною».

Такой же метафизический характер имеет этот закон у многих представителей немецкой логики, которая начиная с Вольфа истолковывает закон противоречия как закон отрицания противоречий в объективной действительности. Вольф формулировал этот

³⁶ Там же, стр. 219.

³⁷ Там же, стр. 209.

закон следующим образом: «Невозможно, чтобы то же было вместе и не было» или «та же вещь не может зараз быть и не быть».

Логика, которые истолковывают закон недопустимости противоречия как закон чистой последовательности мыслей, связывают это истолкование с отрицанием противоречий в объективной действительности. Такая связь, например, имеет место в логике Канта и, как мы увидим потом, в логической системе Н. А. Васильева.

Кант, отрицая наличие материального критерия истинности, признавал существование только одного всеобщего формального критерия истинности, сущность которого состоит в согласии знания исключительно с самим собою, «при полной абстракции от всяких объектов вообще и от всех их отличий»³⁸. Он считал, что мы не можем решить вопроса о том, согласуется ли знание с объектом, прежде чем мы не решим вопроса о том, согласуется ли оно по форме с самим собою, т. е. формальная истинность или последовательность мышления предшествует материальной и существует независимо от нее. Последовательность мысли существует ради самой себя.

Таковыми формальными критериями истинности, по мнению Канта, являются два закона: 1) закон противоречия³⁹ и 2) закон достаточного основания. Закон противоречия, требующий, чтобы знание не противоречило самому себе, является отрицательным критерием, он указывает, что внутреннее противоречие недопустимо, что непротиворечивость является необходимым, хотя и недостаточным, условием истинности знания.

³⁸ Кант. Логика, стр. 44.

³⁹ Иногда, как, например, в «Логике», Кант объединяет закон противоречия с законом тождества, которые обосновывают возможность знания, а в других произведениях он разделяет эти два закона. Причем в некоторых работах он на первое место ставит закон тождества, а в некоторых — противоречия. В иных случаях, разделяя эти два закона, он указывает, что они обосновывают возможность различных видов суждения. Так, например, в своей работе «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» Кант писал: «Все истинные суждения должны быть или утвердительными, или отрицательными. Так как *форма* каждого *утверждения* состоит в том, что нечто представляется как некоторый признак вещи, т. е. как нечто одинаковое с признаком этой вещи, то каждое утвердительное суждение истинно, если предикат *тождествен* с субъектом. И так как *форма* всякого *отрицания* состоит в том, что нечто представляют как противоречащее данной вещи, то отрицательное суждение истинно, если *предикат* противоречит субъекту. Следовательно, положение, выражающее сущность всякого утверждения, и, стало быть, составляющее высшую формулу всех утвердительных суждений, гласит: каждому субъекту присущ предикат, который с ним тождествен. Таков *закон тождества*. А так как положение, выражающее сущность всякого отрицания, — ни одному субъекту не присущ предикат, который ему противоречит, — есть *закон противоречия*, то этот закон представляет собой первую формулу всех отрицательных суждений. Оба вместе они составляют высшие и всеобщие в формальном смысле принципы всего человеческого разума» (Кант. Сочинения, т. 2. М., 1964, стр. 267—268).

Формализм логики Канта в истолковании законов мышления вообще и закона противоречия в особенности состоит в том, что Кант отрывает формальный критерий истинности (последовательность мыслей) от соответствия знания объективной действительности (от материального). Формализм и идеализм логики Канта заключается в априоризме, но не только в этом. Отрывая формы мысли от объективной действительности, Кант отрицает при этом наличие в последней противоречий, он рассматривает объективную действительность как типичный метафизик, а поэтому закон противоречия он формулирует следующим образом: «Ни одной вещи не присущ предикат, противоречащий ей».

Последующая формалистическая логика школы Канта (Герbart, Дробиш и другие) придерживалась этого метафизического и идеалистического истолкования закона противоречия, выхолащивала все материалистические тенденции, имевшие место в аристотелевской логике вообще и в истолковании Аристотелем сущности закона противоречия в частности. Против метафизического истолкования закона противоречия выступали некоторые буржуазные логики, в частности, против закона противоречия, как закона, отрицающего противоречия в объективной действительности, выступил Гегель в своей «Логике».

Гегель, критикуя бессодержательность формальных законов мысли, как закона тождества, так и закона противоречия (он полагает, что закон противоречия является отрицательной формой закона тождества), утверждает, что, «*во-первых*, начало тождества или противоречия, взятое в том смысле, что оно должно выражать как истину лишь абстрактное тождество в противоположность различию, не есть закон мышления, а есть, наоборот, противоположность такого закона; и что, *во-вторых*, эти начала содержат в себе более, чем ими *хотят сказать*, а именно: эту противоположность, само абсолютное различие»⁴⁰.

Выступая против метафизического истолкования логического закона противоречия, Гегель развивает учение о том, что «*все вещи противоречивы в самих себе*; и притом в том смысле, что это предложение выражает по сравнению с прочим и истину и сущность вещей»⁴¹.

Гегель критикует тех философов и логиков, которые устраняют противоречия из вещей, втискивают противоречие в субъективную рефлексии, считают противоречие случайностью, дефектом и т. д. По мнению Гегеля, «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»⁴².

Ежедневный наш опыт говорит нам о том, «что *существует* по меньшей мере множество противоречивых вещей, противоре-

⁴⁰ Гегель. Сочинения, т. V. М., 1937, стр. 489.

⁴¹ Там же, стр. 519.

⁴² Там же, стр. 520.

чивых учреждений и т. д., противоречие которых находится не только в некоторой внешней рефлексии, а в них самих. Но, далее, противоречие не следует принимать только за какую-то аномалию, встречающуюся лишь кое-где: оно есть отрицательное в его существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в некотором изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное наличное бытие. Нечто движется не поскольку оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом «здесь» одновременно и находится и не находится. Надлежит согласиться с древними диалектиками, что противоречия, которые они нашли в движении, действительно существуют; но из этого не следует, что движения нет, а наоборот, что движение есть само *существующее* противоречие»⁴³.

Таким образом, Гегель в противоположность метафизикам и, в частности, Канту рассматривает противоречие в вещах не как дефект или погрешность, а, наоборот, по мнению Гегеля, эти противоречия составляют сущность, принцип самодвижения вещей. Аргументы Гегеля имеют полную силу в отношении метафизического истолкования законов противоречия со стороны многих логиков, отрицавших существование противоречий в объективной действительности, внутри самих вещей, но гегелевская критика формализма и метафизики в истолковании закона противоречия ограничена.

Эта ограниченность гегелевской критики метафизического истолкования закона противоречия состоит, во-первых, в том, что Гегель, как указывали классики марксизма-ленинизма, только в спекулятивной характеристике угадал действительные противоречия вещей, но не раскрыл существа движения и противоречия как источника самодвижения и развития вещей.

Во-вторых, критикуя метафизическое истолкование логического закона противоречия (как закона, отрицающего существование противоречий в объективной действительности), Гегель отбросил вовсе этот закон, не вскрыл что же в этом законе является относительно истинным, в каком смысле и где действительно недопустимы противоречия. В силу этого логического нигилизма Гегеля по отношению к формальной логике вообще и закону противоречия в частности, аргументы Гегеля не имеют силы против тех, кто утверждает возможность самопротиворечий, путаницы, эклектического смешения различных сторон в мышлении, против всех тех, кто хочет совместить несовместимое.

Вопросы значимости, границ применения закона противоречия обсуждались и в русской логике. Так, например, А. И. Введенский разделяет представление и мышление, ограничивая сферу

⁴³ Гегель. Сочинения, т. V, стр. 520—521.

действия закона противоречия таким миром представлений, в котором не может быть противоречий: «В представлениях противоречия неосуществимы; ибо осуществление противоречия непредставимо. Например, никак нельзя *представить*, т. е. воплотить в образ, что ртуть *сразу* и упруга и не упруга, что она *сразу* и находится и не находится перед нами и т. п. Все это можно только *мыслить*, т. е. можно переживать суждения, в которых содержатся эти противоречия, но нельзя *представить* эти противоречия осуществленными»⁴⁴.

Таким образом, Введенский отрицает наличие и возможность противоречия в мире явлений, представлений. Но возможно ли противоречие в мышлении, в мире сущностей? Этот вопрос мы не в силах, по мнению А. И. Введенского, разрешить, а следовательно, мы не можем доказать, что возможно достоверное знание о сущности, о «вещах в себе».

б) Взгляды Н. А. Васильева и их критика
с позиций диалектической логики

Так же по-кантиански ставит и разрешает проблему значимости закона противоречия Н. А. Васильев. Во-первых, в полном согласии с метафизической логикой Канта он утверждает, что в нашем мире нет противоречий в вещах, а поэтому аристотелевская логика — это, по Н. А. Васильеву, логика мира, лишённого противоречия, во-вторых, разграничивая закон недопустимости противоречия в субъекте и закон, отрицающий противоречия в объективной действительности, Н. А. Васильев считает истинными оба, утверждая при этом чисто субъективный, формальный характер первого. Требование недопустимости самопротиворечия, по его мнению, не обусловлено ничем объективным — это требование вытекает из природы субъекта. Таким образом, в интерпретации закона противоречия у Н. А. Васильева сочетается формализм с метафизикой и субъективизмом.

Отрицая наличие противоречий в нашем мире, Н. А. Васильев допускает возможность существования противоречий в вещах других миров:

«Закон противоречия есть закон земной логики; при его помощи мы хорошо разбираемся в наших земных отношениях, и мы не находим нигде противоречивых вещей. Но почему не предположить во Вселенной, беспредельной в пространстве, безграничной в своем разнообразии, такие миры, где бы реально существовали противоречивые вещи? Как можно знать что-нибудь о непознаваемом, знать, например, что там нет противоречия?»⁴⁵

Совершенно правильно стремясь выйти за узкие горизонты традиционной логики, «внести и в логику идею бесконечности,

⁴⁴ А. И. Введенский. Логика как часть теории познания. СПб., 1922, стр. 306.

⁴⁵ Н. А. Васильев. Логика и металогика, стр. 58.

великую идею нового времени с ее бесконечно большим астрономической вселенной, с ее бесконечно малым математического анализа», правильно указывая, что «в логике всегда нехватало бесконечности, маленькой и замкнутой была она со своими 19 модулями силлогизма и 4 правилами индукции»⁴⁶, правильно подымая проблему выхода за узкие горизонты аристотелевской логики, Н. А. Васильев ставит и решает эту проблему неправильно, метафизически, утверждая неизменность нашего мира, отрицая наличие противоречий в реальном мире, отсылая эти противоречия в какой-то иной, воображаемый мир.

Метафизичность логических воззрений Н. А. Васильева отразилась и в истолковании им закона противоречия, который он понимал как закон, отрицающий противоречия в объективном мире.

Проблему значимости и границ применения логического закона недопустимости противоречия правильно поставила и разрешила марксистско-ленинская логика — логика диалектического материализма.

Метафизика признает в мире абсолютность покоя и тождества, отрицает движение и различие; софистика и эклектика, признавая абсолютность движения и различия, отрицает наличие относительного покоя, относительной устойчивости, смешивает различные стороны предмета, гибкость мышления истолковывает чисто субъективно как отрицание определенности. Диалектика же, признавая абсолютность движения и различия, признает одновременно и относительное существование покоя и тождества, диалектика связывает (а не эклектически смешивает) различные стороны предмета, покой и движение, тождество и различие, показывая, что тождество существует только в различии, что тождество относительно, а следовательно, относительны и те законы, которые отражают только одну сторону действительности — покой и тождество.

Диалектическая логика, преодолевая ограниченность законов элементарной (формальной, в смысле — школьной) логики, является высшей ступенью в развитии логики, ибо ее законы отражают и сторону тождества, и сторону различия, и сторону покоя, и сторону движения, но не в отрыве друг от друга (как это делает метафизика и софистика), а в диалектическом единстве.

Диалектическая логика вскрывает связь тождества и различия, покоя и движения — вот почему диалектическая логика противоположна как метафизике, так и софистике и эклектике.

Гибкость мышления не исключает, а, как настойчиво подчеркивали классики марксизма-ленинизма, самым решительным образом предполагает твердость, решительность, определенность. Марксистская диалектика органически сочетает в себе гибкость

⁴⁶ Н. А. Васильев. Логика и металогика, стр. 80—81.

и определенность. Единство этих двух требований (единство двух противоположностей) — гибкости и определенности мышления составляет существенный момент конкретно-исторического подхода к явлениям действительности.

Классики марксизма-ленинизма в связи с этим боролись, с одной стороны, против метафизики тех, которые отрицали гибкость мышления, которые считали наши понятия, как и саму действительность, застывшими, неизменными, с другой стороны — против субъективного, софистического истолкования гибкости понятий, противоречий в мышлении.

Когда речь заходит о логическом законе недопустимости противоречия, то обыкновенно спрашивают: а не противоречит ли логический закон недопустимости противоречия закону единства и борьбы противоположностей в материалистической диалектике? Сама постановка этого вопроса говорит о том, что если они оба правильны, то они не должны противоречить друг другу, ибо невозможно, чтобы противоречащие друг другу одновременно были истинными. Раз мы спрашиваем, а не противоречат ли они друг другу, значит мы убеждены, что противоречить нельзя, что логический закон недопустимости противоречия имеет значимость и практическое применение.

Да, действительно, они не противоречат друг другу, оба имеют место в системе логики диалектического материализма. Они не противоречат друг другу потому, что говорят о разных предметах: один — закон диалектики говорит о том, что в объективном мире существуют противоречия, борьба которых является источником развития предмета, что для того, чтобы знать сущность предмета, надо вскрыть эти противоречия; другой — логический закон противоречия запрещает противоречия, но не противоречия вещей объективного мира, о которых говорит закон диалектики, а противоречия в мышлении. Он запрещает самопротиворечия субъекта, непоследовательность субъекта в мышлении об объективном мире.

Марксистская диалектика, вскрывая законы развития объективного мира, противоречия в явлениях природы и общества, не допускает путаницы в мышлении, самопротиворечий, она запрещает не только это самопротиворечие, но и подмену противоречий объективного мира самопротиворечиями, субъективной путаницей мнений: нельзя оправдывать диалектикой противоречия в субъекте, нельзя принимать за объективное развитие и его противоречия нашу неспособность в отдельных случаях ясно, отчетливо и последовательно мыслить. Таким образом, марксистская диалектика не исключает недопустимость логической противоречивости, а, наоборот, предполагает ее в целях вскрытия законов природы и общества. Для того, чтобы вскрыть противоречия объективного мира, нужно ясно, последовательно мыслить, требуется логическая непротиворечивость. В. И. Ленин писал: ««Логической противоречивости», — при условии, конечно, пра-

вильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе»⁴⁷.

Мир закономерен, он развивается по законам движущейся материи, поэтому в нашем отражении его законов не должно быть никакого произвола, ничего того, чего нет в самой действительности, мы не должны вносить в мир субъективной путаницы. В нашем отражении мы должны вскрывать действительное развитие мира и его законов, а поэтому и недопустима логическая противоречивость, произвол, смешение, путаница наших мыслей, в которых не должно быть ничего того, чего нет в объективной действительности.

Таким образом, логическая непротиворечивость обусловлена закономерностями объективного мира и законами его отражения в сознании людей. Для того, чтобы отразить мир и его законы такими, какими они являются, необходимо соблюдение логической непротиворечивости.

3. Проблема существа и классификации суждений в логике Н. А. Васильева

В логических воззрениях Н. А. Васильева большое место занимает учение о суждении. Этому вопросу специально посвящена одна из его логических работ, этот вопрос он подвергает обсуждению и в других своих работах по логике. В учении о классификации и существе различных форм суждения Н. А. Васильев порою близко подходил к правильной постановке ряда вопросов, угадывал контуры их разрешения. Нам кажется, что наибольшую ценность имеет не общая постановка вопроса Н. А. Васильевым о суждении, а постановка вопроса им по ряду частных проблем. В частности, он угадывал контуры правильного разрешения вопроса о связи различных форм суждения друг с другом, о связи частных суждений с проблематическими и дизъюнктивными и т. д. Остановимся подробнее на его учении о суждении с тем, чтобы на основании критического рассмотрения взглядов Н. А. Васильева на суждение обсудить ряд животрепещущих вопросов, связанных с учением о суждении.

а) Суждение противоречия

Воображаемая логика Н. А. Васильева является логикой без закона противоречия в его метафизическом истолковании — логика мира, в котором возможны противоречия. Поставив вопрос о возможности логики мира, в котором возможны объективно противоречия, он попытался вскрыть, какие же изменения произойдут в логике, если из логики удалить закон противоречия, согласно которому отрицаются противоречия в объективном мире,

⁴⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 91.

как изменится в соответствии с этим учение о формах логического мышления, какие новые формы логического мышления возникнут, которых не знает традиционная логика, отрицающая наличие противоречий в объективном мире.

Прежде всего, должно измениться, по мнению Н. А. Васильева, учение о суждении и его формах. Традиционная (аристотелевская) логика делила все суждения по качеству (по характеру связки) на суждения утвердительные и отрицательные. В вообразаемой логике, кроме утвердительного суждения « S есть P » и отрицательного « S не есть P » можно образовать третью форму: « S есть P и не P сразу» (или лучше « S есть и не есть P сразу»). Это суждение, названное Васильевым суждением противоречия, «представляет совершенно особый случай по сравнению с утвердительным и отрицательным суждениями, а именно: соединение противоречащих предикатов,— а потому должно считаться совершенно особой формой суждения. Суждение противоречия есть суждение, потому, что суждение есть высказывание истинного, а если в каком-нибудь мире противоречие реально, истинно, то высказывание противоречий будет истинным, и, значит, будет суждением»⁴⁸.

Н. А. Васильев полагает, что в нашем мире с этим суждением мы встречаемся только тогда, когда, мысля противоречие, мы бракуем его. На самом же деле нами бракуется не мышление противоречия, а противоречивое мышление. Мыслить противоречие можно и должно, ибо только вскрывая противоречие в вещах можно познать сущность их, но противоречиво мыслить нельзя, ибо это равносильно самоопровержению. Поэтому суждение формы « S есть P и не P сразу» является суждением логики не вообразаемого мира, как это думает Н. А. Васильев, а нашей реальной действительности. Например, в какой форме суждения можно выразить, что тело, когда оно движется, находится в данном месте и не находится в данном месте сразу, кроме как в форме суждения противоречия: « S (тело в процессе движения) есть P и не есть P сразу» (находится и не находится в данном месте одновременно).

Можно привести много примеров, подтверждающих мысль о том, что наше мышление выражает противоречия объективного мира в форме суждений противоречия⁴⁹.

Является ли это суждение противоречия⁵⁰ новой по качеству формой суждения наряду с утвердительными и отрицательными

⁴⁸ Н. А. Васильев. Логика и металогики, стр. 63.

⁴⁹ Суждения противоречия нельзя смешивать с противоречивыми суждениями. Противоречивые суждения недопустимы, они являются признаком алогичности нашего мышления, а суждения противоречия отражают противоречия вещей в действительности.

⁵⁰ Н. А. Васильев называет это суждение не только суждением противоречия, но и иногда индифферентным суждением. Нам кажется, что лучше эту форму суждения называть суждением противоречия.

суждениями? Нам кажется, что нет. Суждение противоречия — это новое суждение прежде всего по содержанию, но не по форме. По форме суждение противоречия может быть как утвердительным, так и отрицательным. Суждение противоречия — это такое суждение, в котором субъектом является носитель противоречия (явление или вещь), а предикатом само противоречие. Противоречие — это предикат суждения, а поэтому суждение противоречия может быть утвердительным суждением «S есть Р», где Р означает противоречие (Р есть А и не А сразу). Суждение противоречия может быть также и отрицательным по форме, если в нем мы будем указывать на отсутствие некоторого противоречия у данного предмета: «S не есть Р», где Р есть А и не А сразу. Ведь можно у одного предмета обнаружить какое-либо противоречие, а у другого этого противоречия не обнаружить.

Одним словом, суждение противоречия не является новой формой суждения наряду с утвердительными и отрицательными суждениями, ибо противоречие составляет содержание предиката, а не связки, а, как известно, суждения делятся на утвердительные и отрицательные суждения по характеру связки, а не по характеру предиката. Поэтому не прав Н. А. Васильев, когда он суждение противоречия считал новой формой суждения по качеству связки.

Мы должны указывать на суждение противоречия как на особую форму суждения тогда, когда мы будем классифицировать суждения не по характеру связки, а по содержанию предиката.

Н. А. Васильев не мог правильно поставить и разрешить этой проблемы потому, что он ставил и разрешал ее как метафизик, отрицающий наличие противоречий в земном мире.

Субъективизм логики Н. А. Васильева выражается в истолковании происхождения различных форм суждения: утвердительной, отрицательной и индифферентной. Он считает, что утвердительное суждение первоначально. Металогика как основа всякой логики вообще имеет только одну форму суждения — утвердительное суждение, которое представляет собой возможность суждения как логической формы. Законы металогике — законы познающего субъекта, а поэтому и утвердительная форма суждения имеет свое основание в субъекте, а не в объекте.

В эмпирической аристотелевской логике возможны две формы суждения: утвердительная и отрицательная. Причем отрицательное суждение в противоположность утвердительному не является самостоятельным, оно представляет собой как бы суждение о суждении, отрицание есть опровержение ложного суждения. В металогике же нет отрицательных суждений потому, что в ней не может быть ошибок, это логика божественная. Основанием отрицания и отрицательных суждений в эмпирической логике является факт существования несовместимых признаков: «Без факта

существования несовместимых предикатов не было бы отрицания в нашем смысле слова, а, значит, не могло бы быть и закона противоречия, который есть только следствие из определения нашего отрицания, из его основного свойства сводиться к несовместимости»⁵¹.

Таким образом, отрицание не является отражением объективной действительности в логике Н. А. Васильева, а опять-таки результатом познавательной деятельности субъекта — отрицательное суждение есть суждение о суждении. Только в воображаемом мире можно предположить, что отрицание будет таким же непосредственным, как и утверждение.

В этой воображаемой логике возможны три формы суждения: утвердительное, отрицательное и индифферентное или суждение противоречия.

б) Неопределенное суждение

В работах Н. А. Васильева был подвергнут обсуждению вопрос о классификации суждений не только по качеству, но и по количеству. Этому вопросу он посвятил специальную работу «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого»⁵², в которой излагается содержание пробной лекции, прочитанной им в Казанском университете в мае 1910 г.

В этой работе Н. А. Васильев подверг критике традиционную классификацию суждений на суждения А, Е, I, O. Стремление пересмотреть эту традиционную классификацию является вполне закономерным.

В логике Аристотеля наряду с общими суждениями: «все S суть (не суть) P» — и частными: «некоторые (не все) S суть (не суть) P» — имели место суждения неопределенные: «S есть (не есть) P» или «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P». Последующая логика под частными суждениями стала понимать как те суждения, которые Аристотель называл частными, так и те, которые Аристотель считал «неопределенными», не делая никакого различия между этими суждениями.

Н. А. Васильев правильно считает, что надо разграничивать частные суждения от неопределенных, что эти два рода суждений не идентичны друг к другу.

Но, правильно ставя вопрос о необходимости разграничения этих двух форм суждений, Н. А. Васильев не прав, когда он вообще не признает неопределенное суждение формы «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P» за суждение, считая его неопределенным предложением. Оно не является суждением потому, говорит Н. А. Васильев, что оно содержит в себе

⁵¹ Н. А. Васильев. Логика и металогика, стр. 69.

⁵² См. «Ученые записки императорского Казанского университета». Год LXXVII. Десятая книга, октябрь 1910.

два утверждения: оно истинно, когда все S суть (не суть) P и когда только некоторые S суть (не суть) P. А эти два утверждения, по его мнению, противоречат друг другу, одно исключает другое: или «все S суть (не суть) P», или только «некоторые S суть (не суть) P». Суждение, считает Н. А. Васильев, никак не может содержать в себе два противоречащих друг другу утверждения.

Неопределенное суждение содержит элемент проблематичности («некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P»), а проблематическое предложение не может считаться, по мнению Зигварта и Н. А. Васильева, суждением. То колебание, которое имеется в неопределенном предложении между «все и только некоторые», имеет чисто субъективный характер. Придерживаясь точки зрения Зигварта на характер проблематических суждений, Н. А. Васильев считает, что неопределенное предложение, как всякое другое проблематическое предложение, является суждением, но не о вещах объективного мира, а в самом говорящем (судящем). Оно выражает его субъективное отношение не к объективному миру, а к некоторому другому суждению, оно выражает только наши колебания, не отражая никакой объективной реальности; неопределенное предложение формы «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P» не суждение, а только попытка суждения: «Неопределенное суждение «некоторые S, а может быть и все S суть P» представляет из себя сложную форму, оно выражает наше субъективное колебание между общим и частным суждением, но не представляет из себя какой-нибудь третьей формы наряду с ними. Уже самое противоположение некоторых всем в этой формуле указывает, что «некоторые» может значить только «не все» и что мы тут действительно имеем [дело] с колебанием между общим и частным. Неопределенное суждение просто указывает, что мы еще не выбрали между общим и частным суждением, что процесс суждения не закончился, что мы еще находимся в колебании»⁵³.

Что же собой в действительности представляет неопределенное суждение формы «некоторые, а может быть и все S, суть (не суть) P», действительно ли оно выражает только наше субъективное колебание между общим и частным, смесь знания и незнания, как это полагает Н. А. Васильев, или же оно отражает объективно существующую реальность? Каково познавательное значение этих суждений? Прав ли Н. А. Васильев, утверждая, что «неопределенные суждения суть леса, необходимые для научного зодчества, но они являются лишними, когда здание науки завершено. Они материал, из которого создается наука, но не самая наука, эскизы научной картины мира, но не самая картина»⁵⁴.

⁵³ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 11—12.

⁵⁴ Там же, стр. 12.

Что собой представляет неопределенное суждение: только чисто психологическую стадию познавательного процесса или его логическое выражение?

В процессе развития познания в связи с изменением и углублением нашего знания (содержания суждений) изменяется и форма знания (в частности форма суждений). Поэтому различные формы суждения следует изучать в их движении, в изменении, которое происходит в зависимости от развития познания, содержания знания. Только в таком случае мы можем вскрыть сущность, место и значение любой формы мышления, только тогда мы можем указать ценность знания, выраженного в данной форме, — вскрыть познавательную ценность различных форм суждения. Изучение движения форм мышления в процессе развития познания, как указали классики марксизма-ленинизма, является ключом для разрешения всех сложных логических проблем. Ф. Энгельс писал: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из низлежащих»⁵⁵.

Мы не сразу можем высказать суждение: «Все S суть (не суть) P». Человек в процессе познания прежде всего знакомится с несколькими экземплярами класса предметов S, а может быть и с одним. Изучая эти экземпляры, он находит, что они имеют (или не имеют) признак P. Так, например, не сразу люди пришли к суждению: «все металлы — электропроводны». Сначала люди убедились, что некоторые металлы электропроводны. Процесс познания начинается с установления какого-либо факта. Установлен факт, что есть металлы, которые проводят электричество.

Познание есть процесс, который не останавливается на установлении факта, на формулировании частного суждения: «некоторые S суть (не суть) P». Установление факта, которое выражается в форме частного суждения: «некоторые S суть (не суть) P», — это только начало познания, но не конец его. Дальше нужно выяснить: «только ли некоторые S суть (не суть) P» или, может быть, «все S суть (не суть) P», — ведь не исключена возможность, что именно «все S суть (не суть) P». Исследователь, который установил, что некоторые металлы электропроводны, обязательно поставит вопрос, а не являются ли все металлы электропроводными. Эта постановка вопроса ориентирует его на дальнейшее исследование предмета, она указывает пути дальнейшего рассмотрения предмета.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 538.

Поставив вопрос о том, что возможно «все S суть (не суть) P», ученый выражает результаты своих исследований уже не просто в суждении «некоторые S суть (не суть) P», но он в свое суждение включает мысль о возможности того, что «все S суть (не суть) P» — «возможно, что все металлы электропроводны». Суждение «некоторые S суть (не суть) P» не отразит всего содержания его мысли, ибо в этом суждении отсутствует мысль о реальной возможности для всех S предиката P.

Содержание его мысли может выразить поэтому только такое суждение, которое, во-первых, будет отражать установление факта, что «некоторые S суть (не суть) P», а, во-вторых, реальную возможность, что, «может быть, и все S суть (не суть) P». Неопределенное суждение формы «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P» является как раз таким суждением, в котором оба эти момента находят выражение. Неопределенное суждение отражает фактическое, достоверное знание о части предметов данного класса и возможное, проблематическое знание о всех предметах данного класса.

Следовательно, неопределенное суждение выражает определенную ступень в познании действительности.

Неопределенное суждение неопределенно потому, что достоверно неизвестно, все или только некоторые S суть (не суть) P. Возможны четыре случая отношения субъекта и предиката в неопределенном суждении.

Первый случай: некоторые S суть P, а некоторые S не суть P, т. е. только некоторые S суть P, или понятия субъекта и предиката суждения находятся в отношении частичного совпадения.

Второй случай: некоторые S суть P, но все P суть S, т. е. когда субъект и предикат находятся в отношении подчинения, субъект — родовое понятие, а предикат — видовое.

Третий случай: когда не только некоторые S суть P, но и все S суть P, но при этом только некоторые P суть S, т. е. когда субъект и предикат находятся в отношении подчинения, но предикат является родом, а субъект — видом.

Наконец, последний, четвертый, случай, когда все S суть P и все P суть S, т. е. когда субъект и предикат суждения — равнозначные понятия.

Когда нам дапо неопределенное суждение формы «некоторые, а может быть и все S суть P»⁵⁶, то мы не знаем, как

⁵⁶ Неопределенное суждение может быть как утвердительным, так и отрицательным. В отрицательном неопределенном суждении: «некоторые, а может быть и все S не суть P», отношение между объемами субъекта и предиката также неопределенно и возможно несколько случаев:

1-й случай: некоторые S не суть P, а некоторые S суть P, т. е. когда субъект и предикат находятся в отношении частичного совпадения.

2-й случай: некоторые S не суть P, но все P суть S, т. е. когда

относятся понятия субъекта и предиката суждения, мы можем только сказать, что их отношение будет соответствовать одному из перечисленных нами случаев, но какому именно, пока неизвестно. Только последующее исследование даст ответ на этот вопрос.

По сути дела, вывод в неполной индукции надо формулировать в форме неопределенного суждения «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P ». В такой формулировке вывод неполной индукции будет достоверным. В самом деле, в неполной индукции достоверно мы можем заключать только о некоторых S , что они суть (или не суть) P .

Следовательно, проблематичность в неопределенном суждении выражает не наши чисто субъективные колебания, как думали Зигварт, Н. А. Васильев и др., а имеют реальное, объективное обоснование — установление факта, что некоторые S суть (не суть) P . Установление некоторого факта (ассерторическое суждение) является основанием (ведет) к постановке проблемы (к высказыванию проблематического суждения), разрешение одной проблемы ведет к постановке другой — новой, в этом и заключается непрерывность научного исследования. Проблема, вопрос являются расширением нашего познания. Проблема глубже и содержательнее того знания, на основе которого ставится эта проблема⁵⁷.

Н. А. Васильев, рассматривая различные виды суждения отдельно друг от друга, вне связи друг с другом, вне их движения и развития, которое отражает движение и развитие познания от незнания к знанию, не вскрыл и не мог вскрыть познавательного значения неопределенных суждений: «Неопределенные суждения,— пишет он,— могут фигурировать только в качестве научной проблемы, а не научного решения. Это верно для наук эмпирических, но еще более верно для наук рациональных. Можно ли представить себе геометрическую теорему в форме: «Некоторые, а может быть и все S суть P »? В рациональных науках неопределенные предложения прямо нелепы»⁵⁸.

С этим положением Н. А. Васильева никак нельзя согласиться потому, что неопределенные суждения встречаются в любой науке, в том числе и в математике. Математические положения не даны извечно, а возникли на определенном уровне развития человеческого знания. В процессе формирования этих по-

субъект и предикат суждения находятся в отношении подчинения, субъект — родовое понятие, а предикат — видовое.

3-й случай: некоторые и все S не суть P (ни одно S не есть P), т. е. когда субъект и предикат являются несовместимыми понятиями.

⁵⁷ Вопросы, связанные с правильной постановкой проблемы, обсуждались нами в статье «Формально-логическая и диалектическая постановка вопроса (к вопросу о законе исключенного третьего)». — Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, 1948, № 10.

⁵⁸ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 13.

ложений ученые также высказывали суждения формы «некоторые, а может быть и все S суть P ». Математика, как наука, развивается, а это развитие означает, что в ней происходит движение от незнания к знанию, которое осуществляется посредством разрешения одних проблем и постановки на базе достигнутого знания новых проблем.

С Н. А. Васильевым нельзя согласиться еще и потому, что он абсолютизирует различие между постановкой проблемы и ее решением, считая, что есть такие суждения, которые выражают только постановку проблемы (неопределенные суждения), и есть такие суждения, которые выражают только разрешение проблемы (общие суждения). На самом же деле каждое суждение и решает какую-то проблему и ставит новую проблему — решение одной проблемы есть основа для постановки другой. Эта связь в одном и том же суждении — решение одной проблемы и постановки новой — имеется в неопределенном суждении, в котором дается разрешение вопроса: имеются ли такие S , которые суть (не суть) P ? Положительный ответ на этот вопрос ставит новую проблему: а нельзя ли сказать, что все S суть (не суть) P ? И решение одной проблемы и постановка другой одновременно содержится в неопределенном суждении: «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P ». Так обстоит дело не только с неопределенным суждением, а с любым другим.

Некорректным, несомненно, является деление Н. А. Васильевым всех наук на эмпирические и рациональные. Нет наук чисто рациональных, так же, как не может быть наук и чисто эмпирических. В каждой науке имеется и описание и объяснение, имеется и установление факта и выявление причин и законов его возникновения, развития и движения, в нашем знании одновременно содержится момент рациональный и эмпирический, эти две стороны нашего знания нельзя отделить друг от друга, как неотделима индукция от дедукции, анализ от синтеза.

Логика диалектического материализма рассматривает неопределенное суждение не само по себе, а в связи с другими формами суждения, в связи с реальным процессом познания, она показывает, на какой ступени научного познания оно возникает, какое познавательное значение в связи с этим оно имеет, в какую форму суждения оно может перейти и переходит в дальнейшем развитии нашего познания. Только так подходя к разрешению существа логических форм суждения, можно вскрыть природу всех различных форм суждения вообще и неопределенного в частности.

в) Акцидентальное суждение

От неопределенных суждений формы «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P ». Н. А. Васильев отличает суждения формы «только некоторые S суть P ». Он считает, что

эта последняя форма суждения содержит в себе два суждения: «некоторые S суть P» (1) и «некоторые S не суть P(0)»: «Одним словом, когда мы мыслим «некоторые S суть P», мы в то же самое время мыслим «некоторые S не суть P». Мысля частноутвердительное суждение, мы в то же самое время мыслим и частноотрицательное. И обратно, мысля частноотрицательное, мы не можем не мыслить и частноутвердительного. «Некоторые (не все) S суть P». Некоторые люди не гении, значит некоторые — гении. Значит «некоторые S суть P». Частноотрицательное есть непосредственное умозаключение (эдукция) из частноутвердительного. Частноутвердительное есть эдукция из частноотрицательного. Обе эти формы мы можем мыслить только вместе, они крепко и неразрывно связаны друг с другом непреложными законами мысли.

Частноутвердительное и частноотрицательное суждения суть одно суждение, а не два»⁵⁹.

Считая, что частноотрицательное и частноутвердительное суждения, если под словом «некоторые» разумеать «не все, только некоторые», являются одним суждением, Н. А. Васильев предлагает для всех частных суждений одну форму:

«Только некоторые S суть P».

Это суждение он обозначает буквой М.

Продолжая анализировать форму суждения, обозначенную им буквой М, Н. А. Васильев пришел к выводу, что это суждение по сути дела не является частным, ибо когда мы утверждаем «только некоторые S суть P», то мы, поскольку это суждение одновременно содержит и частноутвердительное, и частноотрицательное суждения (1 и 0 сразу), говорим о всем объеме S, часть которого есть P, а часть которого не является P. Исходя из этого, он считает эту форму суждения общим суждением, а не частным.

Логически адекватной формой этого суждения М будет, по мнению Васильева, следующая форма суждения: «все S или суть P, или не суть P».

«Действительно, когда я мыслю: «Некоторые (не все) S суть P», — я должен мыслить в то же время: «Некоторые (остальные) S не суть P»; значит, я зараз мыслю о всех S, мыслю, что некоторые из них суть P, а некоторые не суть P, т. е. «все или суть P, или не суть P».

Вот вполне адекватная форма частного суждения, и только она одна может быть координирована с А и Е, с общеутвердительным и общеотрицательным суждением. По форме субъекта это суждение является общим, затем оно принадлежит к дизъюнктивным суждениям в их простейшем виде антифазиса.

По содержанию своему это суждение вполне эквивалентно 1 и 0. Эта дизъюнктивная форма логически совершеннее част-

⁵⁹ Н. А. Васильев, О частных суждениях..., стр. 13—14.

пой формы, ибо в ней мысль частного суждения совершенно раскрыта, совершенно прояснена»⁶⁰.

Суждения формы «только некоторые S суть P» можно представить не только в виде дизъюнктивного суждения «все S суть P или не суть P», но и в виде, как его называет Н. А. Васильев, акцидентального суждения, которое выражает, что предикат P или S есть нечто случайное, т. е. предикат P может быть и может не быть у любого из S.

Это акцидентальное суждение можно представить в форме: «S может быть P». Как известно, наличие хотя бы одного S, которое бы было P (некоторые S суть P), является вполне достаточным основанием для утверждения реальной возможности для S быть P. Проблематическое (по Н. А. Васильеву, акцидентальное) суждение «S может быть P» непосредственно вытекает из частного суждения «некоторые S суть P». Если факт существует, то он может быть, если некоторые S суть P, то значит возможно, что S есть P.

На связь различных форм суждения в суждении «только некоторые S суть P», правильно указывал Н. А. Васильев, когда он писал: «Частное суждение это вовсе не есть суждение относительно части субъекта, а суждение с составным предикатом, дизъюнктивное суждение в форме антифазиса, наконец, это есть суждение с особого рода связкой: «может быть», «совместимо», — с акцидентальной связкой. Такая акцидентальная связка должна быть признана наряду со связкой утвердительной и отрицательной. Ибо связка акцидентального суждения совершенно особенная, отличная от связки утвердительного и отрицательного суждения.

⁶⁰ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 17.

В таком понимании частного суждения у Н. А. Васильева были предшественники, например Гегель, который в своей «Логике» также «некоторые» в частном суждении истолковывал в смысле «только некоторые». Указывая на то, что сущность частного суждения можно выразить формулой: *«некоторые единичные суть некоторое всеобщее рефлексии»*, Гегель пишет, что это суждение «выступает ближайшим образом как положительное суждение, но оно в такой же мере также и отрицательно; ибо «некоторое» содержит в себе всеобщность; со стороны этой всеобщности оно может быть рассматриваемо как *объемлющее*; но поскольку «некоторое» есть особенность, оно вместе с тем и неадекватно ей. *Отрицательное* определение, полученное субъектом в результате перехода сингулярного суждения [в партикулярное], есть, как показано выше, также и определение соотношения, связки. — В суждении «*некоторые люди счастливы*» заключается *непосредственный вывод*: «*некоторые люди не суть счастливы*». Если *некоторые* вещи полезны, то именно в силу этого *некоторые* вещи не полезны. Положительное и отрицательное суждения уже не оказываются одно вне другого, а партикулярное суждение непосредственно содержит в себе оба суждения вместе именно потому, что оно есть суждение рефлексии. — Но в силу этого партикулярное суждение *неопределенно*» (Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 84).

Эта акцидентальная связка является, воистину в гегелевском смысле синтезом утверждения и отрицания, как само акцидентальное суждение включает в себе зараз и утверждение и отрицание»⁶¹.

Однако, обнаружив связь различных форм суждения в суждении «только некоторые S суть P», Н. А. Васильев метафизически и идеалистически истолковал эту связь. Предостерегая читателей от смешения акцидентального суждения с проблематическим, он писал: «Между тем разница между этими суждениями громадная. Акцидентальное суждение не выражает никакого колебания между двумя гипотезами, не включает в себе двух противоречащих утверждений, вообще не включает в себе ничего проблематического. Оно есть вполне законченное знание, ассерторическое суждение о том, что предикат P не исключается, но и не требуется природой субъекта S, что предикат «блондин» совместим, но не обязателен для понятия «человека».

Оно выражает определенное отношение между понятиями, именно их перекрещивание, их частичное совпадение и является таким же ассерторическим суждением, как общеутвердительное, выражающее включение одного понятия в другое, и общеотрицательное, выражающее их взаимное исключение»⁶².

Понимая проблематическое суждение только как колебание субъекта, Н. А. Васильев в силу этого не мог объяснить той связи, которая существует в суждении формы «только некоторые S суть P» между различными видами суждения вообще и суждением, названным им акцидентальным и проблематическим в особенности. С одной стороны, он считает, что «всякое акцидентальное суждение относительно понятия S является логическим основанием множества проблематических суждений относительно любого из фактических S, мыслимых в этом понятии»⁶³, т. е., с одной стороны, он считает, что частное суждение обосновывает возможность проблематического, а с другой стороны, он, придерживаясь чисто субъективного истолкования сущности проблематических суждений, отрицает связь, существующую между частным и проблематическим суждениями, отрывает их друг от друга, противореча самому себе.

Идеализм и метафизика в понимании Н. А. Васильевым частных суждений выразились также и в том, что он отрывает понятие от факта, считая, что акцидентальное суждение имеет своим субъектом только понятие и выражает какое-либо вневременное, вечное правило. «Напротив того, проблематическое суждение относится всегда к фактам и выражает всегда гипотезу о каком-нибудь фактическом отношении, необходимо имеющем определенный временной характер»⁶⁴.

⁶¹ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 20.

⁶² Там же, стр. 18.

⁶³ Там же, стр. 19.

⁶⁴ Там же, стр. 18.

Поэтому он полагает, что существуют две совершенно различные логики — логика понятий и логика фактов. В логике понятий существуют только общие суждения: утвердительные, отрицательные и акцидентальные, ибо последнее тоже общее: «Нет частных суждений. Все суждения относительно понятий суть суждения общие»⁶⁵. Во всех суждениях логики понятий субъект распределен, а поэтому они различаются друг от друга не по объему субъекта, а по характеру связки: или утвердительная, или отрицательная, или акцидентальная.

В логике понятий имеется и специальный закон — закон исключенного четвертого⁶⁶. В логике фактов суждения делятся на единичные и групповые. Последние имеют следующую форму: «Такая-то группа есть Р». «Чернильница, лампа и пепельница стоят на столе». Модификациями этого группового суждения являются суждения числовые и неопределенно-числовые: «В числовом мы абстрагируемся от качественной определенности группы (Ивана да Петра заменяем двумя людьми). В неопределенно-числовом мы абстрагируемся и от количественной определенности группы (два или четыре заменяем через несколько) и довольствуемся простым указанием, что это — группа, множество. А так как групповое суждение вырастает из единичного, то и числовое и неопределенно-числовое суждение сводятся к суждениям единичным»⁶⁷.

Неопределенно-числовое суждение лежит в основе неопределенного суждения, которое занимает, по мнению Н. А. Васильева, промежуточное положение между фактическим неопределенно-числовым суждением и акцидентальным суждением, ведущим к правилу: «Естествоиспытатель, найдя, что несколько экземпляров исследуемого им класса явлений S фактически обладает свойством Р, строит догадку, предварительную гипотезу «некоторые, а может быть, все S суть Р». Затем познавательный процесс приведет к какому-нибудь правилу (или акцидентальному, или общеутвердительному суждению)...

Акцидентальное суждение оправданно, доказано, когда имеются два фактических неопределенно-числовых суждения, отличающихся только качеством. Несколько S есть Р. Несколько S не есть Р. Это дает нам опыт. Отсюда мы можем заключить: «Все, что подпадает под понятие S, есть или Р, или не Р»⁶⁸.

Хотя Н. А. Васильев и пытается связать суждение фактическое (групповые и числовые) с суждениями правила (акцидентальными, утвердительными и отрицательными) через посредство неопределенных суждений, которые являются как бы про-

⁶⁵ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 20.

⁶⁶ О законе исключенного четвертого см. дальше.

⁶⁷ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 22.

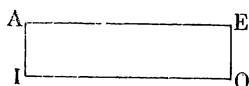
⁶⁸ Там же, стр. 23.

межточной ступенью — мостом между суждениями логики фактов и суждениями логики понятий, но само разграничение логики на логику фактов и логику понятия является порочным.

г) Квадрат или треугольник противоположностей?

Н. А. Васильев в своей логической системе строго отделил суждения неопределенные и неопределенно-числовые от суждений определенных — акцидентальных: «Не все, только некоторые S суть P». Это привело его к мысли о пересмотре правил противопоставления суждений в традиционной логике.

Со времен еще Аристотеля в логике фигурирует квадрат противоположностей, который является схематическим изображением отношений, существующих между суждениями: А, Е, I, О.

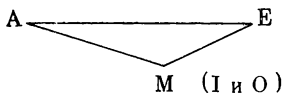
Согласно правилам логического квадрата:

1. Суждения А и Е — противные — не могут быть оба истинными, но могут быть оба ложными.
2. Суждения А—О и Е—I — противоречащие — не могут быть сразу ни истинными, ни ложными.
3. Суждения I—О — подпротивные — не могут быть сразу ложными, но могут быть сразу истинными.
4. Суждения А—I и Е—О — подчиняющие и подчиненные — могут быть и оба истинными и могут быть оба ложными, если: истинно общее, то истинно и частное, если ложно частное, то ложно общее, но из ложности общего не вытекает определенно истинность или ложность частного и из истинности частного не следует определенно истинности или ложности общего.

Н. А. Васильев считает, что правила логического квадрата действительны только для неопределенных и неопределенно-числовых суждений, т. е. когда в частном суждении под «некоторое» разумеется «по крайней мере некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P». Но 2, 3, 4 правила существенно изменятся, если под словом «некоторые» в частном суждении разумеется «не все, только некоторые». В самом деле, допустим мы имеем суждение: «Только некоторые S суть P», «только некоторые колхозники — орденосцы». В таком случае в этом суждении объединятся суждения: 1 — частноутвердительное и 0 — частноотрицательное. Если суждение «только некоторые S суть P» — истинно, то будет ложно суждение А «Все S суть P», т. е. если истинно, что «только некоторые колхозники — орденосцы», то ложно суждение «все колхозники — орденосцы», тогда как по квадрату, ввиду неопределенности самого суждения 1

«некоторые, а может быть и все S суть P», из истинности 1 ничего определенного не следует в отношении суждения A.

Н. А. Васильев считает, что для суждений акцидентальных — «только некоторые S суть P» — действителен не квадрат противоположностей, а треугольник. Существует только три формы суждения A, E и M (1 и 0 вместе). Если расположить их по вершинам треугольника, то мы получим треугольник противоположностей.

В треугольнике противоположностей существуют правила:

Суждения A — E, A — M, E — M — противные — не могут быть оба вместе истинными, но могут быть оба ложными.

Если M истинно, то A и E ложно, т. е. если истинно «не все, некоторые колхозники — орденосцы», значит ложно, что «все колхозники — орденосцы» и ложно также, что «ни один колхозник не является орденосцем». Если M ложно, то или A, или E истинно.

«Если два таких предложения оба ложны, то значит, истинно третье суждение. Если ложны A и E, то истинно M, если ложны A и M, истинно E. Значит, отношение между A, E и M есть отношение полной и исключающей дизъюнкции:

Или S постоянно имеет предикат P (A) общеутвердит.

Или S постоянно не имеет предиката P (E) общеотрицат.

Или S имеет предикат P, как accidens — (M), так как частное суждение»⁶⁹.

Квадрат или треугольник⁷⁰ противоположностей? Н. А. Васильев выбирает треугольник, поскольку он проще и изящнее. Мы считаем неправильно ставить вопрос в форме «или — или», или квадрат, или треугольник. Раз мы решили, что одинаково имеют право на существование и частные суждения неопределенной формы «некоторые, а может быть и все S суть (не суть) P» и частное суждение формы «не все, только некоторые

⁶⁹ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 30.

⁷⁰ Значительно позже опубликования статьи Н. А. Васильева «О частных суждениях...» (Казань, 1910 г.) появилась во французском журнале «Revue de Métaphysique et fur Morale», № 1, за 1913 г. (стр. 101—106) статья Гинзберга («Note sur le sens équivoque des propositions particulières»), в которой Гинзберг высказывает те идеи, которые были высказаны Н. А. Васильевым о значении слова «некоторые» в частном суждении и о треугольнике противоположностей. С Гинзбергом полемизирует Кутюра в нами уже упомянутой статье («Des propositions particulières et de leur portée existentielle». — «Revue de Métaphysique et de Morale», 1913, N 1, pp. 256—259). Идеи Н. А. Васильева или были неизвестны Гинзбергу, или он умолчал о них, фактом является только одно: ни Гинзберг, ни Кутюра не упоминают имени Н. А. Васильева и не ссылаются на его работу «О частных суждениях...»

S суть Р», то значит имеют право на существование как квадрат, так и треугольник противоположностей.

Таким образом, когда ничего неизвестно о всех предметах, входящих в понятия субъекта, а определенное знание имеется только о части субъекта, т. е. когда мы исходим из неопределенного суждения, тогда мы должны, иначе и нельзя, заключать по правилам логического квадрата. Когда же нам известно, что не все S суть Р, а только некоторые, то мы можем и должны умозаключать по правилам треугольника противоположностей, чтобы получить более определенные и конкретные выводы, те, которые позволяют получить содержание нашего исходного суждения. По правилам же логического квадрата мы получаем, в таком случае, ослабленные выводы.

4. Следствия, вытекающие у Н. А. Васильева из его понимания проблемы суждения

а) Закон исключенного четвертого

Н. А. Васильев, во-первых, утверждает, что не только в различных логиках может быть различное число законов мышления, но и в различных системах логики различны сами законы. Один закон, действительный в одной логике, не является законом в другой. Правда, во всех системах логики существует определенный минимум строго обязательных законов логики — закон недопустимости самопротиворечия (закон абсолютного различия истины и лжи) и закон достаточного основания. Остальные же законы логики не являются строго обязательными для всех систем. Например, так как в металогики нет отрицательных суждений, то в ней нет закона исключенного третьего, а есть закон исключенного второго (исключается другая форма суждения, кроме одной утвердительной).

Аристотелевская логика имеет по качеству две формы суждения — утвердительную и отрицательную, поэтому в ней правомерен уже не закон исключенного второго, а закон исключенного третьего (исключается третья форма суждения, кроме двух: утвердительной и отрицательной).

Далее, воображаемая логика имеет три формы суждения: утвердительное «S есть Р»; отрицательное «S не есть Р» и суждение противоречия «S есть и не есть Р» сразу. Потому в этой логике правомерным является уже не закон исключенного третьего, а закон исключенного четвертого (исключается наличие четвертой формы суждения, кроме утвердительной, отрицательной и индифферентной).

Понятие воображаемой логики Н. А. Васильев толкует очень широко. Воображаемая логика — это логика, которая имеет больше двух форм суждения: *«Мы можем мыслить логическую систему с n видами качественных различий суждения, и такую систе-*

му мы будем называть логической системой n -го порядка или n измерений»⁷¹.

В такой логике n -го порядка или n -измерений существует закон, исключаящий для суждения форму $n + 1$ -ю. Исходя из этого, Н. А. Васильев выводит для всех логик общий закон: «...логическая система с n качественными видами суждения предполагает, что $n + 1$ форма невозможна»⁷².

Законы исключенного второго, исключенного третьего и исключенного четвертого являются частными случаями этого закона, который Н. А. Васильев называет законом исключения $n + 1$ -й формы.

Против значимости закона исключенного третьего Н. А. Васильев выступил не только в связи с идеей «воображаемой» логики, но независимо от этой идеи в 1910 г. в своей работе «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого». Уже тогда, разбирая воззрения различных авторов на закон исключенного третьего, он пришел к мысли, что дело не только в том, что закон исключенного третьего не самостоятелен (как утверждали Зигварт, Лотце и другие), даже дело не в том, что он беден содержанием и имеет незначительную познавательную ценность, а в том, что «закон исключенного третьего должен быть совершенно удален из скрини законов мысли»⁷³.

По мнению Н. А. Васильева, реальность бывает двоякого рода: реальность восприятий и представлений и реальность понятий. В соответствии с этим существует и две логики: логика фактов (восприятий и представлений) и логика понятий; в логике фактов суждения бывают или единичными, или неопределенными (неопределенно-числовыми и групповыми), в логике фактов действителен квадрат противоположностей; в логике понятий все суждения общие (утвердительные, отрицательные и акцидентальные), в ней действительным является треугольник противоположностей. Закон исключенного третьего — закон логики фактов, он действителен для фактических суждений, но не правомерен в логике понятий для суждений о правиле. Закон исключенного третьего утверждает, что между противоречащими суждениями нет ничего среднего, третьего, но, говорит Н. А. Васильев, между суждениями о понятии не существует отношения противоречия, а только отношение противности, поэтому в логике понятий действует закон исключенного четвертого, согласно которому для каждого понятия относительно любого приписываемого ему предиката имеется 3 возможности:

- 1) либо ему присущ данный предикат;
- 2) либо ему присущ противоречащий предикат;

⁷¹ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 229.

⁷² Там же, стр. 230.

⁷³ Н. А. Васильев. О частных суждениях..., стр. 41.

3) либо ему присущ тот и другой, т. е. не присущ ни один, а оба совместимы с данным понятием (например, с понятием человека совместим и предикат «блондина» и предикат «неблондина»). Таким образом, для каждого понятия какой-нибудь предикат или необходим (для треугольника замкнутость сторон), или невозможен (для треугольника — добродетель), или возможен (для треугольника равносторонность).

Закону исключенного четвертого Н. А. Васильев дает следующие три формулировки:

1. *«Относительно каждого понятия, взятого, как субъекта и любого предиката, мы можем образовать три различных суждения: одно о необходимости данного предиката для данного понятия, другое о его невозможности и третье о его возможности. Одно из этих суждений должно быть истинно, а четвертого суждения образовать нельзя».*

2. *«Из трех суждений: утвердительного, отрицательного и акцидентального, одно должно быть истинным, а четвертого суждения образовать нельзя».*

3. *«Каждый предикат к каждому понятию относится так, что он или присущ ему как proprium, или присущ как accsidents, или вовсе ему не присущ, а четвертой возможности нет»⁷⁴.*

Закон исключенного четвертого является, по мнению Н. А. Васильева, законом как для воображаемой логики (логики без закона противоречия), так и для действительной логики понятий: «Таким образом,— пишет Н. А. Васильев,— для вещей и представлений истинно одно из двух: или утвердительное, или отрицательное суждение. Для понятий истинно одно из трех суждений: либо утвердительное, либо отрицательное, либо акцидентальное. Закон исключенного четвертого, закон воображаемой логики есть в то же время и закон нашей земной логики понятия. Индифферентное суждение воображаемой логики находит свое соответствие в акцидентальном суждении о понятии «S может быть Р». Это последнее можно рассматривать как своеобразный синтез утверждения и отрицания. В самом деле, акцидентальное суждение — «S может быть Р» — «треугольник может быть равносторонным» эквивалентно такой форме: «Некоторые S суть Р, некоторые S не суть Р», «Некоторые треугольники равносторонны, некоторые нет».

Вот поэтому-то и можно сказать, что *логика понятия аналогична воображаемой логике»⁷⁵.*

Действительно ли закон исключенного третьего не имеет силы для суждения противоречия и акцидентальных суждений?⁷⁶

⁷⁴ Там же, стр. 42—43.

⁷⁵ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 234—235.

⁷⁶ О законе исключенного третьего см. нашу статью «Формально логическая и диалектическая постановка вопроса (к вопросу о законе исключенного третьего)». — Ученые записки Томского государственного университета, 1948, № 10.

Закон исключенного третьего основан на противопоставлении истины и лжи, утверждения и отрицания.

Это противопоставление действительно, но только в определенных пределах:

«Истина и заблуждение,— пишет Ф. Энгельс,— подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной»⁷⁷.

Закон исключенного третьего очень беден содержанием, он носит абстрактный характер, он рассматривает предмет только с одной стороны и т. д., но в своих пределах он верен.

Логический закон исключенного третьего только потому имеет значение, что он, как и все другие законы мышления, отражает определенную сторону объективного мира.

Диалектическая логика признает наряду с постановкой вопроса в форме «или—или» также правомерность в конкретных случаях постановки вопроса в форме «и — и».

Ф. Энгельс писал: «Для такой стадии развития естествознания, где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления. Диалектика, которая точно так же не знает *hard and fast lines* и безусловного, пригодного повсюду «или—или», которая переводит друг в друга неподвижные метафизические различия, признаёт в надлежащих случаях наряду с «или—или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности,— является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»⁷⁸.

Почему наряду с постановкой вопроса в форме «или—или» необходима и правомерна постановка вопроса в форме «и—и»? Потому, что предмет есть единство противоположностей, он многосторонен. Чтобы рассмотреть сущность предмета, надо рассматривать его не с какой-либо одной стороны, брать не какую-то одну противоположную сторону, а обе эти противоположности, в этом смысле мы и должны говорить «и то и другое», а в

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 92.

⁷⁸ Там же, стр. 527—528.

другом случае, в другом отношении только в форме «либо—либо».

Диалектическая логика применяет ту или другую формулу в зависимости от конкретных условий, но в основе как той, так и другой формулы лежит конкретный анализ конкретной ситуации, изучение характера противоречий и борьбы на данной стадии. Все зависит от условий, места и времени: в одних случаях ответ будет правильным, если он будет выражен в форме «или—или», а в другом в форме «и—и».

Конкретное диалектическое «или—или» коренным образом отличается от абстрактного формально-логического «или—или», оно есть диалектическое отрицание последнего. Диалектическое «или — или» — не просто отбрасывает формально-логическое «или—или», а преодолевает его абстрактность и ограниченность. Поэтому формально-логический закон исключенного третьего имеет значимость, но ограниченную. Он не неверен, как это думает Н. А. Васильев, а беден содержанием, абстрактен, неглубок. Поэтому критика формально-логического закона исключенного третьего диалектической логикой принципиально отличается от критики этого закона Н. А. Васильевым и другими буржуазными логиками, которые просто отбрасывают формально-логический закон исключенного третьего, доказывают его неистинность, отрицают возможность постановки вопроса в форме «или — или».

Некоторые логики в связи с тем, что в научном мышлении имеет место вероятное знание (суждение), полагают, что закон исключенного третьего тем самым уже опровергнут, ибо выходит, что между истинностью и ложностью существует нечто среднее: вероятность различной степени. Если может существовать логика с любым количеством значений и даже возможно построение логик с бесконечным числом логических значений, то закон исключенного третьего теряет свое значение.

Идея поливалентной логики не является новой. Н. А. Васильев уже высказывал ее, предполагая, что можно построить логические системы с любым числом значений. Он даже, как мы уже указали, сформулировал закон исключения формы $n + 1$ -й для логики с n -значениями.

На самом деле оперирование суждения с различной степенью вероятности не лишает закон исключенного третьего его значения в тех пределах, в которых этот закон применим.

б) Учение о силлогизме

Н. А. Васильев думал, что в связи с введением новой формы суждения — суждения противоречия произойдут изменения не только в учении о законах мышления, но подвергнется модификации учение об умозаключении, в частности учение о силлогизме. Он не сомневался в том, что сам силлогизм как фор-

ма мысли должен остаться в воображаемой логике, как остается и суждение, ибо возможность суждения и силлогизма как форма мышления основывается, по его мнению, на законах, входящих в обязательный минимум логического — на законах суждения и вывода, на законе недопустимости самопротиворечия (или, по терминологии Н. А. Васильева, законе абсолютного различия истины и лжи) и на законе достаточного основания. Эти законы имеют силу в любой логической системе, в том числе и в воображаемой логике. Однако число возможных модусов в различных фигурах силлогизма изменится в связи с введением нового суждения — суждения противоречия.

Правила первой фигуры силлогизма сохраняются: большая посылка должна быть общей, а меньшая утвердительной. Однако число модусов этой фигуры увеличится. К двум утвердительным и двум отрицательным модусам прибавится еще два, которые в заключение дают суждение противоречия. Один из двух новых модусов Н. А. Васильев называет общеиндифферентным (*Mindalin*), а другой — частноиндифферентным (*Kindirinp*). В общеиндифферентном модусе большая посылка и заключение будет общим суждением противоречия (по терминологии Васильева общеиндифферентным суждением), меньшая посылка — общеутвердительное суждение.

Формулу этого модуса можно представить следующим образом:

Все М суть и не суть Р зараз

Все S суть М

Все S суть и не суть Р зараз.

В частноиндифферентном модусе (*Kindirinp*) большая посылка — общеиндифферентное суждение, меньшая — частноутвердительное, а в заключение — частноиндифферентное суждение. Формулу этого модуса можно представить следующим образом:

Все М суть и не суть Р сразу

Некоторые S суть М

Некоторые S суть и не суть Р сразу.

Выводы по этим модусам настолько же обязательны, как и выводы по другим четырем модусам этой фигуры. Больше того, в самой структуре силлогизма не произошло никаких изменений. Если мы не признаем правильности выводов по этим двум модусам, то мы будем противоречить самим себе, что недопустимо ни в какой логической системе. Принимая большую посылку за истинную: «все М суть и не суть Р сразу», — мы должны считать истинным заключением «все S суть и не суть Р сразу», при условии, что все «S суть М». Если мы не признаем заключения, то мы нарушим закон недопустимости самопротиворечия (абсолютного отличия истины и лжи), одно и то же суждение «все М суть (не суть) Р зараз» в посылке будем считать истинным, а в заключении — ложным.

Вторая фигура не может дать, по мнению Н. А. Васильева, заключение в воображаемой логике:

*«Единственное, что можно вывести по 2-й фигуре в воображаемой логике, это только то, что заключение не может быть утвердительным»*⁷⁹.

Вторая фигура силлогизма не дает в воображаемой логике определенных выводов потому, что нельзя определенно решить вопрос, каким будет заключение: отрицательным или индифферентным. Однако все правила второй фигуры сохраняются: посылки по качеству должны быть разными, большая посылка должна быть общей, заключение не должно быть утвердительным (или отрицательное, или индифферентное).

В третьей фигуре к 6 модусам традиционной логики прибавляется три новых, которые можно получить, сделав большую посылку по качеству индифферентной:

1. Все М суть и не суть Р зараз.

Все М суть S

Некоторые S суть и не суть Р зараз.

2. Некоторые М суть и не суть Р зараз

Все М суть S

Некоторые S суть и не суть Р зараз.

3. Все М суть и не суть Р зараз

Некоторые М суть S

Некоторые S суть и не суть Р зараз.

Общее правило третьей фигуры — меньшая посылка должна быть утвердительной — сохраняется. Н. А. Васильев считает, что «различная судьба первой и третьей фигуры сравнительно со второй в воображаемой логике кажется нам лишним доказательством правильности той теории проф. Каринского⁸⁰, которая резко отделила выводы первой и третьей фигуры от выводов второй»⁸¹.

Действительно ли вышеприведенные модусы 1-й и 3-й фигур являются модусами воображаемой, а не действительной логики? В самом ли деле мы бракуем их, как это утверждает Н. А. Васильев, если они встречаются в нашем мышлении?

⁷⁹ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 228.

⁸⁰ М. И. Каринский в своей работе «Классификация выводов» (СПб., 1880) трактовал вывод как перенесение одного из основных элементов, установленного в процессе познания суждения, на соответствующее место в другом суждении «на основании некоторого отношения между остальными элементами обоих суждений». Все выводы делятся на две группы: а. Выводы положительные, или выводы реального тождества, основанные на сличении субъектов двух суждений (сюда принадлежат выводы первой и третьей фигуры силлогизма, полной и неполной индукции и т. д.).

б. Выводы отрицательные и гипотетические. К этой группе относятся выводы второй фигуры силлогизма и т. д.

⁸¹ Н. А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика, стр. 229.

На эти вопросы мы отвечаем отрицательно. Эти модусы не являются какими-либо новыми, не известными в аристотелевской логике модусами воображаемой логики, а обыкновенными модусами 1-й и 3-й фигур, структура заключения одна и та же, что в модусе *Mindalín*, что в модусе *Barbara*, разница только в содержании предиката большей посылки, а именно: в модусе *Mindalín* предикатом большей посылки является противоречие. Можно привести пример на этот модус силлогизма из нашей действительной логики:

Все тела, когда они движутся, одновременно находятся и не находятся в данной точке. Эта стрела есть тело, находящееся в движении. Значит, эта стрела одновременно находится и не находится в данной точке.

Вывод здесь, как и в любом силлогизме первой фигуры модуса *Barbara*, построен на принципе подчинения: все, что истинно относительно *M*, истинно и относительно *S*, входящего в *M*. Особенность этого силлогизма заключается в том, что предикат *P* является противоречием, но, как известно, ни одно правило силлогизма не оговаривает характер содержания посылок вообще и предиката в частности, важно то, что данный предикат принадлежит *M*, а значит он принадлежит и *S*, если *S* входит в *M*. Раз противоречие объективно существует в мире, то оно может быть предикатом суждения. Только метафизику Н. А. Васильеву противоречие кажется неестественным, воображаемым, а поэтому и логика противоречивого мира для него воображаемая логика.

Таким образом, Н. А. Васильев в своих работах по логике подошел к правильной постановке ряда важнейших проблем логики и в ряде пунктов справедливо критиковал старую традиционную логику, показав ограниченность, неспособность этой логики решить те проблемы, которые стоят перед ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

К разделу I

К статье 1. Статья составлена из двух статей. В качестве общего ее названия принято название второй статьи. Первая статья включена в виде параграфа (а). Она представляет собой доклад на Международном симпозиуме ЮНЕСКО, посвященном теме «В. И. Ленин и проблемы развития науки, культуры и образования» (Тампере, 1970 г.). Вторая статья, которую составляют параграфы (б) и (в), представляет собой доклад на научной конференции, посвященной теме «Ленинский этап в развитии марксистской философии» (Ленинград, 1969 г.). Тема этой конференции поставлена как название всего раздела I. Подзаголовки параграфов (а) и (б) введены редакцией.

К статье 2. Статья составлена из двух статей. Первая статья — параграфы (а), (б) и (в) — под заглавием «Современные проблемы диалектического материализма» опубликована в сборнике «Ленин и современная наука» (М., 1970, кн. I, стр. 208—225). Название сборника редакция поставила в начале нового названия всей статьи, добавив от себя ее конец. Подзаголовки параграфов принадлежат автору. Лишь в названии параграфа (в) редакция опустила слова «и совершенствование» после первого слова «обогащение». Вторая статья, включенная в виде параграфа (г), была опубликована под названием «К вопросу о противоречиях общественного развития» в сборнике «Вопросы теории в жизнь» (М., 1967, стр. 85—96).

Редакция сократила первые два слова в этом заглавии.

К статье 3. Статья под этим же названием опубликована в «Вопросах философии», 1970, № 4, стр. 44—54. В ее название только вставлено редакцией двоеточие.

К статье 4. Статья под этим же названием помещена в сб. «Против современной буржуазной философии» (М., 1963, стр. 5—31). В названии редакцией опущены два первых слова «О некоторых» и вместо «особенностях» поставлено «особенности». Разбивка статьи на параграфы произведена редакцией; ею же даны подзаголовки параграфам, взятые из текста самой статьи.

К разделу II

К статье 1. Статья под тем же названием опубликована в материалах ко Второму Всесоюзному совещанию по философским вопросам современного естествознания, посвященному 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (М., 1970, 44 стр.). Разбивка на параграфы произведена автором; подзаголовки даны им же.

К статье 2. Статья под тем же названием напечатана в «Вопросах философии», 1960, № 5, стр. 135—144. Разбивку на параграфы сделала редакция; подзаголовки даны ею же, они заимствованы из текста статьи.

К статье 3. Статья под этим же названием помещена в «Вопросах философии», 1964, № 3, стр. 59—68 с примечанием от редакции: «Статья пу-

бликуется в порядке обсуждения к предстоящему совещанию по философии». Разбивка на параграфы и их названия принадлежат редакции, но названия взяты из текста статьи.

К статье 4. Название статьи дано редакцией. Статья является соединением двух статей: первая в виде параграфа (а) под тем же названием была напечатана в «Вопросах философии», 1962, № 10, стр. 3—9. Вторая в сб. «Логика и методология науки» (М., 1967, стр. 9—15) напечатана под тем же названием (только вместо первых его слов «О направлениях» редакция поставила «Различные аспекты логики науки»).

К разделу III

К статье 1. Статья под названием «Логика научного познания» опубликована в «Вопросах философии», 1966, № 10, стр. 38—49. Разбивку на параграфы произвел автор, он же дал их подзаголовки. Новое, немного измененное название статьи дано редакцией. Изменен также немного авторский подзаголовок параграфа (в); первоначально он гласил «Задачи логики научного познания на современном этапе».

К статье 2. Статья состоит из трех статей, напечатанных в сб. «Проблемы мышления в современной науке» (М., 1964). Первая — параграф (а) — является введением в этот сборник (там же, стр. 3—13) и содержит ряд мест, опущенных редакцией, которые характеризуют весь данный сборник. Название этой статьи сделано названием всей объединенной статьи, а параграфу (а) дан редакцией новый подзаголовок, взятый из текста статьи. Точно так же из текста второй статьи (там же, стр. 174—180) редакция взяла подзаголовок параграфа (б), а из текста третьей статьи (там же, стр. 285—290) взят подзаголовок для параграфа (в).

К статье 3. Статья под этим названием помещена в «Вопросах философии», 1961, № 2, стр. 103—112. Разбивка статьи на параграфы и их подзаголовки принадлежит автору. Подзаголовок параграфа (б) сокращен: в оригинале после слов «машинное мышление» шли слова «результат практической и теоретической деятельности субъекта». Эти слова опущены редакцией.

К статье 4. Статья под таким же названием вышла в сб. «Вопросы теории познания», вып. 1 (М., 1969, стр. 8—30). Редакция подразделила ее на три параграфа, которым дала подзаголовки, взяв их из статьи. В качестве параграфа (г) присоединен обзор философских проблем языка, стоявших на XIV Международном философском конгрессе в Вене (1968 г.), напечатанный в сб. «Философия и современность» (М., 1971, стр. 187—204). Этому параграфу (г) редакция дала подзаголовок.

К статье 5. Статья представляет собой второй и третий разделы статьи «Природа суждения и формы выражения его в языке», опубликованной в сборнике «Мышление и язык» (М., 1957, стр. 276—351). Заглавие этого сборника взято редакцией в качестве названия всего раздела III. К статье редакцией сборника сделано примечание: «В порядке обсуждения автор пытается обосновать точку зрения, что вопрос и побуждение можно считать специфическими формами суждения». Название статьи здесь дано редакцией. Разбивка на параграфы сделана автором, ему же принадлежат их подзаголовки. В отличие от обычных параграфов в остальных статьях, оба параграфа этой статьи очень велики. Однако редакция не сочла возможным и целесообразным их деление на более дробные подпараграфы.

К разделу IV

К статье 1. Статья опубликована под тем же названием (опущены в нем лишь два первых слова «К вопросу») в «Вопросах философии» (1967, № 5, стр. 106—116). Деление на параграфы сделано редакцией, она же дала им подзаголовки, беря их из текста статьи.

К статье 2. Статья под этим же названием напечатана в «Вопросах философии» (1957, № 4, стр. 51—62). Разбивка статьи на параграфы и их подзаголовки принадлежат автору. Эпиграф взят из книги: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 20, стр. 555.

К статье 3. Статья помещена в «Вестнике Академии наук СССР» (1970, № 8, стр. 38—47) под тем же заголовком: редакция лишь сократила его, опустив его конец: «и ее значение для развития философии». Статья имела подзаголовок «К 200-летию со дня рождения Гегеля». Разбивка статьи на подразделы произведена автором; редакция же дала им названия, беря их из текста статьи.

К статье 4. Статья напечатана в сб. «Энгельс и современные проблемы философии марксизма» (М., 1971, стр. 11—38) под этим же названием, только в начале его вместо слов «концепция предмета» редакция поставила «Предмет». Разбивка на параграфы и их подзаголовки принадлежат автору.

К статье 5. Статья под этим названием помещена в «Вопросах философии» (1969, 4, стр. 123—133). Ее параграфы с (а) до (д) и их подзаголовки принадлежат автору. В качестве параграфа (е) присоединена статья «Философия в век науки и техники» — это название стало подзаголовком параграфа (е), опубликованного в «Литературной газете» 11 декабря 1968 г.

К разделу V

К статье 1. Статья представляет собой соединение трех статей, каждая из которых стала отдельным параграфом объединенной статьи. Первая из них — здесь она выступает под параграфом (а) — опубликована в сб. «Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии» (Киев, 1965, стр. 5—14). Ее первоначальное название гласило: «Развитие категорий диалектического материализма — важнейшее условие укрепления союза философии и естествознания». Из этого названия редакция взяла последние три слова в качестве заглавия раздела V. Эпиграф к ней взят автором из кн.: *В. И. Ленин. Полное собрание сочинений*, т. 18, стр. 265—266. Вторая статья, т. е. параграф (б), под названием «Ленинское определение материи и некоторые вопросы укрепления союза философии и естествознания», напечатана в сб. «Философские вопросы современной физики» (Киев, 1964, стр. 183—192). Третья статья, т. е. параграф (в) под этим же названием, опубликована в сб. «Пространство и время в современной физике» (Киев, 1968, стр. 5—12).

К статье 2. Статья под этим же названием опубликована в «Вопросах философии» (1955, № 4, стр. 29—40). Редакция лишь добавила к слову «эксперимент» слово «естественнонаучный». Разбивка на параграфы и их заглавия принадлежат автору.

К статье 3. Статья под тем же названием помещена в сб. «Человек и эпоха. Конгресс в Мехико» (М., 1964, стр. 181—195). Разбивка на параграфы сделана автором, он дал им и подзаголовки.

К статье 4. Статья под названием «Некоторые теоретические и практические вопросы развития конкретных социальных исследований» напечатана в сб. «Социальные проблемы экономической реформы». Конференция во Львове (Львов, 1967, стр. 60—75). Редакция опустила первые четыре слова в ее заглавии. Ей же принадлежит разбивка статьи на параграфы и их подзаголовки.

К разделу VI

Весь раздел представляет собой значительно сокращенный текст одной статьи, которая под заглавием «О логических воззрениях Н. А. Васильева. Из истории русской логики» была помещена в «Трудах Томского Гос. Университета» (т. 112, 1950, стр. 221—310). Разбивка всей этой большой статьи на отдельные статьи произведена редакцией.

К статье 1. Редакцией здесь объединены три первых параграфа (а), (б), и (в) общей статьи и к ним присоединен последний параграф (г), который находится в самом конце первоначальной статьи. Такую перестановку редакция сочла целесообразной потому, что тема «Неаристотелева логика и неевклидова геометрия» непосредственно примыкает к теме «Воображаемая (неаристотелева) логика». Название статьи дано редакцией и взято из названий ее параграфов (б), (в) и (г). Названия параграфов принадлежат автору.

К статье 2. Эта статья соответствует параграфу 4 первоначальной статьи. Ее заглавие принадлежит автору. Редакция разбила эту статью на параграфы и дала им подзаголовки.

К статье 3. Статья представляет собой параграф 5 первоначальной статьи. Ее заглавие, разбивка на параграфы и их подзаголовки принадлежат автору. Опущен лишь параграф «По крайней мере некоторые, или только некоторые?».

К статье 4. Статья включает в себя два параграфа (а) и (б) первоначальной статьи. Заглавие ее дано редакцией и взято из текста статьи, разбивка на параграфы и их подзаголовки принадлежат автору.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абстракция 102, 167
Антагонизм 38
Антропология 309—310
- Бытие 316
- Воображаемая (неаристотелева) логика 413—416
Вопрос 219—220, 226—227
Всеобщие законы развития 307
Выводное знание 153
- Гносеология 92, 139
Гуманитарное значение 103
- Дедукция 137, 158
— взаимосвязь дедукции и индукции 281—284
Детерминизм 16, 135
Диалектика 105, 117, 165, 285, 303
— ее ядро 35
— как метод научного мышления 30—31
— как орудие доказательства 116
— применение ее при анализе явлений действительности 34—35
— ее эвристическое значение 132—133
— гегелевское понимание диалектики 80, 292—296
Диалектическая логика 143, 424
— как логика противоречий действительности 10—11
— ее методы изучения явлений действительности 46
— как система законов и категорий, обобщающих опыт человеческого познания 54
— и научное исследование 131—139
— пути ее дальнейшего развития 50—55
Диалектический материализм 362, 425—426
— ленинская трактовка его 14—18
— ленинский подход к разработке материалистической диалектики 25—27
— наука о наиболее общих законах всякого развития 110
— как мировоззрение и идеология 305—313, 323—325
— как метод научного познания 105—113
— как логика 144
— его связь с теорией отражения 22—23
— его развитие путем обогащения законов и категорий диалектики 33—35
— его соответствие уровню современной практики и познания 23
— и методология современного научного знания 27—33
— его связь с другими отраслями научного знания 18—21
— и научно-техническая революция 27
— и революция в естествознании 13—14
— и гуманизм 21
Диалектический метод 53
Диалектическое противоречие
— противоречия общественного развития 35—41
— два типа диалектического противоречия 36
Дифференциация научного знания 101—102, 122—125
Догматизм 75
Доказательство 113—117
Долженствование 129
- Единства и борьбы противоположностей закон
— как ядро диалектики 35
— источник развития, самодвижения явлений действительности 35

- всеобщий закон развития природы общества и мышления 35
- критика буржуазно-реформистских и левооппортунистических точек зрения на этот закон 35—36

Идеальное 164

Идеология 311—315

Индукция 95, 158

Инструментализм 84

Интеграция знания 101—102, 122—125

Интуиция 20, 83, 124—125

Информация 164

Исключенного третьего закон 124

Исключенного четвертого закон 441—445

Искусственные языки 82

Истина 115, 117, 129

Исторический материализм 110—111, 396

История философии

— ее предмет 260—264

— виды историко-философского исследования 264—268

— и личность 308—311

Законы диалектики 110, 134

Законы мышления 151

Здравый смысл 83

Знак 199

Знание 194—198

— природа и особенности философского знания 318—377

Категориальный аппарат

— в домарксистской философии 31

— в диалектическом материализме 54

Категории 113, 133, 150, 202—203

— значение философских категорий для мышления 32

— их система 33

— гегелевская система категорий 33—34

— диалектики 158—159

Категории диалектического материализма 128, 338—346

— их непрерывное развитие 51

— их связь с понятиями и категориями других наук 52—53

Квадрат противоположностей 439—441

Кибернетика 71—73, 119—120, 163—164, 380, 385

Коммуникация 235—236

Конкретные социальные исследования

— их место в общей системе научного знания 396—402

— и социология 396

— и философия 399—400

— их методология и методика 400—401

— их организация 403

— их проблематика 403—404

Критика идеалистических философских концепций

— ленинские принципы критики враждебных философских концепций 56—65

— критика механизма 59—60, 66—67, 70

— критика неопозитивизма 62—63

— вскрывать связь идеализма с религией 63

— критика социальной сущности буржуазных философских систем 64

— критика мнимой беспартийности буржуазной философии 64

— особенности ленинской критики гносеологической сути враждебных концепций 65—71

— выявление их внутренней противоречивости 67

— отделять факты науки от реакционных гносеологических положений 72

Лингвистическая философия 81, 207—209

Логика 109

— ее место среди других наук 147

Логика доказательства 113—117

Логика открытия 113—115, 127, 137—138

Логика научного исследования 118—120

— направления в разработке логики науки 140—146

Логическая противоречивость 170—172

Логические машины 120, 185—186, 385

Логическое 125, 153

Марксизм 26—27

Математизация и формализация знания 83

Математическая логика 289

Материализм 11—13

Материалистическая диалектика

— как логика 42—48

— как метод и теория современного научного знания 80—87

Материальное и идеальное 178

Материя

— ленинское философское определение материи 347—352

Махизм 12
 Металогика 410—411
 Метафизика 21, 85, 174, 424—425
 Метафилософия 319
 «Машинное мышление» 184—188
 Метод
 — как аналог действительности 106
 — философский метод и методики частных наук 109—110
 — научного мышления 172—176
 — философский и специальные методы 173
 Методология 8
 — универсальность методологических положений марксистской философии 108
 Модель, моделирование 153, 182, 369, 370
 Мировоззрение 311
 Мысль 47
 Мышление 47, 106—107, 131—132, 173, 316, 328—329
 — как свойство высокоорганизованной материи 179
 — его категориальная природа 147—151
 — его понятийная основа 149
 — его содержание 160
 — современные задачи логики научного мышления 154—159
 — его общая природа 161
 — и отражаемый им объект 162—163
 — субъективный образ объективного мира 183
 — его связь с другими формами отражения 162
 — человек как субъект мышления 178—184
 — как активное, целенаправленное отражение действительности 165
 — его относительная самостоятельность 166—167
 — характер противоречий мышления 168—172
 — абсолютное и относительное в мышлении 170
 — абстрактное и конкретное в мышлении 171
 — и кибернетика 177—178

Натурфилософия 313—315, 339
 Науковедение 147
 Научная теория 129
 Научно-техническая революция 103
 — ее социальное значение 383—387
 — техника и духовные ценности человека 387—392

Неантагенистические противоречия 36, 37—40
 Неопозитивизм 81, 207, 361
 Неотомизм 93

Объективная истина 45
 Опыт и теоретическое мышление 83, 155—156
 Основной вопрос философии 306—307

Позитивизм 81, 126, 206
 Познание 28, 103
 — объективные основы метода познания 106—113
 — и исследование 121—122
 — управление процессом познания 131—132
 Понятие 91, 129—131, 202, 264—265
 — и орудия труда 148
 — как аппарат мышления 148
 — Аристотель о понятии 149
 — Кант о понятии 149
 — Гегель о понятии 149, 273—277
 — как результат обобщения познания мира и его преобразования 150

Практика
 — значение включения понятия «практика» в философию, в теорию познания 29
 — и ее связь с объективными законами природы и общества 30
 — и единство субъективной и объективной диалектики 94—100
 — как чувственно-материальная деятельность, направленная на изменение форм объективной действительности 98
 — как критерий истинности знания 99

Предложение 227
 — и суждение 230—253
 — словесное 233
 — классификация предложений 242
 — односоставное 243
 — безличное 245—247
 — члены предложения 249—250
 — неполное 251

Предположение 134

Проблема 134

Проблема человек — прибор — объект исследования 90—91

Противоречия закон 422, 425—426
 — в логике Н. А. Васильева 419—423

Психологическое направление в логике 407—409

Психология 163

Рассудочное знание 102

Самосознание 167

Семантика 210

Сенсуализм 196

Силлогизм 445—448

Синтез 158

Скачок 135

Созерцательный материализм 96

Союз философии и естествознания 338—346

Субстанция 96

Субъект и объект 97, 100, 168—169
— решение этой проблемы Гегелем 44

— марксистское решение этой проблемы 44—45

— активность субъекта и проблема объективности знания 87—94

Субъективная диалектика 160—168

Суждение

— суждение-сообщение 213

— вероятное 213—215

— достоверное 215—216

— и вопрос 216—218

— и вопросительное предложение 219

— суждение-побуждение 228—230

— и предложение 231—232

— психологическое суждение 232—233

— субъект и предикат суждения 237—238

— как форма существования предложения 238—240

— структура суждения и предложения 241

— в логике Гегеля 277—281

— в логике Н. А. Васильева 426—438

— противоречия 426—429

— неопределенное 429—439

Сциентизм 78—79

Теория 139

Теория материалистической диалектики 11

Теория отражения 180, 198

— без понятия отражения невозможна теория познания 28

— проблема социальности в процессе отражения 29

— и категория практики 29

— активность отражения человеком объективной реальности 100

Техника

— и человек 379—383

Тождество, совпадение диалектики, логики и теории познания 17—18, 107, 111

— в логике Гегеля 286—291

Треугольник противоположностей 439—441

Труд 193—194

Умозаключение 138—139

Факт 126—128, 177, 402—403

Феноменализм 407

Философия 104

— ее предмет и задачи 7, 16, 80, 342

— роль В. И. Ленина в развитии философии 7—14

— предмет и задачи философии в свете трудов Ф. Энгельса 297—305

— и революция в естествознании 12—13

— и единство научного знания 101—104

— и наука 77—80, 82—87

— и структурно-системный метод 32—33

— и логика 313—317

— особенности философского знания 319—322

— и пути движения философии к достижению истины 325—329

— в век науки и техники 331—337

— и естествознание 338—346

Философский ревизионизм 286

Формализация знания 119, 124—125, 174—175

Формализованный язык 154, 190—192

Формально-логический аппарат 123, 141—142

Формальная логика 19, 114, 118, 119, 174, 205, 317, 394

— как метод движения мысли к новым результатам 46

— она не является философским методом познания 46

— и язык 46

— и диалектика 47—48

— и революция в естествознании 50
— ее ограниченность 115

Формы мышления 151

— их диалектика в философии Гегеля 273—284

Частные методики 175—176

Чувственные образы 199

«Чистая логика» 406

Эксперимент 115

— его особенности как способа изучения явлений 363

- его преимущества перед обычным наблюдением 364
- и роль прибора 365
- мысленный 366
- как средство доказательства и развития научного знания 366—372
- как средство доказательства истины 369
- и гипотеза 370
- его знание в создании научной теории 372—378

- как специфическая форма познания 378
- Эмпирическая логика 413

Язык 252—253

- как форма бытия мышления 47
- и мышлению 189 293, 210
- и знание 193—199
- как философская проблема 204—212

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенариус Р. 60, 67
 Айер А. 69, 206, 207, 373
 Алексеев М. Н. 120, 143
 Аллен 371
 Анаксагор 265
 Аристотель 7, 31, 87, 124, 149, 151, 152, 189, 204, 269, 270, 271, 272, 277, 281, 283, 350, 414, 429
 Асмус В. Ф. 120, 256
 Ахундов М. Ф. 260

 Бартоли 368
 Башлар Г. 89
 Беккерель А. 372
 Белинский В. Г. 260, 267
 Бенеке 407
 Беркли Дж. 60, 70
 Богданов А. А. 60
 Богданов Б. В. 258
 Боголюбов Н. Н. 262
 Бор Н. 80, 85, 156, 192, 344
 Борн М. 156, 345
 Ботев Христо 260
 Бохенский И. 105
 Брентано 407
 Бриджмен 359, 360
 Бройль де Луи 156, 158
 Бруно Дж. 389
 Будде Е. Ф. 237
 Булаховский Л. А. 224, 230
 Буслаев Ф. 232, 233
 Бэкон Дж. 126, 127, 137
 Бэн А. 419

 Вавилов С. И. 366, 367
 Васильев Н. А. 124, 405—448
 Введенский А. И. 422, 423
 Веттер Г. 22, 61, 105, 106
 Вигнер Е. 94, 95, 96
 Вильсон 183, 365
 Винер Н. 385, 386
 Виноградов В. В. 216, 235, 236, 237, 238, 239, 241
 Витгенштейн Л. 207

 Вольф 419
 Вранецки П. 324, 325
 Вундт В. 246
 Вустер 370

 Гадамер С. 211, 212
 Галилей 80, 85, 389
 Гроади Р. 23
 Гегель Г. В. Ф. 7, 11, 17, 22, 38, 42, 43—46, 49, 54, 80, 85, 87, 88, 96, 97, 103, 174, 179, 204, 257, 264, 265, 269—296, 307—309, 311, 312, 315, 320, 342, 421, 422, 436
 Гейегер 183
 Гейзенберг В. 89, 90, 91, 156, 261, 262, 344, 345
 Гейнрихс Ю. 333, 334, 337
 Гераклит 31, 265, 350
 Гербарт И. Ф. 245, 408, 421
 Герц Г. 351
 Герцен А. И. 260
 Гершель В. 375
 Гоббс Т. 21, 85, 190, 204
 Гокиели Л. П. 419
 Готье И. 211, 212
 Гржегоржевский Л. Д. 220
 Гуляев А. Д. 405
 Гуссерль Э. 19, 406, 407, 408, 410, 411

 Дальтон Дж. 134
 Дарвин Ч. 80, 314
 Демокрит 31, 261, 262, 265, 306, 321, 338, 350
 Декарт Р. 80, 85, 126, 204, 320, 338
 Джордан 22
 Дицген И. 53
 Дмитриевский А. 237
 Добени 374
 Дробиш 421
 Дрэпер 374, 375, 376, 377
 Дьюи Д. 84
 Дюринг Е. 114, 300, 305

- Евклид 128, 415
 Жуковский Н. Е. 370
 Зигварт Х. 248, 407
 Ильенков Э. В. 171
 Иовчук М. Т. 256
 Каменский З. А. 256
 Кангра М. 298
 Кант И. 32, 43, 44, 59, 60, 92, 93, 149, 184, 196, 197, 200, 260, 269, 320, 338, 359, 367, 398, 406, 407, 411, 420, 421, 422, 423
 Каринский М. И. 405, 447
 Карнап Р. 226, 305
 Карпов В. Н. 225
 Карус 60
 Кассирер Э. 406
 Кедров Б. М. 175, 334
 Кёлер 115
 Кирпичев М. В. 369
 Клейн Д. 20
 Коген Г. 406
 Кожибский А. 209
 Конт О. 395
 Косс П. 180
 Коцюбинский М. 267
 Кьеркегор С. 285
 Лавуазье А. Л. 134
 Ламберт И. Г. 265
 Ламетри Ж. О. 86
 Лаплас Г. 85, 419
 Ларройо Ф. 379, 383, 384, 386
 Лебедев П. Н. 365, 368, 369, 376
 Лейбниц Г. В. 85, 190, 204, 262, 263, 265, 289
 Лейпунский А. И. 370, 371
 Ленин В. И. 7—18, 20, 22—27, 33, 35, 38, 40, 42—46, 48, 49, 51—55, 58—61, 63—67, 70, 72, 74, 76, 80, 86, 89, 97, 98, 100, 103, 105—107, 114, 116, 117, 136, 146, 162, 165, 170, 174, 179, 180, 183, 199, 228, 254, 257, 263, 271, 272, 283, 285, 286, 291, 296, 297, 298, 307, 313, 316, 317, 338, 343—349, 351, 353, 354, 364, 379, 395, 398, 409, 425
 Леся Украинка 260
 Лефевр Ж. 105
 Липпис Г. 407
 Лобачевский Н. И. 405, 414, 416, 418, 419
 Локк Дж. 85, 190, 197
 Лоренц Г. 372
 Лукасевич Я. 46
 Луллий Раймунд 137, 191
 Лысенко Т. Д. 361
 Майкелсон 372
 Максвелл Дж. К. 365, 368
 Мальцев В. И. 143
 Мамардашвили М. К. 256
 Мандл С. 207
 Маркс К. 7—12, 15—17, 19—21, 24, 27, 32, 35, 42, 45, 49, 51—54, 74, 88, 89, 102, 103, 117, 166, 182, 193, 194, 260, 272—274, 285, 286, 296, 297, 298, 299, 301, 307, 308, 309, 312, 313, 317, 319, 344, 364, 379, 381, 409
 Маритен Ж. 93
 Марр Н. Я. 248
 Марсель Г. 379, 387
 Марти 245
 Матвеевков И. 335
 Мах Э. 60, 67, 70, 358
 Мерло-Понти М. 78
 Мещанинов И. И. 249
 Мизес 214
 Микулинский С. Р. 147
 Милль Дж. С. 407
 Морлей 372
 Муньос-Алонсо 381, 390
 Мур Г. Э. 208
 Нарский И. С. 256
 Наторп П. 406
 Немчинов В. С. 252
 Николай Кузанский 85
 Ньютон И. 80, 85, 357
 Овсяннико-Куликовский Д. 233, 234
 Ойзерман Т. И. 320
 Остин Дж. Л. 208
 Павлов И. П. 80, 115
 Паули 370
 Пауль 231
 Петерсон М. Н. 219
 Петров М. К. 321
 Петрусенко А. Н. 347
 Пешковский А. М. 237
 Пиаже Ж. 78
 Пифагор 261, 262, 263
 Платон 22, 204, 261, 262, 263, 306, 359
 Плеханов Г. В. 12, 61, 76
 Попов П. С. 216, 243, 244, 245
 Попова И. А. 251
 Поппер К. 207
 Порецкий П. С. 495
 Потебня А. 232
 Пфедффер 377
 Райл Г. 208
 Рассел Б. 67, 68, 69, 332
 Резерфорд Э. 134
 Реймежер де Л. 379, 388, 389, 391

Рейхенбах Г. 214, 358, 359

Ровенский З. 181

Родный Н. И. 147

Ромбах Г. 333

Рутковский Л. В. 405

Садовский В. Н. 121

Сепир Э. 93, 219

Сковорода Г. 259

Спенсер Г. 407

Спиноза Б. 31, 85, 96, 97, 320

Стяжкин Н. И. 289

Таванец П. В. 141, 216, 228

Тейяр де Шарден 389

Тимирязев К. А. 373, 374, 375, 376,
377

Тренделенбург А. 245

Тугаринов В. П. 347

Уёмов А. И. 181

Уёмова Е. 181

Уорф 93, 210

Фок В. А. 88

Фома Аквинский 106

Фейербах Л. 21, 88, 308, 309, 320,
344

Франк Ф. 62, 63, 358, 359

Франко И. 260, 267

Фриз Я. Ф. 407

Хук С. 105, 106, 113

Чаадаев П. Я. 264

Чейз С. 252, 372

Черкесов В. И. 143

Чернышевский Н. Г. 260, 267

Чёрч А. 190

Шакк 390

Шафф А. 209

Шахматов А. А. 217, 230, 234, 235,
236, 242, 243

Шевченко Т. Г. 260, 267

Шопенгауэр А. 285

Штейнталь 231

Шуппе В. 60

Щедровицкий Г. П. 123

Эйлер Л. 265

Эйльштейн Е. 347

Эйнштейн А. 80, 85, 154, 156, 261,
355, 356, 357, 358, 359, 360, 361,
362, 372

Эллис 370

Энгельс Ф. 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17,
20, 21, 22, 27, 42, 43, 46, 54, 74,
86, 104, 106, 114, 117, 166, 173,
174, 179, 181, 183, 254, 269, 280,
285, 297, 298, 299, 300—317, 336,
339, 340, 342, 345, 351, 352, 355,
409, 431, 444

Эрдман Б. 407—411

Юм Д. 60, 70, 196, 197

Ягодинский И. И. 405

Якоби Ф. Г. 273

СОДЕРЖАНИЕ

От Института философии АН СССР

5

Раздел I

ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП

В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

1. Ленинский подход к разработке диалектического материализма	7
а) Роль В. И. Ленина в развитии философии	7
б) Ленинская трактовка вопросов диалектического материализма	14
в) Ленинское понимание связи философии с другими отраслями научного знания	18
г) Против попыток извратить философские идеи В. И. Ленина	22
2. Ленин и современная наука. Актуальные проблемы материалистической диалектики	24
а) Ленинский подход к разработке материалистической диалектики	25
б) Диалектический материализм — методология современного научного познания	27
в) Обогащение законов и категорий — магистральный путь развития материалистической диалектики	33
г) О противоречиях общественного развития	35
3. В. И. Ленин, логика, наука	42
а) Почему диалектика является и логикой?	42
б) Как разрабатывать дальше материалистическую диалектику как логику и теорию познания марксизма?	48
4. Особенности ленинского метода критики идеалистических философских концепций	56
а) Четыре положения ленинской критики враждебных философских концепций	56
б) Особенности ленинской критики гносеологической сути враждебных концепций	65
в) Необходимость строгого следования ленинскому методу критики	71

Раздел II

ВОПРОСЫ ГНОСЕОЛОГИИ

И ЛОГИКИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Марксистско-ленинская теория познания и современная наука.	77
а) Философия и наука	77
б) Материалистическая диалектика как метод и теория современного научного знания	80
в) Активность субъекта и проблема объективности знания	87
г) Проблема практики и единство субъективной и объективной диалектики	94
д) Философия и единство научного знания	101

2. Марксистская философия как метод научного познания	105
а) Объективные основы метода познания	106
б) Логика открытия и логика доказательства	113
3. Логика научного исследования и ее основные понятия	118
а) Понятие «логики научного исследования»	118
б) Дифференциация и интеграция научного знания	122
в) Анализ понятий, связанных с логикой научного исследования	125
4. Различные аспекты логики науки .	131
а) Диалектическая логика и научное исследование	131
б) Различные направления в разработке логики науки	140

Раздел III

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

1. Научное мышление и его логика	147
а) Категориальная природа человеческого мышления	147
б) Логика — канон или органон мышления?	151
в) Современные задачи логики научного мышления	154
2. Понятие мышления. Метод мышления. Движение мышления	160
а) Субъективная диалектика как отражение объективной диалектики	160
б) Характер противоречий, возникающих в мышлении	168
в) О методе научного мышления	172
3. Понятие мышления и кибернетика	177
а) Человек как субъект мышления	178
б) «Машинное мышление» — орудие дальнейшего развития мышления	184
4. Анализ языка как логико-гносеологическая проблема	189
а) Проблема: язык и мышление	189
б) Проблема: знание и язык	193
в) Проблема: истолкование знания и язык науки	199
г) Проблема языка как философская проблема	204
5. Суждение и формы выражения его в языке .	213
а) Три основных вида суждения и их специфические особенности.	213
б) Суждение и предложение	230

Раздел IV

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. О ПРЕДМЕТЕ ФИЛОСОФИИ

1. О методе историко-философского исследования	254
а) Различные аспекты истории философии	254
б) Предмет философии как предмет ее истории. Две формы его исследования	260
2. Диалектика форм мышления в философии Гегеля	269
а) Логика Гегеля и логика Аристотеля	269
б) Проблема понятия в логике Гегеля	273
в) Гегель о развитии форм суждения	277
г) Гегель о взаимоотношении индукции и дедукции	281

3. Гегелевская идея о совпадении диалектики, логики и теории познания	285
а) Гегель о диалектике как логике и гносеологии	286
б) Гегелевское понимание диалектики	292
4. Предмет и задачи философии в свете трудов Энгельса	297
а) Возможна ли и что собой представляет научная философия?	298
б) Марксистская философия как мировоззрение и идеология	305
в) Философия и логика	313
5. О природе и особенностях философского знания	318
а) Философия, познай самое себя!	318
б) Откуда происходит особенность философии?	319
в) Марксистско-ленинская философия — научное мировоззрение	323
г) Изучать пути движения философии к достижению истины	325
д) Философия — знание или убеждение?	329
е) Философия в век науки и техники	331

Раздел V

ФИЛОСОФИЯ. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ТЕХНИКА. ОБЩЕСТВО

1. Философия и естествознание .	338
а) Развитие категорий диалектического материализма — условие укрепления союза философии и естествознания	338
б) В защиту ленинского философского определения материи	347
в) Теоретические построения Альберта Эйнштейна и современная философия	355
2. Естественнаучный эксперимент и его роль в познании . .	363
а) Особенности эксперимента как способа изучения явлений	363
б) Эксперимент как средство доказательства и развития научного знания	366
в) Значение эксперимента в создании научных теорий	372
3. Человек и техника .	379
а) Человек и машина как теоретико-познавательная проблема	379
б) Социальное значение научно-технической революции	383
в) Техника и духовные ценности человека	387
4. Вопросы развития конкретных социальных исследований	393
а) К истории вопроса	393
б) Место конкретных социальных исследований в общей системе научного знания	396

Раздел VI

ИЗ ИСТОРИИ ЛОГИКИ В РОССИИ

О логических воззрениях Н. А. Васильева	405
1. Логика аристотелева и неаристотелева .	405
а) Абсолютны или относительны законы логики .	405
б) Металогика и эмпирическая (аристотелева) логика	410
в) Воображаемая (неаристотелева) логика	413
г) Неаристотелева логика и неевклидова геометрия	416
	463

2. Закон противоречия. Последовательность и истинность мышления	419
а) К истории вопроса	419
б) Взгляды Н. А. Васильева и их критика с позиций диалектической логики	423
3. Проблема существа и классификации суждений в логике Н. А. Васильева	426
а) Суждение противоречия	426
б) Неопределенное суждение	429
в) Акцидентальное суждение	434
г) Квадрат или треугольник противоположностей?	439
4. Следствия, вытекающие у Н. А. Васильева из его понимания проблемы суждения	441
а) Закон исключенного четвертого	441
б) Учение о силлогизме	445
Примечания	449
Предметный указатель	453
Указатель имен	458

Павел Васильевич Копнин
Диалектика, логика, наука

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор *Н. И. Кондаков*. Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *В. А. Григорьева*

Сдано в набор 21/V 1973 г. Подписано к печати 13/IX 1973 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 29. Уч.-изд. л. 32,8.
Тираж 18 000. Т-11783. Тип. зак. 2318. Цена 2 р. 32 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10